

ИНОХОДЬ

Весь сборник произведений

Александр Костюнин

2016 год

Сборник произведений «Иноходь» — главный результат моей жизни за пятьдесят лет.
Моя биография...

Александр Костюнин

член Союза писателей РФ,
фотохудожник

Содержание

В купели белой ночи (ISBN 978-5-7378-0084-0)	3
---	----------

Благодатная купель	
Рукавичка (Рассказ)	
Орфей и Прима (Рассказ)	
Танина ламба (Рассказ)	
Жор глубинной щуки (Рассказ)	
Офицер запаса (Афганские очерки)	
• Айбак	
• Фархад	
• Глаша	
• Афганская ёлка	
• Офицер запаса	
• Историческая справка	
• Вместо послесловия	
Колежма (Рассказ)	
Вальс под гитару (Рассказ)	
Сплетение душ (Повесть-хроника)	
• Пролог	
• По собственному следу	
• Утка с яблоками	
• Эпилог	
Земное притяжение (Эссе)	
• Волшебные стёклышки	
• Сострадание	
• Любовь	
• Деньги	
• Государство	
• Насилие	
• Вера	
• Проповедь, воспринятая сердцем	
Вместо послесловия	

*

Ковчег души (ISBN 978-5-7378-0094-9)	131
---	------------

Свежести	
От автора	
Совёнок (Рассказ)	
Двор на Тринадцатом (повествование в рассказах)	
• Когда уходит детство	
• Воздушный змей	
• Три аккорда	
• Проводы	
• Младший брат	
• Вместо послесловия	
Баян (Рассказ)	
Нытик (Рассказ)	
Полёт летучей мыши (Рассказ)	
Математическое ожидание (Фантастическая сказка по мотивам романа Евгения Замятина)	

Таинство (Эссе)
К читателям
За скобками

*

Поморские заметки

Пёрышки (Методика поиска себя)
Вешки (Поморские заметки)

*

Переярки (Морская песнь песней)
Кизяки (Заметки в формате 5D)
Капитанская дочка (Рассказ)
Парикмахерша (Ода)
Приметы времени (Скрип)
Наша Аляска (Шамканье)
Радуга
Сценарий

*

Публицистика

Литература факта

Официальное предупреждение
Моё знакомство с Вячеславом Тихоновым
Русское слово — связующая нить времён
Когда расступаются облака
Десять дней, которые упрочили мир

*

Оборонно-промышленные заметки

От автора
Своим оборонка «плечи не тянет»!
Российская оборонка против «контрольного выстрела»
К вопросу о национальной идее России
Праздник 4 ноября: раньше — подвиг, сегодня — норма
Советник Президента России по обороне едет на «Авангард»
Оборонный завод направил Президенту России благодарственное письмо
Карелия финская и наша
Наука — управлять!
Жив ли русский медведь?
Где находится выключатель у русского «Чудо-оружия»?
Сергей Миронов и честное слово «Авангарда»
Если завтра война...

*

В купели белой НОЧИ

Произведение в формате PDF с иллюстрациями вы можете скачать
на авторском сайте: <http://kostjunin.ru>

Выражаю искреннюю признательность Его Высокопреосвященству
Архиепископу Петрозаводскому и Карельскому Мануилу
за духовную поддержку и православные наущения

Благодатная купель

Когда я впервые заочно познакомился с творчеством и личностью Александра Костюнина, я был буквально покорен гармонической цельностью и лирической мощью этого ранее не знакомого мне писателя.

«В купели белой ночи» — на редкость мастеровитая, исповедально честная, ладная книга, светлая и звонкая, несмотря на безоглядно смелую, вплоть до элементов натурализма, манеру делиться с читателем не только драматическими, но и трагическими жизненными коллизиями в социуме малочисленного карельского народа, брошенного в пекло революционных потрясений, гражданской и Второй мировой войны, репрессий, ссылок и гонений.

Александр Костюнин блестяще владеет русским языком не только в качестве инструмента для строительства своего деревянного храма без единого гвоздя, святилища северной чистой природы, но и как самим строительным материалом для возведения безукоризненно стройного, устремлённого к небесам культового сооружения Духа и тела, омытого «В купели белой ночи». Какова же архитектура этой выдающейся книги, что волнует, тревожит, печалит и радует молодого автора?

Книга построена со счастливой моцартовской лёгкостью, кажущейся импровизационностью структуры, за которой выстраданная авторская гражданственная позиция.

Уже первое произведение сборника, подобно камертону, задаёт стилистический тон всего последующего изложения авторских мыслей и дум, такой небольшой — двести страниц — но столь интеллектуально и эмоционально насыщенной книге... «Рукавичка» — пронзительный, щемящий душу короткий рассказ с глубоким психологическим, нравственным подтекстом. «Рукавичка» — это, на мой взгляд, классика самоучителя нравственности в безнравственную эпоху всеобщего одичания!

Казалось бы, что можно сказать нового в этнографически-анималистическом жанре после Аксакова, Бунина, Куприна, Пришвина? В русской традиции — пристальное сочувственное внимание к «братьям нашим меньшим», ко всем этим Изумрудам, Холстомерам, Каштанкам и Бимам Чёрное ухо. Однако Костюнина не смутило наличие в русской литературе шедевров «звериного стиля», и он нашёл свои слова, свои подходы к вечной теме воспевания русской природы во всех её проявлениях и ипостасях. Какие сочные, незаёмные, с глубоким знанием дела и экспрессией написанные пейзажи и сцены псовой охоты в «Орфее и Приме», какое вакхическое живописание неодолимой силы любви в извечной борьбе Эроса и Танатоса, памяти и забвения! Поистине шекспировские страсти и трагедии в сценах любви Орфея и Примы и гибели их щенят, и неслучайно такое высокое элегическое звучание приобретают заключительные слова рассказа: «С тех пор я не охотился с гончими. Но странное дело: всякий раз, когда мне случается читать или слышать про созвездие Гончих Псов, я невольно вспоминаю Орфея и Приму — русских гончих, страстью которых торговали под заказ. Не ведал я тогда, что Звёзды не продаются! Звёзды светят всем одинаково».

В «Таниной ламбе» та же стихийная мощь любви передаётся через весенние игры щук и тетеревов, чибисов и чирков, случайных попутчиков и попутчиц... Надо отдать должное умению автора целомудренно описывать самое рискованное и фривольное, приобщая читателя к своему пониманию стихийного весеннего разгула: «Пора весеннего хмельного буйства закончилась. Капли сладкого берёзового сока загустели и высохли. До новой весны!»

Великолепен рассказ «Жор глубинной щуки». Он натуралистически достоверен и мистически озарён, где-то перекликаясь со «Стариком и морем» Хемингуэя. Не могу удержаться от искушения процитировать концовку этого рассказа (вообще надо сказать, что Костюнин — мастер афористических концовок): «В тростнике раздался всплеск. Кольцами по воде пошли, затухая, круги. Вот — щука жорится. Она хватает ту рыбёшку, что помельче, а мы — её и друг друга. Недружно затаили песни лесные птицы, выражая своё восхищение новым днём, восхваляя трелями дивное устройство жизни. Им неведом иной мир. Они поют — потому что любят мир этот. Любят таким, какой он есть, и делают своим пением его краше».

Рассказ «Колежма». Онежская губа Белого моря. Сколько нового, экзотического для жителя среднерусской равнины в этом рассказе, сколько новых слов, выражений исконно северных, как очеловечена природа, которую писатель не просто досконально знает, но и по-настоящему любит! И она, мне думается, отвечает ему взаимностью: «Он уважает Море, но оно

само на посылках. Жизнь или студёный ад — определяет Высшая Сила. И сейчас общая мера содеянного добра и зла — на весах...» Так фаталистически (а может, скорее пантеистически) заканчивается этот рассказ, обогативший читателя и потаёнными северными жемчужинами русского языка поморского диалекта («Порато хоцю Ваську увидеть, на беду об ём скуцяю»), и притчевой мифологичностью, и первозданной красотой Онежских шхер...

Несомненно, удалась автору и повесть «Сплетение душ» — о супружеской и родительской любви. Композиционный приём здесь не нов, жанр эпистолярный, это как бы переключка во времени двух рукописей, обнаруженных в заброшенном родительском доме: «По собственному следу» — отца и «Утка с яблоками» — матери. Умная, горькая, честная повесть, написанная, как говорится, кровью сердца. Язык пластичен и фактурен, мысль несуетно глубока, печаль светла и возвышенна... Вот как заканчивается эта повесть жизни — горько и оптимистично: «В сенях лестница на чердак, часть ступенек истлела, осторожно поднимаюсь. Смотрю: крыша в одном месте совсем прохудилась, луч света через прореху падает на зелёный кустик. Берёзка с рябинкой растут. Уже на метр поднялись. Сами ярко освещены, а вокруг терпкий чердачный мрак. Тихо. Таинственно. Как перед службой в церкви. Пылинки млечным звездопадом выются в солнечном конусе света... Раньше чердаки густо засыпали землёй — вот и прижились два зёрнышка, занесённые сюда ветром. Дождик их напоил, солнышко осветило и обогрело. Тянутся деревца вверх, не сдаются. Переплелись ветвями, в обнимку, словно отец с матерью.

Погибнут они здесь! Милые, родные мои, возьму вас с собой, прямо как есть, не разлучая!

Свежее дыхание ветерка и радостный шелест листы — в ответ...»

Думаю, что пространная эта цитата как нельзя лучше подтвердит мой окончательный вердикт — перед нами многообещающий русский писатель! Восходящая северная звезда!

Завидую тем, кто сейчас впервые познакомится с его творчеством!

Бояринов Владимир Георгиевич

поэт,
лауреат премии им. Ф.И. Тютчева,
Заслуженный работник культуры РФ

Рукавичка

Православному священнику Вейкко Пурмонену

...Когда же настало утро, все первосвященники и старейшины народа имели совещание об Иисусе, чтобы предать Его смерти; и, связав Его, отвели и предали Его Понтию Пилату, правителю.

Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осуждён, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? Смотри сам.

И, бросив сребреники в храме, он вышел, пошёл и удавился.

Евангелие от Матфея

Нельзя сказать, чтобы я часто вспоминал школу. Мысли о ней, как далёкое, отстранённое событие какой-то совсем другой жизни, пробивались с трудом.

Я не был отличником — хорошие отметки со мной не водились.

Сейчас понимаю: могло быть и хуже. В пять лет, всего за два года до школы, я вообще не говорил по-русски. Родным для меня был язык карельский. Дома и во дворе общались только на нём.

Десятилетняя школа была тем первым высоким порогом, за которым и жаждал я увидеть жизнь новую, яркую, возвышенную. Заливистый школьный звонок, свой собственный портфель, тетрадки, первые книжки, рассказы о неизведанном, мальчишеские забавы после уроков — всё это, словно настезь распахнутые ворота сеного сарая, манило меня на простор. При чём здесь отметки?

Тридцать лет прошло.

Повседневные заботы, реже радости полупрозрачной дымкой затягивают детство. Годы наслаиваются как-то незаметно, точно древесные кольца. С каждым новым слоем вроде бы ничего не меняется, а разглядеть глубь труднее. И только причудливым капом на гладком стволе памяти, ядовитым грибом или лечебной чагой выступают из прошлого лица, события, символы...

Не знаю, почему уж так сложилось, но ярче всего из школьных лет запомнился мне случай с рукавичкой.

Мы учились в первом классе.

Алла Ивановна Гришина, наша первая учительница, повела нас на экскурсию в кабинет уроков труда. Девчонки проходили там домоводство: учились шить, вязать. Это не считалось пустым занятием. Купить одежду точно в свой размер было нелегко. Перешивали или донашивали оставшееся от старших. Жили все тогда туго. Бедовали. Способность мастерить ценилась.

Как стайка взъерошенных воробьёв, мы, смущаясь и неловко суетясь, расселись по партам. Сидим тихо, пилькаем глазёнками.

Учительница по домоводству сначала рассказала нам о своём предмете, поясняя при необходимости на карельском, а затем пустила по партам оформленные альбомы с лучшими образцами детских работ.

Там были шитые и вязаные носочки, рукавички, шапочки, шарфики, платица, брючки. Всё это кукольного размера, даже новорождённому младенцу было бы мало. Я не раз видел, как мать за швейной машинкой зимними вечерами ладила нам обнову, но это было совсем не то...

Мы, нетерпеливо перегибаясь через чужую голову, разглядывали это чудо с завистью, пока оно на соседней парте, и с удовольствием, сколь можно дольше, на полных правах рассматривали диковинку, когда она попадала нам в руки.

Звонок прогремел резко. Нежданно.

Урок закончился.

Оглядываясь на альбом, мы в полном замешательстве покинули класс.

Прошла перемена, и начался следующий урок. Достаём учебники. Ноги ещё не остановились. Ещё скачут. Голова следом. Усаживаемся поудобнее. Затихающим эхом ниспадают до шёпота фразы. Алла Ивановна степенно встаёт из-за учительского стола, подходит к доске и берёт кусочек мела. Пробует писать. Мел крошится. Белые хрупкие кусочки мелкой пылью струятся из-под руки.

Вдруг дверь в класс резко распахивается. К нам не заходит — вбегает — учительница домоводства. Причёска сбита набок. На лице красные пятна.

— Ребята, пропала рукавичка! — и, не дав никому опомниться, выпалила: — Взял кто-то из вас...

Для наглядности она резко выдернула из-за спины альбом с образцами и, широко раскрыв, подняла его над головой. Страничка была пустая. На том месте, где недавно жил крохотный пушистый комочек, я это хорошо запомнил, сейчас торчал только короткий обрывок чёрной нитки.

Повисла недобрая пауза. Алла Ивановна цепким взглядом прошлась по каждому и стала по очереди опрашивать.

— Кондроева?

— Гусев?

— Ретукина?

— Яковлев?

Очередь дошла до меня... Двинулась дальше.

Ребята, робея, вставали из-за парты и, понурив голову, выдавливали одно и то же: «Я не брал, Алла Ивановна».

— Так, хорошо, — зло процедила наша учительница, — мы всё равно найдём. Идите сюда, по одному. Кондроева! С портфелем, с портфелем...

Светка Кондроева, вернувшись к парте, подняла с пола свой ранец. Цепляясь лямками за выступы, не мигая уставившись на учительницу, она безвольно стала к ней приближаться.

— Живей давай! Как совершать преступление, так вы герои. Умейте отвечать.

Алла Ивановна взяла из рук Светки портфель, резко перевернула его, подняла вверх и сильно трянула. На учительский стол посыпались тетрадки, учебники. Резкими щелчками застрекотали соскользнувшие на пол карандаши. А цепкие пальцы Аллы Ивановны портфель всё трясли и трясли.

Выпала кукла. Уткнувшись носом в груды учебников, она застыла в неловкой позе.

— Ха, вот дура! — засмеялся Лёха Силин. — Ляльку в школу притащила.

Кондроева, опустив голову, молча плакала.

Учительница по домоводству брезгливо перебрала нехитрый скарб. Ничего не нашла.

— Раздевайся! — хлётко скомандовала Алла Ивановна.

Светка безропотно начала стягивать штопаную кофточку. Слёзы крупными непослушными каплями скатывались из её опухших глаз. Поминутно всхлипывая, она откидывала с лица косички. Присев на корточки, развязала шнурки башмачков и, поднявшись, по очереди стащила их. Бежевые трикотажные колготки оказались с дыркой. Розовый Светкин пальчик непослушно торчал, выставив себя напоказ всему, казалось, миру. Вот уже снята и юбочка. Спущены колготки. Белая майка с отвисшими лямками.

Светка стояла босая на затоптанном школьном полу перед всем классом и, не в силах успокоить свои руки, теребила в смущении байковые панталончики.

Нательный алюминиевый крестик на холщовой нитке маятником покачивался на её детской шейке.

— Это что ещё такое? — тыкая пальцем в крест, возмутилась классная. — Чтобы не смела в школу носить. Одевайся. Следующий!

Кондроева, шлёпая босыми ножками, собрала рассыпанные карандаши, торопливо сложила в портфель учебники, скомкала одежонку и, прижав к груди куклу, пошла на цыпочках к своей парте.

Ребят раздевали до трусов одного за другим. По очереди обыскивали. Больше никто не плакал. Все затравленно молчали, исполняя отрывистые команды.

Моя очередь приближалась. Впереди двое.

Сейчас трясли Юрку Гурова. Наши дома стояли рядом. Юрка был из большой семьи, кроме него ещё три брата и две младшие сестры. Отец у него крепко пил, и Юрка частенько, по соседски, спасался у нас.

Портфель у него был без ручки, и он нёс его к учительскому столу, зажав под мышкой. Неопрятные тетрадки и всего один учебник — вылетели на учительский стол. Юрка стал раздеваться. Снял свитер, не развязывая шнурков, стащил стоптанные ботинки, затем носки и, неожиданно остановившись, разревелся в голос.

Аллавановна стала насильно вытряхивать его из майки, и тут на пол выпала... маленькая... синяя... рукавичка.

— Как она у тебя оказалась? Как?! — зло допытывалась Алла Ивановна, наклонившись прямо к Юркиному лицу. — Как?! Отвечай!..

— Миня эн тийе! Миня эн тийе! Миня эн тийе... — лепетал запуганный Юрка, от волнения перейдя на карельский язык.

— А, не знаешь?! Ты не знаешь?! Ну, так я знаю! Ты украл её. Вор!

Юркины губы мелко дрожали. Он старался не смотреть на нас.

Класс напряжённо молчал.

Мы вместе учились до восьмого класса. Больше Юрка в школе никогда ничего не крал, но это уже не имело значения. «Вор» — раскалённым тавром было навеки поставлено деревней на нём и на всей его семье. Можно смело сказать, что восемь школьных лет обернулись для него тюремным сроком.

Он стал изгоем.

Никто из старших братьев никогда не приходил в класс и не защищал его. И он никому сдачи дать не мог. Он был всегда один. Юрку не били. Его по-человечески унижали.

Плюнуть в Юркину кружку с компотом, высыпать вещи из портфеля в холодную осеннюю лужу, закинуть шапку в огород — считалось подвигом. Все задорно смеялись. Я не отставал от других. Биологическая потребность возвыситься над слабым брала верх.

Роковые девяностые годы стали для всей России тяжёлым испытанием. Замолкали целые города, останавливались заводы, закрывались фабрики и совхозы.

Люди, как крысы в бочке, зверели, вырывая пайку друг у друга. Безысходность топили в палёном спирте.

Воровство крутой высокой волной накрыло карельские деревни и сёла. Уносили последнее: ночами выкапывали картошку на огородах, тащили продукты из погребов. Квашеную капусту, банки с вареньем и овощами, заготовленную до следующего урожая свёклу и репу — всё выгребали подчистую.

Многие семьи зимовать оставались ни с чем. Милиция бездействовала.

У Чуковского в сказке, если бы не помощь из-за синих гор, все звери в страхе дрожали бы перед Тараканищем ещё и сейчас. Здесь же воров решили наказать судом своим. Не стали ждать «спасителя-воробья». Терпению односельчан пришёл конец.

...Разбитый совхозный «пазик», тяжело буксуя в рыхлом снегу, сначала передвигался по селу от логова одного вора к другому, а потом выехал на просёлочную дорогу. Семеро крепких мужиков, покачиваясь в такт ухабам, агрессивно молчали. Парок от ровного дыхания бойко курился в промозглом воздухе салона. На металлическом, с блестящими залысинами полу уже елозили задом по ледяной корке местные воруны. Кто в нашей деревне не знал их по именам? Их было пятеро: Лёха Силин, Каредь, Зыка, Петька Колчин и Юрка Гуров — это они на протяжении последних восьми лет безнаказанно тянули у односельчан последнее. Не догадывалась об этом только милиция.

Руки не связывали — куда денутся? Взяли их легко, не дав опомниться. Да и момент подгадали удачно — в полдень. После ночной «работы» самый сон.

«Пазик», урча, направился за село, по лесной просёлочной дороге. В пути молчали. Каждый сам в себе. Всё было понятно без слов. Ни в прокуроры, ни в адвокаты никто не рвался.

Дорога шла прямо по берегу лесного озера Кодаярви. На пятом километре остановились. Двигатель заглушили. Вытолкнули «гостей» на снег. Дали две пешни и приказали рубить по очереди прорубь.

Снежные тучи тяжело напоздали на нас. Солнце скрылось. Поднялся ветер. Завьюжило. Мороз к вечеру стал пощипывать. Топить воров никто не собирался, а хорошенько проучить их следовало. Есть случаи, в которых деликатность неуместна, хуже грубости.

...В совхозном гараже мы распилили две бутылки прямо из горлышка. Стоя. Кусок чёрствого ржаного хлеба был один на всех. Мы пили за победу над злом.

Я этим же вечером уехал в город, а наутро из деревни позвонили: Юра Гуров у себя в сарае повесился.

Если бы не этот звонок, я бы, наверное, так и не вспомнил про синюю рукавичку.

Чудодейственным образом отчётливо, как наяву, я увидел плачущего Юрку, маленького, беззащитного, с трясущимися губами, переступающего босыми ножонками на холодном полу...

Его жалобное: «Миня эн тийе! Миня эн тийе! Миня эн тийе!» — оглушило меня.

Я остро, до боли, вспомнил библейский сюжет: Иисус не просто от начала знал, кто предаст Его. Только когда Наставник, обмакнув кусок хлеба в вино, подал Иуде, только «после сего куска и вошёл в Иуду сатана». На профессиональном милицейском жаргоне это называется «подстава».

Юрка, Юрка... твоя судьба для меня — укор... И чувство вины растёт.

Что-то провернулось в моей душе. Заньло.

Но заглушать эту боль я почему-то не хочу...

...На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии.

Евангелие от Луки

*

Карелия, с. Вешкелица, 2006 год

Орфей и Прима

Моей дочери Катерине

*... Охота зело добрая потеха,
её же не одолеют печали и кручины всякие.*

Урядник сокольничья пути

Объявление гарантировало «получение удовольствия от коммерческой охоты на зайца-беляка с русскими гончими». Поехал наудачу, заранее не условившись ни с кем. Лишь подгадал время года, самый конец октября, да свободные дни. Остальное решают деньги.

Путь предстоял неблизкий — в Заонежье.

С обеда морозец спал. Повернуло к теплу. И всё вокруг накрыло мелким зябким дождём, на грани снега. Короток осенний день. Уже в сумерках добрался я до охотничьей базы.

Егерь, крепкий мужик лет пятидесяти, встретил сухо.

Мы познакомились. Николай Фомич, выслушав мои пожелания, нахмурился.

— Саша, не получится завтра съездить. Собаки устали. Двое суток подряд на гону. Заменить некем. Выжловка, — он указал на брюхатую русскую гончую, — сам видишь...

Приму, досужую, лучшую суку Николая, весной, в период пустовки, «не задержали». И теперь, в разгар охоты на зайцев, — ей цениться. В итоге выжлецы-однопомётники, Орфей и Гром, остались без подмены.

Но сука, похоже, не считала себя виноватой. Что ей до прибыли, до репутации хозяина и сорванных контрактов... Она с достоинством, трепетно несла свой заветный груз, переходя от одной прихваченной первым морозцем лужи к другой. Сосредоточенно, подолгу, принюхивалась к бурым клочкам пожухлой травы. Изредка ложилась на землю, прикрыв глаза. Вся в себе. Набухшие розовые соски её томились.

— Нет, не получится выехать, — твёрдо отрезал егерь. — Тропа эти дни была жёсткой. У выжлецов все лапы сбиты в кровь. Их утром не поднять.

Дождь неприятной, как слова егеря, студёной струйкой скатился мне за воротник.

«Торгуется», — сообразил я и предложил тройную цену.

Фомич отвёл глаза.

— Ну, всё одно, пойдём в дом. Ужинать пора. Да и ночевать тебе придётся здесь.

Я молча двинулся за ним.

Аромат жаркого из зайчатины встретил нас ещё в коридоре. В кухне было светло. Топилась печь. Из кастрюли призывно побулькивало.

На полу, не выбирая удобной позы, застыли в забытьи два гончих выжлеца. Тот, что посуше, багряный, с ярким чепрачным окрасом, едва повёл головой при нашем появлении и тут же сник.

— Отдыхай, Орфейка, отдыхай... — со вздохом промолвил Николай.

Другой гончак, с белыми отметинами на груди, тихонько влаивал во сне, продолжая гон. Передними лапами он время от времени беспокойно перебирал в воздухе, силясь добрать зверя.

Влажную верхнюю тужурку я повесил, как было предложено, ближе к плите — пусть сохнет. Снял шерстяной, с глухим воротом, свитер, освободил ноги от резиновых сапог и, оставшись босиком, в натальной рубаше, почувствовал, как истома стала овладевать мной.

Достал из рюкзака бутылку перцовки.

Сели к столу.

Выпили по одной — за знакомство. Потом ещё. Спиртное приятно покатило по нутру, смывая и унося своим горячим потоком дневные заботы.

— Фомич, расскажи про своих собак.

— Нет, подожди — сначала нужно закурить.

Он не спеша набил трубку самосадам. Раскурил. Расправил пышные усы. Мечтательно затянулся.

— Саш, понимаешь... Увидел я однажды охоту эту, с русскими гончими по зайцу: красивую, яркую, старинную. Увидел и влюбился в неё навек. Гончая охота — как натянутая струна. Сильнее напряжения я не испытывал ни на какой другой.

— Как же ты выжловку не уберёг?

— А вот так... Наша Прима-балерина весной пошла по наклонной. Нарочно залетела! — Николай нервно заёрзал, вспоминая коварство суки. — Хотя перед охотой и отсадил я её, сигаретину дешёвую. Отсади-и-ил ведь! Устроил второй вольер. Выжлецов выпустил на волю, размяться. Знал, что мужики будут крутиться возле, раз «гуляет». Ну и пусть, думаю, намываются — Примка-то под замком. Я выпустил, а этот барбос сгрыз калитку снаружи...

— Кто? — не сразу понял я.

— Орфей, с ним спуталась, — Николай мотнул головой в сторону пса.

Кобель приоткрыл глаза и укоризненно посмотрел на хозяина. По-моему, он и до этого момента не спал, лишь притворялся и всё слышал.

— Выходит, его потомство?

Николай обречённо кивнул и продолжал:

— Наутро смотрю — добирался до неё... Вертлюжок сгрыз. Когда сгрыз — появился небольшой люфт. Он давай её отсюда, снаружи тащить. Щель снизу образовалась, и дверь оттянулась. Добавочные крючки у меня были, кроме вертлюга. Когда прибывал, думал: повыше или пониже? Ай, думаю, прибью повыше — не взломают. Сначала сам попробовал тянуть — куда там. Туго. Два крючка и — разо-гну-ты. Крючья ра-зо-гну-ты! Он растерянно глядел на свой скрюченный указательный палец. — Как пассатижами... Он таки открыл её. Я потом анализировал-сопоставлял: как такое могло случиться? Сама ему, стерва, помогла. Ломилась навстречу, изнутри. Дверь всю исцарапала, шерсть прямо клочками на калитке оставила и всё-таки выскочила — так хотелось к нему на свиданку.

Орфей перестал делать вид, что спит. Он поднялся, подошёл к своей миске, прилёг рядом и с мрачным видом стал грызть заячьи косточки.

Фомич проводил его пытливым взглядом:

— Ему ещё восемь месяцев было. Сделал для них с Громом вольер из сетки. Закрываю. Через некоторое время — Орфей на улице. Что такое?! Я к забору. Снежок выпал. Смотрю по следам: где перелазит? Оказывается, он — на будку, с будки прыгает через забор — и на волю. Ладно. Я над конурой делаю навес. Два листа шифера стелю. Ну, на будку пускай заберётся, но прыгнуть с неё не сможет — голова в крышу упрётся. Им же... Он же не может сначала изогнуться — вот так, из-под выступа, потом подтянуться за край и ногу закинуть. У него ума-то на это не хватит... Через некоторое время Орфей опять на свободе. Да ещё и не один — с Громом. По следам ничего не могу понять. Закрыл обоих. Отошёл подальше, они меня не видят. Сел и наблюдаю: вот он ходил-ходил, ходил-ходил, прыгнул на будку. Встаёт на задние лапы, упирается головой в шифер, напря-га-а-ется, вырывает его с гвоздя... Выпускает в щель Грома. Потом сам — вот так — в эту щель голову пихает, шельмец, ему шифером да-а-а-ви-ит сверху, он всё рrr-а-вно тискается, прола-а-а-зит и выпрыгивает.

Эту историю Орфей слушал, очевидно, не первый раз. Устало поднявшись, он подошёл к холодильнику и сел напротив. Внимательно разглядывая дверку, кобель с интересом наклонял голову то на один бок, то на другой. Видно было по всему — не просто так смотрит. Он думает!

Николай, обращаясь к псу, с опаской поинтересовался:

— Что, изобретатель, прикидываешь, как открыть?

Гончак изобразил полное равнодушие, вернулся на место и лёг.

— Ну, пошли спать. Съездим завтра в лес, коли так. Давай деньги.

Николай обстоятельно пересчитал купюры, показал мне спальное место и повёл собак в вольер.

Я вышел на крыльцо. Егерь удалялся по лесной дорожке, держа перед собой «летучую мышь». Мерцающие блики огня прыгали тусклым светом по чёрным еловым лапам. Гончие неспешно следовали за ним.

Замыкала цепочку Прима. Временами она останавливалась, поводила головой, втягивая воздух.

Дождь кончился. Было тепло, влажно и безветренно.

Погода выстраивалась под заказ.

Ночью не спалось.

Прислушивался: нет ли ветра, не накрапывает ли дождь?

На новом месте мне вообще спится плохо, а тут такое дело — завтра охота. Я не стал ждать, пока Николай постучит в дверь. Увидел, как зажётся свет у него на кухне, и стал одеваться.

Чай пили, не рассиживаясь, споро. Собаки, заслышав из вольера хлопанье дверью, наши голоса, ор непрогретого уазика-«буханки», подняли гвалт.

Подъехали на машине к самому вольеру.

Прима ворчала. Поводя белёсой мордой, она что-то в сердцах выговаривала егерю. Вставала у него на пути. Не давала Николаю вынести Орфея на руках к машине. Путалась под ногами и скулила.

Кобель попытался вырваться с рук ей навстречу. Хозяин окрикнул:

— Прима, место!

И ещё крепче прижал к себе внезапно разволновавшегося выжлеца.

Гром вышел из вольера вслед за Орфеем, но запрыгивать в машину не стал. Пришлось грузить и его.

Постепенно светало.

Дорога шла берегом Онежского озера, затем свернула в глубь леса и потянулась пригорками и вырубам к Федотовскому кордону. Фомич машину вёл аккуратно: привычно объезжал глубокие лужи, заученно сбавлял скорость перед ухабами и поворотами, на прямой разгонялся вновь. Свой рассказ он начал без вступления, словно и не прерывал его:

— У деда было кожаное кресло, он усаживался и начинал с отцом обсуждать охоту. Мой двоюродный брат при этом вставал и уходил. Считал — пустые разговоры. Я же, малой совсем, всегда крутился в такие минуты рядом. Дед никогда не говорил: «Ружьё стрельнуло». Ружьё только бьёт или садит. Моё ружьё бьёт садче, чем твоё! Или вот: собака ладистая — значит, правильно сложена. Залиться — это когда гончак, подняв зверя, — «помкнув» его, — гонит, щедро и беспрерывно отдавая голос. Скажи — красиво?!

Дорога пошла ольшаником.

Машина подминала на своём ходу заросли дикого малинника, раздвигала мелкие деревца, ветки хлестали по лобовому стеклу уазика.

— По тому, как гончие подают голос, их и различают: одни подают редко; другие часто — «ярко»; третьи залиvisto — как бы без перерыва; кто — заунывно, на высокой или низкой ноте. Я на охоту обычно с Володей Григорьевым выезжаю. У него сейчас выжлец подрастает... Ох, и голосина! Я был у него на базе. Смотрю, бегают три щеночка, им по четыре месяца тогда тянуло. Двое: «Пи-пи-пи». Тьфу! А один: «Увв! Увв! Увв!» Уже тогда. Моим — далеко до него...

Салон машины густо заполнил неприятный запах. Николай осёкся и гневно бросил через плечо Орфею:

— Хватит бздеть! Видишь ли — не согласен он...

Пёс после упрёка так сконфузился, что, клянусь, большего смущения я не видел при подобных обстоятельствах ни у одного человека.

Мы выехали на край делянки. Остановили машину.

Собак Фомич сразу напускать не стал. Пояснил:

— Их нужно сперва выдержать. Пусть потомятся. Они должны с радостью, с азартом, без понуждения ступать на тропу. Страсть в них должна разыграться...

Правда: собаки перетапывались в машине не в силах более сдерживать своего волнения. Принимались лаять. В нетерпении скребли лапами.

Дверь настежь — и смычок русских гончих, теснясь и разбрасывая слюну, выскочил на волю. Псы возбуждённо пробежали взад-вперёд, сделали круг.

Край солнца выглянул над опушкой леса. И сразу лучи, разметав брызги алмазов по бурым стеблям пожухлой травы, по молодой поросли лиственных деревьев и серым мшистым камням, оживили природу.

Пока мы доставали из машины ружья и поклажу, гончаки активно работали в «полазе».

Смотрю, они ищут, ищут, ищут... Морда к морде. И вдруг натекают на пахучий волнующий след. Проверяют. И вот нос ещё сзади, не может оторваться от следа, а корпус, ноги в погоне. Уже пошли вперёд. Не отдавая голос. Рывком! На гон.

Скрылись из виду. Секунда. Две. Три.

Гром подал голос. Вначале неуверенно. Слышны отдельные: «Ав», «Ав». И вдруг высоко, заливисто, победно прорвало:

— А-ааа-ааау!!! А-ааа-ааау!!! А-ааа-ааа!..

— Уав-уаввв-а-уаввааа!.. — подхватил Орфей.

Гон зазвенел на все голоса: жаркий, страстный. Не лай, а стон покатился по низине, заиграл эхом и пошёл кромкой влажного леса. Гончаки резвые, паратые, равные на ноги — косому петлять некогда.

Быстро идёт гон.

Заяц замелькал на краю делянки, пересёк её и выкатился на дорожку.

Прямо на нас — «на штык».

На самом верном лазу Фомич. Метров за семьдесят от него заяц сел. Выстрел! Беляк пошёл. Ещё один выстрел вдогонку проходного. (Вторым выстрелом, чувствуется, зацепил.) Собаки идут не скальваясь. Николай стреляет третий раз. Заяц останавливается, но не падает. Я, забыв про ружьё, фотографирую. Гончие близко. Вывалили на дорожку. Увидели зайца и, наткнувшись зрачком, «понесли навзряч»!

Впереди, вожак, Орфей. Кобель «висит на хвосте» зверька. Добирает его. Едва отняли.

Заяц выцвел не полностью. Почти весь белый, только пятном на лбу и полосой по спине держится красноватая шерсть да на кончиках ушей яркая, не выцветающая и зимой, чёрная оторочка.

Счастливый, довольный гончак забрёл в центр лужи и лёг в бурюю жижу, озорно пуская пузыри. Мы втроем: Николай, Гром и я — переглянулись.

Во второй половине дня, после обеда, собаки стомились и долго не могли поднять зверя. Мы прошли хутор. Поднялись на скалу. Сверху озёра и деревни видны далеко-далеко. Был тот скоротечный период года, который у гончатников принято называть «узёрка». Золотая осень и яркие краски закончились. Первый снег уже был, но бесследно сошёл. Талая земля ещё не промёрзла. Берёзы сменили сусальное золото листвы на строгий готический стиль. Графика вытеснила живопись. Заяц полностью побелел — «вытерся».

Под ногами заросшее травой и мелким кустарником сухое болото, окружённое высоким бугристым лесом. При выходе на чистинку я заметил боковым зрением под скалой, в коряжине, белое пятно. Остановился, повернул голову назад: заяц или нет? Может, клочок снега? Обрывок газеты?

На ходу достаю очки, нацепил: ну точно, заяц! Но уже не лежит — сидит в беспокойстве. Заведомо сомневаясь, что пробую, стреляю через кусты. Нелепо белый, словно в накрахмаленном медицинском халате, он срывается с места, летит на скалу. Там Фомич. Беляк ему под ноги. Выстрел! Другой! Тишина.

Собаки подваливают на выстрел. Погнали.

— Ё-моё, он у меня перед самым носом сидел.

Коля с упрёком:

— Что же ты раньше не стрелял?

— Я думал — газетины кусок.

Гоньба пошла по большому кругу, и собаки сошли со слуха. Стало смеркаться. С обеда серые тучи, словно устав, замедлили ход и, лениво теснясь, напоздали друг на друга. Сначала несмело, потом настойчивей стал накрапывать дождик.

Пора назад.

Фомич достал из-за спины охотничий рог. Трижды протрубил.

Вернулся Гром. Николай взял его на поводок и привязал рядом с машиной.

Орфея не было.

Мы пошли в сторону ушедшего с гонимым гончаком, непрерывно окликая его. Наткнулся на выжлеца Фомич. Орфей лежал на краю поляны, на спине, задрал вверх дрожащие окровавленные лапы. Не скулил. Даже на это сил не было.

— Орфей, что с тобой?!

Кобель попробовал подняться. Не смог.

— На сегодня, Орфеюшка, всё. Пойдём домой. Вставай.

Выжлец ещё сделал попытку встать на ноги и снова повалился. Он устал до крайности. Николай силой поднял его. Пёс, едва перебирая ногами, пошёл.

Идёт, идёт и оглянётся. Убедится, что видим, подходит к кусту и валится на бок. Снова поднимаем, ставим на ноги, дальше идём.

До машины оставалось метров пятьдесят. Орфей направился к кусту, хотел рухнуть, как вдруг оттуда ему пахнуло в нос свежим, дурманящим, животворящим запахом красного зверя.

— А-ау! А-ау! А-ау!

И погнался. С азартом, страстно. Куда делась смертельная усталость?

У машины воем завёлся Гром.

Гон на круг заворачивать не стал, ушёл по прямой: так уводит только лиса.

А на улице терпкая октябрьская темень.

Мы ждали. И кричали. И дважды бегали до дальней делянки. Звали, трубили, стреляли в воздух — напрасно. Кобель не вернулся. Николай бросил под куст свою фуфайку — родной запах.

— Поехали домой. Его так просто с гона не снять — вязкий, непозывистый гончак. Ничего, нагоняется — придёт! Не первый раз.

База встретила нас притихшей.

В наше отсутствие Прима оценилась и теперь, забившись в конуру, устало облизывала свои мокрые родные комочки. К нашему появлению она отнеслась равнодушно, при этом словно ждала кого-то. Беспokoйно вытягивала морду кверху. Принюхивалась.

Фомич присел рядом на корточки и, ласково заглядывая ей в глаза, потрепал за загривком:

— Придёт твой Орфей, не горюй. Куда ему деться? А этих щенков ну никак нельзя оставлять — сама понимаешь. Осенний помёт у породистых гончаков сохранять не принято: таких собак ни на выставку, ни на полевые состязания не предъявишь — засмеют. И самое главное — их не продать потом. Мне от вас с Орфеем щенки весной нужны. Саша, посвети.

Он передал мне керосиновый фонарь.

Сам поманил Приму куском сахара. Та недоверчиво высунула голову из будки. В ногах у самки беспомощно копошились детёныши. Один, что покрепче, сосал маткину грудь, для удобства забравшись поверх братьев и сестёр. Другие же или беспомощно попискивали, слепо хватая ртом воздух, в поисках желанного соска, или безмятежно посапывали, прижавшись к тёплому, как лежанка, животу матери.

— Прима, на-на!

Теперь её высасывали семь ртов, и природа понуждала восстанавливать силы.

Собака подалась из конуры. Сосок коварно выскользнул у крепыша изо рта.

Щенок заскулил.

Николай, ухватив за ошейник, перевёл собаку из вольера в соседний, наглухо сколоченный дощатый сарайчик, поставил перед мордой миску геркулесовой каши и плотно закрыл снаружи дверь.

Сука, почуяв недоброе, завывала.

Фомич, глухо матерясь, опустился на колени рядом с будкой и на ощупь стал вытаскивать тёплые комочки, один за другим, укладывая их в голубое эмалированное ведро, в котором обычно таскал еду для собак.

Звериный вой суки будоражил ночную тьму.

Прима бесновалась, кидалась на глухую к её горю дверь сарая, ударялась в неё всем своим телом, падала, поднималась, снова и снова билась, но ничего не могла исправить.

Щенки, безмятежно жмурясь, возёхались на дне ведра, сытые, притихшие, не ожидая от жизни ничего, кроме хорошего.

— Свети лучше, не тряси фонарь, «газетины кусок»...

Егерь наклонил стоявшую под стоком бочку с дождевой водой и залил ведро до краёв. Шевелящаяся живая масса с бульканьем скрылась. Лишь один из щенков, крепыш, видно в бату, не сдаваясь, поднялся по телам своих братьев и вытянул головку наружу. Николай берёзовым прутиком легонько притопил его.

Свет «летучей мыши» сперва выхватывал под водой последние судороги щенка, потом жизнь затихла.

— Всё, — устало произнёс егерь. — Пошли ужинать.

Мальшей отнесли в выгребную яму, подальше от вольера, и зарыли.

Ни ночью, ни под утро Орфей не вернулся.

Мы объехали на машине все ближние деревни: собаки нигде не было. И только знакомый старик видел возле Федотовского кордона волков. Как раз там, где мы вчера полевали.

Я опаздывал на работу и больше оставаться не мог.

Укладывая вещи в машину, прощаясь с егерем, я никак не мог избавиться от еле слышного, но от этого не менее щемящего, раздражающего душу, пронзительного воя суки. И отъехал далеко, и музыку включил лёгкую, а он всё не отпускал — преследовал меня.

С тех пор я не охотился с гончими. Но странное дело: всякий раз, когда мне случается читать или слышать про созвездие Гончих Псов, я невольно вспоминаю Орфея и Приму — русских гончих, страстью которых торговали под заказ.

Не ведал я тогда, что Звёзды не продаются!

Звёзды светят всем одинаково.

*

Карелия, Медвежьегорск, 2006 г.

Танина ламба

*...С целью создания семьи желаю
познакомиться с доброй, отзывчивой девушкой,
любящей природу и рыбалку, имеющей лодку.
Фотография лодки обязательна.*

Из брачных объявлений

Мой сосед Коля Ефимов, или попросту Ефим, работал тогда в автоколонне. Много лет ездил он на рыбалку своей компанией. Звал и меня.

Сам я больше охотник, потому и мало трогают все эти байки про «сумасшедший» клёв, про «оживший» поплавок, про «во-о-от такого» леща. Хотя после длинной выюжной поры уху на костерке, под солнышком люблю.

К тому же погода...

Ещё третьего дня крутила позёмка. Сухая холодная крупа обжигала лицо. Казалось, зима по второму кругу пошла. И вдруг солнце, словно устав заигрывать с метелью, наклонилось гигантским рефлектором к земле: дохнуло жаром на спящих под корой деревьев насекомых, пробуждая их ото сна; на деревенских кошек, заставив их нежиться на крыльце; на людей, укутавшихся в зимние шубы с глухими воротниками, предлагая высунуть нос наружу и вдохнуть полной грудью запахи ошалевшей природы.

Такой оттяг после зимы!

В народном календаре конец апреля обозначен так: «Пришёл Федул — теплом подул». Начался снеготай. Расцыганились ручьи. Появились первые лужицы, принимая в себя голубое небо. У воробышек наступили «банные дни». Они порой так накупаются, что не могут ни взлететь, ни чирикнуть: сидят у края лужи, осовело поглядывают на плывущие кучевые облака, млеют.

Ефим второй день сам не свой:

— Сань, поехали. Вот-вот нерест у щуки. Мы завтра выезжаем. Даже плохой день на рыбалке лучше, чем хороший день на работе, а тут, гляди, как погода разошлась.

— Где ночуем?

— У костра. В «Москвич» все не влезут. Мы с тобой в спальниках. У Славки Кочнева свой способ. Помнишь Славку-то? Мой напарник. Длинный такой, тощий, гибкий. Все люди, когда сидят — нога на ногу. А у него не просто нога на ногу, она ещё и два оборота делает, как змеёвик. Со стороны посмотреть — эмблема аптеки. Так вот он берёт два больших камня размером, чтобы только мог трелевать. Закатывает оба в костёр. Камни нагреются, он выкатывает один из костра, обвивается вокруг, прижимается животом, и на полчаса тепла хватает. Потом остывший камень затаскивает в костёр, горячий достаёт. И всю ночь он эти камни: туда-сюда, туда-сюда, как Сизиф, ворочает.

Всё. Еду. Нельзя в такую пору дома сидеть. Уже тепло и комаров ещё нет. Длится этот период рыбацкого счастья не больше недели.

Поехали втроём на стареньком «Москвиче»: Ефим, Слава Кочнев и я.

Едем мимо Сяпси. Голосуют две девицы: «Довезите до Курмойлы». Мы их берём. По дороге одна спрашивает, Таня:

— Вы куда едете?

— На рыбалку.

— Возьмите нас с собой.

— Поехали.

Едем, едем. Доезжаем до отворотки на Курмойлу. Танина подружка встрепенулась:

— Остановите. Мне ни на какую рыбалку не надо. Я сойду здесь.

Мужики хором:

— Ну чего ты? Поехали.

Она на ходу стала выскакивать из машины. Остановились сразу. А эта сидит.

— Нет, я поеду с вами.

Постарше меня: лет двадцать пять будет. В чёрной фуфайке, в красных литых блестящих сапожках. На лицо интересная. Тёмно-русые волосы короткой причёской. Ямочки на щеках. Бесинка в глазах.

С основной дороги свернули на грунтовку, затем — на лесную. Сколько могли, юзили по расквашенной колее. На полянке машину пришлось бросить. Озеро в километре. Дальше пешком. За всю зиму никто не ездил туда.

Собрали шарабаны, рюкзаки, острогу, резиновую лодку — пошли.

— У меня дома такая же лодка, — на ходу обронила Таня.

Она взяла в руки два ватных спальника и отправилась за Ефимом след в след, высоко, грациозно... сексуально перешагивая снежные тающие комья. (Весной эпитет «сексуально» норовит прильнуть к каждому деепричастию, глаголу и даже знаку препинания.)

Надо же: «Лодка есть». Бойкая девчонка. Мне до этого больше книжные барышни встречались. С ними о рыбалке и не заикайся...

Было раннее утро. Наст ещё только стал отдавать. Прямо на наших глазах по целине то и дело пробегала трещинка, раздавалось глухое «ух!», и снег оседал. Верхняя корка, усыпанная хвойными иголками, словно рыжая щетина недельной давности, местами сменялась зелёным ковром брусничника и мха.

Мы вышли к лесному озеру.

Мелкий закоряженный залив, насквозь пробиваемый солнцем, свободен, а дальше тёмно-синим покрывалом ещё лежит слоистый лёд. Этот северный берег надёжно укрыт от холодных ветров, потому и отходит быстрее. По закрайкам, слева и справа от стоянки, узкая полоса воды вдоль берега. Шелестит высокий камыш.

Пока доставали из шарабана посуду, Ефим рассказал анекдот:

— Ловил старик неводом рыбу, и попалась ему золотая рыбка. Взмолилась рыбка человеческим голосом: «Отпусти меня, старче, я тебе три желания исполню». Стал старик думать, чего бы попросить. «Желаю, чтобы море-окиян стало из чистой водки». Рыбка хвостиком махнула, и стало море-окиян из водки. Старик зачерпнул кружку, пьёт — не нарадуется. Рыбка уже задыхается на суше: «Скорее говори два других желания!» — «Ну, ладно. Сделай, чтобы и речка тоже стала из чистой водки». — Махнула рыбка хвостиком, и стала речка из водки. Пошёл старик, зачерпнул кружку, пьёт — не нарадуется. А рыбка пузыри пускает: «Старик, через две секунды я сдохну. Скорей говори последнее желание и выбрось меня в море!» Старик и не знает, чего захотеть ещё. Махнул он рукой и говорит: «Ладно, дай на пол-литра и ступай себе с Богом!»

— Много текста, — упрёкнул Славка.

— Я...

— Ещё короче!

— Наливай!

— Не убавить, не прибавить. Литая проза!

Выпили.

Таня с нами на равных. Лицо зарделось.

Налили по второй.

Она поправила мальчишескую причёску, сняла фуфайку, игриво накинута её на плечи и расстегнула молнию спортивной кофточки. Весеннему солнцу и нашему взору открылись необласканные девичьи груди.

Солнце, чувствую, ахнуло!

Таня взяла в левую руку гранёный стакан с водкой, в правую — пачку сметаны. Молча улыбнулась. Промурлыкала что-то себе по-кошачьи. Прикрыла веки. (Длинные ресницы, казалось, коснулись меня.) Запрокинула голову и выплеснула холодный горький напиток в горло. Едва поморщившись, припала к сметане, и было видно, как перебирая нижней губой, она сглатывала её.

Крепкая высокая грудь при каждом глотке восторженно вздымалась. Таня обольстительно постанывала, поднимая коробку круче и круче.

Мы не отрываясь, приоткрыв рты, следили.

Таня неловко повела рукой, и белый жирный сгусток шлепком упал ей в глубокую ложбинку груди. Не отвлекаясь, она продолжала смачно есть.

— Ты так всё добро растеряешь, — возмутился Ефим и, сорвавшись с места, жадно припал ртом к густо-разлапистой холодной белой розочке. Он стал шумно слизывать кисло-молочный диетический продукт с Таниной груди. Несколько капель угодило на горделиво набухший сосок. Ефим принялся сладострастно облизывать, а затем и посасывать его. Они, в унисон, застонали.

Таня приоткрыла счастливые глаза. Встала. Посмотрела призывно на меня.

— Ну, может, пойдём, глянем на весну. А?

Я отвёл глаза.

— Давай, идё-ом! — нетерпеливо встрянул Ефим. — Пойдём смотреть! Ради чего и приехали...

Чуть задержавшись, она запахла грудь, подправила на плечах стёганку, резко повернулась и, не оборачиваясь, зашагала к лесу. От ладной фигурки её нельзя было отвести взор. Не пойму: что удерживало меня?

Ефим, суется и приплясывая, плеснул в стакан водки, скосил глаза на уходящую подругу и, выпив, бросился вслед.

Славка ёрзал на месте. Он то вскидывался бежать следом, то на миг присаживался и, будто ожёгшись, подпрыгивал опять. Вижу, терпежа у него нету.

— Меня тоже на «мясо» потянуло!.. — глухо пробормотал он и рывком ринулся догонять. Из-под сапог полетели комья сырого снега.

Солнце пекло совсем по-летнему. У самого берега, на мелководье, то и дело раздавались шумные всплески. Щука пошла на нерест.

Было далеко за полдень, а наши сети так и лежали в мешках.

Из леса доносился пьяный смех. Похотливые стоны. Треск валежника. Обрывки слов. Свой «нерест» всегда ближе к телу!

Я раскатал голенища болотных сапог, взял острогу и направился к ламбе. Крадучись, зашёл в воду. Всего в каких-то десяти метрах от берега я увидел щук: они косыми стрелами пронеслись по мелководью, затем самцы, те, что поменьше, по три-четыре выстраивались за одной крупной самкой. Икрынка плывёт впереди, а кавалеры или прижимаются к ней с боков, или стараются держаться над спиной. Время от времени появляются их плавники: возбуждённые самцы нет-нет да и выскочат из воды.

В том месте, где щука начала тереться о ветви затопленного ивового куста, вода, словно живая, забурлила.

Я, как Нептун, замахнулся зубчатой острогой и воткнул её в центр кипящего рыбьего гнезда. Придавил длинный шест ко дну. Он задёргался, закачался из стороны в сторону, вырываясь из моих рук. Я налёг всем телом. Сильнее прижал. На поверхности появились алые разводы. Трепыхание стало слабеть. Вытащил многозубец. На острых стальных стрелах извивались три рыбины: два небольших щупака и самка весом под два килограмма. Крупная слабослейкая оранжевая икра стекала из матки ручьём в воду.

Уложил рыбу в заплечный рюкзак, перехватил поудобнее острогу и пошёл краем берега дальше.

Солнце топило снег.

Весенние ручейки на глазах превращались в бурные потоки. Целые речушки несли талые воды к ламбе. Всё активнее вели себя щуки. Они оставили ямы под крутыми берегами, глубокие впадины под корягами и пошли путешествовать по широкому паводку. В самых припекаемых, укрытых от студёного ветра уголках озера, на отмелях, самки метали икру, чтобы дать жизнь новому поколению.

Нет препятствий для рыбы, стремящейся на нерест.

Впереди щука выбросилась на завал из веток, проползла по нему несколько метров, извиваясь змей, и ушла в ручей, выше по течению.

Не успел подбежать...

Весна поднимала голову.

В пойменных лугах исчезли белые пятна снега и уступили место земле с бледно-жёлтыми травами. Над лесными полянками появились живые цветы — бабочки: чёрные с белой каймой — траурницы; ярко-жёлтые, небольшие — лимонницы.

Начали посвистывать кулики.

Загудели бекасы. У них главный музыкальный инструмент — кончики крыльев да расправленный веером хвост. Чтобы дальше слышались его трели, бекас взлетает метров на семьдесят вверх и оттуда круто бросается вниз, наполняя воздух жужжанием, похожим на бляение овцы. За это он и получил название — «поднебесный барашек».

Под вечер зачуфыкали голосистые тетерева. За несколько километров слышен их токовой хор. Временами причудливые звуки косачей сливаются с лягушачьим свадебным бульканьем. Они схожи между собой и оттого трудноразличимы.

Разные песнопения слышны в лесу, но все они — гимн соитию.

Я вышел из-за мыска: глухой тупичок. Шумно ступил ногой — из-под берега поднялась пара чирков. Впереди летит утка, чуть позади селезень. (Ну что тут скажешь: на каждом шагу «нерест». Один я не участвую.)

Солнце скрылось. Почернели сумерки, ещё не вступившие в пору седых летних ночей. Я далеко прошёл вдоль берега направо от стоянки. Осмотрел загубин десять.

Вернулся назад. Поравнялся с костром. Пошёл влево. Слышу, сзади хлюпанье по воде. Поворачиваю голову: в болотных Славкиных сапогах, зябко засунув руки в рукава, как в муфту, с непокрытой головой ко мне шла Татьяна.

— Тебе не холодно? — поинтересовался я.

— Нет.

— А где мужики?

— Упились и храпят всюю.

Таня, осторожно ступая по затопленному песчаному дну, будто древнегреческая покровительница рек Наяда, приблизилась ко мне. Не вынимая рук из рукавов, жарко прижалась грудью к моей спине. Сильно задышала.

— Тань, — не своим голосом произнёс я, — у нас с тобой ничего не получится...

Рядом шевельнулся клубок щук.

— Смотри, весна кругом... — с придыханием произнесла она.

А может, мне это послышалось?

Таня вытащила руки из «муфточки» и нежно коснулась меня...

...Лишь с рассветом мы вернулись к костру. Дрова прогорели. Серые хлопья пепла почти целиком прикрывали алые угли.

Ефим безмятежно храпел в спальнике. Славки не видно.

Ба! Да вот и он.

В этот раз, видно, камней для «правильной» ночёвки не нашлось. Он с кострового шеста снял чайник, босые ноги калачиком подогнул и спит себе на берёзине. Ладони под щекой. Знай, пускает слюну.

— Славк, ты так в костёр рухнешь! Слазь.

В ответ раздалось мирное посапывание.

Таня взяла меня ласково за руку:

— Зайка, он спросонья не понимает ничего. Снизу тепло идёт. Ему хорошо.

Я решил поддержать Кочнева за фофан, он отмахнулся и прямо с шеста в костёр. В небо метнулись искры и столб золы.

Ташу его из костра, из углей, а он на четвереньках, ногами и руками вкапывается, назад рвётся. Здесь-то холоднее.

Волосы у него длинные. Переплелись с пеплом, щепочками — как воронье гнездо.

— Не тормози. Пускай досыпает. Недолго осталось. Светает уж.

В этот раз мы так и не намочили сети.
Ефим заметил:
— За время поездки никто из животных не пострадал.
Ему не жаль было упущенной добычи. Это он так, к слову пришлось.
Нашу случайную знакомую мы довезли прямо до дома, в Курмойлу. А это озеро мы с тех самых пор называем между собой «Танина ламба».
Пора весеннего хмельного буйства закончилась.
Капли сладкого берёзового сока загустели и высохли.
До новой весны.

*

Карелия, г.Петрозаводск, 2007 год

Жор глубинной щуки

Петровскому Валерию Николаевичу

*...Только вырвавшись на волю,
на простор воды открытой,
вдруг остановился парус,
как споткнулась в беге лодка.*

*И отважный Лемминкяйнен
перегнулся, смотрит за борт
под недвижимое днище,
говорит слова такие:*

*«Не на камень села лодка
и не на топляк наткнулась,
а на щуку наскочила,
на хребет морской собаки!*

Руны «Калевалы»

Её Величество — Щука!

Именно она держит «большину» и считается полноправной хозяйкой подводного царства Карелии.

Уже месяц, как растаял на водоёмах лёд и прошёл нерест у этой рыбы. Закончилось таинство шучьей любви, когда в угаре самки с кавалерами «теряли голову», не ведая стыда и страха, выходили шумными ватагами на отмели для того, чтобы отметить и оплодотворить икру.

После этого у щуки — Большой пост.

Целый месяц рыба не притрагивается к пище, не обижает проплывающих мимо мальков. Вчерашнюю разбойницу не узнать: вместо агрессии — полное смирение, суровая схима; вместо чревоугодия и кровопролития — мирозерцание и любовь к ближнему; ей — «Да пошла ты!..», она в ответ — «Будьте здоровы».

Смирение Царицы вводит чернь в заблуждение.

Позади цветение черёмухи. Солнце стало не на шутку припекать, нагревая землю, болота, воду. И тут шучий пост заканчивается. Щука в начале июня выходит на охотничью тропу. За мелкорыбницей. Ближе к заросшим берегам, к тростнику, к наплавным лопухам. Выходит голодная, агрессивная и самоуверенная. У неё начинается жор. Теперь кто не спрятался — она не виновата. Ранним утром и с началом сумерек, до пепельной темноты далеко слышны по воде мощные «плюхи» — это вошедшие в раж хищники жадно заглатывают всё, что шевелится.

Подводный волк вернулся к исполнению ответственной, ненормированной и, как авторитетно заверяют, необходимой всем должности «пахана».

Самая пора для ловли на спиннинг.

Приобрёл эту снасть я два года назад. Были куплены также и блёсны, и сачок, и прочая великия и малья рыбацкие атрибуты.

На Сямозеро в Кухогубу добрался в разгар вечерней зари. Приготовил резиновую лодку. Переобулся. Достал снасти.

Погода стояла тёплая, тихая, комаристая. Корабельные сосны подступали прямо к озеру. В неподвижной воде отражались их стволы — цвета созревающей морошки.

Стараясь не тревожить склонившуюся над заводью тишину, неторопливо оттолкнул лодку от берега. Сколько хватает глаз — мелководные просторы, поросшие островками тростника, листьями кувшинки и белыми лилиями. Это настоящее шучье царство. Метрах в десяти, у кромки камышей, — мощный всплеск. Пирует разбойница!

Думаю, не будь рыба немой, висел бы сейчас над озером дикий ор и проклятия.

Поймал двух щурят. На глаз боюсь вес занизить, но явно «дошколята». Руки, отвыкшие за зиму, постепенно вспоминают нужные движения. Основательно разойтись не успел: зорька отгорела.

Пока я полоскал свои блёсны в сямозерских губах, в мелкие сети попало в аккурат на уху. Окушки. Да в крупные — два подлещика на жарёху. Не спеша, погрёб к берегу, к месту стоянки. Примерно с километр по воде.

Смотрю, на берегу свет фар. Подъехала машина. Хлопнули дверки. Голоса. Соседи появились. Минут десять прошло, не больше, у них уже костёр. Быстро!

Подплываю. Вытаскиваю лодку на берег. Успеваю заметить чёрную «Победу» с распахнутыми дверками. Собираю по сырому скользкому дну колючих окуней в котелок. Подхожу к огню.

Пожилая пара: мужчина и женщина, лет шестидесяти. Она у костра — готовит пищу. Он таскает дрова, воду. Всё, как и тысячи лет назад. Мы познакомились. Он — Николай Иванович. Она — Клава, отчество не запомнил. Муж и жена. Она дородная, он живчик. Добродушные. Гостеприимные.

— Присаживайтесь к нашему костру, — предложил Николай Иванович. — Какой смысл ради трёх часов свой запаливать? От нас ведь не убудет.

Я с удовольствием согласился, предложив для общего котла рыбу. Пока он чистил окуней, хозяйка мыла и крошила картошку, колдовала над ухой, я поставил на угли ёмкую, чугунную сковороду, накалил её и крупными кусками уложил подлещиков.

Иваныч засеменял к машине. Назад идёт довольный. Улыбается.

Чувствую — выпил.

Подлещики в кипящем подсолнечном масле весело зашкворчали. Посолил их. Поперчил. Подсыпал с краю лучку. Повернул рыбу с боку на бок. Одна половинка уже в рыжей блестящей твёрдой корочке.

Ровно отпиленные чурбаки двинули ближе к костру. Посередке — огромный сосновый спил — стол. Расставили на него миски. Достали деревянные расписные ложки, ржаной хлеб, соль, зелёный лучок. Такого в ресторане не подадут...

Пока уши не наелись, лишь аппетитно сопели. А вот когда «атака» захлебнулась, да хозяйка выставила на центр пня ещё и сковороду с румяными подлещиками и предложила рыбки «поелoshить», разговор пошёл.

Я не утерпел:

— Видели в лодке щурят? Огромная сошла!

Николай Иванович криво ухмыльнулся.

— Не зря говорят, что честный человек не может быть хорошим рыбаком. Сорвавшаяся рыба всегда больше пойманных...

Он поддел с длинных рёбер леща кусочек, отдающий дымком костра, дополнительно прошёлся над ним щепотью соли, отправил в рот и смачно облизал маслянистые пальцы:

— Заядлые щукари знают, что жор у молодых и взрослых хищников в разное время. В эту пору жорится мелкая щука — «травянка». Она и светлее, и ярче окрашена. Вся, будто золотом брызнули. «Глубинка» ещё не подошла. Та заметно крупнее. Донная щука живёт в глубоких ямах. И спина у неё под окрас тёмного омута — цвета чернозёма, бока серые, брюхо белое с крапинками. Вот где чудище! Такая и сорвётся, слава Богу! Жалеть не надо.

Старик бросил на меня загадочный взгляд, нагнулся к костру и подправил поленья.

Я молчал, озадаченный. Мне пришло на память, что щуке приписывают близкое знакомство с нечистью. Если рыбарь заметит, как она плеснёт возле борта хвостом, то скорая гибель не за горами. Щука охраняет царство Водяного. Окунь и судак в её подчинении. Когда вдруг она срывается с крючка, принято не ругаться, не клясть судьбу, лишь тихо произнести: «Плыви, щука, за водой, моё счастье, будь со мной».

По народному поверью, «в щучьей голове, что в холопской клети: и пусто, и темно, и злых намерений полно». Недаром «щучкой» называют злого, лукавого и пронырливого человека. А карелы подметили: «хауги куолоу, хамбахат ятгау» — щука и мёртвая кусает.

— Клав, — окликнул Иваныч супругу, — у нас выпить ничего нет?

— Почём я знаю?! Буду я тебе ещё водку наготово, как маленькому, брать.

— Ну, ладно, костёр-то у нас замолкает. Надо в топку слегка того... подкинуть.

Он вразвалочку пошёл в серую ночь. Похрустел валежником. Хлопнул дверкой машины и, вернувшись с охапкой сушняка, вывалил подле костра.

Глаза его заговорщицки блестели. Сам заметно оживился:

— Рыбалкой давно занимаюсь. Так вдвоём с хозяйкой и ездим. Каждые выходные, считай, на озере. Здесь, кроме нас, редко кто бывает. Вот в прошлый год подвалили. Строев Фёдор... Петрович. Тоже с женой. Прямо на это место. Клав, помнишь, сидим спокойно у костра, а он ни с того ни с сего стихами заговорил?

— Как же не помнить... Я их даже записала тогда:

...Настанет день, судьба не сбережёт.
Увы, надежды суетны и жалки.
И я уйду, но этот мой уход
Пускай со мной случится на рыбалке.

А люди, что ж, поднимут и снесут,
Придут к столам, помянут кое-как,
Плитой придавят и напишут: «Тут
Лежит такой-то — грешник и рыбак».

— Ему лет пятьдесят было. Недавно на пенсию вышел. Заядлый рыбак. Бывший военный. Майор. Для внучки старался — рыбкой хотел порадовать.

Старик растерянно улыбнулся, обнажив блестящие металлические фиксы.

— Посидели, вот как сейчас, у костра. Я на берегу остался сети перебирать. Его жена ушла в машину спать. Моя, с удочкой, на дюральке отправилась. Петрович на своей лодке со спиннингом по губкам. У травянки основной жор как раз закончился, а у глубинной только начинался...

...Петрович выбрал из своего рыбацкого набора финскую блесну-воблер (друзья привезли неделю назад в подарок на день рождения). Это была крупная рыбка с двумя острыми тройниками, на брюшке и хвостике, с чёрной спинкой, пятнистыми блестящими боками. Потянешь в воде — словно раненая плотичка на ходу. Поменял в катушке леску на крепкий плетёный шнур. Щука — противник достойный, тут основательность нужна.

Перед забросом Строев встал. Двухместная лодка с надувным дном это позволяла. На озере ранним утром спокойно. А закидывать спиннинг стоя — одно удовольствие, каждый подтвердит.

Солнце ещё не коснулось горизонта. Серые сумерки на короткое время хозяйничали в этом уголке природы, окунувшись с головой в сладкую пору белых северных ночей.

Фёдор Петрович взял спиннинг в правую руку, левой перекинул фиксирующую дужку в свободное положение. Короткий боковой взмах и... блесна летит точно в чистое окошко среди высокого тростника.

В том месте, куда только что приводнилась рыбка, по глади пошли круги.

Он стал плавно вращать рукоятку катушки, как вдруг шнур натянулся и застыл.

Зацеп!

Не было никаких сомнений, что это крупный топляк или коряга. Когда случается настоящая поклёвка или крючок задевает за траву, всегда чувствуется: шнур ходит. А тут — намертво встал.

Не беда. Придётся подгрести на лодке и отцепить тройник. Двух минут не пройдёт. Можно даже для интереса время засечь...

«Командирские» показывали два часа ночи.

Неожиданно удилище согнулось крутой дугой, катушка пискляво затрещала тормозом... Что-то, остановившее в глубине блесну, ожило и настойчиво потянуло за собой шнур.

Щука. Огромная...
Попалась!

Плетёнка продолжала уходить в тёмную предрассветную воду. Майор сделал потуже тормоз катушки, чтобы рыбине требовалось большее усилие на перетягивание.

Ничего. Если нормально заглотила блесну, никуда не уйдёт. Эту плетёнку буксиром не порвать. Главное — успокоиться и не торопиться.

«Не спешить!» — как заклинание повторял он.

Измотать её.

Утомить.

Перемудрить.

Он принялся подкручивать катушку. Рывок — шнур заскользил прочь.

Выждал минуты три. Дал рыбе успокоиться. Опять сделал несколько витков. Рывок! Ещё несколько метров ушло вглубь.

Мельком глянул на часы: половина третьего. Полчаса таинственная рыбина в ответ на попытку вымотать лесу стравливала её десятками метров в свою пользу. Пока получалось не как в сказке: «по щучьему велению», да не «по Емелиному хотению».

Майор ещё туже затянул тормоз.

Попробовал мотать. Подалось. Один метр выбрал. Три. Четыре.

Глядь, в семидесяти метрах на поверхности образовалось волнение, словно какой-то чудовищный зверь выталкивал воду из глубины. Но ничего так и не появилось. Вместо этого лесу опять сильно дёрнули и отвоёванные метры стравили с излишком.

Между тем рыба стала утомляться. Это чувствовалось по всему. Она ещё не показывалась, но выдёргивать помногу шнур на себя уже не могла. Фёдор Петрович потихоньку выбирал слабинку сразу, как только возможность представлялась. С каждым витком зелёного шнура, с каждым метром его, неизвестное чудовище приближалось к своему концу.

Метрах в пятнадцати от лодки краем скользнула чёрная спина с гигантским плавником. Толком не видно было, где эта спина начиналась, где заканчивалась.

Так вот ты какое — Сязозерское чудовище!

Петрович поправил очки на вспотевшем носу. Пока со щукой тягался, лёгкий незаметный ветерок отогнал лодку от берега. До рыбины оставалось метров десять, но её по-прежнему не было видно. Она шла глубиной.

Строев не узнавал себя. Не было азарта. Он лишь машинально выбирал и выбирал слабинку. По телу плыл холодок.

Предрассветные сумерки. Резиновая лодочка, давно отслужившая свой век. Метров триста до берега. На себе неповоротливая, под зябкое утро, рыбацкая одежда. И щука. Огромная щука размером с морёный топляк, для которой озеро — родная стихия.

Он догадался, что никакого ветерка не было вовсе. Всё это время лодку в открытое озеро тащила за собой рыбина. Фёдор ухватился за шнур и крутанул несколько витков вокруг рукава фуфайки. Пытаться удержать такого чёрта удилищем из хрупкого стекловолокна было безумством.

Вдруг хрустальная зеленоватая вода заклокотала, и совсем рядом смиренно всплыла, будто малая подводная лодка, старая щука длиной под два метра. Из приоткрытой зубастой пасти её торчала наружу половинка блесны.

Такую громадину сачком не возьмёшь. Как грузить её в лодку?

Лениво шевеля хвостом и плавниками, щука внимательно разглядывала Петровича. Её чёрные немигающие глаза, с ярким жёлтым ободком по краю, смотрели тяжело и угрюмо. Верхняя челюсть напоминала блестящий чёрный капот от «Победы». На хребте грязно-зелёным бархатом рос мох.

Щука давала себя рассмотреть и при этом наслаждалась смятением врага. Дыхание её было спокойным, движения плавными, упруго-размеренными. Что-то не чувствовалось в ней устали...

Майор парализованно стоял на полусогнутых ногах.левой дрожащей рукой он придерживал, словно протез, правую руку с намотанным шнуром. Широко раскрытые глаза его в ужасе глядели в медленно открывающуюся пасть северного крокодила.

Он догадался, что произойдет в следующий момент. Он всё понял. И знал, что исправить уже ничего нельзя...

Эти мысли пронеслись вперемешку с воздушными пузырьками кипящей воды после того, как хищник тяжёлой торпедой двинулся вперёд, занырнул под лодку, играючи опрокинул её и увлёк в свою стихию Строева.

Постреливали редкие еловые угольки из костра.

Старик продолжал:

— Я пока с одной сеткой возился, пока с другой — время-то шло. Причаливает моя, вся испуганная: «Фёдор утонул». Я ей: «Чё ты мелешь, дура? Какой утонул?»

Клава перебила:

— Главное, я сама слышала, как он звал меня. А плавать-то не умею. Да и далеко. Темно. Страшно.

— Мы с ней стали обшаривать губы, кричать. Нашли его лодку — перевернутая. Самого нет. Что с ним случилось — непонятно. Такой спортивный. И до берега не так далеко. Попробовали блесну кидать, может, зацепим. Тоже никак. Жену разбудили, Валентину. Ей сказали... Ой, в общем, такое дело...

Клава теребила в пальцах матерчатую тесьму и сосредоточенно слушала мужа, всматриваясь в сполохи пламени.

— Что делать? Я на машину, в Эссоилу, это ближайшее село, — к участковому. Дни выходные. Он поддатый. Но делать что-то нужно. Я: «Так, мол, и так... Помогите найти». А он: «Это озеро в наш район не входит. Тебе нужно заявлять в Суоярвский райотдел». Говорю: «Так позвоните туда!» — «А мне зачем?» Я и уговаривал... И денег на бутылку давал. Нет, и всё. Говорю: «Вы хоть запишите...» Ни в какую.

Николай Иванович достал алюминиевый портсигар. Поддел пальцем беломорину. Вытащил из костра горящий сучок. Прикурил.

— Делать нечего. Думаю, нужно «кошкой» пробовать... Нашёл у мужиков в совхозном гараже проволоки, пятёрки, и назад к бабам. Сделали крюк, верёвку к нему покрепче, и давай с его женой кидать по кругу в том месте, где лодку нашли. В одну сторону, в другую. Слышу — есть. Подтягиваю. Он как на корточках сидит. Спина прямая, руки вперёд, будто обнял кого.

Иванович, не докурив, смял папиросину, поднялся и слегка пригнув ноги в коленях, показал позу утопленника.

— Даже очки не слетели. Видно, сразу затих... Может, сердце? Мы его в лодку — куда там... Пришлось зацепить покрепче и на буксире до берега. Мотор завёл и на малых. Жена его в лодке воеет. Моя — тут ревёт. К берегу-то стал править, здесь мелко. Мотор заглушил. Верёвку, сколько мог, размотал, подгрёб к берегу. Дальше нужно тащить. Вылез по пояс в воду. Валентина лодку сама причалила. Попробовал тянуть: не смогаю. Тяжёлый, чёрт! Бабы ко мне на помощь. Втроём его, вот сюда...

Николай Иванович повернулся к берегу, припоминая подробности. После некоторой паузы поднял правую руку вверх и отрубил по воздуху.

— Вот здесь вытаскивали... Да, мать?

— Ты про блесну-то расскажи, — напомнила супруга.

— Да, точно, вытаскиваем, смотрим, у него на правой руке шнур рыболовный намотан. Начал выбирать: вертлюжок, кольцо — на месте. А блесна наполовину перекушена, как кто клещами её пополам... Ну вот, значит: усадили его в их машину, я за руль — он рядом. Бабы — на нашей. Моя — за рулём. Еду, самого оторопь берёт. На улице жарыща, градусов тридцать, а рядом-то... И холодом от него веет таким нехорошим. Приехали в морг, в райцентр. Не берут. Документы требуют. Ты же знаешь, сейчас не до людей. Подаю паспорт. — «О... так у него прописка не наша. Не возьмём». — Ё-май-ор!!! «Мне что, — говорю, — у себя его прописать? Идите и сами с ним договаривайтесь». Выскочил в сердцах. Сам Валентине: «Тебя зовут!» Та,

знай, голосит не смолкая. Вся на корвалоле. Моя хотела проводить. «Сиди, — говорю. — Без тебя управятся». Дождлся, пока за Валентиной дверь закрылась, сел в машину — и ходу.

Николай Иванович довольно рассмеялся.

— Буду я ещё с ними спорить.

Он встал, размял затёкшие суставы. Посмотрел на озёрную гладь. Над озером ровной дымкой стелился туман.

— Летняя ночь, как заячий хрен — короткая.

— Ну, вот при людях-то... — упрекнула Клава, — другого сравнения у тебя, конечно же, нету.

— С каких это пор «заяц» — матерное слово?

В тростнике раздался всплеск. Кольцами по воде пошли, затухая, круги.

— Вон — щука жорится. Она хватает ту рыбёшку, что помельче, а мы — её и друг друга.

Над лесом, где подтягивалось к горизонту солнце, ярко заалело. Воздух становился светлым и прозрачным. Туман над водой рассеивался.

Всё вокруг, умытое росой, заискрилось, засверкало. Солнце, выглянув из-за дальнего леса, бросило на зеркальную поверхность яркий золотой мазок. Какая-то птица завела возню в камышах. Потеплело.

Комары выпили ещё по одной капле нашей крови. На посошок!

Недружно затянули песню лесные птицы, выражая своё восхищение новым днём, восхваляя трелями дивное устройство жизни.

Им неведом иной мир.

Они поют — потому что любят мир этот.

Любят таким, какой он есть, и делают своим пением его ещё краше.

Примечание:

В рассказе процитированы строки из стихотворения Дмитрия Горбова «Когда бы знать...».

*

Карелия, г.Петрозаводск, 2007 год

Офицер запаса

Афганские очерки

Посвящается Офицеру КГБ СССР

Айбак

Война — всегда только горе и страдания. Только раны.

Не пойму, почему же тогда Моя война запомнилась мне заурядными, житейскими ситуациями?

Военный 1981 год.

На почтовых конвертах, приходящих из дома, вместо Афганистана указывали узбекский город Термез: «вэ че» такая-то. А стояли мы в городе Айбак, в двухстах километрах от Мазари-Шарифа.

Город этот — сплошной непрерывный кишлак с домами, выложенными из сырцового, саманного или обожжённого кирпича, с голубым куполом мечети, сетью арыков и лабиринтом троп. Единственное достояние местного дехканаина — жёлто-красная, твёрдая, как гранит, земля.

Двухэтажная вилла, в которой размещалась наша оперативная группа, раньше, при шахе, принадлежала финансисту. Здесь иначе. Вокруг сад. В марте начинает цвести миндаль, обливая стену белым, и только к ноябрю созревают орешки. Рядом висят на тонких веточках плоды граната размером с гандбольный мяч, зёрна сочные, сладкие.

Не военная база — прямо Эдем. Только без женщин.

Как там моя Светлана?

Дома и представить не мог, что внутри будет так щемить при воспоминании о ней. Вот дела... Мой «март» давно прошёл. Виски седые. А мысли в голову лезут совсем не военные. Домашние мысли...

Домашней была и наша экипировка.

Мы ходили по-гражданке, кто в чём приехал. Советско-крестьянский покррой предполагал практичное, немаркое, на вырост. Может, поэтому Федя, старший лейтенант из Гомельского управления, с первой же полочки и купил себе в дукане американские джинсы. Да не какие-нибудь — «Wrangler»! Плотный материал цвета индиго, лейблы, аккуратные медные заклёпки. По карманам красивой строчкой вилась крепкая оранжевая нить. В СССР купить такую модную одежду в то время можно было либо у фарцовщиков, либо в валютном магазине, куда простым смертным вход заказан. Целая тысяча боевых афганей ушла на заветную покупку.

Старлей сразу же напялил их и вышел во двор. Картинно продефилировал из края в край по утоптанному земляному подиуму. Цветастая этикетка покачивалась при ходьбе. Ладная фигура в штанах вероятного противника привлекла внимание всей группы. И офицеры, и бойцы из отделения связи невольно прервали свои занятия, дивились на него.

И тут неожиданно из кунга, нашей радиорубки на колёсах, выпрыгнул офицер связи:

— Старший лейтенант и вы, майор! Приказ старшего зоны: засечь огневые точки моджахедов в ущелье, по ходу выдвижения колонны на Таш-Курган. Местный товарищ уже в вертушке.

Лейтенант по-бабьи засуетился:

— Я сейчас, только джинсы переодену.

— Отставить! Бегом к машине!

На ходу запрыгиваем в уазик, мчимся к вертолёту. Двигатель военной птицы запущен, ныряем внутрь, лопасти начинают набирать обороты.

Старший лейтенант безутешен:

— Не хватает ещё испачкать их в первый же раз. Чёрт дёрнул надеть...

В поисках сочувствия он посмотрел на меня. Я понимающе кивнул.

Места в кабине хватало только двум пилотам. Поэтому приспособились: открыли дверь, и на высоком пороге примостился наводчик, пуштун; над ним, заслоня дверной проём, навис старлей. Проводник-наводчик ориентирует — лейтенант тут же пилотам переводит. А пока всё спокойно, этот афганец Ахмад, знай себе, поёт на фарси единственную весёлую афганскую песню:

Мо мирим бэ Таш-Курган, Таш-Курган.
Мо мирим бэ Таш-Курган, Таш-Курган.

«Мы едем в Таш-Курган, Таш-Курган».

По фюзеляжу защёлкали пули.
Попали под прицельный огонь...

Вертолёт — это вам не стриж. Это скорее поднявшийся на крыло динозавр среднего размера. Идеальная мишень, особенно при наборе высоты.

Залетаем в извилистое узкое ущелье. В иллюминаторах по обе стороны — отвесные базальтовые стены. Считанные метры отделяют лопасти несущего винта от рокового касания. Вниз — не видно, какая под нами глубина. Вверх — не видно неба.

Судя по всему, лётчики-то с горами на «ты».

Отчётливо слышно, как свинцовые пчёлы кусают машину. Вдруг пулей пробивает брюхо нашего Ми-8 и по касательной задевает лейтенанту штанину на заднице. Кожу едва царапнуло, крови нет. Но на новых... фирменных... американских... джинсах — дыра!

— Да ну, на хер... с вашим Афганистаном! В гробу я видел эту братскую помощь. Чтобы я ещё раз...

Лейтенант разгорячённо жестикулирует и, перекрывая рёв моторов, кричит всё это в лицо афганцу. Ахмад боится шелохнуться. Часто моргая, он в страхе глядит на «старшего русского брата». Ни слова не понимает, лишь вздрагивает от каждой новой тирады.

На крик оборачивается второй пилот:

— Что тут у вас? Ранило кого?!

— Да идите вы все в ...опу!!!

Обстрел кончился. Проскочили!..

Открылось далёкое пространство; сверху, снизу — везде ласковое голубое небо. Меняя высоту и скорость, Ми-восемь всё больше удалялся от тёмно-бурых, опалённых огнём скал. Полной грудью вдыхаю горячий воздух. С каждой минутой горы раздвигаются вширь, распадаются на пологие кряжи, холмы, словно разводят свои ручищи, нехотя выпуская нас. Облачная пелена исчезла, рассеялась, и горизонт открылся с видимостью «миллион на миллион», как говорят лётчики. Горбатая тень Ми-8, то падая, то взмывая вверх, стремительно скользила по сине-оранжевым предгорьям. Под нами тут и там рассеянно зияли чёрные пасти каньонов с разбитыми, сгоревшими машинами на дне, и, поблёскивая, пенилась своенравная река. Копируя изгибы её, к обрыву прижалась белёсая лента дороги.

Мы засекали все огневые точки духов, вернулись живые, невредимые, однако старший лейтенант считал этот вылет неудачным.

Ахмад был согласен.

Подобрать квалифицированного проводника-наводчика крайне трудно.

Местное население тропы знает распрекрасно, но, куда уходят бандиты, умеют показать только пешком, от базара. Проводить к нужному месту по воздуху — не проси. Крутят головой. Пугаются. Таджики, узбеки, хазарейцы, пуштуны и эти... новый отец народов-то... туркмены. Языки кругом: пуштунский, фарси, дари.

Из кишлака взяли по наводке молодого парня. Первый раз летит, боится, дрожит. А в вертушке и без того тряска, грохот. Русского, естественно, не знает. Не сразу и поймёшь, что бормочет. Языковой барьер — серьёзная проблема.

Неожиданно встрепенулся, тычет рукой вниз...

Пилот решил: «Вражий штаб!» Переспросил для верности:

— Точно, штаб?

Тот радостно кивает, лопочет по-своему.

Ракеты — в цель. Прямой наводкой. Внизу разрывы, дым, пыль. Нету хижины.

— О-оох!

Оказывается, это его родной дом. Похвастаться хотел... Замолкает навеки. Теперь на него рассчитывать не приходится.

И победить без помощи аборигенов нельзя. Поэтому в работе с местным населением мы старались, как могли, придерживаться особой деликатности и такта.

А нашим постоянным гидом сделался Ахмад.

Его в составе трёх афганцев из подразделения царандоя — тамошней милиции — прикомандировали для обслуживания и охраны нашего пункта.

Ахмад прекрасно готовил. Всегда на открытом огне: на плите не умел. Затянет себе под нос заунывную восточную песнь, мечтательно прикроет глаза и давай шинковать в салат перцы, помидоры, зелень, промывать рис, печь лепёшки, жамкать кусочки мяса в маринаде на шашлык.

Мэро бэбу-ууу-уууууу-с, мэроо-оо-о бэбус.
Мэро бэ-э-э-бусс, мэроо-оо-о-о бэбус.

«Меня целуй!»

Бароййе охарин бор
Тора хода негох дор
Ке миравам бэ суй-е сарневешт.

Бахорэ ман гозаштэ
Гозаштэхо гозаште
Ке миравам бэ суй-е сарневешт.

Дохтарэ зибо
Эмшаб бо то мимонам.
Дохтарэ зибо
Эмшаб бо то мехмонам...

У нас бы сказали: «Давай сблизимся и разбежимся». Там по-другому: «Красавица, я сегодня с тобой останусь. Я сегодня твой гость. Весна моя прошла. В жизни всё проходит. Поэтому поцелуй меня в последний раз, и я уйду в сторону своей судьбы».

Ахмад частенько баловал нас отменным пловом.

Возьмёт огромный, будто банный котёл, казан. Нальёт на дно растительного масла. Масло своё, какое-то особенное, исключительно вкусное. Сверху морковь, репчатый лук — крупный, сладкий. На овощи — мясо: телятина или баранина большими кусками. (Такого мяса как «свинина» для них в природе не существует.) Дальше — рис горой. Закроет тяжёлой крышкой казан — и на костёр. Часа два, два с половиной всё это дело на огне стоит. Крышку открываа-а-ает... Ду-ух невероятный!

Рук своих Ахмад никогда не мыл. Раковину, кран с холодно-горячей проточной водой, кусок душистого мыла — всё это разом заменяла ему бурая тряпка, которой не давал он ни покоя, ни продыху. Утирка впитывала в себя соки и запахи каждого блюда, соки смешивались, на жаре доходили. И уже следующее кушанье в его волшебных руках приобретало какой-то особый цимус, неповторимую пищевую формулу. Каждый из нас тоже пытался готовить, но так вкусно не получалось. Мы гадали: «Он специи какие особые кладёт или шепчет над едой чего?» Не может быть, что всё дело в тряпке. К ней все потихоньку привыкли. Тем более, на приёме у губернатора я видел такие же. Их подавали на десерт, к чаю. Каждому свой чайник, блюдечко с восточными сладостями и, в качестве салфетки, для утирания губ, рук — тряпицу...

Хуже другое: у Ахмада постоянно был насморк.

Прозрачная, словно из горного источника, капля всегда висела у него на кончике носа. Он никогда не шмыгал, не втягивал её дыханием внутрь. Только стряхивал пальцами или ждал, когда упадёт сама. Пальцы оботрёт о тряпку и дальше готовит.

Однажды он шёл с огромным блюдом плова. (Мы принимали местных партийных вождей.) Обе руки заняты. Капли из носа, будто из неладно пригнанного краника, летели одна за другой на парящую баранину с рисом и овощами...

Наше обращение в местную кулинарную веру на этом закончилось.

Уволили мы афганца за эти сопли.

Сами стали готовить.

Однако допекали нас и другие заботы.

Изнуряли не только жара, нехватка кислорода, но и постоянное напряжение.

Город Айбак — место беспокойное.

Три года, сотни дней и ночей на войне, в чужой враждебной стране, под пулями.

Днём — мирная жизнь. Всё тихо, спокойно, замечательно. Солнце светит. А где-то с полвосьмого, только начинает смеркаться, первые, отдельные: «Бук! Бук!» Стемнело. И — сплошная канонада. Трассирующие пули. Всю ночь. Не прицельно, просто так. Я удивлялся: кто в кого? На хрена это нужно? С рассветом — стихает, стихает. Всё. Стихло.

Хотя стреляли не всюду.

В Кабуле, при посольстве, под охраной было покойно. Доходило до курьёзов. Один офицер из центрального аппарата в рапорте так и написал: «Прошу разрешить мне остаться в Афганистане ещё на один срок, потому как у меня в Подмосковье сгорела дача, а другого способа заработать на её восстановление я не вижу».

*

Фархад

Политическая обстановка в Афганистане складывалась крайне сложная.

Шла затяжная гражданская война...

Бандитствующих группировок насчитывалось более ста. Из них две, ну совсем одиозные: одна воевала за Исламскую партию Афганистана, где главарём Гульбурдин Хекматиар, другая — за Исламское общество Афганистана, где — Бурхануддин Раббани. Все они против народной власти, а эти две ещё против всех. Мы были не особо щепетильными и пытались сотрудничать с каждой.

Прибежит человек от Раббани:

— О!!! Банда Гульбурдина пришла! Выручайте! Надо их вашими силами погрозить.

Мы собираемся. Мчимся. Грохаем.

— Ташакор! — Спасибо!

В следующий раз наоборот: уже посланник от Хекматиара. Нас опять долго упрашивать не нужно. Опять едем, помогаем бандитам уничтожать друг друга. (Стараемся перехитрить всех.)

Загадка: почему при такой тонкой дипломатии мы постепенно остались без друзей, а количество «бородатых» прибывало, прибывало?..

Война велась кяризная, тайная. Кяризы — подземные ходы, устроенные когда-то для орошения. Люди возникали из них днём и ночью, как призраки... С китайским автоматом, с камнем в руке. Победить в такой войне без агентурной работы нельзя.

Местный губернатор Себгатулла Мухаммади ни к одной из правящих партий не принадлежал. У него свои подконтрольные банды. Мы снабжали Мухаммади советским оружием, — он подобострастно заигрывал с нами и, стараясь угодить, знакомил с нужными людьми.

Одним из самых полезных оказался Фархад.

Губернатор представил его как своего человека, на которого можем рассчитывать. Фархаду шёл девятый десяток. Весь благообразенький такой, с белой окладистой бородой. Ходил с «кольцами» на голове, как в Иордании. Сам родом из Узбекистана. Его родители ушли оттуда во время войны с басмачеством. Он не видел ни советской жизни, ни жизни при царе. Знал только: Узбекистан — его родина.

Старик относился к нам с интересом, уважением. Каждую неделю приносил огромный поднос жареной маринки, укрытой белой тряпицей. Эта азиатская рыба смахивает наружностью на нашего сига, но нашпигована костями хуже леща. Однако у советской рыбы им есть хоть какое-то обоснование: эти нужны для поворота хвоста, те для поддержки спинного плавника. В маринке кости натканы бессистемно, под разными углами, в каждом миллиметре. Как будто специально. Все косточки мелкие, острые. Хотя на вкус рыбёшка бесподобна.

Мы старались отвечать добром на добро: щедро снабжали старца боеприпасами, соблюдая местную традицию «бадал хистал», усаживали гостя на почётное место, подавали в красивой пиале зелёный чай с конфетами. Старик каждый раз с интересом разглядывал портрет Ленина на стене и степенно приступал к трапезе. На Востоке голова, убелённая сединами, — символ мудрости и богатого жизненного опыта. Судя по Фархаду, — так. Четверо сыновей, здороваясь с ним, скрестив руки на груди, почтительно кланялись, а затем целовали отцовскую руку. Год назад двоих убили в междоусобицах. Фархад готов был моджахеда голыми руками рвать. Через него мы получали о бандах наиболее ценную информацию.

Войсковые командиры и по сей день не догадываются, скольких ребят удалось сохранить благодаря информации, доверительно полученной от этого тихого старца.

Дислоцированный по соседству с нами десантно-штурмовой батальон из состава полка в Мазари-Шарифе охраной не занимался. ДШБ проводил боевые операции. То в составе группы войск, то отдельно.

Как-то раз у десантников ночью с поста в карауле ушёл солдатик. Ушёл, оставив и автомат, и подсумок с рожком. Прошло трое суток. На четвёртые к нам приезжает их капитан

Зобов из особого отдела на бронетранспортёре. (Нигде особистов не было, а в этом ДШБ был.)
Интересуется:

— Не слышно ли по вашим каналам, не проявлялся ли где боец? У нас молодой пропал.

— Когда?

— Четыре дня назад.

— А что же вы, миленькие, четыре-то дня?..

— Хотели своими силами.

— Ну, допустим: сутки своими силами. Ни в части, нигде его нет. Почему после этого не раскинуться совместно? У нас, слава Богу, связи ого-го: от Мазари-Шарифа до Кундуза. Люди к нам сами тянутся с гор.

Это было утром, часов в одиннадцать, а вечером, с наступлением темноты, пришёл к нам Фархад с сыном и сообщил:

— Объявился в банде советский солдатик.

Ясно: тот самый дезертир, другого нет.

Чтобы не наскочить на патрули, ненужные проверки, агенты заночевали у нас. На следующее утро, до рассвета, опять особист заявился. Связи мобильной не было. Хочешь не хочешь, чтобы расспросить или рассказать о чём, способ один — ножками притопать. Ему навстречу из ворот — Фархад с сыном. (Плохо, когда осведомители попадают на непосвящённым на глаза, но всего не предусмотреть...)

Я капитану сообщаю:

— Ваш солдатик в банде. Завтра в восемь вечера его передадут в ХАД, они — нам, мы — вам. Без всякой стрельбы.

— Откуда узнали?

— Пресс-конференция закончена...

Развернулся, уехал недовольный.

В батальоне нам выделяют БТР и двух бойцов.

Сажусь на панцирь, держусь рукой за ствол пулемёта. Федя — рядом. Машина идёт плавно: то поднимаясь в гору, то опускаясь, повторяя ходом рельеф местности. Через корпус передаётся вибрация бронетранспортёра, напоминающая воинственную дрожь. К тяжёлому запаху выхлопных газов примешивается солоноватый привкус иссушенных стужей и ветром кровотокающих губ. Волнение сначала захватывает, потом постепенно отпускает. Каждой клеточкой ощущаешь ровную работу сердца боевой машины. Рокот двигателя успокаивает. Луна прямо по курсу. Жёлтая, с оранжевыми прожилками. Огромная, выпуклая, близкая. Она висит над гребнями гор, касаясь вершины. Под ней ярко освещённый склон хребта. Чем дальше от луны, тем слабее просматривается рельеф гор и, наконец, сливается с непроглядным небом. Но я знаю, что эта чёрная зубчатая гряда проходит за моей спиной и замыкает круг, образуя огромную чашу. По дну её мы и двигаемся.

Свет фар выхватывает впереди маленький клочок дороги, и от этого кусочка жёлто-серой земли ночь вокруг кажется ещё темнее. Проходит час, втягиваемся в ущелье. Маленькая речушка, что бежала вдоль дороги, резко уходит вниз. Справа — бездонная пропасть. Слева — отвесная скала. Приезжаем в условленное место. Глушим двигатель. Ждём... В восемь — нет никого. В полдевятого — нет. Луна спряталась за тучи, и ущелье, словно паранджой, накрыла пустынная беззвёздная ночь. Стоим в кромешной темноте. Рядом овраг. Слышим цокот... То ли лошадь в поводу ведут, то ли верхом едет кто.

Внезапно в той стороне, откуда должны привезти беглеца, — автоматная трескотня. Пять минут, десять... Сначала унялась пальба, затем разбуженное горное эхо.

Вообще всё стихло.

Подождали ещё недолго. Делать нечего, развернулись — и обратно, в Айбак.

Наутро прибежал работник ХАДа. Глаза — по пять копеек: в конкурирующей банде узнали, что захвачен в плен советский солдатик, собираются сдавать, — пошли на перехват. Естественно, столкнулись, популяли друг в друга в темноте и успокоились. Местные товарищи обещают: «Через сутки мы вам приведём его на то же место».

Мы — десанникам: «Не дёргайтесь, он в Карачабулаке».

— Ах, в этом кишлаке...

И командир ДШБ майор Деревский, не предупредив никого, повёл туда всю свою танковую армию: двадцать бронетранспортёров. Окружили кишлак, захватили в заложники

тридцать уважаемых старцев, привезли в свою часть на броне и усадили под дулами автоматов на землю. Старики по-своему что-то: «Бур-бур-бур». А стратег Деревский поводит у них перед носом дулом автомата и ультимативно заявил:

— Не выдадите солдата — мы вас кончим.

И над самой головой у аксакалов от пояса — очередь.

Вечером, со второй попытки, мы забрали-таки солдата у хадовцев, привезли к себе на виллу и приступили к дознанию: «Откуда родом? Почему ушёл? Где содержали в плену?»

Он из деревни, молдаванин, фамилия Пержу... Если к этим трём бедам добавить неполное среднее образование, затюканность и забитость ещё до службы — картина будет полной! Бумажку какую-то в местном военкомате заставили подписать и забрали. Железную дорогу, паровоз увидел первый раз, когда в армию везли. Мать с отцом, сёстры живы. Все с малолетства батрачат.

Мы ему доверительно:

— Ну, сынок, и чем бы ты стал у них заниматься?

Еле шевелит опухшими губами:

— Пас бы овец. Афганцы бы меня кормили.

Короче, то же самое.

И, бросаясь от меня к Феде, умоляет:

— Не отдавайте им. Не надо!.. Иначе я и «дедов» постреляю, и... себя.

— За что?!

Оказывается, в ДШБ старослужащие развлекались, отдавая непонятливым и нерасторопным «сынам» приказ: «Душу к бою!» Услышав его, рядовой Пержу выпячивал грудь и получал от «дедушки Апрельской революции» удар кулаком по второй сверху пуговице.

— Раздевайся!

Дезертир обречённо стащил с себя хэбэ, грязную нательную рубашу...

Мы оторопели: грудь была изуродована иссиня-бурыми гематомами, так называемыми «орденами дурака». Он стоял перед нами голый, шуплый, истерзанный, приговорённый на такую судьбу за несуществующие грехи... ещё совсем ребёнок... и добавить к этому было нечего.

В этот момент я мысленно простил ему всё!

Никаких идеологических мотивов для побега не существовало. Выдать военные секреты он был не в состоянии. Устройство БТР для него — чёрная дыра. Просто пареньку с сослуживцами не повезло. Ведь в Афганистане нередко случались и «неуставные отношения», когда «деды» в бою прикрывали собой молодых.

Доставили мы его в родную часть. Зобов с порога встретил беглеца чуть ли не мордобоем.

Я офицеров предупредил строго:

— Та-ак. Специально узнаю: если кто ударит или что другое... Не обижайтесь!

Деревский, его замы сразу попритихли, приуныли. Они, видно, планировали разорвать парня на куски и доложить, что таким и нашли.

Пленные аксакалы сидят в пыли, в дрожащем мареве. Держатся с достоинством. Степенно переговариваются. Что они думают о нас? Как теперь убедить их в благородстве помыслов «шурави»? Среди заложников наш помощник — дед Фархад. Глазами встретились, разошлись.

Я собрался уезжать, пошёл к машине. Особист вызвался проводить, чуть отстал.

Вдруг слышу сзади:

— О! Дед! Знакомая борода! Ты что ли тогда к «комитетчикам» приезжал?! Чё молчишь?..

Холодный пот выступил у меня на спине. Я резко повернулся. Капитан Зобов навис над Фархадом. Тот сидел, невозмутимо устремив взгляд вперёд. Дехкане беспокойно зашевелились и с гневом разглядывали старика.

— Капитан, подойдите ко мне...

Скомкав беседу с Зобовым, едва выдавив на прощание приличные слова, я уехал.

Но непоправимое случилось...

На следующий день сын Фархада принёс нам страшную весть: «Отца убили моджахеды за то, что якался с советскими».

Такого обвинения для смертного приговора было более чем достаточно.

Парня-солдатика отправили в Союз, в стройбат. Майора Деревского после этой операции прозвали Дубовским и направили в академию. Контакты с ДШБ мы свели к минимуму, но полностью исключить их не могли. Служба есть служба.
Своих не выбирают.

*

Глаша

Когда ветераны вспоминают войну, сквозь расстояния, годы вырастают перед нами в исполинский рост бойцы-герои; вновь звучат сухие приказы командиров; с коротких привалов слышатся заученные, будто молитва, строчки письма из родимого дома; в часы затишья между боями тревожит душу нестройная песня.

Но однополчане бывают разные...

Целые легенды слагают фронтовики о своих безмолвных спасителях и верных друзьях. Грозных или заботливых, в зависимости от задач, на них возложенных. Гвардейский реактивный миномёт и трудяга-грузовик, дивизионная пушка-говорунья и отполированный мозолистой ладонью штатный автомат. Эти стальные сослуживцы хлебают лиха по полной. Даром, что без плоти-крови. Металл ведь тоже имеет свойство уставать... Присваивают тогда благодарные бойцы бездушной единице вооружения имя личное. Величают ласково: «Катюшей», «Максимом», «Макаром», «Лебёдушкой». И становится серийный образец с заводским номером близким фронтовым другом.

Никаких «Катюш» в нашем подразделении КГБ не числилось, однако и у нас была своя стальная колёсная подруга — полевая кухня.

Звали мы её ласково — Глаша.

Расформировывали команду «Скат», скомплектованную из представителей МВД. Вороватая была структура... Возможно, поэтому аббревиатура их министерства всегда звучала в транскрипции сотрудников «конторы» уменьшительно-ласкательно — «мэндэвэ».

Идёт из Союза новая техника в Кабул. Они её сопровождают, стерегут и одновременно, когда что понравится, берут себе. Изымают, к примеру, автомобиль «Волга», немножко простреливают и геройски докладывают:

— Во время транспортировки попали в засаду душманов. Одна машина серьёзно повреждена. Простите. Извините. Слава Богу, остальные целыми доставили, и сами живы.

А машину отгоняли обратно в Союз и по отработанным каналам всё шло, как положено...

В Афганистане они как бы служили в составе отдельных частей, как бы советниками местной милиции — царандоя. Обеспечение автономное: при себе полевые кухни, электростанции, радиостанции. Командование — человек двадцать. Старшим — чин не ниже заместителя начальника УВД.

В части, расположенной в Айбаке, командир — с Украины. Он считал себя дважды полковником. Первый раз ему звание присвоили, когда уезжал в Афганистан. Прибыл — вслед реляция пришла повторно.

И вот расформировывают этот «Скат». Всё мало-мальски ценное они увозят обратно в Союз, а с полевой кухней не знают, что делать. (Сейчас в таких гудрон варят; снаружи чёрная, страшная, внутри — два пищеварочных котла.) Передвижная кухня была смонтирована на базе одноосного прицепа, но в первый же месяц службы в Афганистане колёса удачно «толкнули». С тех пор кухня сиротливо стояла на самодельных деревянных полозьях. Попробовали перед отъездом «втюхать» её соседям в мотострелковый полк за бутылку технического спирта. Не удалось! Решил тогда отец-командир, на правах посланника Великой державы, подарить походную кухню губернатору тамошней провинции в целях дальнейшего укрепления международного сотрудничества.

Принайтовали они кухню тросом к уазу, воткнули пониженную передачу и потащили по пыльным улочкам Айбака на глазах изумлённых мусульман. Полозья оставляли после себя глубокие борозды, печка на ходу топилась, дымом попыхивала, точно в сказке про Емелю. (Мы с Федей оказались невольными свидетелями этой «презентации».) Когда въезжали во двор, зацепили ворота. Страшный грохот разбудил мирную резиденцию. Створка сиротливо повисла на одной петле и застыла. На крыльцо выскочил губернатор с гаремом. Широко распахнутыми от ужаса глазами хозяин взирал, как гости уничтожают цветочную клумбу и победоносно продвигаются к парадному крыльцу, сея разруху, ужас... всё ещё считая, что делают подарок. В полную силушку демонстрируя мощь Советского Союза. И — гвоздь программы! Перед виллой

напыление асфальта — взрываются. Наконец разочарованно останавливаются. Упитанный дважды-полковник выкатывается из машины, хлопает дверкой. Едва удостоив Федю вниманием, бросает:

— Переведи! — и на одном дыхании, с пионерским задором рапортует. — Дорогой Себгатулла Мухаммади, спасибо вам за службу с нами вместе, вы нам много помогли. Мы хотим отблагодарить вас. Примите от нас бакшиш! Знаем, готовите на открытом огне по причине беспросветной вашей феодальной отсталости.

Он решительно шагнул к главе провинции и троекратно обнял его по-афгански. Губернатор знал, что по правилам международного этикета нужно изобразить на лице признательность, счастливую улыбку, высокопарно поблагодарить, а у него на глаза непрошено навернулись слёзы, руки мелко задрожали.

Наконец он стойчески выдал:

— Спасибо... уезжайте!

Я мысленно охарактеризовал такое поведение губернатора «маниакально-дипломатичным».

Милиционеры подались восвояси. Мы с Федей заинтригованы. Предательски подталкивая друг друга, с опаской приближаемся к дымящейся кухне. Открываем крышку. В котле, что побольше, жидкость какая-то закипает. Поддеваем черпаком... После «второго» бак отмачивали и не помыли!.. Жара. Вонь жутчайшая...

Губернатор чётки перебирает быстро-быстро. Ему плохо, еле стоит, а туда же... Под вой гарема подходит следом, берёт черпак, на ощупь зачерпывает со дна... вытягивает шею... видит горячую бурю жижу. Бледнеет. Безвольно разжимает пальцы. Черпак со шлепком падает. Лицо высокопоставленного афганца сводит непротокольная гримаса.

Когда речь вернулась, он жалобно, убитым голосом произнёс:

— Пусть они уедут, совсем. Вы, пожалуйста, заберите это... Я вам мм-мандаринов, апельсинов... (Типа: озолочу!)

И вот, словно переходящий вымпел, настоящая армейская кухня: от милиционеров — губернатору, от него — нам. У всего личного состава приятных ожиданий, связанных с трофеем, радужных прогнозов — выше нормы.

Притащили мы беспризорную полевую кухню к себе, отдраили, отчистили её, через тыловиков достали колёса, установили и откатали под навес, в тень. Теперь ей предстояло стать кухней пустыни. Может, изловчимся сготовить на ней чего-нибудь жиденского, горяченького? Две недели на сух-пайке. Извелись вконец.

Дровишек у нас, слава Богу, хватало — горы ящиков от снарядов. Без них бы — беда! Дров в Афганистане, в привычном смысле этого слова, нет. В долинах редкие ивы и тополя. Полукустарничек терескен — единственное топливо.

Но ведь сама кухня готовить не будет. Шеф-повар нужен...

Утром, пока не жарко, построил я четверых солдат из отделения связи.

— Та-ак, первый вопрос. Кто умеет готовить?

Молчат безответные существа...

— Та-ак. Хо-ро-шо... — я произнёс это таким тоном, чтобы было понятно всем: «ничего хорошего молчание не сулит». — Кто из деревни?

Все из деревни.

Я самому долговязому, белокрысому:

— Как звать?

Тот, перетаптываясь с ноги на ногу, нехотя признаётся:

— Лёха...

— Как служба, Лёха?

— Ничё... Лучше песок на зубах, чем иней на яйцах.

— Мудро. Дома готовил?

— Ну, готовил... Но у нас всего-то, картошку сварить...

— Ты давай дурака не валяй! Откуда в пустыне картошка? Будешь кашу варить.

Так Лёха прошёл кастинг.

Солдатики, подтрунивая над ним, разошлись.

Когда солнце нехотя сползло с зенита, Лёха обречённо напялил выданные поварской колпак и передник. Открыл кулинарную книгу. Затем немотивированно-тревожно гремел пустым ведром, принёс из арыка воды. Долго растапливал печь. Движения бойца были замедленными, неуверенными.

Я, не привлекая к себе внимания, пас его.

Новообращенец, вцепившись двумя руками в длинный черпак, размешивал тягучую горячую массу; подливал, при необходимости, воды из ведра; захлопывал крышку котла, когда «афганец» — ветер пустыни — поднимал облако белой раскалённой пыли. При сильных порывах и Лёха, и поварская машина угадывались силуэтами, точно в пургу.

Блюдо было анонсировано как «манная каша на воде» — самое простое из того, что дебютант мог. В алюминиевой кастрюле он принёс для офицерского состава богатую порцию с добавкой. (Кто-нибудь из вас ел нечто подобное? Будет возможность — не ешьте...) От Лёхи никто ничего не ждал, но даже такой настрой оказался радужно-оптимистичным. Тёплые синюшные разводы настораживали, манная смесь пригорела, на зубах хрустел песок. Не спасло биомассу даже то, что шеф-повар щедро умаслил её комбижиром.

Но как бы там ни было, завтрак состоялся. Лиха беда — начало!

Я испытывал за Алексея тихую гордость...

Однако возрадовался я рано. На следующий день личный состав любовался восходом и закатом солнца через дуршлаг пулевых пробоин в стенах сортира. Причём главной задачей стало не добежать туда — донести. Вокруг не утихали разговоры о брюшном тифе и холере, о малярии и гепатите. Только медсанбата здесь не хватало! Военная медицина — она ведь чудеса творит в хирургии, а прочие болезни... Как повезёт.

Назначаю в наряд по кухне другого. Опять не то... Следующего. Всех солдатиков перебрал. Примерно на одном уровне — хреново.

В итоге всех выручил наш шифровальщик Володя из Смоленска. Смотрел он, смотрел на этот аттракцион — и вызвался кашеварить. Его поварское искусство граничило с шаманством. Кухню он любовно нарёк Глашей. Гладил горячие дородные бока её, что-то интимно нашёптывал. А та в ответ за доброту-ласку — аппетитный плов или макароны по-флотски. Чудо — не печь!

Когда случались крупные праздники, мы устраивали застолье вместе с Мухаммади и подшефными руководителями по направлениям. Домами дружили! В годовщину Саурской революции (с чего вся эта калобуда началась) губернатор устраивал приём у себя. День Октябрьской революции или Первого мая отмечали у нас. Местные загодя приносили на праздник свежее мясо, овощи, в изобилии гранаты, арбузы, дыни. С нас — спиртное.

Накануне Великого Октября губернатор привёл к нам птицу. Что за порода? — не знаем. Внешне походит на страуса. Такая же здоровая, голенастая. Выше человека. Серая. Клюв мощный. За четыре дня до праздника с ней пришёл. «Пусть, — говорит, — она у вас в саду попасётся». Ну, пусть... Крупы ей насыпали — не хочет. Ходит себе, деликатно листики на кустарнике щиплет. Молча тарасится на нас. Мы три дня — с автоматом следом. Не знаем, на что решиться. Но делать что-то нужно, раз мясо само пришло. Мы опергруппа или как? Завтра званный ужин.

Федя передёргивает с лязганьем затвор, патрон — в патронник:

— Я мигом её. Крякнуть не успеет...

Картинно выцеливает, нажимает спусковой курок: «Та-та!»

У птицы полголова снесло, но такое подозрение, что ей об этом никто не доложил. Как подхватила, как рванула по двору, расщеперив короткие жидкие крылья. Солдатики от такого змея-горыныча, точно куры с кудахтаньем, врассыпную. Я подпрыгнул и, уцепившись за край дувала, повис на руках. Федя — на походную кухню; приплясывает на крышке, злорадно матерится на фарси. А пегасу катрены и слушать нечем, знай себе носится по двору. Да всё больше иноходью норовит. Ноги длинные, мускулистые. Пыль столбом! Грохот посуды...

Куда?!

Птица метнулась к дальней стене, зигзагообразно проскакала по минным заграждениям. Хитроумные мины-ловушки и система сигнализации растерянно молчали.

Федя вновь вскидывает к плечу автомат. Дуло широко рыскает по воздуху, не поспевая за мельканием неуёмного афганского птеродактиля.

Хрипло кричу:

— Не стрелять! Живьём брать...

Бойцы растянули пеньковый канат и пошли цепью. Страус, повалив солдат, прорвал строй. Со второго захода окружили вражину плотным кольцом, навалились оравой. В схватке наметился перелом. Птица последний раз дёрнулась, затихла. Одолели! Бойцы поднимаются с земли: хэбэ в пыли, в крови, в крупных пуховых перьях. На лицах радость. Хороши!

Федя, войдя в раж, растолкал солдат и от всей души пнул пернатого. Дичь оттащили волоком на кухню, а он ещё долго не мог успокоиться...

Была джума — пятница, выходной день на Востоке. (Тяпница — по-нашему.) На праздник собралось всё руководство Айбака: партийное, армейское, милицейское, наш аппарат — вместе со своими «воспитанниками». Советские войска ведь не в одиночку воевали с бандитами. Из сторонников Саурской революции мы создавали подразделения по своему образу и подобию: посланники КПСС «нянькались» с партийными функционерами из Народно-демократической партии Афганистана; армейские советники из СССР формировали отряды «сарбазов» — правительственных войск; МВД — местную милицию «царандой»; «контора» по аналогии создала афганский КГБ — Хадаматэ Аттэлоатэ Довляти, ХАД. (Сотрудников этой службы мы величали «хадовцы», а их детей «хадёныши».) Советские специалисты для подшефных структур были советниками, «мушаверами». Не зря же мы приехали из страны Советов. Но поскольку наши щедрые советы редко приводили к успеху, аборигены постепенно перестали к ним прислушиваться, хотя водку за компанию распивали охотно...

Столы накрыли прямо во дворе.

Из бешеной курицы Володя приготовил плов. Вкуснотища!!!

Спиртным руководство зоны обеспечило щедро, но на таких массовых мероприятиях водка почему-то заканчивалась быстрее, чем хотелось...

Вечер двигался к концу. Тосты за мир-дружбу, за сотрудничество и победу сказаны. Водку разлили по бокалам, осталось полбутылки. Все понимают — последняя. И тут Себгатулла Мухаммади важно встаёт. С головы до пят в парадном облачении: длинная, до колен, рубаха-каamis; широкие штаны-партуг, плотно подпоясанные золочёным кушаком; вышитая безрукавка «садрый», с четырьмя карманами и огромной чеканной застёжкой. В белоснежной чалме. Орёл! Губернатор торжественно берёт в правую руку полный бокал, левой пододвигает бутылку к себе... и... указательным пальцем... затыкает горлышко... («Моё!»)

Федя толкает меня коленкой под столом:

— Как в том анекдоте: «Наху!.. наху!.. — закричали гости. — Водку оставьте на столе!»

Губернатор окидывает всех долгим пронизательным взглядом и обращается к дорогому собранию:

— Рафакое махтарам!.. («Товарищи уважаемые!»)

Высокопарно. Вдохновенно. Весомо. И пальцем горлышко бутылки страхует...

Его можно понять. Восточные речи красивые, длинные. Мало ли что за это время в такой разношёрстной компании с водкой случится? (Укоряй себя потом за беспечность.) А тут — без вариантов... Можно, не отвлекаясь, полностью сосредоточиться на докладе.

— Уважаемые товарищи! Мы благодарны за вашу помощь нам. Советский Союз — лучший друг Афганистана. Он первый заключил с нашей страной договор...

Ленина вспомнил, Аманнулу-хана. Того-то, кстати, как звали?.. Да, Аманнула и звали. В девятьсот девятнадцатом этот Аманнула провозгласил независимость Афганистана от Великобритании и — бегом к Ленину. Тоже не признанному руководителю непризнанной Советской Республики. Брататься. История умалчивает, кто кого первым признал, но именно в этом заключалась дружба между нашими народами, что друг друга мы признали. Судя по всему, государственные отношения между лидерами строились по формуле: «Ты меня уважаешь — я тебя уважаю. Мы с тобой уважаемые люди!»

Праздник закончился на высоком идейном уровне.

Губернатор до уазика добрался на своих ногах, тела его соратников традиционно пришлось относить на руках.

Ещё один кирпичик в фундамент дружбы народов был заложен.

А в свою передвижную кухню мы единодушно влюбились, в минуты благоговения уважительно величая Глафирой. Лёха изобразил на борту с одной стороны красную звезду, с другой — гвардейский значок. Не кастрюля на колёсах — машина боевая!

В оперативной группе отсутствует знамя части, как в строевых подразделениях. Поэтому при расставании, на память, мы снимались у родной походной кухни. До сих пор у моих сослуживцев в домашних альбомах, как реликвия, хранятся снимки, где все мы, устремлённые взглядами в объектив, а чуть поодаль Глаша — наша боевая подруга-кормилица. Полевая кухня, которая разделила с нами судьбу и, как могла, скрасила военные будни и торжества.

*

Афганская ёлка

Заканчивался тысяча девятьсот восемьдесят третий год.

Скоро новогодние праздники. В этот раз мы решили раздобыть ёлку любыми правдами-неправдами.

Только какое празднество без женщин...

Мужчины — воины. Так. Но если нет возможности пройти перед самкой, развернув во всей красе своё опалённое боевое оперение, и бросить к её ногам поверженный штандарт — вкус победы теряется. Да и нести службу здоровым, энергичным мужикам без женской ласки-тепла тяжело. Ведь помимо воинских уставов существует ещё закон природы. Ему подчиняются и слоны, и мышки.

Нашего старлея Федю сексуальная озабоченность не отпускала ни на минуту. У него был гормональный склад ума... Худой, с длинной шеей, выпирающим кадыком, он не просто ходил — рыскал по сторонам, будто двуглавый дракон. (А вдруг?) С ним говоришь, однако полной уверенности нет, что управляет им та голова, которая под фуражкой. Чувствуешь: сосредоточен он не на интернациональной помощи братскому народу Афганистана, не на запоминании паролей и явок — другое Федю томит.

Мне контролировать эмоции было легче. Никогда не забывал: первым делом — долг, присяга, приказ. Без таких понятий в «конторе» не служат. Окинь взглядом старушку Землю — где-то обязательно идёт война. А мы боремся за мир. Боремся с оружием в руках. В точках «горячих» и самых «холодных» — сотрудники наших спецслужб. Там благодать, где мы! Если мы будем везде, везде будет любо-дорого поглядеть.

Но влияние «правильных» мыслей к вечеру слабело и у меня. Дни слагались в недели, месяцы. Месяцы — в годы... И всё один. А так мечталось, если не потрогать женщину, то хотя бы посмотреть на неё. Издали... одним глазком... краешком глаза.

Хотелось сладкого!

За два года службы в Афганистане нам с Федей удалось полакомиться лишь однажды. Это случилось в Кабуле, самой близкой точке от Айбака, где служили вольнонаёмные советские женщины. Находились они там под жуткой охраной, за высоченным забором.

В тот день всё как на грех складывалось против нас: и весна, которая полонила восточный город, и волшебный воздух, который дурманил, и даже белоснежные вершины близких гор, которые, точно невесты в подвенечных нарядах, выстроились под солнцем...

Мы ни на что и не рассчитывали... Так, нехотя поинтересовались у своих кабульских коллег... А те всерьёз... Вот, чудаки! Нашли нам дивчину со спорной внешностью, пояснив, что «красивых они берегут для мужчин без воображения».

Деваться некуда...

Вывезли мы эту отзывчивую царевну-лягушку с территории воинской части старым шпионским способом — в багажнике «Жигулей-копейки». Маркитантку нам отдали под честное офицерское на три часа...

Федю после свидания я не узнал: он впервые, ни с того ни с сего, сам завёл разговор о службе. Горячился — и говорил, говорил... А я молчал.

Тихо угасал весенний день. На закате солнца малиновый жар окатил скалы и ветки цветущего граната тревожно-багровым. Песчаный афганец студил лицо, охмуря терпким запахом саксаула...

Неужели это и есть запах жизни?

Позже выяснилось, что совсем близко, в десантно-штурмовом батальоне у майора Дубовского тоже служили по контракту наши гражданские девчата. Да не одна — две.

Целых две!

Молодые девицы. Одной лет двадцать, пермячка. Она заведовала секретной частью и библиотекой. Стихи писала. Всё в белую рифму, заумно:

Родина далеко,
А я вот здесь в горах Афганистана.
Солнце садится, мне кажется — на моей родине...

Вторая — работник военторга, чуть постарше, но тоже детородного возраста. В магазинчик завозили какие-то продукты, промтовары. Она отпускала их за чеки Внешторгбанка.

До этого мы отоваривались на кишлачной площади, в дукане — местной лавочке вроде кибитки, слепленной когда из картона, когда чёрт знает из чего. При всём том товары там японские, западногерманские, американские: «Sony», «Panasonic», «Sharp», «Wrangler»... Первый раз видели, как одетые во что попало, сопливые, чумазные мальчишки жонглируют дефицитной продукцией. (Совсем маленьких в Афганистане не моют вообще: по местному поверью, слой грязи сохраняет от злой напасти.) Тут же кучки дров: их продают на вес, укладывая кривые сучья на чаши самодельных рычажных весов. «Бочата» ругаются по-русски без акцента: «Русские, уезжай домой».

— Щ-щас!

Узнав про советскую торговую точку — «чекушку», мы единодушно решили не носить свои «боевые» в дукан. К тому же появилась легальная возможность регулярно бывать в ДШБ, разбавляя тягучее суровое мужское одиночество женским обществом. Мы приносили девчатам сувениры, подарки. Я, когда удавалось, собирал для них среди камней букетики жёлтой ферулы и голубоватых мятликов. Они удивлялись такому вниманию и смущались.

Однажды Маринка-продащица, дождавшись, когда десантники выйдут из магазинчика, бросилась в слезах мне на шею. Вся взъерошенная.

— Марин, что случилось?

— Всё, я больше здесь не выдержу-уу... Наташка помоложе, раньше сломалась. Я тоже больше этого выносить не могу. Через неделю сменщицы, прилетает борт. А пока можно мы у вас поживём?

Оказывается, их имели право пользоваться командир Дубовский, его зам, замполит и начальник особого отдела. Остальные — уж как получится... Если, к примеру, замполит «прорабатывает», то низшие терпеливо ждут. Только командир может вклиниться без очереди: «Ну-ка, давай её сюда!»

Переехали девчата к нам, а всё успокоиться не могут.

Маринка в отчаянии призналась мне:

— Ещё бы месяц жизни с «рембовиками», я бы или покончила с собой, или свихнулась. Это ж невозможно.

Я с задержкой дыхания в ответ:

— Марин-нн... У нас тоже народ т-такой... озабоченный... годами не обихоженный!

Ребята молча перетаптываются в сторонке, пожирают глазами сказочную гостью, слюной захлёбываются. По губам Феде читаю... поэтические строки: «Как увижу я Маринку, сердце бьётся о ширинку!»

— Да я всё понимаю. Я с удовольствием. Вы милые, вы мне нравитесь, власть не показываете. Цветы дарите. Но не могу... Как вспомню эти... ужасы афганской войны. Бррр! Дайте денёк-другой в себя прийти. Оклемайтесь.

Договорились. Время пошло. Стрелки вперёд не подгоняли. Ровно два дня, минута в минуту, дали ей отоспаться, подкормили. Всё по-честному.

Проходит неделя. Ми-шестого нет. Штурмовики-десантники на «бэтээр» вновь нарисовались: в полном боевом, амуницией брякают, глаза шальные, голодные.

Капитан Зобов запальчиво:

— Мы их забираем назад!

Надо было видеть, как начальник особого отдела с замполитом гонялись по двухэтажной вилле за девчатами. С этажа на этаж. Прятки — не прятки, догонялки — не догонялки. В особняке

куча закутков, два входа, два выхода. Сапоги с металлическими подковками: цокот, топот, визг. Они то туда спрячутся — то сюда. То туда — то сюда.

Офицеры избегались, обыскались, запыхались. Не поймали.

Особист с раздражением:

— Вы сами их прячете. Выдавайте!

Редкие рыжие усы его от возбуждения нервно топорщились.

— Ребята, зачем их сильно насиловать? Вы же видите: не хотят женщины возвращаться.

Тем более, они рассчитались с вами вчистую.

— Нет. Мы вам их сдали — вы нам верните.

Душевного разговора не получилось. Тараканьи бега закончились. Пыль осела. Утихло. Девчонки, дрожащие, пунцовые, повыползали из щелей и жалобно, с надеждой:

— Уехали?

— Уехали.

— Фу-у-у...

После этого — пару дней тишина.

Снова прикатывают. С угрозами. Хоть бы в шутку, ан нет, всерьёз.

— Не отдадите по-хорошему — мы технику подгоним, развляем всю эту малину!

— Я вам развляю. Сейчас радиogramму в Кабул отправлю, чтобы вас вместе с вашей частью, со всем вашим б...ядством убрали из Афганистана.

Примолкли. Ретировались.

К встрече Нового года мы стали готовиться загодя.

С продуктами, благородной выпивкой проблем не было. Алим, вольнонаёмный таджик из Союза, ездил на автолавке, обслуживал воинские части. Продавал на чеки. Полный фургон: «дипломаты», чешская-румынская обувь вместе с крабами, паштетами, печеньем, шампанским.

Только где достать ёлку?

Опять он выручил.

— Спасибо, Алимужка!

Нормальную лесную красавицу найти не удалось, зато из тугая, приречного леса, он привёз афганскую сосну Жерара. Хвоя крупная, редкая. Промеж себя эту хвойную породу мы упрямо величали ёлкой. Так привычнее и родней. Иначе забудешь: «Как правильно?» (А то у афганцев ведь даже Новый год не 31 декабря, а 16 июля — по календарю солнечной Хиджры.)

Алим любил останавливаться у нас: под охраной, отдельная комната, кровать, постельное бельё. В этот раз он приехал с таким расчётом, чтобы встретить Новый год вместе.

До праздника оставалось четыре дня. Но какой праздник без победы, хотя бы локальной? И решили Руководители войны, под ёлочку, провести общеафганскую войсковую операцию. Как-никак воевать приехали, в смысле интернациональте, а не только шампанское разбрызгивать. Полководцы народной армии, со своей стороны, на таком «вздрыге» тоже настаивали. И сошлись широкие красные стрелы генштаба на карте у Таш-Кургана.

Таш-Курган — вход в горы. Ниже, на уровне реки Амударья, предгорье. Аму — река капризная, своенравная. Её песчаные берега легко размываются течением, русло непрерывно меняется. Вдоль реки тянутся пески с дикими верблюдами, равнинки, зелёнки с кишлаками. От Таш-Кургана начинается подъём в горы. Горы эти, неприступные, с угрюмыми ущельями, наштапигованы базами мятежников, их пещерами, схронами.

Операция спланирована. Обязанности распределены. Народу армейского понаехало немеренно: наше начальство и представители оперативного управления генерального штаба ДРА из Кабула, войска из Кундуза, авиация из Баграма, полк из Мазари-Шарифа. Подтянули технику, какую только возможно, чтобы встряхнуть всю эту мятежную провинцию, показать мощь и силу «шурави». Чтобы откинуть, наконец, бандформирования, а может, и совсем погасить сопротивление. О предстоящих крупных боевых действиях желающие могли узнать загодя потому, что в медсанбат Айбака приехала дополнительная группа врачей.

Колонна, растянувшись на несколько километров, тяжело извивалась по скалистому гребню. В воздухе барражировали вертушки. Шум винтов то стихал, то усиливался: машины гибли крутые изломы ущелья.

Обледенелая, со снежными заносами дорога уходила всё выше и выше. Вырубленная в скалах, она то исчезала среди острых мёрзлых скал и колючего кустарника, то нависала над обрывом. Жаром дышали двигатели боевых машин десанта, артиллерийских тягачей. На подъёмах колёсная техника буксовала, на спусках гусеничная шла юзом. Временами траки многотонной БМД, балансируя на поворотах, рвали лёд, зависнув над пропастью.

Громадные ледяные пирамиды гор стояли на страже в безмолвном величии.
Из тёмных каньонов выползал прядями туман.
Хмурился Гиндукуш...
Ну, ничего.

В километре за городом, перед огромным ущельем, плато. На нём разместилось командование. По сведениям агентурной разведки именно за этим ущельем укрылся вражина!

С отрогов гор в нас постреливают из «буров» (винтовки такие английские с шестигранным стволом): «Бак-пак, бак-пак». Им в ответ советские крупнокалиберные пулемёты мощно и грозно: «Ду-ду-ду... ду-ду-ду...» Для прикрытия перед фронтом развернули бронегруппу. Но и с тыла раздаются одиночные выстрелы. Ладно. Бронетранспортёры поставили по кругу. Снаряды проносятся над нашими головами с гулом, свистом, грохотом.

А здесь, за бронёй, мирное пространство. Солнышко греет. Время обедать.

Генерал командует:

— Товарищи офицеры, война войной — обед по расписанию.

Солдатики устанавливают раздвижные столы, бегают с мисками, ложками. Щедро накладывают первое, второе. По желанию — добавка. Плотно откушали. Генерал обтирает жирные губы. Расщеплённой спичкой ковыряет в зубах, осоловело поглядывая в небо. На тринадцать ноль-ноль по сценарию запланирован подвиг: назначен бомбоштурмовой удар.

— Ровно через две минуты наши соколы-орлы прилетят, дадут врагам жару.

Время «Ч». У кого-то непроизвольно отпрыгнулось, и снова тишина. Десять минут прошло. Генерал встал, грудь колесом, руки за спину, ходит взад-вперёд.

— Что же они опаздывают? Что за разгильдяйство?! Всё должно быть чётко по времени.

Задержка непредвиденная. Обед закончился, война должна идти дальше, а она не идёт. Он командует, а ничего вокруг «не командуется». Ещё полчаса прошло.

Далёкий гул...

Со стороны Кабула появляются самолеты-штурмовики СУ-25. Идут высоко, красиво, делают большой разворот над театром военных действий и заходят на «капельку», точку сброса смертоносного груза. Все упрёки позади. Генерал разваливается в широкое походное кресло и, точно из правительственной ложи, вполголоса комментирует ход батальной сцены:

— Вот сейчас краснозвёздные герои шарахнут «пятисоткой»! Тошно будет гадам.

Глядим: от короткокрылого «Грача» отрывается фугасная авиационная бомба ФАБ-500 весом полтонны и... летит к нам.

Слышен нарастающий грозный вой.

— Ё-о-опп!!!

Генерал вскакивает, фуражкой об землю. Хребет Гиндукуша дрожит от смачного армейского мата. Я по привычке, чтобы сравнить давление на барабанные перепонки снаружи и изнутри, слегка приоткрываю рот.

— Куда?! Куда стреляете?! Куда мешаете?! Куда спускаете?!

Кудахчет, топают ногами, мелко и часто плюётся. Бежать бесполезно. Тут хоть куда «бежи»: эдакая дура — если попадёт, от плато ничего не останется. Но бомба, будто посмеиваясь над нами, с рёвом перелетает ущелье и где-то в горах: ба-ба-ах! Децибелы пожиже, чем от мата, но тоже знатно.

— Так, — удовлетворённо подводит итог генерал, — нормально легла.

Начинает темнеть. Сворачиваем базу — и в Айбак.

Только добрались до кроватей, улеглись — как долбанёт. Стёкла зазвенели. Мы повскакивали, звоним дежурному.

Тот с хохотом:

— Да, ребята, сегодня вам не поспать.

У артиллеристов это называется то ли «блуждающий», то ли «будоражающий» огонь. А может, «беспокоящий». Якобы с целью не дать противнику заснуть. Каждые пятнадцать—двадцать минут залп: ракеты «земля-земля». Через Айбак, через ущелье, куда-то в горы, опровергая старую афганскую поговорку, утверждающую, что «с Гиндукушем не спорят». И так всю ночь.

Не знаю, как душманы, — мы точно заснуть не могли.

Утром на завтрак — фрукты и опять война.

Карты нет. Спрашивают: «У кого есть?» Царандоевцы по рации: «У нас!» Мы на узике к ним. А обстрел из пушек уже начали. (Не простаивать же «богам войны» без дела!)

Заранее по мегафону объявили: «Женщины и дети, покиньте населённый пункт!» Один раз сказали. Два. Не выходят. Всё, начинаем. А что делать?.. Военное искусство тоже требует жертв. Пушки, ракетные установки обрушили шквал огня на хижины бабаев... Кишлак горит. Ветром дым пригибает к земле. Не бой — аутодафе. Привезли карту. Чуть скорректировали огонь. Ещё два часа перепыхивали.

Вдруг видим: из горящего кишлака идёт по полю женщина в чёрном.

Длиннополое одежы её разметались по ветру.

На голове белый платок.

Вокруг гроыхает. Дым. Осколки. Шальные пули.

Ад.

Женщина идёт прямо на нас по открытому месту. Идёт — не сгибается.

Афганские правительственные воины-сарбазы в тревоге.

Стрельбу прекратили.

Подходит.

В безумном состоянии...

На руках ребёнок. Из носа две тонкие струйки крови. Ещё живой.

Быстренько машину. Быстренько охрану. Быстренько в больницу.

В воздухе раздался протяжный крик, и низко над головой скользнула большая чёрная тень. Гриф-ягнятник. Я будто бы даже разглядел его готовые к пиру жадные когти и приоткрытый клюв.

С кем воюем, кого защищаем?! Бред...

Благо, научили не сомневаться. Не дрогнув, не рассуждая, исполнять любой приказ, а то бы — труба... Снайперской пуле сомнения ни к чему.

Генералу по рации идут доклады: «Прошли тот кишлак, этот. Зачистили. Старинного оружия изъяли столько-то единиц. Молодёжь вытащили из подвалов в количестве... и в армию призвали. Главарей банд или людей, признающих себя бандитами, ни одного не нашли».

«Работа» закончена... Разъезжаемся по местам дислокации. Вот теперь можно и Новый год встречать.

По-афгански «победа» — «наسر». Думаю, итог данной войсковой операции можно охарактеризовать как «полный наср». Когда советские войска входили в Афганистан, их встречали тепло и радушно. Теперь отношение менялось. Пройдёт несколько лет, и весь афганский народ, объединившись, отвергнет шурави.

Командование, отмечая нашу доблесть, проявленную в бою, за два часа до звона курантов наградило группу ценным подарком — телевизором «Sony».

В фойе, на солдатской тумбочке, неподъёмным монолитом уже громоздился цветной ламповый «Рубин». Однако он даже на заводе-изготовителе, под телевышкой, при стабильном напряжении, никогда чётко не показывал. Здесь, в воюющей родоплеменной стране, напряжение

мало того, что прыгало, оно в прыжке едва касалось ста восьмидесяти вольт. Для чего тогда этот комод с экраном стоял? Непонятно. (Задавать лишние вопросы у нас в «конторе» не принято.) Вот на такой монумент-этажерку мы установили японский телеприёмник. На выходе: идеальные яркость, чёткость, звук.

Праздничный вечер.

Суетимся, накрываем стол, наряжаем ёлку. Хрустально позвякивают бокалы. У меня в комнате легонько постукивает дверка нашего металлического шкафа-сейсмографа.

В этих краях повышенной сейсмической активности нужен собственный датчик. Частенько головой к стенке прижмёшься и чувствуешь: земля дышит. Хотя других внешних проявлений нет. Но ведь не прикажешь бойцу из подразделения царандоя держать голову прижатой к стенке постоянно. Неправильно поймут-с. Вот мы и придумали: у металлического шкафа верхнюю дверку оставлять приоткрытой. Земля только ещё начнёт дебелировать — дверка просигналит. Сейчас она по-праздничному нетерпеливо дринькала.

«Дринкнуть» давно пора! Сколько можно терпеть?..

Ещё Антон Павлович Чехов прозорливо писал: «Нет ожидания томительнее, чем ожидание выпивки». Сели за богатый стол: снедь — от края до края. Маринка вплотную ко мне... Налили по первой: за победу! Закинули в рот зелень, тут же — по второй. Третью, не чокаясь, за погибших. Маринкина коленка случайным касанием, обожгла мою ногу, и от того места горячие волны хлынули по всему телу. Как теперь слушать застольные речи, делать умное лицо, к месту поддакивать? У неё надето такое платье с блёстками. Не так чтобы совсем короткое, но и не длинное. Когда за столом сидит, коленки не прикрыты. (Опять всё складывалось против меня.) Подходит очередь тостовать, а голова — точно ракета с самонаводящейся тепловой боеголовкой — цель себе уже выбрала: знойные Маринкины коленки.

Неугомонный Фёдор, закусывая хрустящим огурчиком, взял гитару:

— Мариш, может, спо-ёоом?

Она повернулась к старлею, и нежные её... светло-русые... локоны призывно щекотнули мне лицо.

— Согласуй репертуар! — насторожился я.

— Про разведку. Высоцкого...

Меры в женщинах и в пиве
Он не знал и не хотел...

Дам, дам, дарам-дам... О!

Враг не ведал, дурачина,
Что под гнусной той личиной
Жил чекист, майор разведки
И прекрасный семьянин.

— Федь, опять сглазишь!..

Всей компанией вышли во двор проветриться, и больше мы с Маринкой к столу не вернулись...

Ночью в порыве страсти меня пробивает мысль: «Почему дверка металлического шкафа так стучит? Неужели я кроватью раскачал?!» Не может быть! Кровать-то не касается его. Однако дверь сейфа гремит настойчивее, громче. Переглядываемся с Маринкой, слышим: угрожающий гул.

Откуда-то из-под земли...

Начинает лопаться штукатурка, в образовавшиеся щели будто кто-то курит пылью. Дом ходуном ходит: уже не надо головой замерять. Трещат дверные коробки, оконные рамы. До первого этажа не добежать. Успеваем накинуть одежду, хватаю автомат, с Маринкой — к окну. Битое оконное стекло хрустит под ногами.

Первой, не робея, прыгает она, следом я.

Во дворике офицеры, солдаты, кто в чём. Вроде, все тут.

Напряжение в чреве планеты долго накапливалось, сдерживалось, и вот земля пробудилась. Пробудилась в гневе. Терпение её кончилось.

Густая непроглядная ночь. Чёрное восточное небо рвут бордовые сполохи зарниц. Вздыхается грунт, раскачивается дом. Алимкин фургон пошёл впрысдку. Фруктовые деревья яростно хлещут ветвями тугой воздух. Невозможно стоять. Сбивает с ног. Хватаемся друг за друга. Рёв давит. Девчонки в ужасе воют. Да и у меня сердце беспокойно колотится.

Конец света?!

Какой-то сердитый разбуженный великан схватил землю «за грудки» и тряс так, что вот-вот разверзнется... Думал, не бывает ничего разрушительнее советских ракетных залпов, грозной силы человеческого разума.

Нет, отдача страшнее!

Пик прошёл. Стихает. Стихает. Стихло.

Глиняный дувал, толщиной два метра у основания, лежит истолчённый в пыль. Здание выдержало.

Маринка, измотанная до крайности, пошла спать, я её проводил, а сам накинул мундир и вышел во двор. Над головой чужое небо в редких крупных звездах. Неприятный озноб сводит тело. Глубоко затянулся горячим табачным дымом.

Утихала тряска земли, но внутренняя дрожь не отпускала...

Глаза его словно повернулись внутрь. И увидел он пустоту.

Пустота оглушала.

Он сидел в полной растерянности, подставив полуночному ветру заострившееся небритое лицо, с удивлением понимая, что сделался другим. Будто этот дувал: если лопатами в кучу собрать, объём глины тот же, но форма, прежняя конструкция, нарушены. Для офицера война — состояние привычное. Ни пуля, ни сама смерть никогда не страшили его. А тут — как острый осколок в мозгу: ханум — афганская женщина — в развевающихся чёрных одеждах, бледное обескровленное личико ребёнка и две алые струйки.

Он впервые ужаснулся. Вопросы, один тяжелее другого, мощными толчками прорывались откуда-то из глубоких недр наружу. Сверхсила поднимала у него в душе целые пласты, которые со стоном вставали дыбом, передвигались, не оставляя камня на камне.

Кому нужны эти жертвы?! Что делаю в этой чужой стране я? Исполняю приказ? А если он ошибочный? Зачем прирезать новые земли, когда чертополохом забивает свои? Зачем прирастать новыми народами, если сразу после того как они становятся «нашими», интерес к ним пропадает? У меня сын растёт. Растёт без отца...

С рассветом сообщили: «Эпицентр семибалльного землетрясения находился в десяти километрах от Айбака». За количество баллов не поручусь, а вот эпицентров было два, это точно. Второй находился в моём сердце... Я стал выкуривать по две пачки в день. Ходил чёрный. Не мог я тогда, да и не пытался ответить на все вопросы. Но, обозначившись, они больше не исчезали, не расплывались, наподобие пустынного миража. Наоборот, постепенно проступали в сознании всё отчётливей. Превращаясь в догадки и ответы. Ясные. Чёткие. Больные, как сами вопросы.

Спустя год я впервые отказался исполнить приказ, по моему твёрдому убеждению — преступный. Знал, такое не прощают, но сделать с собой уже ничего не мог. Решение не было спонтанным. Оно формировалось и вызревало долго. Первые сомнения появились именно в ту, судную, ночь.

...«Пчёлка» за нашими девчатами прилетел через неделю. Прощались, как с родными. Маришка подарила мне кулинарную книгу: богато оформленную, с цветными иллюстрациями на плотной бумаге. Подарила просто так, на память. На добрую память о встрече Нового года под афганской ёлкой.

Много позднее я обнаружил между страницами две хрупкие рыжие хвоинки и сухой цветочек жёлтой ферулы.

*

Офицер запаса

Афганские горы — царственные, грозные, неприступные.

Поднимающиеся на тяжёлых пиках бездонное голубое небо, окрашенные восходящим розовым солнцем или тающие в восточной ночи, усыпанной каратами мерцающих близких звёзд.

Горы, которые сначала приводили меня в немой восторг, я затем проклял.

Они не отпускали...

Афганистан позади. Мирная жизнь.

Сколько раз я пытался представить её там, среди враждебной пыли. Никак. Только желанные образы жены и сына неясными миражами вставали над раскалённым дневным песком.

Сушь.

Расплавленное солнце.

Оно слепит глаза, как на допросе.

Мелкий вездесущий песок проникает всюду: в рот, под воспалённые красные веки, на затвор автомата — сколько ни чисти. Были моменты, когда желание освободиться от противного хруста на зубах заглушало всё остальное...

Всё, даже страх перед шальной пулей.

В такие минуты, когда человек осознанно, устало глядит в глаза смерти, для него всё просто и понятно.

Просто, как приказ. И не выполнить его нельзя.

Просто и надёжно, как боевые друзья.

Просто, как жгучая жажда и мечта о глотке стылой ключевой воды.

Просто, как Родина. Невозможно поверить, что она способна отказаться от тебя...

Как всё просто и как сложно...

Почему моя память не хочет вычеркнуть их навсегда, отчего зачастую старается приукрасить время службы, которое наши кадровики учитывали «день — за три»? Почему даже под пулями, зная, что дома ждут и за спиной надёжный тыл, мне было проще?

Может, оттого, что здесь, в мирной жизни, всё оказалось трагичнее. Незримый фронт был повсюду. Война шла без правил. Не с чужими — со своими.

У каждого своя война.

Как-то разом всё закрутилось.

Страна в одночасье сделалась другой.

Светлану с работы деликатно, но настойчиво попросили. В глаза прямо не говорили, за что. Давали понять: из-за меня. Теперь позорно, видишь ли, в «органах» стало служить. Так считали уже не только на кухне. Не только на улице.

Для того чтобы избавиться от старой гвардии, чтобы провести нужные им изменения, «конттору» несколько раз переименовывали. И кадры зачищали, зачищали. Когда это не помогло, после девяносто третьего, сверху в каждое управление пришла разрядка: сколько сотрудников должно быть уволено в первом квартале, во втором... Сколько за год. Людей убирали сотнями.

На их место набирали новичков.

По знакомству. С улицы. В спешке...

В этой ситуации оставаться на работе я не мог, подал рапорт. Хотя служить нравилось. Предлагали повышение. И нужно-то было всего ничего: сдать людей, с кем работал.

Своих сдать?!

Ну уж — дудки!

Во время обеда, подгадав, чтобы никого не было рядом, сжёг папки по своей агентуре в нашем «мартене».

В диссидентских материалах мне как-то попала фраза: «Честь воина — не в покорности государству, а в заветах рыцарства». Помню, смеялся от души.

Оказалось, государства-то разные бывают...

Вот превратился в пенсионера. Это я... Ещё сегодня марш-бросок, в полном боевом, для меня не вопрос, а тогда и многим молодым нос утирал. Незаметно остались без денег. Ну да хватит об этом.

Пока меня не было, вся нежность доставалась сынишке. Он рос обласканным, зализанным.

Чтобы не снимать сына из бассейна и английской школы, Светлана продала сначала свои сережки, затем обручальное кольцо. Тянулись из последних сил. Ведь не кукушонок, свой. Выучили не хуже, чем у других. А запросы у него всё растут и растут... Сын переменялся. У него девки, одна за другой. Приводит их сюда. Куда ещё?! В двухкомнатной квартире не сильно размахнёшься. Напьются. Ночами песни горланят, визжат в детской, ржут, голые пробегают в туалет. Утром пытаюсь завести с ним разговор, он в ответ: «Я не хочу ждать вашего проклятого «завтра». Не хочу вообще ждать. Я жить хочу. И буду. Сейчас. А вы провалитесь пропадом вместе с матерью!!!»

И, выскочив из своей комнаты, зло бросил мне в лицо:

— Ты видел картину «Сын Ивана Грозного убивает своего отца»?

Жена не выдержала. Сорвалась. В себя ушла. Стала заговариваться. В поликлинику возил, говорят: «Кладите в стационар». Это в психушку, то есть...

Теперь четыре года так.

Перед Афганом не успели выехать из коммуналки. Пообещали: «По возвращении». Раз вернулся живым, деваться некуда — дали «двушку». Хотя без людей хуже. Дома её не оставишь одну. Ходит в забытьи. Волосы неприбранные, куделью. Взгляд бессмысленный. В туалет или что ещё — сама пока. Или вдруг заговорит быстро-быстро. Не понять половину. Взгляд безумный. Сына перестала узнавать. Меня несколько раз называла — Света...

На днях Володя Зайков (в одном подразделении служили) пригласил на рыбалку. Я решил Светлану на недельку отправить в больницу. Может, подлечат заодно. Захотел отдохнуть. Не могу уже. В бабу превратился: и стирка, и уборка, и варка на мне. Пока жена была здоровая, я иногда к девочкам подваливал. И хотелось, и могло. Даже интересно было: вроде на оперативной работе. А сейчас не пойму, что со мной. Скрываться не от кого. Никому отчёта давать не надо. Рад бы отчитаться, да не нужен мой отчёт никому...

С медиками договорился. Пока бегал в магазин, приехали. (Ни раньше, ни позже.) У подъезда «скорая помощь». Крест, будто алой кровью по белому. Беда явилась не чёрным вороном — тревожной чайкой. Дверь в квартиру приоткрыта. В оторопи остановился. Помедлил. Захожу. В прихожей санитар с носилками. Фельдшер с саквояжем.

Светлана...

Она сидела на пуфике в большой комнате. Некрасивая. Бледная. Голова безвольно наклонена набок. Тёмно-русые волосы до плеч. Длинные худые руки с неухоженными ногтями плетью лежали на коленях. И всё это — моя жена. Она заметила мой приход. Голова дёрнулась. Глянула отрешённо снизу вверх, затем глаза уставились в одну точку, чуть выше моей переносицы.

Фельдшер «скорой», женщина лет сорока в мятом колпаке, дымила, закинув ногу на ногу. Увидев меня, затушила папиросу в блюдце и с видимым облегчением поднялась:

— Вы кем больной доводитесь?

— Муж...

— Ну вот и славно. Госпитализируем в стационар. Ей самой будет полезней. Да и вам, думаю. Вы мужчина ещё молодой... Давайте грузить. Петя, сделай укол.

При этих словах жена как-то сжалась вся, сделалась меньше, беспомощней. Пальцами вцепилась в края пуфика.

— Не нужно. Она сама. Светлана, вставай. Пойдём.

Жена посмотрела сквозь меня и глухо произнесла:

— Куда?

— Пойдём.

— Куда они меня ведут?

— Светлана, пойдём. Я с тобой.

Попытался ей помочь. Она тихо поднялась и, слегка покачиваясь, молча пошла к двери.

Лифт был заранее вызван. Она шагнула в него, будто в пропасть. Я следом.

— Свет, всё будет хорошо, — я погладил её по плечу.

Приёмный покой. Бумажные формальности. Медсестра, открыв спецключом дверь, заученно придерживая за локоток, увела её вглубь.

Она ушла, даже не посмотрев на меня.

На рыбалке были вдвоём. В Подмоскowie не остались, уехали в соседнюю Владимирскую область. Набрали водки. До рыбы дело не дошло. Просидели у костра и одну, и вторую сентябрьские ночи. Пили, вспоминали, поминали, молчали. В Москву вернулись в среду. Светлану нужно было забирать лишь в следующий вторник. Опять пил. Уже один. Ходил в магазин. Ещё пил. От водки и вина только чернело на душе. С сыном в квартире расходились краями, словно чужие. Просил ведь навестить мать в больнице, пока меня не было. Спрашиваю: «Ходил?» Не отвечает. Да чего спрашивать?! Вижу: не ходил. Яблоки как лежали приготовленные на кухне, так и лежат. Началось в четверг. В пятницу больше...

Такая тоска взяла.

Никогда и на день не оставлял я её одну. Как она там без меня? В субботу места не могу себе найти. Нет, чувствую, до вторника мне не дожить. Принял душ. Выпил крепкого чаю. Тщательно побрился. Погладил костюм. Надел белую рубашку, галстук. Начистил туфли.

Поехал. Волнуюсь. У метро купил букет поздних цветов.

Приёмный покой. Дежурный врач:

— Раньше решили? Ну, забирайте. Ей лекарства уже не помогут. Запустили вы больную.

Я томился в ожидании на кушетке. Её долго не приводили. Сколько же можно переодевать?! Привели бы сюда, я сам. Слышу: в коридоре за дверью шаги. Замок открывают. Дверь настежь. Медсестра заводит Светлану — тихую, отрешённую. Под глазами чёрные тени.

Увидела меня. Остановилась у порога. Мы смотрели друг на друга и молчали.

Я не знал, куда деть руки, куда сунуть букет, не мог двинуться с места.

Пронзительная пауза повисла между нами.

Напряжение возрастало. Обманчивая тишина сгущалась, накапливая невиданную энергию, готовую, словно мощная электрическая дуга, соединить нас.

Вдруг лицо у неё как-то странно переменялось. Глаза широко раскрылись, наполняясь слезами. В них возник свет сознания. И с воем она кинулась мне на грудь.

— Я думала, не увижу тебя больше... Родной.

Мы с жаром обнялись. Она громко рыдала. У меня на скулах ходили желваки. Я закрыл глаза. Уткнулся лицом в её растрёпанные волосы. Смешанные чувства изумления, восторга, миновавшего горя, внезапно свалившегося счастья захлестнули меня.левой рукой я крепко прижимал её к себе, а правой гладил, перебирая пальцами пряди волос. Сердца наши часто бились. В тихой радости приоткрыл глаза... Волосы её сделались седыми.

Незнакомое прежде, тектонически сильное чувство переполняло меня.

Я не знал ему названия.

Но оно владело мной безраздельно.

*

Историческая справка:

Потери среди советских военнослужащих и специалистов, принимавших участие в оказании интернациональной и военно-технической помощи другим странам:

- *Алжир — 1962 — 1964 гг. и последующие годы — 4;*
- *Объединённая Арабская Республика — 18 октября 1962 г. — 1 апреля 1974 г. (Египет) — 10;*
- *Йеменская Арабская Республика — 18 октября 1962 г. — 1 апреля 1963 г. — 0;*
- *Вьетнам — июль 1965 г. — декабрь 1974 г. — 3;*
- *Сирия — 5-13 июня 1967 г. — 6-24 октября 1973 г. — 5;*
- *Ангола — ноябрь 1975 г. — ноябрь 1979 г. — 3;*
- *Мозамбик — 1967, 1969 гг., ноябрь 1975 г. — ноябрь 1979 г. — 1;*
- *Эфиопия — 9 декабря 1977 г. — май 1990 г. — 16;*
- *Венгрия — 1956 г. — 2260;*
- *Чехословакия — 1968 г. — ?;*
- *Афганистан — 25 декабря 1979 г. — 15 февраля 1989 г. — (включая безвозвратные потери Советской армии и санитарные) — 480 258 (!).*

«Гриф секретности снят». М., Военное издательство, 1993 г.

*

Вместо послесловия

Полководцам в высоких штабах война грезилась скоротечной, победоносной, романтической. Игрушечной. На деле война оказалась настоящей.

Болезненной и совсем некрасивой.

Она терпко пахла свежей человеческой кровью...

По секретной терминологии, принятой среди советских военнослужащих в Афганистане, люди — «ягоды». Щедро надавили...

Прошло много лет, но их густо-красный гранатовый сок ещё и сейчас тяжело, мрачно хмелит.

Давайте, не чокаясь, помянем погибших!

Товарищи офицеры! Да не уменьшится ваша тень...

P.S.

В начале двадцать первого века Россию не удалось втянуть в вооружённые конфликты на территории иностранных государств. Ни в Афганистане, ни в Ираке.

Как ни пытались...

*

Владимир Корнилов

Бог на стороне больших батальонов.
Вольтер

Большие батальоны

Они во всём едины,
Они не разделены,
Они непобедимы,
Большие батальоны.

Они идут, большие,
Всех шире и всех дальше,
Не сбившись, не сфальшивя:
У силы нету фальши.

Хоть сила немудрёна,
За нею власть и право.
Большие батальоны
Всевышнему по нраву.

И обретает имя
В их грохоте эпоха,
И хорошо быть с ними,
И против них быть плохо.

Но всю любовь и веру
Всё ж отдал я не Богу,
А только офицеру,
Который шёл не в ногу.

*

Москва, 2008 г.

Колежма

Посвящается сыну Леониду

*...Navi-ga-re necesse est. —
Плавать по морю необходимо.*

Девиз мореходов

Белое море.

Уже от самого названия веет чем-то далёким, суровым. Произнесу эти два слова — и будто холодная сыпь солёной морской волны обдаст с головой.

Туда, на северные острова, поехал я в начале ноября со своим приятелем Сергеем Буровым на лосиную охоту.

В Беломорье все мужики «морехошци». Вот к одному из них, Савве Никитичу Некрасову, в Колежму мы и отправились.

Сергей в двух словах объяснил:

— Савка — мой давний друг. Истый помор. Моряк. Горлопан. Они все горлопаны из-за этого моря — его ведь перекричать надо. К Савве приезжаешь, чувствуешь, он тебе рад. В душе у человека никаких тёмных закутков. Да там по-другому и нельзя. Сама природа такая.

Колежма — старинный посёлок на берегу Онежской губы Белого моря.

Ещё при Иване Грозном перешли колежемские земли вместе с рыбными ловицами и соляными варницами в собственность Соловецкого монастыря.

Приехали мы под утро. Был отлив. Вода ушла, обнажив размашистые отмели и бугристые острова из жёлтого песка. Мотобот у причала оказался на суше. Лежат на боку лодки, стоявшие в прилив на якорях, — вода суха — куйпога.

Я поднялся на глеть.

Внизу рубленные дома, баенки, ломаные линии изгородей из кольев, деревянные гати-мостовые, а дальше к горизонту — пустынная гряда холмов и почти плоская тундровая равнина.

И запах здесь держится иной — пахнет карбасами, просмолёнными их бортами. Стоит дух влажного песка, мха, сетей и рыбы.

Есть какая-то сила в этих домах, в этой природе, которая делает Север ни на что не похожим...

Савва Никитич оказался как раз таким, каким я себе и представлял: лет сорока, чуть выше среднего роста, крепкий, соломенные волосы, пшеничные усы, открытая улыбка.

Увидев Сергея, он шагнул навстречу, широко развёл огромные ручки и крепко обнял:

— О, Чернобровый приехал!

На следующий день, когда мы остались с Буровым вдвоём, я не утерпел:

— Сергей, а почему он тебя «чернобровым» назвал?

— Отца так звали, и от него это прозвище перешло ко мне. Здесь никого по имени не зовут. У самого Савки прозвище Капитан.

Отчаливать мы решили в момент, когда силы прилива и отлива уравниваются, — матёра вода «стоит». В это время Луна, ровно сказочный гигант, после выдоха ненадолго замирает перед тем, как вновь глубоко вдохнуть морем.

Но до этого у Саввы Никитича было ещё одно важное дело.

Василий Шумов, сосед, попросил у него накануне мотоцикл. Он в ответ: «Я тебе дам, но токо верни не по частям». — «Савв, в восемь часов — пригоню под окно».

Но ни в восемь утра, ни в восемь вечера мотоцикл не появился.

— *Порато хоцю* Ваську увидеть, на беду об ём *скуцяю*, — мечтательно произнёс Савва.

Ну, у поморов и речь... Для постороннего уха не сразу и понятная: «Говоря одна, да разны поговорушки».

Дома Васьки не было. Савва пошёл искать. Я увязался за компанию. Одно беспокоило: как я с ним буду общаться? Он же толкует не по-русски.

Центральная поселковая улица круто сворачивала. Мы вышли из-за поворота. Впереди прямой участок дороги. Идут люди. Кто в магазин, кто куда. Женщины, детишки. День в разгаре. Савва увлечённо рассказывает мне что-то.

И вдруг — раз! Тишина. Замолчал. Остановился как вкопанный.

Чего это он? Весь напряжился, глаза устремились в одну точку, не моргает. Губами шевелит, но не молится. Проследил за его взглядом: на мостике, метров триста от нас, какой-то мужик. Может, Васька?

Савва набрал полные лёгкие воздуха и силой выплеснул:

— ...ыблядок!

А я-то боялся, что он русского не знает.

— Утоплю, с-суку!!!

Матерки осколочными минами летели через весь посёлок по навесной траектории и кучно ложились рядом с Васькой. Смотрю, он заметался по мостику.

Неотвратимо, как Судный Час, Савва приблизился к нему.

— По *кальи*-то те вот жарну щас!

Перед носом у Васьки, сурдопереводом, образовался кулачище размером с детский футбольный мяч. Мужичонка в ответ лишь шумно сопел и чесал лысину. Голова и плечи его непроизвольно подёргивались, не давая возможности и нам толком сосредоточиться. В том месте, куда он поглядывал, из-под воды торчал никелированный руль мотоцикла.

Наконец, заикаясь, сосед попытался выстроить речь в свою защиту.

— Вввы-в...

Лицо от натуги сделалось пунцовым. Я стал ему помогать, подсказывая слова.

Васька, вконец разволновавшись, обречённо махнул рукой и замолчал. Тик у него заметно усилился.

— Поди-ко *скоре* проць, а то застёгану, — произнёс Савва.

Поостыв, он развернулся и побрёл к дому. Проходя берегом, залюбовался сверкающей на солнце водной гладью:

— Море-то как лёшщице.

Нам пора было собираться и выходить.

Савва Никитич оделся по уму: *оплецуха* — поморская шапка-ушанка с длинными, до плеч, ушами; *лузан*, надеваемый через голову, с большими карманами на животе и спине; *буксы* — непромокаемые, пропитанные жиром рыбацкие штаны.

Наши с Сергеем ватники больше смахивали на сухопутную амуницию.

Карбас, на котором мы собирались идти в море, Савва перегнал к бранице — расчищенному месту на лодочной пристани, куда стаскивают груз. Поклажи набралось прилично, но и лодка большая, надёжная, с дизельным стационарным двигателем-двадцаткой.

Сергей любовно похлопал ладонью по борту, ровно коня по заливку:

— Мало кто сейчас умеет ладить такие. А Савва в этом деле — «жех»! В старину поморы на таких судах за два-три месяца плавания доходили до Новой Земли: «Лодка не *канет*, не лягуцца да не *опружлива* — дак и *дородно* бывает». Во как!

Пока Сергей вычерпывал *плицей* воду из карбаса, я сел за вёсла. Савва готовил к запуску дизель и капитанствовал:

— Грени-ко ишша *маленько*.

Я сделал ещё ряд энергичных гребков и вывел лодку с мели. Мотор заработал и, монотонно бурча, стал уводить нас в открытое море.

Сергей долгим взглядом проводил пристань:

— Агой! — Прощай! — говорили в старину моряки земле.

Савва трижды перекрестился.

— Никитич, — усмехнулся я, — небось, и без крестного знаменья обойдёмся.

— Кто в море не хаживал — Богу не *маливался*, — уронил он и надолго замолчал.

Курс взяли на север: где-то там пролив Горло соединяет Белое море с Баренцевым. Затем повернули к востоку. Мы угадали в погоду: нежно светило солнце, щёки пощипывал лёгкий «сланец», вода была кротка.

Часа четыре шли на полном ходу.

Вдоль Поморского берега, как Млечный путь, вытянулись острова.

— Остановимся на Мягострове. Вон тот — впереди по курсу. Самый крупный в Онежских шхерах: километров двенадцать из края в край будет.

— Название такое откуда? — поинтересовался я у Сергея.

— Одни считают, от карельского «мяги» пошло. Гора, значит. Но я так не думаю. Очень тяжёлый остров: болотья — скалы, болотья — скалы. Три дня ходьбы по нашей тайге легче, чем полдня тут. Нет ни дорожек, ни тропинок. Звериные только тропы да багульник по колено. Грузно бродить. Через каждые сто метров нужно останавливаться и отдыхать. А есть такие топкие места... Я один раз решил сократить путь, выйти к взморью напрямки, побыстрее. Думаю, раз зверь ходит, и я пройду. От берёзы к берёзе прыгал, пока они вместе со мной в жижу не начали уходить. Одним словом, Мягостров — мягкий.

Пролив Железные ворота, отделяющий Мягостров от материка, мелководен. Поэтому заходили к острову с восточного берега. Он более приглуб, чем остальные. Савва указал место высадки.

Издали я увидел избушку и рядом высокий крест. Сергей пояснил:

— Крест «на добычу» — чтобы рыба лучше ловилась.

Сначала с кормы, потом с носа мы зачалили лодку двумя якорями. Раскатали голенища болотных сапог. Сошли в воду.

Савва первым делом подошёл к обветренному сосновому кресту и трижды перекрестился с поклоном.

— Думаешь, поможет? — осклабился я.

— Зря ты так, — упрекнул меня Сергей, — *тоня* — место святое. Приходить сюда надо с чистой душой. В сенях гости по традиции говорят: «Господи, благослови!» Хозяин отвечает: «Аминь!» И только потом входят в избу. А не с шуточками...

Савва отмолчался. Он, словно здороваясь, любовно погладил ладонью шершавую поверхность креста. Постоял.

Перетаскали вещи в избушку — тёмную, приземистую. Заходишь — низко кланяешься. У порога печка-буржуйка. Рядом *истопель* — запас сухих дров. У махонького оконца стол. Раскидистые щедрые полати.

Пока обживались, стемнело.

...Неделю охотимся. Каждый день зверя видим — взять не можем.

Савва предложил:

— Попробуем на Маникострове. Там, если лось зашедший, его легче брать.

Утром мы переехали. Остров маленький: можно организовать загон. Я остался на номере. Сергей с Саввой отправились кромкой берега в обход и оттуда, с подветренной стороны, решили шумнуть. Если зверь в окладе, непременно вывалит на меня.

Я поднялся на взгорок: открытое болото с редкими сосенками, а краем — невысокий, в мой рост, чапыжник. Место хорошее. Лоси, как стронешь их с лёжки, любят закрайком леса уходить.

Слышу выстрел погонщиков. Начали ход. Я снял карабин с предохранителя. Жду. Стою не шевелюсь. Не курю. Дышу через раз.

Морозец подсушил почву и кустарник. На болоте ледяная корка. Жёсткая погода: за версту шорох слышно. Ветер слегка подтягивает от меня. Вдруг — потрескивание веток! Может, показалось? Нет, ещё раз треснуло. Над молодым подлеском плывут рога. Бычара! Самого не видно пока. Остановился, крутит головой: прислушивается, принохивается, осторожничают. Опять тронулся. Прямо сюда...

Побежала волнительная дрожь по телу.

Осторожно поднимаю карабин. Вглядываюсь в оптику. Вот это рога... Борода. Ноздри раздуваются. Вышел на чистинку. Великан! В пол-оборота повернулся ко мне. Нашупываю перекрестием прицела точку под левой лопаткой. Плавно спускаю курок.

Выстрел!

Бык в агонии прыгнул, не разбирая пути. Рывок. Ещё один. Ноги непослушно подкосились, и он рухнул глыбой на землю.

Захрипел.

Я с гордостью, всей грудью, выдохнул:

— Е-е-есть! Ловко мы его.

Закинув карабин за плечо, пошёл к зверю. Лежит неподвижно, но кто его знает... Лучше подходить со спины, а то, уже умирая, может копытищем гальнуть: как картонную коробку, насквозь пробьёт.

Кровь нужно пустить, пока не остыла.

Уверенно перерезаю горло. (Нож остро наточен: лезвие ещё в Колежме, перед самым выходом, правил.) Бордовый фонтан из шеи сначала хлынул, затем сник. Кровь, крупными каплями зрелой брусники окропля седую бороду, уносила остатки жизни лесного великана. Величавые размашистые рога, которыми короновали хозяина острова, теперь касались белого багульника. Гармония, веками создаваемая, была нарушена одним выстрелом.

Странно, привычного чувства азарта и радости я не испытывал.

Наступила тишина. Ветер стих. Мне на миг показалось, что вся природа замерла. Сверху раздался скрипучий, хриплый крик. Задрал голову: надо мной чёрной тенью пролетал ворон.

Подтянулись мужики. Сергей крепко пожал мне руку:

— Могучий зверь. Молодец!

Савва Никитич глядел угрюмо.

— Ты чего? — спросил я, заметив, как он переменялся в лице.

— Это не простой лось. Это хозяин тайги! Не надо было его стрелять. Плохой знак. Зря я вас сюда привёл...

В гнетущем безмолвии мы освежали быка, разделали мясо. Голову с огромными, тяжёлыми рогами в двенадцать отростков я взял себе трофеем.

Вышли к берегу, вынесли тушу и вещи, смотрим: карбас-то нам не достать. Качается на волнах: до него метров семьдесят, а может, и того не будет. Вода поднялась. Высоты сапог не хватает.

Наш Капитан растерянно произнёс:

— Чертовщина какая-то! Не могла вода за два часа так подняться.

Нужно раздеваться и вброд. Но ветер... Северный ветер, осень.

Хотя мне и раньше, как раз в эту пору, доводилось подбирать кряковых вплавь. Дело привычное. Я бодро заверил мужиков:

— Сейчас достану.

Сергей категорично:

— Не дури! Это море. Руку в воду опустишь — жжёт во всю силу, а ты вброд... Морская вода — рассол. Уже давно минус, а она не замерзает. Пресные заводи, волохницы, давно во льду, а тут волны плещутся. Мы-то с Савкой мёрзлым морем учёные. Давай останемся до утра. Заночуем. Изба есть и на этом острове. Мяса вдоволь. Чай с собой. Чего ещё надо? Хлеба только нет и соли.

Я разгорячённо перетаптываюсь на месте, слушаю, сам на лодку поглядываю, примеряюсь. Бравый после удачного выстрела.

— Не-е, ночевать будем на старом месте. Выпьем, добычу отметим.

Савва в отчаянии:

— Саня, не баракай! — и обращаясь к Сергею: — Он не бардат ницёво. Муниди-то себе отморозит.

Показно снимаю шапку, стёганку, рубаху. Разуваюсь. Одежду аккуратно вешаю на борт выброшенного штормом разбитого баркаса.

Савка вслед:

— Ты хоть одёжу возьми, над головой неси. Заскочишь в лодку — оболокайся живей!

Я хотел посмеяться, но отчего-то не стал. «Ладно, — думаю, — возьму. Не велик груз». Самому в душе озорно. Вот тебе и поморы: моря бояться.

Ветер крепчает, пронизывает. Кожа превращается в мелкую кухонную тёрку. Не мешкая, подхожу к воде. Делаю шаг.

— Ё-ёё-о! В-в-вот этта д-аа...

Зря полез. Если бы не мужики, вернулся бы. Но я чувствую на себе пытливые взгляды, которые вилами упираются мне в спину.

Нащупывая опору, по склизкому от водорослей и тины каменистому дну едва-едва продвигаюсь к лодке. Ноги жжёт, как серной кислотой. Мёрзлый рассол, поднимаясь выше и выше, острой бритвой полосует кожу.

Вот чёрт дёрнул!

Пробую ступать быстрее. Не м-мм-мог-г-гу... Зубы лихорадочно отстукивают дробь, своим клацаньем перебивая шумное прерывистое дыхание.

Студёная вода подступает к груди.

— Не могли лодку нормально поставить! Мореходы долбаные...

Я, словно в бреду, дотягиваюсь до просмолённого борта.

Запрыгиваю.

Мокрое тело на морозном ветру, кажется, вспыхнет сейчас.

Одежда ремнём перетянута. Непослушными пальцами пытаюсь ослабить узел. Не хватает силы хлястик дд-дёрнуть...

Наконец-то!

Успеваю заметить, что мой «меньшой брат» спрятался с головой, как черепаха в панцирь. Скорей одеваться! Сперва — брюки. Учили нас так: «Сам погибай, а товарища выручай!»

На сырые ноги натягиваю ватные штаны — не лезут. Липнут к ногам. Наконец нацепил и — хлоп! — падаю на дно карбаса, от ветра кроюсь. Лёжа одеваю рубаху. Затем телогрейку.

Телогрейка и штаны — моё спасение!

С благодарностью вспоминаю Савву... но, будто опасаясь быть уличённым в доброте, отгоняю эту думку прочь.

Обезумев от холода, стараюсь не унять дрожь, а наоборот, усилить её, чтобы согреться. Пробую себя ущипнуть: тело не чувствует новой боли. Оно онемело от боли той. Крепко стискиваю зубы и глухо рычу.

Понимая моё состояние, с берега не понукают. Не задают вопросов. Не острят.

Встаю. Выбираю якоря. Несколько сильных гребков — и упираюсь в камни.

Смотрю, мужики запаливают костёр. Не глядя им в глаза, прошу подать портянки и сапоги. Озябшими руками обматываю ступни «ноговицей» и обуваюсь.

Ветхий, отслуживший свой век баркас уже пылает.

Савка зовёт:

— Иди ближе к огню-то. Грейся.

Я молча подхожу к костру с подветренной стороны. Языки пламени и дым ударяются в грудь. Искры пригоршнями звёзд летят на ватные брюки и фуфайку.

Коленям становится горячо. Отступаю на шаг. И здесь жар обнял. Отодвигаюсь ещё дальше. Присаживаюсь на корточки. Замёрзшие пряди волос на голове оттаивают. Дым щиплет глаза. Я довольно жмурюсь.

Вдоль горизонта растянулась длинная полоса зари, предвещающая перемену погоды.

Савка залил огнище. Обугленные чёрные рёбра бота ворчливо зашипели.

Когда причалили к Мягострову, солнце спряталось глубоко за горизонт.

— Темнь-то кака!

На ощупь добрались до избушки. Зажгли керосиновую лампу.

— Поперьво скинывай скоре мокру рубаху.

Я переоделся. Шерстяной, ручной вязки свитер с глухим воротом приятно покалывал. Достали самогон. Разлили по кружкам. Нарезали ломтиками сало. Выпили. Кровь пошла по кругу, согревая. Заранее припасённая лучина и «берёсто» быстро занялись. Спустя минуту поленья облизывал алыми языками огонь. Дрова «заплели». В трубе довольно загудело.

Сергей стал готовить на ужин вырезку. Я никогда не ел прежде сырого мяса и оттого лишь с подозрением наблюдал.

Он, между тем, нарезал лосятину мелкими кусками. Сложил в миску. Сжав в кулаке, выдавил до капли лимон. Нашинковал крупную луковицу. Щедро посыпал душистым чёрным перцем и каменной, грубого помола, солью.

— Ты, ужа, излиху-то не сыпь, — предупредил Савка.

Не отвлекаясь, Сергей принялся разминать пальцами густо-красные кубики лосятины, жамкать, тормошить их. Мясо приобрело бурый оттенок.

Яство выдержали на холоде. Дали дойти соком.

Самогон потихоньку делал своё дело, и я уже с интересом поглядывал на эту «сыромятину». В желудке требовательно посасывало.

Сели вечерять.

Старинная охотничья изба.

Снаружи — шум ветра, приглушённый плеск волн, стынь, а внутри — тепло...

О чём-то потрескивают поленья в печи. Флегматичным лепестком повис огонёк на фитиле. По кружкам разлита оловина. Сырое звериное мясо на закуску. Неспешные разговоры. Палёшка, запечённая в золе. Горячий сладкий чай.

Всё это — награда за тяжёлый день.

— Ну, расскажи, как ты тогда? — поинтересовался Сергей.

— Чуть не умер...

— Ещё бы! Не зря на поморской иконе «Страшный Суд» ад изображён Студёным морем.

— Ты есюды спать повались, ближе к печи.

Ночью меня стало лихорадить. Я натянул всю свободную одежду и укрылся с головой. Нагрелся. Вспотел. Поднялась температура. Сильный жар смешал сон и явь.

Кровь.

Лезвие ножа.

Хриплый крик ворона, призывающего: «Кар-ра! Кар-ра! Кар-ра!»

Яркий свет.

Копыто лося, пробивающее мне грудь.

И острая боль...

Я открыл глаза. Пот крупными каплями стекал по лицу. Горячка усилилась. За окном серело. А казалось, не дождусь утра...

Савка вышел на улицу «выветрище» и, справив нужду, вернулся.

— Ветру выпало много. Нельзя идти. Ждать надо.

Три дня бушует Белое море. Никак погода не может уgomониться. Валы морского прибоя, напоминающие непрерывно закручивающуюся спираль, набегают один за другим. Страшный шторм упал. Три дня я слышу его рёв, смотрю в окно и вижу одно и то же: свинцовое небо, белые гребни волн до самого горизонта и пустынный берег. В небе висит бусовая серая мгла с мелким затяжным дождём.

Мне становилось всё хуже.

Надо возвращаться домой. Хоть как...

Наконец шторм, вроде, стал утихать.

Мы уложили ружья, вещи и рубленую тушу в лодку. Поверх всего — лосиную голову с рогами. Можно отправляться. Быстро отчалили, а ветер поднялся с новой силой.

Карбас ставит дыбом, чуть ли не на корму. Нас маслает вовсю.

Десяти минут не прошло, а вся одежда уже сырая насквозь. Забившись в нос, я уцепился двумя руками за борта, чтобы только не выпасть, и тут почувствовал на себе чей-то пронзительный взор.

Лосиная голова... Жёсткий, мстительный взгляд.

Когда проходили узким местом, нас сильно кинуло на камень. Борт подломился.

Всё-таки лягнул!

Сергей и до этого не успевал вычерпывать воду, а теперь дела и вовсе пошли плохо.

— Втора, — сумрачно произнёс Савка.

— Беда...

Волны, точно отцепившись, лютовали.

Я с тихим ужасом наблюдал, как поднимается по сапогам студёный рассол и, словно язычник, заклинал Белое Море помиловать нас...

И тут, в радуге брызг, я увидел Савву.

Он стоит за штурвалом, всматриваясь в солёную промозглую морось.

Сильный. Надёжный. Невозмутимый.

Настоящий Капитан!

Высокая волна, ударившись с ходу в дюжюю грудь, как в гранитный утёс, осыпается пылью.

Нет в его глазах страха.

Он уважает Море, но оно само на посылках.

Жизнь или студёный ад — определяет Высшая Сила.

И сейчас общая мера содеянного ими добра и зла — на весах...

*

Карелия, п. Колежма, 2007 г.

Словарь поморских терминов

морехо́щи — мореходы;
вода су́ха — куйпога — самый низкий уровень воды при отливе;
гледень — возвышенное место для наблюдения за окружающей местностью;
баенка — баня;
ка́рбас — поморская лодка;
ма́тёра вода стои́т — самый высокий уровень воды;
по́ра́то — сильно;
ка́лья — лысина;
ле́шшице — (о водной поверхности) сверкать на солнце, рябить;
ка́нуть — протекать;
опру́жице — перевернуться в лодке;
пли́ца — ковш, черпак для вычерпывания воды из лодки;
сланец — утренник, заморозок;
вода кротка — тихая, без волнения и ряби поверхность воды;
гальну́ть — лягнуть;
волохница — речка или ручей, текущие по болоту;
баракать — болтать вздор;
барда́ть — понимать;
оловина — самогон;
пале́шка — печеная в золе картошка;
то́ня — рыболовный участок для ловли ставным неводом или другими снастями; избушка при этом участке;
улов за один просмотр сети.
масла́ет — сильно бросает на волне из стороны в сторону.

Вальс под гитару

Тамаре Рейновне Ахтияйнен

...В сущности, любая человеческая душа представляет собою зыбкий огонёк, бредущий к неведомой божественной обители, которую она предчувствует, ищет и не видит.

Андре Моруа

На открытой автобусной остановке нас было двое.

Редкие апрельские сумерки перебивал холодный свет уличного фонаря. Он выхватывал из серой дымки мальчишку лет четырнадцати на вид в чёрном слегка мешковатом пуховике на вырост да в шерстяной вязаной шапочке по самые глаза. В руках у него была гитара.

Маршрутный автобус подкатил к стоянке. Мальчишка купил билет, небрежно засунул его в боковой карман и поднялся в салон. Я следом. Свободных мест было много, но отчего-то я сел ближе к нему.

— Чего это гитара без струн? — не утерпел я.

Он ответил не сразу. Сначала уложил своё затихшее «музыкальное орудие» на колени, стащил с головы шапочку, освободив белокурые неприбранные вихры, и только потом обстоятельно поведал:

— Ездил в город, думал можно починить. В этом году я музыкальную школу по классу баяна заканчиваю, но хочу ещё и на гитаре научиться. Чужую брал на неделю, вроде получалось. Это отцова гитара. Он погиб, когда я ещё совсем маленький был. На новую мать денег не даёт. Ворчит: «Расти и зарабатывай сам. Я не успеваю за всем одна».

Он задумчиво провёл пальцами по грифу, разделённому порожками на лады, и повернул голову в сторону запотевшего окна.

— Выходит, ты настоящий музыкант, раз уже специальную школу заканчиваешь?

— Настоящий-ненастоящий, а в концертах участвую.

— Когда талант есть — дивьё! У тебя, по всему чувствуется — есть.

Похвала не показалась ему наигранной. Он заметно оттаял. Грустно и притом благодарно улыбнулся. Сел ко мне вполоборота. Взгляд его лучился добротой.

— А ведь свою «музыкалку» я один раз чуть не бросил...

— Что так?

— Думаю, у всех бывают чёрные полосы. У меня тогда, в конце школьного года, было всё неважно. Выходило много двоек за четверть. Я плохо... очень плохо учился. Не понимал. Принимался зубрить. Не прилипало. То же самое по баяну: ну, орёт на меня училка — хоть ты что... Дома мать исходит на крик — и за двойки, и за баян.

Я даже ножик брал, приставлял к руке, но потом думаю...

Встал однажды рано. Первый урок — русский. Домашку не сделал. Блин! Мне двойка выходит. Опять на меня наорут все. Ой... По остальным предметам тоже. Ну, может, там по рисованию «хорошо», наверное. Ещё и на баян идти. Господи! Вернусь усталый — уроки делать. Когда же этот день кончится? А он ещё и не начался...

Сiju раздетый, в темноте, кровать разложена, постель тёплая; потрогаю деревянную спинку кровати, этот лак на фанере, эту родную щербинку. И когда ненавистный день пройдёт, коснусь снова. Впереди уже будет только желанная ночь. (Он говорил это, забыв обо мне. Я мысленно вторил ему.)

Пусть между прикосновениями быстро пролетит день.

Чтобы не видеть ничего.

Чтобы не слышать никого.

Чтобы скорее окутал сон — мой рай.

Чтобы, как свободный будто бы.

За этим прикосновением темнота... Хорошо. Это — точно награда. Но день не даёт дотянуться, отделяет начало от конца. Зачем промежуток между ними?

Чем такой «свет» — лучше всегда «тьма».

Каждое моё утро теперь начиналось одинаково...

Никому раньше я об этом не рассказывал. Не знаю, почему с вами разговорился?

В музыкальной школе я тогда учился третий год. Елена Степановна, учительница по баяну, постоянно придиралась, как ни приду. Мне казалось, что она так орёт и цепляется только ко мне.

Стол у неё деревянный, чем-то гремучим набит. Когда я играю, она задаёт постукиванием руки по столу верный ритм, но при этом от злости ударяет по нему так, что в столе всё подпрыгивает и громыкает. Я играю в другом темпе, она стучит изо всех сил, вроде бы подсказывает, хочет помочь, только я всё равно сбиваюсь.

Домой каждый раз тащусь в слезах. Приду. Дома никого. Мать ещё на работе. Сяду один в темноте и плачу.

Один раз пришёл из школы... Мы как раз новое произведение разучивали. У меня ни в какую не получалось. Притопал и реву себе. Не могу успокоиться. Сам думаю: «И зачем это надо? Эти “сольфеджио”, “интервалы”, “гаммы”, “мажоры”, “миноры” — всё. Зачем? Мне ещё два года учиться, и ещё целых два года она на меня будет так орать».

Я вырвал чистый листочек из тетрадки по алгебре и сам, никто меня не учил, начал писать, что хочу уйти и прошу вычеркнуть меня из третьего класса музыкальной школы. Ни от лица мамы, ни от кого-то ещё, от себя. Поставил месяц, число, год, расписался. И сразу, как только решение принял, успокоился. Подумал: «Ну, всё!»

Решил, что пока заявление отдавать не буду. Схожу ещё один разок на баян, и если только она на меня заорёт, вот тогда я листок и достану.

Письмо будет вроде отмычки от неё.

Буду свободен. Буду спокойно ходить себе по улице, как все. Пацаны вон смеются: «Да на фиг тебе этот баян? Такую гробину таскать! Играть на нём? Давай лучше в карты сыграем». Для них баян, что гармошка, на которой только старые дедушки до войны играли.

Урок у меня на следующий день. На улице снегу по колено. Мало что растаяло. Я иду вечером по тропке. По бокам тянутся вверх берёзы и тополя. Никогда раньше не считал, сколько их. Не до того было. Вечно перед музыкальными уроками дрожал, нос в землю. А тут загадал: вот подниму сейчас голову, сколько берёз увижу перед собой, такую и отметку на уроке получу.

Я поднял голову и мне бросилась в глаза не одна, не две, а сразу четыре берёзы. «Ага, — думаю, — хорошо!» Не то, чтобы я был уверен в такой оценке, просто стал сильно желать её.

Прихожу на урок. Здравуюсь. Беру инструмент. Поддвигаю ногой стул. Сажусь.

Она всё не орёт и не орёт...

Достаю нотную тетрадь. Открываю нужную страницу. Этюд без названия. Одни сплошные шестнадцатые ноты.

Пробую исполнять. Не дрожу. Спокойно на клавиши нажимаю. Плавно, не рывками, растягиваю меха. И музыка полилась совсем другая. Я сперва-то просто, ради того, чтобы размяться, попробовал. Идёт. Потом, уже не останавливаясь, прямо от начала до конца повёл.

Мне представился бег муравья: «Ты-ды-ды-ды-ды! Ты-ды-ды-ды-ды. Ты-дыд-тын-ты». Он сюда забежал: «Ты-дыды-дын! Тырьлим-тым-тым!» Опять бежит, бежит, бежит. Взял соломинку, повернулся и назад в муравейник. Мои пальцы — будто его лапки. Они с такой же скоростью бегают, как у него. Если он быстрее бежит, и ты быстрее пальцами перебираешь: «Ты-ды-ды-ды-ды». Это не тарантул какой-то, который еле ползёт: «Тууу-туууу».

Елена Степановна глядит на меня молча, только головой одобрительно кивает. Прямо волшебство какое-то... «Молодец!» — похвалила.

Красивую четвёрку в дневник и в музыкальный журнал поставила! Видно, училка сама-то по себе ничего...

Вышел из клуба. Не могу поверить. Стою на крыльце. Дышится легко. Гляжу по сторонам. Такой обалдевший. Думаю: что если бы я увидел не четыре берёзы, а две? Мне бы опять двойку вкатили?

У меня теперь с баяном всё хорошо. Хочу теперь на гитаре научиться, как папка. Мама его за гитару и полюбила. Он лучше всех играл. Душа компании.

Иногда подумаю: «Каким бы я дураком был, если бы письмо сдал тогда». Берёзки мне помогли. Я их уже не раз мысленно целовал.

Я хочу выбрать музыку себе и дальше по жизни.

Ну, например, поступит сейчас кто-нибудь учиться на агронома, инженера или военного. Кому они нужны?! А музыка — она везде. Машина гудит — музыка. Мы с вами говорим — музыка. Да вот, — он два раза озорно притопнул ногой, — и это музыка.

— Уж прямо и музыка?!

— Да — музыка.

Перед первым моим выступлением на концерте Елена Степановна наставляла: «Будет в зале кто-то из близких, мама или кто-нибудь ещё, ты не смотри на них, не маши им, не улыбайся. Иначе собьёшься. Ты смотри поверх в одну точку. Играй для этой точки. Скажи: “Смотри, точка, как я играю”. Разговаривай с ней. Пускай даже будут светить всякими фонариками в глаза, пулять в тебя. Если спутаешься, всё равно доигрывай».

Выхожу на сцену. Боюсь. Сел на стул и с ходу заиграл. Колени дрожат... Сжал их сильно-сильно, как мог, всё равно трясутся. Нажимаю на клавиши — слышно: «Ды-ды-ды». Всем слышно. Дрожь с музыкой. Взгляд бегаёт по залу. Народу-то... Пацаны наши. Они же обсмеять меня могут. А я один, такой маленький. Играю, играю. Хоп! Ошибся. Сам уже хочу заплакать и убежать за кулисы.

И тут я вспомнил про слова учительницы, поднял голову и посмотрел поверх всех. Но только я уставился не в точку. Я вдруг увидел вдали папу. Он смотрел прямо на меня. Я стал играть для него... Лица всех людей сделались расплывчатыми, незаметными. Всё вокруг исчезло. Только я и он.

Чувствую, перестал дрожать. Играю по-настоящему. Не просто бездумно нажимаю на клавиши и тяну меха. Уже думаю о том, как у меня пальцы расположены. Громче, тише играю. Когда форте, когда пиано — слежу.

Исполнял я вальс «На сопках Маньчжурии». Вы слышали его?

— Хороший вальс.

— Сначала идёт тихая музыка. Играю для папы, а сам представляю: он словно уже не лейтенант, как на строгой фотографии в документах. Он генерал. Седой весь. Он сидит и слышит, что я начал играть. Музыка пошла. Я играю её тихо, потому что в главной роли музыки — он. Встаёт, ищет себе пару. Нашёл! Выбирает мою маму. Значит, нужно с этого места громче играть. Это — радость евоная. Одна часть: «Тын-тын-тын. Туу-туд-туду-та-дататам-гада». Они танцуют счастливые, улыбаются. Музыка громче: «Туу-тут-туду!» Вот они посмотрели друг другу в глаза — пауза такая. На миг всё остановилось, затем опять начинают кружиться, и ты крещендо, с усилением звука, начинаешь играть.

Я полгода разучивал пьесу, и теперь то, над чем трудился, сжалось до двух минут выступления. Не каждый так сможет. А я научился.

Мне кажется, папе понравилось.

Это приятно и даже немного волнительно.

Я доиграл, низко опустил голову и заплакал от счастья. Убежал со сцены. Не мог никого видеть в этот момент. Зал долго хлопал вслед. Потом говорили, что получилось здорово.

Однажды я взял гитару у приятеля. Мама заглянула, смотрит — подбираю аккорды. Говорит: «Знакомое что-то. Вроде, папа играл».

Она ушла. Я отложил чужую гитару и взял папину. Поглаживаю её, трогаю. Когда-то до неё дотрагивался мой папа. И ещё мысль: у него, когда не брился, щетина росла, он тёрся об мою щеку, щека делалась красной. Мне становилось весело, приятно, счастливо даже. Это помню. И вот теперь я касаюсь гитары, которая помнит его прикосновения. Мне так захотелось исполнить вальс «На сопках Маньчжурии» для папы, но уже под гитару. Чтобы он порадовался и за меня, и за маму. Если бы он был с нами, то сам бы для мамы играл.

В городе просил отремонтировать её — не взяли. «Нет, — ответили, — слишком старая. Гриф треснул, так что новые струны не помогут. Чудес не бывает!»

Мальчишка замолчал, и я молчал. До самой остановки.
Самое главное было сказано.
Перед тем, как выходить, он крепко, по-мужски, пожал мне руку и сказал на прощанье:
— Завтра у нас в клубе праздничный концерт. Я тоже выступаю. Приезжайте.
Парнишка вышел на ледяную обочину и, прижав к груди заветную гитару, зашагал в
темноту. Даже имени его я не узнал.
Дверь захлопнулась. Автобус двинулся дальше.

Концерт в клубе закончился. Выступление на баяне отметили все. Он играл сегодня как-то
особенно хорошо. Зрители потихоньку расходились, и только музыка незримыми волнами ещё
широко плыла по свободному залу.

Пошёл одеваться и мальчишка. И тут вахтёр, пожилая знакомая женщина, вынесла из
боковой комнатки упакованную в полиэтилен новую акустическую гитару:

— Это тебе просили передать. Кто — не знаю.

Ошиблись мастера. Чудеса случаются!
Был день Светлого Христова Воскресения.

*

г.Петрозаводск, 8 апреля, 2007 года

СПЛЕТЕНИЕ ДУШ

Повесть-хроника

Светлая память моей бабушке, великомученице,
Яковлевой Александре Михайловне.

Кто знает, может, в том, чтобы бережно донести
до людей в своих ладонях её слезы, — и есть
моё земное предназначение...

Пролог

Прошло много лет, как не стало родителей. А дом в деревне так и стоит заброшенный. Сутулясь, смотрю на него издали, внутрь зайти боюсь.

Жутко заходить в мёртвый родительский дом...

Он весь какой-то сторбленный. Почернел от дождей, как человек от горя и слёз. Не выдержав, отвожу глаза от пристального, укоризненного взгляда окон. Нервно закуриваю. Первый раз за всю жизнь в душе так ломко.

Подхожу ближе.

По пояс в крапиве и матёром репейнике пробираюсь к крыльцу. Разрываю спутанные стебли трав. Дверь подалась не сразу.

Зашёл в горницу.

Русская печь, большой обеденный стол, длинная основательная скамья — всё на своих местах, словно и не уезжал никуда. Только какое-то неприветливое, сумрачное, холодное.

Сейчас о многом хотелось бы поговорить с отцом и мамой, но время упущено. После смерти родителей остались какие-то рукописи. Я трепетно извлёк на свет эти немые послания.

И вдруг озарило...

Они вернут жизнь родительскому слову!

Сверху лежала рукопись отца «По собственному следу».

Пройду этот путь вместе с ним.

По собственному следу

Конец февраля.

С утра по глубоким сугробам сыпуче заскользила лёгкая позёмка, и к вечеру разыгралась настоящая метель. Вокруг одиноких уличных фонарей в пучке света, как потревоженные пчёлы, кипят снежные хлопья. По телу ломота. Протоплю-ка я сегодня баньку, по-чёрному (с веничком-то, а?!).

Вспомнилось далёкое детство военной поры...

У кого бани не было, мылись от беды в русской печке. Истопят печь, уберут чугушки, подметут под — и заползают. У нашего деда Ивана была. Маленькая, с соломенной крышей набекрень, с тусклым оконцем, а всё же настоящая русская баня. Летом её топили почаще — проще. Зимой — реже.

Неказистая эта банька запомнилась мне на всю жизнь.

Однажды зимним вечером, как и сейчас в метель, мать пригласила в баню продавицу деревенского магазинчика, яркую блондинку с длинными льняными волосами и ладной фигурой.

Мне шёл двенадцатый год — это не смущало девушку, а мать тем более. Моюсь себе спокойно, обстоятельно. Женщины азартно парятся. Охают! Ахают! Блондинка с полка-«кутника» соскользнула своим выразительным мыльным задом, чуть не упав на пол.

И вдруг я начинаю испытывать непонятное волнение. У меня появляется навязчивое желание наблюдать за каждым движением обнажённой незнакомки. За тем, как она намывает себе шею. Задиристую грудь. Как мыльная пена стекает по спине.

Но я сдерживаю себя, да ещё и принимаю равнодушный вид.

Мой отец-то, оказывается, кремень — не человек!

Голову мне мыла мать. А я не чувствовал, щиплет ли мыло глаза, горяча ли вода. Без обычных капризов. Мысли бестолково роились в голове, оглушая меня своими идеями...

Я пытаюсь разобраться в себе и запутываюсь ещё сильнее.

Да, жизнь прожита яркая.

Родом я из Варнавинского уезда Нижегородской губернии. Из маленькой деревни Анисимово, что стоит в верховье красивейшей реки Ветлуги.

С крутого холмистого утёса, или, как принято у нас называть это место, с угора, открывается бескрайняя панорама: спокойна глубоководная Ветлуга с её берегами, поросшими вековыми соснами и елями, старыми вётлами, кустами шиповника и чёрной смородины, с чистыми песчаными отмелями, глубокими омутами, хранящими топляки морёного дуба и пудовых сомов. В пойменных заливных лугах сочный ковёр разнотравья; множество больших и маленьких озёр, заросших осокой и кувшинками; лесных речек с чистой водой и обилием разной рыбы, запасы которой каждый год пополняются весенним паводком.

Река эта — один из самых больших притоков Волги. И берега её тоже напоминают волжские: правый — горный, левый — луговой. Обрывистый берег местами разрезан глубокими ложбинами, выходящими на равнину.

Вот между двух таких оврагов, на крутом берегу Ветлуги, и приотилась наша деревня Анисимово. Именно здесь, в родной деревне отца, обосновались после венчания мои родители. Дед Павел, который во всём любил основательность, помог поднять им капитальный дом.

Вот в нём девятнадцатого апреля одна тысяча тридцать шестого года родился я — Костюнин Виктор Алексеевич.

В колхоз отец записываться не стал. Слишком самостоятельный. Округа, как и всюду по стране, держалась на ораторах. Мой же отец деловит, но не словоохотлив — «не баюн», как

подметила мать. Он выстроил рядом с домом свою кузницу, в надежде на взаимовыгодное сотрудничество с колхозом. «Лавочку» приказали «немедля прикрыть!».

Остатки кузницы долго ещё стояли на краю деревни, в назидание всем остальным, пока не сгнили окончательно.

А, нечего...

Отцу не пришлось раздумывать, куда дальше (теперь за всех думали наготово). По линии военкомата его направили в Горький на курсы шофёров. На район, в леспромхоз, выделяют шесть новых лесовозов — нужны водители.

Он часто в длительных рейсах. Из отдалённых лесопунктов привозит гостинцы. В ОРСе их большой выбор: от колбасы до советского шампанского. С тех пор у меня в памяти осталось (память знает, что хранить): под детской кроваткой целый ящик конфет в полной моей власти.

Разговоров о колхозе родители избегают: там, сколько ни заработай, — всё отберут, а здесь САМИ платят.

Стыдно признаться: мой отец оказался политически близоруким. Всю жизнь сбивала его с верного пути врождённая хозяйская жилка.

Сгубила она и деда Павла. Дед, видишь ли, не соглашался отдавать свою скотину в колхоз. Его, конечно, взяли и расстреляли.

— Лишь бы не было войны, — отрешённо причитала моя мать.

Но её молитвы не помогли.

Двадцать второе июня сорок первого года.

Жизнь не перестраивалась — беспощадно ломалась.

Всеобщая мобилизация!

Лесовоз отца срочно переоборудуют под перевозку новобранцев со всей округи до ближайшей железнодорожной станции. На машину ставят новый кузов, покрашенный зелёной краской, оборудуют скамейками. Борты оклеивают красочными плакатами армейского содержания. Машина и плакаты мне нравятся. Это уже не грязный лесовоз.

До станции сорок километров. Отец делает в сутки два рейса. Кроме его машины на маршруте ещё две. Домой приезжает поздно. С молчаливым вопросом смотрит на мать: нет ли повестки? — «Пока нет».

Но за этой маленькой бумажкой дело не станет. Через две недели принесли и её: «...явиться, при себе иметь...».

Советским Союзом руководили бессребреники.

Доброе слово, тёплая постель и... безграничная власть — вот, собственно и всё, чего они добивались. Как по карте переставляя игрушечных солдатиков, власть отправляла войска на захват то одной, то другой соседней страны.

А враг, по тайному сговору с которым Сталин делил земной шар, оказался вероломным.

Страна целую неделю ждала воззвания Верховного к народу! По этому поводу тётка Шура Антонова, старшая мамина сестра, даже сложила частушку:

Атаману на-ше-му,
Вот так и по-па-ло-то.
Ну и мать его эти,
Не раскрывай хлеба-ло-то!

Припевка неизменно исполнялась с лихим, радостным задором, будто воспевала долгожданную победу. Жила тётя Шура в районном центре — селе Варнавино. Её муж, дядя Саша, получил повестку одновременно с отцом, и теперь она оставалась одна с тремя детьми, мал мала меньше, на руках.

Этим вечером родители, приглушив свет лампы, пораньше уложили меня спать. Засыпая, я видел, как они сидели, нежно обнявшись.

Утром собирались второпях.

Едем к военкомату. Там перемешались призывники и провожающие. Где плач и причитания, где гармошка и плясовая. Отец передаёт машину своему напарнику Николаю Карпову — у того ещё нет повестки, но через неделю уйдёт и он. Мы стоим отдельной группой у деревянного забора, ждём команды. Отец рассеянно суёт мне в руки какую-то сладость и, не отрываясь, молча смотрит на мать. Основное, видно, за ночь переговорили.

Мне пять лет. Я мало понимаю происходящее, однако надрывный плач взрослых тяжело давит. Дали команду: «По машинам!»

Вой усилился. На прощание последние, главные слова.

Призывники, с трудом освобождаясь от цепких рук жён и матерей, запрыгивают в кузов. Колонна тронулась. Мама ухватилась за задний борт и висела на нём до тех пор, пока машина не вырвалась из рук. Сила, разлучающая их, одолела.

Я стоял, внутренне сжавшись. Нижняя губа оттопырилась и слегка начала подрагивать. Всю дорогу до дома мать, сдавив пальцы, вела меня за руку. Так удерживают воздушный шарик, боясь упустить его в небо навсегда.

Вернулись в опустевший дом. В комнате жутковатая тишина, и по ней чёрной угловатой трещиной стон матери... Из открытого ящика комода торчит скомканное нижнее бельё. На боку лежит упавший стул. На вешалке — одинокий свадебный костюм отца из дорогого бостона.

Как пустая мёртвая оболочка.

И началась новая жизнь военной поры. Общая для всех, но у каждого своя.

Писем от отца одно-два, ещё не с фронта. Где-то шоферит, что-то возит. Потом письма обходят нас стороной. Как тифозных. Среди нередких похоронок нашей — нет.

Зимние сумерки накрывают быстро. Улица становится пустой и неудобной, хочется быстрее домой: к теплу, к свету, к матери. Помню, как после ужина мы забрались с керосиновой лампой на русскую печку, и мать раскрыла старый охотничий журнал. Показывает пальцем рисунок на обложке: лесная дорога, силуэты двух охотников. И говорит, что это отец с дядей Сашей. Мне сомнения ни к чему, и я надолго застываю с журналом в руках.

В один из таких вечеров кто-то постучал в дверь. Мать пошла открывать и вернулась со своим отцом, дедом Иваном, в руках у которого был объёмистый свёрток. Я слез с печки и с любопытством наблюдал, как дед его разворачивает.

Лыжи! Настоящие! Необыкновенной красоты.

Дед заказал их специально для меня в столярной мастерской, где выполняли заказы для фронта. Лыжи были из лучшего материала — без сучков, гибкие, с круто загнутыми носами, приятно пахнущие берёзовой древесиной и спиртовым лаком.

Я переводил глаза с подарка на деда и, кажется, в этот момент впервые увидел его. Ему было за пятьдесят. Выше среднего роста, сухощавый, с остатками жидковатых русых волос, с густыми усами и курчавой бородой. Выразительность лица подчёркивали пронизательные глаза.

Он был немного навеселе. А когда мать, собирая ужин, достала «одёнок», оставшийся от проводов отца, лицо деда и вовсе приобрело благостное выражение. Он не спеша вытащил кисет, оторвал от сложенной газеты «косынку», свернул аккуратную козью ножку и закурил. Комната наполнилась забытым ароматом самсада. Стало как-то уютней.

За ужином решили: не дожидаясь лета, перебраться к старикам в Лубяны.

— Ну, Орина, — обращаясь к матери, сказал дед, — пойду, — и, тяжело опираясь рукой на стол, поднялся.

Мать, накинув на плечи платок, пошла до калитки проводить.

Слышу с улицы:

— Тять, милой, ты ровно не в ту сторону пошёл! Али дом-то там?..

В ответ досадливый голос деда. Высоким ладным каскадом ниспадает мат. На крыльце шаги. Возвращаются. Дед заходит первым, в явном замешательстве, как бы оправдываясь передо мной, произносит:

— Витюх, нали голову обвело кругом...

На следующий день дед ушёл, а мы стали готовиться к переезду. Взяли самое необходимое: обувь, одежду. Дом закрыли. Сами налегке, как погорельцы, отправились в Лубяны. До них около десяти километров. На большой дороге нас догнал и предложил подвезти, «сколь по пути будет», почтальон-возница.

Ехать, едва покачиваясь в широких розвальнях по укатанной зимней трассе, — одно удовольствие. Как сейчас вижу эту дорогу с клочками сена под полозьями, запахом конского навоза и хозяйственного двора. Путь не казался длинным. На всём протяжении стоят деревни, одна от другой в пределах видимости: Михаленино, Заболотье, Опалихи. Небольшие, притихшие, занесённые снегом.

Вот показалась и наша. Дедовский дом в центре деревни.

Через просторные сени заходим в зимнюю избу. Оглядываюсь. Слева от входной двери — большая русская печь. Под потолком полати. В красном углу икона Николы Чудотворца в резной божнице. Широкая металлическая кровать уже поставлена для нас. Бабушка испекла пирог, дед нарезал в тарелку сотового мёда. На столе появились мясные щи из серой капусты, тушёная картошка в глиняном горшке, ржаной хлеб.

Бабушку Дарью я раньше не видел и теперь рассматривал с интересом — мне с ней жить. Среднего роста, полноватая, с крупными чертами лица, в платке, из-под которого выбивались гладкие тёмные волосы. Открытая, улыбчивая. Тихий воркующий голосок. Я находил, к собственному удовольствию, что она мне нравится.

В первую же ночь я забрался к деду с бабой на полати. После дальней дороги и щедрых угощений веки слипались.

Спа-а-ать.

Хороши полати, но всю зиму на них не пролежишь — развлечения нужны. Поиски их вывели меня на дедовских лыжах в снежные поля, от окружения которых некуда было деться. Иду не спеша, глаза невольно ищут на снежной целине какие-то отметины. Вдруг натываюсь на след с ярко выраженным симметричным рисунком: две ямки спереди — рядом, две позади — друг за дружкой.

Заяц! След казался таким свежим, что мне невольно хотелось его понюхать. Лыжи сами выбрали маршрут.

Оказывается, по следам можно многое прочитать про жизнь зверька. Вот здесь он сидел, скусывая заснеженную былинку; здесь возвращался точь-в-точь своим следом назад, ровно что-то потерял; вот игриво пустился в намёт; тут успокоился и переиёл на прогулочный ход. Не сразу замечаю, что след увёл меня далеко от деревни. Сумерки сгущались. Надо поворачивать назад.

Этим вечером дома я был непривычно тих. Лёг спать, а перед глазами так и мелькали отметины заячьих следов.

Жизнь военной поры не отличалась великим разнообразием: к нам — никто, и мы — никуда. Разве что иногда тишину деревни нарушит шум проезжающей машины. Однажды вечером грузовик, у которого вместо задних колёс были гусеницы, остановился прямо у нашего дома: двое военных попросились на ночлег. За ужином взрослые обсуждали фронтовые новости.

А меня больше интересовало иное.

Я не сводил глаз с военной амуниции: полевых сумок, петлиц, звёздочек. Втягивал носом запах скрипящей кожи ремней. Конечно, всё было интересно, но кобура с наганом подействовала просто магически.

Стали укладываться спать. Военным постелили на полу. Я цепко слежу за пистолетом. Заметил, что его, как и полагается, положили в изголовье. Все уснули. Тишина в доме. Слышно только посапывание.

Наваждение какое-то... Я опомнился, когда крадучись, в темноте, подходил к спящим бойцам. Рука сама потянулась вперёд, непослушно, как чужая. Нащупал пальцами ремень портупей, попробовал тащить.

Подалось.

И то ли спугнуло беспокойство спящего, то ли не выдержали нервы, но от затеи вытащить пистолет я отказался. Вернулся в тёплую постель к матери и потом ещё долго не мог заснуть.

Утром военные в благодарность за радушный приём оставили мне на память командирскую сумку и армейскую звёздочку на шапку.

Нужна мне их звёздочка! Что я, маленький?!

Вот так мы и жили в малой деревушке, судьбой отгороженной от общей большой беды.

Из редких, долго блуждающих треугольников полевой почты мы узнавали о положении дел на фронте. Новости поровну делились на всех жителей деревни, без утайки. При виде почтальона каждый раз возникало двоякое чувство: и ждёшь весточки, и боишься. Что именно вручит он на этот раз?

Как ни длинна нудная зима, весне быть. Для деревенской детворы эта пора в Лубянах скучная. Пока тает снег, мы, как привязанные, сидим дома, нетерпеливо сучим ногами. Всюду зазоры — скрытая под снегом вода — ловушки. Ждём, когда можно будет не зависеть от обуви. Это раньше Пасхи не бывает. Вот уж когда начинается босоногое раздолье. Какая бы погода ни была в этот день, мы пробуем ногами землю: сперва на припёках и не все, потом помаленьку и остальные подключаются.

От отца третий месяц нет вестей.

Дождавшись, когда полностью сойдёт снег, мать с соседкой отправилась на пароходе за сто километров в город Ветлугу, молиться. Там православный храм нечаянно не разрушили.

Дед Иван, не в пример отцовской родне, был уважен властью.

В начале деревни стояло приземистое рубленое здание с маленькими, редкими окошками, под тёсовой крышей. Там отжимали льняное масло.

Маслобойка — место тёплое. Со всего района сюда везли льняное семя на переработку. Люди ехали, как на праздник. Счастливички. Целый день можно пробовать маслянистый, жареный пух, отламывать кусочки тёплого жмыха, макать хлеб в ароматное, янтарное масло, которого многие не видели с начала войны, до головокружения вдыхать его забытый аппетитный запах. И, наконец, финал — жареная картошка. Досыта!

И главенствовал в этом заповедном месте дед Иван. Кому ещё командовать? Он не буржуй какой-нибудь. Свой. Помогала ему моложавая статная женщина, из эвакуированных, на которую дед время от времени бросал выразительные маслянистые взгляды. Ответственная должность деда позволяла нашей семье в голодную военную пору ни в чём не знать нужды.

Я недоумевал, зачем ещё мать тянет меня осенью на поле вместе со всеми собирать колоски, которые потом украдкой выбрасывала? От домашней пшеничной сдобы уже и так воротило.

Мне любопытно было, в охотку, вместе с другими мальчишками уплетать их чёрные, горькие лепёшки из картофеля, жмыха, лебеды и «колокольца» — шелухи льняного семени.

После революции бедных не стало меньше. Всеобщее равенство не наступило. Но теперь хорошо, зажиточно, на общую зависть, жил не тот, кто хорошо умножал и прибавлял, а тот, кого Советская власть уполномочила делить и отнимать...

Лето кончилось. А мне и не жаль. Осень желанней.

Кроме ясных прохладных дней в осени было много чего-то неопределённого, неосознанно волновавшего меня.

В открытые окна, выходящие в сад, тянутся ветвями яблони, предлагая отведать спелую антоновку. Выбираешь то яблоко, что крупнее, осторожно срываешь и смачно надкусываешь. Золотистый сок, намаываясь в ожидании, выступает прозрачными каплями.

Ещё я любил это время за то, что оно совпадало с переходом из летней избы в зимнюю. (Будто очередную страницу в жизни перелистываешь.) Из мебели ничего не переносили: всё оставалось на своих местах. Захватим с собой необходимую посуду — вот и «переехали». Это окончательно подводило итог лету.

Вставлены в окна вторые, зимние, рамы, ожила русская печь, своим теплом изгоняя застойный, нежилой дух. Ей помогала своим бойким, весёлым огоньком маленькая печка. Изба дышала, наполняясь ароматом чисто надраенных голяком некрашенных полов, запахами поля, свежей капусты и моркови вперемешку с дедовским самосадом. Весело и дружно орудуют в выдолбленных корытцах тяпки, измельчая ядрёную, хранящую ещё сок полей капусту. Я с удовольствием хрущу сочными капустными кочерыжками.

Начищенный до блеска, выставив напоказ медали, гудит самовар. Дед приехал с лесной пасеки с дарами. На столе к чаю подан мёд: продукт царский сам по себе, а в виде медовых сот — особенно. Жидким янтарём аппетитно слезится он по краю глубокой тарелки.

На таких ярких, щедрых, вкусных красках осень сдавала свои позиции суровой зиме. Сама уходила. Видно, чтобы не наскучить и всегда держать себя в особой цене.

Сводки с фронта обнадеживали всё больше, а председателю нашего колхоза, между тем, принесли похоронку. Из сыновей у него теперь остался только младший, Жорка, — мой лучший приятель. В боях за Москву погиб и единственный сын деда Ивана, родной мамин брат, Геннадий.

Война собирала свой «урожай».

Военные годы сменяли один другой. Наступил сорок пятый.

Праздник 9 Мая пришёл в деревню незаметно и буднично. Не собирали ни митинга, ни собрания, хотя весть добралась до деревни тут же. Я не заметил у людей бурного выражения чувств по этому поводу. Не видел на глазах ни радостных, ни горестных слёз — выплаканы. В этот тёплый солнечный день все были на своих подворьях: готовили огороды под посадку. Узнав о Победе, передавали долгожданную новость по цепочке, от соседа к соседу. Работу не бросали, продолжая копаться в земле.

Дед не снизошёл до обсуждения с домашними такого серьёзного события. Я видел его на нашем крыльце с председателем. Притихшие, они молча курили. Им было о чём помолчать.

Погибших сыновей не вернёшь.

Они собой загатили путь к Победе...

Люди с этого дня, выходя из дому, первым делом обращали внимание на дорогу: не идёт ли машина с солдатами-победителями. С надеждой всматривались и мы с мамой.

Однажды грузовик остановился недалеко от нашего дома. Мы, ребятня, подбежали к нему. В кузове около десятка солдат. Они оживлённо прощались с одним из попутчиков: сначала появились костыли, потом помогли выбраться и самому. Передали через борт солдатский вещмешок, и машина продолжила путь. На дороге остался солдат — пожилой, невысокого роста, с измученным лицом. На выгоревшей добела гимнастёрке не видно ни орденов, ни медалей, только облупленная звёздочка на старой помятой пилотке.

Солдат, тяжело повиснув на деревянных подпорках, неуверенно шагнул единственной ногой к родному дому. Путь в десять шагов, о котором он мечтал с первых дней войны, оказался горьким и трудным, крыльцо, знакомое с детства, высоким и неприветливым...

Его никто не встречал. Жена, трое сыновей и дочери только ещё бежали к деревне с поля. Он, натянуто улыбаясь, заговорил с нами, нетерпеливо поджидая своих. Это был Семён Хорин, наш сосед и дальний родственник, — первый из немногих возвратившихся после Победы в родную деревню.

А нас, ребятню, к тому времени интересовали не столько сами солдаты, сколько их трофеи из заморских стран. Мы кое с чем познакомились и были потрясены. Настоящий электрофонарь! Авторучка! Известно, что победители везли на родину товары в соответствии с рангом. Удача не обошла и дядю Семёна: под руки ему попала бухта бикфордова шнура с запалами. «Леший подал» — как убеждённо считали у нас в подобных случаях.

Об этом интересном трофее мы узнали от его дочки Клавки — бой-девчонки. Пока хозяин раздумывал, что с этой добычей делать, мы начали действовать. Изготовление взрывного устройства простое: берётся бикфордов шнур, отрезается полуметровый кусок, один его конец вставляется в патрон, другой поджигается. Всё. Бежим в укрытие, ждём. Запальный огонь скользит по шнуру медленно. Взрыв большого эффекта не производит, но прятаться заставляет.

В первый вечер мы заложили мину на скотном дворе под котлы, где готовилось пойло. (Типа — партизаны!) Урона не нанесли, но скотниц перепугали. Уже не зря старались.

Клавка исправно выполняла роль тыловика и небольшими партиями поставляла в наш отряд шнур и запалы. Запалов было достаточно, а вот шнур, как бы экономно мы его ни использовали, всё-таки кончился раньше. Оставшиеся запалы «чесали» нам руки...

Вскоре выход был найден. Мы, трое военных испытателей — Жорка Лебедев, сын председателя, Клава и я, пошли на наш полигон, за конюшню. Запал завернули в газету, смяв её клубком. С трудом подожгли и — бегом прятаться. Лежим, не дышим. Взрыва нет. Тихонько поднимаемся. Видим, что газета не горит, только тлеет, осыпаясь пеплом по краям. С настороженным интересом подходим и присаживаемся на корточки рядом с тлеющим свёртком. Жорка опускается на колени, подносит лицо вплотную к газете и, набрав полные лёгкие воздуха, начинает усердно раздувать угольки.

Раздул!

Я и пламени не видел — рвануло.

Нас опрокинуло в бурьян. Молча, с тревогой осматриваем друг друга, прислушиваясь к своему телу. Мы двое целы, а у Жорки лицо закрыто руками. Из-под пальцев сочится кровь. Запал после взрыва превращается в рваный кусок металла (знали по испытаниям), вот он и угодил ему по губам, припечатав рот. «Малесенько не в глаз», — как непременно сказала бы моя мать.

После этого мы ничего больше не взрывали. Куда делись оставшиеся запалы — не помню. Неужели выкинули?!

Вот дураки, если выкинули...

Прошло первое послевоенное лето.

В ряду значительных событий — возвращение с войны дяди Саши Антонова. Живого и невредимого. Не попал он на зуб человеческой мясорубке. Видно, была у него своя звезда-спасительница. И вот сидит он за праздничным столом в Лубянах со своей счастливой семьёй. Для них чёрные дни закончились.

Мне исполнилось девять лет — завтра в школу. Без меня, видно, не обойдутся. Перебираю своё хозяйство: полевая командирская сумка, которой я очень гордился. Жаль только, класть в неё нечего, кроме перьевой ручки и чернильницы-«непроливайки». Букваря нет. Тетрадей тоже. Великолепный, со светящимся циферблатом компас отстёгивать не стал. Ещё снял с гвоздя пилотку с красной звёздочкой, в раздумье подержал и положил рядом с полевой сумкой. Вот и готов.

Начальная школа находилась в соседней деревеньке Заболотье, в километре от нашей. Одноэтажное бревенчатое здание. Окна большие и частые. Тропинка к ней вела через клеверное поле прямо от двора (только учись). К школьному крыльцу я подходил осторожно, точно к тлеющему в газетной бумаге запалу. И интересно, и боязно.

После суматохи и тычков мы расселись за парты. Я — на «камчатку». Сидим, как дикие зверьки в капкане, усваиваем истины. Пока отмечаю только: это нельзя, то нельзя, и ещё раз Нельзя. Это надо, то надо, и ещё раз Надо. Сознание вяло сопротивляется, безысходность берёт верх. Из школы домой я шёл понурый. Внушительная буква "А", старательно выведенная учительницей куском мела на классной доске, не произвела должного впечатления и не нашла запланированного отклика в моём сердце.

Обычно после школы я до позднего вечера слонялся по деревне, пока ноги носили. Домой еле шёл. Однажды зимой на пути мне встретилась соседская девчонка. Задержалась и говорит:

— Иди быстрее, там твой отец письмо прислал.

— Дура! Нашла чем шутить, а?!

Всю дорогу до дома я не мог себе простить, что не обложил её матом. Прямо хоть возвращайся и догоняй! Но, подходя к калитке, я почувствовал что-то необычное: вроде окна в доме светятся ярче, словно выкрутили фитиль.

Соседи гурьбой выходят.

Я потихоньку захожу в избу. В комнате полно народу. За столом, под лампой, сидит дед с письмом в руках. (Выходит, правильно не стал девчонку догонять — как чувствовал.) Дед возбуждён. Мать тихо плачет. Прижала меня украдкой к себе.

Письмо шло долго. Отец писал, что был ранен. Но главное — жив и скоро увидимся.

Мать даже помолодела.

Это было в середине марта сорок шестого года. Я пришёл из школы и занимался... (Да не уроками!) У красной звёздочки отвалился крепёжный усик, а мне не хотелось с ней расставаться. В поисках кусочка проволоки я забрался на чердак, где складывались необходимые ненужности. Спустился, вижу через дверной проём: напротив нашего дома остановилась машина. Надо использовать такой случай и прокатиться, повиснув на борту. Наблюдаю с крыльца за машиной. Ловлю момент зацепиться. Кто-то отходит от неё — думаю, наверное, шофёр за водой в радиатор. Нет. Смотрю, идёт к нашему крыльцу.

Ко мне идёт...

Служивый высокого роста, в шинели и фуражке, с чемоданом в руках. Подходит, здоровается, как с равным, за руку и садится рядом на ступеньки. Задаёт обычные в таком случае вопросы: как зовут, сколько лет, в каком классе учусь.

Вот дался я ему!

Не очень довольный, рассеянно отвечаю, сам не спускаю глаз с машины. Мне главное — не пропустить, как отъезжать начнёт.

— ...Витей звать... на фронте отец... (Чувствую: упицу!)

Так и есть — машина тронулась. Но не успел я толком огорчиться, как подошла соседка, тётка Анна Хорина, и, узнав военного, всплеснув руками, заплакала. Мать в этот день приболела и лежала на печке. Весь разговор она слушала через дверь, гадая, кто же это может быть.

— А мамка-то замуж не вышла? — спросил настырный незнакомец.

Мать после этих слов, разом выздоровев, махнула с печки на крыльцо и под причитания тётки Анны повисла на шее у военного... Только в этот момент, оторопев, уставившись на солдата, я понял, что это и есть мой о т е ц. Потянувшись за его рукой, я робко прижался щекой к колючей шинели.

— Папка...

За столом после схлынувших возбуждённых разговоров, оставшись с нами, отец поведал о своей военной судьбе. Рассказывал основное, без подробностей: их хватит теперь на всю жизнь.

Осенью сорок второго часть, в которой он служил, попала в окружение под Бобруйском. Его взяли в плен и отправили в Кёнигсберг, в лагерь. Для отца начался отсчёт новой жизни, где каждый день воспринимался как последний, а прожитый — как подарок судьбы. Когда в Пруссию вошли наши войска, отца без особой волокиты отправили в штрафную роту и — в бой; они шли рядом, под Пиллау. На Куришской косе осколком мины он был ранен. Этого оказалось достаточно — «кровью смыл» свою вину. Дальше госпиталь. Потом фильтрационные лагеря. И вот почти через год после Победы и у нас праздник.

Я пристально рассматривал отца со стороны. Пытался представить, как с этого момента изменится моя жизнь. То, что она изменится, я не сомневался. Надо мною появился ещё один человек. Ещё один ограничитель. Во мне шевелился червячок беспокойства: пять военных лет безотцовщины даром не прошли. До этого я рос, как хотел. По хозяйству меня никто не просил помогать, а сам я даже полена дров на растопку не принёс (не могу вспомнить, где вообще у нас хранились дрова).

Утром отец планировал сходить в сторону лапшангского оврага, потропить русака. Брал меня. Возбуждённый, я завалился «занозой» между отцом и матерью. Другого места, конечно, не нашлось.

Только как теперь уснуть-то?! Столько впечатлений сразу: и отец с войны вернулся, и на охоту-то завтра идём вместе, и школу «задвигаю».

Во — привалило!..

Ночь была длинная и беспокойная. С рассветом, убедившись, что снег не идёт, на улице мягко и тихо, мы с лыжами под мышкой двинулись за деревню, мимо скотного двора. Небо светлело. А у нас на душе и так было светло. Вышли в поле. В прошлом году на нём выращивали лён и часть его, неубранного, пустили под снег. В тёмных бабках стоял он по краю оврага.

След русака мы взяли сразу за скотным двором и, возбуждённые, начали тропить. Попадается «петля», потом «двойка», значит, заяц идёт на лёжку. Отец давно готов. Я напряжённо выглядываю из-за могучей отцовской спины, стараясь первым засечь подъём косога. Движемся осторожно, по-кошачьи, часто останавливаясь. Нервы на пределе. Снопы все одинаковые: их много, как фигур на шахматной доске. Гадай, под какой заяц лежит.

Не углядеть нам его...

Так и есть! Вовремя ни отец, ни я не заметили, как русак соскочил с лёжки и, сгорбившись, прикрываясь бабками, нехотко замелькал между ними. Пока перехватывали его бег, он уже в поле, далеко. На чистом месте, но вне выстрела. Преследовать бессмысленно: без собаки его не вернуть. Потоптавшись, мы подались домой.

На подходе к деревне батя не удержался: нацарапал куском кирпича на старых воротах скотного двора мишень, отошёл и, долго выцеливая, спустил курок. Выстрел заставил чуть вздрогнуть. Подошли к мишени. Сосчитали количество дробинок в круге, оценили глубину их проникновения в сухие доски ворот. Ружьё било кучно и резко.

На другой день, когда я пришёл из школы, отца дома не было — ушёл устраиваться на работу. Здешнему колхозу нужен был кузнец. Способных держать кувалду хватало, а вот мастера не было. Условия оплаты достойные: натурально — мука, масло, мясо.

В день знакомства председатель местного колхоза Лебедев Сергей Анфилович, или, как звали его в народе, Анфилыч, посетовал на поломку ключика для завода карманных часов, и отец предложил свои услуги. Тонкая работа. Здесь мало быть кузнецом. Такой заказ по плечу только слесарю высшей квалификации. Отец вложил в поделку всё своё умение, и, когда вручил этот «золотой» ключик председателю, тот не мог сдержать искреннего восхищения. Он важно расхаживал по конторе и всем демонстрировал ювелирное изделие, обязательно требуя признания и своей заслуги: какого умельца он приобрёл в хозяйство. С тех пор они с отцом прониклись взаимным уважением и крепко сдружились.

Я теперь крутился возле отцовской кузницы. Где ещё можно столько увидеть? Интересно наблюдать за волшебным процессом, когда из горна достают алый, вперемешку с огнём, неопределённой формы кусок раскалённого металла. Молотобоец размеренно ударяет кувалдой по тому месту, куда указывает молоток кузнеца. Без лишних движений мастер поворачивает заготовку, постепенно придавая ей форму готового изделия — лошадиной подковы или зуба бороны.

Кузнечное хозяйство было старое и никуда не годное. Пришлось переделать горн — сердце кузницы, заменить насквозь дырявые меха.

После ремонта мехов отец несколько кусков сухой кожи, что покрепче, принёс домой. Облагородил их, смазав свиным салом, размял. Затем освободил обеденный стол и начал что-то кроить.

— Патронташ, — ответил он мне на любопытный вопрос.

Я замороженно смотрел, переводя взгляд с его просветлённого лица на умелые руки, ловко и уверенно творившие задуманное.

Счастливые минуты...

А как-то раз совершенно случайно выяснилось, что отец умеет и рисовать. Хорошо помню этот вечер. Керосиновая лампа, отец за столом. Видно, хозяйственных дел тогда не нашлось. Он взял лист бумаги и без моей просьбы (я и не мечтал об этом просить) нарисовал карандашом: зима, лесная дорога и по ней идут лесовозы ЗИС-5, точно такие, как у нас в леспромхозе до войны. Меня потрясла реальность этого графического образа, возможность простым карандашом так ярко изобразить события.

Наши отношения с отцом на глазах срастались. Внешне он не проявлял ко мне ласки. Не помню, чтобы когда-нибудь папка подхватил меня на руки, обнял, потискал, поцеловал, игриво подкинул к потолку. Но какая-то великая сила всё больше тянула меня к нему. Сдержанным он был и в наказаниях, хотя поводов было достаточно. Только один раз он предпринял попытку отходить меня ремнём (я, играя, изрезал ножом кору яблонь). Куда там! Он только ещё снимал с брюк ремень, я — юрк! — под стоящую рядом кровать. Матка мне на подмогу. Заслонила от отца грудью:

— Да полно, Лель! Не ты родил, не тебе и дотрагиваться до него.

Отец плюнул и отступил.

На дворе начало апреля. Весна набирает силу.

Она разрушает построенные зимой дороги, тормошит душу. Весеннее тепло окутывает деревья, пробуждая их от зимней спячки. Лес, стряхнувший с себя водянистый снег, темнеет и

как бы становится ближе к деревне. Оживают перелески, наполняясь пробным тетеревиным токованием. На глухариных токах чертят по снегу мошники. Появляются перелётные утки, а значит, надо отложить до времени все будничные дела и включиться в весеннюю песню.

Отец дошивает очередную составляющую охотничьей экипировки — рюкзак. Его тоже нигде не купишь. Но человек с ружьём и авоськой вместо рюкзака — это не охотник. Пригодился старый брезент. Отец любовно обшивает кожей клапаны многочисленных карманов. Ремешки крепит самодельными медными заклёпками: не столько для прочности, больше для красоты. Подсадную утку одолжил у лесника.

Место охоты, выбранное отцом, называлось Шалуги. В километре от подворья, у леса, болотистая низинка заполнена вешними водами.

Вышел он из дома задолго до вечера — предстояло до зорьки соорудить шалаи. Я так и застыл тенью на крыльце, тоскливым взглядом провожая преобразившуюся фигуру отца, с не свойственной ему торопливостью широко шагавшего в сторону поля. Мать звала ужинать, я отмахивался: как вообще она может сейчас думать о еде? Весь вечер я напряжённо ждал, не прозвучит ли выстрел с той стороны. Но сколь ни поворачивал ухо в сторону поля, как ни прислушивался, приоткрыв рот и затаив дыхание, долгожданного звука так и не услышал. Быстро темнело. Захотелось есть. В избе под потолком прирученной луной светилась «летучая мышь». Мать собрала на стол. Волнение потихоньку отпусало. Навишись, я почувствовал усталость, вроде сам только что с охоты.

Отец вернулся в полной темноте. Я подбежал к нему с немым вопросом в глазах...

Он степенно поставил в угол ружьё, корзину с подсадной, снял с плеча влажный рюкзак, подал его мне, и присев на табурет, стал стягивать раскисшие бахилы. Я придвинулся к свету, непослушными руками растянул клапан рюкзака, в нетерпении сунулся внутрь. Там что-то холодное, гладкое.

Есть! Я потянул и выхватил наружу.

Изба словно осветилась: кряковый селезень. Я оглаживал отливающую бирюзой точёную голову, атласную шею, коричневую грудь, кудряшки на кончике хвоста и яркие оранжевые лапки.

Мать недолго дала полюбоваться. Разрушила всю эту красоту, положив начало многолетней заготовке пуха для семейных подушек.

Ну никакой поэзии...

Не только отец любил охоту.

В доме напротив жил человек, для которого из всех времён года предпочтительней всего была осень: с зябкими туманами, слякотью, дождевой изморосью, с увядающей осенней красотой леса и надёжным охотничьим ружьём.

Его звали Кокин Александр. Он с войны вернулся инвалидом: вместо левой руки — культя, почти по локоть. Вот это «почти» как раз и служило ему тем местом, куда он бросал ружьё при выстреле навскидку.

Сашка Кокин был на десять лет моложе отца. Среднего роста, сухощав, подвижен и горяч, особенно на охоте. Он был «затяжным» гончатником. И, видно, за верность страсти судьба подарила ему гончую, какие на век рождаются единицами. Не забуду её никогда. Выжловка, двух осеней, по кличке Эльма. Взята была щенком. Работать начала с шести месяцев. Крепкие, в комке, лапы, хорошо развитая грудь не знали «стомчивости». Чутьё, как бритва, не оставляло ни зайцу, ни лисе шансов оторваться ни в июльскую жару, ни в дождь, ни в январский мороз...

На дворе грибной сезон. Мы с матерью решаем прогуляться до ближней опушки. Мать в положении и далеко заходить в лес побаивается. Год на грибы выдался на редкость урожайный. Я хорошо помню это место: белые грибы с одноцветными тёмными шляпками выстроились нам навстречу семьями по шесть — десять штук, будто на плантации. Их количество даже для этих богатых мест было необычным. Мать, истолковывая это обстоятельство по-своему, беспокоилась:

— Быть опять войне.

Наполнив наши неёмкие прогулочные корзины, мы вернулись домой.

Отец урожаяем грибов заинтересовался, и на следующий день мы уже втроём, с Кокиным, пошли на то же место. Решили взять с собой Эльму: пусть разомнётся — охота на носу.

Приходим. Грибов не стало меньше. Начали с азартом собирать. Выжловка ртутью разливается по мелочам вдоль лесной опушки. Мужики, собирая грибы, невольно поглядывают за гончей.

И вдруг Эльме как на лапу наступили.

Она взвизгнула — и началось... Мужики, не сговариваясь, кинулись в разные стороны выбирать лаз. Меня оставили невольным заложником корзины. Одного — дрожащего от возбуждения. Гон стал удаляться, но не в сторону полевых просторов, а завернул в лесной массив.

Стало ясно — бяка! Он пытался сбить гончую со следа, но Эльма, не дав ему использовать свои уловки, выжала зайца на край опушки. И тогда он, лишённый выбора, под энергичным натиском выжловки, утратив всякую осторожность, вылетел прямо на нас, воспринимая охотников как меньшее зло. Сегодня его расчёт был верным. Тут же, как по нитке, появилась Эльма и, не удостоив нас взглядом, не реагируя на наши подбадривания, обдав горячим дыханием, промчалась следом.

Вечерело. Лес постепенно терял очертания. Мы стали остывать и вроде даже устали. От чего? От топтания на месте? От страсти, не находящей выхода?

Заяц, проходя несколько раз у места подъёма — лёжки, переместился обратно в лесной массив и там накоротке начал кружить. Эльму голосом с гона не снять — бесполезно. Её в этом состоянии не снимешь ни рогом, ни звуком выстрела из ружья. Только ловить или, махнув рукой, отправляться домой. Решаем ловить. Подобрал корзины, двинулись.

Гон кипит. Голос у Эльмы какой-то особенный, под стать всем её необычным качествам: чистый, богатый оттенками тонов, которыми выжловка свободно выражала своё состояние души. Он был однотонным, когда добыча отрывалась; лился дуэтом, когда расстояние между ними сокращалось, и даже раскладывался на три голоса, когда Эльма видела зайца. Такая собака — как скрипка Страдивари.

В лесу совсем стемнело. А гон, будоража засыпающий лес, продолжался. Жаркий. Грубо разрезая тишину дивным переливчатым стоном, который гончатники издавна называют песней.

Но нам уже не до песен.

Саня встал удачно: бяка прошёл в сажени от него. Он приготовился к встрече с Эльмой, молчком бросился на неё, за что-то ухватился, но мокрая выжловка в азарте налимом выскользнула из рук. Отец стоял на своём лазу, слышал шуриание рядом, но, не обладая ловкостью Кокина, был бесполезен. Я тем более: сидел на корзине в нерешительности, не зная, как себя вести. Вокруг была сплошная темень.

Перекликаясь, мы сошлись. Пока шарахались, Сашка потерял свою корзину. Одно к одному. Придётся завтра с утра бежать за ней. Эльму искать не пришлось — вернулась ночью. Голод привёл.

А меня с этого дня охота накрепко присушила к себе.

Вообще-то лето несло мало удовольствий: жара, пыль, настёрные комары и мухи. Чтобы спастись от укусов, хотя бы на время сна, я в просторных сенях коридора, над кроватью, смастерил полог. Подвесил его и лежу, блаженствую. Если жарковато — одеяло откину. Никто не кусает. Никто не мешает.

Нет, смотрю, кто-то лезет. Клавка! На целую ночь... ко мне в полог. Моей фантазии на такое явно бы не хватило.

Чем мы занимались? Мне одиннадцать, ей тринадцать. Лежали рядышком, дышали, играли в «дочки-матери», изучали друг друга. Невольно сравнивая тело девчонки со своим, я подметил одну важную конструктивную особенность. Оно было... Как бы это сказать поточнее... Ну, скажем так: не совсем обычным.

О! Неполнокомплектным! (Будет правильной.)

Свою догадку я решил в ближайшую же ночь перепроверить, но наш кружок юных натуралистов взрослые безжалостно разогнали. Впечатление о лете было испорчено окончательно.

Зима. Она в этот год малоснежная.

Используем любую возможность для охоты. Запланировали выход и на ближайший выходной. Сбор в шесть утра. Погода стоит заказная. И тут всё рушится: к утру, прямо к нашему выходу, матери приспичило рожать. Вот что значит — не увлечена охотой. Ни один

зайчатник себе такой вольности не позволил бы. Начались схватки. Роды тяжёлые. Мать стонет, лёжа на полу. Отец помехой беспомощно ходит вокруг. Быстрее бы уже! Может, успеем ещё отохотиться.

И появился на свет мой брат — Валентин. Отец решает остаться дома.

Ну вот, я так и знал!

Стук в дверь: это Кокин с Эльмой на поводке. Отец пошёл объясняться. Не знаю, что уж он будет там придумывать... Охота сорвана, и оправданий тут быть не может. Я, видя, как судьба отвернулась от меня, огорчённый, лёг на кровать и тоже в отместку отвернулся от всех и заснул.

Великой радости от рождения брата я не испытывал. Понимал, что теперь у меня проблем только прибавится. Ну я же говорил... Подвесили к потолку на гибком оцепе люльку. И качай. Если руки устали, предусмотрен ножной привод — верёвочная петля под ногу. Больно просто!

Понимая моё положение, мне помогала Клава. Она приходила и добросовестно качала малыша. Правильно подмечено: не имей сто друзей, имей сто подруг!

В гостях у деда сытно, а всё же тянет домой, в Анисимово.

Летом отца приглашают на работу шофёром. Возвращение в свой дом даёт ему шанс почувствовать себя Мужчиной, а матери — полноправной Хозяйкой. Мечталось вновь расправить плечи, выпрямиться и начать жить набело. С чистого листа.

Переехали.

Дворина не обустроена. Огород не посажен. Да разве дело в огороде... Теперь главное — вдохнуть душу в заурядное деревянное строение, которое станет для меня самым святым местом на земле — родительским домом.

Особого сожаления, оставляя Лубяны, я тогда не испытывал. Если бы не переезд, то это лето вообще ничем бы не отличалось от других. Выхожу на улицу — меня встречает тишина. Вся деревня на сенокосе (не знаю, лично мне этот сенокос с детства «не показался»).

Тянусь домой. В заупечи, под чистым льняным полотенцем, нахожу свои любимые плюшки. Наедаюсь, и мне опять становится скучно.

Пойду Вальку помучаю...

Полегчало!

Наступило первое сентября, неожиданно и нежелательно.

В школу, в пятый класс, теперь нужно было ходить за два километра в село Лапианга, богатое для меня историей. Отсюда родом бабушка Дарья. Здесь в церкви венчались родители.

Теперь в алтаре колхозный склад.

В здании бывшей духовной семинарии — школа.

А на погосте, прямо на могилах, школьный двор — место проведения торжественных линеек.

Ни время, ни наши кирзовые сапоги не смогли полностью втоптать могильные плиты в грязь. Они упорно, будто заговорённые, молча поднимались из земли. Я любил читать выбитые на камнях строки, как обращения из другого, неведомого, мира.

Сюда, на свои пионерские сборы, мы приглашали старших товарищей. Слушали их рассказы о подвигах. Клялись быть похожими...

Наиболее уважаемые Советской властью люди имели возможность не тратиться на изготовление памятников для своих близких, а брать эти. Я и теперь узнал бы многие плиты, использованные по «второму кругу».

Сэконд-хэнд, мать вашу!

Начало учебного года пролетело незаметно. Вот и ноябрьские праздники. Морозит крепко. Земля, не прикрытая снегом, промёрзла и гудит под ногами.

Река встала. Приготовилась к зиме.

Спускаемся под угор. Нас трое. На валенках — примитивные коньки. Одеваемся тепло. На мне ватное зимнее пальто, тёплые рукавицы. В руках чикмара — специально выпиленный из дерева чурбак с ручкой-сучком. Пробуем лёд: держит отлично, только озорно потрескивает от вечернего заморозка. Но мы хорошо знаем разницу в надёжности осеннего и весеннего льда и потому доверяемся. Двигаемся в сторону Михаленино. Через прозрачный, как стекло, лёд выискиваем стоящую у берега рыбёшку, ударяем чикмарой по льду, точно над ней, и глушим рыбку. Так и продвигаемся вдоль берега.

Мне на пути попадается весло. Оно не подходит к нашей домашней лодке, но какая-то внутренняя хозяйская жилка заставляет поднять это бесхозное добро и тащить за собой, чувствуя неудобство на каждом шагу.

Мы отбобмили весь макарьевский пляж. Подняли несколько налимчиков. Переехали через реку. Там прошли. Пора домой. Я перехватил прилипшее весло в другую руку и заскользил. На середине реки меня окликнул кто-то из друзей. Я резко затормозил. И вдруг чувствую, что лёд перестаёт быть жёстким. Он податливо уходит из-под ног.

Я оказался в полынье.

Чёрная холодная пучина обожгла меня.

Первое, на что обратил внимание после секундной растерянности, — «ненужное» весло. Когда я повис на нём всем телом, края полыньи выдержали и не обломились.

Друзья благополучно достигли берега и уже оттуда молча, парализованно наблюдали за мной. Видно, помощи от них не дождёшься (на бога я и сейчас-то мало надеюсь, а тогда и подавно его в расчёт не брал). Одна надежда — на себя. Я изо всех сил пробиваю чикмарой лунку впереди себя и на вытянутой руке держусь. Пальцы постепенно слабеют. Течение настойчиво затягивает меня под лёд.

Я не плачу, не кричу... Тихо тону.

Ватное пальто — от него не избавиться. Водозлазными ботинками становятся валенки. Начинаю снимать их. Получается с трудом.

Один валенок почти снял.

С угора спускается человек. Издалека не узнаю, кто. Он на коньках. Решительно пересекает реку и кричит мне:

— Витька, держись!

Одноклассник, Лёвка Карпов, с которым я сижу за одной партой. В руках у него сучковатая палка. Метров за двадцать от полыньи он лёг и по-пластунски с деревянным обрубок в руках пополз ко мне. Как эстафетную палочку, передал свободный конец сучка в мои руки и потянул на себя. Я подтягиваюсь, обламывая кромку льда. Вот-вот его самого в полынью стащу... Одной рукой переставляю весло, другой тянусь за сук. Края полыньи ближе к берегу становятся крепче, и вот я выбираюсь на лёд. Он трещит, крошится, но держит. Передвигаюсь без резких движений и вдруг замечаю: «А где же вторая варежка?» Добротная такая, меховая. Я оборачиваюсь и вижу её, одинокую, на краю полыньи. Если бы утонул, ясно, что варежка не нужна, но сейчас-то обошлось. Разворачиваюсь и ползу к «родной» полынье. Замёрзшими пальцами дотягиваюсь до рукавицы и, развернувшись на пузе, как тюлень, правлю обратно к берегу.

Стемнело. Подмораживало.

Пока отжимали пальто, валенок колом замёрз, да так и остался полуснятым. Одежда превратилась в сплошной ледяной панцирь: шевельнёшься — трескотня идёт. Сам идти не могу. Меня подхватили под руки, как манекен, и повели. Затащили на старину, к бабушке. Уложили на русскую печку, достали где-то чекушку водки (большой дефицит). Отогрели, отпоили, на другой день я пошёл в школу.

Стоило ли ради этого спасать?

Весна.

На глазах меняется природа.

У дома на берёзе повешен слаженный отцом скворечник. Долго птицы не решаются поселиться в нём — настораживает необычность жилища: крыльечко с точёными перильцами, резные наличники, крыша с ненужной трубой. Но смельчаки нашлись.

Просыпается река: белёсое полотно зимнего ледяного панциря, словно кистью невидимого художника, покрывается тёмными мазками. Уставшая за зиму вода, усердно подтачивая

нагретый рыхлый лёд, помогает солнцу и упорно стремится вырваться из ледяных оков. Вот и первые полыньи, расширяющиеся с каждым часом. Нарастает и множится издаваемый рекой гул. Его слышно издалека. Со скрежетом, огрызаясь, наваливаются друг на друга льдины, выползают на берег, создавая хрустальные надолбы. Река освобождается ото льда, начиная с низов, частями, плёсами.

Весной угор первым принимает солнце, подставляет под его ласковые лучи свои бугристые бока, вдыхает свежий ветер и запахи молодой травы. Мало в деревне жителей, оставшихся равнодушными: каждый, хоть ненадолго, да приходит на угор в ожидании, когда пронесёт реку. Для всех это торжественное событие, которого ждут всю долгую зиму.

Вечерами сюда, к скамейке, стягивается и стар, и млад.

«Послунявиться», как выражался мой отец.

Трескотня ледолома прошла, но представление не окончено. Извилистый поворот, как театральный занавес, выпускает на прямой плёс белым лебедем сойму. Это сооружение представляет собой огромные плоты заготовленного зимой леса с бытовой избой, с весёлой командой сплавщиков. Увидев сойму, люди облегчённо выдыхают, точно сами помогли ей появиться. Каждый воспринимает увиденное по-своему: для одного — это «алые паруса» мечты о сказочной жизни, для другого — уплывающие безвозвратно годы...

Постепенно я вырослел. Менялись мои интересы.

С младшим братом нас разделяли одиннадцать лет, поэтому ничего общего с ним быть не могло. Мало помню наши отношения. Разве что один эпизод.

Купили мне родители модную, красивую кепку. Собираюсь на гулянку, ищу её — нет нигде. Пошёл на улицу. Разузнал: Валька забрал. Я кинулся под Михаленино, на перевоз. Бегу под гору, смотрю — вываливает навстречу. Надо было видеть... Сам весь в глине, новый картуз в глине, козырёк набок. Попало ему, конечно.

К сверстникам я интерес утратил. Со взрослыми парнями было куда веселей. Выпивка. Подружки. Растревоженное тело и душа испытывали великую смуту. Я мечтал встретить красавицу. Ну хоть чуть-чуть похожую на героинь кино: Серову или Ладынину. Моя мечта — белокурая. У нас в деревне таких не было, и я подался в сторону Варнавино — «города», как хотели считать его старожилы.

По-родственному заглянул к Антоновым. Их сын, Володя, приходился мне двоюродным братом и закадычным приятелем.

Решаю, куда дальше идти. Рубль, полученный на мороженое, кажется, скоро насквозь прожжёт карман брюк. Подаю его продавщице и стою в ожидании своей порции мимолётного счастья. Стою — и чувствую на себе взгляд. Поворачиваю голову. На меня с интересом смотрят огромные серые глаза... белокурой, моей мечты.

Так и не знаю, ел я тогда мороженое или нет?

С этого момента всё во мне перевернулось — Она незримо преследовала меня днём и ночью.

В зимние каникулы, на Новый год, не ожидая от деревенского Деда Мороза никаких сюрпризов, я засветло отправился в Варнавино. Остановился у Антоновых. Вовка утюжил брюки и собирался на бал-маскарад. Мне тоже, как могли, придали городской вид. Обменяли валенки на ботинки, аккуратно причесали.

Тётка Шура для поднятия в нас боевого духа взяла балалайку и ободряюще сыпнула вслед:

Меня судили на бору
За Матанькину дыру.
За её черной хохол
Да пищут пятый протокол.

Мы у Дома культуры.

Людей — не протолкнуться. Очередим в раздевалке, ждём. Народ прибывает. В этой толпе я вижу знакомое лицо. Взгляды наши встретились.

Она растворилась в массе.

Музыкальное сопровождение бала — баян и входившая в моду радиоло. Зал задышал музыкой. Я ищу свою золушку. Вижу её. Танцует с одним, её перехватывает другой и ещё — Володя, мой двоюродный брат. Зависть моя не знает предела. И безысходность... Полная.

После вальса Володя, разгорячённый, подходит ко мне:

— Она хочет пригласить тебя на «белый» танец.

Но ведь я не умею!.. И уйти ноги не несут. Объявляют «белый» танец. Дрожу, как на верном лазу при охоте с гончей...

Подходит.

Подходит с такой завидной уверенностью.

— Пойдём танцевать.

Моя бессонная мечта, нарисованный образ стал явью.

Её звали Лиля Луковицкая.

Бал подходил к концу. Все, вероятно, определились со встречей Нового года. Вижу — из оживлённой группы, с другого конца зала она направляется в мою сторону. (Ну, думаю...) Нежно берёт меня за руку и ласково произносит:

— Проводи меня.

Я, тушуясь, подался следом.

Провожая её до дома. Она показала мне затемнённое окно своей спальни и... не спешила домой. Потоптавшись у входа, как-то невольно мы оттопали от него и, приблизившись друг к другу на дозволенное расстояние, тихо шли по пустой улице. Куранты отбили двенадцать, и мы, обменявшись взглядами, поняли, что это, возможно, и есть настоящая встреча Нового года.

Медленно, как по заказу, падал снежок, крупными снежинками щекоча лицо. Мы ловили их руками, разглядывали.

*Она,
заметив на моей щеке снежинку,
с уверением, что не тает,
неожиданно прижалась к ней.
Я почувствовал её губы...*

При расставании Лиля предложила: «Завтра вечером родителей не будет, приходи».

На другой день, сдав городскую обувь, я отправился к ней. Тихонько постучался. Переступил высокий порог. Повесил пальто на вешалку и робко присел у порога на краешек стула.

— Напугался? Нет никого...

Она крутилась рядом в куце халатике, не смущаясь, походя задевая меня, своим поведением всё больше придавая обстановке вид домашней. Я постепенно успокоился и просто смотрел на неё. Млел... С какими-то крапинками цвета спелой ржи в длинных, распущенных волосах, гибкая, она была чуть ниже меня ростом.

Время двигалось к ужину. Сели за стол. Она, согласовывая, спросила:

— Разве бывает праздничный ужин без стопки?

От такого предложения на душе прояснилось. Здесь-то уж мы себя покажем — не дилетанты. Я согласно отмолчался.

Она достала из шкафчика графин, поставила гранёные рюмки, сама налила по полной.

— За что пьём?.. — и тут же, поправившись: — За Новый год!

Я уверенно взял рюмку. Первым привычно выпил до дна. Обстановка стала теплее. Я ждал, ну вот она сейчас скажет: «Пошли спать» — и предложит: или я иду спать в её комнату, она остаётся здесь, на двуспальной, или наоборот. Смотрю, она разбирает кровать и, приговарив, обыденно говорит:

— Давай ложиться, поздно уже, я устала.

Без демонстрации раздевается, укладывается к стенке, явно обозначив своё место. Я начал потеть... Сам в нерешительности: снимать брюки или нет. На мне великолепные свадебные брюки отца, сшитые из отличного английского бостона. Отцу в них так и не

пришлось поцеголять — помешала война. Сегодня они, узкие, с подмылком, «забережённые» отцом, дождалась меня.

Вот так и сидел я на кровати своей мечты.

В штанах! В растерянности...

Не выбрав ничего умнее, я завалился прямо в одежде. Её терпению пришёл конец. И в качестве последнего аргумента:

— Я тебе завтра брюки гладить не буду.

Сдаюсь. Сейчас лучше быть «ведомым». Сознание обволакивает ощущение невесомости. Мы замолчали. Дальше слова были не нужны.

Сначала она...

Затем начал «тонуть» и я...

*Мы перестали существовать
для остального мира.*

Эта ночь была слишком коротка.

Очнувшись, я почувствовал её отсутствие. Слышу потрескивание горящих дров в печурке — пожалела меня будить, топит сама. Вижу её, ставшее таким родным, лицо. На щеках играют румяные зарницы пламени. Подошла ко мне, коснулась пальчиком носа:

— Вставай, соня, я уже завтрак сготовила.

Наскоро перекусив, снова легли в ещё не остывшую после ночи кровать. В дверь много раз барабанили. Мы заговорщицки молчали.

Зима прошла для нас необычно. Беспокойно...

Она — ученица выпускного класса. Нужно готовиться поступать в институт. Встречались редко. Ночевать у неё мне больше не приходилось. Уходил в ночь по заснеженному полю, через Красницу — овраг, до которого она при любом моём сопротивлении провожала. Уходил с напутствием, дорожке которого ничего с тех пор не слышал:

— Я ЖДУ ТЕБЯ ВСЕГДА!!!

А иногда, не успев сходить в школу после свидания с ней, я получал письмо с узнаваемым угловатым почерком на конверте, от одного прикосновения к которому бросало в дрожь...

Я собираюсь в Варнавино за хлебом. По пути встречаю отцовского напарника Николая Карпова. С его сыном, Лёвкой, мы учимся вместе и сидим за одной партией. Именно Лёвка и был моим неожиданным спасителем, когда я провалился осенью под лёд, в то время, как все остальные только глазели.

Пошли вместе — вдвоём надёжней и веселей. За околицей, обернувшись, мы увидели, что нас неспешной рысцой догоняет стая собак. Ну, бегут себе и бегут. У них, небось, свои неотложные дела. Весна. Начало марта — «нерест». Мы продолжаем спокойно идти. Но стая поравнялась с нами, и начинается что-то непонятное. Собаки окружают, и к Николаю в ноги бросается неказистая маленькая собачонка. Его, домашняя, Дамка.

Это была сучка. Природа два раза в год наделяет каждую самку в собачьем мире притягательной для самцов силой. И сейчас Дамка невольно оказалась королевой этого собачьего бала. Лохматые кавалеры, грязно домогаясь, неотступно следовали за ней, слепо повинувшись силе природы.

Увидев хозяина, собачонка в последней надежде кинулась ему под ноги, скуля о помощи. Кобели пришли в ярость. Сейчас им было не до вмешательства Службы нравов. Злобно рыча, они набросились на Николая. Он грубо отпихнул свою собачонку ногой. Та взвизгнула, этим ещё больше подстегнув агрессивность стаи. Псы, как по команде, теснее обступили Николая. В руках у него на беду ничего не оказалось. Вокруг чистое снежное поле. Ко мне интереса у собак не было, а Николая начали рвать. Брызгающие разгорячённой слюной, оцетинившиеся дикие звери. Из белого армейского полушубка клочьями полетела шерсть.

Наконец, ему удалось отлепиться от сучки. Та выскочила на дорогу, и за ней вся стая, разом забыв про нас.

Осмотрелись. На укусы Николай в горячке не обратил внимания — заживут, вот полушубок жалко. Неспешно пошли дальше. Будет о чём рассказать дома. Неприятное событие. Одно хорошо — теперь оно в прошлом.

Но что это?!

Мы с ужасом обнаружили, что стая в полном составе нагоняет нас снова.

Приближается. Накрывает чёрной тучей.

И всё, как в жутком сне, повторяется: сучка — в ноги к хозяину, свора наваливается на него, я, с пустой авоськой, в стороне.

*Бедовым смрадом
висит над истоптанным кровавым снегом
злое рычание псов,
визг сучки
и глухие маты Николая.*

На спине у него повис здоровый пёс. Шерсть на загривке оцетинилась. Волком рвёт голое тело, подбираясь к шее. Глаза налиты кровью. Пена хлопьями разлетается из оскаленной пасти. Николай едва держится на ногах. С каждым укусом ему труднее и труднее.

Оступился. Повело!..

Если упадёт — это смерть.

Нервно оглядываюсь по сторонам: ни палки, ни камня вокруг. Что за беспечность! Ведь могли за это время хоть что-то придумать. Вижу кусок проволоки у столба, пытаюсь выдернуть его из-под снега — не получается.

Собаки неожиданно, как и напали, разом оставили жертву, свалив в сторону. Я мельком глянул на Николая: алый от крови полушубок ошметками висел на истерзанном теле; бледное, с якутскими чертами лицо сейчас до смешного напоминало перепуганного оленевода.

Этой же ночью Николая самолётом отправили в Горький. Перенёс одну за другой несколько операций. Всё обошлось, но он ещё долго лежал в больнице в Варнавино, восстанавливался. Надо было бы зайти, проведать, да некогда.

Конец марта. Солнце всё решительнее проявляет себя. Я тороплю время. В этом году отец доверил мне своё ружьё, и я с волнением начал готовиться к охоте с подсадной.

Лилька чувствует моё состояние:

— Тебя теперь не дождаться, хоть письмо напиши.

В этот вечер я спать не ложился. Нужно затемно добраться на место и успеть сделать шалашик (не школа же о нём позаботится). Утка из дикого помёта. Она куплена на стороне и привезена специально, аж из Заболотья. Прислушиваюсь к новосёлке, выпущенной в чулан. И она, то ли от волнения в новой обстановке, то ли по другой причине, молчала.

Наша молодая гончая Вьюга, услышав, как я хлопаю дверью, залилась лаем — ей, видно, тоже хочется на охоту. Также невтерпёж.

Я запахал подсадную в корзину и двинулся к реке. Слышу, кто-то шлёпает следом... Вьюга! Как она выскочила? Шикнул на неё и, считая, что этого достаточно, начал в полной темноте шариться под угор. Нацупав лодку, уложил на дно поклажу и оттолкнулся от берега.

Весна на редкость активная. Бурное половодье затопило всю пойму. Это затрудняло не только выбор места для охоты с подсадной, но даже просто поиск сухого взгорка. Я знал: высокие места надо искать на Волме. Задолго до зари наткнулся на островок. Причалил. Начал обустриваться. Соорудил укрытие. Расправив болотники, пошёл пробовать глубину. Нормально. Забил в дно заранее припасённый кол с вращающейся площадкой — местом отдыха и обсушки подсадной.

Заря не ждёт — беспокоит своим пробуждением. В тёмном небе, над самой головой, прошла пара кряковых, сопровождаемая шварканьем селезня. Тяну из корзинки упирающуюся подсадную, несущую в воде. Пристёгиваю шнур от «ногавки» к вращающемуся кругу.

Весенний утренник. На плёсе с рассветом тонким ажурным стеклом появляется ледок. Он всё теснее обжимает утку.

Сижусь в шалаше и начинаю замерзать.

Мой мысок, рядом с «одёнком» прошлогоднего стога сена, пересёк зайчишка в непостижимом весеннем наряде. Слово только что из пьяной компании. На нём рваный, ключьями, грязный халат. Почувяв меня, он тормознул. Встал столбиком. Постоял, прислушиваясь, и сунулся в крепи, оставляя на кустах свою «зимнинку».

— Вьюги нет на тебя!

Смотрю на подсадную.

Некрупная (то-то хозяин особенно долго не торговался — мяса мало), темноватого крепкого пера, не свойственного домашним уткам.

Она постепенно осваивается в обстановке. Не прячет в траву голову от каждой тени пролетающих в весеннем небе пернатых. Плавает, замирает время от времени и, вытянув шею, прислушивается к весеннему гомону.

Покувыркалась, выискивая на дне корм, и затем сытая, довольная... подала голос.

Классика!

Это не был звук через набитый зуб, не голос беспокойства или тревоги. Это был призыв, откровенно выражающий сексуальные намерения. Я, как ни выжидал, сидя в шалаше, эту «трель», как ни молил о ней, от неожиданности выронил из рук сигарету (я и тогда покуривал). Голос хриловатый, убедительный. (Не знаю, как селезень, а я бы на его месте, забыв про всё, прилетел.) Ещё раз короткая «осадка». Слышу в ответ далёкое приближающееся шарпанье.

Я замер, сжимая холодное ружьё.

Селезень. Прильнув к бойнице, пытаюсь заметить его вовремя. Смотрю, идёт на посадку, а там лёд. Растопырив оранжевые лапки, неуклюже скользит мимо утки. Не успел подправиться: я ему этой возможности не дал.

Прогремел выстрел.

Высочив, я подхватил тёплую птицу, заодно расшевелил ледяную плёнку вокруг подсадной и быстро вернулся назад. Зари осталось немного. Моя душа и сердце поют в унисон с природой. Я хмелею от согревающейся земли, талой воды, набухающих почек. Никак не могу избавиться от зябкости весеннего утренника. Остывший организм клонит ко сну. Утка тоже поостыла. Выбралась на кружок, чтобы не замёрзнуть. Поёживается, шелушит перо. Но обстановку чётко контролирует, без интереса провожая взглядом куликов и кроншнепов. Сквозь дремоту улавливаю какое-то движение на воде... Кто-то нахально пробирается прямо в направлении моей шалашки. Сон как рукой сняло. Предстоят взаимные упрёки, недовольство. Так не до этого сейчас!

Реплики приготовил заранее.

Что?! Столбенею.

Выбравшись на берег, из последних сил отряхивается Вьюга...

В горячке я вырвал вицу и начал бессознательно охаживать ею гончую, которая, увёртываясь от ударов, заметалась по маленькому островку. Наконец, опомнившись, я взял мокрую, замёрзшую собаку на руки и потащил её в шалаш. Уложил на землю, укрыл снятой с себя ватной курткой и прижался к ней спиной. Согревшись, собака успокоилась и затихла. Как она меня нашла — в половодье, за несколько километров от берега?

Утка, отдохнув, снова настроилась на «лирику» и подала голос. На него сразу, ожив, отозвалась Вьюга. Я, больше не маскируясь, вылез из шалаша. Заря уходила до вечера. Пора собираться и мне. Выловил подсадную. Попутно оценил её состояние — в очень хорошей форме: не намочила, не шарахается от приближения к ней. Жаль только, что она не понимает, сколько радости сегодня доставила.

Сокращая ночной путь, двинулся по затопленным низинам прямо по направлению к дому. Пока грёб, согрелся. Вьюга, уткнувшись носом в добытого селезня, тихо подрагивала под фуфайкой.

Причалил лодку к берегу, поднялся на угор и обернулся.

Солнце заливало светом не видимую ночью природу. Весна сделала её неузнаваемой и прекрасной. Половодье понастроило множество островков в непроходимых дубовых гривах, напитало влагой грибные места и сенокосы. Сегодня его, половодья, короткий праздник. И я радуюсь вместе с ним.

*Отдав дичь матери, выслушал похвалу.
Не тронула. Легковесная, не отцовская.*

Пока торопил весну — на носу выпускные экзамены.

Где подсказали, где списал. Всё! Свободен... Теперь мало кого помню из учителей. Разве что классную, Зырину Нину Фёдоровну. Наша гончая Вьюга была взята у её мужа в деревне Меньшиково.

В школе мечтал: скорее бы на волю. Ну вот — кое-как дождался, и стало «думчиво», как говаривал Володя Антонов. Теперь придётся ещё и на день себе заделье искать.

У нас в доме появился новый жилец: молодая женщина — работница по дому, из соседнего Ковернинского района. Наверное, голод заставил её идти на заработки в другой район. Русоволосая, всегда с ухоженной причёской. Очень сдержанная в разговоре — пока не спросят. Правильные черты лица с оттенком татарского. Неплохая фигура. В глазах какая-то меланхолия. Создавалось впечатление, что её не беспокоит личная судьба. Мне это было только на руку.

У нас не просто ходит — живёт чужая женщина. Мы сталкиваемся в узких коридорах, она смущается. Я делаю эти проходы всё неудобнее... Она молчит, опустив глаза. Я наглю, эти ситуации начинаю создавать искусственно, искать их. Она терпит меня.

Был поздний вечер.

Родителей пригласили на семейное торжество к Антоновым. Меня не взяли, ей уходить было некуда. Я порывисто обнял её и начал теснить в сторону спальни. Не встретив сопротивления, осмелел, повалил на кровать.

ПОСЛЕ не было никаких разговоров...

Полежали вместе недолго. Я выскользнул из постели, она осталась лежать тихо. Я спрашивал: «Чего?», она с грустной улыбкой в ответ: «Ничего...»

Утром я пораньше смылся в Варнавин, а возвратившись поздно вечером, узнал, что она уехала домой. Сразу не почувствовал потерю. Только позже показалось, что дом опустел. Звали её Аннушка...

Шесть лет прошло с тех пор, как кончилась война. Казалось, ничто больше не напомнит о ней. Однажды вечером, в темноте, нарочный принёс отцу «казённую» бумагу со зловещим названием «повестка»: «...получателю в указанный срок явиться в военкомат».

Было не до ужина. Отец и мать подавленно молчали.

Утром отец надел «базарную» одежду. Выглядел он необычайно встревоженным. Это проявлялось в медлительности — он оттягивал момент выхода из дома: то выйдет бесцельно на улицу, то вернётся, сядет за стол, бросая на меня пристальные взгляды.

Ушли вдвоём с матерью.

Я не мог найти себе места. Беспокоиться было из-за чего.

Год на дворе был...

Хотя какая, в сущности, разница, какой именно был год на дворе. Для основательного беспокойства вполне достаточно того, что этот двор находился на территории нашей страны.

Я остался с Валькой в качестве няньки. Брат был игрив и, не чувствуя остроты момента, увлечённо занимался своими детскими делами. Я же всё чаще подходил к кухонному окну, высматривая возвращение родных фигур. Двух... или одной.

Пропустил их появление. Увидел, когда они под ручку подходили к дому. На душе как-то разом отпустило.

Отец пришёл навеселе. И повод был. Молча, под гордым взглядом матери, он бережно достал из коробочки отливающую холодным серебром медаль «За боевые заслуги».

Это был для нашей семьи праздник полного выдоха, освобождающий от вечного ожидания беды. День Победы, наконец, пришёл и в наш дом.

Почти не помню этого последнего лета свободы. Как на вокзале в ожидании поезда. Тягомотина. Лиля уезжала поступать в медицинский, пригласила на проводы. Я почему-то не пошёл. После этого наши отношения вышли из категории романтических и, будто споткнувшись,

пошли на спад. Сошли на нет. Прекратились. Она уехала без объяснений, а я собрался в наш «Новгород» — город Горький.

Я словно видел перед собой дверь, которая медленно закрывалась, предлагая мне на выбор: выйти или остаться...

Решил выйти.

Я уходил из родного дома, не обернувшись, не усомнившись ни на миг. Не предполагая, что смогу вернуться в него только через десять лет.

Именно сюда, в родительский дом, я привёз из Карелии свою молодую жену. Тут родился наш замечательный сын.

На родном пепелище, как на исповеди, дописываю я сейчас эти строки.

Только здесь моя душа обретёт свой покой.

*

Горьковская область,

Варнавинский район, деревня Анисимово, 1995 год

Я с волнением дочитывал последние строчки пожелтевших страниц рукописи отца.
Это даже мало похоже на текст...
Я будто бы долго всматривался в помутневшее от времени зеркало. Оказывается, у нас так много общего, что становится не по себе!
Отец свою жизнь считал яркой. Не знаю...
Расцветку с таким незатейливым легкомысленным рисунком у них в деревне принято называть «баской».

Отец с мамой такие разные, но вместе они — это я.
Как две шестерни в волшебных часах.
Хочется понять, как этот слаженный гармоничный механизм был устроен. Жаль, что подобное желание возникает, когда потеря необратима. И вот уже каждая буква, сохранившая биение их сердец, на счёт!

Хочется лучше понять свою страну. Ведь и это — тоже я!
А понять непросто...

Почему такая великая и могучая держава, как Советский Союз, развалилась не под натиском внешней агрессии, не в результате вооружённого переворота, а так... под своим весом.
Тихо.

Следом воспоминания мамы — Костюниной (Яковлевой) Ольги Андреевны. Название какое-то неожиданное — «Утка с яблоками».

*

Утка с яблоками

...Утку тщательно ошпарить, опалить, выпотрошить, натереть солью внутри и снаружи, начинить кисло-сладкими (лучше антоновскими) яблоками, нарезанными дольками. Затем положить утку на противень и жарить в духовке, поливая собственным соком.

Из рецептов русской кухни

Иногда в темноте приляжешь, закроешь глаза, и откуда-то издали всплывают в памяти эпизоды детства. У меня оно было по-своему памятным.

Родилась я в глухой карельской деревне Куккозеро.

До меня на белый свет появились брат и сестра. Первенец — Петя. Он умер в двухлетнем возрасте. Клава тоже жила недолго. (Мама считала её красавицей.)

Трудно сказать, кому из нас троих больше повезло. Господь отвёл их от мук.

Когда я была совсем маленькая, то ходила между ног у взрослых, задирала голову вверх, глядела на них и удивлялась: «Как им не страшно там наверху?» У меня-то пол близко. Один раз решила проверить: забралась на лавку, оттуда на стол, встала, глянула вниз...

Мамочки!.. Ужас какой.

Я думала, что никогда не смогу подняться так высоко.

Тридцать третий год...

Как во сне, помню сцену, когда забирали отца. Вой, крики, стоны, слёзы. Папа несёт меня на руках по лесной дороге. Мне три года. Понять не могу, что происходит, но папино волнение невольно передалось, и я начинаю хныкать.

Ещё эпизод: нас везут на каторгу в переполненном вагоне.

Горя я не чувствовала. Помню только, что всю дорогу мы ели вкусную жирную селёдку. Потом хотелось пить. «Телятник» подолгу стоял в тупике. На одной из станций я даже на время потерялась.

Отца отправили в концентрационный лагерь, в Заполярье, а нас с мамой на поселение в Сибирь. Приехали на место. Вокруг тайга. Жильё — барак с нарами. Спали вповалку, не разбирая своих и чужих. Маму и остальных взрослых сразу увезли на дальнюю базу валить лес. Я осталась без мамы. С чужими больными и старыми людьми.

Первые уроки русского преподавал мне чахоточный парень. (Дни его были сочтены.) Он постоянно находился в бараке. Играл на гармошке, пел частушки. Одной запевке он охотно обучил и меня. Я, карелка, не понимала смысла слов, но сразу подкупила мелодичность незнакомого языка:

*На х..й, на х..й мне жениться,
на х..й, на х..й мне жена:
куплю новую тальяночку,
бутылочку вина.*

В одной рубашонке, босоногая, я задорно отплясывала под гармошку. Так всем хотелось угодить и понравиться, не могу...

Произношение поначалу было не очень, но когда через два месяца состоялось свидание с мамой, я свободно, без акцента, отчеканила номер своей программы. Мама расстроилась: «Чему учите ребёнка?» А мне сказала: «Оля, никогда не пой, это плохие слова».

Восковой, болезненный парень не был злым. В бараке меня никто не обижал. Да там никому до другого и дела-то не было. Люди со своей бедой не успевали...

Не помню, чтоб меня кто-то укладывал спать. Наверное, сама забиралась на нары — и без колыбельной. Под одеялом тепло, как в пуховом гнёздышке. Лежишь и слышишь, как дурит за окном вьюга, стучится к тебе. Но здесь, на людях, совсем не боязно. Сожмёшься комочком — и засыпаешь.

Иногда мама брала меня с собой в лес, в таёжную избу. Пока все на работе, я одна...

Вечер.

Темно.

Огненные блики, вырываясь из печки, беспокойно мечутся по стенам. Ветер зло подвывает.

Ой!.. В сенях вроде скрипнул кто-то...

Страшно.

Нет ничего страшнее страха.

Заберусь в овчинный тулуп, что висит над нарами, и стою — не дышу. Скорее бы мамочка пришла...

Позже мы переехали в село Берензас, нас поселили в отдельном доме. (О том, куда девались прежние хозяева, не спрашивали.)

Предгорье Алтая называют иначе Горной Шорией.

Рядом глухая тайга и горы! Коренное население — шорцы, охотники и рыболовы. «Глаз узкий, нос плоский — совсем русский». Приходили, предлагали рыбу, но покупать было не на что.

Ярким светлым пятном в сознании любого рано осиротевшего ребёнка остаются образы наставников и учителей.

Сидоров Иван Петрович, завуч нашей Берензасской школы. Он тоже обучал меня русскому языку. Было сложно, но очень интересно. «Фольклор», «поэзия» — эти слова впервые мы услышали именно из его уст. Он выразительно читал по памяти стихи. Это интриговало нас, побуждало самим найти книгу и прочитать. И искали. Если не находили в школьной библиотеке, то шли к нему в кабинет, и он давал нам свою.

У меня была особая причина любить Ивана Петровича. Он жил по соседству, в учительском доме, и изредка приглашал меня в гости. Обязательно угощал всякими конфетами, давал журналы полистать, картинки посмотреть и, одарив яркими коробочками, скляночками, провожал. Иду обратно и радуюсь: я, как путняя, была в гостях по приглашению!

Иногда он оставлял меня одну. Почитаю-почитаю и приберу в его холостяцкой комнате, где, кроме книг, ничего больше не было. Вернётся и обязательно похвалит:

— Спасибо, моя юная хозяйюшка! — он даже благодарил не как все.

Сама я боялась его беспокоить, а то бы прибежала каждый день. Его беседы о профессии педагога заронили желание самой стать учителем и обязательно, как он, филологом. Иван Петрович называл свою специальность человековедением.

На войну мы его провожали всем классом. За двенадцать километров, до самого переезда. Провожали насовсем...

Не могу забыть я и школьного сторожа — бородатого старичка, как из доброй сказки.

Школа была на отшибе села. Зимой в сорокаградусный мороз пока дойдёшь, руки озябнут. Он ласково возьмёт их в свои большие ладони и давай потихоньку, нежно, отогревать, пока не запьлают. Потом откроет печную дверцу, посадит около и сам сядет.

Никого ещё в школе нет. Тихо. Темно. Сидим вдвоём рядышком, смотрим на огонь. Жар приятно румянит лицо. Хорошо.

Беседуем на равных.

О премудростях жизни, о добре и зле. Но больше о добре.

И так, пока кто-нибудь не придёт.

Я всегда просыпалась самостоятельно, рано. Часов не было, радио ещё не говорило. В школу приходила первая. Есть что-то в этом слове притягательное — «первая». А может, доброта сторожа тому причиной. И мне хотелось ласки. Хотелось прижаться к сильной, надёжной, открытой душе. Почувствовать себя защищённой, что ли...

Пусть хоть на миг!

У других детей для этого был папа...

С седьмого класса с нами занимался военрук. Учил мальчишек и девчонок с завязанными глазами разбирать и собирать автомат, окапываться. Мы разбивались по пять человек на «звёздочки» и соревновались — кто быстрее. Были случаи, когда он ударял сапёрной лопаткой по оттопыренной заднице ученика, спрятавшего только голову, и сокрушённо замечал:

— Ты тянешь свою «звёздочку» назад!

Я не помню, чтобы девочек учили шить, вязать или готовить.

Не нужны были мужчины и женщины. Нужны были отважные бойцы. Бойцы без пола, без индивидуальных особенностей. Всё остальное — буржуазные сантименты, отдаляющие победу мировой революции.

Из одноклассниц я помню только Валю Ласкину — отличницу. Мы с ней вдвоём перешли в восьмой. Средняя школа находилась за несколько километров, в городе Осинники.

И ещё хорошо помню Валиного отца. Уполномоченным был. Фамилии своей он едва ли соответствовал... У него была возможность отвозить свою дочь в школу на лошади. Догонит меня на саях по глубокому снегу да, поравнявшись, ещё подстегнёт лошадь, чтоб бежала резвее. Не успеешь с тяжёлой котомкой за плечами вовремя отскочить в сторону — собьёт.

Клеймо «дочь врага народа» было поставлено, казалось, навсегда. Как мишень для стрельбы на лагерной фуфайке.

Ох, и наревуся потом вволю... дождавшись, когда отъедут.

Одна, в предрассветной тайге.

Мама в детстве окончила четыре класса церковно-приходской школы. Четыре, но зато с похвальной грамотой. При наличии такого багажа знаний она считалась среди ссыльных одной из самых образованных.

Наши дом напоминал бесплатную юридическую консультацию: одна просит помочь разыскать детей, уехавших на встречу с отцом в Финляндию, — в дороге их настигла война; другая — написать ходатайство о выезде на родину, в Карелию, ввиду гибели сына — офицера; третья — заявление; четвёртая — деловое письмо в сельский Совет.

Среди ссыльных карелок не было ни одной грамотной. Вот их фамилии: Ильина, Гюбиева, Терентьева, Чусова, Васильева, Ретукина.

Все они тоже были шпионами, как я с мамой.

Жили мы дружно. Чего делить — беда одна на всех.

Жили, с гордостью распевая величавые гимны стране, «где так вольно дышит человек».

В детстве приходилось не только учиться, но и работать.

Много работать.

С третьего класса мы вместе со взрослыми целое лето были в поле: вязали и грузили снопы; молотили, веяли и сушили зерно на току; сгребали в копны сухое сено. Мальчишки, сидя верхом на лошадях, на волокушах возили копны к скирдам.

Хандрить и унывать было некогда.

С поля вернёшься — спешишь в огород. Мама ежедневно обходила участок — проверяла порядок. Если проходила молча — значит, всем довольна.

А я-то... Заглядываю вопросительно в глаза — жду похвалы. Но не было такого раза, чтобы она сказала: «Какая ты у меня умница, помощница, труженица!» Эти слова я мысленно сама себе говорила, следуя за ней по пятам. Тогда твёрдо решила: «Я своих детей за всё, за всё хорошее буду хвалить». Мама, думаю, просто боялась расслабить, изнежить меня.

Если бы она только знала, как нужна была её ласка!

Хоть самую малость.

И дом был на мне. Утром испеку, как умею, хлеб; приготовлю еду; соберу узелок для мешочника — так звали человека, который отвозил обед для работающих на базе. Мою холицовую сумку рассматривали там особенно тщательно:

— Ну, Шура, показывай, что твоя стряпуха приготовила?..

Хлеб, может, и не всегда удавался гладким, красивым, но остальное щедро уложено: молоко, три яйца, сваренных вкрутую, огурец, помидоры, баночка тыквенной каши. Кое-что менялось изо дня на день. Мама передавала одобрительные отзывы односельчан. Услышу приятное — и ещё больше рада стараться.

Список дел для меня на весь рабочий день записывался в сенах на стене. По исполнении задание вычёркивалось. Вечером всё соскребалось, на другой день — по новой. Иногда пункты повторялись. Контроль был полный.

Мне кажется, я умела всё.

Может, поэтому после пятого класса меня взяли поварёнком в тракторную бригаду на Ближний баз. Мужчины работали в три смены, а я их кормила. Чтобы оправдать доверие взрослых, старалась всю.

Помню, обед был готов, оставалось свободное время. Я решила проявить инициативу — подать на десерт, как сказали бы городские, клубнику. (Горные склоны просто усыпаны ею.) Набрала полное ведро ягод. Овсяный кисель ели с холодным молоком и свежей клубникой. За находчивость и старание мне объявили благодарность в вечерней «Молнии». Через наш баз шли и со Среднего, и с Дальнего. Все читали, хвалили.

Вот оно какое, настоящее-то Счастье!

На Среднем базу поваром была девушка постарше, так я подбила её ночью, при луне, вязать снопы. Все проснутся: «Кто это, мол, так постарался?» А это мы... Мы!!! (От мала до велика энтузиазм тогда проявляли непоказной.)

Обильная роса, стерня не ломается — благодать. Мы вдвоём за ночь связали тысячу снопов. Наутро радости-то всем было! Кроме того, что начислили трудодни, нас ещё особо отметили в колхозной «летучке». Боже, сколько потом разговоров было!

Пролетело лето. Зима.

Пурга своим снежным колючим покрывалом укутала горы и долины. Всё живое в природе замерло. Отдыхает. Набирается новых сил. Ждёт весны. Природа расслабилась, а люди... Для человеческой заботы нет межсезонья. Работы всегда хватает. И в студёную пору тоже. На всю зиму мама переходила на работу в пимокатную. Благодаря ей я носила на танцы в сельский клуб лёгонькие белые фетровые валеночки. В вихре вальса они скользили не хуже туфель. Земли не чувствуешь под собой, когда с партнёром кружишься.

Это если с желанным, конечно.

В выходной, слегка морозный день ездили за сеном. Ответственная работа. Стог метать надо умело, не абы как. Иначе дорогой сено рассыплешь. Я наверху. Бастрыком нужно сильно прижать копну, а во мне, ребёнке, сколько веса, столько и силы.

— Оля, нажимай сильнее!

— Мамочка, я изо всех сил стараюсь — не получается...

— Ну, слазь тогда. Помоги натягивать верёвку.

Мать и наревется, и вспомнит соседку, у которой взрослый сын, и отца, которого рядом нет, и пожалеет, что Петя, первенец, умер. Что же это такое, господи?..

Но сколько ни реви, воз-то надо укреплять!

Окончательно разозлившись на свою беспомощность, мама упирается ногами в сено, параллельно земле, и копна, как по волшебству, прижимается.

Воз готов! В путь.

Пути-дороги памятны мне.

Дальние, трудные, но со временем ставшие такими родными, они были духовниками моих мыслей и чувств. Много километров по Сибири пришлось перемерять пешком, с сидорком на спине. Плечи, кажется, с тех пор и болят от всех поклаж и ремня.

В детстве я получила спартанское воспитание: у мамы никогда не было привычки целовать меня при расставании. А прощаться приходилось часто. Слишком часто.

Мама провожала за калитку, а я, удаляясь, махала ей рукой и пела всегда одно и то же: «До свидания, мама, не горюй, не грусти, пожелай нам доброго пути!»

Она плакала, будто я уходила навсегда.

Вспоминаю, как один раз, в слепую пургу, шла я одна из Осинников домой. В лесу намело. Ноги вязнут в снегу. Темнеет. Ветер усиливается. Тону местами по пояс, выбиваюсь из сил. Валенки с каждым шагом вытаскивать всё трудней и трудней. Решаю двигаться в сторону основной дороги, что ведёт на баз.

Не дойти...

Опустилась отдохнуть. Обманываю себя — на секундочку только. Кружится голова. Пальцы на руках, как чужие, не слушаются. Одежда покрылась ледяной ломкой коркой. Равнодушие к происходящему потихоньку вытесняет волю...

Неужели конец?!

Эта мысль разбудила, добавила сил. Кое-как встаю и по шажку еле-еле двигаюсь. Сама себе приказываю: «Не смей расслабляться, только вперед! Ты должна выстоять!»

Домой попала далеко за полночь, чуть живая. Мама испугалась, натёрла меня тёплым самогоном и ещё выпить его дала с мёдом и малиной. Уложила на горячую русскую печку. Укрыла тулупом. Всю ночь я металась в бреду, силясь выбраться на дорогу. Мама не спала.

На другой день утром я опять в пути.

Чудо какое-то!

Май 45-го года.

Весна в Сибири вообще яркая, а эта особенно.

Всё оживает. Горы обнажаются и становятся романтически-восторженными. По склонам наперегонки друг с дружкой бегут задиристые ручьи.

А тайга?! Сейчас такая разная и загадочная, чистая и целомудренная. Небо высокое-высокое, а солнце при этом с каждым днём ближе. Тепло становится!

В душе тоже происходит обновление. Хочется жить и совершать благородные поступки. Петь хочется. После морозной зимы обострённее чувствуешь красоту. Может, поэтому вставать в шесть часов нетрудно, наоборот, даже интересно: раньше встанешь — больше узнаешь.

Как раз в такое время мы вдвоём с мамой и заготавливали за речкой Берензас на зиму дрова.

На дорогах наст. В глубоких ложбинах лежит ещё не тронутый солнцем снег. Сочное дерево хорошо пилится и колется. Валили сразу по десять — пятнадцать осин. Сучки срубала мама. Я их носила и складывала в огромную кучу. Деревья, сваленные последними, оказывались наверху. Их было легко пилить, полотно не зажимало.

А вот после того, как верхние брёвна распилены, начинаются адские муки для мамы: помощница ни дерева поднять, ни вагу, где надо, подсунуть не может. Бывало, мать, надрываясь, сдвинет бревно и, выбившись из сил, горько заплачет.

Я стою, молчу. У самой слёзы близко...

Выплачется, смахнёт рукавом горечь и опять за работу:

— Теперь легче, давай попробуем.

День Победы застал нас в лесу за этим занятием.

Смотрим: верхом нарочный летит. Ещё издали с радостным криком:

— Шура, победа!!! Собирайтесь на площади у клуба леспромхоза, за всеми уже поехали.

Будем праздновать!

День солнечный, весёлый, народ принарядился. Музыка. Кто обнимается и смеётся, кто плачет: по убитым, по утраченной без мужа молодости. Таких — большинство.

Это был единственный день, когда никто не работал. День всеобщей радости, ликования, весёлого буйства и ощущения долгожданной личной победы.

Папа.

Что я знаю о нём из рассказов?

Воевал на Гражданской. Был награждён серебряными именными часами за личную отвагу. Маму ездил сватать в соседнюю деревню Щеккилу на тройке лошадей, запряжённых в расписную лёгкую пролётку.

Жених на зависть: высокий, стройный, красивый. Прекрасный хозяин. Единственный сын у богатых, по тем меркам, родителей. Испокон веку семья занималась выделкой кожи.

Советской властью мой дед Андрей был приговорён к каторге. Как и большинство тогда — за шпионаж.

Мою бабушку и мою маму заклеили на всю жизнь штампом «враги народа», обрекли на великие муки и лишили права на счастье.

Заключённые, нечаянно не посаженные, условно освобождённые — из этих сословий и состояло первое в мире пролетарское государство. Наиболее цельные, яркие, талантливые представители народов, из числа входящих в Союз, в первые годы после революции были высланы за границу или уничтожены.

В стране действовали законы противоестественного отбора.

Наши родители были назначены самой жизнью своей удобрить землю, на которой в будущем расцветёт и начнёт плодоносить сад всеобщего благоденствия.

Этакие райские кущи на костях.

А в тени деревьев можно будет не спеша пить чай с вишнёвым вареньем, выплёвывать косточки на погост и мечтать о чём-нибудь возвышенном...

Полностью реабилитирован дед был только в пятьдесят восьмом «за отсутствием в его действиях состава преступлений».

А «присутствием» тогда чего?

В лагере, когда уводили каждого десятого, он всякий раз оказывался в числе девяти. На его глазах расстреляли свояка, мужа маминной сестры тёти Мани. Попрощаться смогли только взглядом. Осуждённый на десять лет, он отсидел четырнадцать. Во время Отечественной войны папа просился в штрафной батальон. Не разрешили... Заставили подписать особую бумагу о добровольном желании остаться в лагере.

В сорок седьмом, весной, он вернулся.

Если бы домой... В место ссылки семьи.

Навигации до июля ждать не стал: добирался пешком восемьсот километров — от одной деревни до другой. Остановивался у местных жителей, чинил обувь, латал крыши. Хозяйка дома собирала котомку — и снова в дорогу. Так папа и прошёл весь путь. И худой, как живые мощи, явился к нам.

В тот день я на горе поднимала лопатой целину, расширяя полосу пахотной земли. Сверху дома видны, как на ладони. Смотрю, бежит ко мне девчонка и яростно размахивает руками.

Подбегает. Бессвязно, пугаясь и плача:

— Твой отец из тюрьмы в шинели пришёл!

— В какой шинели, какой отец?! — волнуясь, вскричала я.

А сама бегу уже во весь дух с крутой горы.

Папа навстречу.

Слились...

— Папа, я так тебя всегда ждала! — только потом я поняла, что осознанно обращаюсь к нему впервые.

Стоим, обнявшись, на перекрёстке дорог. Отовсюду стекаются соседи.

Опомнилась я после слов старика Морозова:

— Оля, баня затоплена, есть ли во что переодеть отца? Я и одежду бы собрал.

Есть. Мы сберегли для него.

Папа, намывшись, облачился в чистое и вышел к людям.

Кто-то послал нарочного на базу сообщить маме радостную весть. Мама всю дорогу бежала, раскраснелась, волосы растрепались, но от этого она стала ещё красивее. Молча прижались друг к другу. Не целуются. Стоят в центре, а народ столпился большим кругом.

*В голос режут все.
И женщины, и мужчины...*

По случаю возвращения устроили праздник. Нашлось спиртное, да и закуски было из чего приготовить. Несколько пар рук намывали, шинковали, жарили. Быстро накрыли столы прямо на улице, и все начали веселиться, словно это их мужья вернулись.

Глядя на родителей, я гордилась своими корнями. Восхищалась родительской чистотой, их умением любить преданно.

Меня, восьмиклассницу, поражало то, что за четырнадцать лет тюрьмы отец не утратил умения быть нежным. Из бани, которую он построил вскоре за домом, приносил мать на руках. Я с улыбкой наблюдала за своим влюблённым в маму отцом (мне родители казались старыми).

При нём мама сразу как-то расцвела, пополнела. Папа взвалил самое тяжёлое на свои плечи. С большим хозяйством забот и дел хватало. Летом он устроился работать на тракторе в леспромхоз: возил доски, брёвна, с охотой брал в руки топор.

Не зря Ленин писал: «Карелы — народ трудолюбивый! Я верю в их будущее».

Отцу за работу были положены хлебные карточки. Подошло время рассчитывать — не выдали...

*— Хлеба ему захотелось?! Пусть спасибо скажет, что живой!
Только не знали мы тогда — кому именно сказать спасибо?*

*Пришла пора идти на работу и мне. Никто не понукал.
Необходимость — лучший стимул.*

Я устроилась в Осинниках на шахту. Сняла для жилья койко-место у незнакомых людей. Из Берензаса не успеть — далеко. На работу к шести утра.

Одновременно училась в школе рабочей молодёжи. С утра — на работе, вечером — за парту. Шесть месяцев без отрыва от производства осваивала специальность моториста подземных транспортёров, постигала технику безопасности. В итоге могла самостоятельно управлять лебёдкой, грузить уголь с ленточного транспортёра, откатывать техникой вагоны, сланцевать лаву, пользоваться насосом, следить за работой мощных вентиляторов. Я потом даже сама заменяла сальники, не ожидая слесарей, чтобы техника не простаивала.

*Каждый рабочий день начинался с получения наряда.
Что такое наряд?*

За два часа до начала работы приходишь в кабинет начальника участка и узнаёшь о задании на день. Здесь докладывают об авариях за предыдущую смену. Тут же обычно проводится политминутка, во время которой все как один подписываются на государственный денежный заём в размере месячной оплаты. Решение это добровольное, а не то что «хочу — подписываюсь, хочу — нет».

Получив задание, идёшь надевать комбинезон, получать каску с фарой, аккумулятор — подзаряженный и проверенный заново. И на клеть — в лифт, чтобы опуститься на восемьсот метров под землю.

Если высота лавы, или, иначе, самого угольного пласта, небольшая, то сланцевать, очищать лаву от оставшегося угля, подтаскивать затажки, чтоб крепить кровлю, приходится ползком, лёжа.

Бывало, развалишься себе, как барыня...

Выходит, шахтёр — вторая женская профессия, которая позволяет зарабатывать деньги лёжа. Но она не является древней. Это — завоевание Советской власти.

Я — ученица девятого класса — единственная из девушек работала в забое. Кругом одни мужжики. Мат в воздухе стоит — глаза щиплет...

Дядя Федя Выглов попросил принести «коня».

Я решила, что предмет внешне должен хоть чем-то его напоминать. Ничего похожего не нашла. Так об этом честно ему и доложила, вернувшись обратно. Он свирепо глянул на меня, пошёл в глубь лавы и притащил оттуда какую-то ржавую проволоку. Трясёт ею у меня перед самым носом (чтоб лучше рассмотреть могла) и на весь забой:

— Что ё.....?!

Так обидно стало, что я заплакала.

Дядя Федя не ожидал: растерялся, обмяк как-то весь. Не видел ещё такого чуда под землёй. И как бы извиняясь:

— Ну что ты... Оля. Это же просто вводные слова. Через год ты будешь ругаться хлеще моего. Хочешь — научу!

Оказывается, для шахтёров «конь» — это вовсе не крупное копытное животное, как я думала. Это всего-навсего тросик с петлёй на конце, чтобы таскать тяжёлки для укрепления лавы.

Теперь я спокойна. После такого урока уже не забуду.

Педагоги — прямо от Бога!

Смена закончилась. Теперь ещё как-то нужно самой добраться до клетки, подняться на-гора, принять душ, сдать лампы на проверку и аккумулятор на подзарядку.

Всё.

Устала.

Сейчас бы на квартиру, поужинать и отдохнуть, а тут школа. Поест спокойно некогда. Обходилась кружкой холодной воды (чай мы в Сибири не пили) и на ходу куском хлеба с копчёной колбасой. Кормили рабочих теперь заметно лучше.

Однажды я опоздала на работу: пришла не в шесть часов утра, а около восьми. Я к начальнику участка Чепелю.

— Извините, я проспала...

— Иди, досыпай!

Со слезами выскочила из кабинета. Хорошо, слесари заступились:

— Николай Николаевич, она живёт на чужой квартире, занятия в вечерней школе заканчиваются ночью, пока поужинает. Тем более, это впервые.

Я за дверью стою, сквозь рёв прислушиваюсь.

— Яковлева, зайди!

Простил. Хотя имел полное право посадить в тюрьму.

Вспоминая о шахте, не могу смолчать о постоянном гнетущем ощущении: на тебя беспрерывно давит тяжёлый, чёрный каменный свод. На голову, на грудь, на глаза.

Стирает дыхание... Чувствуешь себя совсем маленькой и беспомощной.

На основном штреке ветродуй. К этому тоже не скоро привыкаешь.

Трудно молодой девчонке преодолеть и страх постоянной смертельной опасности.

Завалы. Сколько людских жизней смолкло под предательски обвалившимися пластами. Если бы все погибшие разом ожили — земля бы зашевелилась в тех местах...

Зачем выдумывать ад? Спуститесь в шахту!

Рискуют жизнью все рабочие, но особенно посадчики лавы.

Уголь весь отгружен, пласт закончился. Осталось только ловко сбить деревянные опоры, которые до недавнего времени поддерживали земной небосвод, — и «всего делов».

Смельчаки, особый отряд, должны топором с одного удара выбить столб и бежать ко второму, третьему — в сторону выхода, наблюдая, как пространство, которое ты только что занимал, перестало существовать, проглоченное обвалившейся землёй.

Не всегда и не все успевали вырваться из этой преисподней.

Иногда грунт, как своенравный разбуженный гигант, оползает не только там, где сбиты столбы, но и слева, и справа.

Везде...

Везде, и даже там, куда ещё только должны следовать посадчики, пробираясь к выходу. И вот тогда неподъёмная, чёрная бездна навеки поглощает и воздух, и свет, и жизнь, превращаясь в могилу. Посадчикам лавы перед началом работы давали для смелости спирт.

Считалось дурным тоном задумываться о фактической стоимости такого угля. Людей в стране хватало. Спирта тоже.

Конечно, те, кому не нравилась работа в шахте, могли, не дожидаясь пенсии, покинуть подземку. Но для этого нужно было сначала стать... беременной женщиной.

Других вариантов не существовало.

Наступила пора сдачи государственных экзаменов в школе.

И тут — на тебе!

Чепель сообщил: вышел указ, разрешающий увольняться квалифицированным рабочим из шахты для поступления в высшие учебные заведения.

Господи! Учиться на филолога — моя сокровенная мечта.

Чтоб папа дал мне добро оставить работу, я пригласила его к себе в Осинники в гости. Купила бутылочку, угостила хорошо и получила-таки согласие.

Вступительные экзамены в институт сдала на «хорошо», географию — на «отлично»: попались «угольные разрезы». Члены приёмной комиссии многое сами впервые узнали от меня. Шахтёрская пыль глубоко и надолго въелась в кожу рук. А веки — как тушью подведены. Полностью только ко второму курсу отмылась.

Лето пятьдесят третьего года.

Я, как и мечтала, — студентка педагогического института. Второй курс позади. Счастливая, я не подозревала, что сразу по достижении шестнадцати лет меня поставили на особый тайный учёт.

Наверное, весь период учёбы в институте мне не доверяли. За мной следили и доносили. Наушничали. Зачем? Мы настолько были преданы товарищу Сталину, что его смерть все восприняли как страшное, личное горе. Невосполнимую потерю.

Да, он был строгий, но как по-другому? Сталин для всех был не просто хороший.

Он — ЕДИНСТВЕННЫЙ!

Выбора просто не существовало!!! Люди слепо готовы были идти по следам его копыт на любые сомнительные дела. И все дела, на которые он вёл, становились правыми.

Он заменял собой Бога, он заменял царя, он был многим вместо отца. По одной простой причине: заблаговременно Бога, царя и во многих семьях отца — он уничтожил.

Ну а дальше, пользуясь словами махровой антисоветской книги:

*И стал Таракан победителем,
И лесов и полей повелителем.
Покорилися звери усатому...*

В течение долгих десятилетий руководство страны проявляло в отношении отдельных категорий своих граждан немотивированную жестокость, как сказали бы сейчас. Но никто не возмущался. Напротив, подобные действия власти единодушно одобрялись. Юноши и девушки дружно вступали в ряды правящей Коммунистической партии, которая до этого репрессировала их родителей, становились активистами. Это был сознательный и ответственный шаг для каждого посвящённого. Отказ в приёме наносил соискателю неизлечимую душевную травму. Исключение из партии делало продолжение жизни бессмысленным.

На очередную вспышку насилия народ откликнулся новым трудовым почином и становился при этом всё счастливей и счастливей.

Процветал мазохизм.

Всей группой мы сфотографировались с траурными бантами на груди. И это не было лицезерием. Мы, студенты, ночи не спали, волновались, достойный ли будет преемник?

Как вообще теперь ЖИТЬ?

Декан факультета, всегда строгий, недоступный, на митинге плакал. До этого мы считали Ивана Александровича бесчувственным человеком.

Первые студенческие каникулы.

По настоянию родителей еду на лето в Карелию, на родину. По адресу нашла маминого брата — дядю Сеню. Встретились. Я сразу подметила в его лице мамы черты. Спазм перехватил горло, ноги подкосились, слёзы навернулись на глаза. Не выдержала тяжёлой паузы:

— Дядя Сеня, не узнаёшь? Это я, Оля.

Он порывисто прижал меня, и мы долго стояли и рыдали в дверях. А затем до утра просидели за столом — душами тёрлись.

На выходной мы договорились ехать с ним в Щеккилу к бабушке и дедушке. Но получилось иначе: зашёл Ваня, мой двоюродный брат, он на рабочей машине отправлялся туда сейчас. Решено было ехать не откладывая.

— Я скажу бабушке, что ты — моя жена...

К дому он повёл меня огородами (позже я узнала: старики по этому признаку безошибочно определяли, кто идёт: местные или гости издалека).

Только зашли, он сразу с порога по-карельски:

— Бабушка, познакомься, моя жена. Нравится тебе?

Та, держась за шесток, медленно выпрямилась, стала вровень со мной и начала молча вглядываться. Я не выдержала, зарыдала, обняла её худенькую фигурку и сквозь плач сообщила, что я из Сибири... Оля.

Теперь воем завывали все, кто был тут. Прибежали с улицы соседи, родные. Они смотрели на меня, как на пришельца с того света. Сибирь им представлялась какой-то ненасытной адской машиной по уничтожению людей. Ведь и до меня многих увозили, но ещё ни один на родину не вернулся. А тут перед ними стояла девушка, модно одетая, стройная, худенькая и... родная.

Утром, когда солнце поднялось высоко, дедушка подсел к окну и попросил меня подойти поближе.

— Внучка, встань так, чтоб я увидел, какая ты.

Я с удовольствием выполнила его просьбу.

— Хорошенькая, вся в дочку.

К дедушке я испытывала особую нежность и, как могла, заботилась о нём. Вечером выискивала насекомых у него на голове, расчёсывала волосы. Он опустит голову на мои колени и задремлет, я не тревожу, пока сам не проснётся. Разволнуется, как бы мне не было безразлично. Милый дедушка, безграничная любовь к близкому человеку не оставляет места для иных чувств.

Мы были нежны друг с другом. Видно, чувствовали: это наша последняя встреча. Прощаясь, я потеряла сознание у него на груди.

Как жаль, что в жизни не было такого друга рядом!

В этой же деревне жила старшая мама сестра тётя Маня. Она угощала меня разными национальными блюдами. На столе: горячие калитки, сульчинат, кейтин пийруат, тенчой.

Я по-карельски говорила с трудом. Многих слов не знала. Но маминое желание исполнила: «С бабушкой, с дедушкой, со своими говори на родном языке: им будет приятно». Ваня шутил:

— Не обращайтесь внимания: Оля только что из Америки, поэтому волка путает с медведем.

Из Щеккилы он отвёз меня в Куккозеро.

Моя деревня.

Здесь я родилась.

И где-то здесь в довольстве жили люди, по доносу которых папа был осуждён. Мысленно я давно их простила. Но простить — не значит забыть. И разум чувству в таких вопросах не судья.

Утро. Солнышко желанно встаёт.

На краю разнотравной широкой луговины, на самом взгорке, — деревенский погост. Православная часовенка при нём разрушена. (Там, по рассказам, меня и крестили.)

Из густой высокой крапивы едва выглядывает пара бревенчатых венцов да лежит на боку резная маковка, неловко уткнувшись, как после верного выстрела, в землю крестом.

Сутуло нависая, жмутся кругом вековые ели. Укрыли ажурной траурной накидкой тени место расправы, опустили безвольно свои разлапистые ветви и стоят, не шелохнутся.

Молча скорбят.

Идём по деревне не спеша.

В нашем доме разместили магазин. Мне ещё издали указали двухэтажные бревенчатые хоромы. Покосившийся дверной проём, как немо искривлённый старческий рот, зиял чёрной дырой. Два маленьких окошка подслеповато глядят на дорогу, остальные наглухо забиты.

Подошла ближе.

Капли росистой влаги робкими слезинками блеснули на оконном стекле.

Порог...

Так защемило сердце, когда переступила его. Грудью уткнулась в спёртую, гнетущую тишину коридора. Едва переставляя свинцовые ноги, через силу, стала подниматься. Не то скрип, не то жалобный стон вырвался у лестницы.

Да что же это такое?!

Остановилась в сенях. Всё. Дальше не могу.

Нечем дышать.

В сильном волнении вышла на улицу.

С раннего детства мечтала я о поездке на родину. Верила, что когда-нибудь она состоится. Ждала. Поехала, счастливая, к родным, а папа, оказывается, в это время обгорел в запылавшем тракторе. Развился рак. Всё лето отец мучился от ужасной боли. Тяжелобольного, его отправили в областной центр одного. Мама по-прежнему не имела права самостоятельно покидать пределы села.

Я ходила к отцу в больницу, носила куриный бульон. Он тогда говорил, что если бы поел ухи из куккозерской рыбы, то непременно поправился бы. В больнице мы с ним подолгу откровенно беседовали. Я хотела попросить прощения за свои резкие порой ответы, но не повернулся язык: постеснялась, что неправильно поймёт... Зря.

Двадцать второго апреля в два часа ночи папы не стало.

— Что вы?! Ни в коем случае, в такой день ничего траурного! В стране большой праздник — День рождения Великого Ленина.

Перед смертью отец долго звал меня. Но никто не сообщил в общежитие. Маму на похороны не пустили.

*Огромное горе,
которое неожиданно свалилось,
казалось,
раздавит...*

А жизнь почему-то продолжалась...

Вот и летняя сессия.

Экзамены, несмотря ни на что, надо было сдать на «хорошо». Иначе стипендии не будет. Вместе с ней не будет и учёбы. Следом педагогическая практика. Две смены в пионерском лагере на горной реке Чумыш и отряд мальчишек шестого класса зарубцевали боль.

Ночами мне снились «причастия» и «деепричастия».

Никто не помнил случая, чтобы в Сталинском государственном институте был всесоюзный выпуск. А в тысяча девятьсот пятьдесят пятом году на удивление всем состоялся. Направление на работу давали с учётом желания.

Я в анкете указала Карело-Финскую ССР.

В мае пришёл вызов из Петрозаводска, и мы с мамой поехали на родину по-людски — в плацкартном вагоне. Всё лето были счастливые встречи, угощения, разговоры с родными. После смерти Сталина и мне, и маме можно было свободно переезжать из одной деревни в другую, не спрашивая ни у кого разрешения. Сколько хочешь переезжай! (Я думала, от счастья задохнусь.)

Как жила в Карелии?

Работала в сельской школе. Преподавала литературу и любимый русский язык. Старалась особенно чутко, внимательно относиться к детям, которые были лишены с детства, как я, отцовской ласки, внимания, защиты.

Вышла замуж не по расчёту. А всё, к чему относишься с любовью, не может не приносить страданий. Уж так повелось.

По убеждению вступила в Коммунистическую партию. Не желание сделать карьеру — искренняя вера в справедливость ленинских идей вела меня. Понадобились десятилетия, пока я заподозрила неладное... Избрали секретарём партийной организации. (Вот это уже было лишнее.) Чтобы оставаться верным избранным идеалам, лучше не знать, из чего они приготовлены. Нельзя заходить «на кухню»!

Маме я не позволила устроиться на работу. Хватит. За жизнь намантулилась. Она сидела дома: варила обеды, вязала носки, ремонтировала одежду. Обработывала одна, не ожидая ничьей помощи, картофельное поле.

Здесь, на родине, она острее воспринимала обиду за то, что её тридцатилетний труд, колхозный, бесплатный, никак не оценён — отказали в пенсии. Это был для неё последний удар. Переживала, рассказывая всем о ссылке, об унижении на допросах в комендантуре, о клейме «жена врага народа». Участковый терапевт ошибочно поставила ей диагноз — рак печени. Положили маму в больницу и лечили сильнейшими препаратами.

Лекарства оказались опаснее предполагаемой болезни.

В больнице у неё появились первые признаки нарушения памяти и разума. Меня она стала называть сестрой или Петей. От высокого давления мама поседела. Таблетки, уколы ненадолго уменьшали боль.

Бюллетеня мне по уходу за матерью, разумеется, не дали.

Лежать мама не умела. Хлопотала по дому. Если становилось лучше, она снова шла в собес просить пенсию, но не встречала понимания нигде...

Она стала уносить из дому вещи и раздавать на улице. Прямо беда!

Пришлось закрывать её под замок до конца рабочего дня. (Это мою маму — одну из самых мудрых женщин, каких только я видала на свете.) И наревуся, и нарыдаюсь порой...

То уйдёт в гости к чужим людям.

Однажды уехала куда-то и пропала. Я искала её, где только могла. В другой раз с вокзала, где она раздавала плетёные коврики пассажирам, её увезли в психиатрическую больницу. Через месяц сообщили: «Курс лечения провели, можете забирать». Муж поехал за ней в больницу. Рассудок у неё помутился окончательно. Мама, увидев зятя, разволновалась: «Чайку, чайку».

Больно было видеть её, остриженную наголо. Врачи настаивали отдать маму в Дом престарелых, где медперсонал дежурит круглые сутки. Я бы посчитала такой поступок по отношению к ней предательством.

Мама теперь всегда была в хорошем расположении духа. Она жизнерадостно пела одну и ту же похабную частушку:

*Эх, милка моя,
шевелилка моя!
Сама ходишь шевелишь,
а мне пощупать не велишь!*

Соседские дети смеялись над ней, строили рожи, тыкая в её сторону пальцем. Просили спеть ещё.

*И это была не чья-нибудь посторонняя женщина...
Это была Мама. Моя мама. Любимая мама!*

И беда даже не в том, что она лишилась разума. Нет. Трагедия, что такой трудолюбивый, терпеливый и мудрый от природы человек смог почувствовать себя по-настоящему счастливым в нашей стране, только повредившись рассудком...

Морозным январским утром, спустя год, мама трагически погибла насильственной смертью.

*Я осталась одна. Матери не заменит никто.
Всё жутко. Нелепо. Как в жизни...*

Больше меня здесь не удерживало ничто. Мы переехали с мужем к нему на родину, в Горьковскую область, в родительский дом.

Много позднее руководители страны открыто покаялись и решили выплатить компенсацию репрессированным семьям. За разорённые родовые гнёзда, за погубленную жизнь, за унижения...

Господи, да мы сроду-то не копили обид, а тут последняя горечь с души ушла. Кто бы знал, что доживу до такого!

Прямо из Правительства Карелии мне пришло извещение о денежном переводе. Я разволновалась: не знаю, за что и хвататься.

До почты иду, людей сквозь слёзы не вижу.

Подаю паспорт. Благодарю женщин за приятную новость, получаю квиток: «За конфискованное имущество: четырнадцать рублей сорок две копейки. Минфин КАССР»...

Бутылка водки стоила по тем временам десять рублей.

*

***Горьковская область, Варнавинский район,
деревня Анисимово, 1995 год***

Эпилог

Я перевернул последнюю страницу рукописи.
Как всё непросто...

Но не нам судить прошлое!
Нам бы хоть с настоящим как-то разобраться.
А пока считается, что «мы прорвались с боями из Бухенвальда в Освенцим».

Откровение родительских рукописей взволновало меня.
Я бережно уложил эти пожелтевшие страницы и вышел из горницы.
В сених лестница на чердак, часть ступенек истлела. Осторожно поднимаюсь.
Смотрю: крыша в одном месте совсем прохудилась, и луч света через прореху падает на зелёный кустик. Берёзка с рябинкой растут. Уже на метр поднялись. Сами ярко освещены, а вокруг терпкий чердачный мрак.

Тихо. Таинственно. Как перед службой в церкви.

Пылинки млечным звездопадом вьются в солнечном конусе света.

Раньше чердаки густо засыпали землёй — вот и прижились два зёрнышка, занесённые сюда ветром. Дождик их напоил, солнышко осветило и обогрело. Тянутся деревца вверх, не сдаются. Переплелись ветвями, в обнимку, словно отец с матерью.

Погибнут они здесь!

— Милые мои, возьму вас с собой, прямо как есть, не разлучая.

Свежее дыхание ветерка и радостный шелест листвы — в ответ.

*

Владимир Ерёмченко

*Сердце говорит и болит.
В небо распахнулось пальто.
Как в глубоком детстве, навзрыд,
Родину люблю ни за что.*

*Юность истоцилась, как мел.
Опыт не велик и не мал.
Песен не испел — не умел.
Гимнов не сложил — не желал.*

*Каково ей — мне ли не знать, -
Нас не порознь клали под гнёт.
И отца ей отдал, и мать.
И себя отдам, как возьмёт.*

*Ступишь в синеву — и забыт.
Сроду не копили обид...
Сердце говорит и болит.
Просто говорит и болит.*

*

Карелия, Петрозаводск, 2007 год

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Эссе

Посвящается жене и другу
Галине Петровне Костюниной

«...Вот вышел сеятель сеять;
И когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы, и поклевали то;
Иное упало на места каменистые, где не много было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока;
Когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло;
Иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его;
Иное упало на добрую землю и принесло плод...»

Не с рождения восприимчив к благодати человек. Но страдания, физические и душевные, постепенно готовят почву.

Незримый Садовник орошает её.

То сладкой патокой, то нашими слезами и кровью.

В повседневной суете, когда, как дворняга, занят погоней за собственным хвостом, некогда остановиться и задуматься. И вот однажды время будто бы замирает. Всё лишнее, второстепенное отходит на задний план. Главное выступает вперёд.

Глаза не разбегаются.

Нет.

По-настоящему главного — мало.

Сами собой приходят мысли о Добре и Зле, о Любви и Ненависти, об Истине и Правде, о Жизни и Смерти. Эта способность к осмыслению формируется исподволь, а проявляется вдруг.

Словно после летаргического сна, отстранённо, с высоты, зриаешь на пройденный путь. Замечаешь то, чего раньше и не видел. Впервые открывается возможность себя понять. И для этого, оказывается, не нужно ничего выдумывать.

Требуется лишь всё точно вспомнить.

*

Волшебные стёклышки

Холодный сентябрьский дождь лил, не переставая, вторые сутки. Смеркалось. На улице сыро. Зябко. Одинокие прохожие бесформенными тенями проплывают за окном.
В печурке задумчиво потрескивают дрова.
Я придвинулся ближе к огню.
Хотелось побыть одному и многое осмыслить.

Мистические видения, которые возникли сегодня в тот момент, когда я печатал очередной снимок, взволновали меня.
Я помню, как появилось невольное желание оглянуться...

Нерешительным взглядом окинул комнату.
Один...
Но сильное, явное своей осязаемостью новое чувство не давало успокоиться.

Да, правильно, я как раз собирался печатать автопортрет.
Включил проектор.
Яркий луч света прошёл сквозь прозрачный негатив плёнки. И прямо под ним, на белом листе бумаги, появилось моё изображение. Поначалу оно было неясным, мало узнаваемым.
Для того, чтобы снимок реально, без искажений передал все оттенки, используют светофильтры. Всего этих стёклышек три: красное, жёлтое и синее. Мастер, пропуская через них обычный белый свет, оживляет изображение.
На первый взгляд, всё очень просто, если не задумываться...
А в действительности стоит хоть немного нарушить пропорции этих цветов — и человек на снимке выйдет совсем другим. Он будет напоминать того, настоящего, но это будет уже не он.

Осталось только навести резкость.
Моё второе «Я» на снимке начало выплывать из дымки и становиться всё более и более чётким. Наводить лучше всего по глазам. Всматриваясь в них, я ещё чуть тронул объектив, и наши взгляды встретились...
Границы реального стали размываться и плавно отступили куда-то в темноту. Только его глаза. (Вернее, глаза моего второго Я.) Между нами установился прямой контакт.
— Здравствуй! — сказала моё отражение.
— Здравствуй... — невольно вырвалось у меня. (Наверное, нужно было произнести что-то совсем другое... но я не нашёлся.) — Ты кто?
— Я твоя Душа. Ты сделал так, что теперь можно с тобой разговаривать. Спасибо тебе. Но я не одна.
— Не одна? А кто же ещё?!
— Ещё твой Разум и Тело. Ты состоишь из нас. Человек имеет триединую сущность. Мы для тебя, как стёклышки для твоего изображения. Красное, жёлтое и синее. На протяжении всей жизни Господь, по своему усмотрению, изменяет влияние каждого из нас на тебя. И только поэтому меняешься ты. Никак не наоборот. Однако по мере развития человек с каждым шагом приближается к Моменту Истины, когда вынужден сделать свой выбор: кому из троих отдать веру? Если хочешь, мы можем рассказать, как для принятия этого решения постепенно созревал ты.
— Конечно, хочу...
— Ну, слушай. Только пусть расскажет лучше Разум.

— Начну с твоего детства, — произнёс Разум и повёл свой неторопливый рассказ.
Первым появляется Тело.
Его уже с первых минут принято называть человеком.

Тело чувствует себя некомфортно. Оно хочет преодолеть это неприятное состояние, но свои возможности у него не то что ограничены, — они отсутствуют. Тело поэтому, как пуповиной, связано и напрямую зависимо от внешнего мира.

На первых порах распорядок дня незатейливый. Сигнал подаст — наготово покормят и напоят. Потом Тело спит, просыпается — и всё сначала. При рождении оно сильно не умничает. Нечем.

Телу нравится, чтобы его берегли, непрерывно лелеяли и заботились о нём. К хорошему оно быстро привыкает и подталкивает Разум, как только тот появится, добиваться очередных благ.

Таким образом, вторым у тебя появился я.

Господь так устроил, что Разум, хотя и рождается на свет абсолютно неразвитым, чужих, полезных советов не воспринимает. (Опыт не привьёшь.) И поэтому в молодости, так называемый «человек», оценивает происходящее, принимает бесповоротные решения, иступлённо спорит, не приходя, по сути, в полное сознание.

Место, предназначенное для Души, заполняется последним.

Душа смалу способна сострадать, испытывать стыд, любить и ненавидеть, овладевать искусством, воспринимать юмор и упиваться литературой.

Она — совесть человеческая.

А жизнь кипит. Ритм задают авторитет взрослых, обычаи, сложившиеся в обществе на тот момент, и неуёмные потребности Тела.

Разум не успевает толком ничего осмыслить (просто ещё не знает, что такое — «мыслить»), а Тело за ручку повели вступать в пионеры, в «Гитлер югенд», в общество друзей церкви. (Кого куда.) Оно поспешает с готовностью.

Это животная стадия развития человека.

Греховное ненасытное Тело при этом главенствует. Его поводырь, Разум, — ещё незрячий. Душа, маленькая и ранимая, страдает, но на неё никто не обращает внимания.

Душе сплошная мука с Разумом и Телом. Как неродные.

Есть ли вина человека в этом? Да! Если считать виновным молоток, которым вгоняют гвоздь.

*

Сострадание

Напомню тебе один случай, который произошёл на твоих глазах в детстве.

Ты зашёл к своему сверстнику в гости. На кухне сидела его старенькая бабушка. Она психически больна. Несмотря на свой недуг, это была сама доброта и труженица, каких поискать. Чтобы чем-то помочь взрослой дочери по хозяйству, она бралась за любую работу. И хотя посуду после неё принято было перемывать, она старалась как могла. Зато связать носки, соткать половик — мастерица. Вот и на этот раз, сидя на кухне, она вязала носки любимому внуку. Самому дорогому ей человеку!

Его приход из школы — для неё тихая светлая радость...

Родным ей был карельский язык — язык малочисленного исчезающего народа. Нас очень сместило, когда на непонятном наречии она тихонько молилась, а на русском пела непристойные частушки.

Твой друг стыдился своей бабушки.

Досада накапливалась.

Когда вы разделись и прошли на кухню, она прервала своё рукоделие. Открытая улыбка осветила её лицо. Поверх очков на внука смотрели излучающие доброту глаза. Натруженные руки с вязальными спицами расслабленно опустились на заштопанный передник. И вдруг... клубок шерстяных ниток озорно, как живой, выскочил из неуверенных рук, разматываясь и уменьшаясь.

Опираясь на кухонный буфет, она тяжело поднялась с устойчивой деревянной табуретки. А дальше... (надо же было такому случиться!), нагнувшись за клубком, она нечаянно задела внука, который наливал себе в кружку молоко. Рука качнулась, и молоко расплескалось...

— Дура! — в бешенстве прокричал внук.

Всё произошло так быстро: он зло схватил тяжёлый сковородник и, выбегая из кухни, с порога, изо всех сил, бросил им в бабушку. Сковородник попал по опухшей бабушкиной ноге. Её полные губы задрожали, и она, что-то причитая на родном языке, придерживая рукой больное место, с плачем опустилась на табуретку.

Слёзы текли по её покрасневшемуся лицу.

Не помня себя, ты схватил шапку, пальто и выбежал из дома.

На Душе было гадко. Но Тело успокаивало:

— Бабушка не наша. Нам-то что? Пусть сами разбираются...

Спустя много лет ты воспринял её боль как свою собственную. С тех пор эти воспоминания для твоей Души — открытая рана.

Я, как твой Разум, пытался понять, почему мир несправедливо жесток? Может, он просто неразумен? Существует интересный афоризм: «Мы думаем слишком мелко. Как лягушка на дне колодца. Она думает, что небо — размером с отверстие колодца. Но если бы она вылезла на поверхность, то приобрела бы совсем другой взгляд на мир».

Человек тоже способен видеть только то, что Вершитель судеб готов приоткрыть ему в конкретный момент. Всему своё время. И его не ускорить, механически передвинув вперёд стрелки часов. Быстро развиваются только простейшие организмы.

Меня осенило: и «слёзки невинного ребёночка» в произведении Достоевского, и «подвиг» твоего одноклассника в отношении родной бабушки, — всё специально подстроено только для того, чтобы пробудить сострадание **именно в тебе**.

Пусть действительно не изменить судьбу книжного героя и поступок бездуховного Тела не скорректировать задним числом. (Прошлое неподвластно никому, даже Богу.) Но есть ещё настоящее и будущее. Как поступать в подобных ситуациях впредь?

Кто-то снова и снова проигрывает в сознании яркий ролик из неприятных воспоминаний. Это — своеобразный тест, предложенный свыше. Во время поисков правильных ответов формируются мысли и чувства.

И вот детство подходит к концу.
Детство — сон Разума и Души.

*

Любовь

Любовь!

Никакой любви на свете нет. Всё сказки.

До двадцати лет, искренне веря, ты был готов подписаться под этими словами. Но, оказывается, никогда не нужно спешить подписываться.

Юность.

Потихоньку, несмело начинает теплиться Разум и просыпаться Душа. Если бы в этот момент Тело хоть чуть замедлило своё развитие, то — вот и она, желанная гармония.

Куда там. Тело точно с цепи сорвалось. Безумная страсть к женщинам — препятствие серьёзное. Как с высокой крыши столкнули. Попробуй, остановись...

Слушая доводы Разума и Души, невпопад кивая, Тело стремилось к слиянию. Добровольно оно «простаивало» только в период своего беспокойного сна и поспешного заглатывания пищи. Непросто было, кружась в этом шальном собачьем танце, поверить в существование любви.

Ты мысленно, для себя, называл её одной из претенденток «на престол». (Пора было подумать о женитьбе.) Девчонка уверенно тянула на крепкую «четвёрку». «Может, именно её и стоит выбрать?» — просчитывал я как твой Разум.

Душа молчала. Тело согласно кивало.

Тело... Да от него в спокойное-то время не дождёшься разумных советов, а сейчас, когда даже потовые железы вырабатывали семенную жидкость, и подавно.

В общении с этой подружкой не было, собственно, ничего нового. Как всегда. Милая болтовня. Ты начинаешь мысль — она заканчивает. Остроумный, к месту, юмор. До исступления — секс. Между тем знакомство, которое длилось больше года, по моему мнению, пора было заканчивать. «Найдём лучшее!»

Мелкая ссора. Вы расстались.

Тело готово к новым походам. А Душа?

На дворе ноябрь. Солнца неделями нет. Дни серые. Плохая погода и повлияла на настроение: ничем больше твою хандру я объяснить тогда не мог.

К новым знакомствам не тянуло. Странно...

Нужно встряхнуться. Сменить обстановку. Выхать на природу — и всё встанет на свои места. Наверное, просто утомился с учёбой. Да и после простуды лёгкое недомогание. Приятной улыбкой, абсолютно не к месту, пробежала мысль о «четвёрке».

Но вот поездка состоялась. Солнце на месте. А Душа стала томиться ещё сильнее. Никого видеть не хочется.

Стоп! Так ли уж никого? Нет, не так.

Тело, сбитое с толку горячей поддержкой Души, впервые испытывало не животное волнение. Ноги сами понесли. Встреча. Готовность к восстановлению отношений только с твоей стороны. Опять расстались. Разлука. Жгучая тоска.

Письма к ней.

Ты растворялся в них.

Нестерпимая ноющая боль в сердце.

Для тебя Она потеряна навсегда.

Сначала, может, показалось? Какое там! Земля начала уходить из-под ног... Тело испытывает беспокойное чувство невесомости. Мелькание перед глазами. Пол. Потолок. Голова. Ноги. Удар! Абсолютно жуткий удар. До искр из глаз. До слёз.

Поднимаешься.

Не сразу, как неваляшка, под тихий мелодичный звон в ушах... Пытаешься поймать равновесие. Вот теперь ты знаешь, что такое любовь. Ты внутри неё. (Пока не провалился — разве поймёшь?)

Перед тобой в зеркале уже совсем другой, разом повзрослевший человек. Куда-то бесцельно бредёшь по жизни...

Ну а дальше совсем неинтересно. Обычный кошмар. У нерушимого, сейсмостойкого здания (каким ты себя считал) «поехала крыша». Стыд. Доводы Разума. Планы на будущее. Всё потеряло своё прежнее значение без Ней.

Вы несколько раз сходились и расходились, ссорились и мирились. Мне, твоему Разуму, отчётливо было видно, что вот так, под «канкан», всю жизнь не проскачешь.

Генрик Сенкевич высказал замечательную мысль: «В любовнице ищи, чего хочешь: ума, темперамента, поэтического настроения, впечатлительности, но с женой нужно жить всю жизнь, а поэтому ищи в ней того, на что можно положиться, ищи основ».

Не зря говорят: женщины делятся на проституток и матерей. И для создания крепкой семьи требовалось найти «мать».

Нашёл.

Свадьба была зимой, в трескучие морозы.

Невесту ты вёз на санях, запряжённых тройкой лошадей, укрывая свою дорогую и желанную находку жарким овчинным тулупом. Трудно загадывать, как жизнь сложится дальше. Но одно можно с уверенностью сказать сейчас — и по расчёту брак бывает удачным, если расчёт правильный...

Хотя, конечно, «кто не пил водки, не может по достоинству оценить вкус воды».

*

Деньги

Хозяйка квартиры уже давно рассказывала о какой-то учительнице. Её спокойный голос, достигнув тебя, не задерживаясь, проплывал мимо... (Грудно, оставаясь безразличным, изображать заинтересованный вид в разговоре с собеседником.)

Тяжело вздохнув, женщина продолжала:

— ...У неё было четверо детей. Одна девочка окончила девятый класс, вторая училась в шестом, вместе с моим сыном. А мальчишки: один — в третьем, другой — в первом. Муж работал тогда на комбинате, в цехе производства окатышей, рабочим, а она была классным руководителем моего сына. Три года назад у нас на комбинате сильно задерживали зарплату. Бюджетникам государство в положенный срок тоже не платило. Людей постоянно обманывали. Многодетные семьи попадали в крайне тяжёлое положение.

Я стал прислушиваться.

— Конечно, разные есть люди. Она была из тех, кто, прокладывая себе жизненный путь, никого не расталкивает локтями. Пожалуй, только близкие знали, насколько ей тяжело. Тогда при выдаче зарплаты не смотрели, у кого сколько детей в семье. Всем выдавали одинаково: например, по тридцать процентов. А попробуй-ка четверых детей прокорми... Мы часто встречались. То у меня на работе, то я к ней домой заходила. Она меня хорошо понимала не только как учитель, но и, в первую очередь, как мать, наверное. У меня сын больной. У него полностью потерян слух. Три года он учился в спецшколе, а в четвёртый класс я его привезла в общеобразовательную школу. Но легче, когда один педагог учит, и совсем другое дело, когда преподавателей становится несколько, и каждый ведёт свой предмет. Я очень боялась, сможет ли сын привыкнуть к учителям, к коллективу. И, само собой, возникали трудности. Первым человеком, который помог мне в моём горе, была она. Настраивала ребят, учителей. Подбадривала меня, чем могла. Я, честно скажу, даже не ожидала таких успехов у сына в пятом классе. Ей удалось сплотить и ребят, и нас, взрослых. Она устраивала совместные праздники. Вместе отмечали Рождество. Родители готовились, дети готовились. Все поняли в конце пятого класса, что мы — одна большая семья. И это во многом благодаря ей. На День Святого Валентина она вырезала из бумаги маленькие красные сердечки — «валентинки» — и дарила от себя каждому ученику в классе. Вот это сердечко. Я его сюда, на видное место, повесила. Однажды вечером я шла после работы домой и встретила её — из школы возвращалась, после второй смены. Я предложила зайти в магазин. Она: «Да мне там делать нечего, ведь у меня денег и на хлеб нет...» Я разволновалась. Говорю: «Давайте, я вам дам». А в ответ: «Нет, не надо! Зачем я буду кого-то обременять?»

Всё это время, рассказывая, хозяйка хлопотала по кухне. Но тут она в замешательстве остановилась, присела рядом и, помедлив, заговорила вновь:

— Намечалась первая забастовка учителей. Как педагог, она жалела, что перерыв в учёбе отразится на успеваемости ребят, но как человек была убеждена: необходимо бороться за свои права. Я решила позвонить ей, чтобы узнать, веди ли ребят завтра в школу? Обычно, когда я звонила, то старалась совсем мало времени у неё отнимать. Самое конкретное спрошу — и всё. А тут разговор как-то затянулся. Она сокрушалась, что у неё паскудно на душе. Я успокаивала, что три дня будет забастовка, отдохнёте немножко. Отдохнуть, говорит, не получится: в школу всё равно надо ходить. Сказала ещё, что сейчас на комбинате у мужа в счёт зарплаты мешок муки дали. Блины можно будет печь. Этому звонку я не придавала большого значения. Разговаривала она уже лёжа в кровати. «Дети, — говорит, — там ещё бегают, радуются, что завтра в школу не надо, а я лежу. Муж на работе в ночную смену». Утром, когда супруг вернулся с работы, дети не спали. Дверь в спальню была плотно закрыта, чтобы маму не беспокоить.

А мама была уже мёртвая.

Врачи поставили диагноз: сердце не выдержало.

Маленькое красное сердечко загадочно качнулось...

Сердце, которого хватало на каждого и не хватило только на себя, продолжало жить.

Имущие и неимущие.

Из этих двух категорий и состоит род людской.

Их различное отношение к жизни, устремления, порой противоположные, — источник вечного противоборства, кровавых революций и один из самых сложных вопросов философии.

В Библии сказано: «Не нужно собирать себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут. А нужно собирать себе сокровища на небе». Эти красивые, правильные слова едва ли могут прийти на ум человеку, когда он систематически голодает... Их можно списать, можно зазубрить, можно под угрозой повторить, но глаза, горящие неутолённым блеском, выдадут.

«Сколько натерпишься обвинений в хамстве, прежде чем узнают, что ты глухонемой», — писал Михаил Жванецкий. Неимущие люди в отношении таких библейских призывов тоже по-своему «глухонемые».

Человек только тогда может изменить своё отношение к деньгам, когда на личном опыте вдруг обнаружит, что богатство — это «две курицы в каждой кастрюле, две машины в каждом гараже и две головные боли на каждую таблетку аспирина».

Я хорошо понимаю людей, которые тут же возмутятся:

— Мы тоже хотим такую головную боль!

Справедливое желание.

Господи, дай им возможность самим испытать её.

*

Государство

Прикрываясь интересами его, зачастую совершаются преступления против человечества. Поэтому, чтобы не стать сообщником, следует всё называть своими именами. И тогда никому не удастся подменить «Родину» — «государством».

Родина — понятие святое.

Родина — дана от Бога.

От неё можно отказаться, насильно лишить её нельзя.

Родина не погибла в России в 1917 году. И не появилась вновь.

А вот с государством сложнее...

Никуда не выезжая из СССР, наутро мы проснулись в другой стране.

Государства друг от друга отличаются. Соответствующий кураж придаёт им идеология.

Капитализм.

Социализм.

Это вовсе не то же самое, что прагматики и романтики. Ни социализм, ни капитализм не вправе претендовать на светлую мечту человечества. И смущает, что абсолютно безграничная власть сосредоточена в руках небольшой горстки обычных людей: известно, что любому заурядному человеку, у которого в руках молоток, всё вокруг напоминает гвоздь.

Безнаказанно выразить своё искреннее отношение к политической системе, внутри которой находишься, можно лишь сложив фигу пальцами ног, подобострастно улыбаясь при этом.

Студенчество.

Любили группой зайти в пивной бар. Посидеть. Побеседовать за пенистой кружкой «Жигулёвского» пива. Часто не получалось. Но как выкраивали деньги — вы там.

Случайно подвезло. Бывший сокурсник, бросив учёбу, устроился работать барменом. Когда попадали в его смену, он по-свойски заводил вас на кухню, усаживал на обтянутые дерматином стулья, смахнув на пол тряпьё, и угощал бесплатным пивом. Социалистическое государство, которое в данном случае выступало в роли работодателя, выплачивало ему зарплату, заведомо понимая, что на неё не прожить, как бы предлагая самостоятельно восполнять недостающий доход...

От него ты впервые узнал, что в цистерну пива, поступившую с завода, перед тем, как разливать по кружкам, обязательно добавляют ковшик соды.

Зачем?!

Это же очень просто. Сода вызывает обильное образование пены. Остаётся только залить побольше воды — и объём продукции резко увеличивается... Прибыль делится на коллектив.

Вам по знакомству он наливал без соды.

Однажды, оставив вас на кухне, он вышел в зал и быстро вернулся, крайне возбуждённый. В одном из посетителей он узнал инспектора контролирующей организации, который всегда проводил в баре финансовые проверки. Этот ревизор знал все тонкости пивных «рецептов», но зачем вмешиваться... Зарплату он тоже получал маленькую. Гораздо лучше прийти «на халяву», пользуясь должностью, попить неразбавленного пивка, а для отвода глаз выписать мелкий штраф.

Сегодня за столом с проверяющим сидели жена и двое детей. Всех надобно было, как всегда, бесплатно напоить, сытно накормить.

Сокурснику давно хотелось подпустить власти «шептунка»...

Бармен ненадолго задумался.

Затем он аппетитно уложил жирную, вкусную сельдь с ровными колечками лука на тарелку. Полил всё свежим подсолнечным маслом. Нарезал мягкого хлеба. Расставил на поднос несколько кружек с пивом, растянул ширинку и... от всей души помочился в каждую.

Аккуратно застегнувшись и перекинув полотенце через руку, он пошёл угощать.

Что же в итоге?

Идея земного рая в обмен на свободу, изложенная Великим Инквизитором в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», была в точности реализована в СССР. Однако добровольный отказ простых людей от Хлеба небесного не обеспечил материального изобилия (ради которого всё и затевалось). Дошло до того, что и земной хлеб смогли обеспечить только «по карточкам».

Благие намерения привели к «светлому» тупику.

А все
сообщения
об открытии идеальной,
райской формы государства
на поверку оказались сильно преувеличены.

Однако каким бы ни было устройство общества, это не должно мешать лично тебе жить по совести здесь и сейчас.

Человек краснеет в одиночку.

*

Насилие

Во всей Вселенной властвует насилие.

Тот, в отношении кого оно применяется, объявляет насилие злом.

Если же насилие направлено с учётом интересов конкретного человека, группы людей или государства, оно объявляется добром (обычно без учёта обстоятельств).

По словам Николая Бердяева, «братство людей не может быть естественным, природным состоянием людей и людских обществ. В природном порядке человек человеку не брат, а волк, и люди ведут ожесточённую борьбу друг против друга. В порядке природном торжествует дарвинизм».

Весна. Середина мая.

Солнце над головой — рукой дотянуться.

Местами ещё лежит тяжёлый потемневший снег. По лесной дороге бегут шумные ручьи, размывая своей безумной талой водой песчаные заплаты. Лягушки заходятся бульканьем. В природе ожила и на все лады сливалась после долгой студёной зимы шальная любовь.

Впервые за много лет ты взял жену на глухариный ток. Пусть приобщается к семейной традиции.

Охота не задалась.

Пытались ещё в темноте, крадучись, осторожно подойти под песню к глухарю, но подшумели. Глухарь, заподозрив неладное, смолк, понудив застыть в нелепых позах. (Как «паузу» включил.) Было отчётливо слышно: он важно расхаживал по суку в кронах деревьев и настороженно щёлкал, тревожно прислушиваясь.

Влажная непроглядная тишина повисла над лесом.

Одно неловкое, еле уловимое движение ноги, негромкое чавканье сапога в холодной болотной жиже и, как итог, — взрыв тишины: треск сучьев и мощное хлопанье крыльев лесного богатыря, не разбирающего при взлёте пути.

Всё впустую.

Вы ещё несколько часов кряду продвигались по току на север, придерживаясь края мохового болота, в надежде услышать хоть одну таёжную песню.

Пусто.

Ток был выбит.

Перебираясь через затопленные канавы по скользким брёвнам, преодолев остаток пути по бурелому, вышли на лесную дорогу. Давно рассвело. С добычей в этот раз не подфартило. Теперь до осени — мёртвый сезон.

На припёке, на широком крупе вывороченной и поваленной бурей сосны разложили на салфетке бутерброды. Ты с удовольствием глотнул из фляжки мягкого согревающего коньяку.

Хорошо...

Можно и домой.

И вдруг несмело на чёрную, полностью оттаявшую дорогу выкатился опьяневший от счастья и ещё совсем белый в своей зимней шубке заяц.

Следом избранница.

Перескочили дорогу. Замелькали между деревьями, помахая белыми платочками. Рука привычным, натренированным движением, едва касаясь пальцами, вскинула ружьё к плечу. Мушка, слившись в одно целое с цепким взглядом, уверенно вела любовную парочку. Ждёшь — чтобы одним патроном. Вот они мелькнули, оказавшись совсем близко друг от друга.

Выстрел!

— Что ты? Не стреляй в них! — спазм оборвал голос жены. Сжавшись от отчаяния, она закрыла руками лицо.

Эхо одиноким трагичным раскатом прокатилось над лесом, перекрывая «человеческий» плач раненых зайцев.

Нет, не лев — царь зверей.

Царь зверей — человек.

В период, когда у человека земные потребности, такие увлечения, как охота, — настоящий первобытный подарок. И не только для Тела, но и для зарождающейся Души тоже. И нет ни вины, ни заслуги человека в том, что он, находясь под властью земного притяжения, живёт теми радостями и печалью, из которых, собственно, и состоит. Но насилие при этом не перестаёт быть насилием...

Главное — мотивы.

Так, если силу применяют, руководствуясь инстинктами, по незнанию, то в данном случае насилие — Зло, но греха в нём нет. Конечно, если бы Господь создал человека одновременно и с животными потребностями Тела, и с высокоорганизованным Разумом, и с высоконравственной Душой, — тогда бы вина полностью лежала на нём. И только в этом случае.

Но жизнь устроена таким образом, что «правильным» не стать при рождении.

Не помогают избежать собственных ошибок ни чужой опыт, ни советы, ни чтение умных книжек, ни магические заклинания, ни пряник, ни кнут. Человек обречён сначала совершать поступки, и только потом, когда уже поздно, оценивать их.

Следовательно, **грехом является только осознанное совершение греха.**

Кому служить: Богу или Дьяволу?

Для каждого человека наступает Момент Истины, и ответ на этот вопрос он вынужден дать прямо, осмысленно...

По моему твёрдому убеждению, Бог создал Мир гармоничным.

В нём нет места хаосу. Зло и Добро. Они, как требовательный отец и заботливая мать, помогают человеку познать Истину и обрести Свободу.

Дьяволу часто служат под угрозой расправы. Господь же нуждается в свободном выборе человека. Фаина Раневская считала: «Есть люди, в которых живёт Бог. Есть люди, в которых живёт Дьявол. А есть люди, в которых живут только глисты».

Теперь я хорошо знаю, что право выбора остаётся за тобой.

Часто используют принуждение в целях обороны. Например, когда дело дошло до Отечественной войны, тут без насилия обойтись невозможно. Милосердием не превратишь врага в друга, а только увеличишь его притязания.

Есть и ещё одна грань человеческих отношений, где одними «пряниками» не обойтись. Это воспитание собственных детей.

Твой сын.

Его никто не заставлял делать уроки. И он в итоге принимал решение сам. Ты не нашёл ничего умнее, как переложить отношение Бога к людям на тему педагогики при воспитании собственного ребёнка.

Не хочет заниматься уроками — его право.

Но, изволь, при получении низких результатов — в угол.

Получалось, что он наказывал себя сам в соответствии с действующим семейным «законодательством». По праву отца ты в семье и судья, и прокурор, и, как в сказке, «вы будете, наверное, смеяться, но и адвокат тоже я».

В «отстойном углу» вывешено твоё обращение к сыну:

«Сын!

Не обижайся, если можешь.

Пойми: ты продолжишь свой бег по жизни сразу, как только окажешься «на свободе». (Это от тебя никуда не уйдёт.) Но сейчас постарайся использовать вынужденную неподвижность с пользой. Попробуй осмыслить происходящее, оценить свои возможности, осознать истинные желания.

И ещё — привыкай к земным правилам.

У людей как: получаешь «тройку» или, не дай Бог, «двойку» — неприятности тут как тут; «четвёрку» — к тебе нет интереса, ты — «как все»; твои результаты оценили на «пять с плюсом» — ты специалист, Человек. Тебе есть за что уважать самого себя.

Чем раньше ты поймёшь эту схему жизни, тем увереннее будешь чувствовать себя в ней».

Один из персонажей сказки Шварца считает, что «детей надо баловать, тогда из них вырастают настоящие разбойники». Только в том случае, если перед родителями стоит именно такая задача, — принуждение ни к чему.

Каждый в своей жизни проходит ВСЁ!

Жизнь и Смерть.

Как Свет и Тьма.

Насилие под угрозой смерти зачастую вынуждает трусливо идти на поводу у животного страха. А «на поводу» можно зайти очень далеко. Так далеко, что и захочешь вернуться, да будет поздно.

В беду падают, как в про-

п

а

с

т

ь.

Вдруг!

Но в преступление

сходят

шаг

за

шагом...

— Жизнь так распорядилась...

— Нет!

По твёрдому убеждению Марины Цветаевой, «в диалоге с жизнью важен не её вопрос, а твой ответ».

Человек взрослеет. Душа начинает заявлять о себе. В ней просыпается Совесть. С удивлением обнаруживаешь, что существует не только Страх, но и Стыд. Не только Тело может испытывать боль, но, как выясняется, и Душа тоже. И чем дальше, тем трудней становится человеку определять, когда больнее.

Впервые осознаёшь, что ситуация не вписывается в привычную схему, когда Душа оценивает насилие в отношении себя как заслуженное...

А вот это — загадка не для животного.

Пат.

Человек становится кротким. Он испытывает глубокое смирение, не теряя при этом мужества. Тогда жизнь и смерть — две чаши колеблющихся весов.

Жизнь...

Начинаешь её понимать, когда убеждаешься, что это не самое ценное.

Оказывается, для Души, полностью сформированной, важнее в принципиальных вопросах не идти против своих нравственных убеждений. Важнее, чем что-либо другое!

Если ситуация не позволяет поступить по совести и при этом сохранить жизнь, то в данном случае смерть — выбор меньшего из двух зол.

Бернард Шоу советует: «Научитесь искусству убедительно говорить «нет». Это самое необходимое на свете умение; жизнь Ваша будет сплошной мукой до тех пор, пока Вы не сумеете выдавать такой ответ без малейшей запинки самым категоричным тоном, совершенно не считаясь ни с чувствами, ни с влиятельным положением просителя или властителя, — всякого, кто просит или требует, чтобы Вы сделали нечто, не соответствующее Вашим собственным желаниям... **Никогда не позволяйте страху смерти руководить вашей жизнью**».

Теперь ты это хорошо знаешь: бывают случаи, когда не стоит останавливаться, чтобы этим «нет» перерезать нить собственной жизни... Готовность к такому шагу свидетельствует об окончании животной стадии развития человека.

*

Вера

Разочарование в земных идеалах — первая ступенька на пути обретения Веры.

Стоило поближе узнать политическую партию или конкретного человека, и ты уже сам удивлялся своей близорукости. Их настырные попытки прорубить в твою Душу окно вызывали лишь глухую неприязнь.

Убеждение относительно всемогущества денег тоже не выдержало испытания временем. Обеспечить себя материально и при этом не приблизиться к счастью. В этом смысле: все ещё только «туда», а ты уже «оттуда».

Ты переживал, как ребёнок, развернувший яркий фантик, — внутри пусто.

Вера в светлый идеал — вовсе не прихоть.

Это врождённая потребность.

Убедившись, что на земле Истины не найти, человек в нерешительности и с последней надеждой поднимает свой взгляд к небу...

Она оказалась совсем не ярким человеком. Я помню, ты был искренне огорчён тем, что это и есть первая учительница дочери.

Началась учёба.

В классе ею было заведено такое правило: в день своего рождения ребёнку разрешалось приходить в школу без портфеля. Это был его день, день особый, праздничный. Учительница на свои деньги каждому покупала какой-то подарочек. И ребятам она накануне объявляла, у кого будет завтра день рождения. Она, как могла, учила их добру и любви. И все приносили от себя какой-нибудь символический дар: наклейку, тетрадку, рисунок, конфетку, вроде бы ничего особенного, а имениннику было очень приятно. Домой он уходил с полным пакетом.

В классе она построила совсем новый вид общения между детьми. Она повесила почтовый ящик, и дежурный каждый день после уроков раздавал письма. Там были послания и для неё: с просьбами, благодарностями. (В школе ты тоже любил писать записки, но передать их адресату и сохранить тайну было невозможно, а иногда этого очень хотелось. Совсем не обязательно всем знать, кому именно ты пишешь.)

Устраивала совместные вечера с родителями. В конце каждого вечера просила всех детей и родителей встать в круг, взявшись за руки, и говорила: «Дети, посмотрите внимательно на своих мам, какие они у вас красивые, добрые и внимательные. А вы, мамы, посмотрите на своих детей, как они взрослеют с каждым днём, какие они заботливые и отзывчивые».

На одном из родительских собраний она предложила себя в качестве руководителя внешкольного кружка, где детям можно будет рассказывать о Боге, религии, изучать Библию. Те родители, которые не возражали против знакомства детей с этой стороной жизни, дали согласие на посещение занятий. Твоя жена тоже считала: «Пусть». Тем более, что дочь просто влюбилась в свою первую учительницу.

В Советской России в то время атеизм уже не был государственной религией. Но, как это обычно бывает, на местах оставалось ещё много верных последователей этой веры. Директор школы была одной из них.

Начались преследования. Директриса вызывала к себе учительницу каждый день и просто третировала. Она не успокоилась, пока не нашла сторонников из числа педагогов, которые писали доносы. Посылала «агентов» следить за детьми и выпытывать у них, что именно они делают на занятиях кружка.

Да, часто бывает, что «радугой руководит дальтоник». Директор искренне не понимала: «А “любить детей” — это как?» Ей бы на голову пилотку со свастикой да в руки стек... Хотя и в гражданской одежде при активной поддержке власти она чувствовала себя достаточно комфортно.

Думаю, лишним будет говорить, что никакие протесты родителей, никакие детские слёзы не помогли. Из школы учительницу выгнали, и она долго не могла найти работу по специальности.

Мало кто тогда воспринял этот конфликт как свой. Да и лично тебя тоже не тронула близко её судьба. Ты смотрел на опухшее, заплаканное лицо дочери и думал: «Вот дурёха. Ну, уволили. Начальству виднее».

Как говорится: «нам жить, вы и решайте».

Ты искренне верил в справедливость подобного подхода к жизни. Верил, в аккурат до тех пор, пока лично на себе не испытал его ущербность.

Правильно в своё время предупреждал Мартин Нимозлер: «Сначала в Германии схватили коммунистов, и я не возмущался, потому что не был коммунистом. Затем схватили евреев, и я не возмущался, потому что не был евреем. Затем они пришли за католиками, и я не возмущался, потому что был протестантом. Потом пришли за мной, но возмущаться было уже некому».

Прошло четыре года. Ты и думать забыл про учительницу. Дочка подросла. Младшие классы позади. И вот однажды, совершенно случайно, ты оказался в помещении школы-интерната для глухонемых детей. Глазам не поверил — наша учительница. У современного Дьявола и методы цивилизованные. В средние века власть была бы «вынуждена» вырвать ей язык, а тут, смотри-ка... Просто исключили возможность её контакта с детьми, имеющими слух.

Но, думаю, Дьявол в данном случае просчитался.

В приоткрытую дверь класса было видно, как, ласково приобняв немого вихрастого мальчишку, она занималась с ним дополнительно после уроков, обучая азбуке.

Азбуке глубокой, необъятной и вечной, как мир.

Азбуке любви...

Христианский подвиг...

Человек, посвятивший себя Богу, должен быть к такому подвигу всегда готов.

По мнению Николая Бердяева, «несостоятельны все интеллектуальные доказательства существования Бога, которые остаются в сфере мысли. Но возможна внутренняя экзистенциальная встреча с Богом».

Сначала трогательно защемило сердце, а потом сделалось легко и свободно...

Для тебя путь к Истине
проходит через Православную веру.
Белые ночи — купель твоя.
Церковь — Родительский дом.
Там давно ждут тебя...

— Теперь решай сам — Телу, Разуму или Душе ты доверишь свою дальнейшую судьбу...

— Душа моя, веди меня...

*

Проповедь, воспринятая сердцем

Человек с рождения не умеет ходить. Всё больше ползком. На коленках. С чужой помощью встаёт. Смешно ковыляет, несмело передвигая ножками. Пытается при ходьбе, потеряв равновесие, найти опору: схватиться за подол, за руки, да за что придётся у самого близкого человека — мамы. Подрастая, расширяется круг общения: родственники, друзья, коллеги. И теперь в них ищешь опору.

Вот и шаг стал твёрже, увереннее, но и цели отодвинулись с привычного места ближе к горизонту. И только руки... И только руки привычно ощупывают вокруг себя пространство в поисках поддержки. Перескакивают с одной «страховки» на другую.

А ситуация «поехала» из-под контроля...

Ещё энергичнее цепляешься руками за выступы. Пальцы в кровь. Страх в Душе. (Всегда кто-то в такую минуту подбадривал, поднимал и, поддерживая, шёл рядом.) Но слишком раздвинулись горизонты избранных целей. И даже если бы кто и хотел поддержать, да как поддержать? Как?

Начала обсыпаться под ногами земля...

Крик отчаяния. Слезы. Поздние раскаяния. (Почему я не хотел быть «как все»?) Руками бы дотянуться до людей, которые вокруг...

Но уже слишком велико пространство, разделяющее тебя и их. Рука хватается за воздух. Пусто. И человек срывается с отметки «0»... В глубину, в себя...

Страшно!

Падаешь в бездну. (Сейчас, наверное, ВСЁ!) Нет...

Пока ещё нет.

— Попробуй, преодолей земное притяжение. Расправь крылья. Приоткрой до боли стиснутые глаза. Упасть всегда успеешь.

грудью...

полной

Вдохни

Вот так.

Попробуй ещё.

Правда, здорово!

лететь...

попробуй

— Ты

— Молодец! Ну а теперь — хочешь назад, к животному состоянию? Нет?! Значит, ты стал Человеком.

Никто из людей не поможет тебе лететь к избранной цели.

Теперь они только помеха.

Сила, способная поддержать твой полёт, — от Бога. Источник этой силы — Ты сам. Внутри тебя — Царство небесное.

Открой его.

Возлюби.

А возлюбив — защищай!

*

Карелия, Петрозаводск, 2007 год

Вместо послесловия

...Тебе бы, начальник, книжки писать!

Из кинофильма «Место встречи изменить нельзя».

В детстве я не утолил писательский зуд и тем сильно отличался от своих безответных сверстников. Для них писание было неотвратимо. А не так, что Муза посетила — пишу, ушла к другому — сажу сложа руки, преданно жду.

Ничто не спасало их от писательского ремесла.

Изложения, сочинения по теме свободной и заданной на каждом шагу преследовали одноклассников. В итоге каждому отроку за десять школьных лет было привито полное неприятие, отвращение до аллергии, до судорог и к письменному изложению собственных мыслей, и к литературе в любом её проявлении.

Подобные методики да на борьбу с алкоголизмом — цены бы им не было!

Со мной дело обстояло иначе.

По сложившейся в Советском Союзе традиции каждый строитель коммунизма, в качестве бонуса, мог использовать в личных целях своё служебное положение. Одним это сулило привилегии материальные, другим — духовные.

Строители — прорабы и каменщики — тащили на собственную дачу государственный цемент и кирпичи; бойцы общепита — недоеденные посетителями котлеты и гарнир; работники библиотек одаривали домочадцев завидным правом первыми читать новинки литературы.

Мама моя была преподавателем русского языка и литературы. Она приносила домой для проверки детские сочинения и лучшие оставляла мне в качестве образцов.

Нужно сделать анализ характеров из комедии Грибоедова? — Легко!

Герой нашего времени по Лермонтову? — Готово.

На любую тему у меня было на выбор несколько сочинений с оценками пять-пять: за грамотность и содержание. Оставалось только переписать без ошибок.

Дали на дом задание: написать сочинение по репродукции.

Блѣклая, махонькая иллюстрация в приложении к учебнику по русскому языку: на картинке безликий снежный пейзаж, группа деревьев в левом углу, словно мухи нагадили, и вдали с трудом угадывался поезд. Горе одно!

Классики литературы перед таким испытанием спасовали бы.

Чѣрный квадрат Малевича, изображающий лаз в неосвещѣнный деревенский подвал, и то несѣт больше информации.

Ладно. Нам не привыкать. Где там образцы сочинений?

Первое. Не пойдѣт...

Второе. Слабовато. Экспрессии не хватает. (Я бы поставил «трояк».)

Третье. Автор Маша Иванова... Ну что тебе сказать, ученица Иванова? Пять.

Всѣ аккуратно, без помарок, переписал и лёг спать, а фантазия бушует. Ассоциации одолевают. Отгоняют сон.

Машинист тепловоза на полной скорости ведѣт состав с оборудованием по сибирской железной магистрали. Он устал. Но там, в тайге, его ждут буровики. Стране Советов требуются нефть, газ, уголь. Медлить нельзя. Нужно успѣть сделать задел, прежде чем закрома родины, как карманы у младшего школьника, вывернет горстка олигархов...

Чувствую, как через приоткрытое окно кабины холодный ветер обдувает мне лицо.

Слышу бойкий, равномерный стук колёс: «Туда-туда! Туда-туда! Туда-туда!» Уже и не машинист, а я управляю поездом. Что есть сил кручу штурвал, уворачиваюсь от огромных скалистых утёсов и провожу поезд прицельно прямо между озёр, по одной колее. До пояса высовываюсь из окна, гляжу назад: все сто вагонов выютя следом, как хвост сказочного дракона.

Вот и палатки буровиков впереди. Довёл состав на сутки раньше намеченного срока. По дороге обогнал несколько поездов. Когда пролетал мимо, стрелочники махали фонарями и что-то кричали вслед. Видно, приветствовали...

Фу! Устал. Вторую ночь на ногах. Лицо испачкано мазутом. Руки в мозолях.

Но я счастлив! Ещё одно задание партии выполнено с честью.

Меня вечно тянуло к приключениям. Когда я давал себе зарок отсидеться в покое, вихрь событий забирался в мою комнату через замочную скважину и увлекал силком.

Тянуло в поход, на рыбалку, в тайгу, в пампасы!

По воспоминаниям друзей моего отца: «Сначала мы Сашку начали брать на охоту, потом он научился ходить».

Восходы. Закаты. Ночные неспешные костры. Тяжёлые дороги. Сладостные привалы. Слепые метели. Стужи. Весеннее ласковое солнышко. Охота на медведя...

Не знал я тогда, кто является Режиссёром-постановщиком этих картин.

Они волновали. Будоражили фантазии и чувства.

Однажды присушив, уже не отпускали.

Побуждали к творчеству.

В путешествиях главным моим наставником был отец, батяня, человек исключительно творческий и начитанный. Его друзья невольно становились и моими друзьями. Это были люди образованные, остроумные.

Сколько чудных вечеров после тугого дня мы провели в вековых, приземистых избушках. Сколько историй рассказано и выслушано.

Закадычный друг отца Владимир Борисович предлагает мне:

— Давай устроим конкурс на самый короткий детектив. Ты первый.

Я внимательно смотрю на него: не шутит ли? И ну придумывать: про бурого кровожадного медведя; про косматых лесных чудищ; про снежный буран, который уносит заснувших охотников от костра...

Но по условиям: острый сюжет должен быть краток. Как выстрел! Замолкаю.

— Теперь вы.

Борисович крепко зажмурил глаза. Болезненная гримаса неподдельного ужаса грубо перечеркнула лицо. Сам весь сжался:

— В воздухе раздалось отчаянное: «Ба-гтяааа... - ня-яаа!!! Ай!» — и всё смолкло.

Короче и, одновременно, трагичнее сюжета мне встречать не доводилось.

Мои начальные литературные наброски датированы концом восьмидесятых. К этому времени окончен сельскохозяйственный факультет. По распределению я попал в село. Стал писать короткие рассказы. Некоторые публиковались в газетах. Иногда их отмечали.

Первым из посторонних людей, кто заметил мою страсть к писательству, был Толик — водитель моего служебного бортового уазика. Именно ему принадлежат слова, которые потом оказались пророческими: «Писателя какого-то вожу, не главного зоотехника. В редакциях чаще бываем, чем на скотном дворе».

Я не нашёлся, что ответить.

Действительно, редакции районных и республиканских газет необъяснимым чудодейственным образом оказывались прямо на пути с одной фермы на другую. А главные редакторы периодических изданий становились моими духовниками.

Компьютеров в ту пору не было. Записывал текст от руки. Рукопись правил, переделывал по нескольку раз. Рисовал звёздочки. Вырезал лентами вставки. Вклеивал их. С учётом поправок

читал вслух. Затем набело перепечатывал на машинке. Стучал как дятел, ударяя одним пальцем по клавишам.

Материал до утра отлежится — опять нужна правка.

Иногда досада брала: «Сколько можно подправлять и переписывать?»

— Перепиши двадцать раз, и будет тебе счастье! — подбадривала мама.

Она оказалась права.

Я толком сам не пойму, как получилось, что не усидел в читателях. Видно, потребность откровенно высказаться оказалась сильнее. В итоге появилась первая работа под названием «Земное притяжение», написанная в жанре эссе.

В нём размышления о смысле жизни, о смерти, о добре и зле, об истине и правде.

Для подобных мыслей у нас в стране созданы тепличные условия.

Брюзга упрекнёт, что мы по смертности граждан и коррумпированности власти занимаем первое место, а по продолжительности и уровню жизни населения — последнее. Но у любой медали есть две стороны. Все эти обстоятельства способствуют развитию творчества.

Россия — земной рай для писателей!

И скрывать оборотную сторону нашей медали — преступно! Нет нужды выдумывать сюжеты. Полезные творческие ископаемые — прямо на поверхности. Добывай себе открытым способом. Персонажи, сюжетные линии — рядом.

Жизнь диктует, только успевай записывать.

Важной темой для меня стала судьба собственных родителей. Оказалось, она интересует меня куда больше, чем подвиги Александра Македонского. (При всём к нему уважении.) Книг и справочных материалов по истории своей родни не купишь. Их просто нет. Оставалось только написать. Так появилась повесть «Сплетение душ».

Пока работал над ней, заметил одну закономерность: чем труднее, опаснее, напряжённее складывались мои будни, тем легче, охотнее и образнее писалось. Искусство воплощения в слове настойчиво требует взамен или нереализованной страсти, или нужды и горя, или боли и страданий. Позже я узнал, что так происходило не только со мной. По словам Сергея Довлатова, «от хорошей жизни писателем не станешь!»

А Кодексом писательской чести мне по сей день служат слова Роберта Рождественского:

Пишите о главном,
пишите
о главном!
О главном!
На мелочь ни часа не тратьте ...
Пусть кровь
запульсирует в слове багряном
и очень горячими
станут тетради.

Пишите о главном!
Решитесь.
Посмейте.
Прислушайтесь
к сердцу
и с трусостью
сладьте.

Слово — мощный нематериальный актив! Убеждён, используя его силу, Россия возродится.

Но я не только созерцаю и стенографирую. Я созидаю.

Так сложилось, что все последние годы я связан с оборонным комплексом. Наш завод строит и ремонтирует военные корабли.

Поэтому я писатель действующий!

Мои рассказы — разновидность «креста». Без него идти тяжелей.
И есть ещё Вера... Вера в то, что нужно искать свой путь к Истине.
К Истине, единой для всех.
И давайте, дорогие читатели, идти шаг за шагом вперёд, в поисках её идеального воплощения.
Идти вместе!

P.S.

Пока готовился материал для книги, пришло сообщение:
народный артист СССР Вячеслав Тихонов решил снять художественный фильм по моему рассказу «Рукавичка».

Ваш Александр Костюнин — член Союза писателей РФ, фотохудожник,
а в миру

Председатель Совета директоров Стратегического предприятия России
ОАО «Судостроительный завод «Авангард»,
член экспертного совета по обороне при Председателе Совета Федерации ФС РФ

*

07.07.007 год, Карелия, г.Петрозаводск,

Ковчег души

Произведение в формате PDF с иллюстрациями вы можете скачать
на авторском сайте: <http://kostjunin.ru>

Свежести

Если бы кто-нибудь потребовал одним словом обозначить «атмосферу» книги «Ковчег души» Александра Костюнина, я бы употребил именно это слово – свежесть. Свежесть мысли и красок, свежесть письма, свежесть чувства Вселенной. Можно добавить забытые понятия: гуманизм, доброе отношение к человеку. Но, пожалуй, они входят в то одно слово. Ибо, во-первых, творчество писателя всегда свежо, во-вторых, в прозе последнего времени столько черноты, злости, нитья, уныния, что слово «свежесть» в данном случае обретает и своё первичное прямое значение.

Как всякий «природный человек», Александр Костюнин не стремится к новизне специально, неповторимость образа не создаёт искусственно. Всё выходит само собой. Он любит природу, любит без демонстрации эмоций. На уровне слова писатель владеет как чисто природной, так и напряжённо-умной лексикой, интонацией.

Такова же полифония его характеров и ситуаций. Он знает и теньевые, неприглядные, и самые светлые, солнечные, стороны жизни нынешних людей.

Отраднo, что в нашу прозу вошёл человек, обладающий чистотой, свежестью восприятия, – и при этом стоящий в русле большой русской литературы, её умной традиции: что мы тоже чувствуем (уж поверьте) по всей атмосфере всей книги.

*

14 сентября 2009 года

Владимир Гусев

Председатель Правления
Московской городской организации
Союза писателей РФ

От автора

Жизнь коротка, но мы вправе выбирать, на что потратить данное нам время. На что обменять каждый час, каждый подаренный день. Когда я меняю свою жизнь не на творчество — считаю, что прогадал.

И ещё.

Очень важно — ради чего художник берётся за перо!

С детства памятен мне лозунг: «Мой труд вливается в труд моей Республики». Эта книга — мой вклад в многовековой труд Карелии.

Моей малой Родины!

Республики, входящей в состав Великой Державы, имя которой — Россия.

Александр Костюнин

*

Петрозаводск, 2009 год

Совёнок

Владимиру Георгиевичу Бояринову

Когда мальчишки растут, то обычно предпочитают играть с мальчишками: в машинки, войнушку, в футбол... Девочек в свою компанию не больно-то любят принимать. Мой Серёжка такой же. Исключение сын делал только для одной девчонки.

Он называл её Совёнок.

Похожа...

Широко распахнутые выразительные глаза. Длиннющие реснички. Казалось, слышно было, как они хлопают. Махонькая, годика три. Серьёзная-серьёзная. Мать заплетала ей косички раз в неделю, очень туго, чтоб не растрепались. Девчушка замрёт, а голова крутится: вправо-влево, вправо-влево. Точь-в-точь совёнок. Косички следом — туда-сюда.

Поселились они с матерью в нашем доме прямо за стенкой, в однокомнатной квартире. Раиса работала продавщицей в угловом. Рыжие волосы до плеч, яркая помада. Многообещающий взгляд маслянистых глаз. Призывно-короткое платье в обтяжку, подчёркивающее стройную соблазнительную фигуру. Всегда открытая к общению. К ней частенько заходили мужики, оставались на ночь. Такая «прости господи» была... Во дворе Раису прозвали Кошкой.

Моё общение с соседями ограничивалось дежурным: «Здрасьте!» Я старался не обращать на них внимания, покуда не увидел сынишку на улице вместе с пацанкой.

Они строили в песочнице диковинный город. Девчушка, присев на корточки, лепила маленькими ладошками башенку дворца. Сын был старше года на три, а играл с ней увлечённо, не замечая разницы в возрасте.

Я важно подошёл, наклонился к Совёнку, протянул руку:

— Ну, давай знакомиться. Как тебя зовут?

Девчушка опустила голову, спряталась за панамку и стала демонстративно ковырять совочком землю.

— Так как же тебя зовут?

— Меня-то — ладно, а тебя?

Я представился.

— Мне мама с чужими дядьками не велела лазговаливать.

Озадаченно убрал руку:

— Разве я чужой? Мы теперь соседи.

Она внезапно вскочила, уставилась вдаль:

— Тлл-лактол! — и брыкливо поскакала прочь.

Я мучительно искал взглядом тяжёлую технику, но улица была пуста.

— Да пукнула она, — истолковал Серёжа загадочные действия своей подружки.

Так мы с Наташкой и познакомились.

Дом наш стоял в центре провинциального городка.

Двухэтажный, кирпичный, благоустроенный — роскошь по тем временам. Во дворе — уголок чарующего леса-сада. В центре плечистые сосны поддерживают своими кронами небо. Рядами — кусты чёрной смородины и сирени. По соседству, за высокой сетчатой оградой, большущий школьный приусадебный участок. Весной-летом птицы щебечут, поют залиvisto на разные голоса. Выйдешь на улицу — благодать! Гремящих трамваев да гулких троллейбусов нашему городишке не полагалось по статусу. Маленький ещё! Идёшь по центральной улице, сделаешь шаг в сторону, юркнешь под широкий навес тополиных листьев, проберёшься сквозь густые заросли черёмухи — и сразу окажешься на тихой заповедной полянке перед жёлтеньким домом, словно в далёком оазисе.

Снаружи наш жизнерадостный домик-одуванчик казался сказочно-солнечным. Но в жизни как: если с одной стороны светит солнце, с другой — обязательно мрак.

Жильцы хорошо знали, что скрывалось за нарядным фасадом.

Уютная обитель была возведена на месте бывшей помойки. При спешном строительстве нижние кирпичи укладывались прямо на грунт и дом на глазах вращался в землю. Стены, потолок при движении вниз запаздывали, пол опускался быстрее. Между полом и стенами появлялись щели. Сперва небольшие. Их старательно заделывали цементным раствором, но они расширялись всё больше и больше, и уже никакие замазки не могли залатать непокорные бреши.

Данное обстоятельство устраивало большинство исконных обитателей дома — огромных серых крыс. Они не были прописаны здесь, хотя проживали на полных правах. Это нас подселили к ним. Свалка, где они раньше безраздельно хозяйничали, стараниями горожан обрела крышу в виде нашего дома. Им стало теплее, сытнее, интереснее: ночью, в поисках пищи, они проникали в шкафчики на кухне; деловито копошились в помойном ведре; через прорехи в стенах с топотом носились из квартиры в квартиру, пробегая по телам спящих людей. Серые полчища под полом пищали, гужевались, устраивали оргии. В первые годы мы пробовали с ними бороться. Подсыпали в углы пищевую приманку с ядом. Крысы в катакомбах дохли, и смрад в доме стоял такой — хоть на улицу беги!

Завели Маруську. Однако проявления у неё охотничьих инстинктов не дождалась. На уме у кисули было одно. Любой месяц ей — март. Про своих котят она скоро забывала и — по новой, слушать оратории похотливых котов.

От конфронтации с крысами пришлось перейти к мирному сосуществованию.

Нашим детям дырявый дом тоже нравился, обогащая их жизнь приключениями. Не будь щелей, им пришлось бы общаться привычным дедовским способом, преодолевая дверные заслоны. А для этого усилий-то сколько нужно? Сначала спросишь у родителей разрешения сходить в гости. Услышишь в ответ: «Уроки сделал?!» Сделаешь уроки, обуеешься, накинешь куртку, выскочишь на стылую площадку, долго названиваешь в соседнюю квартиру, перетаптываясь от холода с ноги на ногу, дождёшься, когда Совёнок откроет дверь...

А её мама не пустила!

Через щели общаться было намного удобнее.

Без таможни, границ — напрямую. При этом ускоренно развивались как культурные, так и торговые связи. Характер товарообмена содержательно менялся в зависимости от возраста населения. Вначале ребята передавали совочек, зеркальце, яркие фантики, пупсиков. Затем, уже в школьном возрасте, — книжки, карандаши, альбом с семейными фотографиями, коллекцию марок. Когда Совёнок научилась писать, в оборот пошли записочки.

Дети подрастали.

Совёнок пошла в первый класс. Ходила важная, с огромным ранцем, с пышными бантами в светло-русых косичках. Мамаша проводила её до школы один раз, и на том провожания закончились.

Мой Серёжка каждое утро дождался Совёнка во дворе, заботливо брал за руку, и они торжественно шествовали в храм науки. А то ещё тетрадки с домашним заданием проверит. Сын опекал её без понуждения, охотно. Она благодарно молчала в ответ.

Я был уверен: с возрастом у Серёжки прихоть нянчиться пропадёт. Но время шло, а ничего не менялось. По мне, лучше бы он крепче за науку цеплялся, лишний раз книжку в руки взял. Прежде надо устроить свою судьбу, выучиться, твёрдо встать на ноги. Чтоб всё было как у людей.

Осень с холодами принесла ранние сумерки. Низкие тучи, когда пустые, когда с дождём, накрывали город. Дети теперь встречались реже. Раиса отдала дочь в «продлёнку», забирала последней. И Серёжка занят допоздна: пока из школы придёт, пока сбегает за хлебом, приготовит уроки — на дворе темно. Гулять не пускаем. Перед сном нужны спокойные занятия. Всё складывалось удачно, одно к одному.

Было видно: скучал он по ней...

А у Раисы — в ночь-полночь «карусель»! За стеной только ещё пробасит мужской голос, только начнётся перезвон гранёных стаканов, я уж точно знаю — сейчас соседка промурлычет:

— Натуся, зайка, пойдёшь погуляй! Поиграйся!

И Наташку, как бездомного котёнка, — за дверь.

Да ещё бросит вдогонку:

— Шапочку завяжи, чтобы ушки не надуло!

Выйдешь на улицу покурить, встанешь у подъезда, поёживаясь от стылой вечерней слякоти. С тополей, тяжело кувыряясь, облетают последние усталые листья. Они ложатся на землю и обретают покой. Тусклый свет голубого окна едва обозначает готовую к снегу скамеечку. А в глубине двора — монотонно-прерывистое металлическое повизгивание: Совёнок качается на качелях.

Этот унылый скрип в чёрной тишине щемит душу.

Безотцовщина... Судьба девочки была очевидна. На дикой яблоне ничего не может вырасти, кроме дичка.

Как правило, «прихожане» у Раисы дольше одной ночи не задерживались, а тут... В феврале было. Заходит Совёнок. Сиротливо встала у двери, вид потерянный. Молчит. В безвольно опущенных руках — портфель. Какая она первоклашка?! Кнопка совсем.

Мой Серёжка встревоженно:

— Ты чего?!

Совёнок, не поднимая головы, пробубнила:

— Мамка сказала, завтра к нам дядя Жора переедет. Насовсем...

Сообщила и ушла. Серёжка схватил пальто, шапку и, на ходу одеваясь, выскочил следом.

Жорку Захлыстина знали. Тщедушный такой, занозистый... Несколько судимостей за плечами. Недавно освободелся.

На следующий день я засиделся на кухне с бумагами. Мои уже спали. Время от времени включал электрический чайник. Стараясь не греметь, подливал в заварник кипяток, помешивал ложечкой в стакане тающий сахар, не отвлекаясь от чтения, пил. Горячий терпкий напиток отгонял сон.

А за стенкой у Раисы — гульба... Через щель слышимость такая, что шёпот различим, а тут пьяные голоса, да на повышенных тонах.

— ...Жорка, ай!.. не приставай!

Раздался гогот, послышалась довольная возня. С пронзительным звоном что-то упало. Чавкающие чмокания перемежались с придыханиями Раисы:

— Да... стой ты... дочка... не спит. Слышь, пусти!

На минуту всё затихло. Затем откупорили бутылку. Гранёными стаканами глухо чокнулись, изобразив подводные карельские камушки. Не тостуя, выпили. Запахло огуречным рассолом. Мужской голос, заплетаясь, прогнусавил:

— Огурцы ни-ничего. Пошли в кровать.

— Дочка рядом, не буду!

— Пусть на кухне сидит.

Они с топотом подались в комнату, оттуда грубый окрик:

— Марш на кухню! Дай с матерью поговорить!

Раиса, играя в поддавки, согласно прыснула от смеха. Девчонка спросонья захныкала, послушно поплелась. Я тихо метнулся к настенному выключателю. Стало темно. Только там, где щербатая стена не достигала пола, пробивалась полоса света. Чёрные тени Наташкиных ног протянулись ко мне через щель до плинтуса, причудливо изогнулись, стали подрагивать. Наташка безутешно, горько плакала. Тени пропали, шаги стали удаляться...

Минутную ночную тишину разорвал пьяный рык:

— Ах ты, падла!..

Громкий топот, частое шлёпанье детских ножек.

Истеричный плач Наташки грубо ворвался через брешь. Я старался не дышать, чтобы ничем не выдать своего присутствия. За стеной захлопали дверки кухонных шкафчиков, зашуршала бумага, и на пол что-то посыпалось, словно бусы порвали.

— На колени!

— ...Дядя Жора, я больше не буду! — умоляла Наташка.

— На горох вставай... Сбежишь — убью!

Послышалась возня. Девочка приглушённо мычала. Я, как зачарованный, уставился на жёлтую полосу света и вдруг увидел: из щели выскочила... крупная сухая горошина. Покатилась по полу, ткнулась в мой тапок.

Пытаясь избавиться от неудобного состояния, поднялся и на цыпочках, чтоб не скрипнули половицы, вышел из кухни.

Наутро Серёжка, как всегда, дождался Совёнка во дворе, взял у неё портфель, и они потянулись к школе. Сын вернулся с уроков расстроенный. О причине я догадывался, потому не спрашивал.

Забудется со временем...

Вечером он достал любимую книгу, подушечку-думку, поставил на пол лампу, выключил большой свет и лёг на тканый половичок. От печки приятно потягивало теплом. Я сел на пороге, закурил, с интересом посматривая на сынишку. Маруська, наша рыжая радость, поластилась к нему, растеклась на груди. По ту сторону пограничной стены кряхтела Наташка, тоже устраиваясь поудобнее. (Видно, заранее условились!)

— Давай я тебе вслух прочитаю, — предложил сын.

Совёнок кокетливо возразила:

— Нет-нет, Серёжечкин... Ты лучше что-нибудь расскажи... Какую-нибудь сказку.

— Про что?

— Про вашу Марусю.

Из щели появился тонкий берёзовый прутик, начал зазывно подрагивать перед самым носом кошки. Та нехотя махнула лапой и застыла, не сводя взгляд с прутика.

Мечтательно подперев ладонью подбородок, сын облокотился на подушечку:

— Сказки я умею только читать.

— А ты не знаешь, почему мою маму во дворе называют «Кошкой»?

— Не-ет.

— Потому что она самая-самая ласковая. Вот! Хочешь, я расскажу тебе свою сказку? Я сочинила её прошлой ночью.

— Ты придумала сказку? Сама?!

— Да-а. Рассказать?

— Расскажи, интересно.

Сын прижался щекой к мягкому урчащему телу кисули и приготовился слушать.

За стеной, будто за кулисами театра, детский голос таинственно промолвил:

— Жила-была на свете... маленькая девочка...

Сказительница вздохнула... и продолжила:

— Жила она с мамой за тридевять земель в сказочной долине, в маленьком белом домике. Была девочка очень-очень красивая. Её длинные вьющиеся волосы — цвета солнца. Ходила она всегда в красных башмачках и белых чулочках. А в той стране хозяйничали огромные злые крысы. Никто-никто не мог с ними справиться. Она страшно боялась крыс... потому, что у неё не было папы. Ты не думай, это я не про себя рассказываю.

Сын промолчал.

— Ту девочку звали Айгу — по-карельски значит «время». Айгу помогала маме по хозяйству: пасла овец, ходила с маленьким ведёрком по воду к ручейку. Мама пряла пряжу, а она сматывала нитки в клубок и по воскресеньям отправлялась в соседнюю деревню продавать красивые вязаные рукавички и носочки. Домой приносила вкусенькие карамельки. Наступал вечер, мама укладывала доченьку спать, гладила её по длинным локонам и нараспев говорила ласковые слова...

— Колыбельную пела...

— ...А сама грустная такая. Когда Айгу ходила на ярмарку, она заметила, что у всех-всех ребят есть не только мама, но и папа. И однажды Айгу спросила:

— Мам, а где мой папа?

У мамочки появились на глазах слёзы, она обняла доченьку и открыла ей страшную тайну: у Айгу тоже был свой папа, но злые крысы унесли его за высокие чёрные горы, когда она ещё совсем-совсем маленькая. Тогда мама оставила девочку на соседней и смело пошла по крысиному следу. Долго шла. День шла. Ночь. Привёл след к подножию самой высокой горы... Тебе интересно?

— Что дальше-то было?..

— ...привёл след к подножию высоченной страшной горы. А рядом стояла маленькая ветхая избушка. Мама постучалась в окошко, и к ней вышла добрая волшебница. «Я знаю о твоём горе, — сказала она. — Сама ты не спасёшь папу. Возвращайся домой, назови дочь именем

«Айгу», и только когда она сама спросит о папе, выпей этот настой — фея дала маме изумрудный пузырьёк, — ты превратишься в кошку. И сразу, вместе с Айгу, приходи сюда, к высокой скалистой гряде. Крысы живут за ней. Там они и держат в заточении пленника. Раз в день, едва солнце коснётся вершины, огромные челюсти горы раздвигаются, одна половина её поднимается вверх, и появляется громадная щель. Бегите через неё на другую сторону хребта. В это время все крысы уходят на равнину за добычей. Коли до захода солнца вы не успеете папу спасти, гора снова опустится, челюсти сомкнутся, и вы навсегда останетесь в царстве крыс. Помни об этом!».

— Ты взаправду, что ли, сама это выдумала? — изумился сын.

— Слушай дальше!

Совёнок шумно завоёхалась:

— Мама вернулась домой, назвала доченьку именем Айгу и стала ждать. В тот вечер, когда девочка впервые спросила о папе, она достала волшебный пузырьёк, выпила настой и превратилась в рыжую кошку. Вдвоём они отправились к дальним кручам. Шли день. Шли ночь. И дошли до зловещей горы-громады. Стали ждать.

Ночь постепенно растворялась в дне. Край солнца выглянул из-за сонной вершины. И тут раздался страшный грохот. Земля и скалы задрожали. Камни поднялись, и в горе открылась огромная чёрная щель. Узенькая тропинка ускользала вглубь. Зелёные кошачьи глаза хорошо видели в темноте. Кошка смело побежала вперёд, девочка за ней. Они пробирались между камней, берегами подземных озёр, пока пещера не закончилась. Вышли они из-под каменного свода и попали в густой дремучий лес. Деревья повалены друг на друга. Везде паутина. Сырость. Мрак. Солнышка там нет, одни светлячки своими огоньками-фонариками подсвечивают. Тропинка вела, вела их и привела к развалинам старинного заброшенного города. Куда дальше путь держать — не знают. Если не успеют до захода солнца, навеки останутся в сером царстве.

Неожиданно одна из чугунных дверей стала медленно, с тяжёлым скрипом, отворяться. Кошка и Айгу зашли внутрь. Смотрят: на большом деревянном помосте, укрытом шкурами крыс, сидят папа Айгу и красивый юноша. Не шевелятся. Глаза закрыты. Заколдованные потому что. Рыжая кошка прыгнула на помост. Обошла вокруг них трижды и, проходя мимо, каждый раз задевала их своим хвостиком. Пленники ожили, спрыгнули на землю и вместе с кошкой и девочкой — вон из крысиного царства.

Сказительница замолчала. Сделалось тихо.

Сын нетерпеливо:

— Ну?!.. Дальше!..

— А дальше я ещё не придумала. Но всё обязательно кончится хорошо. Не может дальше... нехорошо, ведь Айгу нашла своего папу. Главное, теперь они вместе: мама, папа, Айгу и... юноша.

Сын восхищённо захлопал в ладоши, воскликнул:

— Наташка, ты настоящая артистка!

Следующим летом подошла наша очередь на новую квартиру. Покидая «живой уголок», расставаясь с непутёвыми соседями, я и не пытался скрыть радости.

Что там потом стряслось у Раисы, точно никто не знал. Говорили, серенький котёнок, которого Совёнок подобрала на улице, напрудил Жорке в кеду. А у того суд скорый: на глазах у ребёнка он схватил живой комочек и — об угол плиты. На мать руку поднял... Нервное потрясение оказалось настолько сильным, что девчонка потеряла дар речи. Сожитель у Раисы долго не загостился, а Наташка так и осталась немой. Навсегда.

Может, болтали?..

...Прошли годы. Серёжка, несмотря ни на какие уговоры, поступать в университет отказался. У нас в городке окончил простое училище, отслужил в армии. И вот однажды, ранней весной, мы собрались на выходные в деревню. Сын обещал приехать позже... Не один, с невестой. С женой гадали-гадали: «Кто избранница?»

Я отправился на остановку встречать. Беспokoйно маялся у обочины, курил до того момента, пока на дороге, вдали, не показался рейсовый автобус. Я заметил ребят через боковое стекло: Серёжка стоял, положив руку на плечо невысокой хрупкой девушке. Сын был сдержан,

девушка мельком глянула на меня, смущённо улыбнулась и склонила голову. Её лицо показалось мне знакомым... Словно где-то раньше я видел эти огромные выразительные глаза.

Я шагнул навстречу, взял у Серёжки сумку, с интересом разглядывая спутницу...

Совёнок?!

После секундного замешательства наигранно-весёлым голосом выдал:

— Ну, здравствуй, Наташа! Совсем красавицей стала.

Она засмушалась, ещё теснее прижимаясь к Серёжке.

Мы добрались до своротки, что вела к нашему хутору. Спустились в тенистую ложбину. Тропинка держала плохо. То одна нога, то другая временами проваливалась, оставляя после себя в талом снегу глубокие лунки. Подошли к дому.

Стол накрыт, сели, завели разговор о погоде. Весна сей год была дружной, говорливой. Мы шутили. Натянута смеялись. Молчали. Переглядывались. Изучали Наташу. Совсем не похожа на мать: светло-русая тяжёлая коса через плечо, тонкие аккуратные черты лица, яркий румянец на щеках, милая улыбка. Бездонные, зелёные с карими крапинками глаза светились любовью к Серёжке.

Я взял вёдра, пошёл за водой. Не столько по надобности — хотел с мыслями собраться. А мысли в голове крутились разные... Вспомнил: соседка по старому дому видела их вместе, но тогда мне не захотелось в это верить.

Сел возле колодца на остывшую лавочку, закурил. Солнце удалилось на покой, укрывшись тучным небом. Вечерний морозец подсушил снежное месиво, превращая его в ноздреватый колючий панцирь.

После переезда из крысиного дома я и думать не думал про этих соседей. А мой Серёжка, видно, занозился. Не забыл своего Совёнка. Получается, после отъезда они встречались, дружили. Дела... Нам только невесты-инвалида, подранка только не хватало. Нужно спокойно объяснить, что она не пара ему. Я затушил сигарету, вдохнул полной грудью весеннюю свежесть и, зачерпнув воды, уверенно зашагал к дому. Ситуация теперь не казалась мне безвыходной. От найденного решения на душе сделалось спокойно.

За столом в комнате в уютной тишине пили чай. Деревенская кошка дремала у Совёнка на коленях, благодарно взмуркивая в ответ на почёсывание.

Я встал в дверном проёме:

— Наташ, а чем закончилась твоя сказка? Про Айгу-то, помнишь?

Совёнок всем телом подалась вперёд, попробовала ответить сама, но лишь некрасиво замыкала... Страдающее усилие исказило её лицо. Щёки запыхали огнём. Она стала что-то торопливо, взволнованно объяснять Серёжке жестами и мимикой.

Сын несмело перевёл:

— Наташа говорит, что своего принца нашла и хотела бы... называть папой... тебя. Потому что ты добрый, хороший... Если ты, конечно, не против...

Мне словно душу оголили... Я почувствовал, как из неё с болью... выкатилась... крупная сухая горошина.

— Я... что я?.. Лишь бы вам было хорошо...

И будто... тяжёлый гнёт свалился с плеч.

Свалился тяжёлый гнёт...

Да, эта девчонка — волшебница!

Она предложила писать продолжение сказки всем нам. Кто знает, может, настоящие, счастливые сказки в жизни так и слагают. Вместе...

А невестка...

Станет нашей — будет хорошей!

*

Петрозаводск, 2008 год

Двор на Тринадцатом

Повествование в рассказах

Посвящается
Владимиру Борисовичу Григорьеву

Когда уходит детство

*На... златом... крыльце... сидели... царь... царевич...
король... королевич... сапожник... портной... кто... ты...
будешь... такой... говори... поскорей... не... задерживай...
добрых... и... честных... людей.*

Детская считалочка

Число «тринадцать» для меня счастливое. Судите сами: родился тринадцатого декабря; номер на мотоцикле — «13—13»; детство и юность прошли в Кочкарёвском дворе на Тринадцатом...

Из нашей дворовой компании я самый младший. Пацаны успели отслужить, а мой призыв только следующим летом. Двор всех провожал и встречал. Он, точно живой организм, ждал с нетерпением каждого своего воспитанника, однако вынужденную разлуку с одним из них переносил особенно тяжело.

Кочкарь.

Это он «качал макуху» у нас во дворе. Это он был, как стали говорить много позднее, «неформальным лидером» и авторитетом для всего Тринадцатого района. Это в его честь на нашем воображаемом, победоносном знамени золотыми буквами горело: «Кочкарёвский двор»! Уже своим внешним видом Кочкарь выделялся: высокого роста, крепкий, с открытой, доброй улыбкой на светлом лице. Всегда с гитарой. Это был наш оберег и наша вера!

Кочкарь демобилизовался из рязанской дивизии ВДВ тоже тринадцатого, июня...

Был выходной. С утра я выкатил из сарая новенькую «Яву» и по привычке холил её: протирал чистой фланелевой тряпицей отливающие никелем детали, и без того сверкающие фару, стекло спидометра, зеркала, фонари. Солнечные зайчики весело прыгали рядом. Стараясь ни капли не уронить на любимого «коня», долил топливо в бак. Слегка качнул рычаг стартера. Двигатель, измаявшись ожиданием, с явным удовольствием заурчал.

Ночная прохлада освежила липкую, мясистую листву тополей, она пахла остро, терпко. День обещал быть жарким и, похоже, душным.

Кочкаря я заметил сразу: заломленный на затылок голубой берет, солдатский ремень с бляхой из квадрата солнца, на груди парадным строем значки, широкая поперечная лычка на погонах, в открытом вороте кителя — десантная тельняшка с чередующимися полосками: голубыми — указывающими, что обладатель сего спустился прямо с небес, и белыми — символизирующими чистоту помыслов. Он шёл из-под солнца прямо ко мне, в проёме двух домов. Неспешно, уверенно. И родной двор казался тесен ему в плечах.

Я бросаюсь навстречу...

— Вовка, здорово! — Кочкарь, едва скрывая волнение, ставит на землю спортивную сумку. Стальной рукой сжимает мне ладонь. — Ну вот и дома...

Смущённо улыбаюсь в ответ и молчу. Кочкарь подходит к скамеечке под тополями, раскидисто садится. Я опускаюсь рядышком.

— Володь, сгоняй за Ниной! Она не знает, что я вернулся, — Кочкарь окидывает долгим счастливым взглядом двор. — Хотел... как с неба свалиться.

— Сгоняю. Я мигом! — Через силу отрываясь от него, иду к мотоциклу.

Из дома с восторженными криками, широко распахнув объятия, выскочили Витяня и Гера.

Двор наш — десять домов. Все деревянные, с печным отоплением.

Двор для меня — это прежде всего характерные запахи...

По краям друг на дружке — сараи, дровяники. После зимы там тень. Снег тает поздно. Идешь мимо — ноздри щекочет влажный запах свежепиленных осиновых и берёзовых дров. В

поленницах принято ховать всякую всячину. Руку туда так и тянуло. Сунешься — хоп — пачка сигарет! В карман её. Потом выясняется: Витяня схоронил, чтобы домой не тащить.

Зимой построили новый двухэтажный сарай.

Доски неструганные, жёлтые, свежие. Вдыхаешь аромат — не надышишься! Ходишь по коридору вдоль кладовок, принимаешься. Если какой-то запах исчез, проверяешь: что изменилось? Благоухание солений — это у Кипрушкиных огурцы в бочке солёные. У Вороновых сын увлекается физикой — изнутри несёт электричеством, лаком, канифолью. Навесной замок гвоздиком ковырнём... Посмотрим, покрутим новый приборчик, он обязательно действующий — вертушечка под стёклышком — на место поставим.

На втором этаже сарая веранда и скамейка на всю длину. Сторона на юг. Лужи во льду, а здесь от стенки печёт. Ноги на перила. Едва шевелимся. Млеем под очумевшим апрельским солнцем, словно мухи после зимней спячки. Возьмём увеличительные стёклышки и выжигаем каждый своё: кто бородавки на руке; кто — тупо — дырку в доске; кто наведёт лупу на коленку задремавшему приятелю, сфокусирует солнечный жар в одну точку и... скромно отойдёт. Через пару минут ткань прогорит и как кусит: «А-аа!»

Я выжигал на стене: «Вова + Женя».

Пахло автомобилями...

Наши ведомственные дома принадлежали двум автоколоннам: грузовой и автобусной. Жили здесь в основном шофёры. Отец работал на «Колхиде». Сосед — на грузовой дизельной «Шкоде». Он заезжал во двор и не глушил её никогда. Конечно, пахло солярой.

Может, кто обращал внимание: водители среди обычных людей заметно выделяются: они шустрее, пронырливей, в технике разбираются. Весь Тринадцатый — моторизованный район. У каждого в сарае если не мотоцикл, то хотя бы мопед. Но если у других — «Минск», у нас — «Ява»; у них — «Восход», у нас — «Чезет». Кочкарёвский двор был самым продвинутым во всём. В любом деле.

Помню запах курева...

Решили мы с Саней стать взрослыми. Самый короткий путь к этому — закурить. Пробовали сначала хабарики — не понравилось. Решили купить сигарет. А как купишь? В магазине никто не продаст. Деньги проходим суём — отказываются. Наконец дошло: можно купить самим, открыто, но только не одну пачку — сразу несколько. Заходим в магазин, вид подневольный, и продавщице: «Папка послал сигарет купить!» Она пересчитывает монеты, взамен кидает на прилавок пять пачек «Северных» по шесть копеек. И пошли мы становиться взрослыми в дальний сортир. Саня щегольски зажигает спичку о задницу. Прикуриваем. Чадим сигарету за сигаретой. Не взятяг, просто: «Уу-ф — фу! Уу-ф — фу!» Как стало нас выворачивать... Я-то в сознании остался, а Саня не помнил, как домой попал.

Никогда не забудется и запашина новогодних каникул... Что ты!..

Новый год — король всех праздников. Но я почему-то наступления Нового года в детстве побаивался... К его приходу морозы крепчали, и наш благо-устроенный туалет замерзал. Батя привычно бежал на второй этаж, умолял соседей не пользоваться канализацией и вызывал ремонтную службу.

Прибывает машина, в кузове — печь с паровым котлом. В топку, рады стараться, закидывают дрова, поддерживают огонь. От парового котла протягивают к нам в квартиру шланг, и горячий пар под давлением подают прямо в унитаз. Квартира заполняется воньким, густым, тёплым туманом. Нечистоты весело разбрызгиваются. С улицы, через открытую входную дверь, заползает лютый мороз. Мои младшие брат с сестрёнкой безутешно громко плачут, упорно не желая разделять праздничного настроения всей советской страны. К бою кремлёвских курантов мать еле успевала всё убрать и намыть.

Вселившись, вонь неохотно покидала наше жилище. И оттого формула запаха Нового года для меня никогда не была простой: только мандаринов, только шампанского и бенгальских огней. Всегда навораживался целый букет.

Хорошо помню запах близкой махаловки...

Источником являлся младший брат Кочкаря — Джуди. Прозвали так в честь обезьяны: в кино про неё насмотрелись, знали. Джуди сутулый, руки длинные-предлинные, ниже колен. И

огромные кулачищи. Шубутной. Ему — слово поперёк, Джуди — в драку. Одно время увлекался боксом. Азы освоил, секцию бросил. Мужик мимо идёт, он подскочит, шваркнет в торец. Не то, что ему подраться хотелось, просто удар отработывал. А в душе рубаха-парень, добряк.

Постоянно мне объяснял:

— Вовка, смотри. Раз! — его правая рука чугунным молотом вылетает вперёд, едва не задев мне шнобель. — Да смотри ты: рука прямая. Она должна составлять одну линию с кулаком. Ты понял?!

— Понял! — в подтверждение киваю часто и мелко.

На его защиту я мог рассчитывать всегда. Ему не важно: перед ним один человек или толпа. Ежели обидели салаг — меня или Саню, — Джуди в разборке первый.

Не в силах забыть я и запах наших дворовых игр.

Летом целыми днями играли: в «казаки-разбойники», «кислый круг», в «ножички», «лапту». Но самая любимая игра — «прятки».

Вот уж чего-чего, прятаться было где. Мой отец рассказывал, что у них в детстве эта игра называлась «прятанки» или «хоронки». Встаём в круг. Вместе с девчонками нас человек пятнадцать. Выбираем водящего. На него считалочка сама укажет: «На... золотом... крыльце... сидели... царь... царевич... король... королевич... сапожник... портной... кто... ты... будешь... такой...»

А у Сикоси свой репертуар. Он тыкает грязным указательным пальцем в каждого по очереди и радостно выкрикивает:

— Шишел... мышел... пёрнул... вышел... — на последнем слове грубо выталкивая водящего из круга. — Саня, ты вада!

Саня послушно идёт к телеграфному столбу посреди двора, отворачивается и громко начинает считать до тридцати. И напоследок:

— Раз, два, три, четыре, пять. Я!.. Иду!.. Искать!..

Пока он считает, все разбегаются, прячутся. Я несусь между сараев к заветной прятке за поленницей. В ней впору укрыться только одному. Если вада идёт, его можно подпустить почти вплотную, неожиданно выскочить и добежать до столба первым. Ветром лечу, а впереди меня Женька из соседнего двора: сиреневое платье, прыгают по сторонам золотые косички. Она несётся между сараями и — юрк! — на моё место. Кругом голая стена... Не успею спрятаться! Сейчас Саня обернётся, застучает меня... Я — следом за Женькой. Сильно толкаю её, прижимаюсь к ней всем телом. (Женька эта уже давно нравится мне.)

Несмело:

— Ты чего сюда?

Она раскраснелась. Молчит. Смотрит в глаза, сдувает непослушные волосинки с лица. Моя правая рука случайно оказалась у неё прямо на сердце. Оно стучит часто-часто.

— Кто не спрятался, я не виноват... — кричит вада.

Я крепче прильнул к Жене.

Она закрывает глаза, задерживает дыхание. От неё сладко пахнет карамельками. Наклоняюсь к её лицу, неумело тычусь в приоткрытые губы. Всё происходит так неожиданно, впервые... В смятении отпрянул, сделал шаг назад.

— Вовка, туки-туки вада! — бдительный Саня опрометью бросается к столбу.

Он ещё полчаса бежит по закоулкам, пока всех не застучает или не пропустит.

В тягучем томлении машинально передвигаю ноги, не замечаю никого. Смотрю на своё тело со стороны... не могу в него вернуться.

Где-то далеко-далеко зовут vadить меня...

За шоссе Первого Мая — железная дорога. Чадят паровозы, разит сгоревшим углём. Железку перевалишь — Рыбка. Летом на Рыбке день-деньской гомон, толкотня. Маневровый паровоз подаёт в тупики и выводит товарные вагоны, лязгают сцепки. Мелькают с накладными экспедиторы, по деревянному перрону топают кирзачами рабочие, трещат откиннутые в сторону сломанные ящики, газуют отяжелевшие машины.

К грузчикам подходим ватагой:

— Дяденьки, дайте арбузика...

Мужики дармовыми-то фруктами объелись — глядеть не могут. Щедрые. Выберут арбуз побольше:

— Берите, пацанва! Не жалко... — хохочут. — Только в штаны не напрудоньте!

Мы вдвоём на опущенных руках тараним эту ягодину за вагон, точно над рельсом выпускаем из рук — арбуз под своим весом азартно крикает, разламывается. Мякоть сладкая, бордовая, сочная. Семечки чёрные натканы по кругу. Сидим на рельсине, всей моськой в сердцевину погрузившись... Посасываем, чавкаем. Уши шевелятся, как у помойных котов. Отпрянем — сок так и струится с носу, с подбородка, со щёк. Аж дыхание от восторга сводит!

Сикося из нас самый старший. Ему пятнадцать.

Отец у Сикоси уголовник. С ними не жил, всё по тюрьмам... Мать, тётка Соня, по ночам гнала самогон, приторговывала. Аппарат и готовую продукцию прятала в сарайке. Каждый наш сарай имел порядковый номер, но никто его не подписывал. Только у них на двери чёрной краской выведена цифра «13». Деньги в этой семье водились всегда. Имелось «рыжьё». Двор это хорошо знал. Знали мы и то, что на своём добре тётка Соня помешана... Их сарайку обходили стороной. Сикося обычно не дружил с нами, а подваливал к нашей компании, когда считал: «выгодно». Мы к нему тоже не тянулись. Он ушлый какой-то... Наглый. Наевшись до отвала арбуза, мы смущались или хотя бы старались не выставлять напоказ свою физиологию. Сикося же лыбился, обнажал редкие гнилые зубы, потряхивал музыкальным задом и философски приговаривал: «Писыки без пердыки, как свадьба без музыки».

Как-то раз мы сходили к вагонам неудачно. Ничего не обломилось. Тащимся понурые восвояси. Идём мимо огромных складов, и тут Сикося, вкрадчиво так, предлагает:

— Эй, салаги, хотите сладостей?

Мы наперебой:

— Хотим! Хотим! — сами вопросительно смотрим на него. — Где?!

— Я знаю! Пошли?

— Пошли...

И ведёт нас уверенно.

Часов в ту пору никто не носил, но знаем: хоть светло, рабочий день кончился. На территории никого нет. Нас человек восемь, кто постарше, кто помладше. Разбег в возрасте — пять—шесть лет. И габаритами мы здорово отличались.

— Тут!

Сарай деревянный, высокий. Двустворчатые ворота, чтобы машине заехать, под воротами лаз — футбольный мяч пройдёт с трудом.

— Кто смелый?

Гера ложится на живот, бестолковкой в щель тычется — никак. Пролезть может только самый мелкий. Все уставились на меня. А на мне сандалии девчоночьи, зелёные. (Стою, как простофиля!) Говорил ведь матери... У всех ребят настоящие мальчишеские плетёнки. А эти закрытые, с рр-рантиком, дыр-рр-рочками, с глупой застёжечкой сбоку...

— Вовка, ты пионер? Давай первым!

Я быстренько — нырсть в склад. Выбираюсь по ту сторону ворот. Встаю, оглядываюсь: «Ёк-макарёк!..» Ящики кругом и коробки, коробки, коробки... целый склад. Потолок высоко-о. И запах: дурманящий... сладкий... вафельный. Хожу между рядами, задрал голову, озираюсь.

Сикося мне с улицы:

— Ну, что там?

— Коробки...

— Читай, что на этикетках написано...

Прочитаю, подбегу к воротам:

— Вафли, печенье...

— Дальше смотри!

Я опять в глубь склада. А там сумерки: свет проникает только через щели в стенах да под воротами. Рву коробки, нащупываю пальцами содержимое и бегом с донесением к Сикосе:

— Пряники! Мармелад!

— Не то. Пошарь в другом углу... ищи повкусней!

Глаза понемногу привыкают. На одной наклейке пытаюсь разобрать: буквы русские, название — чужое. Ни разу такого не слышал. Не могу прочитать, бегу к воротам:

— Нерусское слово какое-то.

— Тащи сюда.

Волоком подтаскиваю коробку к самому проёму.

— Читай!
— Каа-рра-кум... «Кара-кум» какой-то. Конфеты.
Сикося довольный:
— Неслабо!
Пихаю коробку под ворота, они оттуда тащат — не пролазит.
— Сминай!
Прыгаю на ней, не хватает веса смять — лёгонький.
— Открывай, по карманам рассуём.
Разрываю картонку:
— Здесь тоже коробочки...
— О! Подарочные конфеты.
Передаю ему.
— Всё, харэ! Затарились.

Выбираюсь наружу, коробки под рубахи — и дёру. Добегаем до забора, один за другим — в дыру, к железной дороге. За насыпью — Парк коммунизма: берёзы насажены, ивы, бузина. Нырём в густые заросли — мы в безопасности. Валимся на траву, открываем коробки, запикиваем конфеты в хохотальник. Не по одной, сразу по несколько штук. Сидим, смеёмся с набитыми ртами. День гаснет, а мы светимся от счастья светлячками! «Нашару» нарубались шоколада! Для нас это не кража вовсе — приключение. Мы не лакомство «спиинерили» — партизанам так!

Успокаиваемся, приходим в себя. По дороге домой попадается дорожный знак, пуляем в него конфетками. На меткость!

День проходит, два проходят, три. Конфеты закончились: какие съели, какие раздали. Повторяем нашествие. В стене одну из досок оторвали снизу. Удобно: когда надо — отодвинешь, когда надо — закроешь. Целой оравой забираемся. До того хохочем в этом складе, до того нам радостно... Бродим из края в край, пинаем пустые коробки. Уже всё знаем, всё надоело. От приторных сладостей воротит.

Джуди читает на этикетке:
— «Халва... арахисовая».

Открывает коробку — в пергамент завернут большой липкий ком. Измазавшись, вытаскивает, таранит его к проёму в стене, поскользывается: халва вылетает из рук, об пол — «бах!»... Куски — по сторонам. Мы с гоготом, воем сползаем по стене, утирая слёзы и постанывая.

Целый месяц тянулась эта лафа. Куш сорвали знатный. Двор за это время покрылся ковром разноцветных фантиков от ирисок, карамели, благородных шоколадных. Многие таскали сласти домой, к столу. Я свою долю держал в сарайке, тихарил от отца. Знал: выпорет по полной программе. Конфеты у меня были везде: в посылочном ящике под потолком, в настенном шкафчике, на полатах. Они были раскиданы прямо по дивану, на котором я спал летом.

Не знаю, сколько бы ещё продолжались набег, но вдруг в городской отдел милиции вызвали повесткой Сикосю, Кочкаря и Геру. Оказывается, Сикося сладким не ограничился: с зарецкими бичами сколотил компашку, подломили вагон с сигаретами. Их захомутали, дознались про конфеты. Завели дело, и всё, что висело нераскрытого, чего, может, пацаны и не трогали, списали на них. Сикосю определили в спецшколу на два года, Кочкаря и Геру поставили на учёт в «детскую комнату». Их родителям выписали штраф «двести рублей» — сумма огромная по тем деньгам. Геру отец отлупил ремнём так, что тот месяц потом хромал и при малейшем скоплении народа, приспустив штаны, навязчиво демонстрировал фиолетовую гематому в форме двух полушарий.

Нас не тронули. Мы обделались лёгким испугом.

Сикося после спецшколы недолго был на свободе. В первый же месяц — грабёж, привод в милицию и — новый срок. Но уже в колонии.

На том «конфетное дело» закончилось. Больше про склад мы даже не заикались. Все были напуганы: милиция... Что ты!.. Невольно пришлось повернуться лицом к пристойным, мирным занятиям. (Лозунг «Энергию атома — в мирных целях!» — оказывается, сложили про нас.) Нет, до посещения библиотеки мы не опустились. Всей гурьбой пошли записываться на станцию «Юный техник», в авиамодельный кружок. Станцию я обожал. Заходишь: с порога аромат клея... Запах волновал, доводил в процессе творчества до эйфории. (В те годы никто не представлял, что балдеть можно от одного клея...)

Я начинал с постройки планеров. И если модель делал сам, сам с ней и выступал. Было к чему стремиться! Ребята постарше строили кордовые модели с дизельным двигателем. Объём в полтора кубика, два... самые большие — пять. Корд — это проволока. Самолёт управлялся двумя струнами, метров по тридцать. Двигатель заправляли эфиром. Для того, чтобы запустить, нужно было компрессию подвести вручную и резко крутануть пропеллер. Рывком. Палец частенько попадал под удар.

Идём после занятий домой, я вижу у Кочкаря под ногтями — иссиня-чёрные сгустки запёкшейся крови:

— Чё у тебя с рукой?

— Пропеллер разукрасил...

«Вот бы мне так!» — завидовал я.

...В 71-й школе, где училась наша честна-компания, ребята только с Тринадцатого. Все свои. А Саня, мой лучший друг, ходил до седьмого в школу № 6. Почему — не знаю. В той школе — отовсюду: и с Зареки, и с Черёмушек, и с Мурманки...

Хрящ был с Сулажгоры.

Чего он с нашим Саней не поделил — неизвестно. Детали никого не интересовали. Главное: конфликт возник — надо разбираться. Кочкарь объявил, чтобы никто из посторонних не впрягался, пусть дерутся один на один. Он назначил день, время, место сшибки — огороженный пустырь у автошколы, в субботу, в три.

Приходим: мы — своей компанией, они — своей «шоблой», как убеждённо считал Джуди. Закон железный: никто не встречается, никто не разнимает. Мы жмёмся к забору, бойцы выходят в центр площадки. Минут десять топчутся друг против друга, заводятся. Хрящ тянет на Саню, понт создаёт. Вначале, как принято, было слово:

— Чушок!..

— Не возникай...

Хрящ прёт буром:

— Ща в пятакину получишь...

Мы наблюдаем. В напряжении. Началось! Пару тычков в плечи, по животу... Саня рукой попадает Хрящу в лицо... Тот ножки подгибает и, не от удара — нам со стороны чётко видно — от страха, аккуратно падает на бок. Типа: лежачего не бьют. Всё. Кипиш окончен. Наши поздравления Сане. Расходимся. Была договорённость: дело на этом закрыть.

Прошло три дня. Хрящ оклемался, осмелел. Оборзел! Шурум-бурум. После школы с кирюхами подловили Сашку и отволтузили — синяки по всему телу. Кочкарь к нему: «Малой, что случилось?» Тот и рассказал...

А вот это уже никуда не годилось...

— Говнотики! — непримиримым рефери выставил оценку Джуди.

— Ну, что... теперь будем разбираться по-другому... — Кочкарь поставил многоточие и ушёл.

Оказывается, он отправился поднимать всю Тринагу. От дома — к дому, от двора — к двору. Было объявлено: завтра в шесть идём «мочить» Сулажгору.

Наступило «завтра».

Ближе к вечеру стали собираться: где по десять, где по тридцать, а где и полсотни человек со двора. Кучками перетаптываются, ждут. Поступает команда — потянулись на Кутузовский пятак.

Толпа формируется, накапливается около тысячи человек. Точно, конечно, никто не пересчитывал, но площадь перед Круглым магазином забита. Народ пришёл не с ложками для манной каши — в руках велосипедные цепи, цепи от бензопилы «Дружба», солдатские ремни с залитой свинцом бляхой, просто колы. Чтобы ухватистее держать цепи — намотали изоленту. Время настаёт — двинулись. Впереди Кочкарь, рядом макухи с Григорьевского и Рыбинского дворов. Идём плечом к плечу. Не разбирая ни возраста, ни ранга. На равных. Бок о бок с парнями после армии — салаги. Идём молча, угрюмо, как на работу. Цель у всех одна. Голова извиистой колонны удавом перетекает сулажгорский переезд, а хвост ещё ползёт по Достоевской. Уличные фонари выхватывают из вечерних майских сумерек блики-чешуйки заточенных металлических прутков. Движение перекрыли. Редкие машины останавливаются. Водители из кабины не выходят, не сигналият. Чувствуют: если сейчас встать у нас на пути — прольётся кровь...

Малолетки ликуют! Что ты!..

Я иду в колонне вместе со всеми и твёрдо знаю: иду в бой за правое дело.

Мы вошли в мятежный посёлок, сменяя все надежды на мир. Махач назначен на площади перед магазином «Городок», но Сулажгора будто вымерла. Даже бродячие собаки слиняли. Агрессия находит выход в задиристых криках. Погромов не устраиваем, ограничиваемся демонстрацией силы.

Со стороны переезда заревели милицейские сирены. Кочкарь приказал сваливать. (Было ясно: победа за нами.) Мы с Саней ныряем под забор металлосклада, решаем переждать. Гул уазиков, нарастая, достигает предельной высоты. Визжат тормоза. Беспорядочно хлопают дверки. По всей площади топот кованых сапог: «Кто не спрятался, я не виноват!» Трещит штaketник. Опять взвизгивает неугомонная сирена. В неё вплетаются крики, ругань, шумная возня.

Сирены, нарушая тишину, ещё долго носятся по ночному району...

Району, побеждённому без всякой драки силой нашего духа.

Отсидев часа два, изрядно продрогнув, мы выбрались из укрытия и тайком подались к дому. Наутро сообщили: человек двадцать всё-таки забрали в милицию; парней продержали ночь в изоляторе, больше так, для острастки, и отпустили. Предъявить им было нечего.

Стали старше. Кочкарь поступил в авиаклуб, в парашютный кружок. Присвоили ему третий разряд и — в армию. Служить призвали в романтически притягательные десантные войска.

Провожали Кочкаря на Высотную всем двором.

Наша команда к этому моменту удвоилась. С нами были девчонки. Я так с Женькой и дружил. Кочкарь был с Ниной.

Следом за Кочкарём в авиаклуб подались и мы с Витяней.

В теории Витяня обогнал всех, наземную подготовку тоже освоил назубок. Его назначили старостой группы. (Куда ни глянь: Кочкарёвский двор впереди!) Следующий этап — прыжки с самолёта в Деревянном.

Вот и февраль. Аэродром ДОСААФ: расчищенное зимнее поле, по краям сугробы в два метра. Двигатель самолёта запущен. Идём на посадку. Парашюты — основной и запасной — точно два увесистых курдюка, сковывают движения. Ледяная острая крошка летит в лицо, давит на грудь, не пускает в самолёт.

Возбуждённый, радостно пихаю Витяню в спину:

— Сейчас прыгнем!..

Витяня молчит и, такое ощущение, сильнее сгибается под тяжестью Д-5.

В самолёте он садится на металлическую скамейку у самого дверного проёма: ему прыгать первым. Я усаживаюсь рядом. Инструктор закрывает дверь. АН-2 набирает обороты, вырывается на взлётную полосу, прибавляет газу. Взлетаем. Как неваляшки, одновременно клонимся на бок. В салоне болтанка, шум двигателя оглушает. Теряю Витяню за рукав, не слыша себя, ору ему на ухо:

— Надо! было! фотик! взять!..

Он в ответ произвольно трясёт головой. Взгляд отсутствующий. Щёки бледные.

Самолёт делает большой круг, летит по прямой. Инструктор кидает пристрелочную ленту, определяет скорость ветра. Витяня заслоняет мне обзор, но кусок картинка вижу: внизу, в снежной дымке, белёсая земля, как на карте. Самолёт разворачивается, ложится на курс.

— Встать!

Я поднимаюсь. Витяня сидит. Смотрит себе под ноги. Толкаю его в плечо. Помедлив, встанет, нехотя подходит к двери. Пол в самолёте наклонный, на подошвах валенок ледяная корка. Скользко. Хоть бы не упасть! Слева от выхода замигал красный фонарь. Навязчивая сирена пнутой шавкой взвыла над ухом прерывисто, громко: «Вв-вя, вв-вя, вв-вя».

Руки у нас сложены на груди: в правом кулаке зажато вытяжное кольцо основного парашюта, левая ладонь сверху — фиксирует.

Инструктор поворачивает рукоятку, открывает дверь... Будь это у нас во дворе, я бы сказал — на улицу... А тут!.. Близость холодной бездны возбуждает и... манит. Красный сигнал будто заклинило: он перестаёт мигать, вспыхивает ярче. Сирена зашлась длинно, тревожно. Инструктор хлопает Витяню по плечу:

— Первый, пошёл!

И вдруг Витяня отшатывается назад... рвёт вытяжное кольцо. Купол скомканным постельным бельём выползает из ранца, заполняя собой пространство в салоне.

Я в шоке...
Инструктор резко отодвигает Витяню в сторону и командует:
— Второй, пошёл!
«Убьюсь, так убьюсь», — единственное, что успеваю подумать, и, оттолкнувшись левой ногой от порога, ныряю в холодную пустоту...

У молодёжи всегда есть свои кумиры.
И правильно!
Один хочет походить на знаменитого артиста, другой — на полярника или космонавта. Я часто вспоминал нашу считалочку: «Кто ты будешь такой?» На этот вопрос ответил давно... Я непременно хотел стать таким, как Кочкарь. К тому моменту уже старший сержант воздушно-десантных войск Сергей Кочкарёв. И раз для этого нужно прыгнуть с неба — я готов!

Пока Кочкарь ходил домой показаться родителям, Гера сбегал с трёхлитровой банкой до ларька, принёс бормотухи. Сели на скамейку у теннисного стола.

Кочкарь расстегнул ремень, снял китель и остался в тельнике. Вытер пот со лба:

— Ну и духота. Гроза будет.

Он тягуче посмотрел на небо. Чёрные облака тяжело подползали к солнцу.

Морщась, выпили. Витяня поставил мутный гранёный стакан на землю:

— Время бежит... Вовке на будущий год в армию. Саня служит в Заполярье, на Северном флоте. Сикося... Встретил его тут как-то в троллейбусе. Смотрю: весь в наколках, расписной, башка под ноль, но на харю такой свежий, цветущий. «Хорошо выглядишь», — говорю. Он: «Так я только что оттуда».

Выпили ещё. Закусили зелёным луком с грядки да ржаным хлебом. Гера принёс из дому гитару и подушечки «Дунькина радость»:

— Помнишь «конфетное дело»?

— Разве такое забудешь?!

— Ты у нас везу-унчик, тебя отец тогда не тро-онул!

Кочкарь взял в руки гитару. С ладов сорвались пробные аккорды... Он прикрыл глаза, и задушевные, родные до слёз, ритмичные мелодии наполнили двор. Спели про то, как плачет девушка в автомате, про Алёшкину любовь.

— Жалко, Джуди нет. Он бы свою любимую завёл: «Допрос ясеня».

Джуди, младшего брата Кочкаря, самосвал сбил на мотоцикле. На похороны приехать не удалось. Не чокаясь, помянули его.

Как-то незаметно банка опустела. Гера поднялся со скамейки:

— Щас сбегая ещё...

— Валяй! — Кочкарь глянул на сараи и, припоминая что-то, встал. — Перед армией, как уходить, спрятал под обналичкой парашютную шпильку. На удачу. Интересно: блокировка жива — нет?

Упруго ступая, он направился к крайнему сараю, остановился у двери, сделал к ней шаг. Поддатенький Витяня засеменил следом и с ходу упёрся лбом в могучую спину Кочкаря, тряхнул охмелевшей головой, поднял затуманенный взгляд: цифра «13»! Мысли его беспокойно заматались: «Сикосин! Говорят, к ним в сарайку недавно пытались залезть».

— Кочкарь, идём отсюда...

— Я быстро...

Он с силой оттянул скрипучую потемневшую доску.

За спиной раздался шум. Затем пьяный женский крик. Не оборачиваясь, Кочкарь узнал голос тётки Сони, матери Сикоси. Потрясая рыхлым подбородком, задыхаясь от ярости, она прерывисто хрипела:

— Я вам... покажу! Как... в сар-р-ай-ку... мою! — и уже себе под нос свирепо: — Голодр-рр-ранцы!

До Кочкаря не сразу дошло, что ругают именно его.

Витяня попытался приобнять сварливую старуху, задобрить, отвлечь, но у него ничего не получалось. Из открытого окна на первом этаже выскочил Сикося и бросился к сараю на крик матери.

Кочкарь увидел его и, радостно улыбаясь, пошёл навстречу.

Сейчас все люди Кочкарю — братья.

Весь мир люб!

А Сикося, Мишка Сикорин, с которым в детстве столько прожито, давно.

Если бы он не купался в дворовом счастье, то смог бы заметить, до чего холоден взгляд и решительно сжаты Сикосины губы. Как, по-звериному пригнув бритую голову, скользящими быстрыми шагами тот приближался, скрывая правую руку за спиной.

Тётка Соня толстыми бородавчатыми пальцами вцепилась в тельник Кочкаря, он повернулся к ней и на какой-то миг оказался к Сикосе спиной...

— Кочкарь! Берегись! — дикий крик Витяни разрубил двор на Тринадцатом...

Что-то длинное, острое предательски вошло в тело Кочкаря, как раз вровень с сердцем. Взгляд Сергея поплыл, ватные ноги не удержали, и он рухнул в тёплую пыль.

Над Кочкарёвским двором сильно гроыхнуло... Первые крупные капли дождя упали на землю.

Мы въезжаем с Ниной во двор — навстречу, по лужам, — Женька:

— Там Кочкаря убивают!..

Не останавливаясь, прибавляю газу.

Смотрю — двор изменился.

Притих.

Съёжился.

Живой организм стал восковой декорацией.

Застывшая растерянная улыбка двора пугала...

Исправить уже ничего было нельзя. На руках Нины Кочкарь затах. Окровавленное тело прикрыли кителем, тяжело увешанным армейскими значками.

Сейчас я как бы со стороны видел себя, двор, Нину, Кочкаря...

Я здесь... и не здесь.

Звуки становятся отдалёнными, притупляются запахи...

Глухота.

Потерянность.

Плохо понимаю, что делаю, говорю... Пытаюсь какими-то нелепыми словами успокоить Нину.

Боли нет.

Осознание потери ещё не пришло. Горе пока не придавило всей своей тяжестью.

Тяжесть, которую придётся нести по жизни, навалится потом...

...На суде Гера, не обращая внимания на замечания судьи, настойчиво пытался доказать, что Сикося убивал Кочкаря вместе с матерью: «Она стояла на коленях, била по неподвижной голове Сергея обломком кирпича. Сикорин сидел у него на поясице и заточкой из отвёртки наносил удары один за другим». Его показания не повлияли на решение суда. А Витяня молчал. Мать фигурировала в деле лишь свидетелем. Сикорину дали десять лет. Все понимали: без крупной взятки тут не обошлось.

Никто не знал тогда и не мог себе даже представить, что пройдёт совсем немного времени, и власть денег в стране будет безграничной.

Вся молодёжь Тринадцатого, Сулажгоры, Мурманки провожала Кочкаря в последний путь. Чёрная река текла широко, полноводно, выходя местами из берегов. Гроб с телом Сергея, попеременно меняясь, несли на плечах до самого кладбища. Мы с Хряшом тащили огромный венок и боялись глядеть друг на друга.

До меня только теперь начинало доходить это нелепое, непоправимое, неподъёмное горе...
Слёзы предательски наворачивались, как ни старался их сдержать. Мне было жалко Сергея, жалко его маму, отца. Горько за Нину. Мне было жалко всех...

Но жальче всего мне было себя.

Я чувствовал, что сейчас вместе с Кочкарём мы закапываем в мёртвую землю не только этот сосновый гроб, обитый красной тканью. Непослушными пальцами я бросил в могилу горсть медных монет, налегая на лопату, сталкивал вниз гулкие комья спрессованного жёлтого песка... опуская в бездушную глубокую яму, предавая земле... своё собственное... детство...

Погребая его безвозвратно.

Навсегда!

*

Воздушный змей

В неизвестность первые шаги...

Из детства — в бесконечную туманную даль.

Путь этот проходит сквозь поток событий, чередующихся, словно в калейдоскопе: горьких и сладких, грустных и весёлых, радужных...

Разных!

Великим событием для меня было появление в городе первых троллейбусов. Я называл их «рогачи». Они разворачивались на старом вокзале, у Танка. Первый раз на диковинном транспорте прокатился с отцом. Мне всё понравилось: как кондуктор отматывает билеты из сумки на животе, переходя по просторному салону от одного пассажира к другому; какие блестящие в троллейбусе поручни, широкие мягкие сиденья и большуханские стёкла, точно в аквариуме. Топливо не заливают — а Он везёт и везёт, да ещё электричеством в высоких проводах потрескивает. Можно стоять и смотреть через стекло, как водитель рулит. Я сдвинул козырёк кепки набок, прижался лбом к стеклу-перегородке, расплющив нос. А добрая тётенька-кондуктор заметила, что я в восторге:

— Мальчик, ты приходи, я тебя покатаю!

— Меня?! Покатаете?..

На следующий день родители — на работу, а я нарядился, будто праздник, и пошлёпал на остановку. Стою, высматриваю нужный троллейбус. Их много... Один придёт — другой уйдёт. Один придёт — другой уйдёт. Вытягиваю шею, глазею по окнам, ищу знакомую тётеньку. Самовольно зайти в троллейбус... не смею. Жду, когда меня окликнут, позовут. А доброй тётушки всё нет и нет. Приволок деревянный ящик, сел на него, кулачок — под щёку. Пригорюнился. Захотел есть, убежал домой. На следующее утро опять пришёл. Такое желание было прокатиться...

Две недели ходил по утрам на остановку, ждал кондукторшу, но так её больше и не увидел...

В детстве я был нерешительным, робким. Часто плакал. Если чего-то хотелось, терпеливо ждал, просительного заглядывая взрослым в глаза. Не любил себя за это, да что толку.

Мне казалось, я никогда не стану смелее.

До переезда на Тринадцатый мы жили у бабушки в Сулажгоре. Городской район этот больше смахивал на деревню. Бревенчатый бабушкин дом — «хоромы», как уважительно величали домашние, — стоял на горушке. У неё и хозяйство деревенское: кролики, курицы. За домом — огородище: с картошкой, морковкой, редиской, укропом, лучком.

Из сверстников по соседству — мальчишка на год младше. Мы с ним всё мечтали найти клад и купить гору «петушков». На поиски отправлялись к автобусным остановкам, забирались под деревянный настил, искали оброненные монетки.

Сквозь щели в досках дневной свет еле пробивается. Подолгу кряхтим, ползая в тесном пыльном пространстве. Если народ ходит по остановке, затаимся, чтобы не выдать себя. (Доски прогибаются над головой, песок сверху сыплется — лежим, не дышим.) Добыча бывала разной. Сразу после зимы, когда таял снег, мы собирали мелочи по целой горсти. Полная жменя копеечек, трёхкопеечек, пятачков. Выбираешься оттуда грязный, как чёрт, и довольный, если нашёл. Считать не умели и все монетки кучкой относили в магазин в обмен на леденцы. Эти остановки служили нам копилочками.

Как-то раз страшно повезло: у магазина, в траве, мы нашли мокрую красную денежку с портретом дедушки Ленина. Разделили по-честному: одну половинку я оторвал ему, вторую взял себе. Тратить сразу не стали, решили копить на велик...

Каждое лето к бабушке на каникулы приезжал мой двоюродный брат в нарядной плюшевой кепке. Он был старше меня на два года, но важничал на все четыре. Со мной совсем не играл. Я невольно тянулся к нему, а он знай посмеивался:

— Тюля!

Однажды брат взял из кладовки дедушкины инструменты, старую газету, с кухни — нож и унёс всё в сарай. Слышу, что-то мастерит: пилит, стругает. Пытаюсь приблизиться — шикает. Закончил работу, выносит из сарая непонятную хрупкую конструкцию из реечек, обтянутых газетой, с длинным расщеплённым хвостом-мочалкой из лыка. Теряюсь в догадках: что это? Идёт на пустырь. Я — поодаль, следом. Разбегаётся, подняв вверх таинственный аппарат, и внезапно тот, словно живой... взмывает в воздух! Управляя длинной нитью, брат то отпускает его в свободный полёт, то придерживает, подтягивая к земле. Издали смотрю, как в вышине планирует белый квадрат, как взбирается он в небо по невидимым ступеням. Длинный хвост с бантиком на конце красиво вьётся по воздуху.

Мне тоже хотелось так бежать, удерживая шнур...
Навстречу ветру!

В августе брат засобирался в свою Кандалакшу-говнялакшу. Едва дождавшись, когда за ним хлопнет калитка, я кинулся в сарай... Чудо-крыла нигде не было! Обыскал каждый уголок и вдруг... наткнулся... на брошенные обломки растерзанной птицы.

Себя было жалко. Слезы стояли в глазах.

Мечта запустить в небо воздушного змея с тех пор не отпускала меня, преследуя даже во сне.

В город, на Тринадцатый, мы переехали, когда мне исполнилось шесть лет.

Квартиру нам выделили в деревянном двухэтажном доме по шоссе Первого Мая: с отдельной кухней, водопроводом, с газовой колонкой. У нас, как у буржуев, теперь были свой туалет и целая комната на четверых: мама с папой и мы с сестрёнкой. (Брат Игорь появился через год.) Вот бы такую квартиру, да жить рядом с бабушкой! Там всё знакомое, родное.

В новом дворе я никого не знал, чурался ребят и летом с утра до вечера пропадал в Сулажгоре. Баушка жила с дедом и дядей Мишей, но я считал, что она главнее, и потому шёл в гости именно к ней. А ещё там была собака. (Дома мать не разрешала заводить, как ни канючил.) Спаниель Тишка отогревал мою душу. Издалека приметит меня в начале улицы — летит навстречу со звонким радостным лаем, уши на бегу треплются. В дом прошмыгнёт между ног первым, заглядывает преданно в глаза и барабанит хвостом-обрубочком по фанерному шкафчику, быстро-быстро: «ту-ту-ту». Моё сердце восторженно вторит в ответ: «тук-тук-тук».

У нас с Тишкой секретов было — навалом!

Вот и это лето закончилось быстрее зимы. Началась учёба.

Из школы вернусь и сижу дома, грущу. Двор для меня чужой... Холодный. Неуютный.

Опасный...

Наблюдаю из окна с завистью, как ребята играют в снежки, строят крепость, прыгают с крыш сараев в сугробы. Им вместе хорошо, разве-есело... Так хочется... к ним!

Но я боюсь... выйду, все будут... смотреть на меня.

Пожалуй, я так и просидел бы взаперти до сих пор, но весной мать насильно выпихнула меня на улицу. В апреле на пустыре за сараями бежали полноводные ручьи. Детвора возводила запруды, пускала кораблики. Солнце слепит. Щурясь, гляжу по сторонам, вдыхаю талый воздух с запахом ивовых кустов. Малыши смеются, брызгаются, прыгают через поток.

Там впервые я и увидел Коську...

Он показался мне богатырём. Коська выделялся среди сверстников ловкостью, какой-то завидной отчаянностью. С ним хотели водиться все. Я об этом даже не мечтал...

Нас свела консервная банка с «килькой в томате».

Возвращаюсь однажды из школы, гляжу: во дворе Коська с ребятами. Подходит ко мне, конопатый и ростом... пониже будет. (Вспомнилось, отец рассказывал про Ленина: сперва все тоже считали, что вождь мирового пролетариата великан, а в Мавзолей-то заглянули... метр с кепкой!)

Коська протягивает мне руку:

— Давай знакомиться! Я знаю, ты из Сулажгоры, во втором «б» учишься. Тебя как звать?

— Вовка... — смущаюсь я, несмело отвечая на рукопожатие.

— Мы на стройку идём банку консервную взрывать. Айда с нами. Здоровски будет!..

Мальчишки в трикотажных отвисших спортивках, кто в синих, кто в чёрных. А я, как был, в школьной форме, с портфелем, так и пошёл. (Когда тут переодеваться?) Рядом строили хлебокомбинат, туда и направились. По дороге Коська рассказал, как они развлекаются. Его послушать: нет лучше забавы, чем, бегая по гулким этажам, играть в войнушку; прыгать с третьего этажа на песчаную кучу под окном — кто дальше; жевать «вар»; выкачивать бензин из оставленного на ночь грузовика и, разливая его по лужам, наблюдать, как «вода горит»; нагреть карбид, делать из бутылок гранаты. Охранять всё это богатство приставлен сторож. Но разве успеть бородатому хромому старику за ватагой быстрых на ногу пацанов? Пока он с одного края стережёт, ребятня к другому прицелится.

По шаткой доске мы перебрались через глубокую траншею, нырнули в окно. Огляделись. Какое-то время стояли, прислушиваясь. Тихо. На бетонном полу сложены водопроводные трубы, батареи, льняная пакля. Коська достал из груды заготовок чугунный смеситель, прикрутил к нему с одной стороны стальную трубку, на конец — муфту. Получился пистолет. Как настоящий! Я в восторге...

Коська сунул «песталь» за солдатский ремень и стал пробираться к дверному проёму. Мы — за ним. Попадаем в длинный коридор, оттуда — на площадку. По лестничным пролётам без перил поднимаемся на третий этаж.

Коська, раскинув руки, задорно крикнул:

— Э-ге-геей!!!

По хмурым, тихим закуткам стройки пошло разгуливать озорное эхо. Ребята весело гомонили, я мало-помалу осваивался. Наконец Коська, многозначительно поглядывая на нас, достаёт из штанов пузатую консервную банку. На грязной этикетке угадывалась надпись: «Килька в томате». Аккуратно кладёт банку на пол и командует:

— Ищите камень побольше!

Расходимся в разные стороны. Я нахожу булыган первым и, кажилясь, тащу его.

Так... хочется... угодить... товарищам!..

— Ништяк... — одобряет Коська. — Сейчас рванём!

Мы склонились, пялимся на банку, ждём, что будет. Коська поднимает каменюгу и — на раздутую мину...

— Ба-ааах!!!

Резкий хлопок-взрыв на мгновение оглушил. Смотрю на ребят: по лицам, по одежде стекает килька многолетней выдержки. Пацаны гогочут. Я робко подхохатываю. Запах... даже с ног не сбил, всего лишь чуть повело, сделалось витиевато... (Не-еет, каждый день я так дружить не смогу-уу.)

И тут скрипучий окрик:

— Вот я... вааааа!!!

Над ухом испуганно рявкнули:

— Шухер!..

В штанах стало тепло и сыро: «Адреналин! — мелькнуло в голове. — Рассказывал отец». Дружки кинулись наутёк. Портфель где?.. Я заметался, поскольззз... Шмякнулся!

Сторож!!! Красная ручища... к портфелю моему...

Дурак какой-то... Мамочка!

Вся моя никудышная жизнь промелькнула в голове...

...Очнулся на куче песка с портфелем в руке. (Зачем я здесь?..) Коська насильно разжимает мне пальцы, восхищённо произносит:

— Ну, ты сиганул! Я бы так не смог.

Ребята подняли меня под руки, повели. (Мне было всё равно куда...) Я силился благодарно улыбаться в ответ.

В этот вечер засыпалось сладко. Счастье тихо убаюкивало: меня... приняли... в друзья! В друзья. (А всего-то нужно было — вымазаться вместе с ними.)

Рубашку и брюки мать долго отмачивала, затем шоркала на стиральной оцинкованной доске, несколько раз меняла воду. Полностью аромат «посвящения» покинул меня лишь после бани на Виданке, куда мы раз в неделю ходили всей семьёй.

Мыться я не любил: невыносимый жар в парилке, обжигающие доски с раскалёнными шляпками гвоздей, щипучее мыло, жёсткая мочалка! Отец натрёт меня, не обращая внимания на хныканье, излущит веником да вдобавок окатит с головой чуть ли не кипятком. Не знаешь, как одеться: нижнее бельё противно липнет к влажному телу. Одна радость — буфет с круглыми высокими столиками. Себе батя покупал «Жигулёвское», а нам обязательно лимонад «Крем-соду» или «Крюшон» и коржик. Рядом стоит притихшая сестрёнка: личико пунцовое, волосы причудливо закручены в полотенце, блестящие росинки на носу. Блаженствуя, пьём с ней прохладный газированный напиток. Удовольствие растягиваем, следим друг за другом: у кого больше осталось.

В баню, под горку, шли быстро. Из бани — неспешно, распаренные, в истоме...

Раз в месяц, перед помывкой, мать водила меня в парикмахерскую. Советским пацанам никаких причёсок, кроме «чёлки», не полагалось. Всех стригли одинаково. У кого волосы редкие, ещё ничего: чёлка лежала нормально. А мои-то локоны пушистые, густые. И вот вся голова лысая, а на лбу уродливый пучок тёмных волос топорщится. Ходишь, как балбес. За лето, конечно, обрастали, но к школе приходилось лохмы корнать.

Банный день — в воскресенье, единственный выходной для школьников. А тут на неделе, ни с того ни с сего, Коська вызывает на улицу:

— Айда в баню!

— Это в среду-то?! Нипочём не пойду...

— Да я не за то... Не мыться.

Оказывается, пацаны из соседнего двора разнохали в бане закуток, откуда можно подглядывать за женской половиной. Эка невидаль! Обнажённых девчонок, если не считать сеструхи, я сколько угодно видел в садике. У нас была общая горшочная. Нянечка заводила всю группу в холодную комнату, доставала со стеллажа горшки один за другим. Горшки белые, эмалированные и тоже холоднющие... двух типоразмеров: мужиков усаживала на те, что побольше, девок — на маленькие. Пол кафельный. Сидеть неподвижно — наказание. Ногами отпихиваешься изо всех сил и, сидя верхом на горшке, елозишь с лязганьем — всяко интереснее, чем глазеть по сторонам.

— Пойдём, здоровски будет!

При этих словах у меня под ложечкой тревожно засосало...

Восемь лет — возраст бесполой. Мне нисколько не хотелось идти. Разве что для расширения кругозора... Мать недоумённо пожала плечами, собрала полотенце, бельишко. Дала двенадцать копеек на лимонад.

Выскакиваю — во дворе Коська с бумажным пакетом. Мы вниз, дворами, напрямки. (Ни разу в кино так не спешили.) Покупаем билетки, мигом раздеваемся и ходом — в мочную. Мужское и женское отделение в бане отделялось маленьким техническим тамбуром, дверь туда на ключ не закрывалась, так, скамейкой припёрта. (Коська сознательно выбрал будний день — народу меньше.) Для вида набираем в тазики воду, ждём, когда два мужика-балагура уйдут хлестаться в парилку. Отодвигаем скамейку и — шмыг внутрь. Тесно. Цинковые тазы сложены друг на друга, тут же швабра, вёдра, половые тряпки. Дверь за собой прикрываем. Темно. И луч света из проковырванной дырочки с рваными краями. Ожидание, что нас вот-вот застукают, становится невыносимым. (Зачем я пошёл на это мокрое дело?)

Коська прилипаёт глазом к отверстию:

— Во... дают!..

Я стою на холодном кафельном полу, зябко подрагиваю. Кожа становится как у ракетки для настольного тенниса. Причмокивания Коськи озадачивают, заводят.

— Дай позырить!

— Подожди!

Нетерпеливо топчусь: «Он так всё самое интересное один увидит!»

Толкаю в бок:

— Пусти...

Изумлённо цокая, Коська нехотя отрывается от глазка. Я припадаю к «секе», но навести резкость не успеваю. Дверь сзади шумно распахивается!

Сделалось светло и страшно...

Чья-то мокрая крепкая рука больно хватает меня за ухо. Ну, так и знал!..

Истошный вопль работницы банно-прачечного хозяйства пустым опрокинутым ведром грохотал под высоченными сводами бани:

— Октябрюта-ко-бе-ля-та!!! Ишь, повадились! Вот я вам сейчас гляделки устр-ооо-ою...

Коська, перепрыгивая через скамейки, дриснул к выходу...

Рассудок мой смешался... Бабка в грязно-белом халате несла меня за ухо... Я надеялся: сейчас мужики одёрнут распоясавшуюся старуху... отобьют меня. Но они лишь осуждающе смотрели на неё.

Неожиданно у самой двери баушка опустила меня на пол, доверительно приобняла за плечи. «Извиняться начнёт...», — едва успеваю подумать я и получаю... энергичный пинок в попу. Синяя дверь — в глаза!.. Бамм!!! Лбом распахиваю... Стара-ая!.. Карга-аа!..

Коська ждёт одетый. Хватаю пожитки, вдогон — за ним.

Одевался уже в буфете. Странно: лимонада совсем не хотелось...

...На полпути к дому пытаюсь вспомнить: где я? иду куда? откуда?.. Голова гудит. Рядом какой-то мальчик... Взхлёб рассказывает об увиденном. Ах, да-ааа!.. Картинки кажутся мне бесцветными... скучными. Ухо и шишка на лбу горят огнём, в голове противно звенит голос старой швабры. Фамильярность её меня просто шокировала!

Наш первый сексуальный опыт Коська назвал удачным, однако повторять его мне почему-то не хотелось. Я твёрдо решил ограничиться полученным багажом знаний на всю жизнь...

С Коськой никогда никому не было скучно. Он на выдумку горазд.

Как-то играли в «кислый круг». Девчонкам приспичило в сортир. Коська дождался, когда они рассядутся по дырочкам, открыл крышку, где выгребная яма, и огромный булжник туда — бултых! Брызги, визги!!!

Заигрывал так с девочками...

Мои приятели были дворовыми детьми, по домам не сидели. Постепенно двор и для меня становился главным «местом жительства», забавой, воспитателем, близким другом. Я чувствовал, что с каждым днём сила его, дух переходят в меня...

Только когда появился телевизор, мы временно сменили образ жизни на оседлый.

Отец купил телик первым. «Рекорд» — бандура большая, экранчик маленький. И вот вечерина наступает — полдома сидят у нас в гостях, не протиснуться. Передачи транслировали с двух часов дня. Мы с благоговением включали волшебный ящик и жадно смотрели всё подряд, программу за программой: диктор говорит — интересно; новости какие — интересно; фильм художественный... будешь баловаться — старшие убьют, не отрываясь от экрана. Телевизор стоял на журнальном столике о трёх ножках. Однажды мы с Коськой кувыркались, задели столик, телевизор упал и... разбился.

Я почему так живо помню? Спасибо папе!.. Он впервые меня не ругал.

Молча порол...

Говорящего ящика не стало, и мы вернулись в лоно двора.

Между Тринадцатым и Пятым посёлком — Рыбка. Вдоль железной дороги — склад цветного металла под открытым небом. Территория огромная! Забираемся тайком через дыру в заборе. Кругом высоченные штабеля: двигатели от машин, электромоторы, спрессованные в кубы для переплавки. Поскольку подшипники изготовлены из прочной стали, они в алюминиево-медной массе остаются несмятыми. Поднимаемся на верхотуру, ворочаем брикеты. Найдём, где подшипничек запрессован с краю, скидываем понравившийся блок на землю и выковыриваем. А дальше — на самокаты, вместо колёс. Как сейчас, трогаю их масляную полированную поверхность... Ощущения эти живут на кончиках пальцев. У меня вообще обострённая тактильная память. Я могу из тысяч женских туфелек найти ту самую... стоптанную туфлю старухи-банщицы.

Нас и с Рыбки частенько гоняли. Какой-нибудь дядька заметит — и ну ругаться. Мы наутёк: «Сторож! Сторож!» А может, это просто рабочий?..

Самокат — две доски. В одной пропиливается окошко, ось — палочку делаешь, подшипники насаживаешь и — хоп! Самокат готов в шесть секунд. Чем больше диаметр подшипника, тем быстрее катишься. Как раз в ту пору начали перестраивать шоссе Первого Мая. Вместо узкой дороги, вымощенной булжником из малинового кварцита, — Первомайский проспект с двумя широченными асфальтированными полосами движения. Ещё проезд для машин закрыт, а мы на самокатах по свежеуложенному асфальту гоняем вовсю. Такой простор!..

Подшипники при движении жужжат. Коська, Саня, Витёк, Гера... Кавалькадой как шуранём — гул стоит!

На самокатах ездили к железнодорожному тупику смотреть, как выгружают легковые автомобили «Москвич-407». Диковинка! В отличие от «броневичка» у новых — форма современная. Тринадцатый — район автомобилистов. Наши отцы технику почитали, в ней разбирались и тоже приходили оценить новую модель: «Да, хороша, но передок слабоват». Мы повторяем следом за старшими: «Слабоват!..»

Я мастерил вместе с ребятами самокаты, а ночью, закрыв глаза, видел уносящегося в небо воздушного змея. Детская несбыточная мечта не давала покоя.

Однажды я рассказал о ней Коське, а уже на следующий день он притащил из дому журнал «Юный техник». На обложке счастливый мальчишка запускал в небо бумажного змея. В журнале было всё подробно расписано и начерчено.

Я с завистью разглядывал иллюстрации:

— Здорово!

— Мы сделаем не хуже! Айда!

— Ты что, сумеешь?..

Никогда не видел, как строят воздушного змея, и не представлял: «Ну как он полетит?»

Следуя инструкции, от сухой сосновой доски без сучков мы отщипнули тоненькие реечки. (Чем легче деревянные детали, тем проще запускать.) Пропитали их олифой. Склеили столярным клеем каркас: реечки из угла в угол, крест-накрест, и по периметру. (Точно выдержишь угол, будет что надо парить, неудачно — может вовсе не взлететь.) Из центра протянули длинную-предлинную нитку. Саня принёс лист кальки: бумага тонкая, плотная, хрустящая. (Это вам не страничка «Ленинской правды», как у двоюродного брата.) Четыре дня мы всей «шарашкой» колдовали в сарае над птицей счастья. Рисовали акварельными красками узоры на крыле, сушили под грузом. Для хвоста Коська стащил у сестры шиньон. Его распустили, распушили, покрасили в синий цвет. Хвост служит не только для красоты. Это балансир: чем он длиннее, тем лучше. (Так в журнале было написано.)

Смастерили. Два дня ждали подходящей погоды...

Вечерами я подолгу ворочался, не мог заснуть. А утром первым бежал в сарай к своей птице. Наконец ветер задул уверенными сильными порывами. Мы бережно понесли воздушного змея на пустырь. Солнце, нагревая землю, вызывало испарения, и это было нам на руку. Сильный упругий ветер, наталкиваясь на взгорье, превращался в восходящий поток. С пригорка и решили запускать.

...До моего сознания не сразу доходит, что именно мне Коська великодушно предлагает:

— Вовка, запускай ты.

— Я?..

Он объяснил, как правильно держать катушку, сам кончиками пальцев взял змея. Дождавшись порыва ветра, мы побежали. Ветер пел у меня в ушах. Нитка натянулась, стала упругой. Коська, чувствуя, что змея подхватило вихрем, отпустил его.

Бумажная жар-птица решительно взмыла в голубое небо. Я отматываю катушку... выпускаю нитку... она поднимается всё выше, выше, выше.

Парит легко и свободно.

В третьем классе Коська с родителями переехал в другой город. Мы больше никогда не виделись, но я его запомнил навсегда и благодарен за то, что он помог моей заветной мечте расправить крылья и подняться высоко-высоко.

В самое небо.

*

Три аккорда

У каждого времени свои приметы, своя особинка.

Памятным знаком родительской юности служила гармонь. Без гармониста село не считалось селом... Под гармошку встречали и провожали, грустили и бесшабашно веселились. Гармонист широко растягивал меха народного инструмента — в ответ распахивалась русская душа.

А главная примета семидесятых — гитара. Что ты!..

Летние прозрачные вечера... Незатейливая оправа из деревянных построек, образующих двор, а изнутри — самородком чистой воды — лирический перебор или отрывистые аккорды шестиструнной гитары. Зачастую в них вплетается ломкий мальчишеский голос. Прохожие замедляют шаг, слушают.

Эти ритмичные звуки, точно папиллярные узоры, придавали каждому двору неповторимый, свойственный исключительно ему колорит.

До повального увлечения музыкой мы занимались всем понемногу, в охотку. Зимой — лыжами на Стрелке, за Пятым посёлком. До Стрелки километров пять будет, не меньше. Вон куда таскались! У каждого наготове обрезанные укороченные лыжки: резина натянута к пятке, к носу, чтобы лыжа с ногой составляли одно целое. И на них... с верхотуры... Такая скорость! Старше стали, на коньки перешли. Хоккейные — страшный дефицит! Зима, мороз, а я каждый день мотался в «Спорттовары». Продавщицы узнавали в лицо. Как-то приезжаю — есть! Верх кожаный, скрипучий. Никелированный, блестящий конёк играет на свету. Красота! Коньки тотчас надел и — во двор. На улице темень. Между домами ледяная дорожка вниз. По ней до такой степени накался, так натрудил голеностоп — на льду стоять не мог, ноги разъезжались. Домой брёл по сугробам, до двери — на коленках полз...

Летом, сутки напролёт, резались в домино, в настольный теннис. Стол из ДСП под дождём набухал, расслаивался. Ракетки — советские, твёрдые, с пупырышками. Вьетнамские, мягкие, гладкие — по благу.

Большим спортом мы не увлекались, к разрядам не стремились. Рядом ни футбольного поля, ни хоккейной площадки. Из нашего двора целенаправленно тренировался только Андрюха Осипов. Оборудовал себе в сарайке тренажёрный зал: две гири по два пуда. Метал их, как хотел. Та-ку-ю рельефную мускулатуру накачал... Мы его силы даже побаивались. Желание быть первым, во что бы то ни стало, не способствует дружбе.

А страсть к музыке нас объединяла...

В СССР в то время не было ярких групп. Везде распевали: «Мой адрес не дом и не улица» или «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым». Сплошная идеология! Мы пионерский-то галстук носить стеснялись. Доставали его, скомканный, из кармана перед самой школой, чтобы с порога не завернули.

Владимир Высоцкий — исключение из советской «плеяды» музыкантов:

Он не вышел ни званьем, ни ростом.
Не за славу, не за плату —
На свой, необычный, манер
Он по жизни шагал над помостом —
По канату, по канату,
Натянтому, как нерв.

Как не боялся такое петь?!

Высоцкий был нашим кумиром! Своими песнями он вселял веру, что можно пройти «четыре четверти пути» достойно.

Любимая музыка пришла к нам с магнитофонных бобин. Катущечный аппарат «Ригонда», размером с прикроватную тумбочку, отец притащил мне одному из первых. Ночами мы с Герой и Саней записывали на него с коротковолнового приёмника обрывки западной музыки.

Поймаем волну и сразу:

— Тихо, тихо! Пишем...

Минуто, две прорывается мелодия, затем её глушат. Накатывает шипение, треск, бульканье. Всё это через выносной микрофон записывается на ленту. А нам нипочём, лишь бы ритм угадывался. Магнитофонные плёнки «шестой тип» часто рвались. Тут же под рукой баночка с уксусом — раз макнул, хоп — склеил. Склеиваешь и восхищаешься: «Как удобно!»

Совсем салагами мы считали: если поют на иностранном — значит, непременно «Биттлзы». Что к чему, просветил нас Роберт — единственный во дворе выпускник музыкальной школы.

Отличался он не только музыкальным образованием...

Прикид Роберт имел на зависть. Вечно модничал: брюки-небрюки; джемпер супер-пупер, светлый пиджак там в клеточку, ботинки на каблучке; на шее шёлковая косынка или жабо с брошью. Раз приходит на танцы — у него кулон из карельской берёзы с надписью «The Beatles». Не самоделишный, настоящий! На кулоне сантиметров в десять — чёрная надпись и чёрные силуэты знаменитой рок-группы. Грифы гитар смотрят в разные стороны. (Пол Маккартни ведь отбивал ритм левой рукой.) «Битлз» — из другого мира, недоступное что-то... Нам приходилось довольствоваться суррогатом: кабацкие лабухи в местных ресторанах «Одуван» и «Берёзка» пели «Yesterday». Конферансье заученно объявлял: «Песня “Вчера”», — и благодарная публика переставала жевать, обращаясь в слух.

Семья Вашкевичей — необычная. Мать Роберта преподавала в школе английский. Имя у неё такое редкое: Римма. Сочетание имени-отчества «Римма Владимировна» звучало торжественно! Я с удовольствием произносил его вслух! В кримпленовом платье салатного цвета, элегантная, словно из журнала мод, она высоко несла свою божественную белокурую голову. (Я втайне любовался ею.) Во дворе её уважали чрезвычайно. Чтобы не поздороваться, прошмыгнуть мимо — исключено. Могли сделать вид, что кого-то не заметили, но только не Римму Владимировну. К ним в квартиру зайдёшь: полки с книгами, заморские сувениры, дорогие мебель, посуда. Мы любили встречать Новый год у Вашкевичей. Римма Владимировна наготовит всякой вкуснятины, накроет стол и уйдёт. Бутылочку достанем и давай отмечать...

Роберт умел красиво, долго говорить. Фразы моментально придумывались в его голове и вылетали как из пулемёта. Раз стали придуряться, Роберт незаметно улизнул в другую комнату — выходит артистом: ши-кар-ней-ший костюм, блестящие атласные лацканы, из нагрудного кармана торчит уголок белоснежного платочка — смокинг отцовский напялил. Мы не знали, кто у него отец, но сразу подумали: где-то выступает, раз такой костюм. Глаза вылупили: ничего себе! Не смолкая, шпрехает по-английски. Настоящий артист перед нами! Мы аплодируем. А Роберт никак не уgomонится... Приглашает в спальню, распахивает дверки гардероба настежь. А-бал-деть!.. Четыре костюма! У наших родителей один выходной костюмишко, тут — че-ты-ре. Шесть пар обуви. Всё новенькое!..

А Роберт продолжает показывать свои «фокусы», переходит на шёпот:

— Пацаны, никому ни слова: мой отец в секретной службе работает.

— Брось заливать!..

— Не верите?!

И достаёт из тайника фотоплёнки: на них отсняты не люди, не пейзажи — технические схемы! Приложил палец к губам:

— Ш-шш!.. Секретные материалы.

Мы притихли. (Отец — шпион!) Сделалось не по себе...

Только потом я узнал, что отец его на судне — радистом. В загранку ходит. Снимки электрических схем делал по работе. А куда ему столько костюмов? Ума не приложу. Роберт к капстранам относился с симпатией. Если в хоккей мы всем двором болели за Советский Союз, он обязательно — за Канаду. Опять предупреждал: «Вы токо никому...»

Вот у Роберта водились настоящие пластинки зарубежных групп — «синглы». Маленькие в диаметре, по одной песне на стороне и «Apple» — фирменный лейбл невероятной ливерпульской четвёрки. Впервые мы услышали качественную запись, да ещё на прибалтийском проигрывателе «Эстония» — лучше аппаратуры тогда не существовало! Большие пласти-двойники болгарского производства появились позднее. (У фарцы из-под полы они шли по

шестьдесят, по восемьдесят рублей — месячная зарплата моей матери.) Хиты мы переписывали на бобины, пускали по рукам.

Однажды зимой возбуждённый Роб затаскивает нас к себе. До этого все разговоры о музыке крутились вокруг западных рок-н-рольных команд. А тут сообщает:

— Мужики, у нас появился свой «Битлз»!

Включает пластинку «Песняров», на первом треке — «Косил Ясь конюшину».

Это — что-то!..

В музыке мы разбирались слабо, направление определить не могли, но чувствуем: музыка другая, здоровская, созвучная с «Битлз», с «Ролингами». Мелодичность песен на белорусском языке захватывала до головокружения... С тех пор, послушав «Запад», мы обязательно — на сладкое — врубали «Песняров». Зачастую именно любовь к музыке гнала на фильмы. А вскоре у нас появился свой «Элтон Джон». «Золото Маккены» пересмотрели вдоль-поперёк, фильм знали наизусть, но отправлялись в кинотеатр специально ради песен Ободзинского. Его голос и дома не отпускал: с голубых виниловых пластинок, вырезанных из «Кругозора», бередил наши юные души:

Что-то случилось этой весной...

В музыкальном отношении благодаря Роберту весь двор стал «продвинутым». Я тоже считал, что в теории музыки достаточно преуспел, но теперь мне этого было мало... Прямо как в сказке про золотую рыбку: уж не хотел я быть простым слушателем, хотел сам быть гитаристом! К этому времени из нашей компании ни в «прятки», ни в «старики-разбойники» никто не играл. Собирались вместе с девчонками. Пацаны пели под гитару. Я помалкивал. Знал: голоса нет. А к гитаре тянуло страшно. Брал чужой инструмент в руки, обнимал большой лёгкий корпус и тренькал. К Роберту приставал, канючил: «Научи да научи!» Долго за ним ходил.

Тот вроде согласился:

— В основе игры на шестиструнной гитаре — приём «баррэ», — прижимаем указательным пальцем левой руки на одном ладу несколько струн, расслабленными пальцами проводим по ним. Показываю!

Гитара радостно встрепенулась, ожила! (Ну, думаю, началось...)

А Роберт отложил инструмент в сторону, закатил глаза и стал втирать теорию:

— При помощи «баррэ» легко переходить из одной тональности в другую, извлекать звуки необычной, разнообразной окраски...

Я не решился его отвлекать, незаметно встал и ушёл.

Нет, педагог мне нужен другой...

Был во дворе ещё один гитарист, Колян.

Длинные жирные патлы до плеч. Вылитый Джордж Харрисон! Только без усов. Он тоже, как Джордж, месяцами не стригся и в школе дерзил учителям. А то, что отцы у того и другого водили автобусы, только усиливало сходство биографии Коляна с лидер-гитаристом «Битлз». Поверх замызанной майки Колян носил пиджак с «золотым» значком ГТО на лацкане и, как неукоснительно требовала молодёжная мода семидесятых, хипповал в брюках-клёш. Среднюю школу Колян до конца пройти не сподобился, про музыкальную и говорить нечего, а вот «университет» за плечами имел авторитетный. (Так в революционных книжках называли места заключения.) Навыки игры на гитаре приобрёл «на химии» — своего рода «интернате» для взрослых, получивших срок. Играл мастерски. На слух моментально подбирал, без всяких там партитур.

Я понимал: набиваться в ученики нужно со своей гитарой. Однажды Саня шепнул: «Выкинули». Я — в универмаг. А там не «шиховские» — по семь рублей, а «ленинградские» — по шестнадцать, и хуже. Делать нечего, пришлось брать. (Невтерпёж!) Дома бренькнул, бренькнул — нет музыки. Выхожу с покупкой во двор. На скамейке под тополями Колян интеллигентно потягивает бормотушку. Рассеянно посмотрел на меня, на гитару — с интересом:

— Ну-ка, ну-ка...

Он взял пару аккордов, подвернул колки, подёргивая струны. Контрольный перебор. Ещё чуть повернул, и гитара ожила...

— Коль, научи играть!

Колян взбодрился, приосанился, выдерживая паузу:

— А гитарка-то ничего звучит...

— Коль, научи!

Я умоляюще заглядывал ему в глаза.

— Лады, карифан! Научу, ...ля буду! Чуваку с гитарой тёлки охотней дают.

Я, не веря своему счастью, присел рядышком.

— Если тебя устраивает брэнчать по-пьяни в окружении заливших хайло, смердящих саниной шмар, — за неделю настропалишься. А заточить пальцы под струны — жизни мало... Ты-то чё хочешь?

— Коль, хочу играть, как ты!

— Тады-ой!

Колян запрокинул «огнетушитель» в горло. Остатки «Агдама» с бульканьем перетекли в него, сочась тонкой струйкой по краю губ. И урок начался:

— Гитара, Вован, это такая х...йня, похожая на биксу без ног, — он любовно погладил корпус, — тока дырка в верхней деке не для тово, чтоб ты сувал туда свои гениталии. Пол?!

— !!!

— Начнём с прелюдии. Секи! — он оттянул толстую струну и, помедлив, отпустил. Гитара издала гудок, который постепенно стихал, растворялся, исчезая вдаль. — Кода! И слегонца так ручкой помашем. Песня называется «Прощай, пароход».

— Здорово!..

— Тока не факт, Вован, что ты поймёшь мой базар. Я трезвею...

В тот вечер мы занимались допоздна. Домой я летел не чуя ног! Маэстро снизошёл до меня... Завтра в дворовой студии очередной мастер-класс.

Скорей бы «завтра»!

Я отказывал себе в мороженом, на сэкономленные деньги покупал Коляну портвейн «Три семёрки», чтобы, не дай бог, не иссяк его педагогический источник.

— Струны мацай четырьмя пальцами, пятым страхуй гитару, а то ...бнецца на пол! Дави сильно-сильно! Чтоб продавить, нах, гриф насквозь!.. Подкол! Так не стоит. Хотя зажимай струны плотно, иначе звука не будет, один гул. На первом ладу мы зажимаем вторую струну, на втором — третью и четвёртую.

Я пристально следил за пальцами преподавателя, богато расписанными татуировками.

— Папробуй-ка, ...ля, взять этот аккорд. Если струны звучат долго и счастливо — ставлю жбан! А ежели какие-то пукают, тихнут, значит, плохо зажал, либо своей клешнёй глушишь. — Колян показал ещё два аккорда. — Ну, лана... Играйся пака. Схажу пасцу...

Разбитыми кончиками пальцев я, прилежно высунув язык, ставил аккорды: ля минор, ми мажор, ре минор. Пальцы не слушались, попадали между струн.

Колян далеко не ходил. На манер римского императора Юлия Цезаря он занимался одновременно тремя делами: справлял малую нужду, пыхал «беломориной», прищутив глаз от едкого дыма, и продолжал вести урок:

— Ну что, кампазитор? Смузицирил? Ну и зае...ись! Ща объясняю, что за аккорды ты поимел: в народе они называются «блатными» или «лесенкой» малой, большой и «звёздочкой». Теперь, по мнению насоса-дембеля, ты знаешь о гитаре фсё! С помощью этих трёх аккордов ты ж — ходячий камерный концерт! Теперь смари и делай, как я!

Колян обтёр руки о пиджак, деформировал физиономию под грусть и хрипло затянул:

Синий, синий и-иней
Лёк на провода...

День шёл за днём, неделя за неделей.

Длинные летние вечера, пока мать не загонит домой, я проводил в «Школе музыки Коляна» — своей альма-матер под открытым небом. В конце урока получал домашнее задание и всякий раз прилежно выполнял его. Стараясь быстрее освоить музыкальную науку, я в исступлении рвал струны, отрабатывая «удары» и «броски». Младший брат Игорь с опаской поглядывал на меня. Когда его однажды спросили, кем хочет стать, он твёрдо заявил:

— Врачом... чтобы Вовку вылечить.

Спать я ложился с гитарой, с ней вставал. Чуть свет, в горячке тянулся к грифу и снова долбил, долбил основные аккорды. Постепенно кожа на кончиках пальцев огрубела, превратилась в мозоли, боль ушла. Корпус гитары уже не елозил по коленям. Женский профиль её устойчиво, словно литой, занимал положенное место. Мы становились с ней одним целым.

Колян — прирождённый учитель. У человека ни наград, ни званий, а материал раскроет живо, обстоятельно, доходчиво. На его вечернем отделении я преуспел: к концу лета уже сносно музицировал, исполняя замысловатые пассажи.

И наконец услышал от педагога скупые слова похвалы:

— Ты стал крутым, Вован. Как варёные яйца! Теперь ты можешь подойти к сваяму кирному другану-дембелю, который стряхивает пыль со струн, орёт благим матом песню про е...учую учебку под Ногинском, и чиста так, небрежно, через плечо бросить: «Ааа, корешок, гитарка-то у тебя нестроевич! Секи, в натуре, как настраивают гитару реальные пасссаны!» Кент зауважает тя шопесец и при встрече будет всегда наливать.

Во дворе стихийно образовался ансамбль. На гитарах Гера, я и Кочкарь. (У Кочкаря гитара нарядная, цыганская.) Ударничек — Саня — на простеньком барабане типа пионерского.

Гере родители привезли инструмент аж из Ленинграда. А ещё он разжился двумя гэдээровскими «переводками»: в блюдечке с тёплой водой их размочил и, аккуратно отслоив овальные изображения бедовых девиц, наклеил на корпус. Зависть тонкой едкой струйкой точила меня всякий раз, когда я бросал взгляд на его гитару. Гера — абсолютный музыкальный неслух, он силился копировать мои движения, слепо путался в струнах, пытался наносить на них отличительные пометки масляной краской и ободрялся лишь одной мыслью: «Ничего, мы себя в постели покажем!» Джуди переписывал из журнала «Кругозор» слова песен. Колян, отложив «бомбу», помогал подбирать аккорды. (Когда Гера бездействовал, у нас получалось недурно.) Рядом крутилась малышня, с восхищением поглядывая на наш ансамбль под тополями. Взрослые мужики выходили во двор покурить, подолгу слушали нас...

Гитара была центром всеобщего притяжения.

В школе намечался смотр художественной самодеятельности. Наша классная, Зинаида, предложила:

— Девочки, давайте споём «Гренаду».

Ну давайте. Няппинен Валера играл на клавишных, мать его в нашей школе учительницей русского. Ему и поручили аккомпанировать. Но не звучит эта песня под пианино. Нет того ритма, той смелости духа...

И тут девчонки:

— Володь, можешь на гитаре подыграть?

Сами умоляюще смотрят на классную.

— Ну, не знаю... Пусть попробует.

Я подобрал: бац-бац — готово! На смотре девчонки нарядные, в укороченной донельзя школьной форме, в белых фартуках, с огромными белыми бантами. Пели всем классом, серьёзные, взволнованные. Я стою: взгляд поверх зала, аккорды ставлю уверенно, жёстко, выдаю ритм. У стихов прямо крылья выросли. Мурашки по спине...

Я хату покинул,
Пошёл воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!

В смотре патриотической песни наш восьмой «Б» занял первое место. Директор долго аплодировала. Зинаида довольно улыбалась.

Директрисе даже захотелось организовать свой ВИА — школьный вокально-инструментальный ансамбль. У шефов выбили деньги. Купили ударную установку, усилитель «Умку», две электрические гитары. Вечером мы перетаскали всё это богатство в захламлённую кандейку за сценой.

Уходя, я нерешительно остановился на пороге, обернулся...

Лёгкая дымка пыли ореолом окружала гитары... В тусклом свете чёрные полированные корпуса их, никелированные накладки безмятежно отражали блики. Звукосниматели, ручки громкости и тембра на корпусе завораживали, ударная установка просто сводила с ума. Я не удержался, взял в руки ритм-гитару, нежно прижал к сердцу. Предстоящие репетиции, восторженные глаза девчонок сияющими миражами вскружили голову. Молчаливые струны ждали моих рук.

Обращаясь к гитаре, будто к живой, я, успокаивая, прошептал:

— Подожди до завтра...

Ночь прошла. Наутро с Саней идём в школу. В вестибюле необычно тихо, настороженно. Все молчат. Классная с порога мне: «К директору!» (Не могу врубиться?!) Захожу в кабинет, и там как обухом по голове:

— Ну что, дружок? Сам скажешь, куда гитары дел, или милицию вызывать?

— Какие гитары?..

— Ты дурачка-то из себя не строй...

Меня больше ни о чём не спрашивали. Классная куда-то долго звонила. Я сидел в приёмной, мимо взад-перёд ходили с бумажками. Приехал сержант, вывел меня на улицу и усадил в «воронок» за решётку, где возят преступников. Машина тронулась. Через металлические прутья я видел: вся школа наблюдала из окон.

Доставили в горотдел на Кирова.

Следователь мне:

— Говори по-хорошему, где гитары?

Оказывается, ночью кто-то залез через фрамугу в комнатку, где хранились инструменты, и сбондил их.

— Я не брал. Сам в школьном ансамбле собирался играть.

— Ну-ну...

Следователь выдернул из-под меня стул, поставил на ноги посреди кабинета и началось... По лицу не били. Следак ударял в живот, сержант сзади метил по почкам, по ушам... Метелили и приговаривали:

— Только пикни, убьём...

Я размазывал по щекам слёзы, сдержанно мычал, старался руками закрыться от ударов. Не удавалось. Они работали слаженно...

...В протоколе написали: «Гитары украл я. Утопил в глубоком озере. Готов возместить материальный ущерб полностью. Прошу уголовного дела не заводить».

Я подписал всё...

На другой день чуть опоздал на урок. Зинаида прошипела:

— Ш-што, уголовник, сознался?!

Все: «Ха-ха-ха!»

Я молча прошёл на место, сел. Понимал: уже никогда не отмыться от этого позора, и училка тут ни при чём. (Разве стороннему человеку объяснишь, почему такую лажу сам подписал?) У родителей целый год высчитывали часть зарплаты. Мы не голодали, но первый батон белого хлеба мать смогла купить лишь следующим летом. Да что хлеб! Горечь свила в моей душе чёрное гнездо... Мне так и не удалось поиграть на настоящих электрогитарах на школьных вечерах. Теперь уж ничего не изменишь.

После восьмого класса я решил поступать в музыкальное училище. Дни считал до окончания учебного года. Подал документы в приёмную комиссию, но вступительные провалил. И стало мне тогда до лампочки, куда идти.

Надвигался сентябрь.

Мать ругается:

— Не поступил — иди в девятый!

— Не пойду...

— Иди хоть куда-нибудь.

Мы с ней отправились в четырнадцатую хабзайку. Директор спрашивает: «На кого хочешь учиться?» (А мне всё равно. Думаю: год перекантуюсь, снова буду в музыкальное экзамены сдавать.)

Отвечаю нехотя:

— Запишите на электромонтажника.

В конце концов не я первый. Тот же Джордж Харрисон после школы поступил на электрика... Приняли меня. Втянулся. Увлёкся радиотехникой, электроникой. Друзья появились, так и закончил ПТУ.

...Сижу как-то во дворе, с гитарой по душам разговариваю. Подходят два сопливых хлюста, лет по десять:

— Вов, научи на гитаре бацать...

Усаживаются передо мной на землю, обхватывают руками колени и смотрят во все глаза, не моргая.

Я?! Почему бы нет?.. Приосанился, собрался с духом, вспоминая педагогические находки Коляна... И приступил к учёбе.

Вначале было слово:

— Короче...

Через два месяца мой «класс» вырос ещё на одного вольнослушателя...

*

Проводы

Завтра мои проводы в армию, а сегодня мы с Женей договорились встретиться у ЗАГСа в одиннадцать. Это была моя идея: подать заявление до призыва, чтобы потом, через три месяца, приехать на собственную свадьбу.

До встречи оставался целый час. Чего припёрся так рано?.. Какое-то неприятное беспокойство выпихнуло из дома. Вчера стали прикидывать, какие документы нести. Нужен только паспорт. И тут она огорошила: у тётки оставила! Хотел утром ехать вместе... Дурак, не поехал! Сейчас бы не томился, высматривая среди прохожих. Зачем порю горячку с заявлением? Себе нет смысла врать... Хочется «забить» эту девчонку, застраховаться на все «сто». Уходить в армию на два года без уверенности, что Женька дождётся, я не мог.

Давно бы уж могла обернуться... Чего так долго?

Я припоминал детали нашего свадебного уговора, беспорядочно вытаскивал из памяти её взгляды, жесты, недомолвки, отговорки... Почему о паспорте сказала только вчера? Ведь неделю, как условились. Главное, спросила: «А нужно ли так спешить?» Месяц назад собирались — тоже что-то придумала. Да она... просто не любит меня! (Может, только и ждёт, чтоб ушёл?) Я вдруг почувствовал себя обманутым, выставленным на потеху всему двору... Самолюбие, подначивая, нашёптывало: «Ну и пусть, ну и подумашь!»

Без трёх минут. Жду ровно до одиннадцати. Не придёт — не надо!

Прошло две минуты, ещё одна. Минутная стрелка нехотя накрыла цифру «двенадцать», переползла её. Я побрёл к троллейбусной остановке стопорясь, непрерывно оглядываясь. Тяжёлые ноги, словно их переставлял кто-то другой, насильно уводили меня от желанной судьбы всё дальше и дальше...

Если бы только она появилась сейчас...

Но Жени не было.

Всё!

Никакой свадьбы не будет. Пусть ищет себе другого дурачка!..

Девочек у нас — полон двор. Но ни один парень не ходил со своими девчонками. Всем чужих подавай! Мне — не требовалось никаких. До самого восьмого класса.

Гера поставил диагноз: «Задержка в развитии...»

Но потом разом всё перевернулось, будто съел чего...

У дяди Миши, брата отца, были фотокарты. Вместо тузов, королей, шестёрок — голые тётки. Раньше колода лежала себе спокойненько в столе, никому дела не было. А тут глянцевые чёрно-белые картонки точно мёдом мазнули. Манит взглянуть, хоть ты что. Мы с Саней, когда дядька на работе, придём, вытащим запретные фотки и да-авай смаковать. Карты эти для нас — окно в мир. Что ты!.. До того доглядим — дышать нечем. Голова кругом идёт, штаны трещат по швам. Дядюшка скоро догадался, хмуро сдвинул мохнатые брови и строго-настрога предупредил: «Ещё раз залезешь в мой стол...» Хотя мы укладывали карты аккуратненько. Может, он в определённом порядке их хранил?

А вот Гера на картинке не разменивался.

Причиной всему — имя. Известно: как человека назовёшь, таким он и будет. Богиня Гера в древнегреческой мифологии — покровительница брака и деторождения. Наш Гера не в силах был изменить судьбу, безответственно предначертанную ему древними греками. Всегда заряженный на позитив, он девочек любил не на шутку. Для него познакомиться — запросто. И сразу — кранты! Влюбился. Что ты!.. В понедельник влюблён, во вторник влюблён! В среду уже меньше. К концу недели любовь испарялась, и в субботний вечер после танцев Гера шоркал очередную зазнобу.

В воскресенье к полудню парни лениво подтягивались к скамейке под тополями, закуривали, перетирали вчерашнее... У Витяни никак не вытанцовывалось закадрить девчонку. Внешне нормальный, симпатичный парень. Секрет оболыщения он стремился выведать у Геры,

приставал: «Как? С кем? Чего?» А тот и рад стараться: по поводу лялек из него плескало через край. Любимая тема: как новенькую клеил, оприходовал.

Он не усеет всё обсказать, Витяня — наводящий вопрос:

— Ту высокую блондинку?

— ?.. В сиреновом трико!

Гера забывал имя, рост избранницы, габариты. Цвет волос и глаз начисто вылетали из головы... Память избирательно, бережно хранила только детали нижнего женского белья. Причём бабником его не назовёшь: пока с одной ходит, на других даже не смотрит. Скорее однолюб! Перед армией один раз он чуть не женился. Нежно взявшись за руки, молодые пошли подавать заявление в ЗАГС. Ну, думаем, пропал наш Гера... Возвращается оттуда один. С хохотом заваливается во двор, рассказывает:

— Сблизились в первый вечер, месяц ходили, а фамилию наречённой спросить не успел. Анкету стала заполнять, выводит: «Пу-пы-рыш-ки-на». Пупырышкина! Это что же? Я, Гера, наделаю маленьких «пупырышат»?

Помолвка разладилась.

К восьмому классу я сделался придирчив в одежде. Пошил в ателье пиджак на заказ; заузил в талии белую нейлоновую рубашку с длинным, разметавшимся по плечам острым воротником. Зинаида на весь класс высмеивала: «Как денди лондонский одет». (Хоть сквозь землю провались!) Зато в дворовой компании я хипповал свободно. В моду вошли плащи из болоньи. Жарища, дождя в помине нет, а ты в душном синем балахоне, ширк-ширк, ширк-ширк, нарезаешь. Рядом в таких же плащах с закатанными рукавами изнывают наши мужики. Яркие афиши по всему микрорайону зазывали на «Вечер танцев»: летом — в городской Парк культуры и отдыха, с сентября — в ДСК на Тринадцатом. На танцы отправлялись всей оравой. Сначала я полагал, что меня тянет музыку послушать да потрястись за компанию. Потом чувствую: нет! Безразличие к женскому полу сменилось неподдельным интересом.

Не ко всем напропалую, как у Геры... К одной девчонке.

Женька из соседнего двора вскружила мне голову посильнее дядькиных карт.

Я только подумаю о ней — по всей груди, по ногам идёт беспокойная горячая волна. Хотя целовался с ней всего один раз, когда в прятки играли... Случайно. А уж забыть про это не мог. Вечерами я проникал в Рыбинский двор и украдкой любовался, как она, украшенная ожерельем из деревянных прищепок, помогала бабушке развешивать бельё.

Эта Женька затмила собой весь свет...

Я забывал есть, беспокойно спал, не мог думать ни о чём другом. И поговорить об этом не решался ни с кем. Всё носил в себе.

На танцах стал Геру донимать:

— Научи приглашать на медленный...

— Подходишь к чувихе, спрашиваешь: «Можно Вас?» А сам не говоришь, что имеешь в виду. Если она согласная — тут у тебя руки и развязаны...

Заиграли тихий. В центре зала толпа стала рассасываться. Одна за другой возникали парочки. Женю с подружками я высмотрел в самом начале вечера. Идти, не идти? Вдохнул поглубже, пошёл краем. Женя в белой водолазке, короткой облегающей юбке... Стоит у стенки, руки за спину. Подошёл, хрипло произнёс:

— Можно?..

Даже при тусклом свете заметил, как зарделись её щёки.

Преодолев секундное замешательство, шагнула навстречу, протянула горячую маленькую руку. Тут вся моя решимость куда-то делась... Боясь обернуться, повёл свою избранницу на середину зала. Не дыша, вытянутыми вперёд руками приобнял. Приобнял, как что-то легкоранимое, бесценное. Женя, смущаясь, положила мне руки на плечи и тоже не дышала. На пионерском расстоянии друг от друга, стараясь не встречаться глазами, мы стали тихонько, не в такт музыке, перетаптываться на одном месте.

Дрожь крупным градом била по моей спине, шла по всему телу и затихала на кончиках пальцев...

Танцы закончились — провожал.

Завести роман с девчонкой и сохранить отношения в тайне было невозможно. Не знаю, у кого как, у нас во дворе на то имелась Зойка Носова — наш дворовый трибунал. Дочка её —

ровесница мне, а Зойка — ну бабка и бабка старая. Такое на себя всё напялит забытое, древнее. Вечно в штапельном тёмном платье, коричневом плюшевом жакете, суконных ботах с брякающей пряжкой, неопрятном платке. Робкие попытки жильцов утаить от неё свои интимные подробности она воспринимала как личное оскорбление. Гере «повезло» больше других: он был её соседом по площадке...

Зойка — «хочу Всё! знать».

Сутками на стрёме. Что случись: информация кому какая нужна, сомнения ли рассеять, любопытство удовлетворить — напрямую обращались к Носовой. Постоянный наблюдательный пункт её — у кухонного окна с геранью. Однако, если оперативная обстановка требовала, Зойка рикошетом перемещалась к входной двери. Незамеченным не проскочишь: обязательно из четвёртой квартиры высунется Зойкина голова с гуттаперчевым длинным носом — принюхивается, вглядывается в сумеречный холод площадки. Для виду кличет: «Мурка-Мурка-Мурка!» (Легенда такая — кошку зовёт.) Частенько кошка выскакивала у неё между ног в коридор. Гера в долгу не оставался: громко хлопал дверью в подъезд и, едва Зойка открывала хлеборезку, слюняво заходиллся вместо неё: «Мурка-Мурка-Мурка!»

При наличии такой бздительной соседки никто девчонок домой не водил. Да куда приведёшь? Квартиры — размером с шифоньер: передом войти, задом выйти. Нас, к примеру, на шестнадцать квадратных метрах жило пятеро: мать с отцом, брат, сестра и я.

Выручал двухэтажный сарай...

Зимой там холодрыга. Что делать? Гера брал паяльную лампу, кочегарил её докрасна, нагонял тепло, пока девица томилась в ожидании, и только после этого — любовь.

Как не спалили сарай? Не знаю...

До армии я спал дома на раскладушке, а весной, чуть только теплом обдаст, перебирался туда. Сарай цивилизный: застеклённые окошки, диванчик с откидными круглыми спинками. Всё как полагается. Летними ночами шлындаю — днём отсыпаюсь. Ништяк! Нижний Тринадцатый — частные дома. В садах натырим яблок. В июле их, конечно, есть невозможно — не разгрызёшь, кислятина! Зато сам процесс добычи — приключение: одни на шухере стоят, другие лезут. Или подсолнухов нарвём. Торчат на виду, привлекают внимание. Надо сорвать, а то как же? Пощиплешь, пощиплешь мягкие зёрнышки, помусолишь, выплюнешь, успокоишься на время. С вечера я приносил в кладовку батон белого хлеба и литровую банку с водой. Мать варила брусничное варенье и много яблочного повидла — отец из рейса привозил яблоки мешками. Хранились припасы в сарайке. За ночь аппетит нагуляю, вернусь под утро, разрежу батон по всей длине на два лаптя, сверху повидло грядой. Рубану — и спать...

Лишь по субботам мне было не до сна.

У шаловливого Геры на втором этаже апартаменты, через три кладовки от моей. Там в субботу «приём по личным вопросам»: сначала лёгкой волной накатывает таинственный стук каблучков, затем из-за тонких дощатых перегородок дотягиваются до меня смачные поцелуи, стоны, смешки. Жужжанием пчёлки расстёгивается молния...

— Гер, я тебе нравлюсь?..

— Глаза боятся, руки делают.

Неприличный скрип панцирной кровати... Забываю дышать. Не успеваю слюнки сглатывать. Воображение смелой кистью малюет «летки-енки». Панорамы одна масштабнее другой. Бородинской далеко... Что ты!.. Спустя несколько часов опять стук каблучков: совсем близко, кажется, прямо по моему сердцу. Отхлынув, удаляется, стихает, стихает, растворяется в белой ночи...

Моя попытка на сегодня закончилась. Сперва становится тихо-тихо, но уснуть не успеваю: Гера всерьёз принимается храпеть. Ворочаюсь один-одинёшенек, мечтаю о своей Женьке...

Грёзы плавно перетекают в сон, сладко смешиваются, предлагая расцеловать несмелые Женькины губы... Зачастую романтично-волшебную картинку сна нарушал грубый транспортный сюжет: на обильно вымазанной солидолом дрезине мчусь с грохотом куда-то вдаль, ритмично качая рычаг... От себя — к себе, от себя — к себе.

Просыпаюсь в сараюхе, на куцем диванчике.

Приснится же такое... Почему именно дрезина?! В нашей семье сроду железнодорожников не было.

В углу паучок деловито плетёт солнечную паутинку.

Он — мой единственный гость.

Иногда подружка у Геры оставалась ночевать. Глядеть через щёлку в двери на то, как ранним воскресным утром на расстоянии вытянутой руки тёплые доступные девки проходят мимо, больше не было никаких сил...

С Женей я ни о чём таком даже не помышлял.

Понимал: она не такая, как все. Между тем танцульки, робкие поцелуи на прощанье распяляли меня... каждый раз пронося ложку мимо рта.

Мои проводы в армию. Как необычно!

Наши дворовые мужики давно отслужили и демобилизовались. Один Саня — на Северном флоте. Немножко грустно призываться последним.

Вспомнились проводы Кочкаря. Летом у Круглого магазина на Кутузовском пятаке торговали квасом. Цистерну с нераспроданным пойлом оставляли на месте. Той ночью мы бочку покачали: плещется. Впятером: Гера, Витяня, Саня, Джуди и я — прикатали её прямо в наш двор. Замочек открыли, кран повернули и — только банки подставляй. Портвейн тоже тёк рекой: предварительно мы скинулись по «рваному» с рыла.

Громкие ритмы гитары. Хмельные песни. Звон разбитого стекла. Маты. Угар вымученного веселья.

Я тогда упился первый раз в жизни...

На мои проводы мать назвала соседей, пригласила родственников из деревни, накрыла стол. Из корешков только Витяня, Гера да мой учитель музыки — неподражаемый Колян. Саня служит в Заполярье. А Джуди и Кочкаря с нами уже не будет никогда...

Женьку встретил днём во дворе. Что-то хотела объяснить. Не требуется! И так всё ясно. Пожалеет ещё... Повернулся, зашагал прочь.

Надеялся: позовёт, кинется вслед.

Не кинулась.

Не побежала...

Не окликнула.

Я уходил, спиной ощущая неподъёмную тяжесть молчания.

На сердце у меня шёл чёрный дождь. Гостям невпопад кивал, силился улыбаться.

В разгар утомительного терпкого веселья уединился с гитарой на кухне, рассеянно перебирал струны. Вдруг дверь толкнули. Дядя Жора, Витькин отец, подпихивал вперёд незнакомую девушку:

— Вовка, знакомься, моя племянница. Пристала: «Познакомь да познакомь».

Девушка кокетливо вспыхнула:

— Скажете тоже, дядь Жор.

На щеках у неё заиграли, заплясали ямочки. Маленькая родинка над верхней губой восторженно приподнялась... замерла.

— Лиза... — певуче произнесла она и протянула мне изящную руку.

В махонькой кухне сделалось просторней, светлей. Свежим порывом ветра она настезь распахнула окна в мой унылый затхлый мирок.

Я не мог оторваться от её притягательных карих глаз. Эти глаза — не против! Года на три постарше. Шёлковая лента в блестящих каштановых волосах. Стройная. В нарядном белом платье в малиновый горошек. Красное блестящее сердечко-ориентир жеманно покачивалось в ложбинке тяжёленьких грудей. Я скользнул взглядом в указанном направлении. Голова закружилась от такой пропасти...

Мы вместе вернулись к столу, сели рядышком, под озорные крики «горько» выпили водки. Она развернула фантик шоколадной «белочки». Жемчужные зубки легонько откусывали конфетку, розовый упругий кончик языка, выглянув из ротика, слизывал остатки тёмного шоколада. «Лиии-за!» Такое аппетитное имя абы кому не дадут... Я молча таращился на неё. Она казалась мне неземным волшебным цветком среди бурьяна и крапивы. Откуда появилась эта фея?

Завтра отец пострижет меня наголо. Ветер понесёт по двору длинные тёмно-русые лохмы. С нехитрыми пожитками в рюкзачке, в сопровождении двора я уйду на Высотную, на призывной пункт. Но это будет завтра. Зав-тра...

А сегодняшние вечер и короткая белая ночь — у меня в руках.

На какой-то миг в сознании пронеслась Женька. Смурное серое облачко на секунду приглушило сияние полуденного солнца, однако светило не сдавалось. Последние белёдые ошмётки унёс лёгкий приятный ветерок.

Под перестук гранёных стаканов, смачное кряканье мужиков, залиvistый Зойкин смех с прихрюкиванием, гулянье вместе с закусками, бутылками, посудой перекаатилось во двор, шумным водоворотом обтекло стол под тополями.

Мы с Лизой, взявшись за руки, отправились вниз по Тринаге, туда, где в хмельной дымке поблёскивала лиловая гладь море-Онего.

Слышно было, как Зойка фальшиво затинула:

— Вон кто-то с го-рочки спустился...

Песню нестройно подхватили, высоко подняли и... бросили.

Лиза была игрива, возбуждая и заводя своей неуёмной бесовской энергией меня. По дороге она то забиралась на каменный бруствер, то её туфельки переступали по верхней доске случайного штабеля досок, то она поднималась на скамейку автобусной остановки и, балансируя одной рукой, едва касаясь моих пальцев, шла, устремив взор вперёд. Такая притягательно-легкомысленная и одновременно неуловимая. Я замороженно смотрел на неё снизу вверх, чувствуя, что держу в руках птицу счастья.

Мы долго гуляли. Влажный зыбкий туман белой ночи теснее прижимал Лизу ко мне. Я накинул ей на плечи пиджак, обнял за гладкую талию. Музыкальные пальцы мои жадно дотягивались до её груди, как бы незначай опускались ниже пояса на платье, повторяя волнительный изгиб...

Где?!

В сарайку — не получится. Там сегодня родственники из деревни ночуют.

Завтра днём!..

Я повёл Лизу к себе домой. Хотелось перед расставанием побыть вдвоём, в укромном уголке, надёжно спрятаться от чужих завидующих глаз, пусть ненадолго. Маленькая прихожая, где только и есть места, что для двоих, приютит нас.

Дверь не заперта... Я зашёл первым, она протиснулась следом. Дома беспробудно вповалку храпели, просматривая очередной сон. Через кухонное окно сюда, в глухой коридорчик, пробивался отсвет раннего летнего солнца. Я прижал Лизу к вороху навешенной одежды, тычась неумелыми губами, ищущим языком ей в губы, шею, открытые глаза; нетерпеливо перетаптывался, захлёбываясь от желания. Она слабо сопротивлялась. Петельки-вешалки под натиском наших тел рвали одна за другой. Я нашёптывал всё громче, громче:

— Люблю тебя, люблю... лю...

— Ч-чч! — Лиза прикрыла указательным пальчиком мой вожделеющий рот.

Не в силах совладать с застёжкой лифчика, не сознавая до конца, что происходит, рванул пласмаски. Вредные детальки щёлкнули, открыв путь.

— Дурачок... — хмыкнула она.

Я зачерпнул ладонью её ласковую грудь и никак не мог натрогаться соском. Приник к нему губами, долго пил. Лиза тихонько заскулила и вдруг!.. прижала гладкие пальчики к моему оголённому дрожащему животу, заскользила вниз...

...Весь следующий день я украдкой бросал на Лизу пытливые взгляды. В её глазах вспыхивали ответные бесинки. Теперь мы связаны общей тайной навек...

Я ходил не видя, не слыша никого.

Младший брат Игорь недоумевал, «чему я весь день так дурачки лыблюсь».

На вокзале мать безутешно всхлипывала, будто на войну провожала. Пьяненький батя просил, как приеду, сразу отписать. Отец Кочкаря сунул в карман «чирик» — «на всякий пожарный». А мы с Лизой вкусно целовались на глазах у всех.

В душе что-то заскребло, когда встретился взглядом с Женькой. Она тенью стояла в стороне.

Капитан воздушно-десантных войск скомандовал:

— По вагонам!

Я с трудом оторвался от сладких Лизиних губ, чмокнул в щёчку мать и запрыгнул в тёмный душный вагон.

Впервые невольно подумал: а у отца с матерью любовь?.. Наверное, да. Во всяком случае, мать отчаянно ревновала. Всякий раз, когда отец произвольно икал, она с горечью упрекала: «Вот! Опять какая-нибудь лярва вспоминает!»

Своё первое письмо Лизе отправил с дороги...

От неё через неделю получил конверт «Авиа», на обратной стороне по точкам индекса жирно выведено «**ПИШИ**». Строчки прыгали, никак не выстраиваясь в связный текст. Уяснил главное: тоже любит. Сильно. И скучает. Спокойно прочитать это священное послание смог только ночью, в туалете. Второе письмо пришло через день. В уставное «личное время» накатал страстный ответ.

Ротного почтальона ждал, как родного, летел навстречу, едва заслышав: «Письма!» Силился угодить ему со всех сторон, понимая, что излишне навязчиво заглядываю в глаза. Перебирал вместе с другими стопку разноцветных посланий. Желанного письма так и не нашёл... Страждущие руки солдат тянулись за бумажными кусочками счастья. (В этот момент я их всех почти ненавидел.) Решил, что конверт наверняка в спешке пропустил. Дождался, когда всю корреспонденцию разберут. Нет ничего... От родителей, от Геры, Сани из Североморска — не в счёт. Ждал два дня и две ночи... Сорок восемь часов... После отбоя, казалось, не шариковой ручкой — оголёнными нервами, кровью своей, написал ей несколько обидных колючих строк.

Письмецо от Лизы получил лишь через три дня. Писала, что всё хорошо, была занята, любит.

Больше писем от неё не было...

Ни одного! За два месяца.

Я всё понял...

Как не свихнулся?..

Возможно, для «закипания» мозг должен сначала осмыслить случившееся и только потом перегреться. Достаточно каких-нибудь пятнадцати минут. А их-то как раз мне никто и не дал. Сразу после карантина направили в «учебку» и началось: укладка парашюта до мелькания строп, купола... до «белых зайчиков»; наряды по кухне; марш-броски, полоса препятствий, стрельба из автомата, прыжки с парашютом. Мы спали по три—четыре часа в сутки.

Это и спасло...

А тринадцатого сентября в весёлом розовом конверте от матери сухая весть: «Лиза вышла замуж за моремана из Мурманска». Мать написала об этом в чередке прочих домашних новостей.

Не удивился. Даже ждал...

После «учебки» я вернулся в часть младшим сержантом, стрелком-радиом.

Вернулся другим...

Через год на погонах добавилась третья лычка, а потом присвоили звание «старший сержант», назначили командиром отделения. За удачное десантирование с техникой, «умелое командование вверенным подразделением» объявили благодарность по полку. Мужчиной я стал не тогда, с Лизой...

Настоящего мужчину из меня сделала Армия.

Я несколько раз принимался писать Жене... бросал. И она молчала. Гера сообщил: «Женю вижу редко. Ни с кем не ходит, на танцах не бывает. Тебя дожидается».

Простила... Ждёт!

Я глотал эти буквы ночью в каптёрке «начкара».

Дурень! На пять минут не хватило терпежа, а она готова ждать всю жизнь...

Непроизвольно втянул голову в плечи, съёжился весь, закрыл ладонями глаза, задержал дыхание. Если б только мог... разорвал бы сейчас время, полетел через все леса, через сотни километров... к ней.

Хочу, чтобы всё вернулось назад! Туда... обратно... в клуб... на тот первый медленный танец... Ещё можно исправить!

Белая эмалированная кружка с чёрным гнутым ободком, ленивая пилотка, щедрый укрой белого хлеба с маслом, «пирамида» с автоматами стали растворяться...

ОНА!..

Её добрые глаза. Заразительный переливчатый смех, длинные локоны цвета льна, рот, пахнувший карамельками.

Тревожно и сладко защемило глубоко в груди.

Чувства, которые я испытывал, не были похожи на прежние. Я касался в мыслях создания чистого, светлого, высокого. Не было обычного биологического желания соития. Многогранный, богатый оттенками вихрь кружил меня. Полумистическое, почти религиозное чувство благоговения, о происхождении которого я раньше даже не догадывался, расправляло мне крылья: словно кто-то неведомый вёл меня сквозь время и пространство; вёл, не давая возможности допустить роковую ошибку; вёл, помогая познать разницу между землёй и небом; и, наконец, открыв глаза, указал недостающую Половинку.

Мы станем одним целым!

Это подарок свыше.

...Поезд вёз меня домой слишком медленно, казалось, запаздывая. За два часа до прибытия я не выдержал, вышел в тамбур. Прижался к прохладному стеклу двери, смотрел, как бегут мимо железнодорожные станции, мохнатые ели обгоняют друг дружку. Становилось всё «теплее», «теплее». «Горячо!» Людный перрон с ларьками, фонарными столбами ликующе бежал навстречу. Пожилая проводница ласково посмотрела на голубые крылышки моих погон, на плетёные аксельбанты, открыла входную дверь, подняла широкую подножку. Вагон последний раз дёрнулся, остановился.

Меня никто не встречал. Сам, до последнего, не знал, когда приеду. Спрыгнул на перрон, в несколько шагов пересёк его (он показался мне таким маленьким), сбежал по широкой лестнице на привокзальную площадь и, подлетев к остановке, нырнул в троллейбус.

Я ехал к Жене...

Дрожь тяжёлыми волнами шла по моему телу.

Родной дом. Не сейчас...

Придём к родителям вместе. Вот будет сюрприз!

Рыбинский двор. Знакомый подъезд с облупившейся краской. Шестая квартира.

Сердце стучало, выпрыгивая от счастья.

Эх, и свадьбу закатим. Столы накроем прямо на улице. Чтобы весь Кочкарёвский двор гулял, радовался за нас. Вся Тринага чтоб... Загадал: «Если откроет сама, значит, сбудется!»

Звонок протяжно, заупокойно заныл...

Дверь отворилась. На пороге тёмной прихожей стояла девушка в чёрном. Наглухо повязанный платок, чёрная блузка, чёрная юбка до пят. Отрешённый чужой лик.

Живой мёртвый человек...

— Женья?.. Ты?

...Я сидел на скамейке под тополями, не в силах прийти в себя. Услышанное не умещалось в голове. Женья — «Христова невеста»... «Господь... Бог»... В наше-то время?!

Потерянный, зашёл домой. Весёлые крики, поцелуи близких... Сестрёнка, ликуя, повисла на шее. Счастливый батя побежал за бутылкой. Игорюхи дома не было. Мать за два года сделалась какая-то крохотная, потерялась в объятиях.

Испуганно глянула на меня:

— Сынок, на тебе лица нет. Что случилось?!

— Ма, ты знала про Женю?

— Боялась писать...

Зачем это — церковь, кресты, иконы? Зачем — навсегда?.. Мир немых теней закрыт для людей. Закрыт для меня...

Что это за сила такая разом забрала всю мою силу? Всю радость.

Жизнь мою!

И как теперь быть с этим дальше, я не знал.

*

Младший брат

Восьмого декабря — заседание народного суда.

Игорю реально маячит новый срок. Срок серьёзный. Свиданку ему разрешили только со мной и Любой — родными братом и сестрой. Своей семьёй не обзавёлся, родителей в живых нет. Вот бы отец полюбовался... В детстве батя его вечно в пример ставил. Я не ревную, не завидую. Чему тут завидовать?.. Просто для себя пытаюсь понять: как так вышло? Почему?

Да разве жизнь поймёшь?..

Родился младший брат в сытные шестидесятые годы.

А ведь недавно всё было по-другому...

Дошкольный возраст, когда я часами простаивал в очередях за булкой, помню хорошо. В то время по всей стране сеяли кукурузу, а рожь с пшеницей похерили. Сколько раз бывало: стоишь-стоишь — и зря. Однажды батоны закончились прямо передо мной. Слезы!! В соплях, урёванный, с пустой авоськой пошёл домой. Из дальнего рейса отец привёз три мешка пшеницы, и они с матерью пытались делать муку на мясорубке с дисковыми ножами.

Рядом с нашим двором два магазина: на Кутузовском пятаке — Круглый, около воинской части — Гарнизонный. Там ассортимент побогаче, нет-нет да что-нибудь вкусенькое подбросят.

Каким-то чудом Зойка Носова узнавала об этом первой... Старая кошёлка, позвякивая застёжками на ботах, вихрем летела через двор к себе домой, пулей — назад, на ходу процедив: «В военном... масло выкинули». Двор сразу оживал... Фразу на лету подхватывали, тиражировали, передавая по сотам социалистического общежития из одной ячейки в другую. Все обитатели двора поспешали вслед за Зойкой. Моя мать работала в столовой, возвращаться домой с пустыми руками была «не привыкши», но коли продукт не завезли в магазины, в столовой его тоже не было. Поэтому с зажатым в кулаке трёшником поспешала и она.

Зато в год, когда родился Игорь, полки Круглого ломились от снеди. Колбасы — горой! Заходишь в магазин — ноздри распирает, щекочет аппетитный запах...

Сейчас колбаса так не пахнет!

Жизнь в стране в конце шестидесятых налаживалась на глазах. Казалось, с каждым годом будет только лучше. Отец уверял, что младший сын ни в чём не будет знать отказа: «Мы натерпелись, хватит!» В семье Игорь был любимчиком. Отец называл его на иностранный манер: Игорон. Никак иначе. Если не в рейсе, отец всегда ходил на родительские собрания в класс младшенького, гордился его успехами. А как-то под хмельком весомо заявил:

— С Игорона толк будет.

Младший брат — копия бати. На детских фотографиях — одна мордашка. У него всё отцовское: выходки, манеры, характер. Даже пальцы: такие толстенькие, коротенькие, наоборот загибаются. На гитаре аккорд не возьмёшь... Но отец — трудяга, семью содержал... Дальнбойщик, он крутился днём и ночью. У отца напарником — дядя Саша Цапенко. И вот на новенькой «Колхиде» они зарабатывали кучеряво. Цапенко — хохол! Подкалымить, перепродать — хлебом не корми. Отец перед отъездом все командировочные отдавал матери. В рейсе, при желании, на каждом километре могли подхалтурить. Отправляясь за длинным рублём, готовились обстоятельно: на свалке грузили шаланду пустыми бочками из-под топлива — в Подмоскowie, в дачных кооперативах, тара уходила по червонцу за штуку; укладывали рядами бордюрный камень; забрасывали в кузов пару ящиков с гайками. Порожняком не гоняли. Плюс ко всему делали приписки... Отец любил быть с деньгами. У него всегда полная «зачачка» — тайничок в дверце машины. Откручиваешь болтик и на тебе — бери, сколько хочешь... Игорон только и ждал, когда отец с работы придёт «на бровях». Батя утром:

— Игорон, что за дела? Где деньги?

А тот внаглую:

— Я не брал. Ты помнишь, какой вчера пришёл? Небось, выронил где...

На том «следствие» и заканчивалось.

Отец его за это серьёзно не ругал, не наказывал. Да только ли за это? Ни за что не ругал. Меня выпорот, сестру в угол поставит, его — никогда. Помню, родители решали, кого из нас

троих отправить в пионерский лагерь в Анапу. Мне до того хотелось! Море, мы ж не видели его. Поехал он. Игорю в детстве было слаще, чем нам с сестрой. Забот у него по дому никаких. Он же маленький... Печку протопить — моя обязанность. Дома прибраться, посуду помыть — сестра. Чуть что не по нему, губы надует сковородником, насупится, молчит. Дождается, когда родители пойдут на попятную. Ждать приходилось недолго... Игорь сызмалства привык, что земля вертится вокруг него. Мы с Любкой на подарок матери денежки от завтраков экономим; принесём ей вкусненького, радуемся, а она сама не ест, потихоньку Игорю сунет... Так обидно!

Дедушка в Сулажгоре болел сахарным диабетом. Мать доставала ему конфеты из заменителя шоколада. Пахли вкусно, как настоящие. Дед никогда не угощал ими. Мы понимали: нельзя так нельзя. А Игорь, ему лет пять было, втихоря к деду в стол залез... Не одну стёрил, чтоб незаметно, — все. Разом!

Дед:

— Кто взял?

А у братца моська, руки в шоколаде. Молча жуёт.

— Игорь!.. Ты?

Тот в ответ с набитым ртом:

— Не я!

Честными лягушачьими глазками смотрит на дедушку. Конфеты у него из кармана вытаскивают:

— Как не ты?..

— Не я...

Публично уличили, всем неловко. Ему — хоть бы хны.

Врал он всегда убедительно, вдохновенно, с невинным выражением на лице.

Первый класс Игорь закончил на круглые пятёрки. Ко второму году обучения октябрятский задор подостыл. Новый материал он схватывал на лету, поэтому одноклассники, которым приходилось повторять по нескольку раз, раздражали: «Чё тут непонятного?» Ему стало скучно... Вначале Игорь старался найти развлечения в школе: первым забегал в столовую на завтрак, окунал невымытый палец в стаканы с компотом, «забывая» себе, и под нытьё одноклассников спокойно выпивал; открыто смолит в туалете, когда даже десятиклассники старались не попадаться педагогам на глаза: уходили за угол школы. Наглый, самоуверенный, он тонко чувствовал людскую слабость. Его не обманывал ни возраст, ни рост. С ехидной улыбкой он цеплялся к верзилам. Знал, что Саня, который учится в этой же школе в десятом, ни за что «Игорька» в обиду не даст. В третьем классе Игорь разгуливал по школе некоронованным королём. Родительская защита сменилась надёжной силовой поддержкой Кочкарёвского двора. Эта привилегия распространялась на всех мелких. Им было дозволено на Тринадцатом всё. Но при этом остальные салаги видели край...

Не чувствуя сопротивления, не сталкиваясь с отпором, он наглел больше и больше. Всё заметнее терял интерес к учёбе и уже не хотел становиться врачом. Начал часто прогуливать. Утром для вида складывал учебники в портфель, надевал школьную форму, брал у матери деньги на завтрак и уходил из дома...

Уходил не в школу.

...Свежерастерзанная чайка.

Я обнаружил её на пустыре, далеко за сараями. Чайка висела, подвешенная за горло, невысоко над землёй. Прямо под ней лежала прозрачная кишечная оболочка, набитая мелкими гвоздями. Рядом — пёстрая скорлупа от яиц. Одна лапка отрезана...

— Вот уроды! Наши точно не могли.

Маленькое пуховое пёрышко, испачканное кровью, прилипло к дощатому забору.

— Не могли наши!

Эта картина долго не выходила у меня из головы. А тут мать, подметая пол, выгребла из-под кровати засушенную, сморщенную птичью лапку. Взял в руки... От чайки. Я оторопел, никак не мог поверить... Игорь? Пусть циничный, ершистый, пусть так, но не живодёр...

Сунул ему улику под нос:

— Твоя работа?!

— А чё?.. Нельзя?..

— Она ведь... живая, ей тоже страшно, тоже больно...

— Да ладно...

Я хотел дать стервецу затрещину, но он увернулся и выскочил из комнаты.

Игорь...

Неужели действительно он?..

...В середине мая небо сделалось безумно-голубым, бескрайним. Солнце рассыпалось по молодой траве жёлтыми одуванчиками.

Голые монохромные тополя втайне завидовали отзывчивым на тепло веткам берёз. У них из почек дружно высунулись наружу и теперь расправляли плечики маленькие ярко-зелёные листочки с зубчатыми краями. Птицы строили на деревьях уютные семейные гнёздышки, заботливо облагораживая их в ожидании желанного потомства. Деловитый пернатый гомон, пересуды, задорный щебет и амурный клёкот праздничным гулом висели над округой.

Забросив портфель в дровяник, Игорь, в поисках развлечений, пересёк Тринагу до самого озера. Белоснежные чайки парили над ослепительной гладью, сложив крылья, камнем падали в воду, поднимали кучи брызг, а затем уносились к островкам розовых ивовых кустов на окраине пустыря. «Вот бы поймать одну и проверить: летают ли самолёты с бомбами?»

Он притащил на пустырь кусок сетки-рабицы, один край её приподнял, подперев палкой, привязал верёвку, накрошил крупными кусками белый батон и, притаившись внутри обветшалого сарайчика, стал ждать...

К разбросанным хлебным кускам стайкой слетелись воробьи. Пичуги задиристо чирикали, расталкивали друг друга. Взрослые, бывалые — в ярко-коричневом оперении, молодые — в неброских сереньких пальтишках. Они не столько клевали, сколько спорили. Осторожная вездесущая ворона сделала над ловушкой круг, сердито каркнула и взгромоздилась на телеграфный столб. Она наклоняла голову то на один бок, то на другой, с подозрением разглядывая необычное сооружение. Появились две чайки. Заинтересованно кружа над приманкой, энергично отталкиваясь сильными крыльями от воздуха, они зависали над землёй, хриплыми гортанными криками приглашая сородичей на пиршество.

Одна чайка спикировала вниз и взмыла с рыжей горбушкой в жёлтом клюве.

Игорь напрягся, сжимая в руках конец верёвки.

Вторая чайка камнем пала в центр хлебных кусков. Игорь дёрнул бечеву, подпорка соскочила... Воробьи с шумом вспорхнули. Тяжёлая металлическая сетка придавила белую птицу. Она беспомощно забилась под проволочной западнёй, старалась поднять, сбросить гнёт... И не могла. Чайка в воздухе тревожно заплакала: «Ай-ай-ай!»

Игорь подбежал, придавил сетку ногой, выдернул за шею через крупную ячею перепуганную насмерть птицу. Прыснул жидкий белый помёт.

— Попробуй только обхезать, вмиг голову сверну!

На земле в бумажном свёртке лежали приготовленные сапожные гвоздики. Игорь одной рукой брезгливо прижал птицу к себе, второй начал запихивать гвозди в раскрытый клюв. Чайка пронзительно кричала, вырывалась, царапалась, потом лишь хрипела и билась всё тише и всё слабее. Теперь в глотку покорной птицы он запихивал гвоздики не щепоткой, по два—три, а сыпал прямо с ладошки.

Пакет опустел.

Игорь разжал пальцы, птица неуклюже подпрыгнула, завалилась на бок, с трудом поднялась и стала пьяненько прихрамывать, склонив голову.

Игорь пнул её:

— Лети!

Чайка безвольно перебирала крыльями.

Он поднял её на руки, забрался на крышу низенькой сарайки, подкинул птицу вверх.

— Орлята учатся летать...

Чайка, кувыркаясь, нелепо упала на землю.

— Ну, не хочешь летать, как хочешь...

Игорь сделал петлю из верёвки и подвесил птицу на перекладине телеграфного столба. Чайка некрасиво болталась... Сперва из клоаки показались два пятнистых сереньких яичка в податливой скорлупке, а следом тяжёлый мешочек из прозрачной кишечной оболочки. Под своим

весом он постепенно вылезал, вылезал, пока не шлёпнулся на землю. Кованые сапожные гвозди лежали в нём, точно упакованные...

Игорь как будто впитал жестокость с рождения, с молоком матери.

Но ведь мать у нас одна...

Теперь я смотрел на младшего брата другими глазами. Переосмысливал многие его поступки, слова. Раньше они меня забавляли. Я лишь недоумевал, зачем он циркулем проткнул зрочки на моей фотографии, где я стою с гитарой на школьном смотре-конкурсе? Садистские стишки, которые Игорь целой охапкой притаскивал домой, потешали:

Дети в подвале
играли в гестапо.
Зверски замучен
сантехник Потапов.

Или:

Я лежу в своей квартире
весь от крови розовый.
Это с папой мы играли
в Павлика Морозова...

Скажет тоже...

У нас во дворе считалось неприличным у кого-то что-то отбирать. Это было, как выражался Джуди, «западло». А тут узнаю: оказывается Игорюша наш, вот такая мелюзга, повадился гуливанить в строительный техникум, что по соседству, отбирать у студентов деньги. Салапет! И никто ему хвост не прищепил... Покорно выворачивали карманы. Но потом всё-таки стукнули: накатали заяву в милицию. Чуть до суда не дошло... Отец отмазал. Подключил знакомых, нужным людям «сунул», ходил к родителям студентов, к директору техникума, унижался, просил-лебезил. Дело спустили на тормозах.

Плюгавый шкет — ни силы, ни здоровья, на перекладине ни разу подтянуться не мог. Плюнь в задницу — башка отвалится, но на Тринадцатом его боялись.

Дальше — больше.

Исполнилось ему восемнадцать лет. Однажды зимой шёл на танцы. Навстречу — бывший одноклассник в овчинном полушубке: новеньком, белом, офицерском. Тогда мода была такая... Что ты!..

Игорон останавливает:

— О-оо! Какой на тебе фасончик! Запачкаешь! Дай-ка мне на танцы сходить!

— ?..

Игорь замахнулся, сделал вид, что ударит:

— Саечка за испуг!

Парень безропотно снял шубу. А наш говнюк всучил ему свою старую болоньевую куртку:

— Поношу — отдам...

Паренёк домой вернулся, отец военный — шуток не понимает:

— Где шуба?

— Дал поносить...

— Не юли, правду рассказывай!..

И — заяву в милицию. Выходило, уже повторную. С одной стороны посмотреть: детская шалость, баловство. А по сути — грабёж с разбоем, «стоп с прихватом». Игорю руки за спину, и вместо армии — тюрьма. Пять лет дали.

Мать одно твердила:

— Хорошо, отец не дожил...

Мы с матерью ездили навестить его в Сегежу. Посмотрели: недурно устроился... В детстве он любил художество, на зоне таланты пригодились. Мастрячил под заказ «стирки» — самодельные игральные карты с портретами уркаганов и охраны, «набивал картинки». Я не ожидал его увидеть в довольстве, сытым. А тут — репа лоснится. На фаланге безымянного пальца татуировка перстня: чёрный фон из угла в угол пересекают белые полосы, а в середине череп. Знак уголовный — «судим за разбой». По всему было видно: брательник чувствовал себя в своей тарелке... алюминиевой.

Отсидел «от звонка до звонка». Мама не дождалась. Доконал он её...

Когда освободился, я с ним много говорил. Игорь молчал, прихлёбывал «чифир», вроде слушал. Мне казалось: что-то понял.

Помог ему оформиться водителем на грузовую. Он — за старое: бензин налево-направо толкнёт, утром ехать — бак сухой. С работы его культурно попросили. Ещё несколько раз пристраивал, но всё заканчивалось одинаково.

Наш двор всегда был силён общинным духом, коллективизмом, взаимовыручкой. А тут — волк-одиночка... Хотя даже волки стаями держатся. Человеку третий десяток, у него ни семьи, ни друзей...

Я — с упрёками, он в ответ:

— Вован, не гони порожняк! Думаешь, в натуре, буду ишачить, как ты?

Нам солнца не надо —
Нам партия светит!
Нам хлеба не надо —
Работу давай!

— Тьфу, ёпт! — Игорон зло сплюнул сквозь зубы.

— А как другие?..

— Вот пусть другие и горбятят.

— Из-за тебя стыдно людям в глаза смотреть.

— Кто тут «люди»?! «Дружба!..» Сам шестерил у Кочкаря. Ссыкун...

Я понял: разговор бесполезный...

Первое время он всё одалживал у меня. Но сколько можно? Я ему напрямик:

— Встанешь передо мной на колени, будешь упрашивать, что «с голоду умираю», скажу: «Садись, ешь». Но денег наличных больше не дам.

У меня перестал просить, а Любаша, медсестрой работала, сама вечно на подсосе, выручала младшего братца. Там «зелёную», тут «синенькую» выкроит.

Проходит полгода, сестра приезжает ко мне:

— Игоря забрали...

Что случилось? Да то же самое... В шалмане с бичами пристали к мужику. Дали по ушам, забрали что-то из вещей. У Игоря нашли перчатки. Прихватил, видимо, до кучи.

Я ходил к нему на свиданку, спрашиваю:

— Как теперь?..

— Всё в ажуре!

Лишь посмеивался:

— Что мне будет за перчатки?

Из ребят нашего двора «сидели» только он и Сикося. Все остальные парни достойные, порядочные. Засранцев не было. Каждый к чему-то стремился, хотел в жизни чего-то достичь.

А Игорь с малолетства во дворе тянулся к Сикосе, впитывал законы уголовного мира: «Кто сильнее, тот и прав», «ЧЧВ: человек человеку — волк», «Не верь! Не бойся! Не проси!». Весь расписной, в татуировках, Сикося бахвалился, обнажая металлические фиксы, травил бравые уголовные байки — слушать противно. А у Игорюши глаза блестят. Наблатыкался от него воровского жаргона. Романтика. Что ты!.. Они с Сикосей даже внешне стали походить друг на дружку: те же сутулые настороженные лопатки, будто спиной глядят; та же вечная кривая

ухмылка и холод в глазах. Я заметил: все уголовники чем-то неуловимо похожи. Им точно одно клеймо ставят.

Любу спрашиваю:

— Зачем помогаешь? Его не переделать.

— Как не помогать? Он брат. Бог даст, образумится. А то, что вор... Господь учил: «Не нужно собирать богатств на земле». В Заповедях-то десяти, думаешь, зря Он воров увековечил?.. Воры — слуги Господни. Они нам правильный выбор помогают делать. Без них никак!

Хоть стой, хоть падай! Вроде, толковая баба... Если бы Игорон только воровал... Разбой — преступление против человека. У него ничего святого не осталось.

Разрешают свидание.

Не пойду!

Толковал с ним не раз. Не слушает. Ухмыляется.

Я и на суд не пошёл. Люба плакала: «Когда прокурор объявил срок четыре года, у него и слёзы потекли». Досмеялся, храбрец! Огрёб целиком. Теперь об амнистии можно не мечтать. Статья тяжёлая, повторная. Рецидив.

Выбор есть у каждого. Мы сами избираем свой путь.

Вот пусть и мыкается... один.

...Время шло. День за днём.

Судьбину брата, его непутёвую, неудобную мне жизнь я мысленно пытался отрезать от своей. Силился навсегда вычеркнуть его из памяти, души, судьбы.

Стереть.

Забить.

Не получалось...

Словно горемычная часть меня самого бродила где-то неприкаянно. Страдала. Сносила боль, унижение, голод-холод, страх, разлуку, потерянность, одиночество. Я места себе не находил...

Не находил себе места.

В субботний вечер я собрал брату новые шерстяные носки из овечьей шерсти, связанные ещё матерью, свой тёплый мохеровый шарф, десять пачек «Беломора», чай со слоном и, облегчённо вдыхая полной грудью морозный воздух, зашагал по заснеженным улицам на ночной поезд...

*

Вместо послесловия

*На... златом... крыльце... сидели...
царь... царевич... король... королевич...
сапожник... портной...
Кто... Ты... будешь... такой?*

*

Петрозаводск, 2009 год

Баян

Борису Александровичу Сараеву

Знание — орудие, а не цель.

Л. Н. Толстой

Маев уверял, что учителем русского языка он стал исключительно по слабости характера:

— В понедельник, как на грех, прохожу мимо своей кафедры. В недобрый час... Вдруг из деканата вылетает наш Паша, затаскивает, главное, к себе... Выплёскивает мне на голову последние международные события в университете и умоляет разобраться с «этим негодяем».

— Я-аа?!

— Иванович, ты хоть не нервируй!.. Всё! Баян твой! Можешь не усыновлять, а на поруки взять придётся. Свози его в Кизи...

— В январе?

— ...На лыжах прогуляйтесь. Окружи традиционным северным радушием, теплотой. Подтяни по предмету. Думай сам! Руки у тебя развязаны...

Лета, считай, в тот год не было. Солнце неделями «прогуливалось». Потому купаться не хотелось, а вот в баньке похлестаться веничком — тянуло.

Отправился к Маеву Володе. Давно звал...

Аккуратная рубленая банька на песчаном берегу, мосточки к самой воде.

Сказка!

Тихая гавань...

Подхожу... Нарастающий визг?! Ба-ммм!!! Дверь — настезь! Густое облако пара, крика... Кубарем выкатываются два смуглых юноши и без оглядки — к озеру. Следом на пороге вырос счастливый Володя. Тело полное, в красных пятнах и свежих листьях берёзового веника:

— Давай скорей! Опаздываешь!

Он натянул на лысину суконную шапку, надел рукавицы и шагнул в жар. Я — за ним.

— Когда твои гости успели так загореть?

— А-аа! Это мои подопечные студенты-арабы, в карельской бане первый раз. У нас на сельхозе учатся. Постигают специальность «учёный агроном». Рафат — из Палестины, на третьем курсе, а Баян — на первом: с филфака зимой перевёлся. Иорданец, правильный такой. У них столица Иордании — Амман. Наберёт полные лёгкие воздуха, выгнет грудь колесом: «Амм-мма-на!» Как с минарета пропоёт. И поглядывает на всех свысока, беркутом. Будто он — самая последняя инстанция, а все остальные, хоть и говорят «Амман», но это далеко не так.

Володя подкинул в топку дровишек.

Стрелка термометра решительно пошла на второй круг.

— На одном только нашем факультете четырнадцать заморских студентов, но их не видно, не слышно. Такое впечатление: университет посещает один Баян. Его соплеменники сами руками разводят, изумляются. Не случайно у него имя такое. Я не поленился, вычитал в энциклопедии: оказывается, на Руси «баяном» называют «разновидность большой гармонике со сложной системой ладов». О, как!

В предбаннике раздалось шлёпанье босых ног, и в парилку бочком проскользнул высокий юноша с утончёнными чертами лица.

— Рафат, забирайся к нам. Знакомься.

Молодой человек настороженно протянул мне узкую двухцветную кисть:

— Да!
Я легонько её пожал и тоже представился:
— Александр.
Володя окликнул:
— Баян!
В ответ — гробовая тишина.
— Баян! Ты опять в предбаннике хочешь отсидеться? Бегом сюда!
Я с нетерпением ожидал подданного Иорданского королевства...
Дверь заскрипела натужно, совсем не по-королевски, нехотя приоткрылась, и внизу, над самым порогом, нарисовалось закопчённое лицо с широко раскрытыми от ужаса глазами.
— Ты чего невесёлый, Баян?
— Жарко... я так нэ могу!
— Интересно, всю жизнь в пустыне прожил, а тут не можешь. Забирайся к нам.
— Нэ-э-эт, жарко.
Он на четвереньках перебрался через порог, уселся на пол и прижал уши ладонями.
Мы основательно пропотели, затем Володя натянул шапку поглубже и плеснул на раскалённую каменку. Обжигающий пар под давлением заполнил парилку. Уши скрутились.
— Э-эх, крра-ссота! Красота ведь?! — допытывался хозяин, радушно подливая шипящий кипяток. — Баян, давай наши познания закрепим: «О-оо...»
Обречённым эхом отозвалось:
— О-ой...
— Ози-мы...
— О! Мы...
— Молодец!.. Озимые... Ну! Ещё букву... к... ку... культуры.
Я не вытерпел:
— Зачем тебе это «Поле чудес?» Дай человеку попариться!
— У нас экзамен в понедельник. Баян, умоляю, просто повторяй за мной... человеческим языком: «О-зи-мы-е куль-ту-ры».
— О-уу!!! — Баян задрал руки вверх и с диким воем метнулся прочь из «преисподней».
— Ну вот, сам видишь: учёба мало-помалу даётся, а дисциплина... — Володя с подозрением глянул на Рафата, подбирая слово помягче, — а вот дисциплинка у нас... хромает.
Мы с азартом отходили тела душистыми вениками и затрусили к озеру. А вода, считай, осенняя. Быстро окунулись: «У-у-ух!» Свежо. Ещё бухнулись и опять на полк. Сидим, оттаиваем.
Палестинец встревоженно:
— Баяна нет!
— Наверно, тихонечко идёт.
Снова хорошо прогрелись. Жарко! Спешим купаться. Смотрим: Баян сидит по грудь в хмурой воде. Плавать не умеет, сидит и дрожит. Рябь гонит. Весь в каких-то жутких пупырышках. Б-ррр! Губы у них и так чёрные, тут — иссиня-чёрные. А кожа, наоборот, побледнела. И даже зрачки белые. Портрет-шарж от Пабло Пикассо!
Володя участливо:
— Баян, ты чего?
— Здэсь лучшэ, чэм там...
— Раз лучше, давай здесь: «бан-ный день».
В ответ прилежно, тоже по слогам:
— Э-бан-ный дэн.
— Ну... это уже антоним. Растёшь!..

Когда чужестранцы оделись и пошли по приглашению хозяйки в дом отведать чайку, я поинтересовался:

— Они что, сами к тебе напросились в баню-то?
— Да, нет. Сейчас расскажу... Баян ведь сначала поступил на строительный факультет. Его единственного из студентов заинтересовало деревянное зодчество, хотя в Иордании, как ты знаешь, дерева нет. Отучился один год. Заявляет: «Нэт! Буду выучить русский, как Лэнин. Знать языка, который говорить хорошо, надо очэнь!» Ну, «надо», так надо. Перевели на филологический. Однако от скучных учебников его воротит. Орфография с пунктуацией нагоняют зевоту.

Хочется живого дела...

Получила очередную долю независимости Организация освобождения Палестины. Вроде как сказали им, что ещё один кусочек земли сектора Газа — «ваш». По этому поводу все арабы, независимо от гражданства и политических симпатий, ликуют. Выпустили стенгазету, нарисовали свой край, красным отметили отвоёванную территорию: «Поздравляем всех палестинских студентов. Ура! Ура! Ура! Вперёд и дальше!» Плакат закрепили кнопками на стенде у деканата.

Мимо, ступая по-хозяйски, вышагивает профессор Рабин, который, как ты знаешь, не за Россию, не за ФАТХ и не за ХАМАС, а за свою обетованную родину. И видит он... прикинь! почти весь его Израиль оказался по этой карте Палестиной. В сердцах срывает газету, суёт вахтёрше. Та — к декану филфака: «Куда девать?»

В ответ простое решение:

— Выбросьте!

Эти приходят на следующий день: «Оппа!»

— Где наша родная Палестина?

Делегацией к декану. Хотят новую карту рисовать, где вообще нет Израиля.

Баян громче всех негодует:

— Кто посмэл?!

Но Рабина не выдали. Вместо этого объяснили, что вахтёр газету сняла сама: расписание занятий вешать некуда. Боевой листок им отдали, и они успокоились.

...И вот «юный лэнинэц» на филфаке.

Сам по-русски говорит «мало-мало», а там программа — ого-го! Не каждый наш осилит. Его земляки — молодцы. Есть у них напор, настойчивость. Стержень! А этот — размондай!.. С «хвостами» и зимнюю, и летнюю сессию закончил. При этом убеждён: язык знает достойно. Просто учителя придираются! Рафат, из чувства солидарности, потакает ему. Готов пособничать. И отправляются они на пару в деканат. Искать свою правду. А для чистоты эксперимента прихватывают в карман диктофончик.

У нас декан филологического факультета занятный мужик. Горячий, заводной. Ма-тер-шинн-ник... страшный. Ага! Всё любит повторять: «Пролетарское происхождение и низкий культурный уровень — наши главные козыри!»

В деканате гости России у секретаря спрашивают:

— На мэстэ?

Молоденькая сотрудница тряхнула кудряшками. Они вваливаются в кабинет, дверь нараспашку.

Декан по телефону разговаривает и им недовольно:

— Подождите!

Баян против:

— А чэго ждать? Ты тут всё равно ничэм нэ занимаэшсь...

— Выйдите!

— Нэт. Мы к тэбэ!

Вены на шее декана угрожающе набухли, лицо побагровело.

Он бросил телефонную трубку мимо аппарата, не мигая уставился на Баяна... А сам по столу судорожно шарит пальцами, комкает служебные бумаги.

И рождается у декана в состоянии аффекта дипломатический спич:

— Мать... вашу... ети!!!

— Ах Вы так?! А здэс всё записано...

Товарищи с братского Востока демонстративно достают диктофон и, кривляясь, поддразнивая, крутят им на недосягаемом расстоянии. Декан вскакивает, стул с грохотом падает. Интервьюируемый галантно подлетает к иностранным корреспондентам, силится политкорректно дотянуться до записывающего устройства. Рафат с Баяном сопротивляются, брыкаются. С этого момента формат общения можно скорее охарактеризовать как «встреча без галстуков». Или, говоря по-нашему, завязывается маленькая свалочка, потасовочка. Представитель принимающей стороны оказывается «в партере». Диктофон падает на пол. Студенты его хватают, выскакивают за дверь.

Декан истошно орёт им вслед на великом русском языке...

— Говорят, эхо по коридорам целый час металось.

— Ёперный театр!..

— А то... Мне всё это секретарша нашептала. По большому секрету. Ты тоже, смотри, никому!

Итак: свой «визит вежливости» иностранные студенты нанесли утром; вечером того же дня, в качестве ответного реверанса, зарубежным гостям объявили выговор. На том дело и кончилось. Баян, разумеется, шумно возмущался, что их как бы все, всегда и везде... «гнобят». Обзывался нехорошими словами.

У него осторожно интересуются:

— Дальше будешь учиться здесь?

— Нэт! Типун вам на ваш взличий могучий язык. Баян хочэт учиться на агроном, гдэ Рафат. Он всё сдаёт на «прэкрасно», мнэ остаются одни двойки, а учимся одинакава.

Володя вытер пот со лба и, словно оправдываясь, продолжал:

— В итоге откосить мне не удалось. Пришлось сделаться русистом. Без русского языка ему ведь, один хрен, ничего не вобьёшь. Пока без акцента произносит только «мать вашу...»

— Все с этого начинали, — подбодрил я.

— ...Сейчас перешли с ним на интенсивный метод «глубокого погружения в языковую среду». Заодно знакомлю иорданца с карельскими традициями, выдумываю культурно-развивающую программу. Сам видишь: весело, как умею. Может, ты чего подскажешь?..

Я в досталь напарился в баньке, всласть попил чайку с мятой и, прощаясь, поинтересовался у Баяна:

— Как выучишься на агронома, здесь у нас будешь бананы разводить или там, у себя, — картошку?

Баян не удостоил ответом.

Позже, я слышал, он уехал на родину.

После учёбы на трёх факультетах ему открыты все дороги.

*

Петрозаводск, 2007 год

НЬТИК

Николаю Михайловичу Сергованцеву

Сослагательное наклонение (лат. modus conjunctivus или subjunctivus) выражает намерение, осуществление которого зависит от известных определённых обстоятельств.

Википедия

По-настоящему его кличка Брайт, хотя зовут все Малыш.

Маша, дочурка, просила братика. Будто не понимая, о чём разговор, мы с мамкой купили щенка. Но назвать собаку «брат»? — Не поймут. Добавили букву «й».

Была и ещё одна причина завести четвероногого друга.

Есть дети — всюду шлындают с родителями, уши греют. Племяш у меня, тринадцать лет парню, всё-оо за папой-мамой хвостиком. Мы сидим, водку пьём — он ушничает. Лишнего не скажешь. А дочка ни в какую не желала с нами в гости ходить. И оставлять её без присмотра страшновато. Срочно требовалась заботливая нянька плюс отважный охранник — в одном. Причём, чтобы это была самая умная, самая красивая, самая преданная на свете собака. Как знаменитый Мухтар!

Восточно-европейская овчарка.

Мы, когда увидели щенка, поняли: он никогда не станет медалистом. Узкомордый, узкогрудый, с длинной шерстью. Постап лап узкий. (Балерина, шестая позиция.) Зато какой славный, ласковый! Пушистый-пушистый! Медвежонок. Моя щекой к нему прижалась и оставить уже не смогла. Наш Малыш!

С появлением щенка мы надеялись заодно выковать у дочери чувство ответственности. Мамка взяла с Маняши долговую расписку, что та «обязуется убирать за ним, выгуливать по три раза на дню». Доча читать-писать не умела: срисовывала буквы с образца. Старалась. Но клятва что? — Формальность! Составили так... для порядка, ребёнка помыкать. Разве ей углядеть за крупной псиной? Столько хлопот.

Весной — грязюка. Вымажется по уши. Лапы ему вытру, а толку-то? Рыжая вода с живота течёт, прячется за открытой дверью, чтоб не выгнали на улицу, сплющится, словно борзая. В глаза просительно смотрит: «На холод не гоните». Брошу коврик к порогу — не знает, как и благодарить. Засмущается, хвостом завилает.

Ложимся спать.

Выжидает, когда засопим... Потихоньку, потихоньку щемится в спальню.

Моя грозно:

— Куда лезешь?.. (Затаится. Может, не ему...) Тебе, тебе говорю.

Крутанётся. Растает в темноте.

Минута проходит, две... Опять — к нам, к нам, к нам. Приползёт, вытянется вдоль кровати, тяжело-полно выдохнет: «М-ммуу». («Вся семья вместе. Заботы позади. Можно спокойно заснуть».) Я руку опущу, почешу за ухом. Полная идиллия...

Как-то раз забыли прикрыть дверь в спальню: он стянул плед, отогнул одеяло, расправил хозяйскую кровать! И — на белую простынку. Дрыхнет на спине, храпит: «Хх-ррррр!» Мужик-мужиком. Брюла набок, язык завалился, слюнка — на крахмальную наволочку. Моя застукала. Как гаркнет! Он спросонья подхватился — и к окну, лапы на подоконник, на пустую улицу:

— Ы-рррр!

Типа: «Бдю!»

А у самого морда заспанная, мятая. До чего клоун пёс...

Вначале сомневались: как его возьмём в общий дом? Будет лаять. Не-ет. В дверь позвонят, постучат, если он в квартире один — пасть на замке. Молчит. Носом воздух втягивает, прислушивается: «Будут ломиться или уйдут?»

Мебель царапать или грызть? Даже не пытался. Единственное — испоганил уголок дивана. Я наложил заплаточку и поймел шикарную возможность его попрекать:

— Это кто сделал? А?! Брайт?

В таких случаях я обращался к нему официально, показывая своё «фэ».

— Спрашиваю, кто сделал?

Голову опустит. Уши заложит, виноватый такой. Я дово-о-олен... Пристрожил.

Ведь все Малыша только баловали, сюсюкались.

Ему конфетку дадут, проглотит и станет всем своим видом показывать, что не распробовал. Начнёт демонстративно в зубах ковырять, причмокивать, облизываться, сиротливо оглядываться. Какое тут сердце выдержит?! Машуня исполняет команду «Апорт!»

Тёща приходит, садится в кресло и сразу берёт «внучка» на руки. Он привык. Пока на руки не возьмут, будет следом ходить. Будет пищать, ныть, канючить: «Всё плохо. Меня тут не любят. Бабушка на ручки не берёт». Такой слюняк! Такой нытик! В детстве залезал целиком. Позже, когда вымахал кобыляка и весь не помещался, клал ей на колени передние лапы.

Ещё бы ему не вымахать... Ел — без меры.

Мамка из детсада ведро жорева притаранит — сметёт зараз. Разляжется, любитесь надутым животом и всё равно печенюшку бы ещё съел. Шлифанул.

По воскресеньям пёсик любил с мамкой блины печь.

Она что? Лишь тесто замесит, на сковородку наливает, блинчики переворачивает и стопочкой складывает, а уж дальше всё он. Сам! Каждый блин сосчитает, взглядом проводит. Румяный блинчик ему на нос положишь, без команды не съест. Сидит, затаив дыхание, масло сочится по морде, слюна течёт. Сначала выполнит обязательную программу: «Сидеть!», «Лежать!», «Стоять!». Подряд, без напоминания. Ползать вот не умел. Башку опустит, передвигает по полу передние лапы, а задница торчит. Такая корма плывёт!

— Взять! — эту команду обожал...

Хоп! — нету блинчика.

Считается: свою еду овчарка никому не отдаст. (Дай, думаю, проверю!) Моя угостила пса сахарной косточкой. Я руку медленно тяну... Он растерялся: то на кость глянет, то на меня. Занервничал. Вопросительно зарычал. Велюровые щёки, вибриссы подрагивают.

— Да подавись ты! Жадюга! Исчо «братом» хотели назвать...

Повернулся к нему спиной. Сел к печке, закурил. Пауза. Слышу, крадётся. Голову под руку пихает. Глаза виновато прижмурены, в зубах кость. В ладонь мне её суёт, дескать: «Бери, угощайся. Мир!»

Моя каждое утро ворчит на кухне:

— Чувствую, крыса ходит.

Как-то видим: пёс гонит... серая лощёная крысина. Пузо толстое, хвостяра длинный, голый. Коготки по крашеному полу: «цик», «цик». Загнал в угол. Та резцами стрижёт — никак не схватить. Кочергой её поддеваю, подкидываю. Пёс в полёте: «Чвак!» Готово.

— Ай, молодец!

Ему так понравилось весёлый кипиш наводить. Охотиться! Да ещё при этом хвалят. Как скомандуешь: «Крыса!» — он давай искать, всё переворачивать, шерстить.

Собака есть собака. Кто для чего держит: кто для охоты и охраны, а кто для души. Чтобы вырастить пса для души, надо, чтобы жил с людьми. Не в будке, не на цепи. Он должен слышать человеческую речь, разговаривать с тобой, быть членом семьи.

Идём вечером гулять. Безлюдная улица. Я ему:

— Далеко ли собрался?! Мы — на Советскую.

Поворачивает, идёт на Советскую.

Прохожий удивлённо:

— Вам какое дело?!

— Вообще-то я не с вами разговариваю...

— А с кем?!

— С псом.

— ?!

По молодости мы с ним много упражнялись, бегали. Десять километров каждый день, чтоб костяк хорошо развивался. Моя посчитала: мало нагрузки. (Со стороны оно, конечно, виднее...) Предложила сделать из него ездовую собаку. Купила упряжку. Поехали Машку катать. Малыш безотказно её возил, возил... Не роптал. Думал, совесть у барыньки проснётся. А Машка с санок слезла, даже спасибо не сказала. Псу пришлось воспитывать. Он деликатненько подошёл сзади и прикусил за спину... Через куртку, кофту — следы зубов. Дочурка орёт, а он недоумённо крутит головой: «Что такое?!» Честными глазками моргает: «Что это с ней? Может, попу отсидела?!» Ну до чего артист!

Обычно в машину сядем, он — следом несётся. Раз бежал, бежал, — надоело. Обогнал «Ниву», резко остановился на обочине, голосует: «Возьмите!» Я не успел затормозить. Смотрю: хоп! — в обморок упал. Удара не было. Неужели по лапе — колесом?.. Но не могли переехать. Если бы взаправду наехали, тут крику было бы! Он бы с ума сошёл... Мы его — в машину. Подглядывает за нами, щурит глаз. (С хитрецей пёс.) Домой привезли, осмотрели: лапка цела, не опухла, кровки нет. Трогаю: не орёт. Так, слегонца, постанывает невпопад:

— А-ааа...

На следующий день тёща заходит. Он к ней с жалобой. Морду страдальческую состряпал, скулит, хнычет.

— Малыш, что случилось?

— А-ааа... Лапку отдави-ии-ли...

— Ах ты бедненький!

Нинка порог не успела переступить. Ей навзрыд:

— А-ааа!

— Что плачет наша радость?

— Смотри са-ма-аааа... — и лапищу суёт под нос.

Целую неделю формировал общественное мнение: «Полюбуйтесь, какие чёрствые мне достались хозяева». Кляузничал, симулировал «бо-бо». А сам уже забыл, какую лапу поднимать. Пугается. Шут!

Постепенно сытная кормёжка, физические упражнения превратили пса в рослую могучую овчарку. Малыш почувствовал свою силу и попусту зубам волю не давал. Первым не дрался никогда. Подойдёт, голову на спину чужаку положит, придавит: «Дёрнешься — получишь!»

Вот в любви Малышу не везло...

Наткнётся ноздрями на похотливый аромат, летит обалдевший по следу. Догонит свору, кавалеров-хахалей раскидает. Охочая сучка ему глазки строит, прихорашивается, тает в предвкушении... А наш понятия не имеет, как реагировать на эти экивоки. Прыгает, падает, охает. За мной прибежит, зовёт на помощь:

— Ав-ав-ав! Подскажи, покажи.

Мечется, слюни распустил:

— А-а-а! Уходит!.. Поговори с ней!

Переволнуется весь. Распсихуется.

ТЬфу! А я что? С ним, что ли, побегу?.. Сучку догонять?!

Первое серьёзное увлечение — водолазиха. Влюбился без памяти. И она согласная была. Но «папа» с «мамой» не разрешали. Боялись, испортит им родословную... Они лучше поглядели бы на себя в зеркало. Куда дальше портить?..

Второе — соседская Найда. Опять неровня! Не могла она держать нашего бугая. Ноги подкашивались. Раз — и падала.

Так пёс нецелованным мальчиком и остался.

А люди в нём души не чаяли...

Пожалуй, одна Ленка со второго этажа боялась Малыша. Дошло до того, что пёс, заслышав, как соседка спускается по лестнице и стучится к нам, без понукания уходил в дальнюю комнату, запирался. Знал: всё равно изолируют.

Ленка из коридора — в узенькую щель:

— Вы собаку убрали?

— Сама убралась...

Но ведь пса ещё и во двор надо выводить. Пришлось пятилетнему Малышу покупать намордник. Он так его невзлюби-ил... Надел и отвернулся. Я ему командую, он игнором занимается. Лёг и давай лапами сдирать. Кряхтит, кажилится, издаёт неприличные звуки. Ноет. На жалость берёт. Я не уступаю, строгость блюду. Обиделся. Убежал на помойку, нашёл там вонючий целлофановый пакет из-под селёдки. Как всосал его через ремни? Ума не приложу. Вымазал всю морду, пакет торчит из пасти, вонища от него. И лобызаться лезет...

— Иди отсюда!

Намордник пришлось снять.

Действительно, зачем он такому «зверюге»? Гости придут, к каждому ластится, у кого лысина — облизывает, в глаза заглядывает: «Что мне вкусенького принесли?»

К моей с работы Нинка заскочила в богатой натуральной шубе. Гладит его. Умиляется. А Малыша невозможно не потрогать: весь пушистый, морда такая! глазки добрые, прямо бусинки ангельские. Угостила нашего лакомку конфеткой. Пёс, алаверды, подпрыгнул гостью чмокнуть и невзначай носом — ей в глаз.

Та как загомосит:

— Гла-ааз!

Моя вопит:

— Шу-уу-ба! Не порвал? Глаз-то проморгается.

Только у одного человека Малыш угощение не брал.

Яшка Макаров, мой напарник по работе, был вхож в дом. Яшка тыкает ему в моську куском «Любительской» — наш зубы щерит и отворачивается.

Пёс крепко невзлюбил его после одного случая...

Выпивший Макар стал задираться:

— Ну что за собака? Мямля! Вот тоже воспитали овчарку. Сейчас стукну хозяина... Будет хвостиком вилять?

Думал, шутит. Какой там... Пнул меня по ноге. Малыш в недоумении: «Что делается? Гость-то свой». Его никогда не науськивали. Наоборот, объясняли, что любой спор можно уладить словами. Пёс заметался, побежал к мамке на кухню, воет: «Поди, посмотри, что творится. Разберись, прими решение». Приводит её в комнату, а самого не узнать: сделался упругим, подобранным; шерсть на загривке дыбом; щёки, бока от низкого утробного рыка подрагивают, глаза налились кровью.

А гость вконец раздухарился и пнул «со злостью».

Провоцирует:

— Ну, чё? Ну, чё тут ваша овчарка?

Глаза у собаки мутнеют, перекрываются жёлтой пеленой.

Яшка пуще дразнит:

— Секи, ублюдок, твоего хозяина бьют!

Взъерошил мне волосы.

Малыш рванулся, я не успел среагировать. «Раз-раз-раз!» Кисть, локоть, плечо. Мигом перехватывается. Вижу, Макар бледнеет, пёс — к горлу... Я уцепился двумя руками за ошейник, тащу назад... Хрипит. Чувствую: если руки ослаблю, вырвет Макару горло. Моя верещит: «Ф-фу! Фу!..» На весь дом лай, рык, ор.

Еле уволок Малыша на кухню.

Макар снял свитер: рубашка вместе с кожей, с мясом выдрана. На шее след от «компостера». Яшка стёк по стене, присмиривший, опущенный.

После того Макар у нас появлялся, однако пёс ему больше не доверял. Сверлил взглядом: «Ты какой к нам сегодня пожаловал? Добрый или злой?» Трезвому Малыш позволял перемещаться по квартире, под конвоем. Макар — в туалет, пёс — за ним, гость — в комнату, Малыш — следом: «Я тут! Присматриваю за тобой». Чуть что не так — прижмёт. Макар рюмку выпьет, мы пса — в сарай. Иначе жвакнет. Не сильно, но с чувством.

Яшка стал бояться его...

Тем летом был редкий урожай грибов. В конце августа, как свободный вечер, мы — в лес, рядом с посёлком. Собирали для себя и на продажу. А ведь машину теперь на лесной дороге так не оставишь. Однажды, после полудня, поехали в сторону Лыдинки. Взяли с мамкой по корзине,

решили обойти краем ламбушки. Малыша оставил в машине. Замки не запер. Зачем при такой охране? Пёс принялся было нить, я надавил на сознательность, напомнил о собачьем долге. Назвал Брайтом. Он тяжело вздохнул. Проникся. Растянулся на заднем сиденье.

Отошли от машины:

— Малыш!

Голову поднял, ушами стриганул: «Я тут, охраняю. Всё нормально!»

Лёгкий ветерок с шелестом пересчитывал сухие листочки на деревьях. В ожидании осени верхушки осин, рябины зарделись, высокая переспелая трава потеряла былую сочность. Перед тем как остыть, солнце припекало, давая возможность насладиться нежными невесомыми лучами. Последняя бабочка лета опустилась на пыльное лобовое стекло. Она расправляла чёрные перламутровые крылышки, сонно охорашивалась, перебирая усиками. Пёс смотрел на неё ошалело, с изумлением наклоняя голову то на один бок, то на другой. Хотел слизнуть, но лишь провёл языком по стеклу.

Глухой нарастающий гул привлёк Малыша задолго до того, как узик вынырнул из-за поворота. Чужая машина остановилась метров за тридцать. Двигатель заглушили. Малыш не понимал толком, что его насторожило. Вроде, машина как машина — обычная. За то время, пока не было хозяев, проехало несколько таких же или почти таких. Двое людей сидели в кабине и отчего-то выходить не спешили.

Между тем поведение их начинало безотчётно беспокоить пса... Он упёрся передними лапами в спинку сиденья, шерсть на загривке встала торчком, опустилась, опять вздыбилась. Хлопнула дверка. Малыш узнал человека: Яшка Макаров неспешно шёл к нему и натянуто улыбался. Время от времени останавливался. Воровато оглядывался. Несколько раз вполголоса позвал:

— Толян! Э-ээ!

Никто не ответил. Хозяева были далеко.

Малыш учащённо задышал. Верхняя губа, нервно подрагивая, обнажала белые клыки.

Макар подошёл к «Ниве», криво ухмыльнулся:

— Ну что, тварь? Встретились на узкой дорожке?..

Он пнул по колесу. Малыш злобно сверкнул глазницами, в горле угрожающе заклокотало ррр-рычание. Узик подъехал вплотную. Подельник достал баллонный ключ, домкрат, принёс от потухшего костра с обочины берёзовый чурбак.

Налитые ненавистью глаза Малыша... заах-лёбывались... наглостью этих двоих... Они присели на корточки. Открутили гайки! Машина ранено дёрнулась, накренилась. Макар снял колесо, закинул в узик... Пёс хрипел от бессильной злобы. Горячие брызги слюны сочились с длинного лилового языка, веером разлетаясь по салону. Люди нехорошо смеялись, замахивались на него, поддразнивали, снимали одно колесо за другим, ставили вместо них чурки и грузили к себе хозяйское добро. Работали споро. Десяти минут не прошло, как «Нива» зависла, полностью разутая. Малыш вне себя от ярости рычал, лаял, метался внутри, неистово рвал когтями обшивку салона. Пытался разбить обманчиво доступную преграду грудью, но лишь раскровенил морду. По стеклу, измазанному густыми пятнами крови, тянулся размашистый след когтистой лапы.

Яшка наклонился к самому окну:

— Отравить бы тебя... Да пачкаться неохота. Сам подохнешь.

Малыш грохотал, выплёскивая лай в слащавую физиономию, стальные клыки его металлически клацали, рассекая пустой воздух в нескольких сантиметрах от недоступной кадыкастой глотки.

Подельник заскочил в узик:

— Оставь его, Макар. Сматываться надо. Ещё заметят!

— Им же хуже...

Малыш тыкался мокрым лобешником в жёсткое стекло. Плохие люди уходили безнаказанно. Он слабел на глазах. От унижения. От собственного бессилия. Лапы его подкосились. Малыш качнулся и завалился набок. Прикрыв глаза, он хрипло дышал, шумно втягивал пастью и носом спёртый воздух. Бока его широко раздувались, изо рта лезла густая клейкая пена, рваными хлопьями падая на окровавленный каркас сиденья.

...Кому довелось маяться в районной больнице тягучими выходными днями, подтвердят — тоска смертная. Новый сосед по палате от нечего делать спросил Толика про собаку, а тот, словно дитя малое, не распознав едва прикрытого равнодушия, оживился, подоткнул подушку повыше и начал, начал...

Картинки всплывали, заслоня одна другую.

— Идём назад, корзины полные. Солнце жарит. Сквозь деревья уже вижу машину. Малыш всегда чувял нас задолго, лаем встречал. Тут — молчок. Моей ничего не говорю, у самого сердце сжалось от недобрых предчувствий. Что-то случилось... Громко позвал: «Малыш! Малыш!» Тишина.

— И что с собакой?..

— Выбрались к машине. Пса не видно. Распахнул нагретую дверку — лежит, будто мёртвый. В салоне погром. Кругом шерсть, кровь, слюна, горячий удушливый запах собачатины. Пока ловили попутку, пока на «скорую». Уколы делали...

День-другой проходит...

Брайт крепко сдал. Начал зад подзакидывать. Подписываться стал, подкакиваться. Если совсем плохо, просился на улицу. Уйдёт в дровяник и останется: «Не хочу вас обременять». Там всё зароет. Лежит один. Видно было: не выкарабкаться ему... Как будет подыхать? Изведёт нас. Он ведь такой жалобщик, такой пискун.

Как-то раз в обед я пришёл, на улице дождь.

Моя:

— Толь, проведай пёсика.

— Дай полежать...

— Если тебе не нужен кобель, если надоед, усыпи. Зачем мучить животину? Машка с кавалерами гуляет, ей нянька без надобности.

Ну, раз так... Думаю, сколько будет стоить? Поехал в ветлечебницу. В субботу не работают...

Сосед заслушался и не сразу обратил внимание на тихое поскуливание за окном...

— ?..

Толик усмехнулся:

— Малыш.

— Так он жив?!

— Оклемался. Начал потихоньку вставать, телепаться. Считаю, два года прошло. Старбень-старбень: не видит, не слышит почти ничего, а таскается сюда каждый день. Навещать приходит. Мне к нему не выйти. Ноет и ноет. Всю душу вывернул... Нытик!

Сосед подошёл к окну. Тёмные голые ветки тополей топорщились, противясь настойчивым порывам северного ветра. Внизу, вдоль больничных окон, по мёрзлой земле, неуклюже расставляя лапы, ходил и поскуливал огромный старый пёс. Шерсть на нём висела ключьями, окрас из некогда яркого чепрачного поменялся на тусклый рыжевато-седой. Мужчина участливо постучал по стеклу и пошёл обедать.

Малыш беспокойно задрал вверх крупную седую голову...

Не в силах точно определить направление звука, он растерянно постоял, снова заковылял вдоль стены. Время от времени замирал, принохивался в надежде уловить родной запах, затем крутанулся на месте, устало лёг. Положил тяжёлую голову на вытянутые передние лапы, прикрыл слезящиеся глаза.

Малыш был предан Толику навсегда.

Предан без всяких там оговорок и знакомых псу сослагательных наклонений.

Колочая ноябрьская позёмка заметала его сухим снегом. Малыш терпеливо жмурился и улыбался во сне. Ему снились ласковое лето, тёплое солнце, и они опять вместе. Всей семьёй...

*

Полёт летучей мыши

Глану Арменаковичу Онаняну

*...Не согрешил ни он, ни родители его,
но это для того,
чтобы на нём явились дела Божии.*

Святое Благовествование от Иоанна (гл. 9, п. 3)

Два раза в своей жизни я видел слёзы и смех одновременно.
Будто в январскую стужу — луч палящего июльского солнца.
Вперемешку. Внахлест...

Первый раз это было у нас в Горелово Ленинградской области в сорок первом, когда мужиков провожали на войну. Деревня отмитинговала. Новобранцы помалкивают, и скорей это дело... — начали выпивать. Вот. Около церкви площадка, трёхрядка заливаётся, песни-танцы. На бабьих платках, расстеленных тут же на траве, и огурцы, и помидоры, и стопки, и слёзы.

Второй раз в Сибири, после войны.

Я оказался на вокзале, когда подошёл эшелон с солдатами: двери открыты настежь, оттуда гармошка, частушки. Выпрыгивали на платформу местные, кто уже приехал. Их встречали плачем и надрывным смехом те, кто ждал и дождался.

Никогда не забуду: пожилой, загорелый служивый. Гимнастёрка аж белая, до того выгорела. На спине вещмешок махонький. (Чего там привёз, какие гостинцы?) Встречали его, улыбаясь сквозь слёзы, жена и дочка. Жена не старая ещё, загорелая и морщинистая. Она порывисто кинулась на грудь мужу. А девчушка, лет четырнадцати-пятнадцати, симпатичная; стоит в сторонке в светлом платье, оборку теревит. За четыре года отвыкла от бати, стесняется подойти.

Отец подивился:

— Господи, дочка у меня совсем большая выросла!

Я был близко, украдкой наблюдал за ними со стороны. У самого комок в горле...

Люди уходили защищать свою родину с оружием в руках, до победы или смерти. И только те, кому повезло, счастливые, возвращались домой, на эту самую родину, с войны.

А где же Родина моя?..

Я родился в русской деревне под Ленинградом, хотя по национальности финн. Из тридцати пяти дворов пять подряд — все Полукайнены. Однажды соседская бабка Лиза вспомнила что-то — и как рассмеётся... У самой зубы мелкие-мелкие, когда щерится, дёсны видно:

— Я ведь с твоим дедкой на танцы ходила.

Мне так интересно: я ни деда, ни бабку не застал, а она с ним на танцы...

— Твой дедка был жмо-о-от — жадный, скупой-скупой. Выпить любил. Как-то раз решил доказать, что он щедрый и богатый. В чайной при всех трёхрублёвую бумажку скрутил и закурил. (Три рубля были деньги большые.) Все только обсмеяли и осудили его. Жмот, так жмот и есть. Чего добился? Потом, небось, месяц говно ел и экономил на всём.

Сказанное не развеселило меня. Не только деда, русские недолюбливали нас всех и метили, как дёгтем на воротах, презрительным — «чухня». Вокруг иная вера, чужие порядки, обычаи, мысли. Граница прошла по деревне. Маму звали Хельми. «Жемчужина» по-русски. Имя вроде нормальное, а все: «Гы-гы-гы». Она обижалась.

Мамка втайне поведала, что родина есть и у нас, украдкой показывая в сторону заходящего солнца:

— Никогда не станем мы здесь своими...

В семье из детей я был старшим. Кроме меня, три младших сестрёнки.

Приспело нам картошку сажать. Отец у нас тогда крепко болел. Помню его с болезненной grimасой на лице, с неряшливой рыжей бородой. Тихонько, словно тень, он появился на улице: прутик в руках, в полушубке. (Хотя жара — в полушубке!) Постоял на крыльце, посмотрел жалостно на меня и — назад, в дом. Я проборонил огород. Пошёл за окучником — окучника не оказалось. Запряг соху, а соха и окучник — две большие разницы. Навыка у меня нет. Хотя лошадь такая хорошая, лёгкая, небольшая, аккуратная. Послушная кобыла, деревенская, знает как идти.

Сосед, дядя Лексей, мне советует:

— Ну, Паленька, вот на то дерево правь. Ориентируйся на осину.

Большая осина росла на меже, где кончается огород. Толстая, высокая. Мать под уздцы ведёт лошадь краем борозды, а упрямая соха то туда, то сюда залазит. И мы давай кривить. Не получается толком, чертыхаюсь. Мамка плачет. Огород не особо широкий, но длинненький: от бани до осины. И вот я косо-криво, а всё же пробороздил. У меня вся рубашка мокрая от пота. С носу, со лба падают тяжёлые солёные капли. Дошли до края. Пусть теперь лошадь отдохнёт. Бросил ей сена, рубашку скинул, посидел на меже и пошёл обратно — подправлять борозды, уже без матери. Лошадь сама идёт. Подпоследок, где я кривил, исправил.

Нам повезло: отец в то лето и умер... Это спасло нашу семью от высылки. Вот. Четыре семьи Полукайненных были погружены в машину и ночью увезены навсегда. Куда? За что? Почему только финнов? Никто не знал. Вслух говорить боялись...

Мне не было ещё полных четырнадцати лет. Досталось с малолетства поработать: и за катком ходил, и боронил, а потом и пахал, и косил на конной косилке. Следующей весной у меня появилась своя, прикреплённая колхозом, пара лошадей. Такое решение вынесло правление, поскольку считали, что теперь без отца в семье хозяин я.

В сорок первом году двадцать второго июня мне в аккурат исполнялось семнадцать лет. За день до этого, в субботу, в соседней деревне Ольховка — танцы. Там и ночевать остался.

Недалёко после Троицы, специально ко дню рождения, мамка справила мне первый в жизни костюм, такой тёмно-серый, как шинель. Тогда и денег лишнего не было, и купить не было товару. С мануфактурой туго, в сельпо выстаивали очереди по ночам. Иду из гостей обратно в воскресенье — на улице жароша, а я всё одно костюм напялил. Ведь всем надо показать такую обнову. Шагаю, изнываю от духоты.

Глядь, от сельсовета летит верхом на гнедом жеребце наш ветврач и ещё издали во весь дух как закричит:

— Война!

Прямо у колодца устроили митинг. Бьют в пожарный колокол, люди подходят встревоженные, перетаптываются с ноги на ногу, присаживаются на траву. Германия напала на Советский Союз. Как сейчас помню: сидят все круговую, а дядя Лексей:

— Ну, мы их шапками закидаем!

Хорошо хоть, мне не было восемнадцати. Ни я, ни моя шапка не понадобились. А записываться добровольцем не манило.

Как разверзлась война, не одних мужиков забрали в армию: лошадей тоже всех зачислили, а колхозный скот угнали в Ленинград. Двух коров, какие оставши, мы укрыли в «берлоге»: за болотом два оврага рядом, ольхой заросшие. Такое ладное песчаное место. Туда телеги и шмотки попрятали. У каждой семьи вырыто по землянке: погреб, два на два и глубиной два; на дне соломой выстлано. Ночью там и не жарко, и не холодно. На случай прятаться от немцев или от русских — от войны. Спереду стреляют, сзади стреляют, а мы в серёдке. Немцы палили здорово. Однажды ночью обстрел был большо-о-ой. Над нашей деревней только и разрывалось: «р-р-р-р, р-р-р-р», но ничего не загорелось.

Дядька Лексей, великий стратег, всем поясняет:

— Это шрапнелью.

С рассветом повисла тишина. Красные отступили, а двадцать первого августа к нам пришли немцы...

Рано утром мать истопила дома русскую печку, лепёшек напекла. Я в сметану помакал, вкусно поел и пошёл к «берлоге» корову кормить. Со мной соседский парнишка увязался, Шурка. Он на четыре года моложе меня и везде хвостиком за мной шустрит. Идём с ним вдоль болота. Закрайком леса морошка, да вся налитая, красно-жёлтая. За ягодой этой и потянулись мы от тропинки, сорвали несколько. Ползаем на коленках по мху, урчим довольно. Слад-ка-я... Один глаз зажмуришь, сквозь ягоду на солнце глянешь: аж переливается вся. Чудно! Опять ягоду сорвал, голову к солнцу запрокинул. Кто-то свет застил... Мамочки... надо мной стоит немец в чёрном и нам:

— Komm, komm, — автоматом показывает, куда идти.

Болото узкое, а на том берегу у них уж окопы нарыты, солдаты в касках. Дальше под деревом пленные, человек шесть—семь, сидят, и нас с ходу к ним. Немчура рыкает по-своему. Один из арестованных понимал по-немецки, шепчет: «Пацаны, не бойтесь. Они вас хотят домой отпустить».

Мы только успели обрадоваться, как вдруг, на наше несчастье, подкатил мотоцикл. В коляске офицер. И зло:

— Nein, nicht einlassen! Partisanen! [Нет, их не отпускать! Партизаны! (нем.)]

Партизаны... На кой нам это нужно?

Так мы с Шуркой попали в плен. Вот. Нас повезли сперва на машине, затем поездом дальше и дальше, и дальше, и дальше...

Где-то в сентябре, числа не помню, добрались мы в город Вильнюс, что в Литве. Городская тюрьма раньше была обнесена стеной, к тому прибавкой ещё забор нарастили и возвели три больших-больших барака. Двери железные. Вокруг колючая проволока. Там устроили лагерь для военнопленных.

Нас поместили в ближнем бараке; как с ворот заходить, первый полог. Дальше, за оградой, комендатура, где живут охранники да начальство. После обеда идут сытые мимо колючки в свою казарму, а заключённые сквозь проволоку котелки тянут, и они остатки сливают. У нас с Шуркой ни котелков, ничего. Нашли потом какие-то баночки. Немцы видят, что пацаны, так нам вроде как и больше плеснут. А один буркнул по-русски: «У-уу, сталинские сыночки, вы и тут нам под ногам».

Дни потянулись унылые, холодные, голодные, похожие один на другой. Надежда на освобождение потихоньку оставляла и меня, и Шурку. Лежим как-то с ним на верхних нарах, живот к спине прилипает. Вдруг забегает мужик и нам возбуждённо:

— Эй, пацаны, большое начальство ходит. Пишите заявление, чтоб вас домой отпустили.

Мы сразу соскочили. У одного нашёлся огрызок химического карандаша, у другого бумажкой разжились, хоть мятой, но чистой. Мы словами-то сказали, как попали в плен, ну и нам подправили на письме слегка. Я написал заявление отдельно, Шурка — отдельно, что «если не можете отпустить домой, мы близко от фронта, фронт-то под Ленинградом, так хоть просим очень улучшить положение наше, как мы не военные».

Стоим у колючки с прошениями наготове. Идут клином... Впереди генерал, сзади охрана, сопровождающие. Главный подходит, открывает папку, я туда через проволоку свою бумажку пихаю, Шурка — свою. Зашагали дальше.

Через неделю после того заявляется молодой лейтенант, немец; с ним русский переводчик из пленных. (Ну, он-то жил сы-ытно.)

— Где тут эти салаги?

— Вот они.

Нас из строя выпихнули вперёд. И лейтенант от имени начальства объявляет:

— Ваши заявления проверили. Сейчас вас домой отпустить не можем, потому что ваша деревня на самой передовой. Мы улучшаем вам положение: даём работу на кухне.

Ну и стали мы жить, как говорится, хорошо, сытно.

Вечером повара нашинкуют себе капусту с кониной — и в духовку. Она там часа два—три потомится, потом сидим и с таким аппетитом уплетаем. Уж повара-то голодные не останутся! Главный кашевар — украинец, краснолицый дядька Степан, гладит Шурку по голове:

— Ой, як мой сынок.

Ну и раз так, Шурку работать ничего не заставлял, а меня, как постарше, поставил истопником. Мы за печкой себе нары сделали: Шурка — с одной стороны, я — с другой, проход в

серёдке. Мы того человека, который нас надоумил бумагу писать, отблагодарили хорошо-о-о. Ведь он нам жизнь спас.

А вокруг мёрли как мухи: по двести, по триста человек в день. Богу молятся. С голоду рукой не могут толком шевельнуть, а туда же — креститься. Живые мертвецы в лохмотьях! Ты крестись, хоть закрестись... Самому нужно ловчее быть. Вот! Сами виноваты. Кто вёл себя примерно, слушался, к тем и немцы относились хорошо. А кто своевольничал — расстреливали. Как иначе? Сказывают: двое принялись потихоньку ломать ночью пол. Дураки какие-то... Везде этих недисциплинированных хватает. Что всё дозволено, думали. Может, партейные или х... их знает, кто оне... Нас выстроили всех, чтобы видели, чтоб другим неповадно было. Сперва из автоматов, а потом ещё офицер с пистолета разик шмальнул.

Каждый день я топил печки для варки. Повар главный меня учил:

— Ты жми-жми-жми, топи-топи-топи, а как закипит в котле, сразу же шлангом туши огонь, чтоб через не шло. Дрова выкидывать не надо, пусть тихонько шают. Вареву дойдёт.

Я так и действовал. Получалось хорошо, поскольку сам из деревни, привыкши к работе с малолетства. Он хвалил меня си-ильно. Один раз заключённым даже нагоняй устроил:

— Вон Павлуха моложе вас, куда пацан, а топит — во! Не как вы: картёжники, лодыри, шатай-валяй.

Однажды он рассказал нам поучи-ии-тельную байку:

— Построил немецкий комендант жителей освобождённой украинской деревни и объявляет: «Кто будэт хоросо работать, тот будет кушать млеко и яйки. Кто будет плёхо работать, тот будет кушать са... са... са...» Кто-то из местных подсказывает: «Сало!» — «Найн сало!!! Тот будет кушать свой салюпа».

А я чего... я старался.

Наверное, если бы наш лагерь не стал пересыльным, умиранье не прекратилось бы. А тут всех принялись лучше кормить, баланду давать — когда из ржаной, когда из какой муки. Наливали по полному котелку.

Из нашего лагеря взяли людей, которые покрепче, отправлять на работу в Германию. И когда их построят перед отправкой, мы, пацаны, ходим, проверяем вещи. (Нам ловчее, мы лёгкие на ногу.) Ежели спрятаны миски, отбираем. Затем миски в мешок, мешок на кухню. Которые не отдавали, тех охранники били палкой, чтобы не присваивали себе чужое имущество.

И, видимо, пока я пожитки обшаривал, подхватил заразу. Заболел сыпным тифом. Попал в госпиталь. Двое суток или больше валялся без памяти. Но оклемался, на поправку пошёл. И уже кумекаю: как мне обратно на кухню попасть. На моё счастье, одежда у меня была боле-мене подходящая: пиджачок справный, фуражка. Портные из военнопленных мне за хлеб сшили. (Сытый голодного «имеет», как хочет.) Одеждой я выделялся. И когда нас по четыре человека в колонне привели в лагерь, стали отсчитывать и распределять по баракам, у меня справились:

— Woher bist du? Aus welchen Baracke? [Откуда ты? Из какого барака? (нем.)]

Я не растерялся:

— Aus den Küche. [С кухни (нем.)]

— Dann geh in du Küche. [А-а, ну и иди на кухню (нем.)]

Прихожу: моё место занято, у повара теперь другой работяга. Но Шурка, как увидел меня, радостно:

— О-о, Паля пришёл! Мы с ним...

Хохол тогда:

— Знаешь что, мы тебя на склад определим. Будешь повидло по мискам раскладывать.

На складе уже был Ваня Саратовский. Зану-у-удистый... Засратский! Придурок, он из детдома бежал к военным, был «сыном полка», потом вместе с частью — в плен. И я, значит, стал у него в помощниках ходить. Сам моложе меня на два года, а го-нору-уу... Покрикивает, куражится надо мной. Ну и мы с ним как начнём баловаться, я его, ё... мать, как заверну-заверну, аж пищит. Бить-то не имею права, боюсь, что меня начальство выгонит, а помучил всласть. Отвёл душеньку.

Наша работа несложная: в какой барак, сколько человек... только отмечай в журнал, на каждой миске — бирочка. Мы писали, сколько повидла кому, старались не перепутать, как же. А меня, как маленько закумекал по-немецки, назначили старшим.

Теперь мой черёд приспел Ваней командовать. Я его не бил, я строго по закону:

— Вот будешь мыть всё один.

Повидлы ели, сколько хотели, но не лишку. Да и много ли ты съешь повидлы?

В бочке двести килограмм, и по документам надо отпустить товару на двести килограмм, а повар наставляет:

— Если будешь вешать грамм в грамм, тебе не хватит. Подпоследок откуда, из воздуха станешь брать? Надо чуть-чуть недовешивать. Вот истина. Недаром притча есть: выстроили сто человек, один взял горсть муки, передаёт другому, третьему, тот — четвёртому, и уже через десять—пятнадцать человек мука исчезает. Куда? — Прилипает к рукам. Так и повидло.

Везло мне на добрых людей!

Я весы после этого чуть-чуть... наладил. Вот это «чуть-чуть» и помогало. В итоге до того наострился на взвешивании, что нам оставалась целая миска этой повидлы. Что почище — себе, поскрёбыши — пленным.

Зиму выдюжил.

К весне дело.

В конце марта день сделался длиннее. Потеплело. И тут опять вызывают в комендатуру. Думаю, что стряслось?

Оказывается, стали собирать пленных финской национальности для отправки в Финляндию, чтобы против Советского Союза воевать.

Сидят там военные за столом и мне в лоб:

— Wie wirst du behaupten dass du ein Finn bist? [Чем докажешь, что ты финн? (нем.)]

Я так спроста:

— И не собираюсь доказывать, мне нечего доказывать. Я в русской деревне родившись и выросши, вот у нас тридцать пять дворов деревня: тридцать — русские, а пять дворов финнов. Вот и мы.

В ответ:

— Гыр-гыр-гыр-гыр-гыр.

Переводчик пояснил:

— Будем тебя отправлять.

Закончилась поварская служба. Меня и ещё четверых перевели в отдельный барак. В том же бараке поселили военный комсостав, у всех красные шпалы, ромбы, у кого какое звание. Ну, им, видимо, получше давали баланду. Немцы им подкидывали, как офицерам, так они по помойкам не лазили, умывались — пограмотнее были люди.

Каждый обитатель барака имел отличительную нашивку. У меня жёлтый кружок сохранился ещё с кухни. И я имел право ходить туда-сюда и там кушал... В общем, голоду не видал. К тому же нам на пять человек приносили баланды, как на двадцать, — свой напарник кашеварит. За счёт меня и мужики оживели.

В апреле месяце сорок второго года сопровождающий без автомата, с одним пистолетом, посадил нас в пассажирский вагон. Мы попали в город Каунас. Там лагерь большо-о-ой. Некоторые на месте пристраивались в немецкие зондер-команды. Мне тоже предлагали. Паёк сулили добрый. Но я ни за кого воевать не хотел. Там двоюродного брата встретил. Андрей Эрти — моей тётки, отца сестры родной, сын. Он с той же деревни, откуда моя мама пришла в Горелово замуж.

У меня и одежда была, и сапоги справные, и сам я справный, а там баланда обыкновенная, паёк... А паёк — скотское дело. Пошёл я на кухню, отыскал старшего повара, обращаюсь по-свойски:

— Слушай, я в Вильнюсе на кухне работал, устрой меня, ведь привыкши к кухне. Вот у меня часы, бери. Больше мне нечего дать.

Он осмотрел меня снизу доверху, прикидывая:

— Часы убери. Часы мне твои без надобности, у меня свои есть. А работать тебя взять к себе не могу: у меня комплект полный, не имею права, у немцев дисциплина. Слушай внимательно: иди прямо к проходной, там будка. В ней человек выдаёт повидлу. Иди ему помогать, скажи, я послал.

Бреду по дворику, гляжу: рыжий ефрейтор с собакой прямо голым штыком, без кобуры, подталкивает моих приятелей в спину. Собака рвётся кусать, овчарка как-никак... Я, проходя мимо рыжего, вытянулся по струнке и бойко подскозырнул. Ни он, ни офицеры на меня даже внимания не обратили. Ладно одетый, иду смело, значит, так надо, а у самого мандраж.

Постучал в окно будки.

— Чего нужно?

— Меня главный повар послал к тебе в помощь, давай инструмент.

— Ага, заходи.

Ну, я в дверь — нырк. У самого по спине холодный пот: «Неужели и тут мимо смерти проскочил?»

— Вот тебе голик, вот фартук. Там бочки. Их выскабливай и чистые — в сторону. А это — за работу! — вручает мне миску повидлы.

Ложка-то у меня в голенище наготове завсегда.

И я, как голик в руки получил, фартук надел, — стал при форме, уже никто не тронет... Недалеко за забором помойка, но у проходной и вокруг на вышках охранники. Когда нужно ведро полное выносить, я им ласково:

— Камрад, нужно высыпать.

Эсэсовец сначала со мной выходил, а потом я уж один, без него. Тому, что на вышке, ведро покажу:

— Камрад...

— Schneller! Schneller!..

Высыплю и обратно. За два дня управился. Стоят бочки чистенькие в три ряда — любо-дорого посмотреть. Ну и каждый день я приносил целую миску повидлы своим приятелям — всё помощь. Да окурков собираю полный карман. Они их пересортируют, себе лучшие оставят, остальные — в обмен пустят, готовые крутки делали.

В июне нас из Каунаса перебрасывают в Кёнигсберг. И ну давай на работу гонять: то окопы рыть, то глубокие траншеи под фундамент. Мы их называли «могилы». Чувствую: слабею. Первое-то время я из этой могилы выкидывал тело на руках, а потом и по лесенке подниматься не замог. Вот.

В одно прекрасное утро нас построили, смотрю: стоит группа, человек восемь. И рядом два немца промеж себя бубнят, мол, одного не хватает, некомплект.

А я вроде баловства из строя-то выскочил:

— Nehmen sie mich mit! [Возьмите меня! (нем.)]

— Oh, du sprichst deutsch gut. Du wirst ein Brigadier! [О! Так хорошо по-немецки говоришь.

Ты и будешь теперь бригадиром. (нем.)]

Ну, я и пошёл.

Предстояло копать землю под какое-то строение, но наши конвоиры — молодые немецкие парни, года на три—четыре постарше меня, — не стремились работу закончить быстро и попасть на фронт. Командуют:

— Ausruhen! [Отдыхать! (нем.)]

Мы да-вай исполнять... Они в карты играют, а мы сидим — загораем. Немцы по очереди кругом озираются: нет ли начальства, не идёт ли машина. Как заметят, сразу:

— Kamerad, arbeiten! [Товарищи, работать! (нем.)]

Начинаем работать, суетиться.

Ещё пилу брали с собой. Напилим дров, наколем каждому по пачке и — в лагерь к захваченным европейцам: бельгийцам, французам — дрова на еду менять. Им Красный Крест помогал, а советским — никто. В Красной Армии ведь «военнопленных не было».

Эти дрова хорошо подкормили.

В Финляндию нас отправили в июле. Целый пароход, две тысячи или больше.

В дорогу дали сухой паёк на три дня, да разве вытерпишь три-то дня?.. Мы за день всё умяли. А Петька, из наших же, из Торовцева, ой, крепкий духом или жмот, обязательно оставит на утро кусок хлеба и терпит. В лагере на нарах он через человека от меня спал. Я, бывало, тоже оставлю кусок — лежу, лежу, не могу заснуть: вытащу из заначки, съем — потом засну. Мне терпежа не хватало, организм требовал.

В Турку, как пригнали, сразу пожрать принесли. Мы такие, рады, Петьку поддразниваем: «Ну что, берёг?!»

Доставили нас в лагерь, помыли, одели. Всем и ботинки дали, и одежду, старую, но чистую, без дыр. Поп молитвы принялся петь: наши подпевали, я-то не умел, слов не знал. Потом от Америки помощь была: посылки «нашим братьям из России». Выдавали один пакет на троих.

Каждый свёрток загодя был вскрыт: какое-то там «ко-офе» охранники себе забрали, остальное — нам.

Вокруг, надо не надо, по-фински чешут. Я-то с русской деревни, у меня не особо разговор, а наши как залопотали:

— O, suomalaiset. Omat! [О, финны! Свои! (фин.)]

В ответ пренебрежительно:

— Ryssä!.. [«Русский» (презрительно) (фин.)]

Ночами я ел припасённые американские сухари, ворочался на жёстких нарах и думал, думал, думал...

Другой мне виделась встреча с родиной. Для русских мы — «чухонцы», для финнов, оказывается, «рюсся»... Нигде с рождения я не был «своим». Таких называют: «гражданин мира», но себя ведь не обманешь. Когда ни один из берегов не стал родным, чувствуешь себя дерьмом в проруби...

Как закончился карантин, отправили нас на земельные работы. Пешком пригнали в поместье к хозяину, барону. Самого я видел только однажды: высокий, худой, как щепка, гладко побритый. Костюм у него — ни памятины. Мы посмотрели: ну, ё... мать, — господин! Морда-то финская. А всем хозяйством командовал управляющий; очки у него толстые-толстые и на животе связка ключей. Каждое утро он распределял, как в колхозе: кого — куда, просеивать или мешки набирать, ну, в общем, дело известное. Поселили нас в большом двухэтажном доме. С одной стороны жил бригадир с семьёй, а с другой — мы. Хлеб пекла финка. Я показал ей свою фотографию, какой до войны был, она, девка не семнадцатилетняя, удивилась:

— Voi-voi, et ollut sellainen, kuin nyt. Näöltä musta, laiha. [Ой, непохоже, какой ты на деле, лицом чёрный, худой (фин.)]

А прошёл месяц, подходит сама:

— Nyt olet kuin valokuvassa. [Ты стал похож на свою фотографию (фин.)]

Всё оттого, что теперь литр молока нам давали. И мы уже не только свои ноги передвигали, но и работали ударно. Скашивали косилкой овёс, колосья сушили на кольях, потом возили в большие сараи на лошадях. А зимой, по первому снегу, молотилку подгоняли и обмолачивали тут же. Молотилку электричество крутило. Барабан круглый и ножи. Солома идёт, измельчается, называется «силппу». Её слегка увлажнишь, комбикорм добавишь: и коровы ели, и лошади за милую душу. Закончим работу — ключ управляющему.

Там было очень вольготно.

Когда зима стала, нас — дрова заготовливать. Два кубометра надо было напилить. Мы трудились вдвоём с Эйно. Он эстонец, — это почти как ингерманландец, только эстонец: чистокровный, здоровый, медлительный. Мы с ним всегда позже всех. Тем, которые поодиночке, легче — лучковой пилой, а вдвоём — поперечной... Ну никак!

Сейчас вдвоём я бы не подписался.

Летом приезжает к нам делегация в армию вербовать. Три человека. Один русский, в форме финского лейтенанта, всех допрашивает. Подошла и моя очередь.

— Хочешь ли ты пойти воевать с нами против большевиков?

Воевать мне по-прежнему не хотелось, но прямо не откажешься:

— Я в руках ни ружья, ни винтовки не держал... я не солдат, в армии не был. Пусть меня хоть от плена освободят, от этой заразы. Потом призовут, и я пойду, как уже гражданин.

Слышал я, что по ихней конституции так нельзя. Мне в ответ:

— Ладно, ступай.

Потом объявляют:

— Кто с нами, становитесь сюда, пленные — туда.

Шестеро строем потопали с офицером.

В лагере я на общих работах. Питание худое, а всё ж лучше, чем у русских. Те часто бубнили одно и то же слово — «холодно» и показывали, что кушать хотят. И сигаретки на сутки нам две давали. Куришь не куришь — получай. Так этим и спасся. Другие ведь на закрутку последнюю краюху хлеба выменивали. Я у одного интересуюсь:

— Ты что, единственный кусочек и тот хочешь сменить?

— Всё равно не жить, хоть покурю перед смертью.

Через три дня он помер.

...В августе сорок четвёртого, туманным утром, весь лагерь построили.

Стоим, переминаемся в «кандалах» — ботинки такие с деревянными подошвами. От них стукоток идёт при каждом шаге. Как сносятся кожаная подмётка, ставили деревянную. Откуда-то мешками заготовки привозили и гвоздиками прибивали.

С Советским Союзом Финляндия заключила мир. Для нас война закончилась. Некоторые тут же с грохотом отплясывали в этих «кандалах».

Завтра здесь будут советские солдаты.

Русские пришли.

Автоматчики загнали нас в вагоны, паровоз утянул до Выборга, пересадили в советский товарняк и покатали...

В вагоне своя буржуйка и параша. Двое умельцев взяли за одну папироску с каждого, в том месте, где эта параша, сделать культурно дырку. Мы туда оправлялись, были чистота и порядок. Печку топили. Мужики знают, как чего. Днём нас в тупик куда-нибудь загонят, и мы, бывало, чуть ли не целый день стоим. Охранника просим: «Откройте двери, дров-то надо». Охранники вагоны открывали, выпускали два—три человека: больше не разрешалось. Собирали старые шпалы, костылём раскалывали их. Вот этим дровам и грелись. А ночью только «стук-стук-стук, стук-стук-стук», без остановки нас гнали: куда, чего, никто не знал. Едем к Ленинграду... Уже близко. Нет. Объезжаем город стороной, задворками. Везут дальше. Прямо на Москву... Неужели... Нет, вечером опять мимо. К ночи дальше.

И покатали, и покатали...

И докатали аж до Сибири. За всю дорогу два раза кормили в столовой. В Свердловске ввели один вагон за другим, по очереди. Мы по-военному быстро съедали.

— Встать!

За нами сразу же убирала и загоняла в столовую следующую партию. А так давали сухой паёк, известно — небольшой, но почти все живы остались.

В вагоне маленькое оконце, тычут пальцем:

— Вон шахтёр...

Я никогда не видел прежде, какой такой «шахтёр»? Голову высунул, гляжу: чёрный, как это... Зубы белые и глаза.

А тут довелось самому шахтёром стать.

Пятого ноября сорок четвёртого года мы добрались до города Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. Загнали наш эшелон на шахту Емельян-Ярославскую. Всех построили, ещё и кричат:

— Шаг влево, шаг вправо считается побег. Стреляем.

— Прыжок кверху — тоже побег?

Мёрзлая земля едва припорошена снегом. Северяк несёт, как из трубы. Мороз обжигает. Холодно. А гляну на свекольные лодыжки доходяг — ещё сильнее передёрнет.

На этой шахте, на Славке, меня определили на участок номер два, подготовительный. Подготовительные — это проходчики. Они должны готовить лавы. Выдали новую робу, чуни, шапку. И коробки получил, и кайло. Лопата досталась хоть и старая, но шахтёрская, настоящая. Такие горы угля и пустой породы в вагонетки перекидал... Схема простая: бери больше — кидай дальше, пока летит — отдыхай. Сила нашлась, всё же из Финляндии прибыл в теле.

Да здесь и кормить стали лучше. Отвешивали американского сала по пятьдесят грамм. На дворе в киоске по талону ещё пятьдесят грамм можно было получить. Я эти пятьдесят грамм без хлеба, без ничего съедал... Только соль отскребу ногтём или об доску постучу. Почему-то пить после не хотелось. Два куса: один съем сразу, а второй попридержу, чтоб до лагеря дойти.

Восьмого мая приходит ко мне, из наших же, шустрый парень:

— Иди, тебя начальство вызывает.

Прихожу, майор сообщает:

— Ты теперь расконвоированный. Вот адреса на жильё, если у тебя нет знакомых. А коли хочешь в общежитие, надо отправляться в промстройконттору и там работать.

Порядок был такой: кто берёт квартиранта, тому давали тонну угля. Ну, обычно брали на квартиру, чтоб с хозяйкой спать. Решил: одному будет лучше.

Дал он мне направление:

— Найдёшь контору?

— Ну ещё бы — город-то небольшой.

Я пришёл в общежитие, комендант указала мне спальное место. Пустая комната, пустая тумбочка, койка заправлена. Я присел на койку... Толком не могу в себя прийти: «Неужели свободный?!»

Встал и пошёл в лагерь за пожитками, на последнюю ночь.

Утром приходит смена:

— Братцы! Мир! Победа! Германия капитулировала.

Все лезут обниматься, целоваться. (Я-то этого лизанья не люблю.) Откуда-то флаги нашлись.

Слоняюсь, у самого ни радости нет, ни горя. Победили?! Мне-то что с того. Ни врагов у меня, ни друзей. Все ликуют, а тут сделалось так пусто, одиноко на душе. Нет праздника.

В лагере я позавтракал, взял свои вещи. Вещей-то: котелок да ложка — лишнего ничего. Пошёл в контору. Получил аванс. (Первый раз деньги держал в руках.)

И запала мне думка: уезжать нужно отсюда, из Сибири. Как там мать, сеструхи? Тут даже лесу близко нет. А мне охота, чтобы лес был рядом. И осенью один знакомец, из тех, кто раньше освободился, прислал мне вызов. Настоящий, с печатью, с подписью: «В лесную бумажную промышленность на постоянное место жительства».

Я к начальнику:

— Мне пришёл вызов в Карелию.

Он прочитал:

— Подумаешь, вшивая лесная-бумажная. У нас угольная промышленность, поглавней вашей бумажной. Хочешь — поезжай, ты теперь свободный.

Где я жил, до вокзала — два шага. Но я отправился за четыре километра на Разъезд. (Боялся, вдруг передумают.) Всех вещей: мешок с двумя картошинами по углам (под лямки), туда котелок, ложку, валенки на ноги.

В поезде еду ночью, и снится сон:

Чёрный каменный свод. Влажные стены. Совсем нет света. И я, словно летучая мышь, летаю бесшумно по тёмным коридорам, по лабиринтам. Летаю быстро, ловко. А сам при этом хорошо знаю, что есть где-то Свет, и парят там птицы с большими крыльями. Живут они попарно в любви и согласии. Каждый год сбиваются в стаи и возвращаются после вынужденной разлуки на свою родину. Вьют там уютные гнезда, выводят птенцов. Случается опасность — бросаются грудью на защиту своего выводка и бьются без страха насмерть.

Я не понимаю, что такое родина, но знаю, что там ласково и тепло. Я никогда прежде не видел этих птиц, но верю: они существуют.

Летаю по всем уголкам чёрного подземелья, ищу свою родину и не нахожу.

Везде неприветливо, темно, холодно, сыро, пусто.

Проснулся в тревоге...

Еду в родную деревню, а такого чувства, что возвращаюсь домой, — нет. Хочу увидеть мать, сестрёнок; но, кажется, встретил бы их сейчас в поезде, и уж никуда боле не нужно ехать. На любом полустанке сошли бы вместе, в любой стороне — вот будто и дома...

Ни одна страна, ни один уголок не стал родным. Ни единого клочка земли не полюбил настолько, чтобы себя положить за него. И никто, ни при каких обстоятельствах, не сделался мне врагом настолько, чтобы я смог его жизни лишиться. Не научился любить и ненавидеть.

Может, поэтому и я ни для кого не стал своим...

От Ленинграда добирался на попутных машинах в кузове. Последние километры пешком. По осенней грязи.

Деревня Горелово. У околицы повстречались подростки. Здороваюсь.

— Ребят, скажите, жива ли Мария Полукайнен?

— Это которая не по-русски молилась?

— Да-да...

— У них ещё три девчонки росли... Померли они с голодухи все.
Совсем малая девчушка, зябко переступая босыми ножонками на стылой земле, широко раскрыв бусины карих глаз, с надеждой в голосе спросила:
— Дяденька, вы солдат?..
Отвёл глаза и не нашёлся ответить. Обречённо, будто перед казнью, развернулся и пошёл обратно, прочь из чужой деревни.
Иссохла душа. Помертвела...

Заросший берег деревенского озера...
Дальше ноги не понесли. Куда? Зачем? С самого детства цеплялся за жизнь, уворачивался, затаивался, гнул — потому что каждую минуту надо мной висела Смерть. Некогда было сомневаться и мешкать.
И вот, кажется, вырвался, гладко проскользнул: больше ничто не угрожает. Исчезли окопы, решётки, стены, неволя. Всё. Вообще стал не нужен никому.
Была возможность — не захотел стать гордой птицей. Вот.

Полёт летучей мыши наткнулся на чёрную бесконечную пустоту.

Его тело случайно обнаружили мальчишки. К мостику ламбушки была привязана верёвка. Вода в ноябре студёная, купаться давно никто не ходил.
Всей гурьбой за верёвку потянули и вытащили. На спине у него был заплечный мешок, туго набитый камнями. На самом дне, под чёрными скользкими булыжниками, лежали погнутый котелок и алюминиевая ложка.

*

Ленинградская область, деревня Горелово, 1949 год

Математическое ожидание

О. К.

Фантастическая сказка
по мотивам романа Евгения Замятина

$$E\xi = \sum_i a_i p_i = \sum_i a_i P(\xi = a_i)$$

Поток штампованных человечков уныло тянулся по серому безмолвному городу...

Все жители города Цифр были вырезаны из толстого ворсистого картона. Каждый горожанин слезал утром со своей полочки, имеющей строгий порядковый номер, брал канцелярскую кнопку, прикрывал ею, будто щитом, красный кружок на груди, направлял остриё наружу и шёл по разлинованным клеточкам к рабочему блоку, где вместе с другими картонными человечками ждал, когда 10 вышестоящих цифр станут на порядок значительнее и его переключат на полку повыше.

Жизнь в городе была устроена очень разумно: у каждого свой двенадцатизначный идентификационный номер, выбитый на кнопке (чтоб путаницы не было). В нём — вся информация о человечке: дата создания, где живёт, работает, когда получены замечания от Главного Смотрителя Света и за что. Когда именно приходил вечер, сколько продолжалась ночь и когда наступал рассвет, человечки узнавали по часам. Они развешены везде... Ярко мерцающие циферблаты иногда раздражительно-красными, иногда приятно-зелёными знаками задавали монотонный ритм жизни. В 18:00 Главный Смотритель Света снижал накал уличных ламп, и город Цифр погружался в сумерки. Стоило часам на ратуше отсчитать 24:00, уличное освещение полностью обесточивалось, и лишь в дальнем углу коридора, между деревянными стеллажами, загоралась тусклая контрольная лампочка — начиналась ночь. Тогда обитатели картонного царства укладывались в свои уютные тёплые коробочки. Шорохи стихали. Пустоту заполняла усталая тишина...

Ночная передышка — лучшая награда за суетный день.

...Ровно в 06:00 Главный Смотритель включил рубильник, подал напряжение в городскую сеть, и люминесцентные лампы ярким фиолетовым светом разбудили город Цифр.

Началось утро.

Казалось, оно ничем не отличалось от других.

Житель города 113012391007 сначала тоже так считал, ведь он обычный картонный человечек. На работе к нему обращались официально, перечисляя полный набор цифр, а свои окликали запросто (по первому знаку) — Единичка.

У каждой цифры, повыше середины, был нарисован алый кружок. Пока фигурка новая — он яркий. У старых цифр, со временем, краска обсыпалась, кружок тускнел и стирался. После этого человечка лишали номера и списывали, помещая в бездонный отсек Безвременья. Загадочный символ надлежало всегда прикрывать на людях кнопкой. Обнажать его было не принято. (К тому же, в случае надобности, кнопкой можно уколоть.) Так поступали все... И никому в голову не приходило оставить кнопку дома. Однако Единичка посмотрел на неё сегодня, подержал в руках и... не взял. Зачем ранить других, даже нечаянно? Хотя, может, такое объяснение для себя он просто придумал? Он уже давно томительно ждал чего-то загадочного, манящего. Мечтал о нём. Жаждал... И ожидание это напрямую связывал с отсутствием кнопки...

Единичка подошёл к лифту. Соседние цифры теснились и перетаптывались в очереди. Наконец лифт поравнялся с их полкой, все погрузились и под монотонное гудение

электродвигателя стали с подрагиванием опускаться. В механической кабинке тесно. Чужие металлические кнопки иногда задевали его остриём и неприятно царапали. На первом этаже лифт последний раз дёрнулся, уткнулся в неподвижность, створки дверей раскрылись, и обитатели спальной секции влились в общий поток.

Искусственный свет тусклыми бликами отражался на полированной поверхности миллионов канцелярских Кнопок, тупо бредущих по бульвару Повседневности вдоль скучных домов-высоток. Тихие птицы чёрными тенями низко скользили над бетонной мостовой. Восковые цветы торчали на клумбе безжизненно и совсем не пахли.

Он встретил Её на перекрёстке, за два квартала от рабочего блока.

Четвёрочка шла в потоке цифр.

Человечки с чётными и нечётными числами в городе Цифр отличались друг от друга, но эта разница замалчивалась. Думать, а тем более спрашивать об этом категорически запрещалось. Все чувства были оцифрованы, отношения — подчёркнуто-высушены. Почему среди других типичных силуэтов Единичка заметил Её? Ведь он специально не всматривался, какие там цифры мелькают. Их много. У каждой своя комбинация знаков, свои маршруты, свои кнопки-шипы, крепко прижатые к груди...

Стоп! В руках у Четвёрочки не было кнопки-колючки.

Единичка остановился и, затаив дыхание, пристально глядел на Неё...

Четвёрочка шла, грустно опустив голову. Каблучки тонко цокали по мостовой. Поравнялась с ним, прошла мимо, сделала несколько шагов и... помедлив... тоже остановилась. Попробовала сделать ещё шаг. Ноги, словно ватные, не слушались. Она растерянно повернула голову сначала в одну сторону, затем в другую. Обернулась... В потоке цифр неподвижно стоял Единичка и заворожённо смотрел на неё. Единичка показался ей не таким как все... Что-то выбивалось в его внешнем облике из привычного порядка вещей. У него на груди... пылал... алый кружок.

Отчего он так открыт? Где кнопка?

Их взгляды встретились. Задержались друг в друге.

Началась цепная реакция... Четвёрочка не увидела, скорее почувствовала: её собственная красная мишень, томимая изнутри горячим потоком, превратилась в невесомый светящийся шарик... он отделился от картонного тела... и, слегка колеблясь в воздухе, поплыл к Единичке. Коснулся, растворился в нём.

Единичка в истоме прикрыл глаза... Алая поверхность на груди у Единички стала вздыматься, перекачиваться, появился такой же невесомый шар. Он двинулся к Четвёрочке и, не встречая на пути препятствий, плавно... нежно... с ходу вошёл в неё.

Магическая энергия накапливалась между ними...

Проходящие мимо маленькие человечки не замечали каких-либо видимых изменений, но вместе с тем испытывали необъяснимое беспокойство. Уличные электрические датчики предупреждающим потрескиванием указывали на существование магнитного поля сверхсилы.

Взгляд Четвёрочки затуманился безотчётной радостью. Смущение приятным жаром окатило её. Необычайная лёгкость за-аах!-ватывала... дух. Четвёрочка с удивлением разглядывала свои волосы, нарисованное платье, туфельки... картонную оболочку, ЧЕМ БЫЛА до этого. Всё внезапно начало меняться, теряя тяжесть, форму, значимость. Особое невесомое состояние. Раньше она не могла видеть себя со стороны, а теперь запросто!

Кто-то неведомый и всемогущий поднял для них тяжёлый театральный занавес...

Весь мир вокруг ожил: восковые цветы стали ароматными фиалками; свинцовые облака, нарисованные блёклой гуашью, пришли в движение и расступились перед солнцем; невиданные бабочки порхали, касаясь их своими радужными крылышками; нежно звенели изумрудные колокольчики, волнуемые свежим ветром; райские птицы кувыркались в голубом бескрайнем небе, вдохновенно исполняя Великую... песнь... страстной... любви.

Хмурое гетто, безликие человечки куда-то исчезли.

Из двух светящихся шаров возникло что-то единое, волшебное, сладкое... Они являли собой золотое сияющее свечение. Оно разрасталось, набирало силу и пьянило, унося их в звёздно-хмельную даль.

Но этот каскад неизвестных ранее чувств Четвёрочку пугал, вносил смятение. Она сделала попытку отделиться, её светящийся сгусток с большим трудом отпрянул от целого и поплыл к своему картонному силуэту...

...День ушёл в никуда.

Сколько ни пыталась она потом, так и не смогла восстановить в памяти последующие события: каким образом светящееся облачко вернулось в картонное тело? почему на груди опять появилась багровая мишень? куда исчезли бабочки и живые цветы? зачем смолкли колокольчики?..

Как всегда, Главный Смотритель отключил на ночь свет. Все давно уgomонились. И только гнетущая тишина недоброй соседкой бродила по длинным коридорам. Четвёрочка лежала в спальной ячейке и никак не могла уснуть, мучительно вспоминая подробности утра. Вспоминала, вспоминала, вспоминала...

Закон города Цифр в стране Вероятности допускал подобные случаи только теоретически. Данное явление описывалось формулой как «математическое ожидание случайной Величины»:

$$E\xi = \sum_i a_i p_i = \sum_i a_i P(\xi = a_i)$$

Но в реальности система никогда не давала сбоя.

Запрета строго придерживались и не открывали красный кружок перед незнакомой цифрой, к тому же другого порядка. Да, сегодня утром она допустила роковую ошибку. Оступилась!.. То ли по рассеянности, то ли просто в спешке вышла на улицу... незащищённой. Без кнопки! Чем обернётся для неё эта искренность?

Четвёрочка резко поднялась с полки, метнулась к двери, назад... То острые сомнения и восторг, то запоздалое раскаяние и невыразимая тоска захлёстывали её.

Контрольная лампочка скупно брезжила, кое-как освещая ярусы общежития. Соседские цифры, каждая в своей ячейке, застыли до утра в забытии. Четвёрочка с грустью смотрела на свой рубиновый кружок, тревожно мерцающий в темноте. Горячее томление под ним не давало покоя, любовная печаль вырастала в сладкую боль. Испуганная, она вдруг схватила кнопку. Напряжённо вцепилась в края. А жар всё сильнее и сильнее... «Где сейчас Единичка? Наверное, забыл меня. Спит спокойно...» Металл нагрелся так, что Четвёрочка едва не обожглась. Она откинула кнопку в сторону, и та юлой завертелась вокруг острия.

Алая поверхность на груди вновь стала вздыматься...

Специальные счётчики на улице зафиксировали аномальное магнитное излучение, которое выделял плывущий над городом необычный сверкающий объект. Над одним из корпусов он завис, свечение его усилилось, навстречу поднялся такой же ослепительно-белый шар. Они слились... Раздался взрыв! Аннигиляция!

Цифры, разбуженные страшным громом, п о в ы с о в а л и с ь из окон.

Было хорошо видно, как по чёрному небосклону вверх уносилась сияющая пульсирующая точка. Она достигла границ неба, прожгла его и скрылась в бесконечности.

Наутро Цифры обнаружили два пустых картонных силуэта, а сквозь пыльный бетон мостовой пробился нежно-зелёный росток неведомого растения.

*

Таинство

Галине Максимовне Баклушиной

Эссе

Мне никогда не стать многотомным писателем. Каждое точное слово даётся с великим трудом... От моих произведений не прогнутся книжные полки, и собрание сочинений не будет напоминать натужно растянутую гармонию.

А может, и не стоит к этому стремиться?..

Ведь в капле отражается целый океан. И в слове «истина» всего шесть букв.

Загадочный процесс творчества для меня неизменно мучителен и в то же время сладостно приятен. Догадка, что он не зависит от воли человека, вкрадывалась в сознание исподволь. Более того, человек-мыслящий, как ни старайся, не в силах перебороть эту невидимую силу, эту неподвластную тягу к белому листу. Сколько ни ходи кругами вокруг письменного стола, а всё одно — как в воронку затягивает. Немой лист белой бумаги ждёт касания пера, появления первых букв, слов, строчек, узоров кириллицы. Только тогда он сможет говорить... Сможет через видимые знаки сказать о сокровенном, незримом. О том, что мучает, терзает, болит.

Природная закваска будоражит. Мысли, как забродившее тесто, переполняют, распирают, лезут через край. Обратного не захватить. Это сама жизнь вызрела, и тут — не зевай, если хочешь получить достойный результат. Упустишь момент, не откликнешься душой на импульс — всё. Скис, осунулся. И уже ничего настоящего не создать. *Aiga ni kedä ei vuota.* [Время не ждёт никого (карел.).] Запоздаешь — это уже и не сдоба вовсе — укус! Едкий. Злючий.

Я видел, как пекут ржаной подовый хлеб.

До чего схоже...

Вечером с кухонного стола хозяйка всё убирает. Проходит по гладкой мощной столешнице чистым полотенцем и начинает через мелкое сито просеивать муку: большей частью ржаную, пшеничной — немного. Мука — это перемолотые созревшие зёрна, получившие благословение солнца. В них соки земли, память, её сила и мудрость.

Мука невысокими гребнями мотается в сите из стороны в сторону, комочки собираются наверху, а вниз через клеточки-ячейки сыплется воздушная бежевая россыпь. На столе поднимается зыбкий курган. Медленно растёт... Его невесомую податливую вершину нежно трогаешь, а на руку всё сыплется и сыплется бархатные пылинки будущего хлеба.

Ставят хлеб на тёплой колодезной воде, заквашивают. Добрыми руками тщательно вымешивают, жамкают, определяя заодно густоту. При необходимости досыпают муки и оставляют на ночь выпеть.

Утро.

Затемно разжигают русскую печь.

Покачивая, с тугим полязгиванием, отодвигают печную вьюшку. Дрова в печи уложены с вечера. Янтарные лучины, ошетилившиеся, торчат из-под сухих берёзовых поленьев. Чирк! Огонёк на конце спички на секунду задумался, полез по ней вверх, лениво перебрался на бересту, на деревянные иглы лучин... Липкий горячий язык пламени охватил верхние поленья. Занялось. Печь радостно загудела, задышала.

Кухня ожила.

Стало теплей, уютней.

Огромные чугуны, тушилка для углей, блестящий ведёрный самовар, ухваты разных мастей перестают казаться неживой лишней утварью. Всё это, несколько мгновений назад такое громоздкое, безжизненное, музейное... теперь, в весёлых оранжевых бликах, обретает свой истинный смысл, вплетается в создаваемый веками кухонный обряд.

За ночь тесто выросло, раздобрело... Колыбель стала ему мала. Тесто норовит перелезть через край, убежать и, наконец, устало выдыхает:

— П-ппых!..

Самое время печь. (Поторопишься — получишь лепёшки твёрдые, безвкусные...) Липкими щупальцами тесто цепляется за пальцы, тянется следом, не отпускает. Добавляют ещё муки, податливый тяжёлый ком крутят, мнут, жмут...

Печь к тому времени прогорела. Алые жаркие угли выгребают кочергой в загнетку на шестке. Сосновой метлой начисто подметают под и бросают на него щепотку муки: если мука не вспыхивает, а только обугливается — можно сажать хлеб. Каравай кладут на деревянную лопату, посыпанную отрубями, и переносят в сумеречную жару горнила... Закрывают заслонку. Хлебный дух постепенно заполняет жильё. По дому растекается запах тепла, надёжности, мира. Какие именно превращения происходят с живым тестом в адской темноте — людям знать не полагается. Остаётся ждать. Томительно идут минуты. Одна, другая, третья... Пора!

Отодвинута заслонка... Ну, что там?.. Достают.

Загоревший, аппетитный хлеб.

Если душу свою... Что вкладываешь — такая и отдача.

Глубокие морщины прошли по гладкой бурой горбушке. Оно и понятно: досталось... Горячий каравай смачивают водой и укрывают чистым холщовым полотенцем. Пройдёт немного времени, и хлеб-кормилец будет щедро угощать всех за общим столом. Отдаст себя без остатка на радость людям.

Счастлив тот, кому довелось это испытать.

Такая судьба — дар Божий.

...Всё очень понятно и легко.

Легко, как подобраться к краю... и заглянуть... в бездну.

*

Петрозаводск, 2009 год

К читателям

Дорогие мои друзья!

Стать свидетелем литературного конкурса по своим произведениям... Такой поворот писательской судьбы можно назвать до неприличия сказочным.

Вот прочитаны последние работы...

Конкурсанты не единодушны в оценке моего творчества. Есть те, кто его абсолютно не приемлет, относится негативно. А для кого-то я — «мастер весёлого рассказа». Всем на сайте, на равных, предоставили слово. Время показательного единомыслия прошло. Надеюсь, навсегда. Личный выбор делает каждый. А что касается критики... Я сам постоянно сомневаюсь в написанном тексте, каждое слово подолгу взвешиваю. Маюсь... Вечно недоволен! Возвращаюсь назад. Проверяю. Меняю. Переписываю.

Затею с конкурсом по своим произведениям я тоже сначала не принял, поскольку знаю: уклад жизни в России — общинный. И даже нечаянный выход из строя испокон веков вызывает неприязнь... Да ещё дочь, в недавнем прошлом ученица, «подбадривала»: «Папа, все школьники тебя будут тихо не-на-виинидеть!»

Сейчас сомнения позади.

Количество работ, их уровень, неподдельная искренность ребят — весомая награда за все сомнения и переживания. Это огромная бочка мёда на ту маленькую ложку дёгтя.

И самое главное: без читателей нет писателя!

Для меня, если честно, неучастие в работе жюри — счастливая возможность!

А если бы право выбирать лучшее сочинение всё-таки предоставили, то победителем стал бы каждый участник. Многие произведения представляют собой самостоятельную художественную ценность.

Эти юноши и девушки не в паралитическом телевизионном шоу мелькали, где требуется угадать три русские буквы... На суд международного жюри, на обсуждение огромной читательской аудитории участники конкурса предъявили своё творчество. Они доверительно приоткрыли завесу своих сокровенных желаний, скрытых сомнений, тревог и радостей. Предъявили на широкий суд общественности труд души. А какой мерой можно измерить его? Я бы на себя такой ответственности не взял...

Дорогие авторы, я не мог и предположить, что мои рассказы и повести найдут такой отклик в ваших сердцах, вызовут неподдельный интерес и станут для читающей молодёжи толчком к размышлениям о непростых вопросах бытия, о вечных ценностях и мнимых идеалах, что наше с вами понимание добра и зла, любви и сострадания, веры и раскаяния будет так схоже.

Каждого из соискателей литературной премии «Купель» можно смело назвать победителем ещё и потому, что, участвуя в конкурсе, вы заявляете о своей активной жизненной позиции, о том, что вас волнуют процессы, происходящие сегодня в обществе, вам небезразлична судьба Родины, вы чувствуете себя её частицей и знаете, что именно от вас зависит, какой будет завтра наша страна. Я прочитал все сочинения. Знакомство с ними — словно жемчужины нанизываешь. Я мысленно разговаривал с добрыми друзьями и умными собеседниками. Спасибо вам, что вы есть у меня, мои читатели, мои дорогие друзья! Вы живёте в дальних аулах и аалах, станицах и деревнях, посёлках, разных городах и весях. Нас разделяют тысячи километров и часовые пояса. Но это не преграда для тех, кто в этом мире хочет услышать друг друга. Для тех, кому слово, художественный образ помогают лучше понять мир и себя в этом мире.

Отдельное, особое спасибо я хочу сказать педагогам и кураторам. Вы были равноправными участниками литературного конкурса наряду со своими воспитанниками и заслуженно не остались в тени. Моя мама была преподавателем русского языка и литературы. Мне хорошо знаком ваш Труд, ваш тихий Подвиг по формированию души молодёжи. Низкий вам поклон. Я горд тем, что на страницах моего сайта будут блистать ваши имена.

Моё постоянное место работы — оборонный завод. Наша продукция — военные корабли. А корпеть над русским слогом... Мама по-карельски говорила: «Ruado jügei, a ei vazüttaw: hengen kohtu hiiluttua». [Работа тяжёлая, а не утомляет: душу согревает. (карел.)]

Литературное творчество — Ковчег моей души.
Бумажный кораблик...
Он маленький. Невесомый. Но всё равно — настоящий. Он вышел в открытое море, где бури, штормы, опасные рифы.
Он обязательно выдержит все испытания.
И непременно победит!
Если вы, дорогие мои читатели, ждёте его.

Искренне ваш,

Александр Костюнин

*

Петрозаводск, 2009 год

За скобками

На яблоне растут только яблоки, на сливе — только сливы.

А что я за северный «фрукт»?

Всё пытаюсь понять: из чего сделан? чем напитан? какими соками напоён?

Мне кажется, сделан я из...

Сначала, конечно, из картошки. Можно варёной, белой, рассыпчатой-рассыпчатой или золотистой, обжаренной на сале, с хрустящей корочкой.

Напитан чем?

Соками! Весенними берёзовыми. Из самой глубли земли нашей. Земли вековой, трудовой, свободной. Пьёшь на рассвете берёзовый сок, как пробудится он от холода ночного, и чувствуешь: входят в тебя вместе с этой волшебной дремучей влагой память, сила, мудрость веков.

Наверное, сделан из лосятины-медвежатины... Груздочков белых студенистых и свежей ухи с костра. Куда без них?

Прослойкой — морошка...

Вы пробовали морошку? Нашу, карельскую! Налитую-налитую! Тяжёлую-тяжёлую, прозрачную-прозрачную... И поверх всего: бор-дооо-вой матёрой брусники с пробным токованием глухаря, нарядной золотой листвою, с густыми зябкими сентябрьскими туманами, через которые пробивается луч солнышка-надежды.

А ещё я сделан...

Мои родители умерли давно. Меня любили...

Отец с матерью от рождения и до погоста своего шли по жизни с людьми достойными... Нелипкими, порядочными, эрудированными, ёмкими... (Главное, пишу, а... батя кивает...) Мои родители знакомили и меня. Я запросто общался с ними. Считал своими друзьями... Это они, не учебники, учили меня. Им на сердце вываливал я в детстве все сомнения и поражения, первые победы и «проекты воззваний» (тот был ещё хлюст!). На их личных примерах я учился: как поступать хорошо, а как не должно.

Спасибо людям, благодаря которым я такой, как есть...

В юности проглотил роман «Граф Монте-Кристо».

Да, вы догадались...

Я тоже мечтал, пройдя через дно жизни, стать смелым, влиятельным... Самым влиятельным! Чтобы наказывать, поделом! прохвостов и вознаграждать добродетель, поощрять добро и пресекать зло. (Пресекать зло, а не... творить...)

Чтоб сметь... набраться храбрости. И даже... прилюдно сказать правду!

Не случилось...

В силу ряда обстоятельств не посмел... возможность... не то что... Даже сказать им слова благодарности лично... (К тому же, говорят, в мужской среде не принято...)

Хочется вернуть... Этим очень родным для меня людям из детства... Успеть хотя бы слово.

Эхо добра!

Написать, как принято в православной церкви, заказную записку о здравии.

Моей первой учительницы уже нет в живых... Ну и что?..

Верю... услышат ВСЕ!

В судный час от нас будет зависеть очень мало.

А если... дойдёт очередь до меня и спросят вдруг?..

Чтобы не растеряться, в суеде, суматохе не пропустить кого... Хочу сейчас назвать имена дорогих для меня людей...

Господи, вот о ком молю, кого прошу, чтобы Ты сберёг:

- Анастасия Ильинична Сосунова — моя первая учительница;
- Владимир Борисович Розенфельд — друг и воспитатель;
- Лев Николаевич Бурин — преподаватель и друг;
- Валентина Фёдоровна Бабкина — моя любимая учительница;
- Владимир Васильевич Попов — выдающийся художник и человек высокого гражданского мужества.

Александр Костюнин

*

Петрозаводск, 08 сентября, 2009 год

Поморские заметки

Пёрышки

Вениамину Шаевичу Каганову

Методика поиска себя

— А зачем вы впутались в эту историю, писатель? Зачем вам Зона?

— Вдохновение, профессор, вдохновение. Иду выпрашивать.

— Так вы что, исписались?

— В каком-то смысле.

«Сталкер»

— Я, дурак, жалею, не взял тогда журнала. Возможность была...

Это случилось в районе Диксона, на небольшом скалистом утёсе в северо-восточной части Карского моря, при выходе Енисейской губы в Северный Ледовитый океан. Мы остановились там с экспедицией на одну ночёвку. На острове всех строений — домик метеорологов. Лишь в одном месте можно посадить вертолёт, да и то нужно быть малой авиации великим гуру: мешали установленные на метеоплощадке два флюгера и антенна. Из вертолёта захватили спальники и малую толику продовольствия, с расчётом на вечер. Заходим в дом... Чувствовалось, давным-давно здесь никто не бывал — затхлый запах сырости встретил, едва переступили порог. С полу я поднял влажную книгу в коричневом переплёте: «Наставление гидрометеорологическим станциям и постам» — Утверждено Главным Управлением гидрометеорологической службы при Совете Министров СССР, 1967 год. Полистал, отложил в сторону, огляделся. Всё хранило на себе явные признаки запустения: дверцы настенных шкафчиков распахнуты, на пыльной полке в гордом одиночестве томилась надорванная пачка с остатками грязно-серой соли, на столе банка из-под рыбных консервов с закаменевшими окурками. Там же, на столе, и лежал этот журнал: обложка в бурых витиеватых разводах, листы разграфлёны вручную особым образом. С виду обычная домовая книга, обшарпанная, но целая. На титульном листе заголовок: «Книжка КМ-1 для записи метеорологических наблюдений». Учёт вели два дежурных, строчки аккуратные, убористым почерком, выстроены в столбик:

Температура воды...

Направление ветра... метров в секунду;

Температура воздуха... (сухой термометр, смоченный, минимальный (спирт, штифт);

Облачность (высота нижней границы, форма облаков);

Количество осадков... в миллиметрах.

И цифры, цифры, цифры...

Значение одних разгадал бы и несведущий, но большей частью какие-то коды, значки для посвящённых. Изредка в эти сухие сводки врывается эмоциональная, мирская запись:

«До вертолёта 29 дней. Ура!!!!!!!!!!!!!»

Страницы сменяли одна другую. Таяла вожаденная цифра, отделявшая затворников от возвращения на большую землю. Осталось «20 дней», потом «17», «10», «9»... Упоминание о вертолёте стало более частым, нетерпимым... Понятно, люди небалованные, привыкшие к испытаниям, но, как ни крути, на большой земле их ждут блага цивилизации: тут тебе и бесперебойный электрический свет, и паровое отопление, и тёплый санузел с треном, блистающим белизной... Вечером — любимый фильм с пивком в уютном кресле или новости с чашкой ароматного сладкого чая. Да мало ли что ещё... Остаётся лишь определиться с выбором

(одной рукой не ухватишь за грудь и за...) Да, самое главное, на далёкой большой земле — любимые жёны, дети.

А к тому времени, судя по данным метеонаблюдений, раздухарилась, разбуянилась осень с резкими скачками атмосферного давления, хлёткими порывами шквалистого океанского ветра, первыми ночными заморозками и неистовыми штормами. Приближалась зима. И вдруг обратный отсчёт обрывается...

Спустя несколько страниц сдержанно-гневная надпись:

«3-й день нет вертолёта»

Начиная с этого места, в чередё служебной информации — лаконичных, не допускающих суесловия сводках — обязательно следовала приписка. Почерк менялся через день: то он аккуратный, красивый, с одинаковым уклоном вправо, то дёрганый, насилу читаемый. Цифра неудержимо росла, не менялся лишь текст:

«5-й день нет вертолёта», «6-й...», «7-й...»

Фразы становились драматичнее:

«Кончилось питание рации».

«Топливо — на нуле. Хоть разбирай домик и жги по доскам».

«Сегодня закончились последние продукты».

«Пятые сутки голодаем!»

Затем, скорее всего, в нарушение «Наставления», стали появляться литературные перлы. Точно алмазы в пустой породе. Цветы на асфальте!.. Язык из официального, сухого, становился богаче, образней, гуще...

«Суки! Забыли про нас».

«Гады, немцы!» [1]

«Вернусь, контору сожгу нах...й!!!»

А дальше — стихи... Яркие, душевные!.. Про Северный Ледовитый океан, про маленький островок, затерянный на бескрайних просторах, про тепло человеческих отношений и крепкую мужскую дружбу. Я жадно вчитывался в строки, пылающие огнём русского языка, представляя себе двух суровых бородатых мужчин, голодных, замёрзших... забытых. И, главное, внизу такая приписка:

«Сие — мои первые поэтические творения!»

С тихим восторгом перелистываю очередную страницу. Наотмашь бьёт крик:

«Ваня сука!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!»

И ниже, как ни в чём не бывало, ровным каллиграфическим почерком:

Температура поверхности почвы... (срочная, минимальная, максимальная);

Влажность (гигрометр, точка росы)... в процентах;

Ветер (направление, скорость, максимальный порыв);

Давление (термометр при барометре, отсчёт)... в миллибарах.

И цифры, цифры, цифры с точностью до десятых...

Отлично помню, обращение «Ваня» не было огорожено запятыми, как то предписывают консервативные правила грамматики, но, поразительно, фраза ничуть не проиграла от этого. Сколько экспрессии, чувств! Искренних чувств к ближнему.

Последние сводки, странное дело, писаны одним почерком — аккуратным, наклонным. Второй, дёрганый, трудночитаемый, исчез...

Ближайший поезд в Беломорск уходил в час ночи.

Я расположился в зале ожидания, в углу, подальше от входа, от любопытных глаз, расспросов. Достал из рюкзака сочную копчёную колбасу, свежий ржаной хлеб, помидор, огурец. С аппетитом перекусил. Сверху, на десерт, — шоколадный батончик. Запил из фляжки холодной колодезной водой. Уплетать эти яства было тем приятней, что впереди — строгий пост. Прекратить любимую трапезу прямо сейчас не смел. Рано... Может случиться, в последний, самый решающий момент не хватит духу, откажусь от задуманного, и затея сорвётся. Аргументы желудка перевесят, заглушат все остальные. Нетушки! Нужно продолжать тело холить, ублажать лакомствами и, лишь когда ничего изменить нельзя, предложить довольствоваться пищей духовной. Исключительно! Чтобы и результат на выходе был соответствующий (человек, по сути — мясорубка: что запихнёшь, то и выйдет.) Да, я наконец отважился высадиться на необитаемом острове, искусственно создать «пограничную» ситуацию, принудить (!) к творчеству обожаемое естество, коли не хочет подобру... Срок заключения наметил пять суток. Пять дней и ночей. Вода на завтрак, обед, ужин... на полдник с ленчем. Собираюсь на время оградить себя от мира сего, отключить назойливый гам людской — «мите» нажать. Ввести строгий карантин для тела, разума и души. Хочу сосредоточиться на главном!

Расчистить путь духу!

Чтоб вокруг только я и Бог.

И тогда вымолить у Него новые строчки...

Все остальные методики перепробовал. Не помогло...

От традиционных: «Учиться! Учиться! И ещё раз учиться!» — до экстравагантных, новомодных... Знакомые тоже не остаются безучастными — советы раздают щедро (все мы родом из страны Советов!) Встречаются, правда, рецепты совсем неожиданные... Сосед, к примеру, настаивает сменить фамилию:

— С какого перепугу? — изумился я.

— Она у тебя безлика. Выбери что-нибудь респектабельнее, типа Ватман, Рейсфедер, Кульман... Штангенциркуль, в конце концов. Вон у Малевича — каляки-маляки, нецветной квадрат, зато прославился. А ты бы, в пику ему, чёрный треугольник изобразил! Краски уйдёт в два раза меньше.

— Я не рисую — пишу.

— Какая разница?..

Вышел на перрон.

Влажная морось фантастическим гало окружала фонари.

Репродуктор громко скартавил:

— Внимание! С юга по втор-ррому пути проследует маневр-рровый. Г-ррраждане пассажиры, будьте остор-ррожны, не приближайтесь к краю платформы! — через минуту вдалеке показались три ярких огня, нарастал ритмичный гул: «тудун-дудун...», «тудун-дудун...», «тудун-дудун!» И неожиданно... в моём взлохмаченном, настёганном сознании бегущей строкой мелькнула фраза:

Поезд в час ночи тьму разорвёт...

Я перестал дышать...

Товарный состав приближался. Ступни улавливали дробь земли... Бормотание, погрохатывание вагонов усилилось: «тудун-дудун...», «тудун-дудун...», «тудун-дудун!» Моё сердце стучало ещё громче: «Дук-дук-дук!» И оно, пульсируя, вытолкнуло на-гора, на свет Божий следующую строчку:

Гул, стук колёс.
Отчаянье!

И дальше безостановочно:

Вагоны, вагоны... Землю з-знобит
н-нервной
дрождью
нечаянной.
Гулкое эхо скрипуче фонит:
«Нумерация с головы».
Тоска...
Посадку объявят и трескоток
слух царапнёт
у виска.
Безлюдный перрон равнодушен, тих.
И я, предъявив билет,
помедлив, навстречу своей судьбе,
шагну
через сонм
«нет».

Товарняк прошёл, утащив следом лязганье, грохот, суету, а я стоял с блокнотом, не веря до конца в то, что произошло. Всё бормотал, бубнил едва родившиеся строчки. Первые ритмические строки в моей жизни. Возможно, строй их не образует гармонии... Но лесенка-то как красива?.. Без единого гвоздя, без топора. Я на верном пути! А ведь ещё вчера мог лишь срамную рифму свернуть на вопрос «где?»

Мне довелось однажды слышать, как маститые поэты, признанные мэтры стихоумножения, перекидывались профессиональными терминами, снисходительно поучая школяра-децимэтра. Избранный пассаж я украдкой записал, неделю зубрил: «Русская просодия в её силлабо-тоническом классическом варианте требует строгого выполнения ряда фонетических, метроритмических, орфоэпических и стилистических ограничений в части стихотворного размера, ассонансно-аллитерационного звукоизвлечения, рифмы, цезурирования, спондеев и пиррихийев, структурного членения строфы и прочих формальных версификационных правил». Правда, мило?

Да, увы, мои строки несовершенны. Ежели их на Парнасе объявить стихами, за родню не признают, объявят «гадкими» и в итоге заключают. А затем спустят с этой ажурной стихотворной лесенки меня вместе с моими «смехотворениями». Уже давно прибыл поезд, я нашёл указанный в билете вагон, место, уложил вещи, под стук колёс устроился на верхней полке, а сам всё представлял, как инквизиторы от литературы вгоняют колкие слова, будто иголки под ногти:

Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.

Я, понятно дело, не стою кулём: обзываюсь, горожу в ответ звукоряд гнусностей, пробую защитить своих крошек, но по существу предъявленных обвинений возразить не могу ни-че-го. Это — горькая правда.

Вагон на перегоне сильно трянуло... И...

Меня осенило: не нужно называть строки стихами!

Может, эт проза такая. Ну, да... Ритмическая проза. И вообще, проза с поэзией — родные сёстры. Чего ради их ссорить...

С этой сладкой, спасительной думкой безмятежно заснул.

Доставить меня на безлюдный остров взялся Семён Керчак — потомственный помор из местных. Кряжистый, угрюмый, шипастый. Раз в неделю он выходил в море на карбасе заготавливать водоросли. Туда — пустым, обратно — под завязку гружённый вяленным фукусом.

На сегодня был запланирован очередной выход. В напарниках у него москвич с немусульманской фамилией:

— Салин, — представился щеголеватый мужчина, — почти «Сталин», только без «т».
Андрей, по-англицки — анкл-Дрюня. [2]

— А по-карельски Оня!

Оня — школьный учитель биологии. Мужуку тридцать лет, а успел объездить в поисках романтики всю России. На Белом море этой дури оказалось с избытком, вот и проводит здесь третий отпуск подряд. Выходило, помором он стал не по происхождению — добровольно.

Затее моей не удивился ни тот, ни другой:

— ...На своей воли на одинки идёшь. Бездельё — тоже рукодельё! — философски заметил Керчак. — У каждого в голове свои тараканы, мои тараканы к тебе не перебегут. Увезу, какой разговор. Высажу на голыш.

Оня сориентировался по лоцманской карте, сделал пометку:

— Крестик мы тебе поставим здесь.

— Спасибо!..

Фантазия!

Страшная сказка... превращалась в быль.

20 августа

Снаряжение я подбирал обстоятельно и на берегу, перед тем как отчалить, ещё раз всё сверил по списку: компас, спички, фонарик, часы, фляжка, нож, фотоаппарат, три чистых блокнота, две ручки, карандаш, запасные носки, кусок полиэтилена, дождевик, пара нижнего белья, носовые платки, туалетная бумага, комаринка... Ничего лишнего.

Оня заглянул в мой «поминальник»:

— Мазь можешь не брать. Комары там не выживают... А вот спальник возьми, я дам. И чайник понадобится, и топор. Скала безлесая, но штормом нет-нет да и выбросит брёвнышко. Плиту растопишь, попьёшь кипяточку, полегче станет. Пресная вода — в расщелинах...

— Нет уж...

Я не хотел брать воды даже из деревенской речки, которая принимала стоки бесчисленных бань. Мечталось непременно ключевой. Ближний родник, по местному «талец», за семь километров от села. Пришлось ехать туда специально, но последнюю волю узника, ссылаемого на голодный остров, поморы исполнили...

Начинался прилив. В одиннадцать по полной воде отчалили.

Ветер выпал северный, резкий. Пока выходили из устья Колежмы, пока шли, прикрываясь островами, волны игриво ласкались, угодливо тёрлись о борта карбаса. Между тем ветер свежел на глазах, и стоило высунуться из-за Мягострова на простор, там уж поджидали бодливые барашки. Со всего бега они ударяли в носовину лодки, опять разбегались и опять били, окатывая нас холодной солёной водой.

— Не знаю, удастся ли подойти встреч волне, — Керчак всматривался в закипающее море с тревогой. — Можно тебя, конечно, ближе, на Борщовых ссадить, да там соблазнов много: избушка поживей, в лесу грибы-ягоды, ларь с припасами: крупа, соль, макароны. Этта будет спокойно... Хотя, на всякий случай, полки в курене [3] нать осмотреть...

— Для чистоты эксперимента?

— Для него.

Разговор шёл на повышенных тонах, иначе море, словно бесцеремонная реклама по телику, слова не даст вымолвить, переорёт.

Оня от мачты пересел на корму, вплотную ко мне:

— Вообще ты верно придумал. С голодухи один мужик пиитом сделался!.. — Я, дурак, не забрал тогда журнала.

И всю дорогу он рассказывал про метеоролога, который перешёл на рифму в силу необоримых обстоятельств, поневоле. Я слушал, а сам укреплялся в своей догадке всё больше и больше: «Значит, неспроста такая идея в голову пришла! Имеет она право на жизнь».

— Подходим! — гаркнул Керчак, перекивая гул двигателя и морской рёв.

Впереди по курсу, на расстоянии мили, возвышался каменистый тёмный хребет, будто подводная лодка, всплывшая на поверхность.

— Как он называется? — прокричал я в ответ.

— Некак! Безымянный. Длиной метров двести, в ширину меньше ста. Растительность — лишайники да несколько ягод. Матера [4] — в двадцати километрах по морю, связи нет. Со стороны горе, с другой — море, с третьей — болото да мох, а с четвертой — ох!

Оня задорно рассмеялся:

— Просил отвезти в самую задницу? Тебе повезло. Этот остров — центр её. Анус!

— Здорово! — с тихим восторгом вырвалось у меня. — А назад когда?

— Може, в субботу приду, ране некак.

— Прекрасно, раньше не нужно...

— А хоть бы и нать, у тебя линейка [5] така.

К острову подходили с востока, затем вдоль подветренного берега напрямиком в загубину к избе. Подпустив карбас метров на двести, с каменного пологого мыса поднялась пара огромных размашистых птиц. Белохвостые орланы! Приметный белый хвост, крючковатый клюв, сильные когтистые лапы. Они кружили над нами, подавая друг другу знаки. Оня с птичьего перевёл так:

— Возрадовались морские коршуны! Давненько не пробовали... печени человеческой.

— А вы, батенька, кровожадный.

— Человек — человеку друг, товарищ и волк!

Карбас, несмотря на внушительные размеры, подошёл к берегу почти вплотную. Мужики помогли отнести в избушку бачок с питьевой водой, скромные пожитки, устроили «формальный шмонек». Керчак по-хозяйски окинул взглядом обстановку, для верности пошарил рукой на верхней полке:

— Чисто! как и думал. Ни одной крохотки* — живи спокойно. Доспевай... [6] И пиши.

Они пожелали мне удачи и отчалили. Сперва отгалкивались шестами, выводя карбас на глубину, затем подняли парус, ладья стала удаляться, удаляться, пока не превратилась в точку. А потом в морской дали растворилась и она.

Всё.

Сегодня, 20 августа 2012 года, я остался на необитаемом скалистом островке.

В Белом море...

Один.

Зашёл в избу. В суতোлке первых минут жильё рассмотреть не успел. Сейчас это делал не торопясь. Поморская изба просторная, светлая. Рубленая из вековых сосновых брёвен, с высоким потолком, она едва ли соответствовала скромному статусу лесной избушки и уж тем паче куреня (зря Керчак наговаривал). Вдоль стен широкие длинные нары, напротив входа вместительный обеденный стол, два окна, дровяная плита, плотная крепкая дверь. Что ещё нужно? Дух нежилой, не прибрано... Везде раскиданы стопки журналов, на полках пустые грязные склянки. Но это поправимо. Как учил мой любимый Экзюпери: «Встал поутру, умылся, привёл себя в порядок — и сразу же приведи в порядок свою планету». На верхней полке под руку попала пачка из-под печенья. В ней остаток кондитерской пыли — столовая ложка, не меньше. (Выбрасывать отчего-то не стал.) В коридоре запас чурок на топку. Мало. Эх! лучковку бы... На берегу заприметил сосновый топляк. Бревно, высушенное солнцем и ветром, аж серебрилось, но без пилы к нему не подступишься. Жалко. Август на Белом море уже не-лето [7]. Я собрал журналы: все, словно на подбор, «Мир книг». На обложках популярные темы: «консервируем без соли» и — смачная картинка с аппетитными овощами в банке... (Нет, в данный момент глядеть такое! противопоказано.) На другой — любовная сцена из женского романа: томная красавица целует джентльмена: «Джуд Деверд. Первые впечатления» (запоздали они с рекламой первых впечатлений.) На третьей обложке обыкновенный чёрт: огненный глазище, хищный вид. Подпись: «Кристиан Мёрк. Дорогой Джим». Нет, чего-чего, а Холуинов [8] здесь не допущу. Это во власти моей. Я оторвал глянец, сунул в печь.

— Ну что, дружище Джимми, начнём?

Страничка, прославляющая чертовщину, загораться не хотела. С третьей спички...

Для пущей верности над окнами, дверью, в углах я изобразил карандашом маленькие крестики — защита от нечисти. В журнале нашёл раздел, где рекламировались православные книги: «Вам поможет пресвятая Богородица», «Жития святых», «Православный календарь 2009

года», «Святой великомученик Пантелеймон»... Это то, что нужно. Разворот согнул пополам — иконками к свету, обложкой внутрь — положил на подоконник. Пускай будут на глазах, вдохновляют, направляют. Как стрелка компаса в хаотичном поиске влево-право постепенно сокращает амплитуду колебаний и, окончательно определившись, указывает направление «на север», так душа человека устремляется к небу.

Душа зорче разума, она не заплутает, она выведет...

К сосне вековой
притулившись спиной,
маску сбросив, молю:
— Во имя Отца и Сына
и Святаго
Духа...
Воистину Север — Юг
и Запад
с Востоком.
Стрелка магнитная, будь мне
оком.
Аминь!

— !!!

Сжѣг бесовский лик, а может, напрасно? Может, лишнего наговаривают на товарища Дьявола, и люди по недомыслию изображают его в роли отрицательного героя? Что если миссия его необходима?!. Зам. по оперативной работе — неблагодарная, собачья должность.

Застелил стол куском полиэтилена — взял с собой от дождя, на случай непредвиденной ночёвки в лесу — достал фляжку с водой и... пообедал. Затем никакого заделья придумывать не стал, решил обследовать остров. Не для того, чтобы на манер Робинзона убедиться в его необитаемости, так, для порядка.

Рядом с избушкой — лесок. Телогрейкой накрыть! А между тем есть кустики черники, брусники. При желании соберу пяточку. Даже рябинка одна растёт, грозди оранжевые, незрелые — коли потянет на жор, кочевряться не будешь. Редкие кусты можжевельника плодоносили: рядом с зелёными бусинами зрелые — голубые. Попробовал на вкус — сладковатые опилки... Ещё в своих владениях обнаружил чёрные ягоды. Их называют кто шикшей, кто вороникой либо водяникой. И правда — на вкус водянистые, едва слащавые. Росли они на изумрудных колючках, ворсистым ковром устилающих вершину. А крупные, розовые с беловатым бочком, дегустировать не посмел. И правильно сделал. От старожилков узнал: не ест их ни человек, ни птица. Гаже ягода. Пальцами раздавил, внутри будто пенный крахмал. Не ошибся, прихватив запас пресной воды. Питьевой здесь нет. В ложбинах повыше вода хоть и пресная, но тухлая, для питья не годная. А та, что прозрачная, пониже к урезу, во время шторма смешивается с морской — солоноватая на вкус. Хотя, может, (мелькнула догадка!) солоноватая по иной причине... Птицы подмываются в этих природных ваннах, оставляя благодарные размашистые отзывы. Пока перепрыгивал с камня на камень, чуть не соскользнул по склону на мокром лишайнике — он съехал вместе со мной, словно доска для виндсёрфинга. (А ведь Керчак предупреждал!) Стал передвигаться осторожнее.

С вершины скалы открылась взору особая северная, неяркая красота.

И неукротимая мощь!

Колочая морянка, студёная, злобная гнала высокую волну — предвестницу зимы, окантованную белоснежным гребнем. Волны с грохотом разбивались о скалистый берег, разбрасывая густую тяжёлую пену. А с подветренной стороны благодать... Штиль, тишина да редкие клики парящих чаек. Два тюленя, завидев меня, соскользнули в воду с плоского камня и принялись нырять, точно играя в прятки — мордочки гладкие, умильные, как у лаптящихся собачек.

Крики чаек... Ну-ка... ну-ка... Я машинально достал блокнот:

Вольные чайки Поморья —
не чета
сородичам
помойным.

Город с прогрессным благоустройством
иное
считает
достойным...
А тут не летают троллейбусы
и без подогрева кровать.
Зато в Беломорье каждый тебе
при встрече
желает
здравствовать.
Край здесь суровый и правильный.
На Севере просто не выжить хитря.
Ловчить, запираяться нет смысла...
Таким...
от медузы
не будет
житья!

Чувство эйфории распахнуло душу навстречу хмурому ветру...

Потоптался на месте, подошёл к краю обрыва. Поуспокоился. Опять переключился «на приём»: остров мой представлял вытянутую гранитную скалу, испещрённую глубокими расщелинами, трещинами; с мола в солёную пучину уходили четыре каменистых гряды — по местному «кюрги» — покрытых мхом и редким можжевельником. Будто в морщинистой ладони великана покоилась зелёная пушистая варёжка...

Никогда раньше не отмечал по часам морские циклы, сейчас такая возможность представилась. По данным на 19-е августа выходило: в 11.00 — максимальный уровень, «полна вода», в 17.00 — минимальный. Вода пошла на убыль — куйпога — в мировой ванне открыли сливную пробку. На глинистом дне остались борозды: сказочный гигант волоком тащил упирившееся море прочь от берега. Дно оголилось — кечкара. По обсохшему морю шанс добраться от острова к острову, до самого материка. Куйпога, кечкара... До сих пор путался бы в этих поморских терминах, кабы не тамошний фольклор: «Готовился к свиданке — полна вода, до дела дошло — куйпога!»

Непривычно идти по обнажённому морскому дну с редкими лужицами грязи, обходя огромные обсохшие валуны, охапки фукуса, ракушек, медуз, распластавшихся на песке фиолетовым заливным.

Северный ветер траву пригнул.
Полна вода, куйпога.
Рукой подать до материка,
да шальна волна — не слуга!

А глянь, через шесть часов, чудеса:
не нужно плыть за кормой.
По морю ступай, аки посуху.
Кечкара — путь домой!

Ну домой, положим, засобирался рановато... Пока ещё не одолел ни одной ночи. Впереди десять отливов, столько же приливов: в сутках две воды. Как выяснилось позднее, цикл этот с каждым днём сдвигается по часовой стрелке на тридцать минут.

Наступление воды во время прилива глазом приметить трудно. Не доходя одного шага до кромки, сделал сапогом отпечаток на липком глинистом дне — края ямки взбухли, образовав бортик. Засёк время. Десять минут ушло на то, чтобы рассол преодолел расстояние в полметра, ещё минут десять и первая струйка перетекла через бортик, заполнила ямку-след. Но ведь морю нужно покрыть километры отмелей. Разве такое возможно? Да чего там?.. Эти несмелые разводы запросто собрать половой тряпкой. Словно сосед сверху забыл кран открытым, вот немного и просочилось... Казалось, вода никогда больше не вернётся, а та водная стихия, что недавно хозяйничала тут, — сон, мираж. И никогда не ходить колежкомским поморам на карбасах. Между тем, пока я фантазировал, водица прибывала и прибывала. Она поднялась мне по щиколотку,

ползла выше. До слуха доносилось перешёптывание воды с песком — так весной, в знойную апрельскую погоду, слышно, как тает снег.

Вернулся на берег к избушке. Воткнул в дно тростинку с отметинами, стал ждать. Мой самодельный водомер показал: вода прибывает со скоростью сантиметр в две минуты. Прошло три часа, и так же, как испокон веков, море заполнило всю прибрежную часть, затопило дно, отвоевало у суши спорную территорию, соединив Колежму с открытым морем. Камень у берега возвышался на метр — скрыло полностью. Прилив, как время, не умолим.

И вновь выпорхнули на волю строчки:

Белое море. Прилив — отлив.
Р-ррочут морские часы.
Сколько они отмерят мне
дорог по жизни пройти?

Морские мили сухопутных длинней,
но они ведут строже счёт.
Море, качаясь вперёд-назад,
раскачки другим не даёт.

Вот тебе раз! второй день, как покинул дом, и — пятое проза-творение.

А море действительно партнёр серьёзный. С ним шутки шутить не стоит. К морюшку надо с уважением, на Вы... Пытаться наказать, высечь — неблагоприятное дело [9]. (Хвалилась синица, что море зажжёт!) Не стоит на него и обижаться понапрасну, оговаривать. К примеру, морскую болезнь у меня вызывает вовсе не море — люди!

В темени вышел на берег.

Ветер стих, небо вывездилось, заметно похолодало.

На чёрно-бархатном космическом полотнище проявились тонкие белёсые разводы. Вначале малозаметные, они делались ярче, расширялись. Вскоре по небу, из края в край, протянулся светящийся шлейф. Словно золотисто-зеленоватый дымчатый шарф кокетки-ночи... Северное сияние — жди скорой зимы. В крепко срубленной избе обнаружили щели. Полуночный ветер заглядывал ко мне в гости, перелистывал страницы журнала на подоконнике, тихонько охал от удивления... Я с головой закутался в спальник, укрылся поверх курткой и покойно заснул. В эту тихую, не по-летнему студёную ночь — первую ночь на острове Творчества — мне чудно спалось.

21 августа

Под утро снилось солнышко, нежное, ласковое... снилась доча.

В полусне-полуяви начали всплывать слова, строчка за строчкой. Они послушно выстраивались, поправляя друг дружку, как малыши на утреннике в детсаду:

Дочушка Катюня —
Стебелёк с особинкой.
Величает муж тебя
Ласково «микробинкой».

Добротой своею
Зарази весь мир!
Славный на планете
Люд устроит пир.

Солнце загостилось
В волосах твоих.
Мне на радость снилось,
Будто греюсь в них.

Долго лежал, не шевелясь, не желая выпускать тепло словушек.

Наконец вспомнил генералиссимуса Суворова, его спартанское самовоспитание. Себя тужился представить им. Но до зарядки, обливания студёной водой, скачек верхом дело так и не дошло. Вяло поднялся, брезгливо побрызгался. Вероятно, в процессе трансформации — не туда нажал, либо мало тужился.

Обошёл остров вторично, вдоль-поперёк, из края в край. Передвигаясь береговой кромкой, спугнул выводок чаек. Ещё не слётки, птенцы, пушистые, крупные, мышастого цвета. С гомоном шарахнулись от меня, поплюхались в воду и, рассекая морскую гладь, скрылись за гранитным уступом... На берегу остались нежные пёрышки, беспомощные, слабые, они не могут вознести птицу ввысь, не позволяют уверенно, свободно парить в небе, но постепенно, Бог даст, окрепнут. Поднял одно, разжал пальцы — ветер пёрышко подхватил и унёс. Поодаль нашёл большое гусиное перо. Вспомнились хищные коршуны, пророчества **Они**... Немного же осталось от собрата-писателя. А тоже, небось, грезил о всемирной славе. Перо не выбросил, взял с собой. В комплект к нему, подобрал дощечку, отшлифованную морской волной. Выдавил сучок, один край досочки приподнял, установил в избушке на рабочем столе, в отверстие вставил перо. Получился настоящий писательский набор, даже лучше: перо — вечное, чернильница — бездонная. Только строчи!

В полдень совместил завтрак, обед и ужин: набрал по яголке целую пригоршню брусники с черникой, вдогон — десяток плодов можжевельника. Пора за работу! Пробовал найти «писательское кресло» на скалистых террасах. Ничего приличного подыскать не удалось: где подставка под ноги низковата, где сиденье узкое, где уклон спинки не тот. Одно место вроде выбрал, так ветер в лицо. (Ветер, кстати, — очень к стати! — сменился с северного на западный: стало заметно теплее, словно дверь в холодный погреб прикрыли.) В общем, раза четыре присаживался, доставал блокнот, карандаш, делал архиумное лицо — так казалось... (жаль, некому было заценить!) Однако ни единой строчки не накропал.

В эфир непрошено, с неуместным б-сарказмом, вторгся внутренний голос:

— «А вы, друзья, как ни садитесь...»...

— Э, нет!.. Так не пойдёт... Сделай одолжение, заткнись! Сейчас нужна не самокритика, которая сеет неуверенность, слабит... Нужен нездоровый кураж, вера в свою гениальность. Вера слепая, беспочвенная, маниакальная... Не идёт проза? Запрягу в качестве пристяжной Пегаса.

— Ох, мы с тобой насочиняем, ох, и наворотим!..

— Опять?!

— Молчу.

— Вот и молчи.

Вода пошла в жар, подпирала.

Я вернулся в вечеряющую избушку, присел на нары. Чрез оконце на меня глядели бездонные серые глаза ведуньи-ночи.

Белая ночь,
мир отдалив,
сердце томимое
небу откроет.
Мысли и сны
поровну поделив,
нет, не ответы... —
вопросов подбросит.

Одухотворённый, прилёг...

Хорошо!

В памяти всплывали родившиеся за эти дни ритмические строки...

Я вслух декламировал их, наткнулся на неудобочитаемость, логические нестыковки, слова-булыжники. Они вырастали снова и снова, точно камни из-под земли на карельском поле. При свете затухающего дня выкорчёвывал их, вносил бесчисленные правки, слововычитая. С тем и заснул...

22 августа

Утром солнышко совсем невесёлое, в белёсой дымке. Ветер позавчера северный, вчера западный, сегодня южный. Крутит, финтит... Бардак! Так и вспомнишь «Одиссею» Гомера [12]:

И плот его ветры по бурному морю гоняли.
То вдруг Борею бросал его Нот, чтобы гнал пред собою,
То его Евр отдавал преследовать дальше Зефиру.

Третий день в ссылке, в заточении. Утро между тем перетекло в полдень. Не писалось. В дневнике так честно и указал: «Не пишется ничего».

Помолился и... началось:

Занозила душу тоска...
Растерял себя, расплескал.
Заплутал средь мирских затей
и от проповедей устал.

Люди — сила, но пробил час:
только сам себе можешь помочь.
Отрекись
от соблазна
«слыть».

Пуповину
сгрызи
прочь!

Удались в одинокий скит,
где сойдёт
мишуры
линь.
И смиренной молитвой зывай
богоносных
небес
синь.

По всей душе елеем растворилась сладкая благодать...

Незаметно, в пустых заботах пролетел день.

Две ночи терпел без спасительного огня, горячего кипятка. Баста! Наколот дров, уложил в топку. Печная дверка висит боком на медных паутинках-проволочках, одна петля отломана. Толком не закрыть. Кое-как... В чайник налил ключевой воды, кинул кусок чаги. Уже будет не пустой кипяток. За окном стало накрапывать. Верно подмечено: западный ветер плаксун [11] — плачет, дождь приносит. Сквозь прозрачную пелену всё вокруг сделалось одноцветным. Ну и пускай себе льёт... А в моей светёлке затеплилась печурка. Дверку открыл настезь, сижу, любуюсь алым пламенем. Постепенно изба наполнилась жилым духом, словно жизнь вдохнули. Нужно только не переборщить, иначе вслед за уютом могут просочиться и мысли благоустроенные, изнеженные. Загудел чайник, запыхтел, радостно забренчал крышкой. Спасибо тебе, хозяйюшка-изба!

Запросилась на бумагу строфа, ещё одна... Они появлялись сами по себе, я старался их ничем не спугнуть, чтоб случайно не загасить зыбкий огонёк.

Избы поморов, избы поморов.
Сколь вами сложено судеб и былей.
Сколько вы видели радости-горя...
приняли боли.

Стылая печь. Закопчённые стены.
Чёрная дверь и в углу образок.
В этом бушующем мире несказок
стали моим вы приютом веры.

Белого моря старцы седые.
К вам за советом, за светом иду.
Вы утешаете, вы же и лечите.
Избы поморов — кузница слов.

Я в своём сердце принёс уголёк вам...
Печка затеплится — молодость вспомните.
Радостным гулом тогда ободрите.
Только, родные мои,
не молчите!..

Навернулись слёзы.
Вспомнил об ушедших родителях, будто к ним обращался...

Существует расхожее выражение: «сопутствовала удача, поскольку звёзды сошлись на небе». Не знаю... С моим творчеством наоборот. Должны все чёрные дыры слиться в одну большуханскую... Лишь тогда. Сто раз поминаю Сергея Довлатова: «от хорошей жизни писателем не станешь». Правильно говорил! Когда на кухонном столе идёт парок от горячих пирогов, жена — ласкова, дети — предупредительно-внимательны, страна — вся из себя заботлива, гости — долгожданны, ты здоров, безрассуден, слегка пьян, нужно быть полным идиотом, чтобы всё это отодвинуть и схватиться за перо. Или, тем паче, упереться сюда, за тридевять земель, на край земли... в одинокую избушку на Белое море, где насильничая себя, побуждать к словосложению. Когда безоблачно, лично мне не пишется. Организму для творчества требуются особые, «тепличные» условия. То есть перечисленные события должны зеркально поменяться: ты как стёклышко трезв, рассудителен, дети разнузданно-вызывающе дерзят, страна отбилась от рук, жена...

И вот всё сошлось: я в голоде-холоде, позабыт-позаброшен на необитаемом острове. Испытываю на себе лекарство от хандры — солёную воду: пот, слёзы и море.

23 августа

На острове четвёртый день. Ночь промучился, проворочался. То жарко, то жёстко, то беспричинно страшно. Утром солнце выбивалось, выбивалось, да так и не выглянуло, серая мгла затянула мир. Настроение столбиком барометра ползло вниз.

Послесмерть. Час расплаты!
Длинный список дел, делишек.
И на все есть свой свидетель...
Их порою даже с лишком.

А какой вердикт объявят,
ты не можешь знать заранее.
Лучше б в рай, а вдруг как снова...
В ад!

На Землю!
В наказание,
в назиданье...

Пожалуй, вечером больше топить не буду. Тепловой режим угадать сложно: ночью приходится делать много лишних движений, а силы, настроение уж не те. Общая подавленность, уныние. Не хочется ни пить, ни есть. Нужно приводить себя в порядок. Сейчас встану, умоюсь,

оденусь, помолюсь и выйду на остров. Там видно будет. Сегодня на завтрак традиционно подавали бруснику, шикшу и ягоды можжевельника. Интересно бы знать: обладают они полезными свойствами или нет. Какими-нибудь наверняка... Может, хоть нейтрализуют вред друг от друга. После завтрака ходил по кечкаре. Думаю, по скалам лазить больше не стоит — кружится голова. Видел бакланов: родители с парочкой рослых птенцов. Чёрные, размашистые, крикливые. Долго кружили надо мной, затем опустились на дальнюю мысовину и сутуло сгрудились. Небось, проводят разбор полётов.

Сотый раз задаю себе один и тот же вопрос: какой смысл сидеть затворником, голодать?

Смысл весомый. Бесспорно!

С первого дня появления на свет я регулярно ем, пью — почти сорок восемь лет подряд. Послезавтра — день рождения, тогда будет ровно сорок восемь. В прошлом веке родился!.. (Самому не верится.) Состояние сытости, пьяности знакомо не понаслышке. А вот жёсткие ощущения, подобные этим, переживать не приходилось. Очень интересно испытать себя, проверить в новом режиме. Обрести знания о скрытом потенциале, сильных-слабых сторонах, о своей сути — ну о-о-очень! полезно. И сверх того — высокая награда — литературные страницы в новом для себя жанре «прозатворение».

Слева — обрыв, справа — обрыв...
Наверх — грубой нитью тропа.
Она, петляя, ведёт туда,
где лишь гнездовье орла.

Но каждый шаг, что уводит ввысь —
вразрез с приземлённым житьём.
А голос вкрадчивый песнь поёт,
назвавшийся Разумом:

— Поверь, не стоит дальше идти,
и так уж вровень болот!..
Всё это — прихоть. И липкой речью
треножит
твою
иноходь.

Думать, похоже, есть над чем.
Лучше себя не неволь...
Ведь это лишь Человеку под стать —
расти
над отметкой
«ноль»!

Чудны дела твои, Господи! Я заклинал и мог рассчитывать на скромные прозаические наброски, а тут рифма...

— И всё?! А дальше? — встрепенулся вечно недовольный внутренний голос.

— Дальше?.. Судьбу не нужно торопить. Нужно идти ей навстречу.

И опять...

Хлеба укрой, крупная соль,
стылой воды глоток.
Отчаянных мыслей безудержный вихрь!
И — не грозит покой.

За шагом — шаг, за верстою — верста,
где земли непочата суть.
Не для того, чтоб ступить туда...
За горизонт
себя
заглянуть!

Идти, сбивши ноги в кровь,
до спазмы сухой во рту.

Где перевал рассечёт гору
и облака по нутру.

За шагом — шаг, за верстою — верста,
преступая похоть и боль,
идти назло всем смертям.
Штурмуя
 вершину вершин —
 себя!

Наверняка найдутся те, для кого сочинительство — никчемная блажь.

А что, собственно, лучше?!!

Пополнить армию россиян, взявших потребительский кредит на покупку излишнего и батрачить остаток жизни на банкиров? Нет уж, спасибо... Либо всю сознательную жизнь продавать сникерсы с мобильниками?.. В итоге (каким-то чудом!) заработать, открыть собственный ларёк и не знать, как его защитить от государства и населения?! Бр-ррр! Или самое-самое заманчивое — уехать на границу Швейцарии и Франции. Там, недалеко от Женевы, несколько тысяч человек в большом адронном коллайдере ловят даже не муху, не комара... Искомый гнус много меньше. Хорошо, если все они ушлые жулики из сказки Андерсена «Новое платье короля». А если нет? Если эти групповые артельные утехы — самое светлое пятно их жизни?

Какая яркая... незавидная доля.

В конце концов другие поступай, как заблагорассудится. Главное, для меня пресвятая литература самое дорогое, самое важное дело. Самое-самое!

Самодетельная словесность помогает понять себя... Создаёт и поддерживает иллюзию смысла жизни. Разве мало? А ещё моя литература — это подслушанные стоны и чаянья душ людских, кровь и слезинки радости.

Почти стемнело. Через оконце едва дотягивается, угасая, свет вечерней зари.

Грустно.

Прав был Аристотель: «Человек — существо общественное». Устроить организму встряску — полезно, даже забавно. Но жить добровольно одному... годами. К этому не готов. Впереди ещё две ночи. Целых две. Без еды. Без людей. Если, конечно, про меня не забыли, как про тех метеорологов... Днём ещё сносно. Про еду удаётся не вспоминать. (Странно!) А вот засыпать на голодный желудок ой как несладко... Не пишется больше ничего. Завтра будет то же самое. Опять поднимает голову хандра, ей поддаваться нельзя никак. Лёг, поворочался с боку на бок и рассердился на себя всерьёз: «Соберись с духом, надо жить, надо писать, надо созидать...» Опять вернулся к черновикам-листочкам.

И... потихоньку, помаленьку пошло:

У самого Белого моря
в ветхой рыбацкой избе,
закутавшись в спальник, как куколка,
я письма пишу тебе.

Любить не умею ярко.
Почти не дарю цветы...
И чаще других подарков
грусть получаешь ты.

Внутри всё клокочет, мается.
Виню себя и кляню.
Легко ли рождаться заново
вот так
 одному
 на юру?..

Но должен из кокона выйти
не тот же удав или больше...
Последней бабочкой лета
на грудь

опущусь
брошью.

24 августа

Проснулся в 7.29

Ночка кошмарная. Одно радует: она позади. Первым делом поставил в рукописном календаре жирный крест на дате «23.08». Впереди ещё одна ночь и — домой.

Сегодняшний день решил посвятить генеральной уборке. Забрался под нары, выгреб весь мусор, тряпки, доски, какие-то непарные сапоги, около избушки валялись ещё два. Обрезал голенища — получились галоши. И не беда, что все четыре на левую ногу (мне так кажется...) Топор, чайник, спальник положил на видное место, чтобы завтра, не дай Бог, не забыть в избушке. Вещи чужие, выручили меня. Нужно вернуть. Особенно топор! Керчак сказал, ежели топор не вернём, бабушка убьёт сначала его, потом меня. (А что из списка действительно не пригодилось, так это туалетная бумага.) Пол подмёл мокрым берёзовым веником, а затем окатил морской водой, как палубу корабля: вёдер двадцать. Вода смывала первородную пыль, стекала в щели. С любовью намыл избушку, ставшую родной. Слово престарелого отца в баню сводил...

Сорока прилетела к окну. Прострекотала последние новости. Жаль, информацию в этом формате распознавать не умею. Между тем дело — к обеду. Вышел за подножным кормом. Ба! На взморье, в полукилометре от берега — судёнышко. В нём человек... (Ай-да сорока!) Вот бы здорово прямо сегодня попасть на большую землю... Поорал, помахал шапкой. Мужик заметил меня, завёл мотор и... уехал.

Да-с, раньше сбежать не получится — «линейка така!»

И тут (ну всё не как у людей!) вместо того, чтобы в адрес поморов разверзнуться бранью, родились слова благодарного восхищения:

Колежма — Белого моря рай.
Богатства — на каждом шагу.
Не газ или там молибденовый концентрат...
Важней! Поручиться могу.

Люди — вот что ценней всего!
На слово щедры красное.
К работе охочи, пожалуй, любой.
Это ясней ясного.

Но пуще славится их поморство.
Вот где «охи-то» с «ахами»!
Сёмгу, камбалу, навагу с корюшкой
Возами

сдают
маховыми.

Ладонь, как пятка, легла на канат:
— А ну-ка, сходить, что ль в Баренцево?
Им только б пресной воды запас...
Кирбас

кивает
радостно.

Есть не хочется совсем. Голову кружит, слабость, а сказать, что еда стоит перед глазами, — нельзя. Ягоды и те ем больше по расчёту. На скале, в западной части, нашёл современный петроглиф: инициалы «Г. П.» и год — 1972. Появилась идея оставить потомкам весточку о себе, строго высечь в граните: «Здесь в голоде, холоде творил Александр Костюнин». В крайнем случае надпись могла бы послужить эпитафией, а остров — скромным памятником.

Остановился. Совестно как-то... И зубило нигде не нашёл.

Стемнело. Лёг на нары... Встал. Опять прилёг. Не спится.

Маялся до трёх ночи, и тут, внезапно, вспомнил про «следы» от печенья. Пустую упаковку не выбросил в первый день, не стал выбрасывать почему-то и сегодня, когда прибирался. Фонариком посветил, отыскал на полке. Аккуратно, чтоб ни крошки не просыпать, согнул край желобком, высыпал в рот. Ой! Что это?.. Я не столько почувствовал — увидел: сладковатая пыль прошла гортань, пищевод, достигла желудка и мгновенно растворилась. Сразу по всему телу до кончика гусяного пера растеклась такая благодать, такое умиление... Боюсь, вам не понять.

Пока добирался в темноте до спальника, погрузился в сон.

25 августа

Сегодня мой день рождения.

Вспомнил отца, маму... Создателя (нельзя быть неблагодарным!) К слову сказать, то, что я произношу из раза в раз, — не совсем молитва... на всё про всё, текст один: «Слава тебе, Господи!» Богославие. Донимать Творца бесчисленными просьбами, канючить, значило бы не верить в его Всемерность... Мои сокровенные желания Он и так знает. Я верю Ему. Верю больше, чем себе. С Богом хоть за море, без Бога — ни до порога! Заутренние и вечерние строки в походном блокноте и есть моя служба Ему, мои молитвы.

Моё крестное распятие!..

Дома, месяц назад, раздумывал: чем бы себя одарить? Хотелось необычного... И вот свершилось! За эти пять суток я стал чуточку иным, сделался богаче. Я получил на день рождения себя иного.

Да, самый желанный подарок человек делает себе сам.

Хотя нет!.. Не всегда.

Ритмические строки — на появление их не рассчитывал. Какой дар сравнится с этим? Словно щедрая морская волна вынесла и, оставив предо мной россыпь северных жемчужин, отхлынула. Надеюсь, отхлынула не навечно... И ещё кряду можно назвать появление внука:

Ветер принёс Солнышку
Пуховые облака-подушки,
А я одеялом воздушным
Окутал сладкого Лёвущку.

Солнце закрыло глазки
День ушёл на покой.
Пусть тебе снятся сказки
Махонький внучек мой.

Напоследок, в ожидании карбаса, обошёл по кечкаре свой остров везения. Собрал внуку несколько витиеватых перламутровых ракушек и гладко отшлифованных усердной волной кварцев — нетающих льдинок холодного Белого моря.

Вода заприбыла.

Я поднялся на вершину скалы.

Благодать! Сколь одухотворённо сегодняшнее утро.

На каменной террасе повернулся лицом к Солнцу, и...

Раствори-и-ился в при..ро...

Откровение Создателя... Спаси-Бо!..

Изумление... Восторг! Лёгкость невесомая... пере-полня...

Дышать... свободно.

В глазах Моря вспыхнули искорки духовной близости...

— И я вас люблю...

Свинцовую гладь рассекла белая гладко-маслянистая спина белухи. Белизна перетекла ещё раз... ближе.

— Сударыня, желаю Вам здравствовать!

Вместо летящей с Северного полюса ненавистой морянки с материка поддувал душистый южный ветерок, пахло сеном, домом. Ветер ласкал меня, нащёптывал на ушко прощальные слова любви...

— Друзья, спасибо за всё! Пришло время нам расставаться. Ветер, как и время, в пригоршни не удержишь... Как моря устилают землю-матушку, облака укрывают солнышко, как травы шелковые — луг-луговик, так я нежно обнимаю вас.

На горизонте, среди мерцающих солнечных бликов, появилась запятая.

Она близилась, превращаясь в парусное судно.

Дабы не нарушить хрупкой гармонии естества, тихохонько развернулся, стал спускаться к избушке. Шажок, второй, третий... Ещё один... Прозрачная, непроницаемая граница, отделяющая мистически-райский храм природы от мира сего, беззвучно замкнулась. Телу вернулась первородная брэнность, тяжесть.

Из всех желаний самым-самым-самым было одно: при встрече с людьми не зайтись безумным, счастливым смехом, в перехлёст со слезами отрады...

Перепугаю нахрен!

До острова, по расчётам, оставался примерно час ходу...

Я восстанавливал в памяти отдельные эпизоды рассказа, и получалось, расчёт мой оправдан. Человек, жёстко зажатый обстоятельствами, не только перешёл с казённого, формального языка на живой, народный. Его прорвало на стихи!

Нетерпеливо толкаю Оню в коленку:

— Дальше-то что?

— Когда в журнале исчезли записи второго метеоролога, я подумал: «Всё! Убил Ваню!» Эта мысль пронеслась первой. Аж холодом обдала... Но после прикинул: «Нет». Ровный почерк, буква к буквке. Сомнений быть не могло: автор — человек уравновешенный, даже «флегма». Случись самое ужасное, он так бы в дежурном журнале и написал: «Ваню убил». Затем подробно изложил бы обстоятельства криминального происшествия, последние слова убитого в адрес руководства управления и указал бы точное время. Ничего подобного не было.

Заканчивались записи журнала истерическим воплем. На весь разворот гремела, до звона в ушах! — ором орала надпись:

«В е р т о л ё т!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!»

— Флегматик, выводя кириллицу, втыкал шариковую ручку на глубину десяти листов и — не писал — вырезал! злосчастные буквы. Я, дурак, не взял тогда журнала! — Она смолк и взглядом устремился вдаль.

Уверенный гул мощного подвесного мотора понемногу завладел моим слухом, сознанием. Белое море прохладной морской водой окропило лицо, помогая собраться, настроиться... Мне свою робинзонаду ещё только предстояло пройти. И чем она закончится, я знать не мог.

Но одно я знал твёрдо...

Есть, непременно есть обстоятельства, при коих человек переходит с казённого на родной, живой, русский язык. И для тех, кто страстно желает, обязательно приходит момент, когда слабые пёрышки обретут крепь. Тогда и возникает небывалая подъёмная сила. Возмужалый птенец становится на крыло.

И... летит к звёздам!

P.S.

Прошёл месяц...

Стоит выпасть свободной минутке, я, как скупой рыцарь, пересчитываю листочки с отпечатанными набело непривычно-ритмическими строками. Поглаживаю их, воркую... Они — настоящее чудо! Хотя, признаться по совести, так думаю я один. (Уповаю, что не агевзия причиной тому [12].) Ряд творений, не откладывая, решил посвятить знакомым и близким, а то, поди знай, соизволит Муза посетить ещё или нет. Дело тёмное! «Слева — обрыв...» — сыну Леониду с припиской: «Сынушка, желаю тебе год от года расти над собой». «Колежма — Белого моря рай» — истым поморам, братья Лёгким: Анатолию, Василию и Сергею. «У самого Белого моря» — Галине, жене (так всё-таки будет пристойней).

*

25 августа 2012 года

Примечания:

[1] Любой сильно нехороший человек ассоциировался у советских людей с немецко-фашистскими захватчиками или попросту «немцами»;

[2] Анкл (uncle англ.) — дядя;

[3] Курень (помор.) — убогая дымная изба, черная изба, ветхий, в одну две комнаты домик без хозяйственных пристроек к нему;

[4] Материк, матерая земля.

[5] Линейка (помор.) — доля в жизни, участь;

[6] Доспеть (помор.) — о человеке: окрепнуть, достигнуть совершеннолетнего возраста, возмужать;

[7] Самое теплое время года на Беломорье. В Сорокском и Кемском районах лето определяется периодом времени от Иванова дня (24 июня) и по Ильин день (20 июля). Поморы говорят: первый летний праздник Иван день и последний Ильин день до обеда;

[8] Хэллоуин (англ. Halloween, All Hallows Eve или All Saints Eve) — национальный праздник «нечистой силы» в США;

[9] «Высечь море». В начале похода на Грецию (480 до н.э.) буря снесла построенные персами мосты через Геллеспонт (Дарданеллы). «Узнав об этом, Ксеркс распалился страшным гневом и повелел бичевать Геллеспонт, наказав 300 ударов бича, и затем погрузить в открытое море пару оков» (Геродот, VII, 35). >Геродот, с. 325.

[10] Гомер «Одиссея» (песнь V, ст. 330) Евр — (Эвр) бог восточного ветра, брат ветров Борея (северный ветер), Зефира (западный) и Нота (южный);

[11] Олонецкая поговорка;

[12] Агевзия (а + греч. geusis — вкус). Нарушение восприятия вкусовых ощущений. Может наблюдаться при органических заболеваниях нервной системы с поражением вкусового анализатора, особенно центрального его отдела, либо при истерии. В некоторых случаях сопровождается бредовыми переживаниями, главным образом бред отравления. При депрессиях входит в структуру синдрома отчуждения витальных чувств.

Вешки

Виктории Викторовне Шушариной

Поморские заметки

*Говорят, что где-то есть острова,
Где четыре не всегда дважды два,
Считай хоть до слепу — одна испарина,
Лишь то, что по сердцу, лишь то и правильно.*

Александр Галич

Назавтра решили свезти на остров Боршовец и установить там приметный крест.

— Вода в восемь, — сообщил сват Сергей.

Сие, в переводе с поморского, означало, что максимальный уровень прилива, «больша вода», в восемь утра. К этому времени «надоть» собраться и выйти. Карбас, конечно, не космический корабль, минутная готовность ни к чему и, разумеется, ничего страшного не произойдёт, ежели чуток задержимся. Но с каждым часом уровень в устье Колежмы станет падать, падать... Морская вода, заглянувшая в гости к пресной, убывая восвоюси, обнажит сперва кромку заболоченного берега, затем, постепенно, валуны на дне самой речки. А стоит с выходом затянуть — так уж не выйти совсем. Разве что на плоскодонке, но таких посудин на взморье не держат. «Вода в восемь», — и добавить к этому было нечего.

Однако утром, пока крест в разобранном виде грузили на тракторную тележку (основа креста — могучий шестиметровый брус-стойка), пока везли на пристань, пока ждали всех, время шло. Давно девятый час, девять, десятый, а мы топчемся у браницы [1], всё ещё грузимся. В итоге собрались одиннадцать мужиков: братья Лёгкие — Анатолий, Сергей и Вася, Кочин Алексей, Никонов Иван... Я — двенадцатый. Приготовили всё, что нужно для установки, сборки: деревянные ригеля, заступ, лопату... На лицевой стороне креста канонические надписи на старославянском — свидетельство Страданий Христовых. Под нижней косой перекладиной восьмиконечного креста-распятия — символическое изображение головы Адама и надписи: «М.Л.Р.Б.» — «место лобное распят бысть», «Г.Г.» — «гора Голгофа», буквы «К» и «Т» означают «копие воина и трость с губкой». Над средней перекладиной «ІС», «ХС», под ней «НИКА» — «Победитель»; около «СНЪ БЖІЙ» — «Сын Божий», «І.Н.Ц.И.» — «Иисус Назорей Царь Иудейский»; выше «ЦРЪ СЛВЫ» — «Царь Славы», «Г.А.» — «глава Адамова». Извек поморы так и ладили кресты. Река между тем обсыхала на глазах: вот наполовину обнажился стояночный якорь соседнего баркаса, показалось серое илистое дно заросшего осокой берега. Вода пару часов назад плескалась вровень с пирсом, тут — ведром не зачерпнуть. Наконец отчалили. Под деликатный клёкот мощного подвесного мотора карбас послушно отработал задним ходом, плавно развернулся и стал тихохонько пробираться на выход из устья. Временами киль, борта со скрежетом задевали подводные валуны, тогда карбас кряхтел, недовольно бурчал, но везде прошёл сам, шестом подмогать не пришлось.

Я по-родственному сидел на корме рядом с Сергеем, любовался, как мастерски сват управляет судном.

— Ловко у тебя получается!

— По вешкам иду, — чередой высоких колебаний уходила в открытое море.

— По вешкам?..

— Самая руслина реки ими обозначена, иначе разве пройдёшь?

— Ну, да...

— Зимой на открытых местах как тропку держать? Без вешек никак, позёмкой враз переметёт. В тайге путик помечаем метками, затесями на стволах, — считай, те же вешки.

Сквозь хмурую воду просматривалось песчаное дно: поначалу ярко-оранжевое, затем бурое, цвета торфа, потом вовсе морская воронёная толща взяла верх...

— Сейчас новый парус поднимем. Ты такого ещё не видал, — сват сиял, как именинник.

Рей, обмотанный парусиной — под рукой, вдоль борта. Вася, привыкший управляться с такелажом, рангоутом, достал свёрнутое рулоном полотнище, прицепил к мачте, потянул за капроновый канат... под своим весом парус раскрылся, туго наполнился попутным горным ветром... Над морем вспылал лик Николая Чудотворца.

— !!!

— Что я говорил!

— Красота...

— Дувань крутая, белю нет нужды вызывать. [2]

Сергей сбавил обороты и взял курс на Боршовец. Он в радостном возбуждении что-то сказывал, я лишь рассеянно кивал... «Вешки» — интересное совпадение. В одиночестве на маленьком острове, затерянном в просторах Белого моря, много думал о них...

Желая вновь испытать столь же острые, но теперь иные, новые чувства, откровения, я решил повторить затворничество [3]. Не хочется жить в длину, писать в длину. Моя мечта: научиться вслушиваться в себя, сердцем вслушиваться... записывать. И, может, приблизиться к Истине. Непростая задача... в сутолоке она не решается. Скопом, большинством голосов, её не одолеть. На какое-то время необходимо полное одиночество и воздержание, а потому всё в точности, как год назад: те же пять суток, один-единёшенек, без куса хлеба, с запасом питьевой воды и чистым блокнотом.

Организм, лишённый холи, отреагировал тогда неожиданно. Меня, страдающего идиосинক্রазией к рифме, вдруг... прорвало на ритмические строки. Высшей благодатью опустились они с небес:

В храме лесном царит полумрак,
Лишь алят угольки, да кадит головня.
Ель, облачившись в стихарь торжественно,
Служит всенощную. По небу призрак
Тенью совы возвещает призывно
Волю Вселенной. Силу небесную!
Сердцем читая судьбы откровение...
Всё принимая и веруя свято, я не бесную.
Крестным знаменем себя осенив,
Я причастился малиной лесною.
Стихонезнаючто обнял ласково...
И мою голову, низко склонённую,
Благословил, окропив, летний дождь.

Разве такое забыть?

В этот раз Вася Лёгкий, наблюдая за моими приготовлениями, не утерпел:

— Ты бы вон, хоть Тунгуса взял. Будет с кем словом перемолвиться.

— А как объяснить псу, что «кушать» отменяется?

— ?..

Вася задумчиво чесал заскорузлыми пальцами лоб, а кобель, главное, обстоятельно помочился на колесо моего Tucson-а и припустил по деревенской улице прочь.

Храбрился я, но ведь для меня, «любителя повеселиться и особенно пожрать», подобный аттракцион — испытание серьёзное (не «комната смеха»). Может случиться ВСЁ. Читал где-то: в древнем Китае с юности задумывались, как бы хотели встретить смерть. Крутые экстремалы хмыкнут: люди голодают по десять-двадцать дней, ночей — чистое здоровье! Классический христианский пост вообще сорок суток. Но ведь я — subtilный горожанин, к тому же возраст... Между тем какая-то сила неодолимая влекла в таинственную зону. Как там у Пушкина: «Мы все глядим в Наполеоны».

Не довелось на Елене прекрасной
Скончаться от избытка чувств,
Любви и жарких поцелуев...
Так хоть на острове Елены.

Ну что ж, на острове, так на острове...

Отвезли меня с нехитрыми пожитками на безлюдную скалу и оставили.

Подхожу к избушке: опп-па! Во «входящих» — письмо с прикрепленным файлом: прямо на пороге веранды свежая медвежья куча черникой! и — лёгкий сизый парок... Ну, разумеется, больше негде, не в тайге ж гадить. Валяйте! (А я-то размечтался: «один-одинёшенек».) Дверь в избу — нараспашку, будто ждали меня. Низко склонив голову, словно пред тесными воротами в Храм Гроба Господня, захожу в лесную келью:

— Здравствуй, хозяйшкa-изба.

Осматриваюсь... Как оставил год назад, так всё и есть: морские ракушки на подоконнике, кухонная тряпка из дели на полке, упорки [4], охапка дров у печки... только бутылка с сухим прутиком опрокинута. Кроме мишки за год не было ни души. Опасливо оглядываясь, прислушиваясь, шагнул в лесок, срезал веточку рябины с алой гроздьё, поставил в бутылку, плеснул на доньшко воды. Теперь полный порядок! Вечером, во время отлива, обходя по кечкаре остров, наткнулся на медвежьи смайлики: огромные, чётко отпечатанные на глине косолапые следы неспешно уходили в сторону материка — два медведя в одной берлоге не живут. ☺

А в Колежме завтра торжество: рыболовецкий колхоз «Заря Севера» отмечает День рыбака, намечены широкие, сытные, хмельные гулянья. «Праздник-то наступат — гора горой», а я... людей сторонюсь. Деревенские мужики исподлобья позыркивали на меня. Что сказать им в своё оправдание? Сослаться на диету?

Моя комплекция — роман,
Зачем мне эпопеи вес?
Я отвергаю суп-культуру!..
Стремиться буду к SMS.

Бессмысленно. Никакие доводы не в силах обелить затворничество в глазах поморов, людей по природе, по духу своему исконно общинных: «Против руля и вода не течёт!» Странно, меня на этот раз даже не сильно и отговаривали... Оказывается, загодя меж собой всё перетёрли. Вася, узнав о прожекте (прожект — это такой проект через «ж») поинтересовался у близнеца Сергея:

— Снова поодинки, на цельную неделю?

— Ну.

— Так он чё, левосторонок? [5]

— К нашему берегу путного полена не прибьёт...

Я хорошо понимаю их. Все мы по большому счёту «колхозники». На единоличника у нас тарашятся, как на летящего пингвина, как на нэпмана недорезанного. И радости, и горести наши — колхозные. Потому и в войне непобедимы, потому и мечтаем, чтоб у всех примерно одинаково, а тех, кто высовывается, одёргиваем. И во главе — бравый Председатель колхоза (мне он тоже нравится!) Корнями наши колхозно-общинные устои уходят в древнюю Русь (революция лишь обострила их, довела до гротеска). С раннего детства, сколь помню, мы не принадлежали сами себе. Всё решалось покласно, поотрядно. В крайнем случае — «звёздочкой» (была такая детская партячейка). В отряде, в звёздочке — свои командиры. Как иначе? «Ты тянешь нашу звёздочку назад!» — распекали отстающего за недостойную учёбу, лёгкое поведение. На приём пищи в младших классах ходили исключительно строем.

Учительница задорно командует:

— Разбились! Разбились по парам, взялись за руки!

Не у всех первоклашек получалось выполнять команды синхронно. Я хотел мчаться в столовку первым, кто-то, открыв рот, мечтал...

— Костюнин, тебе говорю: взя-аались за руки. Вы сами себя задерживаете.

Мало-помалу руки сплетаются, и мы смиренным гуртом топчем в столовую.

Строем разучивали речёвки. Дрессировали нас после уроков в рекреации. В конце четверти — «смотри строя и песни». Глаз не оторвать! Командир отряда в красной пилотке с замызганным султанчиком звонко:

— Раз! Два!

Мы хором:

— Три! Четыре! Мы шагаем по четыре!

—левой!!! — приказывает командир.

— Правой! — возражает отряд.

—левой!!!

— Правой!

— Сильные! Смелые! Ловкие! Умелые!

В оценке себя-любимых разногласий нет, но командиру неймётся:

— Кто шагает дружно в ряд?

— Пионерский наш отряд.

Загляденье! Классная, если рапортуем громко, чётко, стоит в сторонке — млеет.

Для россиян в строевой подготовке скрыто некое обаяние. Не зря скучал по армии Дубинушка в фильме «Белорусский вокзал»: «Стоишь себе в строю, думаешь о чём-нибудь. Командуют «налево!» — повернулся налево, «шагом марш!» — пошёл. Куда? Зачем? Там знают. Идешь, главное — в ногу, думаешь о своём». Я бы до сих пор маршировал под речёвку, а то, неровён час, сам командовал, да вот незадача... Командиры командиров посрывали с себя звёзды, погоны, покидали знамёна, разбежались... Партия, наш рулевой, завела страну в тупик! И пришлось смекать в одиночку: куда дальше? Стресс для многих неодолимый! Однако обижаться нам грех: жись хоть и лаконичная, но убористая (день — за три, как на войне). Век гения — стремительный росчерк пера.

Да, трудно искать выход. Вот бы где пригодились мудрые вешки!..

До этого любое движение (общественно-политическое в первую очередь) регулировалось дорожными знаками — запрещающими, предписывающими: «въезд запрещён», «движение запрещено», «обязательное движение прямо-налево-направо», «перегон скота»... Следуя строго по ним, мы оказались на Мягострове. Во-оон он! Хорошо видать с моей скалы. После Отечественной войны там ещё долго правила Соловецкая командировка: заключённые валили и сплавливали по морю лес. Деревенские называли их «услонцы», уменьшительно-ласкательно от аббревиатуры СЛОН: Соловецкий лагерь особого назначения. Ныне всё поросло мхом, сравнялось с землёй, лишь кое-где видны стены бараков, рыжая колючая проволока, да гниёт местами уложенный в штабеля деловой лес. Едем дальше... Указатели приводят на берег легендарного Беломорско-Балтийского канала имени товарища Иосифа Сталина. Мир не знал подобных способов возведения гидротехнических сооружений: до ста тысяч заключённых ежедневно выгоняли на строительство, многих тут же расстреливали. Земля по берегам до сих пор шевелится, стон стоит, а ведь сколько лет прошло! Исполняя предписание знаков, расстреляли священников, переплавили колокола, иконы построгали на лучину. В деревне Колежма кирпичную церковь разрушили, у деревянной снесли купол, организовали клуб. Там и сейчас по выходным дискотека (к алтарю, с внешней стороны, пристроен сортир). Едем дальше, не отклоняясь от генеральной линии партии... Деревня Юково на берегу Белого моря. Брошена.

Сколько таких Юковых по России?..

Прилив морской отхлынет,
Корёжа глыбы.
Но, поразмыслив,
Прильнёт обратно,

Забыв о распре.

Деревни остов брошен
На камни века.
Склонив главу, вернём
Жизнь этим храмам.

Да будет поздно...

В последние годы всё громче хныканье по Советскому Союзу. Россию молодую лягает даже ленивый... Нечестно это! Видно, настало время восстановить в памяти траекторию страны, посетить знаковые места. Это настоящие жемчужины... только чёрные. Турне: «Ожерелье чёрных жемчужин СССР»!!! Маршруты те нужно держать взавети [6]. И впредь пускай вешки указывают дорогу в обход бесовских чёрных дыр. (Хотя, похоже, через противостояние, отрицание — и есть самый короткий путь... к Богу.)

А Запад, пока мы плутали, небось, ушёл далеко вперёд...

Буквально перед отъездом наткнулся на информацию в газете «Труд», 12.08.2013: «Московским геем отказали в проведении парада». Да уж... Просвещённая Европа и Большой Белый Вождь прививают нам све-еетлые идеалы.

Коза для Славика милей,
Втащил её на мавзолей.
Шоб ИМ почёт теперича
Заместо деда Ильича.

«Ну что за страна? Даже ж...пой собственной распорядиться нельзя», — возмущалась Фаина Раневская (во времена СССР сурово наказывали за педикюр). Сейчас бы Фаина Георгиевна обалдела... от назойливости Homo anus!

По-человечески их понять можно: каждый пытается своих лобковых насекомых объявить священными коровами. Но, где предел толерантности? [7] и куда податься мне? С флажком на Красной площади «уау!» ликующе встречать сводную колонну этих зоофилов-некрофилов или записываться в штурмовые отряды и громить?.. (Признаться откровенно, ни то, ни другое не по душе.) А между тем подобные нравы — символ эпохи. Сразу приходит на ум Римская империя незадолго до краха, ещё раньше Содом с Гоморрой... Тогда, за миг до уничтожения Господом падших городов, Ангел дал Лоту совет: «Спасай душу свою; не оглядывайся назад и нигде не останавливайся в окрестности сей; ...чтобы тебе не погибнуть» [8].

Я же...

Уповаю на Чудо-радар,
При рожденьи встроенный Богом,
Сирена взвост: «Антипидор-пидор!» —
Почуяв грязь за порогом.

Даже не грязь это, топь. Мимо таких гиблых мест по вешкам нужно ступать, да ещё со слегой в руках.

За окном беснуется побережник — студёный северо-западный ветер. Слух тревожат резкие шквалистые порывы, рокот, завывание, шелест багулы, беспорядочный плеск волн, оконное стекло боязливо дребезжит, поскрипывает. Из избы выдувает жилой дух... Сделалось как-то неуютно, зябко, первый раз за время приезда затопил плиту. Перелистываю страничку блокнота. Вот она лежит... нетронутая, чистая... ждёт меня.

А людские выверты — своего рода бунт на планете. Бунт человека против собственной природы, против раз и навсегда установленного миропорядка.

Бунт против... Создателя.

Рассупонилась Земля,
расхристалась.
Возмечтала сбросить пути
меридианов.

Стала тесной параллелей
авоська,
Шоколадная пригрелась
доля.
— Пуп вселенной я, и нет мне
указу!
Пожелаю, так сразу же
солнцу
Вкруг меня за счастье будет
юлиться!
Но не дали «кочану» речь
докончить,
Непогашенный бросив
окурок.
Посбивало у челябинцев
шапки.

Оробела тут Земля,
попритихла.
Запряглась в ярмо постылое
молча
И продолжила, ворча, бег
по кругу...

Тревожно на душе.
Усиливается ощущение близкой непоправимой катастрофы.
И выхода не видать...

Это случилось в Антарктиде: океанским течением к традиционному месту обитания пингвинов прибило громадный айсберг высотой до неба. Путь к морю, к пище был отрезан. Над крохотными, едва появившимися на свет птенцами, над жизнью всей стаи нависла смертельная угроза. Медлить нельзя. И тогда один из пингвинов отправился в сторону восходящего солнца искать дорожку к морю. Когда через несколько дней он не вернулся, на поиски спасительного пути пошёл второй — туда, где солнце заходит. Нельзя сидеть, безнадежно опустив крылья, нужно искать выход. Искать и непременно найти. А тот, кто отважней, должен идти первым. Не получится у него, пусть идёт на поиски второй, третий...

И проложит для всех верный путь.

Вот только какой путь считать «верным»?
Где мерило Истины?

Благодаря «Главной палате мер и весов» мы знаем, сколько весит килограмм, сколько вершков в метре, цельсия в фаренгейтах. Всё измеримо. Из новшеств — одно: в качестве денежного эквивалента включили русскую пол-литру. Больше никаких нововведений. На всё — свой безмен... Лишь на Истину мерки нет.

В далёком 1982 году я, как и другие советские студенты, изучал диамат. Курс читал сухопарый высокий доцент с бородой шкипера, Павел Дмитриевич. У него на экзамене первым вопросом мне и достался «Критерий истины в научном мировоззрении». Общепринятых значилось два: научный эксперимент и практика. Меж тем указанные понятия не позволяют заблуждения отличить от Истины. Практика — итог целенаправленной деятельности отдельного человека или целого народа. А народы на планете — разные, векторы их деятельности зачастую взаимоисключающие. Посему в такой критерии истины, как «практика», велика доля субъективности. Проходят десятилетия, эмоции остывают, информация отстаивается и — нате вам: в долгосрочной перспективе былые завоевания уж не кажутся столь очевидными:

Олег успел на электричку,
И там ему сломали нос.
Олег лежит не понимает,
Так он везучий или нет? [9]

Я предложил дополнить список критериев «временем». Время висит над всеми народами, над Вселенной, словно Верховный Судья. Время — главный критерий Истины. Надо отдать должное педагогическому такту Пал Дмитрича: он вывел в зачётке «удовл» и, не переходя ко второму вопросу билета, отпустил с миром.

Истёк один день моего добровольного заточения, второй, третий...

Поначалу-то я намеревался изложить все суждения о внутренней политике государства, подробно остановиться на качестве дорог, медицинском обслуживании, замахнуться на политику внешнюю... вставить и туда свои три копейки. Но по мере того, как родниковая вода вымывала из организма желчь, мысли становились тоньше, прозрачнее, бестелеснее, пропадало желание сутяжить, осуждать. Мне уже не было никакого дела до пороков чужих... Со своими бы разделаться. То, что там, на большой земле, казалось важным, здесь утрачивало всякий смысл. Такие метаморфозы в себе радовали. Негоже, будто дворняга беспородная, с оголтелым лаем провожать каждую проезжую колымагу.

А мужики сейчас, небось, наварили ухи из свежей камбалы. По-карельски — в глубокой сковороде: туда пару картофелин, десяток горошин круглого чёрного перца, лавровый лист, когда почти готово, — репчатого лука, накрошенного мелко. На столе дожидается ржаной хлеб со сливочным маслом, заиндевшая бутылочка водки... (А ведь мне, как писателю, спиртное строго показано.)

Может, зря я здесь... один?

Нет, не зря. Метные вешки тоже устанавливают не гурьбой, не строем.

Знаю точно, ЗАЧЕМ ЗДЕСЬ:

Я хочу сквозь ушко одиночества,
Ужавшись до слова, до мысли,
Несмотря на неверья пророчество,
Перейти за границу смысла.

За черту повседневных суждений
И ширму знаний объятных,
Где живут не фантомы видений...
И маму с батей — в объятья!

За метафизическим горизонтом скрылись мои родители, друзья... Скоро вслед идти мне, таков удел каждого. Но коли роковые обстоятельства не изменить, может, попробовать приблизиться... насколько возможно, к границе небытия... Там... поискать Истину.

И вдруг на пятые сутки я увидел... Нет, неверно... Скорее почувствовал эту невидимую грань, что крепче ворот кованых, отделяет наш видимый мир от мира теней... куда уходим мы невозвратно. По мере таянья тела улечучиваются земные желания, кушать (чужное дело!) не хочется, жажды нет. Мозг работает спокойно-спокойно, даже слегка заторможенно, словно в анабиозе. Не хочется говорить, двигаться... Заставляю себя сделать несколько глотков воды. Лежу, укрывшись тёплым спальником, рассеянно смотрю то в потолок, то в окошко. Свеча горит ровно, оплывая капля за каплей... Пуповина, связывающая меня с прежним, привычным с детства миром пересыхает... Обостряется внутренний слух. Предвиденье, предслышанье... Я постепенно превращаюсь в мысль.

Мной овладевает полусон...

Что за птица?!
Что за баловень изменчивой судьбы?..
Мне не спится.
Ночью я пряду по ниточке мольбы.

Колесницы...
Слышен издали тревожный звон мечей.
Ворон — ниц!
Знак крадущейся беды
Да дрожь свечей.

Из-под дров выскочила мышка. Замерла. Глазки испуганно блеснули, носиком повела.
— Здравствуй, маленькая. Не обижу. А вот угостить нечем... Извини.
Разбитое мутное зеркало на стене...
Поначалу не возникало желания в него смотреться, днесь захотелось.

Ужас ночи подступает тихо,
Тьма сгущается, выдавливая свет.
За стеклом оконным бродит лихо,
Лихо бесовское терпких лет.

Я в эпицентре чёрной Вселенной.
Хлад, пустота и — ни зги окрест.
Жизнь мою теплит мерцанье нетленной
Слова-лампадки да славный крест.

Что произошло дальше, сказать не могу. Пока не могу...
Одно скажу: Радость Великая.

Осьмиконечный крест установили на острове Боршовец в расщелине, на самой маковке утёса. Крест православный — духовный остов русского человека, поморский к тому ещё — навигационный ориентир. Массивный, величавый символ православия мореходам заметен издали: поднятый конец наклонной перекладины должен указывать строго на север, так и развернули; основание обложили высокой грудой камней, символизирующей Голгофу; криптограммы, надписи не краской наносили, вырезали в толще бруса. Боршовец выбрали не случайно: в этой точке пересечения широты и долготы испокон веков возвышался приметный крест. Старый крест донине, из последних сил, стоит назло морянке и лихим временам. В годы Советской власти подобные святыни специально не уничтожали, но, разумеется, и не воздвигали.

На следующий день мне возвращаться домой, а вечером мы с Сергеем разговелись. На острове, рядом с деревней, у него заимка. Никто не мешал, не дёргал... За год Сергей для меня из близкого приятеля превратился в свата. Ого-го! Совсем иной статус: лей-перелей. Вдоль дома мостки, устроились прямо на них. Когда с материка дохнуло холодком, передвинулись на подветренную сторону, воротники подняли, спиной — к нагретой стене дома, лицом — к заходящему солнцу, к морю. И так стало душевно, что пошли стихи:

Мы сидели вдвоём на крылечке,
Вспоминали прошедшие дни.
Похмельные, в седом колечке,
Чуть оторванные... от земли.

Бело морюшко разомлело,
Ах, как ластится синь в глаза.
Только осень жизни узрела
Раем писанные образа.

Я бы песню сложил об этом:
Сват и я — вот такой дуэт.
Пусть запомнят прилив и мели!
Жаль до горести — не поэт...

А помимо приятности я был несказанно благодарен свату за наглядный пример с вешками. Ведь и поморский крест, и победный лик Николая Чудотворца на парусе, самые что ни на есть настоящие вешки... Точнее — вежи! Судьбоносные вежи в переломной, многострадальной истории нашей православной Руси. Предписывающие знаки не оставляют человеку выбора:

«направо!», «прямо!», «налево!» — движение обязательное. Шаг в сторону — побег! расстрел на месте! Как говорится: хошь — не хошь...

Вешки — не глухой прогон, огороженный колючей проволокой.
Вешки — выбор, а не узда, не путы, не кандалы.
Вешки — обозначают торную стёжку, но не ведут тебя за ухо.

Лично мне, так больше по душе. Похоже, у нас воцарилось именно такое время.
И это здорово!

P.S.

Возвращался домой, и тут на мобильник радостным жаворонком звонок сына:
— Лёвча научился показывать пальчиком, что ему годик!
— Он хоть не средний оттопырил?! — по-стариковски въедливо уточнил я.
— Пап... Какая жизнь, такой и палец.
— !!!

Согласен с внуком: житие налаживается. Я сам, обозначая высшую степень довольства, в последние годы всё чаще и чаще стал задирать большой палец. Парень весь пошёл в меня...
И это тоже здорово.

Примечания

[1] Браница, (помор.) расчищенное место на лодочной пристани, куда выгружают груз или товар;

[2] Беля, (помор.) Выражение, употребляемое поморами во время плавания, когда стоит штиль, для того, чтобы вызвать попутный ветер. Согласно распространённому среди поморов поверью, во время полного штиля на море возможно вызвать легкий ветерок, переходящий в настоящий сильный ветер, позволяющий продолжать путь на парусах. Для этой цели один из находящихся на судне становится к мачте и, царапая её ногтями пальцев рук, с присвистом начинает звать: «Беля, беля, беля, бело лапко!» Это продолжается до тех пор, пока не почувствуется струя легкого дуновения ветра, и парус зарядит;

[3] Итогом моего первого знакомства с этим необитаемым островом Белого моря стали «Пёрышки» (Методика поиска себя);

[4] Упорки, (помор.) Рваная обувь; отрезанные от голенищ износившихся сапог ступни;

[5] Левосторонок, (помор.) Бран. Нелюдимый, угрюмый, необщительный.

[6] Взавети, (помор.) В памяти, в мыслях;

[7] Толерантность (от лат. *tolerantia* — терпение) иммунологическая, отсутствие или ослабление иммунологического ответа на данный антиген. В токсикологии и фармакологии термин «Т.» обозначает снижение чувствительности к токсичным и фармацевтическим препаратам (например, к наркотикам). (Большая Советская Энциклопедия М.: «Советская энциклопедия», 1969-1978);

[8] «Первая книга Моисеева. Бытие», глава 19;

[9] NN.

*

г. Москва, 07 октября 2013 года

Переярки

Морская песнь песней

*В Карело-Финской ССР
организовано Пиндушское
профессионально-техническое
училище, готовящее специалистов
водного транспорта.*

Календарь знаменательных дат, 1946 г.

Спешу на юбилейную встречу выпускников. Э-эх!

От предвкушения кровь приятно буд-ддоразит...

Я давно женат, свои дети подрастают, а всё ж по духу ближе людей, чем те пацаны, с которыми прошёл Пиндушское мореходное училище, — нет. Ну так, чтоб по-настоящему... И с возрастом чувство это не притупляется, острее становится. В годы учёбы никто даже понятия не имел, насколько яркими станут наши судьбы. Я капитан дальнего плавания. Мечтал об этом с детства, мечтал страстно и мечту свою осуществил. А большинство не захотели связывать судьбу с морем, с кораблями-пароходами. Да разве это главное? Нет, конечно... ПМУ за всю славную бытность подготовило для народного хозяйства страны целую плеяду колоритных личностей. Своего рода иконостас. «Гвозди бы делать из этих людей!» Двухсотки! Требовалась незначительная доводка, чтобы в дальнейшем превратить их в профи самого разного назначения: сотрудников ГРУ и бесстрашных ментов, штурманов и профессиональных киллеров, двух воров в законе и афериста, известного, пожалуй, на весь Советский Союз... (Союз канул в Лету, а его слава только растёт.) И взлётом своей блестящей карьеры они обязаны этому скромному учебному заведению в Медвежьегорском районе, оксфордов с гарвардами покруче.

Да, не все стали морскими волками...

Но, без сомнения, каждый, кто выжил, превратился в волка матёрого. Иначе быть не могло. Это судьба каждого сильного, выдающегося переярка [1].

Море. Дальние страны. Бом-кливер-галс [2]!

Чувствуете!? Каково?

Или нет, лучше так: «Свистать всех наверх! «Поднять бом-брамсели [3]! Полрумба влево [4]». «Есть, сэр!» Карибы. Пиа-астры! Пираты: старый Флинт, одноногий Джон Сильвер. Ром. Русалки-ии... Для меня этот набор слов точно гранёный стопарь водки, словно новое платье для жены...

Я родился в Старом Осколе. Моря у нас отродясь не бывало. Отец работал прорабом в ремстройучастке, мама — воспитателем в детском саду. Старший брат пошёл по стопам отца, чего желали и мне. Но я в детстве читал книжки другие: «Двадцать тысяч лье под водой», «Пятнадцатилетний капитан», «Остров сокровищ», «Морской волк»... Э-эх! А мой самый любимый писатель — Даниель Дефо. Его роман «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» знал наизусть:

«Отец мой... прочил меня в юристы, но я мечтал о морских путешествиях и не хотел слушать ни о чём другом. Эта страсть моя к морю так далеко меня завела, что я пошёл против воли — более того: против прямого запрещения отца и пренебрёг мольбами матери и советами друзей».

Меня тоже отговаривали все. Лишь сосед дядя Вася (он на флоте служил) услышав о моих грёзах, певуче замурлыкал, заёрзал, как мартовский кот:

— Мореходка-aaa! Загранка-aaa!!! Брюки клё-ооош!.. Бескозырка! Гюйс! Па-ааца-ныыы... — и, безнадежно махнув рукой, умолкал, считая невозможным объяснить сухопутным обитателям всей прелести морской жизни...

Отец за такие речи дядю Васю невзлюбил и угрюмо бурчал: «Старый пидор».

А тут ещё на глаза попала заметка в газете «Вечерний Оскол» (мать считала «как на грех»), следом — объявление по радио: «Пиндушское мореходное училище приглашает...» Я обомлел. Воля моя была парализована. Волшебная боцманская дудочка настойчиво манила в Пиндуши. Не знал, где находится Карелия (или Корея?), понятия не имел ни про какой Петрозаводск, но отблеск романтического ореола краем коснулся и их. «Это там, — с придыханием думал я, — там... где находятся Пин-души — счастье моей души». Родители горевали открыто, вид у них был такой, словно прощаются навсегда. А я, одурманенный, по списку собирал вещи, ловил влюблённо-восторженные взгляды одноклассниц и с жалостью взирал на земляков. Восьмой класс закончил без троек — капитан должен быть грамотным! Иначе никак... Распираемый восторгом, с чемоданом, сверкающим никелированными уголками, в новеньких отцовских ботинках, отправился я скорым поездом в далёкий сказочный край. Из тетрадного листка в клеточку сделал маленький кораблик, поставил его на дорожный столик перед собой и долго любовался.

Засыпая, вспомнил урёванное лицо матери, мрачного неразговорчивого отца, и ликование моё несколько осеклось... споткнулось. Сталось тревожно, одиноко.

Ненадолго. Вновь свежий бриз обласкал, успокоил!

«Ну что, Боб, как ты себя чувствуешь после вчерашнего? Пари держу, что ты испугался, — признайся: ведь испугался вчера, когда задул ветерок?» — «Ветерок? Хорош ветерок! Я и представить себе не мог такой ужасной бури!» — «Бури! Ах ты чудак! Так, по-твоему, это буря? Что ты! Пустяки! Дай нам хорошее судно да побольше простору, так мы такого шквалика и не заметим. Ну, да ты ещё неопытный моряк, Боб. Пойдём-ка лучше сварим себе пунишу и забудем обо всём. Взгляни, какой чудесный нынче день!»

И то верно. «Не стоит унывать!» — думал я.

Впереди меня ждал ласковый солнечный день длиной в четыре года...

Прибывший контингент встречал бравый командир роты в мице [5] с крабом золотистого цвета.

— Фамилия? — поинтересовался он, раскрывая общую тетрадь с надписью «Судовой журнал» [6].

— Федорчук!

— Александр Владимирович?

— Он самый... А как тут у нас насчёт обеда?

— Обед, курсант Федорчук, надо заслужить. Сейчас — на медкомиссию.

— Ладно.

— Не «ладно», а «есть, товарищ командир роты». Привыкай.

— Есть, товарищ командир роты, «не есть».

Учебный и жилой корпус морского училища размещались рядышком. «Удобно! Не нужно далеко ходить», — отметил я про себя. Двор ПМУ выглядел, пожалуй, унылым, но ведь здесь не детский садик с песочницей, посудкой, совочком — тут готовят морских штурманов, судомехаников... мо-ре-хо-дов! И вовсе это не двор — плац. Об этом тоже успел сообщить ротный. Здесь всё необычное, чарующее! всё по-морскому: не пол, а палуба, не стены — переборки, не потолок, а подволока, не кухня — камбуз. Знакомых в мореходке у меня не было. Мать, правда, откуда-то узнала, что в этом году из Старого Оскола поступило ещё трое. Значит, уже не один.

В тени у входа подпирали стенку несколько пацанов с дорожными баулами, все поодиночке, без родителей. Только рядом с модным щёголем в заграничном джинсовом костюме курицей-наседкой квохтала дородная женщина:

— ...Как устроишься, сразу пиши.

— Угу.

— Валерочка, если что, звони по срочному, деньги есть.

— Всё, ма, иди.

- Ты меня не гони.
- Опоздаешь.
- Ещё побуду немного...

Этот Валерка, оставив спортивную сумку на попечение матери, пошёл искать медкомиссию. Я — следом. Нужно было вживаться в обстановку, знакомиться с ребятами. Моряк без команды — полморяка. Мы прошли пост дневального, стали подниматься на второй этаж и, едва я собирался к Валерке подойти, как лестничный пролёт нам преградил пьяный матрос в тельнике со свёртком в руке:

— О! Новобранцы? Бра-та-ны! — при этом он бесцеремонно обнял Валерку и, подтолкнув меня вперёд, повёл куда-то по серому коридору...

- Нам медкомиссию надо... — оборачиваясь, попытался возразить я.
- С дедушкой так грубо не разговаривают!

Старшекурсник завёл нас в туалет, плотно закрыл дверь и, прижав Валерку к стене, слащаво прогундосил:

— Бра-аатан, дружище! Дай в твоём прикиде схожу на дискотеку! Вечером верну, я в пятом кубрике.

- ... Так не в туалете же?..
- Это не туалет, душара, га-льюн! Скидай живей, адмирал ждёт.

Он стянул с обалдевшего Валерки импортную голубую курточку с медными пуговицами, джинсы, всучил взамен старую робу и растворился. Мы стояли, не в силах понять до конца, что произошло. Было слышно, как стучало моё сердце и равнодушно журчала в унитазе вода. Взгляд откнулся в девиз, нацарапанный на стене:

Кто видел в море корабли —
 Не на конфетном фантике,
 Кого е...ли, как нас е...т,
 Тому не до романтики.

Раньше мне казалось, принятие присяги на флоте проходит иначе...

- Валерик, где костюм? — встревожилась мать, увидев сына в наряде Гавроша.
- Ма... ребятам на вечер дал поносить.
- Сынок, хоть всё нормально?
- Ма, иди...

А что ещё он мог сказать?

Никогда больше ни я, ни Ветровский в глаза не видели этого матроса Железняка. Выдачу формы нам всем тогда задержали, и Новый год встречали кто в чём, словно цыгане. Лишь Валерка — заправским мореманом, в той самой робе с чужого плеча, подогнанной по фигуре, аккуратно заштопанной, выстиранной, выглаженной. Из казённого обмундирования мы получили лишь широкие кожаные ремни с латунной пряжкой да невысокие кирзовые ботинки на толстой подошве — «гады». (Старики топтали палубу в таких же.) С Валеркой после того случая мы крепко сдружились и все три года жили в одном кубрике с двухъярусными кроватями: он — на верхней, я — на нижней.

Вечером к нам в этот самый кубрик и завалила толпа старшекурсников.

Двое сразу стали обыскивать постели, отворачивать матрасы, рыться в подушках, а один, щуплый, прыщавый полез в тумбочку к Сайгаку — пацану из Казахстана — присел на корточки, деловито вытряхивая на пол содержимое ящика:

Ворует вошь, ворует гнида,
 Ворует бабка Степанида,
 Ворует северный олень,
 Воруют все, кому не лень.

Обнаружив тройак, он с кривой ухмылкой зажал его в кулаке.

Сайгак не выдержал:

— Это не воровство — грабёж! Положь, где взял!!!

Он шагнул к прыщавому и тут же получил сбоку тяжёлый удар в ухо.

Нас избивали долго, молча, методично. По полной! Деда сменяли друг друга, и всё начиналось вновь. Били каждого, кто пытался встать, лежачих не трогали. Последний удар ногой, я отчётливо помню, пришёлся под дых... Дыхание остановилось, ни вдохнуть, ни выдохнуть... сложился пополам, повалился на бок. Этимология слова «Пин-души» оказалась иной: пнуть в душу. Отцовские ботинки с красным отливом, свитер у меня забрали тогда же, а бумажный кораблик затоптали...

Море. Дальние страны. Бом-кливер-галс. Ром. Пиастры! Пираты.

Чудный нимб испарился, морской мираж рассеялся, остались одни пираты.

Я уже в первый день с жутью, содроганием понял, что Одиссея моя обернулась тюрягой... Дома оказались правы. И как быть?.. Быть как!? Сдрейфить, удрать, с поджатым хвостом предстать перед классом... Нет, что угодно, только не это. Чувство стыда перебарывало животный ужас.

Годовщина процветала страшная...

Спать не давали трое суток. Каждую ночь в кубрик приходили старослужащие и били. Дебилы-мастодонты. Жили они по соседству: на этаж поднимаешься, направо — второй курс, налево — мы. Ни стены, ни перегородки, ничто не отделяло нас от смерти. Ну, может, только воображение и наши иллюзии. Старшекурсники казались мне зрелыми мужиками, хотя по возрасту старше на год, на два. То ли у страха глаза велики, то ли в юности два года и впрямь — пропасть. Обычно просто били, как сивых коз, отбирали продукты, деньги, но иногда дедам для разнообразия хотелось привнести в издевательства военно-морской колорит. Тогда они врываются посреди ночи с ором: «Боевая тревога!» Полная шизофрения. Мы выбегали сонные на внутренний плац с матрацами, строились, деда из шлангов обливали всю команду холодной водой. Дурдом! Мы, как могли, боролись, огрызались, но это не помогало и в прямых стычках терпели одно поражение за другим. В короткие минуты затишья я отключался, проваливаясь в сон. Большой яркий свет не мешал, однако побои, гематомы не давали забыть надолго. И тогда я думал... Просто лежал с закрытыми глазами и думал: «Почему так?! Почему нас истязают с остервенением, выдумкой, изощрённо не какие-нибудь фашисты — свои советские ребята?! Откуда вообще берутся фашисты?»

Курсанты понаехали в училище из Молдавии, Москвы, Казахстана, Белоруссии, Сибири, Казани... со всего Советского Союза. Первый курс — три роты. За шестую-седьмую не поручусь, а из нашей, пятой, в первый месяц сбежало тридцать человек. Я понимал: если срочно что-то не придумаем... убьют.

Спасительная идея свалилась! Ветровскому.

Это случилось в ноябре. Дедам к тому времени всё наскучило и они придумали новое развлечение. В полночь завалились толпой, но сразу бить не стали. Вперёд вышел Вазген Оганесян — ублюдок редкостный — вытащил из-за спины, будто фокусник в сельском клубе, красный кирпич и предложил:

— Купите.

Кирпич, как выяснилось, штука дорогая.

— Караси, с вашего кубрика червонец, бутылка водки, буханка хлеба, корочка, вот список. Придём завтра, — Вазген тяжело опустил кирпич в руки Ветровского и, отчаливая, по-отечески напутствовал:

— Если чё, с тебя начнём...

Мы оцепенели: н-нужно! собрать десять! рублей... бутылку водки раздобыть где-то!.. Где!?

— Пацаны, что будем делать?

Вот тогда острый, загнанный в тупик мозг Ветровского осенило:

— Скажем: кирпич забрал командир роты.

Идея подкупала простотой и гениальностью...

На том и порешили, тем более что из нас вообще никто ничего предложить не мог.

Мы в страхе ждали завтрашнего дня. Пробило восемь вечера, девять... В коридоре послышались шаги, смехуёчки, дверь с грохотом распахнулась, и Вазген с кобкой, как морской прилив, едва появившись на горизонте, подступил к горлу:

Маленькая рыбка,
Жареный карась.
Где твоя улыбка,
Что была вчерась?

- Деньги! — сухо потребовал Вазген, тупо уставившись на Ветровского.
- Деньги договаривались за кирпич, а кирпича у нас нет.
- Где ж он? Уплыл? — ощерился Вазген.
- Командир роты забрал... сказал, чтобы вы к нему зашли.
- Вазген притух:
- Ты чё, козлина, всё ему растрепал?
- Он зашёл, спрашивает: «Откуда кирпич?»
- А ты что?
- Говорю: «Не могу сказать»... Он начал ругаться, сказал, что мне «пи...дец!»
- Так и сказал? — глазки Оганесяна забегали, как у крысёнка.
- Да... И я всё рассказал...
- Вот теперь тебе точно «пи...дец!»
- ...Говорю: «Ребята продают».
- Ты чё, совсем что ли?!
- Он сказал: «Я хочу купить! Пусть продавец зайдёт ко мне».

Вазген затравленно сглотнул, вжал голову в плечи и как-то боком выскользнул из кубрика, за ним остальные.

Мы гурьбой подошли к Валерке, пожали «краба», хлопнули по плечу. Иначе выразить искреннюю благодарность мы не умели ни тогда, ни сейчас. И ещё каждый добрым словом помянул изворотливую наследственность Ветровского: тётя его работала заведующей промтоварной базой, дядя — базы продуктовой.

Пьеса с рабочим названием «Перепродажа кирпича» шла по единому сценарию, всегда успешно. Невинную хитрость нашу ни разу не раскрыли. Пацаны из других кубриков вынуждены были артельно скидываться, бегать за водкой, платить ясак, а нас постепенно оставили в покое. Пройдошливый ум Ветровского всегда находил лазейку, чтобы улизнуть: «Ты говорил сходить не мне, ты говорил другому, я отлично помню, увижу — покажу. Ты говорил другому, я не помню имя-фамилию-отчество»... Валерка умел нафантазировать, сачкануть, слинять, притвориться дуриком, запутать мозги так, что собеседник уже не твёрдо помнил, как себя-то звать. Залечить — в этом Валерке равных не было. Более того, его врождённые способности к запуткам, хитроумным комбинациям, — т.е. к советской торговле — расцвели пышным махровым цветом именно в обстановке, приближенной к боевой. Он (в одиночку!) организовал в лесных посёлках разветвлённую сеть скупки ягод, грибов у населения, сдавал лесные дары в заготконтору — через дорогу, на условиях встречной продажи покупал импортные шмотки и толкал втридорога курсантам... Песня! (До рыночных отношений стране оставалось долгих десять лет.)

В отличие от Валерки, мы галсами ходить не умели.

Как говорится: «Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали».

Бывало, ждешь от родителей посылку, чего-нибудь вкусенького: банку стущёнки, варенья, печенье, халву, карамель. В письме всенепременно — денюжка. Кому трёшница, кому пятёрка, если родители состоятельные — вложат червонец. И письмо почитать хочется: как там дома? Я поначалу сильно скучал. Думаю, не только я. Тогда казалось, мы — взрослые, сейчас понимаю — дети совсем. Однако дожидаться извещения полдела... Посылку надо сперва получить, донести до кубрика: командой скрытно выдвигаемся, ящик за почтой вскрываем. Крышка с адресатом должна исчезнуть бесследно. (Фамилию найдут — к вечеру предьява!) Как-то раз я край отогнул, рукой — нырк! крышка упругая, возьми и соскочи. Бзыть! Острым гвоздём мне, словно бритвой, рассекает запястье. Кровь — фонтаном! Бечеву с посылки сдёргиваем, Алик, Сонников перетягивают... Банки — по карманам, меня — в больницу, на операционный стол:

перебита лучевая артерия. Швы наложили, но рана ещё долго ныла, гноилась и гнила. Шрам так и остался памяткой на всю жизнь. Добычу шкерили в кубрике по тайникам — закрома родины! У каждого свои секретки, гвоздики, штифты. Любого посторонний, даже если станет искать, нипочём не найдёт. Вроде бы доска как доска. Ты на ней плясать будешь — не шелохнёшься. Руками не оторвёшь. Тем более поднять её не дают кровати в два яруса — сначала надо их отодвинуть... А секрет прост: я элегантно, шурупчиком наискосок, крепил плинтус, поджимал доску, никому в голову не придёт! Знали лишь пацаны из нашего кубрика. (Мы друг про друга знали всё.) Деды обычно шмонали тумбочки, разбирали ножки стульев, кроватей — там простодушные хабзайцы прятали деньги. Бакалея-то деду ни к чему, им казну подавай, портрет дедушки Ленина. На кой им печенья раскрошенные? Хотя, коли найдут, не брезговали и крошками. Беда в другом: обычно старослужащие сортировали ВСЮ полученную почту и приходили к адресату уже с квитанцией:

— Это кто у нас такой Федорчук?

— !?

— Богатенький Буратино! Пойдём, поможем тебе посылочку донести. Очень тяжёлая. Видишь написано: «10 кг».

— Ребята, у меня день рожденья. Не пойду...

— Надо делиться!

Керя на подхвате, тут как тут — удар по печени:

— Всё понял?

— Да-аа...

И не открутиться, не улизнуть. Вот — ты, вот рядом стоит твоя смерть. Что делать? Извечный российский вопрос. Тут делать нех... надо выполнять. Ну, конечно, что-то оставят и тебе, подчистую не забирали. (Всё — по-честноку!) Одним словом — джентльмены удачи. На деньги, однако, кодекс чести не распространялся:

— Ой, чё пустой конвертик-то прислали?.. Ай-ай-ай! — сам тебя бочком отжимает, купюрой похрустывает. — Открытка только. Ну, открытку — на...

Командир или старшина роты иногда успевали денежные переводы, извещения перехватить. Это счастье! Оно улыбалось редко. Горечь и обида за родителей... Надрываются, стараются выкроить, отрывают от себя, а эти твари — на выпивку. Бессилие... полное. Психологически обыски и поборы я переживал тяжело, но всю горечь оставлял глубоко в душе, родителям писал исключительно радужные письма: высылал тексты песен о Карелии, стихи, рассказывал о друзьях по кубрику. Не хотелось огорчать. На Новый год отец с мамой засобирались навестить... Я категорически: «Не вздумайте!» Не хватало... Не дай бог приедут, увидят, как на самом деле. Позор! Пусть думают, будто у сына всё хорошо. Мои зёмы-однокурсники к тому времени сбежали. Я остался. Стиснув зубы. Хотя мать допытывалась: «Сынок, скажи правду. У меня сердце болит!..» Да, оставалось сжать зубы и терпеть, терпеть. Жаловаться нельзя, хуже будет...

В народе наше учебное заведение величали «Академией Подгайского». Подгайский этот — директор. За три года учёбы видел его четыре раза, три раза пьяным. Методы обучения, взятые им на вооружение, были несколько архаичные, но действенные: не доходит через голову — дойдёт через руки. Потаскаешь на занятиях какую-либо железку, весом килограмм-два, её устройство, назначение оседает в памяти навсегда. За качество образования я не тревожился, лишь бы выжить... И помогала нам молодость: цветущие, физически крепкие, здоровье плескалось через край. Пятница — банно-прачечный день нашего училища. Рядом с поселковой баней — речушка. Сперва в оцинкованном тазу постираем исподнее, затем себя, в заводи прорубаем огромную прорубь, распариваемся до безумия и по два-три раза ходим купаться. Прыгали, ныряли до одурения, кто в труханах, кто голышом, и жаркие, в распахнутых шинельках, строим маршировали в казарму. Некоторые ради куража шли босиком — с полкилометра, не меньше. Гады — под мышку и — вперёд. Не помню, чтобы кто-нибудь болел простудой. Никто никогда, как на фронте...

У нас на нашивках значилось ПМУ — «Пиндушское мореходное училище», а фактически — ГПТУ №13. Признать себя обычными пэтэушниками даже в душе мы не могли. Не смели... В противном случае на кой чёрт эти муки. Ведь приятных моментов было мало... Четыре: завтрак, обед, ужин... Вечно голодные, точно собаки бездомные. Из камбуза — с краюхой хлеба в кармане, если повезёт, меж двух кусков — манная каша.

В известном смысле к приятному можно отнести и «русалок»...

Первый раз это случилось на втором курсе.

На улице начинало темнеть. Я сидел в кубрике, штопал дыру на робе: дед всучил зашить. Ни клички, ни имени, ни тем паче фамилии курсанта не знал, красномордый такой... На штанине вырван клочок. По-хорошему требовалась заплатка, да обстрочить края, как следует, чтоб ткань не распускалась... Ничего, так походит. У, рожа! Я вывернул штаны наизнанку, совместил края дырки и намётом, виток за витком, стал гнать нитку с иглой из одного конца прорехи к другому.

Через открытое окно потягивало октябрьским холодком, слышны были далёкие гудки буксира в порту.

— Чё, девчонки, грустно? Эх-хха-ха!

Не поднимая головы, я знал: это Сайгак.

— Без тебя скучаем, мальчик, — с улицы донеслось девичье хихиканье вперемежку с отборной матерщиной.

Прогнал стёжку туда, чуть назад, сделал двойную петлю и откусил конец нитки. Оборачиваюсь: окно распахнуто настежь, Сайгак с Ветровским сидят на подоконнике и на кого-то пялятся.

— Закурить не найдётся? — раздался с улицы всё тот же высокий насмешливый голосок.

— Не курим. Конфетку хотите?

— Нужны нам, б..., твои конфеты.

Я с интересом глянул вниз: две школьницы, класс восьмой, не старше, кривляясь, приплясывали, не сводя глаз с нашего окна — огненно-рыжая бестия и толстушка.

— Забирайтесь! — Ветровский призывно махнул девчонкам, — целоваться научим.

— Пошёл ты... — мрачно заметила рыжая.

Не спеша она задрала подол школьной формы, демонстрируя маскарад: в коричневых колготках пионерки, на самом ответственном месте, призывно зияла дыра... молодую плоть не скрывало ничто. Щёки у Валерки зарделись, у меня спёрло дыхание. Пацаны восторженно заулюлюкали, заподпрыгивали, возбуждённо захлопали в ладоши... Все обитатели кубрика высунулись в окно, ослабились... Только Алик Нурмухамедов, покраснев, отпрянул.

— Во, шалавы, дают... — млея пробормотал Ветровский. — Лезьте к нам!

— Как? — с готовностью поинтересовалась рыжая.

— Сейчас устроим.

Ветровский по-военному чётко скомандовал:

— Канат нужен.

Мы стали связывать в единый жгут матросские ремни с бляхами, туго скрученные простыни и пододеяльники. На одном конце сделали петлю, за другой крепко уцепились я, Валерка, Сайгак и ещё кто-то из наших, Вован, кажется. Конец не достал до земли полметра. Самый раз! Ветровский сдавленным голосом шикнул девкам:

— Давай по одной: ноги — в петлю, садитесь, руками держаться...

Рыжая шагнула первой, усаживаясь, повилила задницей в расчёте на зрителей, дёрнула канат:

— Поехали!

Вчетвером, выбирая самодельный жгут, упираясь и кряхтя, мы втащили девчонку на третий этаж, перевалили через подоконник.

— Здрасьте! — бойко выпалила она.

— Здорово! Привет!

— Теперь Аньку.

Толстушка забиралась в петлю кряхтя, вся раскраснелась, испуганно ойкнула, когда потащили наверх, но всё обошлось...

— По рваному с каждого! — огласила ценник рыжая и дежурно развалилась на нижней шконке.

— Вот сикуха! — восторженно лепетал Сайгак, расстёгивая ремень. — Товсь! Торпедные ап-параты... к бою...

Последующие события, словно в сладком бреду: школьницы лежали на ворсистых одеялах не раздеваясь, не разуваясь — прямо в кедах, под сальные шуточки пацаны по очереди подходили к одной и другой, лишаясь своей непорочности. Мне досталась толстушка. Помню острую боль порванной уздечки, помню, как больно уколол палец пионерским значком... Яркую белую вспышку в глазах! Лишь Алик не получил боевого крещения: отсиживался у соседей. Девиц, после

недолгих прощаний, мы выставили за дверь. Проходя мимо бюста Ленина, они перешли на чеканный шаг и по-солдатски приложили ладонь к виску, очевидно докладывая вождю, мол, все заветы блюдут, учатся. И Владимир Ильич смотрел на них одобрительно, мол, «верной дорогой идёте...». Как школьницы просачивались через пост дневального, нам было неинтересно.

А спустя десять дней даже Вован — самый тупой из нас — мог разгадать загадку: «У какого молодца бойко капает с конца?» Сайгак задумчиво взял гитару и срывающимся фальцетом затянул песню:

Что же это за болезнь такая,
Из-за каких таких причин,
Она у женщин возникает,
Она бывает у мужчин?
А суть в единственной причине:
С рожденья, испокон веков,
Тянуло женщину к мужчине,
Тянуло к бабам мужиков.

Вован, зажмурившись в экстазе, складно отбивал на табуретке ритм.

Болеет тот, который грешен,
А потому — увы и ах!
Болеют полные невежды,
Болеют умники в очках.
Болеют чукчи с папуасом,
Солдат пехотного полка,
И ученик седьмого класса,
И левый крайний «Спартака».
Болеет критик и крестьянин,
Пенсионеры, малышня,
И атеист, и христианин,
И адвентист седьмого дня.
Заболевают где попало,
Везде встречаются с бедой:
На сеновале, и в подвале,
И на воде, и под водой.

Мы нестройно подпевали...

А потом так же хором лечились.

В романе моего любимого Даниеля Дефо прямых указаний на то, как поступать с барышнями, нет. Сообщалось только, что Робинзон всячески старался установить дружеские отношения с туземцами, знаками и возгласами объясняясь с ними, после чего появились две женщины. «Они были абсолютно голые», — искренне, без обвиняков сообщает автор, не развивая мысль... По его примеру все дальнейшие эпизоды я тоже опушу. К тому же контакт с двумя пионерками (пионерка — всем ребятам примерка!) был самым целомудренным эпизодом за все годы моей учёбы в ПМУ. Последующие randevu по сию пору вызывают у меня... смущение.

Наши развлечения не отличались высокой духовностью.

Как и сама жизнь... дикая, животная.

Нас гнобили, унижали садисты и маньяки... Садисты и маньяки в прямом смысле слова. Злоба накапливалась, пружина ненависти к старшим товарищам сжималась. Жили одной надеждой: свести счёты с выродками, с теми, кто особо зверствовал, лютовал, измывался... И час возмездия настал: теоретическое обучение третьего курса (последнего, старшего над нами) закончилось, каждого дедка приписали к своему теплоходу и направили для прохождения

практики на одиннадцать месяцев. Страшная монолитом, непобедимая масса, которую они до этого представляли — рассыпалась... Поодиночке старики были нам не страшны.

Второй курс. Весна. Одуванчики расцветают. Мы гуляем, радуемся жизни. И ещё сладостно от того, что удалось наказать главного обидчика, одного из самых злостных.

Керя.

Мы его выловили, избили... Точнее отпи...дили по полной!

Сперва-то заметил нас, как рванёт!..

Куда тут убежишь? Я на стометровке первый.

— Ке-ееря! Па-аастой!

На бегу подхватываю с земли булыжник — увесистый такой, аккурат в ладонь, и ему — вдогонку. Есть! Сука... Он, как карта глубин, манерно сложился пополам. Подбежали, стали пинать... Душеньку отвели. А Керя отлежался и нажаловался своим, собрал их по теплоходам, по сусекам, вернул назад. Оказывается, старики не успели толком разъехаться. Вроде бы из общаги выселились, в роте не видно, и тут собралась такая тол-паааа! Пришли, я сладко спал («сидел на спине», как говорили у нас). Просыпаюсь от того, что кто-то пинает кровать. Глаза продираю: сидят по шконкам. В кубрике аж черно от чёрной формы.

Вазген за парламентёра:

— Ваши дёрнулись на наших. Будем драться рота на роту. Приходим к семи.

— Ребята, не слышал ничего...

Мрачно уходят.

Всё... будет заруба. Жаловаться, просить пощады бессмысленно.

Я понятия не имел, сколько пацанов у нас, сколько с их стороны. Стали кучковаться. Кто был — собрались, набились к нам в кубрик, примолкли, пригорюнились... Смотрю: самых сильных бойцов-волноломов нет. Расслабились, ушли в самоволку. А у дедов такие бычары...

Сайгак, желая поднять боевой дух, взял гитару и ударил по струнам:

Сегодня самый лучший день,
Пусть реют флаги над полками,
Сегодня самый лучший день —
Сегодня битва с дураками.

Все подхватили.

Кто умел петь и кто совсем не умел...

Ко второй половине дня, ближе к вечеру, дедков собралась такая толпа, такая шо-оообла! Мало того, что они на целый год старше нас, так ещё психологически на две головы выше: училище, считай, закончили, своё вынесли, выдюжили, они — спаянная боевая команда.

Переярки!

А мы пока волчата прибылые, только через год станем как они...

Выстроились в узком коридоре. Друг напротив друга. Стенка — на стенку. Задние ряды упирались в штукатурку — отступить некуда. Сонников — справа от меня, дальше Сайгак, Ветровский. Слева — Вован, Бобёр, Алик Нурмухамедов (тихоня-тихоней, а твёрдо знает, если команда «Аврал!», то важен каждый матрос). Напротив Бутик, Москва, Керя с разбитой рожей...

Вазген надрывно крикнул:

— Давай!

И махаловка началась...

Бились люто. Первые эшелоны полегли сразу, задние, свежие напирали.

...У-уа! На... на! Поплыл... Н-на! В «склянки!» В ухо справа!.. Брык! Второй готов. Я отмахивался от битух, сам крушил «надстройки», а слева, справа падали наши пацаны, и по ним шли. Пёрл-Харбор! Деды напирали... Те, кто дрался, давно стояли не на твёрдом цементном полу — на живой податливой массе. Я чувствую, под ногой шевелится лицо... На какой-то миг ослабляю внимание и пропускаю удар!.. Ногой — в душу. Бам!.. Я оступился, упал... (а вот это зря!). Меня стали пинать... дубасить по голове. Особо зверствовал Керя...

Керя-сука! Слы-ышшишь ме-ня-яааа?!
Пом-ни-ииишь?
Знаю, падаль, пом-ни-иишь... и слы-ши-ииишь... Хоть и покойничек.
Поденок, живодёр конченный.
Упокой, Господи, его душу.

Удары я отбивать не мог, старался прикрыть лицо. Извивался, корчился и чувствовал: теряю сознание. Меня, почти безжизненного, подняли под руки, чтоб бить сподручней, и удары посыпались со всех сторон. Я понимал — «убивают», но ничего поделать не мог... Спас Славка Гудко — третьекурник, земля из Старого Оскола. Волоком, за ноги вытащил меня из хрипящей своры. Рассказывал потом:

— Смотрю, тебя двое держат, Керя целенаправленно бьёт в висок, раз за разом, будто заведённый, а ты уж не дышишь, уходишь...

Мы надолго легли в дрейф после той драки. Подводили баланс флота...

Я месяц пугал прохожих синяками на висках, звуком рынды отдавался в голове каждый шаг. Уши у меня были как у Алика, когда тот в январе восемьдесят первого отморозил. Поскуливая, мы зализывали раны и утешали себя: шторм выдержан!

Теперь в училище старшие МЫ! (Морской ценз [7] соизволял.)

Уж будьте так любезны, уважьте стариков. По полной!

В масле кататься — наше время...

Постепенно и казарма для меня перестала быть серой, неудобной.

Отпала нужда по-щенячьи втягивать голову в ожидании оплеухи. Я вышагивал по коридорам без оглядки, вразвалочку, заходил в любой кубрик широко расправив плечи, и оттого сами помещения эти сделались меньше, ближе, родней.

В посёлок отныне без особой нужды не выбирались (было кого, помоложе! послать, ежели что). Один, правда, случай особый. Алик Нурмухамедов — наш ягнёнок, самое безобидное существо на земле. Божий одуванчик! Человек блаженный. Всё училище поднялось, когда в Пиндушах избили его... Если бы досталось мне, Сайгаку или Ветровскому, посчитали, мол, «довыё...», в том смысле, что угол падения равен углу отражения. А когда Алика нашли под утро в бурьяне, рядом с казармой... еле живого, сказать было нечего. Курсанты отложили все дела и чёрной армадой высыпали на плац. «Все вдруг!» [8] Единственный случай, когда никто никого не агитировал. Зарвавшийся посёлок надо было «привести в меридиан». Поротно определили направления, назначили старших и строем... с колами, латунными бляхами на ремнях... Отправились, словно на работу. Смерчем, ураганом прошли по улицам, каждому встречному поперечному засвечивая фонарь.

Славная была охота...

Выжимая педаль газа, я мчался на встречу с выпускниками.

Из ста сорока шести курсантов нашей роты диплом получили тридцать семь. Лишь тридцать семь заслужили право сменить «яйцо» на вожделенного «краба» — кокарду с якорем, звездой и глобусом «в капусте».

Гардемарины!!! Прошедшие ад!..

Каждый год третьего июня мы собираемся в Пиндушах на плацу, и всю белую ночь напролёт гуляет по кругу ендова [9]. Как всё пройдёт на этот раз? Ума не приложу... Встречу нам омрачили загодя. Дело в том, что весной «Академию Подгайского», наше легендарное училище строгого режима, ликвидировали. (Поматросили и бросили.) ЦК ВЛКСМ по ГПТУ №13 принял аж специальное постановление (редкая честь!). В газетах писали, якобы довели до суицида «карася» — мальчишка выпрыгнул с пятого этажа, — потом обнаружили двух курсантов, повешенных в одной петле...

Закрывать такую кузницу кадров!..

Нет слов, по-человечески жаль погибших пацанов... Но дальше-то как?

Шёл девяносто второй год. За настоящее страны я спокоен: его обеспечим МЫ. А вот что станет с нашим будущим, абсолютно не понятно.

P.S.

Они встретились, как и всегда, на плацу. На плацу не существующего уже мореходного училища. Все тридцать семь, как один.

Записано со слов воспитанника ПМУ 03 июня 1992 года в посёлке городского типа Пиндуши.

Примечания:

[1] Переярок — название молодого переоговального волка; волк моложе одного года называется прибылым; волк старше двух лет — матёрый;

[2] Галс — снасть или тали, удерживающие на должном месте нижний наветренный угол паруса (галсовый угол). Все косые паруса имеют Г., а из прямых его не имеют только те, у которых нижние углы растягиваются по рею. В зависимости от того, к какому парусу Г. прикреплён, он получает дополнительное название: например, бом-кливер-галс;

[3] Бом-брамсель — прямой парус, ставящийся на бом-брам-рее над брамселем;

[4] Румб — 1,32 окружности;

[5] Мица — фуражка;

[6] Судовой журнал — один из основных судовых документов. В судовом журнале фиксируются: список команды, дата прибытия в порт и отплытия из порта, глубина воды в порту и при выходе в море, скорость, курс, сила ветра во время рейса;

[7] Морской ценз — морской ценз предусматривал продвижение офицеров по службе только при условии подтверждения срока плавания на кораблях в установленных должностях и в определённых районах;

[8] «Все вдруг» — дополнение к команде, требующее одновременного выполнения данного действия всеми кораблями;

[9] Ендова — медная лужёная посуда с носиком для раздачи вина матросам в русском флоте.

*

Кизяки

Заметки в формате 5D

*Злословье греет нас зимой
И освежает жарким летом.*

Lone de Vega

Поэты-прозаики — плоть от плоти народ! Ничто человеческое им не чуждо.

А потому не знаю ни одного чародея изящной словесности, властителя дум, отказавшего себе в удовольствии запустить в пиита — коллегу по цеху — дерьмецом-с. Немного отпустит... фу-уу... можно какое-то время нормально дышать, жить, пророчить. (Это так узнаваемо, так трогательно! так по-человечески...) Я любовно собрал эти «артефакты культуры», спрессовал, высушил на солнце, разрезал штыком лопаты. Получились аккуратные кизяки.

Стал складывать друг на друга:

«"Путешествие в Москву", причина его несчастья и славы, есть, как уже мы сказали, очень посредственное произведение, не говоря даже о варварском слоге». (А. Пушкин о Радищеве); «Сбросить Толстого, Достоевского, Пушкина с парохода современности». (Д. Бурлюк, А. Крученых, В. Маяковский и В. Хлебников); «Я на днях прочёл "Авторскую исповедь" Гоголя — как жалка эта смутная чепуха, эта самолюбивая возня с самим собою...» (август 1855 г. Тургенев — Дружинину); «Понемножку читал эти дни "Село Степанчиково" [Ф. Достоевский]. Чудовищно! Уже пятьдесят страниц — и ни на йоту, всё долбит одно и то же! Пошлейшая болтовня, лубочная в своей литературности! «...» Вся жизнь об одном,

«о подленьком, о гаденьком!» (И. Бунин); «Когда вышли пятьдесят лет после смерти Пушкина и одновременно распространились в народе его дешевые сочинения и ему поставили в Москве памятник, я получил больше десяти писем от разных крестьян с вопросами о том, почему так возвеличили Пушкина? ...Пушкин был человек больше чем лёгких нравов, умер он на дуэли, т. е. при покушении на убийство другого человека, что вся заслуга его только в том, что он писал стихи о любви, часто очень неприличные». (Л. Толстой); «Горький как художник и не начинался». (А. Блок); «...Злобный автор, совавший Христа во все свои бульварные романы». (Бунин о Достоевском); «Достоевский писатель не

великий, а довольно посредственный, со вспышками непревзойденного юмора, которые, увы, чередуются с длинными пустошами литературных банальностей...» (В. Набоков); Ну, какой же Леонид Андреев — писатель? Это просто помощник присяжного поверенного, из тех, которые ужасно любят красиво говорить...» (А. Чехов); «Сейчас повсюду восхваляется Есенин, дряблый, вялый, приторно-сладчайший стихотворец». (Г. Адамович); «Верно сказал Блок: "У Есенина талант пошлости и кошунства"» (И. Бунин); «Достоевский, как пьяная нервная баба, вцепился в „сволочь“ на Руси и стал пророком её». (В. Розанов); «Горизонт до того тесен, до того узок, что задыхаешься. Так, „тьфу“, нечего и

передать, бессмыслица, болтовня». (В. Розанов о всём творчестве Гоголя); «Например, известный вам Фет. Человек пятьдесят лет писал только... глупости, никому не нужные, а его юбилей был чем-то похожим на вакханалию: все старались его уверить, что он пятьдесят лет делал что-то очень нужное, хорошее... И он сам в это верит». (Л. Толстой); «Вся поэзия Волошина — подделка». (Г. Адамович); «Пушкин молодым писателям нравственно вреден. Его лёгкое отношение к жизни безбожно». (И. Бунин); «Дочитал Гиппиус. Необыкновенно противная душонка, ни одного живого слова, мёртво вбиты в тупые вирши разные выдумки. Поэтической природы в ней ни на йоту». (И. Бунин); «Безвкусица

Достоевского, его бесконечное копание в душах людей с префрейдовскими комплексами, упоение трагедией растоптанного человеческого достоинства — всем этим восхищаться нелегко». (В. Набоков); «У Алексея Толстого всё испорчено хулиганством, отсутствием художественной меры. Пока будет думать, что жизнь состоит из трюков, будет бесплодная смоковница...» (А. Блок); «Я не понимаю, почему... вообще вся молодёжь без ума от Горького? Вот вам всем нравится его «Буревестник», «Песнь о соколе»... Но ведь это не литература, а только набор громких слов...» (А. Чехов); «Стихи Мандельштама — наперекор всем его суждениям об искусстве — всего только бред». (Г. Адамович); «А вот в числе

ненормальных вспоминается ещё некий Хлебников. Теперь не только в России, но иногда и в эмиграции говорят и о его гениальности. Это, конечно, тоже очень глупо». (И. Бунин); «Апухтина, Алексея

Толстого, Голенищева-Кутузова я не могу назвать истинными поэтами: все у них выдуманно, стих растянут, а не сжат; нет удачных сравнений». (Л. Толстой); «Маяковского ещё в гимназии пророчески прозвали Идиотом Полифемовичем». (И. Бунин); «Пушкин — мозоль русской жизни» (Д. Бурлюк); «Научившись грамоте, простак пишет не Бог, а х... Недалеко от этого ушла и вся масса, разорвавшая

.....
Выходит, нет НИ ОДНОГО! приличного писателя.

связь с отцами «интеллигенции», «сознательная» и бессознательная. Вот что и создало славу Горькому». (М. Пришвин); «Лесков, писатель вычурный, вздорный, его уже давно не читают». (Л. Толстой); «Вечная тревожная загадка для нас К. Бальмонт. ...Начинаешь свыкаться со странной мыслью, что и очень крупный поэт может писать очень плохие стихи. (Н. Гумилёв); «А почему /не атакован Пушкин? /А прочие /генералы классики?» (В. Маяковский); «Ничтожество ваш Пушкин» (Д. Писарев); «Я, душа моя, написал пропасть полемических статей, но, не получая журналов, отстал от века и не знаю, в чём дело — и кого надлежит душировать, Полевого или Булгарина». (А. Пушкин в письме к Дельвигу);

Et cetera.

Горы!
Горы кизяков девяносто шестой пробы.
Горы — до неба!
Гнетущее, гадкое впечатление...

Со своей колокольни
лягнуть
Небеса и Светило —
за счастье!
Собрату в пенсне
звездануть,
Чтоб душа изгнала
ненастье.

Облегчившись, сбросив
гнёт,
На чело нагнав
меланхолию,
Можно вновь созерцать
полёт
И закат рифмовать
в портфолио.

Ну, и зачем мне эта пахучая коллекция, спросите вы?

Затем, чтобы познать Истину...

Раньше я лишь смутно догадывался, теперь знаю твёрдо: божественный внутренний мир мудрее видимого внешнего. Не слушай никого, доверься своему сердцу. И если слово Поэта осияет, греет душу, то «пусть у него бабка, хоть трижды еврейка», эфиоп его мать! хоть он пьяница горький, родственники за границей, хулят оголтело... (Сами видите: даже статус гения не защита от obscenus.)

Из-за пятен на поверхности отказаться от благодати всего солнца?!

Нет.

Даже не солнца...

Заприметил ночью огонёк — иди навстречу, иди, не раздумывай. И в чёрной холодной тьме не дай угаснуть лампадке, светляку малому. Вступишь за робкий лучик. Капельку света! Счастье, чудо великое, коль источник света не один. Твоя душа прирастает их душами.

А ежели крылаты слова свои-ии... Не удерживай их!

Пусть с Богом летят.
И пусть в этой Великой баррикаде из кизяка не будет твоего кирпичика.

*

02 августа 2013 года, Ильин день

Капитанская дочка

Елене Александровне Федоренко

Рассказ

Vade tecum!

*(лат. «Иди со мной!»)
традиционное название
путеводителей по Италии*

Вся команда немецкого сухогруза «OSTERHOOK» собралась в кают-компании на торжественный ужин по случаю чужеземного Рождества.

Кок сервировал стол в высоком, круто накрахмаленном колпаке, в белом фраке с чёрными пуговицами и отутюженных, как бритва, чёрных брюках. Это не было маскарадом — подобную форму одежды на праздничный случай предписывал регламент немецкой компании-судовладельца. Но не только парадной униформой распорядителя камбуза отличалось застолье... На столе красовались запотевшая бутылка шампанского, пузатый французский коньяк, в глубоких тарелках заморские фрукты-овощи и гвоздь гастрономической программы — запечённая индейка, наштигованная фруктами да всякими пряностями. К капитану сейчас только прибыла на побывку семья. По левую руку от Александра Владимировича сидела и светилась от счастья жена... Дочурка, школьница младших классов, нетерпеливо егозила: то забиралась к маме на колени, то опускалась под стол, то, игриво пританцовывая, приподнималась на цыпочках, вишенками карих глаз высматривая вкусности. В кают-компании царил неловкая тишина, кэп молчал, потому молчали все, одурманенные к тому же чарующим ароматом индейки. Матрос Толик журча сглатывал слюну, оправдывая своё прозвище Желудок. Да весь списочный состав сухогруза, пятеро энергичных мужиков, к трапезе были не то что готовы, — едва сдерживались. Моряки поглядывали друг на друга, вопросительно на капитана, тот лишь загадочно улыбался. К столу явно ждали кого-то...

Наконец в коридоре послышались лёгкие шаги, и кэп взял слово:

— Уважаемые моряки славного парохода «Остерхук», сейчас я познакомлю вас с новым членом команды...

— ???

Лица старпома, боцмана, матросов застыли в недоумении.

— Из Санкт-Петербурга в Италию идём в новом составе!.. — капитан прервал речь и, выдержав паузу на манер конференсье, добавил. — А вот и она!

— ОНА? — взъерошив бороду, переспросил изумлённый старпом.

— Да.

Дверь несмело приоткрыли, и пред командой чудным видением предстала восхитительная дева: живые карие глаза, нежный румянец, открытая улыбка, роскошные тёмно-русые волосы ниже пояса; серая эффектная туника с напуском подчёркивала спортивную фигуру.

Лёгкий ток пробежал по мужчинам...

— Разрешите представить: старшая дочь Юлия. Не успел проинструктировать: волосы по технике безопасности нужно укладывать.

— Не-веееста!

— ...Школьница выпускного класса.

— А по должности?.. — поинтересовался въедливый старпом.

— Капитанская дочка.

— !!! — моряки с живым интересом и почтением взирали на гостью.

Капитан поднял бокал, пошли тосты. Третий по традиции — за тех, кто в море! Четвёртый — за праздник! Лишь тогда под нежный хрустальный перезвон и на борту сухогруза «Остерхук» наступило чужеземное Рождество.

Остерхук этот когда-то давным-давно был прославленным пиратом — повод весомый, чтобы арматор назвал его именем одну из своих посудин. Немцы так и поступили, а затем передали сухогруз под флагом Гибралтара [1] в чартер шведской компании. Передали вместе с нами — «бегучим и стоячим такелажем» [2]. Команда наша небольшая: пять членов экипажа и капитан [3]. Капитан на иностранном судне — «представитель судовладельца!» В контракте так и указывают, чёрным по белому: «master». Привыкли в Союзе: равенство! братство! А у капиталистов социальные барьеры всячески подчёркивают.

С немцами у меня не первый контракт, но ни разу не случалось зимой оказаться в Санкт-Петербурге. До дома — рукой подать, стало быть, можно вызвать жену с дочурками. О предстоящем маршруте знал загодя, знал также, что следом пойдём на Италию. Вот тут у меня и созрел грандиозный план: Юлька, старшая дочь, мечтала в Италии побывать с самого детства, книжки исторические читала, открытки собирала, на глобус засматривалась... «Может, в загранку взять и её?» — мысль эта промелькнула яркой падающей звездой и показалась столь желанной, сладкой!.. столь навязчивой, что я, не откладывая, связался с домом. На теплоходе спутниковая связь «Инмарсат-С» — отправка на телекс, факс, емейл, у жены дома интернет. Написал, мол, так и так, в кои-то веки заходим в родные широты, и Юльке: «Если хочешь, давай!» Дочь загорелась: «Папочка, круто! Хочу-хочу...» Мамусик тоже обрадовалась: «На судне, зимой в Италию — сказка! Тем более папа капитан». Я запросил разрешение у Германии, немцы — ходатайство в консульство, сделали визы, всё оформили. Обрато самолётом, но билеты пока брать не стали: море — стихия непредсказуемая, точно в назначенный час не угодишь, а коли задержится... несколько дней плюс к каникулам не повредят. «Последний год детства!» — с грустью подытожили мы с мамуськой.

— Что вы, от счастья прыгала на одной ноге, — улыбаясь, вспоминала жена за рождественским столом. — Младшая ей вся обзавидовалась.

Юля заворожённо поглядывала на моряков:

— Ещё б не радоваться...

— Слышать ничего не хотела, что класс выпускной, экзамены сдавать. С детства по скаутским лагерям, всяким турслётам. Она у нас любительница приключений, экстрима. Вся в папу...

У меня в душе после этих слов счастье — высоким приливом...

— Ну, в данном случае экстрим исключён, — усмехаясь, поправил старпом. — Увлечательный круиз на комфортабельном теплоходе в отдельной каюте.

Всем сделалось так хорошо: и Юльке — объекту восторженного внимания взрослых; и младшей дочуле, которой всегда славно, развесело, коли семья вместе; и команде, ведь напряжённый успешный год позади и, значит, можно слегка расслабиться. О нас с мамуськой говорить нечего: от гордости за дочь мы взлетели на самый гребень волны. Единственное беспокойство: сложная ледовая обстановка в Финском заливе... Но ведь Балтийское море незамерзающее (в порт спокойно зашёл). Совсем на крайний случай дежурят два ледокола, проводят через ледовое поле.

Уже далеко за полночь мы уложили младшую баиньки, сами вышли на палубу. Придерживаясь за пушистые от инея леера, Юлька первой прошла на корму, запрокинув голову, стала кружиться... А небо высокое-высокое, и по нему золотым конфетти рассыпаны горящие звёзды.

— Какая красота! И всё это теперь моё.

— Твоё, твоё, — миролюбиво согласилась мать.

— Давайте споём, — предложила дочь.

We wish you a merry Christmas,
We wish you a merry Christmas,
We wish you a merry Christmas,
And a happy New Year!

Мы с мамуськой подхватили. Старпом залихватски сдвинул мохнатую шапку и тоже:

Glad tidings we bring
To you and your kin;
Glad tidings for Christmas
And a happy New Year!

We want some figgy pudding,
We want some figgy pudding,
We want some figgy pudding,
Please bring it right here!

— Юль, — лукаво ухмыльнулся кок, — а ты знаешь, куда ставится ударение в слове «figgy»?

— На первый слог. Плоды называют **фи**ги или инжир... **Фи**говый пудинг!

— Это для католиков. Нам правильно петь «фи**го**вый»...

— Шутить изволите?

— Ничуть.

Смешки, общий хохот заглушили конец фразы.

В порту тем временем не прекращалась работа ночной смены: перемещая грузы, повизгивали лебёдкой большие портовые краны; натужно подвывая, швартовались суда; с грохотом круша белые глыбы, передвигался вдоль пирса буксир.

— Вода, гляньте, как парит, — механик озабоченно хмурился, — давит мороз. Синоптики обещают к утру за тридцать.

А я без их обещаний понимал: самим из порта не выйти. Пяти минут не стоим, а уж ресницы от инея тяжёлые, скулы огнём горят. Напоследок окинул взглядом палубу и полушутя скомандовал:

— Отбой. Пора спать...

Один за другим полетели в ночь яркими светлячками окурки.

Утром мы встали под выгрузку-погрузку: на родину доставили для пивной отрасли хмель, из России на Запад — пиломатериалы. Сутки на всё про всё и — курс на Италию... А вечером мамуська с Ладой подались домой.

Юльке, словно VIP — Very Important Person, выделил отдельную каюту. Вообще-то места нам хватило бы и в моей, капитанской, каюта комфортабельная: заходишь, справа — диван, рабочий стол, имеется душ, туалет, отдельная спальня. Ладно, пускай поблаженствует! Вечером заглянул к ней в гости оценить, как устроилась. Уже из коридора навстречу нежный аромат — женским духом повеяло... Считается, женщина на судне — к беде, а тут — благодать! На стене висит ватманский лист с контурами материков, пунктирной линией обозначен маршрут «Россия — Италия, порт Генуя», крохотный российский триколор в исходном пункте — «Санкт-Петербург»; на столике раскрытый учебник по алгебре, карманное зеркальце, в рамке семейная фотография, рядом плеер, шпильки, цветные резинки, заколки... Девчонка!..

— Ну, как ты?

— Отлично.

— Держись меня, мало ли что... Кругом железо, механизмы.

— Я уже со всеми перезнакомилась.

— Ну и?..

— Боцман такой заправский моряк: в ухе серьга, на руках наколки-якоря.

— Надеюсь, других рисунков он тебе не показывал...

— Па!.. Предложила повару на кухне помогать...

— *Кожу* на *камбузе*?!

— Да.

— Помогай, заодно научит тебя готовить. Иван Петрович — мастер!

— Мы когда отходим?

— С минуты на минуту жду команду диспетчера.

— Ура!!! — Юлька запрыгала, захлопала в ладоши.

Но прошли сутки, двое, трое, а мы, как стояли у причальной стенки готовые к отходу, так и продолжали стоять. Вся надстройка, мачты, швартовы, трап покрылись ледяным панцирем — какое-то Берендеево царство, не судно. Шведам докладываю: «Ледовая обстановка крайне тяжёлая. Настоятельно рекомендую заказать индивидуальную проводку». При этом судно заводят носом в вырез на корме ледокола, за усы притягивают и буксируют до тёмного ниласа и склянки [4]. Ну, разумеется, нужно платить дополнительно... Со шведами у меня каждый день на восемь утра «позишин репорт»: теплоход «Остерхук», экипаж пять человек, позывные, широта, долгота... температура наружного воздуха, воды, толщина льда, сила сжатия, запас воды, топлива и... пройдено за сутки — «0» миль.

— Пап, когда передвинем флажок?

— ?..

Да, миль пройдено — ноль, а время — бежит! Неделя к концу.

— Юль, хочу маме писать: пусть приезжают вместе встречать Новый год.

— Ура! Ура-ура!

Мы прошли в рубку, отправили почту, и тут же весточка: «Выезжаем». Юлька, счастливая, ускакала на камбуз, а я стал добивать шведов: «Самостоятельно выйти не сможем». В ответ: «Ищите возможность».

Наутро приехали мои: дочуля квёлая, по трапу еле поднялась, жена вся на взводе:

— В поезде у Лады температура поднялась! Жар! Пылает вся. Угораздило нас! Предчувствия у меня нехорошие... Хоть бы встретил!..

— Ну, мамусик...

— Кое-как добрались до порта, а их, видишь ли, к другому причалу перегнали.

Одна Юлька радовалась безоговорочно, попеременно обнимала, целовала то мать, то сестрёнку.

— Не очень-то тискайся с ней, — мать развела дочерей. — Не хватает вирус подцепить.

— Морская душа не тонет и не болеет! — беспардонно встрял старпом.

— Мы это уже проходили... Не стоит гневить Бога. Скоро каникулы, а вы всё переминаетесь. Юль, может, с нами домой?

— Нет, раз решила, пойду в рейс.

— Мамусик, завтра уходим! — поддержал я.

— Мне кажется, вы не уйдёте никогда.

Однако пора было праздновать... На рейде нетерпеливо топтался Новый 2003-й год. Все собрались за столом, и тут команда: «Перешвартовка»! Пришлось встать и отправляться по местам. Юлька, как могла, подбадривала мать, безудержно поила младшую сестрёнку из серебряной ложечки горячим чаем с лимоном и всё тёрлась, жалась к малышке... Так и встретили Новый год порознь: жена с дочами — сами по себе, я — на мостике. Из-за этого даже курьёз небольшой случился... Во главе стола, по неписаному морскому закону, имеет право восседать исключительно капитан. А тут жена, по простоте сердечной, присела в моё кресло — кок ей деликатно:

— Сюда нельзя.

— Куда можно?

— На любое другое место, здесь сидит капитан.

У каждой морской должности место определённое. Жене непривычно... Понимаю, я тоже привык не сразу. Когда прибываешь на пароход, первый вопрос сменщику: где твоё место за столом? В кают-компанию вернулись под утро, замёрзшие, голодные, бордовые от мороза. Какое тут, к чертям, застолье. Наспех поклевали и на боковую. Не успели кимарнуть, от диспетчера долгожданная команда:

— Готовьте главные, направляю лоцмана!

— Люда, всё-всё-всё, отходим.

Шведов напоследок предупреждаю: застрянем в ледовой каше. Денег так и пожилили, «сухофрукты»! Деваться некуда: проводка судна в составе каравана. Час идём, два идём за ледоколом... «Семён Дежнёв» — у него специальные винты, насадки: глыбы измельчаются, словно в мясорубке, крошево выталкивается под лёд. Вода за ним, точно в бассейне, чистая-чистая. Но оценить это по достоинству может лишь тот, кому посчастливилось идти в кильватере впритык к головному судну. Я почти в самом конце.

Иду, иду...
Теплоход весь дрожит, грохот, скрежет...
Внезапно, прямо по курсу, ледовые материки... сши-ииибаются!
Удар! Рёв. Быками напирают друг на друга.
Напряжение нарастает, нарастает... и взрывается — ды-ыыбом торосы! несяк!!! [5]
Судно с двух сторон как давануло! Ледины вгрызаются, корёжа корпус, разрывая металл.
Всё!
Стоп машина!
Треск убегающей к горизонту расщелины и тишина...

Запрессовало торосами наглухо...
Стоим час, другой.
Стали вмерзать, вмерзать, вмерзать...
Вмёрзли.

В этот день на запад проскочило лишь несколько судов, ближних к ледоколу. Остальные встали. Намертво! Сотни теплоходов, сотни!.. сделались заложниками льда.

Каждый день ледоколы, то один, то другой, проходят мимо. Суда, которые в динамике, идут следом, кто вмёрз основательно, как мы, стоят. Стоят и стоят в районе приёмного буя. А ледоломам что?.. Стойте, ради бога! Пока фирма не оплатит расходы по индивидуальной проводке, работать с тобой не начнут. Думал, не сегодня — завтра, не завтра — послезавтра шведы опомнятся, тряхнут мощной... Но время нас обтекало, обтекало. Первые дни чувствовал себя спокойно: топливо, продукты, вода пока есть. Ситуация не из приятных, но управляемая, рабочая. Однако, судовые закрома не бездонны: работает генератор, освещение, отопление, вода идёт, всё идёт. Готовились на короткий переход (что тут до Италии-то сбегать?), а валандаемся, считай, месяц: и вперёд ходу нет, и назад тоже нет — государственная граница закрыта. На пятый день я ввёл режим строжайшей экономии, заглушил водопровод: прощай цивилизованный туалет и душ. Пробурили во льду лунки, для технических целей воду набирали морскую. В каюты постепенно заползал холод, верхнюю одежду теперь не снимали.

— Моряки не мерзнут, они синеют, — воодушевлял старпом.

Питьевая вода к концу...

— Моряки дрейфуют, но не дрейфят! — браво твердил он.

Вскрыли горловину питьевой цистерны (в каждой есть мёртвый запас), оттуда — кружками. Дизтопливо на исходе: сначала обсохли основные танки, затем отстойные. Оставалась ещё соляра в носовой части. Мои матросики каждое утро идут на бак, сливают из топливного танка «подрульки», волокут канистрами в машинное отделение, чтобы хоть дизель-генератор работал. С продуктами стало совсем скудно. Кока частенько приходилось отвлекать на хозяйственные работы, а на камбузе кашеварила... Юлька! Закончилась мука. Юлька придумала: макароны перемелет на ручной мясорубке, крошево зальёт водой, масса за ночь разбухнет, туда дрожжи, и печёт-выпекает румяные плюшки. Мужики не нарадуются:

— Так держать!

Изредка рядом становились большие пароходы. Я им по рации, по шестнадцатому международному каналу безопасности:

— «Остерхук» — теплоходу «Самара».

— Да, слушаю.

— Я у вас по левому борту, видите меня?

— Да.

— Стою две недели. Не богаты водой, провиантом?

— Иду из Аргентины, гружённый мясом. Сколько нужно?

— Воды, если дадите, тонн пять-десять. Ну и за мясо буду благодарен.

Своим ребятам команду:

— Пожарные шланги — в единый рукав.

К их цистернам присасываемся «кишкой» и перекачиваем питьевую воду. Вдобавок нам сбрасывают на лёд четыре коробки с мясом.

— Спасибо! Примите и от нас скромный презент: ящик виски.

Всё бы это ничего, даже, наверно, романтично...

А ледоколы, знай себе, бегают взад-перёд, они сильнее льда. Смотрю в бинокль... один из наших разбойников — «Разин». Выхожу на связь:

— Ребята, выручайте. Меня сжимает.

«Разин» меняет курс, направляется к нам. «Пойду, позову дочь, ей будет любопытно». На мостике за себя оставил старшего помощника. Сажу в каюте у Юльки, жду, когда оденется потеплей, слышу, ледокол подходит, начинает работу... И вдруг! как тряхнёт!..

Судно на бок! Ё-оо! По громкой связи испуганный ор старпома:

— Всем! Срочно!!! покинуть борт!

В сознании молнией — «дочь!»:

— Юлька, за мной!

На бегу обжигает мысль: «судно!»

Залетаю на мостик, смотрю боцман, матросы — «спасайся, кто может»!..

— Всем назад!!! Старпом! — и матом ему: — ...Кто тебе позволил командовать?!

— Я на вахте, значит, старший.

— Читай Устав: приказ «покинуть судно» имеет право дать только капитан.

Стоят, переглядываются, приходят в себя.

— Вскрыть аварийный ящик, раздать гидрокостюмы.

И тут механик:

— Пробоина! в машинном!

— Старпом, аварийную партию в «машину», ты за старшего, заделать пробоину! — там корпуса двойного нет, вот и рвётся, где тонко. — Юль, я к ДАУ [б], а ты вставай на место капитана, держи связь с ледоколом.

Принятые команды из динамика слышны всем, кто на мостике, но отвечать может один.

На ледоколе увидели, как мы завалились на бок, кричат:

— Что у вас там?!

— ?.. — Юлька вопросительно оглянулась на меня.

— Скажи: пробоина в машинном и крен.

Она поднимает трубку, нажимает тангентку:

— У нас пробоина в машинном отделении, и мы накренились.

— Сколько градусов?

— ?..

— Пятнадцать.

— Пятнадцать!

Крен допускается не более пяти, а тут!.. Капитан ледокола снова вышел на связь:

— А вы кто? Штурман?

— Ну, скажи штурман.

— Да я тут... с папой.

На том конце секундное замешательство:

— Капитанская дочка?..

Перед тем, как расстаться, команда ледокола привязала к выброске на литье полиэтиленовый пакет, перекинула нам на палубу. В пакете лакомство — три белковых пирожных. Юлька — вся при счастье. А потом ледокол ушёл. Ушёл, а мы остались. Благо все живы, и судно на плаву. Пробоину заделали: поставили мат (не только в смысле матерились — «пластырь» такой), установили струбцины, упоры. Прежде я не замечал за собой особой сентиментальности, а тут крепко обнял дочь, прижался щекой ко лбу... Вся пылает.

— Что с тобой? Горячая такая...

— Не знаю, па...

— Сказала бы, таблетку какую дал.

— Уже неделю пью, не помогает...

— Нее-де-лю? Марш в постель! Скоро приду.

Почему навалилось всё разом?! Почему ВСЁ фиговое?..

Так... Проблемы нужно решать по очереди.

Живучесть судна. Лежим на боку, скверно... Крен пятнадцать градусов — звонок жёсткий! Причина? Пока команда разбиралась, я бегом к дочери: сам заварил ей чаю с малиной, дал аспирина, принёс второе одеяло из своей каюты...

— И давно такая температура?

— Как мама с Ладой уехали.

— Дообнималась с сестрёнкой?..

— Па, иди.

— Юлька, Юлька... Лежи, не вставай.

Выходя, обратил внимание на карту: флажок с триколором слегка передвинут.

Я — на палубу, выясняю: две балластных цистерны затоплены (видно, корпус пробило льдиной). Боцман обязан ежедневно проверять в них уровень воды: есть специальная складная линейка на шкентеле, верёвке такой, опускается через мерные трубки; данные заносят в журнал, запись через восемь часов. Значит, сукин сын, записывал наобум, на русский «авось»... Пока судно и лёд составляли единый монолит, мы держались прямо, а как обкололи, завалились на борт. Вдобавок мороз под сорок, и корпус продолжает обрастать ледовым панцирем. Если так пойдёт дальше... перевернёмся.

А главное — дочь! Кок предложил:

— Может, отправить её в порт попутным судном? Через пару часов будет на берегу.

— Петрович, но как? Кто разрешит?! Пограничникам, чтобы пропустить назад, нужно обеспечить «открытие границы», нужны отметки в паспорте... Владелец судна немецкий, флаг — Гибралтар. Мы иностранцы!

Состояние Юли ухудшалось день ото дня, перевёл её в свою каюту. Никакие аспирины, никакие чаи с малиной, мёды, никакие антибиотики, что нашлись в аптечке старпома, одолеть болезнь не могли. Высокую температуру вначале вроде сбили, но хворь опустилась в бронхи и засела там крепко... Глухой, натужный кашель забирал у дочери последние силы... Временами она впадала в беспамятство, бредила. Мамуська, узнав о случившемся, написала кратко: «Убью!»

Я не знал, что делать! На что решиться?!

С ледокола «Семён Дежнёв» подали трап.

Федорчук по обмёрзшим ступенькам поднялся на борт, вахтенный матрос незамедлительно проводил его в каюту капитана. Ледокол — посудина серьёзная: просторная палуба, широкие коридоры, относительно пологие трапы, не в пример сухогрузу. При ходьбе ноги по щиколотку утопают в мягкой ковровой дорожке. К этому кораблю уместно обращаться на Вы. Матрос легонько постучал в массивную дверь и, не дожидаясь ответа, пропустил необычного визитёра. (В море кэп покидает судно в исключительных случаях, значит, стряслось нечто...)

Одетый по форме седовласый хозяин апартаментов крепко пожал руку:

— Осипов, Андрей Николаевич.

— Капитан «Остерхук», Александр Федорчук.

— Присаживайся, Александр. Коньячку, виски? — капитан Осипов неспешно достал из бара бутылку «Martell V.S.», вопросительно глянул на гостя.

— Андрей Николаевич, извини, я без предисловий: у меня проблемы...

— Да ты присаживайся... выкладывай!

— Со мной на борту дочь.

— И сколько стоите во льдах?

— Месяц.

— Папанинцы. Но ты же знаешь наши порядки не хуже меня: индивидуальную проводку нужно заказывать официально...

— Я не за тем... Андрей Николаевич, вы отец?

— И дед... Дважды дед.

— Тогда поймите меня... Дочь простыла, подозрение на пневмонию, вчера стало хуже.

Возьмите её до порта.

— Капитан, но ведь ты под флагом Гибралтара.

— Да. И судовладелец из Германии.

— Ну и куда? Что скажу погранцам?.. Обеспечиваю иностранцу нелегальный переход границы?

- Она по паспорту россиянка.
- Какая разница?..
- Большая.
- Всё одно — уголовная статья...
- Коллега...
- При чём здесь «коллега», «отец», «дед»?.. Есть закон.
- Это окончательно?
- Да, извини. Хочешь коньячку?
- Не полезет.
- Чем ещё могу помочь?
- Спасибо! И так...
- Может, лекарств каких?
- Бывай!

И Федорчук, резко поднявшись, вышел из каюты.

К концу января день стал заметно длиннее — дело к весне, однако морозам никто команду «отбой» не давал. Солнышко спряталось за далёкую кромку ледяных торосов, тем самым давая стуже сигнал «крепчать».

Капитан Федорчук возвращался с тяжёлым сердцем: «Оставлять дочь на судне нельзя ни минуты. Нужно срочно на берег! Но как? Как?..» Он глянул в сторону порта: по фарватеру до него километров двадцать, напрямки вполтину меньше. По чистой воде час ходу, а тут — сплошной лёд... Лишь там, где прошёл ледокол, шуга. «До берега сплошной лёд... Лёд, лёд, лёд...» — лихорадочно стучало в мозгу. Капитан уже оттопал половину пути, когда в сознании пронеслось: «А что, если дочь отправить по льду... пешком. Возьмёт чуть правее портовых фонарей тогда на открытую воду не наткнётся. Туда, где погранпост. С неё какой спрос? А я потом отвечу за всё». И от этих мыслей на душе Федорчука сделалось ясней, лучше: «Да, по льду, пешком. Не спеша, часа за три доберётся. Отправить не мешкая, к ночи мороз усилится». Последние метры до судна, вверх по трапу он летел, как по сигналу «боевая тревога». Первым делом в радиорубку, затем к Юле.

Дочь лежала на кровати тихая, бледная.

- Юль, собирайся!
- Куда? — негромко спросила она.
- Дочь, тебе нужно идти на берег.
- Как?
- Я не могу оставить судно.
- Идти одно-оой?!
- Да. Ты ведь у меня молодец?
- Хорошо.
- В порту тебя встретит мама, она выехала, я дозвонился.
- Ладно.
- Пограничникам расскажи, как есть.
- Па, ты не волнуйся.
- Умница.

Он помог ей обуть дутыши, плотнее застегнуть пуховик, повязал шарф, поверх ажурных перчаток натянул шубенки и в сотый, тысячный раз спрашивал себя, вправе ли он отправлять дочь одну, ночью, зимой, по льду! «Да, другого выхода нет».

Члены экипажа растерянно топтались на палубе, каждый по очереди обнял Юлю, кок подошёл последним и, смутившись, неожиданно произнёс:

- Юль, мало ли что... Начнут стрелять, падай, где стоишь и кричи: «Своя!»
 - Хватит девчонку пугать, — вмешался старпом.
- Отец указал на мерцающий берег:
- Видишь цепочку фонарей?
 - Да.
 - Держи правее. Ну, снегурочка моя родная...

Он поцеловал её в горячий лоб, незаметно перекрестил вслед.

По насту, утрамбованному балтийской позёмкой вровень с бортом, Юля спустилась на лёд и, огибая угловатые скользкие торосы, стала удаляться в ночь. Команда сухогруза в молчании смотрела ей вслед, угольки сигарет тревожно вспыхивали и гасли алыми звёздочками. Она продвигалась по направлению к береговым огням, часто останавливалась, опять шла. Болезненный

жар отнимал силы, нестерпимо мучила жажда, тогда она брала в рот кусочек колючего льда; на какое-то время, пока мёрзлый леденец таял, делалось легче, потом жар подступал с новой силой. Высокие торосы встречались редко, их приходилось огибать, чаще поверхность залива представляла собой настоящий каток, ступать по нему следовало особенно осторожно. Поскользнуться, упасть она не имела права. Сил на то, чтоб подняться, могло и не хватить. Сколько времени прошло, не понимала — казалось, вечность. В какой-то момент её охватило отчаянье, хотелось повернуть назад... К судну, теплу, команде, к папе... Но она продолжала идти, вглядываясь в огни, которые между тем становились крупнее и ярче. Юля уже различала чёрные контуры строений, кромку леса. «Чтобы не наткнуться на открытую воду, нужно правее...» Она всё шла, шла, шла, шла. Берег сперва приближался единой полосой, затем левая сторона с огнями, гудками, лязганьем начала оставаться позади... Чёрные постройки росли, надвигаясь прямо на неё. Она остановилась перевести дух. С трудом удерживая равновесие, отломилась ещё кусочек льдинки. Жёсткий луч прожектора неожиданно ударил в лицо! заскользил по феерически прозрачным голубым глыбам. «Будут стрелять!» — промелькнуло в сознании. Она повалилась набок, обхватила голову руками. Репродуктор громовым басом пригвоздил её к игольчатому насту:

— Внимание! Вы незаконно пересекли государственную границу Российской Федерации. Предлагаем вам сдаться. В случае сопротивления открываем огонь на поражение.

Чёрное небо разрезала трассирующая очередь...

Над ней нависла огромная рычащая овчарка, солдаты с автоматами. Заставили встать, повели... Потом душный угар помещения, длинный коридор с решёткой... Её куда-то гнали долго-долго: «Нужно запомнить дорогу!» — мучительно силилась она. На секунду конвой остановил. Последнее, что она видела, мама и Лада. «Они откуда?..»

— Доченька! Юльсик! — они протягивали к ней руки через металлические прутья, старались дотянуться...

Юля рвалась к ним, но её грубо тащили в чёрный коридор:

— Мама! Лада! Бе-ги-теее!..

— Мама, мамочка...

— Юленька, я здесь, здесь...

Приглушённый свет, расплывчатые очертания...

— Пи-иить... — с трудом прошептала она и снова провалилась в «ничто».

Белая палата... Часы на тумбочке тикают... Мама в медицинском халате.

— Юлечка ... Ну, слава Богу!

— Ма, где я?

— В госпитале у пограничников.

— Как?..

— Отец вчера договорился с капитаном ледокола, они и доставили тебя в порт. Ну, пока шли да пока швартовались, примчалась я. Капитан и рассказал: отец нёс тебя на руках, а ты почти без сознания. Начальник погранпоста сразу — свою машину, нас в госпиталь. Утром он заходил тебя навещать, передал вот шоколадку и значок пограничника, на память.

— Так разве...

— Солнышко, тебе нельзя много разговаривать, спи, набирайся сил.

Засыпая, счастливая Юлька долго глядела на значок с винтовой застёжкой, с улыбкой припоминая необычный сон и... с лёгкой грустью маленький флажок, застывший на карте.

Ей было покойно и хорошо.

P.S.

Только спустя месяц судно «Остерхук» смогло прорвать ледовую блокаду и с креном тринадцать градусов своим ходом добраться до ближайшего порта.

Эти «итальянские каникулы» запомнились маме надолго...

А Юлю с тех пор одноклассники звали не иначе, как «капитанская дочка».

Примечания:

[1] Гибралтар (англ. Gibraltar) — заморская территория Великобритании на юге Пиренейского полуострова, включающая Гибралтарскую скалу и песчаный перешеек, соединяющий скалу с Пиренейским полуостровом. Под «дешёвым флагом» на Гибралтаре зарегистрированы суда иностранных государств;

[2] Бегучий такелаж — такелаж (снасти), находящийся в движении и предназначенный для обслуживания и изменения положения частей рангоута, а также подъема и спуска грузов, катеров, шлюпок, трапов, сигналов, парусов; Стоячий такелаж (нидерл. takelage от takel — оснастка) — совокупность судовых снастей, служащая для раскрепления неподвижных элементов рангоута и передачи тяги парусов корпусу судна. Будучи раз заведенным, стоячий такелаж всегда остается неподвижным;

[3] Теплоходу прибрежного плавания класса «костер», чтоб ходить по Европе, достаточно шесть человек: капитан, старший помощник капитана — для посовой вахты на штурманском мостике, старший механик, повар и два матроса. Требования «Свидетельства о минимальном безопасном составе экипажа судна» - «Minimum Safe Manning Certificates»;

[4] Тёмный нилас и склянка — Marine science: ice rind (по международному коду; тонкая эластичная корка льда до 5 см на спокойном море);

[5] Несяк — большой торос или группа торосов, смерзшихся вместе, представляющих собой отдельную льдину со сравнительно малыми горизонтальными и большими вертикальными размерами; осадка до 20-25 м и высота над уровнем моря до 5 м.

[6] ДАУ — дистанционное управление главным двигателем: запуск главного двигателя, остановка, увеличение или уменьшение оборотов и соответственно скорости судна.

*

март, 2003 год, Петрозаводск

Парикмахерша

Ода

*И усти Далида Сампсона на коленех своих:
и призва стригача, и остриже семь плениц влас
главы его: и нача смирятися, и отступи крепость
его от него.*

«Книга Судей Израилевых» [1]

— Я причёсывала, завязывала бантики, заплетала косички, сколько себя помню.

Сначала куклам, потом одноклассницам на переменках... Позднее наводила красоту девочкам перед дискотекой. Окончила школу, не стоял вопрос: куда? Конечно, на парикмахера-любимого. В училище на выпускном руки не тряслись — жонглировали. После окончания с головой ушла в творчество... Дальше — больше. Высокое парикмахерское искусство притягивает... завораживает. Эта магия ничего общего не имеет с пожилой тёткой в жутком белом халате, которая знает в лицо только перманент с пергидролем и ножницы держит коряво. Лишай стригущий! Ежегодно в каждом регионе проводят чемпионат на звание «Лучший парикмахер», в Челябине тоже. Я участвовала и чуть было не заняла первое место: сняли баллы за шпильку, забытую в шевелюре клиента, — бронза досталась. Первой стала через год в категории «Свадебные причёски». Победила уверенно, без единого замечания. Вот тогда я, наконец, получила долгожданное звание «Мастер года». Оно давало право на участие в чемпионате России. Турнир проводился в Москве, в Манеже. Из Лиги парикмахеров прислали официальное приглашение, где прям золотыми буквами, мол, приглашаюсь лично! Да!

У-ау! В Москву! В Манеж!

С одним условием: пройти обучение у них на курсах. И то правда: качественно поставить руку может лишь опытный наставник. Учиться я любила. Покатила, дуня-дуней, с Урала напрямик в столицу! Москву до этого знала на картинках да по телику: в жизни метро не видела, в Мавзолее не была, как найти Красную площадь, понятия не имела! Хорошо, школьная подруга встретила, приютила, спасибо ей! Главное, я в себе была уверена, что умею и подстричь, и покрасить, укладку сделаю — не хуже других. Мастер-классы проводила Зинаида Самкина, такая «дама с Амстердама». Крутая-прекрутая! Брючный малиновый костюм, как у гусеницы, в дутых складках. Квашня ещё та, порыхлее меня будет, а туда же... Фу-ты ну-ты! Прокурены и голос, и вибриссы, и пальцы... насквозь прокуренная, макияж вульгарный, но! — спец экстра-класса, парикмахер «лёгкой руки!» И к людям подход имела. Этого у неё тоже не отнять... Пока я, разинув рот, глазела по сторонам, она через весь зал:

— Чё, ...банная колористка, застыла? Бери карты, пи... дуй сюда.

Я оглянулась, рядом никого.

— Зинаида Николаевна, вы... мне-е-е?

— Кисуля, не поняла шо ли?... Я — Анжелина Жоли!!!

Подхватываю карты цветов-оттенков, пулей к ней, на цырлах.

— Так, — бурым пальцем жеманно ткнула мне в грудь, — покажешь, как стричь и красить терпилу [2]. — И дальше как бы про себя: — Кого увижу на шпильках, отправлю домой. Всех касается...

Для публичной порки выбрала первой... Ничего. Прорвёмся. А что касается высоких каблучков, Анжелина на сто процентов права: ну-ка попробуй выстоять с утра до вечера. В кедах и то к концу дня ноги гудят! Я стала готовить необходимые инструменты, знакомиться с моделью — в качестве подопытных кроликов нагнали девчушек из колледжа. Моя ничего: волосы здоровые, не «кудель», личико узенькое, ушки прижаты, стройненькая, сарафанчик, блузочка с фестончиками. Сама серьёзная... Характер модели, внутренний мир, темперамент всё имеет значение. Для шоу на подиуме требуется не просто «навести марафет» — надо найти изюминку,

создать художественный образ с учетом моды и особенностей натуры. Лишь тогда случается настоящее чудо.

— Время! — скомандовала Анжелина.

Однокурсницы плотным колючком окружили моё рабочее место, оставив проход для нашей «мамочки» [3], а та... от стерва! Сигарету в зубы и усвистала в другой конец павильона. Ладно, время пошло. Буду делать «Сессун». Я быстро расчесала волосы, разделила центральным вертикальным пробором, в затылочной части — горизонтальным. Так... Две теменные зоны заколоть, затылочную разделить ещё одним горизонтальным пробором. В нижней выделить центральную прядь, вычесать и, зажав между пальцами левой руки, обрезать при нулевой оттяжке до нужной длины. Эта прядь — базовая для стрижки «Сессун». Я освобождала по очереди прядки, подстригала, сводила, расчёсывала, закалывала... Всё как положено. Затем приготовила красящий состав аммиачного корректора и оксигента, нанесла на растительность. Выдержала, эмульгировала краску и смыла специальным шампунем. Следом сушка, укладка скелетной расчёской... фиксация лаком. Готово! Мне самой нравится, девчонки восторженно кивают, жду от Анжелины «пахлавы»...

А та скочевряжила ухмылочку:

— Ну, чё наваяла? — голову модели брезгливо понюхала. — Только го...ном не пахнет.

Кислотно-сволочной баланс Анжелины зашкаливал.

Столичная порода чувствовалась во всём!

И началась муштра...

Перед нами была задача: стать успешными парикмахерами, причёску уметь слепить не абы какую — изысканную! С закрытыми глазами возводить авангардные, вечерние, свадебные укладки, знать на зубок особенности стрижки огнём. Любой каприз клиента: косые профилированные чёлки, коротко подстриженные макушки, лесенка по всей длине, «взрыв на макаронной фабрике» — будь добра исполнить. Практические занятия по шесть часов в день. Программа разносторонняя: макияж, маникюр, наращивание ногтей, подбор стиля одежды, аксессуаров, украшений. Из нас готовили настоящих художников и скульпторов. Причём от Анжелины слова хвалебного не дождёшься. Фурия! Для неё опустить ниже плитуса — райское наслаждение. Временами казалось, ни ножниц, ни расчёски я сроду в руках не держала. Зато такую закалочку проходишь, такая уверенность в себе появляется... Ну, а уж если работа ей не пригляну-уулась — до свидос! Собирай манатки, загляни на прощанье в Мавзолей и дуй домой. Меня она пригласила ещё и ещё...

И в какой-то момент озарило: «Умею!»

Я — Леди парикмахерского искусства.

Курсы платные. За неделю отстегнёшь тренеру, плюс дорога, питание, проживание на себя и модель. (Одной там делать нечего!) Дома вкалываешь, копеечку к копеечке складываешь, отказываешь себе во всём, копишь и везёшь свои кровные в Лигу. С детства мечтала о сапфировых серёжках, всё переводила на них и каждый раз после курсов подводила финансовый итог: «Ещё одни серёжки увезла в Москву». Три раза так ездила. Наконец меня оценили: присвоили звание «Мастер России», включили в сборную. Впереди маячила Европа... Но до Европы надо было принять участие в состязаниях рангом поживе. В качестве модели я выбрала дочь — красивая девочка, длинные тяжёлые волосы. Всё у нас с ней получалось, всё было заряжено на победу. И вот, наконец, объявили: международный конкурс на лучшего парикмахера в Норвегии, в Осло.

Цирюльня встретила меня насыщенными запахами парфюма и лёгким перезвоном «музыки ветров». Моложавая дородная женщина с блестящими локонами в тёмно-зелёном фартуке приветливо улыбнулась:

— Добро пожаловать! Чего желаете?

— Постричься желаю!

— Мастер скоро освободится, подождите немного. Вы располагаете временем?

— В общем, да...
— Первый раз в нашем салоне! — не спросила, уверенно заявила она.
— Да... первый. Вы что, в городе всех в лицо знаете?
— Своих клиентов всех. А хотите, я вам пока чайку налью?..
— Чайку?.. Не откажусь. Признаться, никогда не чаёвничал в парикмахерской.
— У нас не совсем парикмахерская... Студия красоты. Вы, похоже, человек состоятельный?

— Бойтесь, хватит ли денег на стрижку?
— Нет, просто посетители с малым достатком, когда чай предлагаю, обычно сразу отказываются. Наотрез, категорически. Угощаю от души, денег не требую, редко кто соглашается. Все ждут подвоха...

— Пожа-аалуй!.. — я сел на диванчик. — Уютно у вас.

Интерьер студии был оформлен со вкусом. На низком прозрачном столике цветастым веером разложены каталоги с моделями причёсок, глянцевые журналы. Странички с тематической подборкой анекдотов услужливо загнуты:

«Маленький мальчик гуляет с папой по зоопарку, видит зебру: — Папа, смотри, лошадь мелированная! — Твоя мама лошадь мелированная, а это зебра, сынок!»;

«Снимает индеец с бледнолицего скальп: — Вам виски оставлять прямые или косые?»

«Из рекламы шампуня: раньше мои волосы были сухими, безжизненными, теперь они сырые и шевелятся»;

«Полубокс — это когда бьют только вас»;

Н-да!.. Так вот как нужно клиента налаживать...

Я лично в детстве визиты к парикмахеру недолюбливал: волосяная пыль неприятно осыпалась на лицо, лезла в глаза, одеколон «Шипр» щипал свежебритую шею. И самое горькое — в конце августа сия процедура была злым предвестником школы. На летних каникулах патлы отращиваешь, холишь и — на тебе! Вместе с долгими волосами утрачиваешь волюшку-вольную. Широко распахнутую душу мою втискивали в жёсткие рамки. Сама стрижка вроде бы ни при чём, но всё же, всё же... А ведь есть люди, которые выбирают профессию «парикмахер»...

Хозяйка принесла чайник, вазочку с конфетами, тонкостенные фарфоровые чашки, совсем домашние. За окном напоследок задиралась апрельская позёмка, а мы в тепле пили бархатный чай с мятой, вприкуску с карамельками и рассказом...

— Парикмахер как таксист: «Куда ехать?» — «Не твоё дело!» А бывают, наоборот, любители излить душу. Что ни клиент — особый мир. Ко мне регулярно заходит уважаемая дама, пока над ней колдуешь, выложит всё про семью там, про мужа, деток, работу. Бывает, трендеть некогда, все настёганные, праздник на носу...

Как-то раз быстро-быстро обслужила её:

— Любовь Васильевна, свободны!

Она возмущённо:

— Так, Ирина, минуточку!..

В голове мелькнуло: «Что сделала неверно?! Всё красиво, хорошо, всё великолепно».

— ...А поговорить?

— Любовь Васильевна, дорогуша, день-то какой...

— Так не годится. В следующий раз меня ещё на разговор записывай.

От этих разговоров к вечеру язык не ворочается.

Есть дама крутая. Видуха у неё... умереть — не встать. Поглядывает искоса, словно у всех забота одна: как бы её поиметь-обчистить. У нас в салоне заведено верхнюю одежду оставлять в шкафчике, надевать бахилы, чтоб не наследить. «Зара Габбасовна, присядьте, пожалуйста, на диванчик. Нужно подождать, пока мастер освободится». От гнева аж раздуется: «Вы чё моё время крадёте?! — задерёт нос и в мокрой шубе, грязных ботах напролом в кабинет к маникюристу, через плечо шикнет: — Буду ждать ещ-щё! На ш-шшесть записана!» Девочка-администратор в страхе: «Пойдёмте! пойдёмте!» Хотя, когда я на смене, Габбасовна через трубу на метле не влетает, заходит по-людски, разговаривает по-человечески. Сбациаешь ей гламурненький причёсон — обрадуется искренне, похвалит:

— Ну вот! Я опять на боевом коне!

Ведь умеет! Может, потому, что общаюсь с ней на равных.

После Анжелины не страшен никто.

Признаюсь, слушать Ирину было интересно.

Непонятно другое, как на такую лекцию угодили мы... с лысиной. (Для дальтоники радуга — издёвка!) Я и прежде догадывался, что человеку любимая работа кажется самой важной на свете: строителю — своя, педагогу — своя, врачу... даже штукатуру. Помните знаменитое: «Я штукатурю стену, которую завтра сломают. Мало про нас, штукатуров, песен сложено!» (Штукатурам обидно: нет у них своего TV канала, отдельного субъекта Федерации, нет в обществе должного пиетета.) Однако я искренне полагал, что Perückenmacher [4] — исключение. Он же Coiffure [5], он же брадобрей, волосничий, причёсник, стригун, цирюльник, чесала...

Нет. Они все туда же...

И для того, чтоб мои заблуждения развеялись, стоило оказаться в Челябинске...

А парикмахерша продолжала:

— Как ты причёсана, так тебя и слушают. Но волосы со временем секутся, структура разрушается. Можно восстановить, вылечить маской, кондиционером. Самый лёгкий способ — оливковое масло. Но его подбирать нужно правильно, блондинкам применять исключительно жёлтое. Помню, пришла на мелирование субтильная девица... Начинаю набирать пряжи, наносить краситель, чешуйки при этом открываются и всё, что волосы накопили, выходит. Смотрю, локоны зеле-не-еееют... На голове — зелёный пожар!!! От ужаса грива моя — ды-ыбom!.. Любой здоровой клиентке о таком сообщи, закатит скандал, эта — неврастеничка.

Обожаю восточную поэзию: [6]

Зеленый цвет ласкает в полдень тенью,
Дарует он покой душе и зренью.

— Может, читали?..

Я отрицательно боднул. (Ирина продолжала меня удивлять...)

— Зачастую женщина, когда у неё плохое настроение, идёт в парикмахерскую, меняет окрас. И сочная трава действительно нравится многим, но, извините, не на голове. Что делать?! Собираюсь с мыслями: «Истерик не нужно!» Докрашивая, деликатно интересуюсь:

— Ларочка, вы как ухаживаете за волосами?

Она оживилась:

— А я сижу, гадаю: заметишь-нет... Хочу похвастать! В интернете нашла рецепт масочки: оливковое масло, авокадо, яйцо. Смешать, натереть. Для себя-любимой не пожалела — купила самое дорогое «Экстра вёрджи».

— Маска была зелёной?

— Ярче твоего фартука! — сама радостная такая.

— Ларочка, деточка, ты только не волнуйся!..

Она перестала улыбаться:

— В чём... дело?

— Пожалуйста, не волнуйся.

— Говори...

— Не волнуйся, главное.

— Ну же... — умоляющим голосом взмолилась девица.

— Полюбуйся в зеркало...

Ирина рассказывала, а я вывел аксиому: чтобы довести человека до инфаркта, не отвечайте на его вопросы, тупо повторяйте: «Только не волнуйся! только не волнуйся!»

Утром заходит сын Кавказа, встал посреди зала и гортанным клёкотом:

— Кто мэна хочэт?

Моя подружка свободная была, встряхнула пеньюар, накидку по-вашему, и томно так:

— Похоже, что я...

А ведь год назад этот орёл слышать не хотел про специалиста-женщину. Заявлял нам:

— Даже самый хириновый малчык лучше.

Мэ-Жо! Не в этом дело. ПарикмахЕРы тоже есть... будьте нате! Жопорукие пол не выбирают. К нам на днях девушка из другого салона перебежала, зайкой там сделалась:

— Т-ттвержу молодому человеку: «Освежите кончики, я отращиваю, мне короче не надо». Б-бблин! — падают хвосты сантиметров по пять. А он пыхтит, сопит, виновато у-улыбается...

Считается, волосы не ноги — отрастут. Нельзя так! Предупреждаю своих девочек: однозначно поймите, чего желает клиент-кормилец. Хотя это сложно... В наследство от СССР нам досталось слово «маникюрша», но его нет ни в одном словаре мира. Правильно будет сказать «маникюрист». Население профессиональными терминами не владеет, объясняется невнятной жестикуляцией, экивоками. Хоть цитатники раздавай! Когда умоляют: «Посадите меня на брови!»; «Я хотел на вас попасть!»; «Накрутите меня в зад!» — не спешите исполнять буквально. Конечно, и мы вынуждены за речью следить строго... Пусть клиентка заявляет, что волосы у неё «пакля», «реально дикие», «жжёные» — за ней не повторяем, подбираем эпитеты «мягше». Например: не «жжёные», а сухие или пористые; не «отваливаются», а ломкие; не «жидкие» — ниже средней густоты; не «облезли» — цвет потускнел; не «коровий взлиз» — особенность роста. Тактичность, доброжелательность, уважение к клиентам — первое дело.

У Зои (недавно приняли на работу) юноша, уходя, спрашивает:

— Когда теперь?

— В зеркало смотрите! Будет страшно, сразу ко мне!

Своим девочкам я постоянно талдычу: «Никогда не заводитесь, вы — мастер, не бабка базарная. Уточняйте у клиента, удобно ли ему? Не горячая ли вода? Не больно ли шпилькой закололи локон? Не щиплет ли краска? Окружите давальца [7] заботой, вниманием. Отойдите от кресла, полюбуйте своим творчеством, не скупитесь на похвалу: «Очень красиво получилось, правда?» Сейчас повсюду стремятся «впихнуть невпихуемое». Кредо фирмы! У нас иначе... Главное — деловая репутация! Официально наш салон закрывается в пять, но ведь работаем на себя. Сколько сделаешь, столько получишь, со временем считаться не приходится.

Та же Зоя с упрёком мне:

— Ой, зря стара-аааешься, всё равно всех денег не зарабо-ооташь!

— Зой, я не стремлюсь заработать всех денег. Стараюсь человеку угодить, чтоб вернулся к нам да ещё друзей привёл. Поэтому, когда меня спрашивают: «Вы до сколько?» Отвечаю всегда одно и то же: «До последнего клиента».

— Хотите ещё чайку?

— Нет, спасибо.

— Знаете, что... Давайте я вас сама обслужу.

Мы прошли в отдельный кабинет. Кругом зеркала, на туалетном столике ножницы разных конструкций, фены, насадки, какие-то скляночки-бутылочки...

Я уселся в мягкое вращающееся кресло с высокой спинкой, удобными подлокотниками, свежая салфетка нежно окутала шею... Откуда-то полилась объёмная музыка природы, далёкие крики чаек. В посвист ветра, шелест морского прибоя вплеталось жужжание машинки. Вначале окантовка висков, затылка, затем стрекотание ножниц... Будто стрекоза вибрировала над макушкой. Движения мастера размеренны, неторопливы. Приятные тёплые волны ласкали голову. Пушистая кисточка, едва касаясь, скользила по лицу — крылья бабочки... Волшебство какое-то! Откуда-то издалёка-далека вспомнилась молодая мама, бережно хранившая рядом с иконкой мою первую светлорусую прядку волос.

Зимняя позёмка стучала сухой россыпью в окна.

А Ирина всё рассказывала...

— И вот международный конкурс на лучшего парикмахера в Норвегии, в Осло. Россию доверено представлять мне. Говорю, у самой дух заходится от восторга...

Закрепили сильного тренера. Уровень других участников мы изучили. Я — на волосок от победы... Состязание, по сути, превращалось в формальность с заведомым результатом. Участие, разумеется, полностью за свой счёт. Я в банк за денежками... И тут очередной кризис! Выдачу кредитов прекратили. Остаётся неделя, денег нет. С протянутой рукой — по родне, по знакомым. Никто не даёт. Одна приятельница хмыкнула:

— Допустим, выручу, с чего отдашь? Всю жизнь будешь отрабатывать. Тебе это надо?

— Надо.

— А мне нет. Погляди на своё лицо.

У меня депрессия... Точно выжали до капли. Остаётся сделать последний шаг, и тогда вложенные усилия, деньги начнут возвращаться... А ты не можешь. Я ревмя ревела без видимых причин от обиды, от жалости к себе.

Муж перепугался:

— Иришка, что с тобой?

— Обидно мне... — и давай пуще выть.

Так не попала на конкурс в Норвегию.

В Москве недовольно поморщились, но смолчали. На следующий год — чемпионат Европы во Франции, в Париже. Настоящий чемпионат, в настоящем Париже!

Умереть не встать...

Теперь уж меня не проведёшь! Воробей стреляный!

Денег накопила заранее, чтобы исключить любую случайность, любой подвох. Дочь настроилась на модель: волосы загодя выкрашены, выровнены. С документами полный порядок: паспорта готовы, визы оформлены. Тренер назначен, упражняюсь сутками... В разведку так не готовят. До поездки остаётся три дня. И тут, внезапно, разболелась нога.

Дикая боль! Ни с того ни с сего.

В одно прекрасное утро не смогла встать с кровати. Такая резь в пятке, ступить не могу. Уколы, мази, таблетки — ничего не помогает, пухнет стопа. А работа у нас стоячая. Мало того, нога, нервы до того расшатались, до того себя довела, накрутила — начался токсикоз. Тошнота. Нужно переводить за участие тысячу евро, а я шага шагнуть не могу. В банк поехал муж. Следующий платёж три тысячи: оплачиваешь фирме-организатору, башляешь тренеру, жюри... Ни тебе платят за то, что в сборной России — ты финансируешь! Могут выдать, взаимнообразно, бутылку лака, пенки — остальное: мани-мани. На саму поездку нужны деньги немалые. Из Москвы сутками называют, торопят со вторым платежом, дёргают меня...

А нога с каждым часом хуже и хуже, да ещё и выворачивает наизнанку.

Реву, вся разбитая, не знаю, что делать. Волосья рву от досады, сердцем бедую. Деньги собраны, опять надо отправлять мужа, проплачивать, но дальше-то что? Ведь он в Париж вместо меня не поедет. И тут опять добрая приятельница:

— Сходи в церковь к батюшке. Спроси совета.

Поначалу я всерьёз не приняла, а муж поддакнул:

— Сходи, хуже не будет.

Я так-то крещёная, заглядывала пару раз на Пасху, но правильно вести себя в храме не умею. Прошлый раз старуха в чёрном на меня как зашипит: «Не так делаешь-шшшь!» Я бегом оттоль. Пока сильно не припёрло, обходила стороной, а тут решилась... Больше куда пойдёшь? Достали костыли, попробовала на них по дому передвигаться, плохо, неуверенно получается. Белый платок повязала, муж отвёз до церкви, помог выйти. По ступенькам вдвоём, дальше сама. Открываю огромную дверь, внутри — тишина, запах ладана, свечи горят, батюшка крест на груди поправляет. Всмотриваюсь в лицо: добрый или нет? Когда о помощи ближнему, о любви проповедуют с глухим остервенением... Знаете, как бывает... Тут гляжу, лицо спокойное, благостное.

— Святой отец, выслушайте меня.

Он посмотрел в самые-самые глаза. Выложила я свою беду, как есть. Ничего не таила, не приукрашивала, как на духу. Батюшка выслушал внимательно, не перебивал:

— Хватит тебе, девка, деньги на сторону платить.

— Как это?

— Довольно с тебя тянули. От этого и выворачивает всю.

Откуда узнал, что тошнота измучила? Я ни слова...

— Пришла тебе пора своё дело открывать.

— Страшно! не справлюсь...

— Не бойся, ты сильная! с Богом! — и перекрестил.

Выхожу из церкви сама не своя. Будто крылья выросли...

И про боль в ноге забыла. Мужу не знаю, как сообщить, а он: «Что да что?» Всю дорогу молчала, а дома выревелась, пересказала.

Он не ожидал, опешил:
— И на какие шиши, интересно знать?
— Займу.
— С этими долгами не расквитались.
— Авось уладится...
— Хочешь врагов нажать? Забыла, где живём?
— !

Решение приняла бесповоротно.

Сказала — отрезала!

Я твёрдо решила в Париж не ехать, а деньги, собранные для поездки, вложить в своё дело.

Из Москвы шквал звонков: «Бессовестная», всё такое... «кинула». Да только никому меня уж было не остановить. Сама себе поклялась: ни на волосок от цели не отступлю. К тому времени я заочно отучилась в экономическом институте, стало складываться одно к одному.

Не гладко, не само по себе, но всё же... Сами видите.

P.S.

Дважды студию красоты «Очарование» поджигали (кто, установить так и не удалось), налоговая инспекция на несколько месяцев изымала всю бухгалтерию, закрывала счета.

А Ирина не сдавалась.

Жизнь сбивала её с ног, но она набиралась сил и поднималась снова и снова...

Примечания:

[1] Библия. Ветхий Завет. Книга Судей Израилевых. Глава 16 (Суд) (19) Старославянский язык;

[2] Терпило — потерпевший (воровской жаргон);

[3] Мамочка — хозяйка притона (воровской жаргон);

[4] Perückenmacher (нем.) — мастер, делающий парики, занимающийся стрижкой, бритьем и прической волос.

[5] Куафёр (фр. Coiffure) — парикмахер;

[6] Мусульманский лирик Амир Хосров Дехлеви воспевает зелёный цвет в поэме «Восемь райских садов»;

[7] Давалец — кто держится в своих покупках и заказах одной знакомой лавки, одного мастера.

*

03 декабря 2013 год, Петрозаводск

Приметы времени

Скрип

«Начало положено. 9 февраля в Сочи женская сборная России по хоккею обыграла немецкую команду со счетом 4:1.»

Из сообщения СМИ, 14 февраля 2014 года

Зимние Олимпийские игры в Сочи.

Перед дамским хоккейным матчем по центральному каналу показали «Легенду номер 17» — для поднятия духа наших спортсменов, знали чтоб, на кого походить! Фильм классный! Смотрел, затаив дыхание! А вот мисс-торпеды... гладиаторский девичник на льду... обескуражил. (Сказывается негативное влияние классической литературы!) Ну, не хватает моей фантазии узреть родной образ русской лебедушки в кокошнике, глядя на бульдозер. По-стариковски брюзжа, я представил себе ремейк о непобедимой сборной СССР, о Валерии Харламове в переложении на новые реалии. В частности любовную сцену из фильма: героиня, поигрывая бицепсами, тискает в стальных объятьях худосочного студента-очкарика. «Уж она-то кавалеру улизнуть не даст. Нет, не даст, — убежденно подумал я. — И режиссёр против жизненной правды не пойдёт».

Всё смешалось на планете Земля.

Где вы, Кай и Герда, Ромео и Джульетта, Гамлет и Офелия, Д'Артаньян и Констанция, Орфей и Эвридика, Тристан и Изольда, Андрей Болконский и Наташа Ростова, Дон Кихот и Дульсинея, Ассоль и Грэй, Онегин и Татьяна, Мастер и Маргарита?.. Где вы, Адам и Ева?

Остались в преданиях и Ветхом Завете.

Да, всё перевернулось!

Миша-Маша, Маша-Миша меняют куклы на машинки, машинки на куклы, брюки на юбки, косы, рюши с бантиками в придачу — на накладки «ВДВ ДМБ» и пол. Change! Change! Обменялись заветными мечтами, надеждами... В итоге живём в Эру матриархата, ультрафеминизма. Теперь уже куры топчут своего подкаблучника с золотым гребешком... Деревню поутру будит не самозабвенный петушиный гимн солнцу — оголтелое кудахтанье. Если так пойдёт и дальше, вскоре о зорьке ясной возвестят грязной матерщиной куриные яйца. Осталось — всего ничего. Можно даже не принимать гормональных таблеток. Их успешно заменяют «ножки Буша» и овощи-фрукты с ГМО. «Начало положено!» — захлёбываются от радости информагентства. Нам остаётся, как всегда, догнать и перегнать Америку! [1]

Испокон веков для ребёнка его мама — самая добрая, лучшая-прелучшая, самая-самая!

Да вот только где они... мамы?!

Понимаю, ничего не изменить. Это просто скрип...

Занудный скрип ржавого тележного колеса, которое наматывает на стальной обод одну примету времени за другой.

Примечания:

[1] Пользователи американской версии социальной сети Facebook смогут указывать пол, выбирая из 50 вариантов гендерной идентичности: таким образом, к «женскому» и «мужскому» полу прибавятся «бигендер», «транссексуал», «андрогин» и другие опции. <http://www.bbc.co.uk>

*

Наша Аляска

Владимиру Михайловичу Солдату

Шамканье

Старожилы СССР упрекают сановников царской империи:

— Сбыли нашу Алясоньку за бесценок, сатрапы! Профукали!!!

Комиссары верили: если к целому прибавить один, два, тем боле три — сумма увеличится. И наоборот. В отличие от дворцовых мотов, пролетарская власть — всё в дом, всё в плюс... Плюс Латвия, плюс Эстония, Литва, Бессарабия, восточные регионы Польши, часть Финляндии плюс. Очередным прирезком могла быть земля Афганистана...

И тут Советского Союза не стало.

Его не осталось ни много, ни мало — нисколько. В сумме «нуль».

Законы арифметики в большой политике не действуют... В итоге кремлёвские старцы оставили потомкам великую державу... окромсанной.

А сами всё не унимаются, всё ворчат и шамкают...

Глянь-ка на прихоть прусскую:
Екатерина — немка-профура!
Спустила землю русскую...
Транжира и баба-дура!

То ли дело — Союз-собирабель.
Широки и бескрайни объятья...
Эх, кабы нам эту часть,
Краше б рассыпался. Ась?!

В боевых единоборствах, особенно в дзюдо, этот приём хорошо известен: использование энергии самого противника с последующей победной подсечкой. У нападающего, который повёлся на хитрость, возникает устойчивая иллюзия, что одолевает врага, вот-вот! а затем, вдруг голова-ноги-голова... Бац!!! И — тишина.

Слава тебе Господи, Президент России — профи в дзюдо.

Примечания:

На самом деле Аляску продали при Александре II, Екатерина тут ни при чём, но им — без разницы.

*

18 февраля 2014 года

Радуга

О фотографии говорить трудно...

Как пересказать радугу?

Яркий зрительный образ сложно передать комбинацией букв. С уверенностью можно сказать лишь о значении этого искусства в жизни моей, о счастливом даре Божиим не просто смотреть, но увидеть.

Фотография для меня — это видимый образ вечной борьбы добра и зла, что заложены в человеке.

Фотография для меня — попытка «зажечь свою свечу вместо того, чтобы клясть темноту»; старание придать своей жизни смысл.

Фотография для меня — одна из форм Хлеба Небесного.

Фотография для меня — это универсальный образный язык международного общения. Язык — над речевыми барьерами, язык — над разными укладами жизни, верованиями и национальностями, язык — над временем и пространством.

Фотография — моя философия, мировоззрение.

Фотография — это символы, ставшие святыми: Родительский дом, Бог моих отцов, красота Природы; это, в итоге, активный поиск людей, близких по духу, людей, для которых перечисленные символы являются святыми.

И тысячу раз прав поэт Максим Танк: человек кончается, когда перестаёт изумляться жизни...

Деревья умирают,
Когда перестают различать
Времена года
И откликаться на их приход
Раскатистым эхом.

Вода умирает,
Когда забывает однажды,
В каком направлении течь,
И теряет способность
Утолять нестерпимую жажду.

Земля умирает,
Когда, истощившись,
Внезапно перестаёт
Рожать повседневный хлеб
И быть колыбелью песен.

Человек погибает,
Когда лишается дара
Удивляться всему живому
И взирать на мир
С благодарностью.

*

2002 год, Петрозаводск

Фотохудожник Александр Костюнин

Сценарий

Е.С.

Из цикла «Плацкартный вагон»
(Дорожное настроение)

*Из всех искусств для
нас важнейшим является кино.*

В. И. Ленин

Поезд медленно тронулся...

Волнистый перрон в лужах, фонарные столбы, старухи с плетёными корзинами, доверху забитыми яблоками, варёной картошкой, огурчиками, зелёным лучком, помидорчиками и румяными пирожками медленно поплыли... поплыли в окне вагона, сменяя кадр за кадром. Взгляд мой скользнул по зданию вокзала — аршинные буквы на фасаде немо свидетельствовали: «Вятские поляны». Юноша-попутчик обратил Её внимание на аншлаг:

— Полюбуйтесь!

Она прильнула к стеклу и убитым голосом обречённо произнесла:

— Вв-вятские поляны.

В засыпающем вагоне эта фраза прозвучала отчётливо, неутешительно, как приговор, который обжалованию не подлежит. Плацкартный вагон как-то сжался весь, скукожился, стало тревожно-тихо; безутешный младенец в соседнем купе и тот затих. В наши души заползала беспросветная серая безнадёга...

— Это не просто название города либо станции... нет, — указательным пальчиком Она изобразила на запотевшем стекле словосочетание и, слегка отстранившись, полюбовалась им. — Это экспрессивное ёмкое русское выражение, — одним жестом смахнула влажные буквы.

Прильнув лбом к холодному стеклу, соприкасаясь головами, они молча провожали глазами уплывающую вывеску.

— А что ещё может быть «вятским»? — спросил он.

— Жизнь, — предположила Она.

— Дороги.

— Архитектура.

— Погода.

— Настроение.

— Шутки.

— Всё, — подытожил он. — У нас «вятским» может быть абсолютно всё.

Я с огромным интересом наблюдал их пикировку и лишь немислимым усилием воли, сохранял беспристрастный вид.

— Ты знаешь, я сейчас представил короткометражный фильм минут на пять.

— Пять много — три.

— Ну, давай три, — миролюбиво согласился он. — Итак, российская глубинка: лето, комаристый вечер, вседержитель земли русской стоит на взгорке, а вокруг, сколь хватает глаз, бескрайние заброшенные поля...

— Нет... лучше не так, — глаза у неё озорно вспыхнули, — заросшие поля — это ивовый кустарник и мелкий березняк — неочевидно, некрасноречиво. Лучше окраина деревни.

— ...Камера крупным планом снимает пегую дворняжку с жизнерадостными глазами. Она лежит на траве у хозяйских ног, и, задрав мордочку, силится заглянуть ему в глаза...

— Собака подобострастно улыбается. На спине — репейная колючка.

— Объектив с дворняжки передвигается на сапоги хозяина...

— Кирзачи: подошва стоптанная, носки бурые. Изображение скользит вверх по тиснёным чёрным голенищам...

— Суконные штаны с отвисшими коленками... ширинка вольнолюбиво раскрыта. Как говорится, можем себе позволить! — по-ленински выставив ладонь вперёд, он картаво произнёс: «Скажу бойше, это — гыавное завоевание евоюции!»

— Скажу Мойше...

Они задорно рассмеялись.

— Но, оставим патетику! — иронично прервала Она. — Итак...

— Ремень на брюках узкий.

— Покуцанный.

— Фуфайка по-молодецки распахнута, выцветшая рубашка, предположительно голубого цвета, заправлена за пояс.

— Камера продолжает ползти вверх...

— Замыганный ворот рубахи расстёгнут — «из-под» щёгольски торчит край... Край чего?

— «Тельняшка» — наигранно, искусственно.

— Жёлтой футболки.

— Петушиная шея переходит в седой щетинистый подбородок. Щёки загорело-копчёные, в уголке рта самокрутка...

— Нет, «самокрутка» — вульгарно. Хабчик «Примы».

— Идёт сизый дымок.

— Мужик хмурной, поскольку трезвый...

Они согнулись пополам... и долго беззвучно тряслись в унисон, не в силах успокоиться.

Я, затаив дыхание, заморожено слушал творческий диалог счастливой молодой парочки понимая, что на моих глазах рождается сценарий фильма. Я отчётливо увидел и этого деревенского мужика, и дворняжку. Чудо какое-то!

И как они спелись... Буквально десять минут назад все мы ехали нелюдимо уткнувшись в свои заботы. Она с серьёзным видом вычитывала убористый текст с печатных листов, он — заполнял кроссворд. Ехали буки-буками. А сейчас они перекидывались шуточками, с полуслова понимая друг дружку, радостно смеялись, фразы их уже трудно было разделить на отдельные реплики — это был единый развесёлый ручей, весенний, звонкий, полноводный. И ещё свет... Они излучали теперь какой-то загадочный лунный свет, сияние их нарастало. Край этой волшебной ауры согревал и меня.

— Нужно избегать безликих слов, русский язык богат. Можно сказать «человек нетрезвый», а можно «распьяным-пьяна-пьянёненька».

— Трезвый, после вчерашнего.

— Совсем другое дело.

— Меняем картинку — камера являет общий план: мужичонка стоит на околице, на самом краю деревни, центральная улица уходит вдаль.

— В светлую даль.

— Разумеется!.. Улица проезжая для тракторов. Две глубокие глинистые колеи заполнены водой. Забор слева-справа вдоль дороги наполовину повален.

— Лежит, себе...

— Не ше-лох-нё-оотсятся!..

Уткнувшись лбами друг в дружку, они залиvisto хохотали, утирая слёзы.

— Крапива — по пояс. Вдоль улицы чёрные от дождей бревенчатые избы, крыши у некоторых просели.

— Вдали старуха с посохом перебирается через улицу.

— Собака, заметив бабку, унеслась вприпрыжку и там игриво крутится вокруг неё.

— Кругом запустение, разруха, безысходность.

— Меняем план: объектив крупно наезжает на лицо поселянина: ещё не старый, но жизнь... обязывает. Он машинально поправляет замузганную ушанку, обводит взглядом свою малую родину, последний раз затягивается, обжигая пальцы и жмурясь от дыма, решительно бросает чинарик...

— С достоинством выпрямляется и произносит...

— Да, именно в этот момент он разрешился от бремени этой классической фразой. Не нараспев, а так... словно подытоживая, с горечью, с досадой, обречённо: «Вв-вятские поляны...»

— Не спеша, сутулясь, уходит.

— Конец фильма.

Взявшись за руки, они уплывали в глаза друг друга...

Она сошла на одном из полустанков Самарской области.

На прощание они украдкой поцеловались.

Я чувствовал, как её локон горячил... мою щеку... и собственные раны затягивались.

Без неё вагон как-то сразу осиротел, внутренне опустился, не желая скрывать нелепость бытия. Незнамый спутник её наглухо замолчал. В Самаре купе покинул и он.

Соитие по Bluetooth, невольным свидетелем которого я стал...

Рай сладостный... рассыпался в один миг, точно мираж.

Опустошённый, я уставился в чёрное окно и слушал, как поезд, вторя мыслям, потерянно бормотал: как-так, как-так, как-так...

Выйду в конечном пункте и я.

А поезд, потрясённый нелепостью человеческой жизни, будет сетовать и без конца повторять: как-так, как-так, как-так...

...Пока не сойдёт с пути.

*

02.11.2016

Александр Костюнин

Публицистика

Литература факта

Статьи, встречи, размышления,
писательская «кухня»

Официальное предупреждение

*Учительница на уроке русского языка:
— Ни в одном языке мира нет такого,
чтобы слово обозначало одновременно согласие и
возражение.
— Ага. Да-аа... Конечно!*

Внимание!

Считаю своим долгом заранее честно предупредить: далее в книге опубликованы лингвистические (не побоюсь этого слова) экскурсы, стенограмма конгресса писателей, образцы лексической эквилибристики, работы победителей международного литературного конкурса, размышления о русском языке, очерки о встречах с богемой.

Одним словом – скучные, заумные литературоведческие тексты.

И, главное, совсем нет картинок!!!

Издать подобные материалы отдельным томом мне едва ли доведётся. Но ведь не выбрасывать же, раз написано.

При этом я не хочу, чтобы мои поклонники, доверчиво приоткрывшие книгу исключительно в поисках беллетристики, считали себя обманутыми самым бессовестным образом. Поэтому всё хорошенько взвесьте перед тем как продвигаться дальше по этому «минному полю»!

А добровольцы – за мной!

*

Моё знакомство с Вячеславом Тихоновым

В течение рабочего дня приходится отвечать на разные телефонные звонки. Всех не запомнишь. Но один звонок я не забуду никогда...

В 11.14 секретарь из приёмной, по прямому, сообщила:

– Вас из Москвы от народного артиста СССР Вячеслава Тихонова...

– ?!

– Александр Викторович, здравствуйте, я ассистент режиссёра. Вячеслав Васильевич прочитал в московском журнале Ваш рассказ «Рукавичка» и хотел бы встретиться...

Три месяца не складывалось: всё что-то мешало... И вот завтра встреча.

На вечернем перроне дорожная суета. Фиолетовые лучи уличных фонарей высвечивают поток белых хлопьев. Громкие голоса пассажиров и провожающих. Редкий смех. Монотонный голос из репродуктора. Мягкий обильный свежий снег под ногами.

В вагон зашёл перед самой отправкой. Отыскал своё место. Снял верхнюю одежду, усыпанную холодными талыми каплями. Сел к окну.

Какой будет встреча с Вячеславом Тихоновым? Что я о нём знаю?

Что Он – для России?

Вячеслав Васильевич Тихонов – Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР и РСФСР.

После ухода от нас Михаила Ульянова, Василия Шукшина, Олега Ефремова, Евгения Леонова, Сергея Бондарчука, Евгения Матвеева трудно среди современников найти ему равного. Вячеслав Тихонов поражал зрителей не только правильными чертами лица, врождённой статью и благоприобретёнными дворянскими манерами. В отечественном кинематографе он сегодня возвышается настоящим утёсом среди прибрежной гальки, по праву считаясь мастером русского слова, мастером паузы, глубокой мысли и философского молчания.

Мастером Чести.

И всё это – благодаря таланту, щедро дарованному ему Богом.

Можно смело сказать, что роли, сыгранные в фильмах Станислава Ростюцкого «Дело было в Пенькове» и «Доживём до понедельника», Сергея Бондарчука «Война и мир», Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны» – обессмертили Вячеслава Тихонова.

В середине бандитских девяностых годов влиятельный федеральный чиновник посетовал: «Тихонов не участвует в политической жизни страны, как ни уговаривали».

Действительно, народный любимец в одночасье исчез с экранов телевизоров и со страниц глянцевого журналов. Не давал интервью. Не бегал из партии в партию. Не ел «с руки»... Не рекламировал товары личной гигиены, как многие.

Многие, но не все!

Его коллега по цеху Георгий Жжёнов, как раз в те годы, непримиримо бросил с экрана: «Я соломой буду питаться, но в рекламу не пойду!»

Так нужно ли удивляться, что такой мэтр, как Тихонов, отказался разъезжать с «батькой» в агитационной тачанке по российскому Гуляй-полю, восседая на ворохе награбленного шмотья...

За десять лет Вячеслав Тихонов своим принципам не изменил. Он и сегодня не выезжает в свет.

Артистам, на мой взгляд, славно удаются только те роли, которые они не играют. Всё решает удачное попадание в собственный характер, образ мысли, темперамент. Иногда вопреки оценке режиссёра, как это случилось в киноэпопее «Война и мир» с образом Андрея Болконского.

Автор романа – великий русский писатель Лев Толстой – раскрывает внутренний мир князя Болконского такими словами: «Да, да, вот они те волновавшие и восхищавшие и мучившие меня ложные образы, – говорил он себе, перебирая в своём воображении главные картины своего

волшебного фонаря жизни, глядя теперь на них при этом холодном белом свете дня – ясной мысли о смерти. – Вот они, эти грубо намалёванные фигуры, которые представлялись чем-то прекрасным и таинственным. Слава, общественное благо, любовь к женщине, самоё отечество – как велики казались мне эти картины, какого глубокого смысла казались они исполненными! И всё это так просто, бледно и грубо при холодном белом свете того утра, которое, я чувствую, поднимается для меня». Фраза принадлежит литературному персонажу, а мне слышится голос Вячеслава Тихонова.

Чтобы достоверно сыграть положительного героя, нужно быть им.

Подъехали к даче в полдень. Погода безветренная, пасмурная и влажная. Не декабрьская.

У входа – указатель на столбе: «Павлов Посад 60, Пеньково 440, Берлин 1750». Это названия населённых пунктов, неразрывно связанных с рождением Вячеслава Тихонова. Рождением биологическим, творческим, надвременным.

Великий затворник встретил меня на веранде. Мы познакомились, теперь уже очно. Сначала я чувствовал себя скованно. На меня, в ожидании подвоха, пристально смотрели глаза человека мудрого, уставшего, повидавшего жизнь.

Может, виной тому неудачно пройденный фэйс-контроль?.. Другим представлялся автор сентиментального рассказа?

Понимаю... Моя собственная жена и то в сердцах сокрушается: «Ты посмотри на себя в зеркало... Посмотрел? Ну какой ты писатель?!» А один из старшеклассников, после творческой встречи, в сочинении откровенно признался: «Сперва я подумал, что это зашёл охранник Костюнина, а потом оказалось, что это сам писатель и есть!»

Что послужило причиной настороженности в данном случае, не знаю, да это и не важно. Главное – «холод» держался недолго.

Я подарил свой сборник «В купели белой ночи». Кратко рассказал о себе.

Со стороны ворот слышались весёлые голоса. Вячеслав Васильевич оттаял:

– Мои внуки возвращаются, – произнёс он, сделав ударение на слове «мои».

По тропинке, довольно раскачиваясь в такт собственным шагам, шли два карапуза в одинаковых комбинезонах в сопровождении мамы. Первый поднялся на несколько ступенек вверх по крыльцу, увидел меня. Остановился в нерешительности. Затем, не сгибая ног, согнулся пополам и стал пальчиком ковырять ботинок, едва не касаясь его своим розовым носиком-кнопкой.

– Это мы так стесняемся, – с улыбкой произнёс довольный Вячеслав Васильевич.

Мальчуганы-близнецы облепили деда и стали на языке, понятном только посвящённым, рассказывать об утренней прогулке. Меня они тоже приняли в свою компанию. Я посадил себе на колени Георгия, а Славик остался на коленях у бабушки. Или наоборот.

Потискавшись с дедом, потеревшись накоротке родными душами, мальчишки пошли заниматься дальше по распорядку. Мы остались вдвоём.

– Саша, я прочитал твой рассказ «Рукавичка», он мне очень понравился. В судьбе киноактёра многое зависит от режиссёра. Но без драматургии нет настоящего кино. Полонский написал прекрасный сценарий о школе. Очень смелый по тем временам. И готовый фильм долго не выпускали. Всё требовали что-то выбросить, перемотировать. Гавриил Николаевич Троепольский написал добрую повесть о собаке. Он жил в Воронеже, никогда не рвался ни в какие президиумы. Простой, порядочный, очень талантливый, мудрый человек. «Белый Бим...» – это ведь не только о собаке. Это разговор о людях, о жизни. О том, что каждое живое существо индивидуально и нельзя судить всех по одним стандартам. Лев Толстой — отдельный разговор. Мне близки поступки князя Андрея. Его нравственные искания. Помнишь разговор Пьера и Андрея на пароме? Перечитай.

Вячеслав Васильевич говорил, и мне с ним было легко и понятно. Он делал паузы, что-то вспоминал, воскрешал в памяти:

– А помнишь, образ дуба... Человек не сразу начинает понимать жизнь, он проходит через страдания. В твоём рассказе есть глубина, есть второй и третий план, есть чувства. Это хороший материал для сценария. Не переживай, если он понравится не всем. Те, кому не понравится, пусть идут «на тусовку», как сейчас любят говорить. Там не нужно ни думать, ни сопереживать. И твой рассказ «Орфей...» тоже сильный. Я сам не охотник и никогда им не был. А всё почему... Однажды в детстве мы с ребятами не нашли, чем занять себя, и я взял из дому духовое ружьё. Пошли ватагой к Клязьме. Идём по тропке, смотрю: на берёзе стая воробьёв. Сидят себе, весело

чирикают. Я вроде и не сильно целился, взял и стрельнул в центр стаи. И оттуда, сверху, прямо мне под ноги свалился маленький воробышек. Крылышки опущены, перья на боку взъерошены. Капелька крови на клювике... Я гляжу на него сверху вниз и думаю: «Зачем?» Так жалко стало... И стыдно.

Вячеслав Васильевич закурил, а я, воспользовавшись паузой, попросил разрешения сделать несколько снимков на память.

– А что я должен делать для этого?

– Вы продолжайте рассказывать.

– Ну, хорошо, тогда слушай. Всё, чем обычно занимается человек в повседневной жизни, не стоит того. Главного мало. И его не сразу выделишь. Князь Андрей это «главное» для себя заметил только после Аустерлица, «то высокое, вечное небо»...

Мы о многом ещё успели поговорить.

На прощанье Вячеслав Тихонов подарил мне открытку с автографом, на которой изображены персонажи сыгранных им всенародно любимых киногероев, пожелал творческих успехов.

Этот насыщенный, откровенный, доброжелательный разговор с Мастером теперь нужно спокойно и всесторонне осмыслить. На это уйдут годы. А вот пожелание «творческих успехов» как нельзя более кстати уже сейчас.

Направляясь к машине, я невольно обратил внимание на небо. Тучи шли высоко, их порядок смешался, расстроился, появились голубые окна. Окна двигались плавно, как отходящий от перрона курьерский поезд, и через них мне ободряюще подмигивало вечное солнце.

Восьмого февраля 2008 года народному артисту СССР Вячеславу Васильевичу Тихонову исполняется 80 лет.

Я пожелаю ему счастья, любви, здоровья! Пусть небо над ним всегда будет высоким, безоблачным и вечным.

*

Москва, 4 декабря 2007 года

Русское слово — связующая нить времён

С таким названием в Москве в Центральном Доме литераторов (ЦДЛ) (ул. Большая Никитская, д.53) впервые в новейшей истории России прошёл Международный Конгресс писателей русского зарубежья. Конгресс открыл свою работу 19 ноября 2007 г. Организатором форума выступила общественная организация литераторов «Международное сообщество писательских союзов» (МСПС) при поддержке Правительства Москвы.

Конгресс проводился с целью реализации идеи сближения и интеграции в литературно-художественный процесс России писателей-соотечественников, а также тех, кто ведёт пропаганду русского слова во всём мире. Форум был призван поднять на качественно новый уровень объединительное движение русскоязычных писателей, консолидировать лучшие творческие силы для решения задач духовного единения россиян и возрождения традиций русской словесности.

В Конгрессе приняли участие литераторы из восемнадцати стран мира. В числе делегатов Конгресса — крупные писатели-соотечественники, проживающие в России и за рубежом, переводчики русской литературы, филологи-слависты. В работе Конгресса приняли участие такие всемирно известные мастера русского слова, как Сергей Михалков, Чингиз Айтматов, Олжас Сулейменов, Егор Исаев, Юрий Поляков, Валерий Ганичев, Владимир Гусев, Владимир Бояринов.

Начало заседания было необычным. Под музыку Второго концерта С. В. Рахманинова, опираясь на трость, поддерживаемый за локоть, шажок за шажком, с трудом вышел на сцену и занял место в президиуме Сергей Владимирович Михалков. Трудно сказать, что именно по замыслу организаторов должна была символизировать эта гениальная классическая музыка, но, по мнению самого мэтра русской литературы, высказанному в кулуарах, она «походила на траурный марш».

Автор трёх гимнов СССР и РФ, знаменитый детский поэт **Сергей Михалков**, которому исполнилось 94 года, открывая мероприятие, назвал Конгресс историческим:

— Понадобились многие годы и огромные усилия, чтобы мы снова встретились в этом зале, где на протяжении 75 лет общались, дружили, ссорились, обсуждали новые произведения и даже немножко выпивали...

Только он произнёс эти слова, свет на сцене погас, и микрофон отключился...

После вынужденного технического перерыва ведущий форума Феликс Кузнецов так прокомментировал ситуацию:

— ЦДЛ перешёл в частные руки, и стоит ли удивляться, что свет погас? Государство, если только оно заинтересовано в поддержке и развитии русского слова, должно проводить и соответствующую политику. Не всё пускать по рыночному ветру.

Эта общая мысль, будучи произнесённой вслух, послужила своеобразным камертоном для всех выступающих на Конгрессе.

«Не знаю — петь, плясать ли, улыбка не сходит с губ. Наконец-то и у писателей будет свой клуб». Так в 1928 году поэт Владимир Маяковский приветствовал создание первого писательского клуба в Москве — Центрального Дома литераторов. Этому гостеприимному дому посвящались стихи и книги, здесь «хорошие и разные писатели», имена которых стали гордостью русской культуры, переживали трагические и смешные моменты, здесь всегда кипела жизнь. Расположенный в самом сердце столицы дом выходит фасадами двух своих зданий на Поварскую и Большую Никитскую (бывшую Герцена) улицы.

И вот, оказывается, он писателям уже не принадлежит...

Но, видно, пришло время «собирать камни». Сегодня государство и Президент России заинтересованы в поддержке писателей. Лучшим подтверждением этого стала правительственная телеграмма, которую зачитали на Конгрессе. В ней, в частности, говорится:

«...Здесь, в столице России, собрались представители разных стран, выдающиеся писатели современности, видные учёные-филологи, слависты. Те, для кого русский язык — язык творческого самовыражения, интеллектуального и дружеского общения. Кто хорошо понимает и высоко ценит значение русского слова, которое на протяжении многих веков ярко, мощно и

удивительно красиво «звучит» в мировой литературе. Участникам и гостям вашего Конгресса, проходящего в Год русского языка, предстоит обсудить насущные вопросы сохранения этого поистине бесценного культурного наследия, повышения роли языка как универсального инструмента международного сотрудничества. Убежден, предстоящие встречи, дискуссии будут способствовать укреплению взаимопонимания и доверия, внесут весомый вклад в создание единого литературно-художественного пространства русской словесности».

(Президент России Владимир Путин)

Выступающие выходили к трибуне один за другим и говорили о русском слове с почтением, страстно, как о наболевшем.

Первый секретарь исполкома МСПС, член-корреспондент РАН **Феликс Кузнецов** — бодро, оживлённо, с подъёмом:

— В дни, предшествовавшие Конгрессу, на телеэкранах Европы триумфально демонстрировался сериал по роману Л. Н. Толстого «Война и мир», заставляя людей смотреть не футбол, а экранизацию великого русского романа. (Сосед слева недовольно пробурчал: «Потому что такой футбол смотреть невозможно».) Это событие подтверждает, что русская литература — главный вклад русского народа в мировую цивилизацию.

Современник Пушкина и Гоголя, издатель журнала «Московский телеграф» Николай Полевой называл русскую литературу «невещественным капиталом нации». А Герцен говорил, что литература в России — это «вторая власть».

И действительно, такой власти над умами и душами людей, какой обладала русская литература в XIX, да и в XX веке, не имела никакая другая литература в мире. Истоки этого могущества — не только в высочайшем даре слова её крупнейших художников, но и в том, что русская литература поднимала и ставила на общественное обсуждение самые трудные и самые важные для людей духовно-нравственные и социальные вопросы. И прежде всего — вопрос о Боге в душе, о смысле жизни и совести.

В чём сила русской литературы? Сила её заключается в том именно, что она всегда была обращена к совести, к Богу, к душе. Помните, у Фёдора Михайловича Достоевского: «Ежели Бога нет, значит, и ада нет. А если ада нет, значит, всё дозволено?» Взял топор и убил старуху. Вот весь путь русской литературы — это преграда на пути вседозволенности, это утверждение достоинства и высоты человека.

Двадцать первый век оборачивается вызовом. Вызовом нашей культуре, нашим традициям, в конечном счёте, вызовом человечеству. Жёсткий, грозный вызов сегодня брошен духовно-нравственной сфере человеческой жизни.

Истоки этого вызова — те процессы глобализации, которые в американском варианте идут по миру. В России в девяностые годы эти процессы особенно больно ударили по русской культуре в тот момент, когда она была брошена в бандитский капитализм, в дикий рынок. Культура и литература были полностью отделены от государства. Это и послужило причиной тех искажений, которые сегодня очевидны для всех думающих, честных людей.

Следствием этого являются осознание необходимости нового подхода, выработка новых взаимоотношений между государством и культурой. Необходимо понимать, что культура и литература — то, что определяет будущее народа; то, что определяет формирование души народа; то, без чего народ не сможет выжить и существовать. Необходима смена стратегии во взаимоотношениях между государством и культурой.

Суть новой стратегии заключается в том, что государство должно осознать себя не сторонним наблюдателем, не благодетелем даже, а инвестором, внутренне и глубоко во всех формах и видах озабоченным судьбой культуры и судьбой русского слова.

И вот знаком понимания необходимости выработки новой стратегии явилось решение Президента России объявить 2007 год Годом русского языка. А на II форуме творческой и научной интеллигенции государств-участников СНГ, который недавно прошёл в Астане, было предложено 2008 год объявить Годом литературы и чтения в Содружестве.

Людмила Швецова — заместитель председателя Правительства г. Москвы — зачитала приветствие Юрия Лужкова:

«...Ваши представительный форум проходит в Год русского языка, когда Москва, наше Отечество и весь мир с обновлённым чувством восхищения и благодарности обращаются к великой русской литературе как одной из важнейших духовных составляющих русского мира.

Во все века своего бытия и развития наша литература искала и находила ответы на самые глубинные нравственные запросы личности и общества, обращалась поверх любых границ и разделительных барьеров к народному сознанию, спланивала наше многонациональное государство в его испытаниях и победах.

Москва является естественным и уникальным по силе притяжения центром для всех писателей, пишущих на русском языке. После трагического распада государства и тяжелейших реформ девяностых годов Россия вновь обретает не только экономическую мощь, но и стремление к глубокому культурному самосознанию, бескомпромиссному моральному противостоянию безнравственности, безмыслию и пороку.

Мы благодарны нашим русским писателям и всем художникам слова, филологам, критикам, переводчикам, философам и историкам, в какой бы стране они ни жили, за огромный вклад в строительство русского мира, за труды на ниве русского языка и русской литературы».

Министр культуры и массовых коммуникаций РФ Александр Соколов:

— Девяностые годы — это были годы разрыва не только геополитического пространства страны, не только «парад суверенитетов», но и кризис духовных, нравственных основ. Эти годы явились следствием тех политических процессов, которые мы сегодня осмысливаем. И поэтому пророчество Дмитрия Сергеевича Лихачёва именно сегодня звучит для нас особо. Он сказал: «В России нацией стала литература». И вот, наверное, это один из тех девизов, один из тех символов, которые будут постоянно витать над нами в дни работы Конгресса.

Нам действительно пришло время «собирать камни», потому что Год русского языка — это государственное признание значимости того единственного пути, который может быть направлен в Храм духовный. Русский язык — это не просто язык, на котором в мире говорит 250 миллионов человек, а 164 миллиона из них считают его родным. Русский язык — это сокровище мировой, а не только русской культуры. Русский язык — это прежде всего та среда духовного обитания, которая, к сожалению, становится неведомой молодому поколению. Вот этот страшный разрыв поколений, наверное, сейчас и есть самая главная сфера ответственности писательской среды. И здесь Ахматовский девиз: «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово» — вот именно он отзывается в девизе вашего Конгресса: слово как связь времён, связь поколений.

Сегодня мы ещё только ищем пути, по которым идти надо, но совершенно ясно, в каком направлении идти нельзя. Мы живём в условиях догматов рыночной экономики. Именно догматов, поскольку культура относится к той сфере рыночной экономики, в которой неучтённость её специфики, неучтённость её потребностей неизбежно вызовет кризис в очень близком будущем. Поэтому сейчас самое время говорить о том, какие потребности культуры являются потребностями нации.

Совершенно ясно, куда не пойдёт рынок, совершенно ясно, чем он не заинтересуется. И не только не заинтересуется, но и будет отодвигать это на периферию жизни. Никогда рынок не наполнит хорошей настоящей здоровой литературой полки общедоступных библиотек. Никогда рынок не откроет путь на кино- и телеэкран настоящим, высокохудожественным, но некоммерческим произведениям искусства. Это должно делать государство. Поэтому компенсаторная функция государства именно в условиях рыночной экономики становится особо важной. Вместо этого мы с трудом произносим неологизм «разгосударствление», который фактически означает «сокращение сферы ответственности государства». В культуре это абсолютно невозможный тупиковый путь. Наоборот, там, где рынок обнаружил свои провалы, именно государство должно выручать, именно государство должно компенсировать.

Мне кажется, определённые шаги в этом направлении уже делаются. В частности, концепция «Президентской библиотеки» — это новое видение будущего не только культурного сообщества, но и всей нашей страны. И сейчас именно здесь нужно делать совершенно определённые шаги. Как пример приведу проект постановления правительства, который уже вынесен на рассмотрение. Суть его в том, чтобы сохранить издательство «Художественная литература» как государственное и на его основе создать базу издательского дела, обеспечить финансирование из бюджета и определить те самые приоритеты, определить те самые нравственные основы жизни нового молодого поколения. Это означает доленое финансирование

на первом этапе существования издательства, а в дальнейшем систематизированное приобретение и распространение тех тиражей, которые и будут доносить до народа настоящую высокую художественную литературу.

Сейчас мы вступили в полосу больших и возможных перемен. Я хочу, чтобы ваш Конгресс послужил для общества импульсом задуматься и повернуться лицом к тому, что является будущим.

Председатель Союза писателей РФ **Валерий Ганичев:**

— Уважаемые коллеги, разрешите огласить приветствие человека, известного и у нас в стране, и за её пределами. Об этом свидетельствует недавнее выступление Святейшего Патриарха в Страсбурге на Европейском экономическом сообществе, когда он без ложной толерантности назвал грех — грехом, беду — бедой. И Европа слушала, затаив дыхание. Мне доставляет удовольствие зачитать приветствие, потому что Союз писателей России является соучредителем Всемирного Русского Народного Собора, главой которого является Патриарх, а Председатель Союза писателей РФ — его заместителем:

«Дорогие братья и сёстры, уважаемые соотечественники!

Сердечно приветствую всех организаторов, участников и гостей Международного Конгресса писателей русского зарубежья «Русское слово — связующая нить времён».

Отрадно, что в нынешний год, объявленный в России Годом русского языка, в Москве при деятельном участии мэрии столицы, Международного сообщества писательских союзов, Союза писателей России проходит столь представительный и широкомасштабный писательский форум.

Несомненно, всяческого одобрения и поддержки заслуживает стремление писателей развивать и укреплять добрые отношения и творческие связи между соотечественниками, живущими в разных странах, на разных континентах нашей планеты.

Значение литературного творчества в деле формирования культуры и цивилизации трудно переоценить.

Поэтому роль художника слова, создающего яркие литературные образы, формирующие ментальность каждого человека и всего общества в целом, никогда не потеряет своей значимости.

Надеюсь, что эта важная встреча русских писателей будет иметь историческое значение, поможет лучше понять друг друга и осмыслить цели и задачи, стоящие сегодня перед литературным сообществом, а также послужит укреплению мира и согласия между людьми.

Желаю всем вам, дорогие братья и сестры, помощи Божией в ваших творческих дерзаниях, а настоящему Конгрессу — конструктивных дискуссий и плодотворной работы».

(Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II)

Конечно, есть смысл говорить и думать о ценности культуры и языка всегда. Когда И. С. Тургенев, великий мастер и кудесник русского языка, чувствитель его, сказал слово о русском языке, а вернее, пропел гимн ему, то было ясно, что этот призыв обращён не только к писателям. Он обратился к русскому языку как к опоре и надежде, фундаменту жизни: «Во дни сомнений и дни тягостных раздумий о судьбах нашей Родины...» Я думаю, что это напоминает сегодняшние времена.

Организаторы Конгресса считают себя наследниками великой русской классической литературы, теми, кто считает необходимым сохранять красоту и достоинство русской речи, русского языка, не опуская его до уровня подворотни, пошлости, цинизма, прикрываясь при этом псевдонародностью и, якобы, рачительным отношением к охранительности его.

Скажу откровенно, русскому языку грозит опасность, так же как, я думаю, и другим языкам мира. Сегодня, в начале XXI века — это насаждение англоязычных слов. Мы не выступаем против английского языка. Это было бы глупо, выглядело бы ретроградством в эпоху, когда он имеет мировое значение как язык международного общения. Он для нас важен также как язык великой английской литературы Шекспира, Диккенса, Бернарда Шоу и других великих гигантов английской словесности. Но только невежество и низкопоклонство требует заменять русские слова английскими во всех случаях.

Исторические, нравственные ценности попытались подменить сиюминутной наживой и прибылью. Идеальным устремлениям, свойственным русскому народу и нашей литературе, появилась замена в виде материального. Известно много примеров. Достаточно и одного. Русское слово «убийца», или «убивец», заменено словом «киллер».

Мы не против заимствований технических, экономических или медицинских терминов. Но мы против внесения путаницы, подмены иностранным словом сущностного понятия. Мы поддерживаем усилия французского общества и властей, которые защищают великий французский язык системой законов.

Я вношу предложение от имени секретариата Союза писателей обратиться к Президенту Путину с предложением принять закон, который объявлял бы русский язык национальной святыней нашего народа. Необходимо придать ему такой статус и на законодательном уровне, обеспечить соответствующие этому статусу уважение и защиту.

На своих пленумах, встречах мы выступали и не раз обращались к власти, обществу, средствам массовой информации с требованиями защитить русский язык, не дать рассосаться ему в потоках иноязычия, сквернословия, модного похабства и словоложества. Достаточно вспомнить, что в 1994 году вместе с Русской Православной Церковью мы проводили Собор в защиту русского языка. Журналы «Наш современник», «Москва», «Роман-журнал XXI век», «Литературная газета» — выступали. Иногда казалось: впустую эти выступления. Но наши пламенные речи дошли до слуха властей, и 2007 год был объявлен Президентом Российской Федерации Годом русского языка. Воспользовалось ли наше общество в полной мере этой возможностью? Пожалуй, что нет. А ведь это был по существу национальный проект.

Мы обратились к правительству с целым рядом вопросов, с целым рядом предложений. Скажу об одном только: о защите буквы «ё». Мелкий вопрос? Нет! Ещё какой крупный! От русского языка отщипывались в результате варваризации языка, а их у нас было три: Петровская, послереволюционная и нынешняя перестроечная — ряд букв. Сейчас покушаются на букву «ё». К нашей великой радости правительство приняло решение защитить букву «ё». Все обязаны употреблять, во всех изданиях. Можем же? Можем!

Я сейчас прилетел из Дамаска, с Ближнего Востока. Хочу сказать, что это — оазис русского языка. Палестинским обществом созданы сотни школ русского языка. В кафе Дамаска идут оживлённые споры о Пушкине, Достоевском, Гоголе, Шолохове. Это трогает и умиляет, и требует подвижничества от нас — писателей.

И так ясно, что самая большая, многолетняя инвестиция за пределами нашей страны — не газ, не нефть, не лес, не металл, а русская литература, русское слово, которое вправе рассчитывать на самое высокое внимание и внутри страны.

Я приветствую вас, дорогие друзья, коллеги, сеятели русского слова. Всех, кто представляет литературу братских наших народов, и склоняю голову перед теми, кто служит русской литературе.

Ведущий предоставил слово **иноку Всеволоду**:

— Дорогие друзья, позвольте зачитать приветствие духовного главы всей русской церковной эмиграции Митрополита Лавра. Это знаменательное, знаковое историческое событие, которое раньше было невозможно. Мы понимаем с вами, что дальнейшее возрождение России на путях исторических, в духе дореволюционной России, невозможно без единства народа в Отечестве и в Зарубежье. И поэтому событие, произошедшее в мае: объединение Русской Православной Церкви за рубежом и Русской Православной Церкви, находящейся в Отечестве, событие очень духовно и мистически важное для дальнейшего пути возрождения России.

«Дорогие о Господе устроители и участники Международного Конгресса писателей, позвольте поприветствовать вас от лица нашей Русской Зарубежной Церкви. Вам, как служителям слова, хорошо известна его великая сила. Множество примеров силы слова приведено в Священном Писании. Именно об этих примерах говорит замечательный русский поэт-монархист Николай Гумилёв:

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Своё, тогда
Солнце останавливали словом,

Но известна вам и великая ответственность тех, кто владеет этим оружием слова, ибо словом можно оживить, но можно и ранить. Сказано в Священном Писании: «От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (Мф. 12, 37).

Желаю вам созидать словом, лечить души людей, честно описывать современность и события прошлого, говорить о вечных истинах. Всё это возможно лишь на путях служения Тому Единому Слову, о котором говорится в первых строках Евангелия от Иоанна: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть. В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Иоанн, 1, 1—4).

Отрадно, что ныне в России большое внимание уделяется русской диаспоре. Ваш Конгресс объединил и собрал писателей русского Зарубежья. Наши первые первопроходцы-эмигранты, первые послереволюционные изгнанники действительно не имели никакого другого достоинства, кроме русского слова.

И вам, приехавшим из стран Ближнего и Дальнего Зарубежья, вероятно, известна нелёгкая участь служителей русского слова, находящихся в народной среде. Желаю вам с помощью Божьей оставаться на своём поприще, несмотря на все трудности.

Знаменательно, что ваш Конгресс назван: «Русское слово — связующая нить времён». Ведь ныне нашему народу очень важно установить связь с дореволюционной Святой Русью. Нить русского слова и в самом деле связывает все поколения русского народа, связывает прошлое с настоящим, связывает всех нас во Отечестве и в рассеянии суицях.

Божье благословение и помощь да пребудут на трудах вашего Конгресса. И пусть слова, исходящие из-под вашего пера, будут просвещены светом Бога Любви, в чём и будет состоять залог их силы и бессмертия».

*(Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви
Митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Лавр)*

Чингиз Айтматов, народный писатель Киргизской Республики:

— Я придаю этому Конгрессу особое значение. Хочу прибегнуть к народному изречению: «Мы все с вами пастухи слова». И поэтому у нас общие заботы, общие страсти, общее пространство, и мы должны делать своё дело. В регионе Центральной Азии русский язык — один из основополагающих языков, содействующий развитию современных национальных культур. Это большая тема, особое исследование. Давно нам уже нужно было так собраться, давно назрела необходимость осмыслить, что происходит с нашими литературами, и прежде всего с русским языком. У подобных мероприятий должна непременно быть преемственность.

Егор Исаев, поэт, лауреат Ленинской премии:

— Дорогие друзья, товарищи, я из того времени, в котором «товарищ» было первым словом в общении. Эта традиция пошла от Пушкина, от «Варяга» и от нашей песни «Степь да степь кругом, путь далёк лежит», «Ты, товарищ мой, не попомни зла». Не люблю кокетливое, артистическое слово «господа». Я сейчас, кроме себя, никого не возглавляю. Возглавляю свою работу, своё дарование или способность контактировать с пером. Можно словом прозы подумать вместе с вами о том, что делается сейчас в сфере литературы и культуры. Но я об этом пишу стихи:

Вначале было слово, да.
Оно сильней и мимики, и жеста.
Насущное, как хлеб и как вода,
И яркое, как тот петух с насеста.
Люблю слова, в которых смысл и вес,
В которых чисто, но отнюдь не голо.
Я сам словесник, но боюсь словес.
Да здравствует пришествие глагола.

Народный писатель Казахстана **Олжас Сулейменов** — спокойно, уверенно и доверительно:

— Я семнадцать лет не был вот в этом здании, в этом зале, где кипели страсти. Все пленумы наши здесь проходили. Какие диспуты устраивали, какие светлые умы здесь вещали с этих трибун. А вот сегодня мы собрались и выяснилось, что ЦДЛ в частных руках, в руках рынка. Когда Сергей Владимирович начал свою речь, что-то там отключилось, погас свет. Вот в этих деталях кроется дьявол. Вот этими дьявольскими деталями иллюстрируется судьба нашей литературы.

Когда распался Союз, республики начали активно входить во внешний мир. И рвались связи со вчерашними нашими братскими народами. Сейчас мы, видимо, избегаем выражения «дружба народов». Был такой орден — «Дружба народов». Сейчас просто «Дружбы», уже без народов.

Я очень рад, что заговорили о государственной художественной литературе. Это крупный, значительный шаг. Таким образом, что-то уже делается. Безусловно, делается. И опыт, накопленный нашей литературой, должен обязательно вылиться в качественные произведения. Мы должны рассказать о нашем времени не этими бульварными книжками, которые заполнили магазины, а весомой, хорошей, серьёзной литературой.

Мы за эти семнадцать лет в республиках больше занимались политикой, писали статьи, выступали на митингах, успокаивали. Наши народы искали свой путь в будущее, искали национальную идею. И очень часто, чтобы эта национальная идея не выродилась в элементарный национализм, нам приходилось, как говорится, наступать на горло собственной песне, вести оперативную работу, политическую работу. Это отнимало у нас время, но сохраняло наши народы от трагических ошибок, которых не избежали в республиках. Я счастлив, что нам удалось удержать ситуацию. Мы начали по-новому понимать, что такое «независимость», что такое «зависимость». И мы поняли, что независимость не может быть конечной целью развития национально-освободительного и прочих движений.

Независимость — это не тупик, это период, переходный период к эпохе осознанной взаимозависимости. (Аплодисменты.)

Спасибо вам за то, что вы поняли, потому что к этому надо прийти. Словесно никого не убедишь.

Как-то я сказал своему другу: «Все мы кочевники. Мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом». Мы должны узнавать и узнаём себя только в другом. Сами в себе мы себя не знаем. Таков путь личности. Таков путь развития народа. И вот этот путь должна обобщённо показывать литература.

Направил своё приветствие в адрес Конгресса и Глава Республики Карелия **Сергей Катанандов**:

«От себя лично и от имени жителей Республики Карелия разрешите приветствовать участников Конгресса писателей русского зарубежья.»

Республика Карелия — республика многонациональная. У нас проживают карелы, финны, русские, ингерманландцы, белорусы, украинцы. Представители разных конфессий, вероисповедований. Сохраняя традиции, культуру и язык своих народов, они говорят и пишут на родном языке.

Однако всем нам русский язык помогает сохранить то главное, без чего не может существовать нация — единую историю и культуру. Карельские писатели собирают и нанизывают редкие северные жемчужины родного языка на нить-основу — глубинную чистоту и сокровенность русского слова — как отражения русской души.

Прозрачные ручейки национальных языков объединяются в единое мощное неиссыхающее русло, наполняя собой, делая великим Русское слово.

Настоящий Конгресс тем более важен и значим, что даже вдали от Родины писатели остались верны главным непреходящим ценностям, тем они дороги и интересны русскому читателю.

Приветствую писателей русского зарубежья, которые сохраняют и обогащают наш великий, могучий, интегрирующий русский язык.

Почётно присутствовать на таком авторитетном форуме в качестве участника. Это живая история. Это ориентир. Это информация к размышлению.

За последние десятилетия российские писатели по достоинству могли оценить только две модели взаимоотношений государства и мастеров слова:

Советская, или «вездесущая».

Она включала создание в 1925 году самой страшной в истории русской литературы организации — РАПП, Российской ассоциации пролетарских писателей. Для этой модели был характерен не только тотальный партийный контроль над литературой, но и собственно управление писательским процессом, бытом, работой и личной жизнью писателей. Контролирующие органы меняли свои названия, но не суть, вплоть до развала СССР.

Был единый писательский союз на всю страну, но деятельность по редактированию слова не ограничивалась только его рамками и выходила далеко за пределы. Писатели не всегда могли похвастаться лояльностью со стороны власти по отношению персонально к каждому, однако в равнодушии её не мог обвинить никто. Авторы, начинающие и маститые, эмигрировавшие за границу и не помышлявшие об отъезде, пролетарские и «буржуазные», имеющие за спиной множество публикаций и те, кто на них не рассчитывал: Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Иван Бунин, Алексей Толстой, Сергей Довлатов, Василий Шукшин, Валентин Распутин — каждого власть одаривала знаком внимания. Кому грамоту, спецпаёк, государственную премию, а кому изгнание, пулю в висок, порцию яда либо просто увесистую затрещину.

Модель вторая, постсоветская — «равнодушная».

Власть была занята разделом природных богатств, ей не было дела до всяких там глупостей. Союзы писателей вырастали по инициативе «снизу», как домны по выплавке чугуна в Китае во время культурной революции (в одной Карелии четыре Союза). Почти полностью отсутствовала финансовая поддержка писательского служения. Поговаривали, что невозможно было донести информацию о своих литературных работах посредством телеканалов, если текст не содержал пропаганды однополой любви или педофилии. (Своего рода «пропуска».)

Однако при всей кажущейся разнице двух моделей — душок у них один: государство относилось к мастерам слова дёшево и сердито.

Неискушённый наблюдатель может возмутиться позицией писательского братства: «Вам и то не нравится, и это... Хватит капризничать!»

Да, в общем-то, никто и не капризничал. Более того, никто ничего уже и не ждал.

И вдруг...

По просветлённым лицам участников Конгресса, по радостному блеску в глазах, по интересу к докладам я понял, что присутствую при явлении особом в своём роде. Происходило то, о чём ещё вчера никто не мог даже мечтать... При мне закладывалась новая система взаимоотношений власти и литераторов, и власть сделала свой шаг к сотрудничеству первой.

Люди творческие тонко чувствуют любые изменения в политике либо намерения к ним. И они тут же раскрылись, пошли навстречу.

Проект тогда обречён на удачу, когда каждая из сторон осознаёт степень своей выгоды от его успешной реализации. И, судя по всему, власть осознала необходимость участия в судьбе русского слова.

На протяжении восьми лет я работаю на оборонном заводе. Наша продукция — военные противоминные корабли. Они обеспечивают развёртывание стратегических ядерных сил флота (МСЯС). Какое отношение имеют вопросы нравственности к «оборонке», к управлению производственным процессом?

Прямое.

Один только труд превращает обезьяну в уставшую обезьяну. Человек — категория нравственная. Я убедился, что известный метод управления «кнута и пряника» не эффективен. Это

скорее не метод управления — это закон дрессировки, и успешно применяется он разве что укротителями при показе на публике вышколенности своих питомцев. А когда перед тобой люди... Тогда задачи стоят многократно сложнее, чем необходимость прямохождения, — тут муштра не поможет. В данном случае требуется совсем иной подход. И я считаю, что, не затронув вопросов нравственности, не удастся добиться устойчивых положительных результатов ни в процессе воспитания, ни в процессе управления крупным производственным коллективом.

Сказанное в равной степени относится и к управлению страной.

Командой нашего общего хрупкого космического корабля под названием «Земля» невозможно управлять джойстиком. Не просто важно — крайне необходимо, чтобы каждый человек осознал степень собственной ответственности за порученное дело, личную заинтересованность в уюте и тепле нашего общего дома.

Тогда, если это так, первым шагом являются самоанализ, сочувствие ближнему, терпимость. И, по-моему, стоит делать и первый шаг в этом направлении, и второй, и последующие, чтобы люди в состоянии были приподняться над повседневным и стать способными Любить.

А всё это — сфера влияния Слова.

Начался Конгресс едва ли не под музыку траурного марша, а закончился ликующим Гимном Русскому Слову. Видно, не беда, если начнут за упокой, главное — кончить за здравие!

*

Москва, 19 ноября 2007 года

Когда расступаются облака

Издательский Дом «Кислер компани» совместно с Международным сообществом писательских союзов учредили литературную премию «Облака» им. С. В. Михалкова. А 18 марта в Москве, в конференц-зале МСПС, состоялась торжественная церемония награждения лауреатов 2007 года.

В номинации «Лучшая книга года. Крупная проза» премия присуждена С. В. Михалкову за книгу «Что такое счастье?» В номинации «Лучшая книга года. Повести и рассказы (малая проза)» — карельскому писателю Александру Костюнину, больше известному «в миру» как Председатель совета директоров оборонного завода «Авангард», за книгу «В купели белой ночи».

Сергей Михалков... Это имя откуда-то из далёкого радостного детства: мы познакомились с ним одновременно с самыми дорогими словами, с первыми строчками самостоятельно, по слогам, прочитанных книг. Но в звании «Поэт Михалков» — не только ностальгия по детству. В нём слышится отзвук истории нашей великой страны.

Перед началом церемонии награждения ведущий попросил:

– Сергей Владимирович, расскажите нам что-нибудь интересное из своей жизни.

Мэтр детской литературы выдержал паузу и откровенно поделился с нами:

— Вы знаете, так вот живёшь, живёшь... В моей жизни было много встреч. Самая памятная для меня, оставившая большое впечатление в моей жизни, — это встреча со Сталиным... Мне было тогда не так много лет. Это было в сорок третьем году. Осенью, когда утверждали Гимн Советского Союза, я имел возможность, которую далеко не все имели: я сидел с ним рядом.

Отдельные фразы, отдельные мысли я помню до сих пор.

Когда кто-то из присутствующих, их было немного, предложил выпить за товарища Сталина, Сталин повернулся ко мне и попросил: «Вы не пейте, а то с Вами неинтересно будет разговаривать». Это правда. Я запомнил это на всю жизнь.

Сталин тогда ещё спросил меня: «Вы член партии?» — «Нет. Я беспартийный». Он помолчал: «Было время, и я был беспартийным».

Это был очень мудрый человек. Вокруг него складывались легенды.

Несколько часов мы просидели с ним рядом. И шёл разговор о жизни, о литературе, о детской поэзии. И когда я уходил, Сталин меня провожал до дверей и сказал: «Теперь у нас есть Государственный гимн СССР».

Когда я приехал домой, было уже часов пять утра. Мама спрашивает: «Ты где был?!» — Сергей Михалков интонацией передал разгневанный окрик матери, задавшей вечный вопрос всех мам. — Я отвечаю: «Со Сталиным». Она мне: «Ну, ложись спать. Завтра разберёмся».

Это была одна из многих встреч, где я чувствовал себя абсолютно раскованным, допускал немыслимые по тому времени шутки. Шла война, сорок третий год. С кем бы я после этого ни встречался, с кем бы ни разговаривал, эта встреча наложила на мой характер, на мою психологию определённый отпечаток. Жизнь обошла меня своими чёрными местами.

Дорогие друзья, что я вам посоветую...

Во-первых, жить долго. Вообще, вы знаете, прожить долго — это счастье! Но прожить ещё и творчески, прожить, думая о будущем, — счастье особое. Об этом моя новая книга. Я посоветую вам жить честной жизнью, чтобы у вас не было на совести какого-то поступка, который бы угнетал вас потом всю жизнь. У меня на совести такого поступка нет. Я сплю спокойно. Я только нервничаю перед такими встречами, как сегодня с вами. Считаю, что так правильно...

Я желаю вам успехов в вашем творчестве, в том, что вы пишете, в том, чем вы пишете. Честно вам скажу: я люблю вас, дорогие товарищи! Именно «товарищи», а не «дамы» и «господа».

Быть отмеченным в одной из номинаций «Лучшая книга года» — для меня огромная честь. Невольно анализирую: случайность данное событие или нет? Ведь по своей основной профессии я — оборонщик, а не филолог.

Мои первые пробы пера относятся к публицистике.

А началось всё так: в городе Ростов-на-Дону проходила общероссийская конференция «О состоянии и мерах по повышению качества вооружения и военной техники». Я тоже принимал в ней участие. Два дня выступающие сменяли друг друга, обсуждая отраслевые проблемы и пути их решения. Вопросы поднимались острые... Когда всё закончилось, участники разъехались по домам: по министерствам, институтам, оборонным предприятиям.

Вернулся на завод и я. Приступил к исполнению своих служебных обязанностей.

Но чувствую: возвратился я из командировки, после всего услышанного, какой-то другой. Хотя «вроде — всё как всегда: то же небо — опять голубое...» К этому можно добавить, хоть и не в рифму, «и те же проблемы». У руководителя их хватает: кадры, финансы, заказы, налоги... (Только успевай поворачиваться!)

Я не мог найти себе места. День, второй, неделю. Во мне ломка какая-то... Груз на душе.

Всё, больше не могу.

Случайно присел к компьютеру. Просто так. Просто набрать пару тезисов, из тех, что обсуждались на форуме. И не смог оторваться. Пальцы сами бежали по клавиатуре, пытаюсь догнать мысли, которые созрели, забродили и наверняка разорвали бы мою сущность изнутри, не дай я им выхода. Два часа пролетели, как один миг. Нажата кнопка «печать», и передо мной на листах белой бумаги появилась статья: «Своим оборонка «плечи не тянет»!

Ещё какое-то время сидел в истоме, испытывая облегчение от сброшенной тяжести. Наслаждение чисто физиологическое, только потом моральное.

Выговорился. Отпустило!

Неделя редакторской правки. Отправил статью в журнал. Всё. Нормальный человек. Можно плодотворно работать, пока опять не прихватило.

Это сейчас всё изменилось в экономике страны. А ведь был период, когда объём отечественного производства в машиностроении стремился к нулю. «Сложно сделать процесс захватывающим, когда результат никому не нужен». Решение производственных задач, «собственно работа», подменялась «как бы работой», обильной перепиской «как бы о ней», рапортами, витиеватыми служебными записками, мечтами во сне и наяву... Это, в свою очередь, развивало и навыки иные. Совсем не инженерную смекалку, не интуицию, направленную на управление процессом производства...

Директора ОПК меняли специализацию, невольно превращаясь в виртуозов эпистолярного жанра, в фантастов и сказочников. Изошрённых сочинителей самого широкого профиля.

Меня этот процесс тоже затронул.

За два года были написаны статьи: «Российская оборонка против «контрольного выстрела», «Партизанские методы исполнения Государственного оборонного заказа», «Карелия финская и наша», «Жив ли русский медведь?», «Где находится выключатель у русского Чудо-оружия?» и другие.

Однако сфера обороны — тема закрытая. Я стал чувствовать себя как персонаж из рассказа Жванецкого: «Вот на заводе номер восемь дробь шесть, в общем, на одном из наших предприятий, конструктор Серафим Михайлович... В общем, один чудак, изобрёл машину для этого... В общем, не дураки сидят!»

С каждым годом приходилось всё больше использовать междометия и многоточия... Всё чаще переходить на внутренний монолог. (Зачастую нецензурный.) А раз так, то ну его вообще...

Свою потребность писать я направил в мирное, гражданское русло. «Рукавичка», «Орфей и Прима», «Офицер запаса» — мои первые рассказы. А. М. Горький начинающим писателям рекомендовал идти «в люди», изучать жизнь. У меня процесс обратный: впечатлений хватает, нужно только положить их на бумагу.

Получив высокую награду, я, волнуясь, поблагодарил председателя жюри:

— Сергей Владимирович, спасибо Вам за признание моей книги, за высокую оценку начинающего писателя!

— Вы писатель не начинающий. Вы своего читателя уже завоевали. Вы хороший рассказчик. Я желаю Вам того, чего и всем: долгой творческой жизни!

А на прощание легендарный поэт дал мне поручение: зачитать его приветственное слово на празднике «Недели детской и юношеской книги» в Республике Карелия. Вот этот текст:

«Дорогие друзья!

Поздравляю всех вас с открытием Книжкиной недели! Недавно мне исполнилось 95 лет. Вся моя творческая жизнь прошла в служении русскому слову, детской литературе. Нет ничего более волшебного, загадочного и полезного, чем книга. Это — наш самый верный и близкий друг, она с нами с раннего детства и до глубокой старости.

Книга помогает человеку стать честным, смелым, найти верную дорогу в жизни.

За свою жизнь я написал много детских книг, ещё больше прочитал, но уверен, что самая лучшая книга впереди.

Найдите свою книгу. Самую главную, самую нужную. Она непременно поможет вам лучше понять жизнь, создать ту повесть, имя которой — достойная жизнь. Именно вам предстоит вписать свои дела золотыми буквами в судьбу своего города, своей Республики Карелия, всей нашей любимой Родины.

Желаю всем здоровья, счастья, мира и дружбы.

Ваш Сергей Михалков»

23 марта в Национальном театре Республики Карелия состоялся праздник. Зал был полон детей. Я с гордостью выполнил данное поручение.

И ребята, и взрослые встретили послание с откровенной радостью, как луч весеннего солнца, пробившийся меж облаков.

*

Петрозаводск, 23 марта 2008 года

Десять дней, которые упрочили мир

В рамках Года Болгарии в России, в целях создания и расширения прямых контактов между писателями и журналистами, поиска новых форм и способов развития сотрудничества между нашими странами в экономической и гуманитарной сферах, по линии МИД РФ был организован «Российско-болгарский диалог писателей и представителей СМИ».

В период с 3 по 13 сентября 2009 года на теплоходе «Илья Репин» участники проекта совершили путешествие по Волге в города Углич, Ярославль, Нижний Новгород, Чебоксары, Казань, Тольятти и Самару. На теплоходе состоялись творческие встречи с писателями, семинары, круглые столы и дискуссии по актуальным вопросам современности. В городах, по маршруту следования, были организованы встречи с представителями администраций и региональных СМИ.

Из Республики Карелия в составе делегации был писатель Александр Костюнин.

Когда пользователь убеждён, что все проблемы компьютера можно решить путём банальной перезагрузки, растерянно замолкаешь. Замыкаешься. Уходишь в себя. Пропадает желание продолжать разговор, углубляясь в специальную тематику. Такого человека трудно назвать «продвинутым пользователем». Это скорее «чайник»!

А сфера международных отношений устроена, однако, посложней, чем запрограммированное железо. И здесь перезагрузкой тем более не обойтись.

Россия и Болгария.

Взаимоотношения двух народов, двух государств.

Не хочется называть отношения братскими, чтобы не бросить на них тень (ведь история знает и таких двух родных братьев, как Каин и Авель). Но связка между нашими народами происходит из глубины веков — несомненно!

Резкие, кардинальные перемены последних десятилетий в мире, конечно же, не обошли стороной и российско-болгарские отношения. В них возник перерыв, который не мог длиться бесконечно долго. Потребность в развитии двусторонних отношений была объективной и острой.

Подводя итог затянувшейся паузе, Президент Российской Федерации Владимир Путин на встрече с болгарским руководством в 2008 году отметил: «Мы вместе развиваем новые связи, отвечающие требованиям времени. Их вектор задают не идеологические догмы, а хорошо понятные национальные интересы, здоровый прагматизм, взаимное уважение и взаимная выгода».

Год 2008-й был объявлен Годом России в Болгарии, а 2009-й — Годом Болгарии в России. В рамках этих национальных мероприятий и состоялось наше увлекательное путешествие.

Путешествие не только и не столько по реке Волге.

Путешествие во времени.

История отношений между Россией и Болгарией, древняя и новейшая

Отношения между Россией и Болгарией за века не раз подвергались искушениям и серьёзным испытаниям. Случались размолвки: так дипломатические отношения, установленные 7 июля 1879 г., были прерваны 5 ноября 1886 г.; вновь восстановлены 2 февраля 1896 г., прерваны 22 апреля 1915 г.; с Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой (РСФСР) установлены в апреле 1918 г., прерваны в сентябре того же года; с СССР установлены 23 июля 1934 г., прерваны 5 сентября 1944 г., восстановлены 16 августа 1945 г.

13 января 1992 г. Российская Федерация объявила о том, что она продолжает осуществлять права и выполнять обязательства, проистекающие из международных договоров, заключённых от имени бывшего СССР.

Начало 90-х — период, когда наступило очень серьёзное охлаждение между нашими странами, когда болгарское правительство хотело убежать как можно дальше от советской власти. 23 октября 1991 г. в Москве подписали Протокол об установлении дипломатических отношений между РСФСР и Болгарией. Однако содержащиеся в протоколе договорённости развития не

получили. Стороны диппредставительствами не обменивались, а интересы России в Болгарии представляло посольство СССР.

Болгария позднее всех других участниц СЭВ стартовала на пути демократического преобразования общества и либерализации плановой экономики. Но, избрав этот путь, пошла по нему без оглядки. Преобразования были не половинчатыми. Масштабными! Как после фальстарта народ вернулся к начальной точке и... всё по-новой... В 1991 г. принята новая конституция, политические партии восстановлены, собственность, отнятая в 1947 г., возвращена, начинается процесс приватизации и передачи земли прежним хозяевам. Основным приоритетом во внешней политике Болгарии стало вступление в Европейский союз и в НАТО.

Болгарии не удалось миновать «охоты на ведьм», в ходе которой жертвами оказались многие члены Болгарской коммунистической партии, без учёта их личных качеств и вклада, принесённого на благо страны. В целом этот процесс состоялся по всем правилам кровного мщения, сформулированным в апреле 1991 года в другой стране бывшего соцлагеря, на заседании Всепольского гражданского комитета: «Нет никаких моральных преград в борьбе с коммунистами - надо вести с ними борьбу повсюду и на каждом шагу, преследовать и карать». А поскольку коммунизм в глазах болгарского обывателя ассоциировался прежде всего с СССР (впоследствии с его правопреемником — Россией), то часть этой ненависти и слепой неуправляемой ярости вылилась и на двусторонние отношения недавних «братских народов».

«Уже в 1990 году мало у кого вызывали удивление и непонимание варварски облитые красной краской памятники советским солдатам-освободителям, антироссийские лозунги в средствах массовой информации, участвовавшие демонстрации у зданий российских зарубежных представительств. Не только болгарская внешняя политика, но и экономика сделала, насколько это было возможно, резкий крен в ориентации». [Москва — 1997, Зенкин Д. В.]

К чему это привело?

По словам представителя болгарской делегации, «вместо старшего брата у нас появился хозяин». Да ещё исчезли с российских рынков болгарские сигареты, консервы и вино.

Болгарии, конечно, далеко до статуса державы с высокоразвитой технологией производства. И всё же, и всё же...

На сегодняшний день 90% российского экспорта в Болгарию составляют продукты энергетики. А вот основные позиции болгарского экспорта в Россию таковы: машины и оборудование — 20%, медикаменты — 17%, парфюмерно-косметические товары — 15%, зубная паста — 8%, вино — до 2%.

Машины и оборудование в российском экспорте в Болгарию составляют лишь 6%.

Выводы делать не хочется...

День сегодняшний

Осталось ли после бракоразводного процесса то, что нас объединяет?

Да!

Общие духовные и культурные традиции, языковая близость, в основе которой — великий подвиг равночтимых святых Кирилла и Мефодия.

Наши народы сближают героические страницы освободительной борьбы с Османской империей, когда рука об руку с болгарскими ополченцами русская армия пядь за пядью отвоевала свободу и независимость балканской страны. С насилием славянского населения, которое продолжалось пять веков, было покончено, а презрительная кличка «райя» (стадо) ушла в прошлое. В годы Второй мировой войны Советская Армия помогла болгарскому народу освободиться от фашистской оккупации.

Сейчас в Болгарии вновь почитают наши общие ценности и свято хранят память о боевой доблести русского солдата — от Шипки до легендарного Алёши в Пловдиве.

А стержнем духовной близости российского и болгарского народов является, без сомнения, православная вера.

В советский период русские и болгары чувствовали себя родными людьми. Обращение «братушки» не было наигранным. И хотя у нас в стране бытовала поговорка «курица — не птица, Болгария — не заграница», она лишь подчёркивала схожесть государственного устройства двух стран и крепость дружбы народов.

Ещё и сейчас в России и Болгарии проживает много людей, которые испытывают ностальгию по советскому периоду. Это очень понятно. Задушевные песни под летним звёздным небом, чувство духовного единения, молодость, наконец...

Разве кто-нибудь свою молодость вспоминает дурно?

Однако, ради справедливости, стоит подчеркнуть: реанимировать прежнюю политическую систему большинство населения всё же не хочет.

Не для этого её меняли...

Очевидец революции в Чехословакии и Болгарии болгарский философ Васил Проданов в статье «Революция ровно в двенадцать» описывает увиденное так:

«27 ноября 1989 года в 12 часов страна (Чехословакия) остановилась, прекратили работу заводы и предприятия, магазины и транспорт. Миллионы человек вышли на улицы. Митинги, речи, лозунги. В 14 часов всё закончилось, и люди вернулись на работу.

В результате Коммунистическая партия Чехословакии объявила, что она расстаётся со своей монополией на политическую власть в стране. Мы со знакомым вышли погулять. Магазины были открыты, транспорт работал, шла обычная жизнь, как будто ничего не произошло. На улицах было чисто и убрано. По тротуарам — ни бумажки, не говоря уже о перевёрнутых мусорных ящиках или каких-либо разрушениях.

Позднее, в 1990 г., уже в Болгарии, я вспомнил об этом, когда смотрел, как сжигали Дом Партии и бушующая толпа выносила оттуда компьютеры, колбасу и разные бессмысленные вещи. Это же повторилось и при взятии штурмом и разграблении болгарского парламента в 1997 г.»

Теперь коммунистический режим для наших стран — история.

И наличие демократических форм государственного правления в России и Болгарии — достаточно устойчивая идеологическая платформа для выстраивания современной модели двустороннего сотрудничества.

Болгарское государство и большинство россиян опрометью бежали прочь от всего «красного», считая, что с каждым шагом приближаются к счастью...

То, что у нас получилось в результате создания новых государств... несколько обескураживает. Мечталось о другом. Пока трудно в этих «гадких утятах» признать величавых белых лебедей.

Но это, надеюсь, пока.

Решение моих сограждан избрать демократический цивилизованный путь развития не было спонтанным. Каждый раз они подтверждают свою позицию, голосуя на выборах Президента Российской Федерации и представительных органов государственной власти за то, чтобы впредь ни Родина не «краснела», ни нам не приходилось краснеть за неё. Граждане новой России расхотели строить свою «Северную Корею», предпочитая наблюдать за их бравыми речёвками по телевизору.

И это право россияне отстояли ценой собственной жизни на площади перед Белым домом в Москве, заставив траки советских танков забуксовать в людских телах...

Рухнул мировой социалистический лагерь, были ликвидированы Совет Экономической Взаимопомощи и Организация Варшавского договора. Слеплённые идеалистически-радужными мечтами, долгожданным счастьем, мы надеялись на взаимность со стороны болгарского народа.

А в итоге...

29 марта 2004 г. Республика Болгария вместе с Эстонией, Латвией, Литвой, Румынией, Словакией и Словенией присоединилась к Североатлантическому пакту.

Не хочется проводить историческую аналогию, но она напрашивается невольно: во время Второй мировой войны Болгария являлась союзником фашистской Германии. И вот мы опять по разные стороны... Если не баррикад, то, во всяком случае, понимания того, как нужно выстраивать систему безопасности в современном мире.

Задел на день завтрашний

Именно для того чтобы по гуманитарной линии наладить взаимодействие между Россией и Болгарией, привнести свежую струю, придать импульс развитию добрососедских отношений, и

был задействован главный резерв из области народной дипломатии — неформальный диалог писателей.

Имена российских и болгарских кудесников слова, включённых в состав делегации, в особой рекламе не нуждаются. Они известны всем ценителям литературы. Это, например, Николай Петев — Председатель Союза болгарских писателей; Воймир Асенов — автор восемнадцати сборников стихов; Красин Химирски, Никола Инджов, Христофор Тзавелла. С российской стороны: прозаик, режиссёр и драматург — Иванов-Таганский; писатель, поэт — Владимир Масалов; издатель — Евгений Степанов, поэты Владимир Дагуров и Баяр Жигмытов.

Творческим людям было предложено провести дискуссии по широкому кругу вопросов. Организаторы не стали мелочиться и сформировали повестку круглого стола по аналогии с G20: «Энергетика и политика: как оптимально сотрудничать России и Болгарии?», «Сотрудничество в регионе Чёрного моря — проблемы и решения», «Новая Европа — как сделать её безопасной для всех?». Одним словом, мы сразу «замахнулись на Вильяма нашего, Шекспира».

Загадкой было: как будут выкручиваться писатели? Что смогут лирики ответить на экзамене по международной проблематике?

Смогли вот!

И сделали это достойно.

Воистину: «Талантливый человек — талантлив во всём!» Была и ещё одна причина компетентности. Стоило чуть поскрести мастеров пера, выяснялось: до той поры, как заняться литературой, они были в гуще реальной жизни. Эти поэты и прозаики «до того, как» служили на дипломатических и административных должностях, были педагогами и учёными, медиками и производственниками.

А ещё, помимо напряжённых дискуссий, были встречи на улицах с обычными людьми.

Снежане Тодоровой, главному секретарю Союза журналистов Болгарии, ярче всего запомнилась беседа с женщиной, которая подошла на улице в Казани и запросто рассказала историю своей жизни. А Йорда Милева, поэта, застал врасплох прямой вопрос продавщицы на рынке в Чебоксарах: «Почему болгары отошли от нас?» И потом за круглым столом мы, все вместе, пытались найти на него ответ.

Болгарские писатели были поражены размахом матушки-России. Николай Петев на одной из встреч даже предположил, что, если бы Гитлеру до войны организовали экскурсию по Волге, он никогда бы не решился напасть на СССР.

Несколько болгарских писателей и журналистов ранее бывали в России и теперь подмечали позитивные перемены. Преображаются, принимая современный вид, города. Зачастую приметы нового времени соперничают с прошлым. Рядом с одетыми в строительные «леса» храмами идёт ремонт памятника В. И. Ленину — идеологу борьбы с религией. На одном обелиске памятная доска с надписью: «Борцам за советскую власть, павшим во время подавления белогвардейского мятежа в июле 1918 года», другой монумент — белогвардейскому адмиралу Колчаку.

Напутано. Пока ещё напутано. И в памятниках, и в головах, и в сердцах.

Были и забавные курьёзы: в Ярославле, старинном городе из ожерелья «Золотого кольца» России, выходит наша делегация с территории речного вокзала и видит рекламную растяжку. Отгадайте текст... Нет, не привет участникам российско-болгарского симпозиума... Ладно, не буду мучить... Посмотрите на фотоснимке.

И вот поездка подошла к концу.

Десять дней шли дискуссии, проходили литературные чтения, вместе мы посещали концерты, 9 сентября поздравляли болгар с Днём Победы в Великой Отечественной войне и даже отметили день рождения одной из участниц болгарской делегации — поэтессы Галины Гановой. В итоге официоз, некоторая настороженность, скованность и «прагматизм», которые отмечались в начале поездки, напрочь уступили место чувству коллективизма, дружбе и взаимным симпатиям, если не сказать больше.

Деятели культуры, конечно, реагируют на текущие события не так скоро, как политики, но зато, если уж между ними устанавливаются связи, — это навсегда. Как точно подметил Президент Лиги писателей Евразии В. Г. Бояринов: «Пока дружат поэты — дружат народы».

В далёком семнадцатом году революционная Россия послужила источником вдохновения для автора очерка «Десять дней, которые потрясли мир».

Убеждён, десять дней, проведённые в сотрудничестве с болгарскими коллегами, сделали мир чуточку добрее и крепче.

Атмосфера к концу форума стала чем-то смахивать на конец смены в пионерском лагере. Та же беззаботность, вызванная отсутствием «взрослых», то же веселье, тот же хор благодарности: «Спасибо поварам за наш последний ужин!» (К слову сказать, кухня работала отменно.)

А что касается «кухни» политической...

Выяснилось, что у двух славянских народов — болгарского и русского — есть свои вкусы, свои традиции. И безоглядно менять их на «фаст-фуд» и «Макдоналдс» ну просто нет никакого смысла. Свои рецепты укрепления дружбы и сотрудничества участники международного диалога передали политикам.

*

Москва, сентябрь 2009 года

Оборонно-промышленные заметки

Посвящается Офицеру и Настоящему человеку
Андрею Юрьевичу Бельянинову

От автора

Сегодня наша российская армия вновь обрела статус Непобедимой и Легендарной.
Оборонно-промышленный комплекс РФ стал для армии и флота, как и прежде, союзником надёжным, всесильным:

Что такое оружие?
Те же станки,
у которых колдуют рабочие люди —
солдаты. [1]

Однако так было не всегда.

Тяжело вспоминать лихие девяностые, когда оборонные заводы и фабрики владели убогим существованием. Сейчас, в 2012-м, в такое даже верится с трудом.

Но мы свою историю забывать не должны...

Это, какая-никакая гарантия, что впредь подобное не повторится. И, к тому же, тёмные пятна помогают оценить по достоинству то светлое, что героями-современниками сделано и делается.

Судьбу не выбирают.

Мне довелось работать на военном судостроительном заводе в годы бесславные. Во время перехода от социализма к капитализму.

Тогда из пятнадцати предприятий ОПК в Карелии четырнадцать уничтожили.
Не немцы, свои...

Наш завод «Авангард» оставался на плаву последним. Мы продолжали исполнять оборонный заказ страны и ни разу не сорвали его. О своих проблемах пытались докричаться до Федерального центра, до столицы нашей Родины — Москвы! Отправляли коллективные письма, я писал громкие статьи... Их замечали редко. Вокруг, казалось, были враги. Я сравнивал нашу команду с «Красной капеллой», работавшей в годы Второй Мировой. Только в СССР тогда наши отцы и деды заводы строили, а на наших глазах их уничтожали — стояла задача обнулить список оборонных производств. Задача эта была возведена в ранг Закона. А мы не сдавались. А мы такой закон соблюдать не желали. И, значит, сама деятельность наша становилась незаконной... А мои статьи, по статусу, скорее приближались к воспрещённым запискам о помощи «на волю». Документы подобного рода именуют «малявы».

Примечание:

[1] Жигулин Анатолий Владимирович

*

03.07.2012 года, Петрозаводск

Своим оборонка «плечи не тянет»!

В городе Ростов-на-Дону, который в последнее время принято называть южной столицей России, девятого и десятого февраля проходила общероссийская конференция «О состоянии и мерах по повышению качества вооружения и военной техники». Организаторами выступили Федеральная служба России по оборонному заказу, Аппарат полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном Федеральном округе и Министерство промышленности и энергетики Российской Федерации.

На конференцию были приглашены руководители оборонного комплекса страны, главы субъектов Российской Федерации, представители федеральных структур.

Глава Республики поручил от Карелии принять участие в этом мероприятии судостроительному заводу «Авангард».

Москва.

Ленинградский вокзал.

Машина из аппарата Председателя Организационного комитета с вежливым сотрудником.

Чартерный рейс «Москва — Ростов-на-Дону» с вылетом из правительственного аэропорта Чкаловский.

Полтора часа в пути: за разговорами они и в прямом и в переносном смысле пролетели быстро. Самолёт плавно коснулся посадочной полосы, вальяжно пробежал по бетонке и, будто бы нехотя сбросив скорость, почти вплотную, подкатил к зданию аэропорта.

За бортом лёгкий морозец. Солнышко.

Для участия в конференции зарегистрировалось 500 человек, в их числе более трёхсот представителей промышленных предприятий, составляющих оборонный комплекс России. Первый день — пленарное заседание, затем — работа по секциям.

С приветственным словом к участникам конференции выступили Дмитрий Козак (он зачитал приветствие от Президента России), Андрей Бельянинов, Александр Бурутин.

Была дана характеристика сегодняшнему положению в ОПК: объективная и потому отрицательная.

Хочется привести ряд тезисов:

- производственные мощности предприятий оборонки в ЮФО загружены на 5,7%;
- из года в год у руководителей наблюдается эффект обманутых ожиданий;
- ситуация не простая — она требует выработки адекватных решений, которые будут в немедленном порядке доложены Президенту Путину;

Следующим выступил Помощник Председателя Правительства Российской Федерации. Он присоединился к мнению предыдущих выступающих и, со своей стороны, отметил:

— Вопросы обеспечения Государственной безопасности актуальны. Мы и сами не раз их обсуждали на заседаниях Правительства... Ух-хы-хы... — от души, в голос, хохотнул он. С видимым усилием попытался стать серьезнее. Затем, поправив очки, добавил, — это вопрос очень важный!

В огромном зале не нашлось ни одного участника, кто подобный настрой поддержал бы и никто Помощнику Председателя Правительства Российской Федерации, даже из уважения к протоколу, аплодировать не стал.

В первый день на пленарном заседании было около тридцати докладов. Лично мне, как самые яркие, запомнились два: выступление «Хы-хы» и директора ФГУП «Московский институт теплотехники» Юрия Соломонова. Это предприятие имеет более пятисот смежников и производит ракеты — оружие ядерного сдерживания.

Большинство записавшихся уже выступили до него. Самые «крупные созвездия» представили слушателям свои графики и диаграммы на экране расплывчатого дисплея.

— И. Н., — обратился он к одному из «генералистских», — у меня такое впечатление, что вы сами не понимаете, о чём говорите. Какая там «средняя зарплата четырнадцать тысяч» (из зала крики оппонента). Она составляет по нашим смежникам, чтобы вы знали, семь тысяч рублей. Специалисты уходят из нашей отрасли в ларьки. Для производства ракет необходимо стекловолокно. Завод, который его производил, перестал существовать. Мы сейчас по килограммам делим. Вот закончится — больше нет предприятий в России, которые способны произвести данную продукцию! Ни одного... Вы слышите!!! (Не знаю, но мне отчего-то показалось, что он обращается и к каждому из нас). Ряд производств скуплен американскими фирмами. Результат тот же — уникальные разработки уничтожены. Налоговая система к предприятиям российского оборонного комплекса относится недружественно. (А к каким тогда дружественно?) Перед нами поставлены задачи. Я обращаюсь по запланированным платежам лично к Министру обороны Иванову. Договорился. Денег нет. Я — к Куделиной. Был два раза. Ничего. Я — к Грефу и Кудрину. Ну, с теми вообще невозможно ни о чём разговаривать... Они же ничего не понимают!

Да дело и не в деньгах... Ничего не изменится, пока сам Президент России не осознает необходимость этих преобразований.

Выступление начальника предприятия (он же генеральный конструктор), провожали аплодисментами. Без дирижёра. Не для телекамер. Сами. По убеждению.

День — второй. Работа по секциям.

С теми предприятиями, которые создают образцы вооружений, не имеющие аналогов в стране, проводились отдельные консультации.

Это имеет прямое отношение к нашему заводу.

Мы давно перестали соответствовать своему названию (хоть меняй). Когда говорят авангард — подразумевается, что это только передовой отряд, а за ним ещё ого-го! Основные силы.

Десять лет назад в Республике Карелия было пятнадцать оборонных предприятий — сейчас только одно наше; в стране ещё недавно было три подобных завода — теперь один. Выходит, мы не первые — мы **Единственные в России**.

Начиная с 2000 года на нашем заводе «Авангард» ежегодно растёт объём производства по основному профилю в среднем на 30—40%. Сохранён и укрепляется кадровый и производственный потенциал. Коллектив готов к выполнению более сложных задач.

При этом экономическое положение ОАО «Судостроительный завод «Авангард» продолжает оставаться сложным. Последствия обвального срыва платежей со стороны государства по оборонному заказу в 1995 году полностью преодолеть не удалось. В отношении завода регулярно предпринимаются попытки введения процедуры банкротства. Но российская практика убедительно свидетельствует: это приводит к мародёрству и, в конечном итоге, уничтожению производства.

Приведу два самых главных момента из ответных высказываний:

1. Укрепление обороны страны — проблема не только хозяйствующего субъекта. На дворе не 1995 год!

2. Попытки нанесения невосполнимого ущерба национальной безопасности России имеют место и в ряде других регионов. (А я думал, что «Безенчуки», среди высокопоставленных чиновников, имеются только в Петрозаводске.) Сейчас ситуация взята государством под полный контроль.

Укладываю вещи в багажник машины перед выездом в аэропорт.

Девчушка тащит маму за руку от ларька с американским мороженым, капризничает:

— Я не хочу этого, хочу нашего!..

*

Российская оборонка против «контрольного выстрела»

Что по этому поводу считает наука и практика?

Кто про что, а я опять про ОПК. Однако, в данном случае, утончённая натура пацифистов не будет травмирована.

Завод, на котором я работаю, строит и ремонтирует базовые тральщики проекта 12650. Это противоминные корабли. Без наших тральщиков и подводная лодка, хоть того «атомнее», и крейсер, хоть того «авионосней», — легкодоступные цели. В задачу именно наших кораблей входит не только в военное, но и в мирное время производить поиск и уничтожение мин на рейдах, в гаванях и прибрежных фарватерах.

Ни один пассажирский лайнер не может чувствовать себя в полной безопасности, выходя из бухты без сопровождения таких кораблей. Если у российского флота на вооружении будет в достатке тральщиков, не появится вторая серия фильма «72 метра». (Хотя это и ущемляет интересы проката.)

В какой степени высокая боевая готовность вооружённых сил помогает укреплять престиж страны на международной арене, судить не берусь. А на бытовом уровне, приходилось наблюдать не раз, приятельские отношения переходят в крепкую дружбу лишь после добротной взбучки.

Свою работу на заводе я совмещаю с учёбой.

Президентская программа. Группа «финансовый менеджмент».

Зачем этот менеджмент мне сдался при наличии двух дипломов о получении высшего образования? Хочется узнать, что в науке появляется прогрессивного и применять на практике. (Ситуация в экономике завода непростая.) Тему для своей дипломной работы я подбирал со значением: «Особенности антикризисного управления оборонным машиностроительным предприятием, на примере ОАО «Судостроительный завод «Авангард». Через месяц защита диплома.

Экономическая теория гласит:

«Уровень предстоящей угрозы банкротства диагностируется с помощью двух показателей: коэффициента текущей платежеспособности и коэффициента автономии. Эти показатели рассматриваются в динамике за ряд периодов. Оптимальное значение коэффициента текущей платежеспособности составляет 0.7, а коэффициента автономии - 0.5.

Существуют также методы интегральной оценки угрозы банкротства. Одним из таких методов, используемых в зарубежной практике финансового менеджмента, является «коэффициент финансирования трудноликвидных активов». Для этого определяется, в какой мере эти активы (сумма всех внеоборотных активов и оборотных активов в форме запасов товарно-материальных ценностей) финансируется собственными и заемными средствами (заемные средства при этом подразделяются на кредиты долго- и краткосрочного привлечения).

Однако наиболее распространен метод интегральной оценки под названием «модель Альтмана» (или «Z-счет Альтмана»). Она представляет собой пятифакторную модель, в которой факторами выступают показатели диагностики угрозы банкротства. На основе обследования предприятий-банкротов Э.Альтман рассчитал коэффициенты значимости отдельных факторов в интегральной оценке вероятности банкротства. Модель Альтмана имеет следующий вид: $Z=1.2X_1+1.4X_2+3.3X_3+0.6X_4+1.0X_5$ ».

И что характерно: при значении «Z» до 1.80 — вероятность банкротства очень высокая; в пределах 1.81-2.70 — высокая; 2.71-2.99 — возможная; 3.00 и выше — очень низкая.

Кто хочет узнать полный перечень коэффициентов, сами поступайте на экономический факультет и флаг вам в руки.

До знакомства с финансовым менеджментом, в мире, я определял возможность угрозы банкротства иначе. Хотя тоже не по народным приметам.

Федеральный закон от 26 октября 2002 года, N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» ст.33 п.2 трактует несостоятельность «как признанную арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей».

Юридическое лицо считается не способным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены».

Для нашего завода (предприятие в списке стратегических) допустимый срок задержки платежей — шесть месяцев. «Для возбуждения дела о банкротстве... принимаются во внимание требования, составляющие в совокупности не менее чем пятьсот тысяч рублей».

Сумма просроченной задолженности, указанная в балансе нашего завода, существенно выше, а срок озвучивать просто не прилично. Спрашивается: нужны ли нам эти коэффициенты?

Вы лучше научите, как преодолеть угрозу банкротства в данных условиях!

Если смотреть на оборонный завод «Авангард» исключительно как на хозяйствующий субъект, то, вроде, двух мнений быть не может: пора ликвидировать. Так обычно и происходит. (Пожалуй, это тот редкий случай в России, когда наука и практика едины в своём порыве.) Из пятнадцати оборонных предприятий Республики Карелия на сегодняшний день осталось одно — наше. Остальные уничтожены.

Может, в целом по стране иная картина?

Нет.

Заместитель руководителя администрации Президента РФ Виктор Иванов не разделяет данную точку зрения. По его информации, велика доля заказных банкротств, когда «арбитражный суд нередко становится орудием в руках дельцов». Дела о банкротстве возбуждаются «в целях разорения и разворовывания», а число предприятий, преодолевших банкротство и восстановивших платёжеспособность, ничтожно мало — примерно 30 из 10 тысяч в 2003 году. В ряде регионов перестали существовать целые отрасли, особенно оборонной промышленности. «Если банкротство пойдёт такими же темпами, через несколько лет наши вооружённые силы останутся без оружия», — подытожил заместитель главы президентской администрации. (Газета «Коммерсант» 12 февраля 2004 г., №25).

Только за последние четыре месяца три раза предпринимались попытки введения процедуры банкротства на ОАО «Судостроительный завод «Авангард». (Выходит, коэффициент — $\frac{3}{4}$! (Я теперь всё перевожу в коэффициенты. Одним словом — Школа!)

Инициатива, порой, принадлежит чиновникам. Они этого даже и не скрывают.

С каждым годом всё труднее подбирать кадры на должность руководителя исполнительного органа Общества. Несколько генеральных директоров предприятия были вынуждены уволиться под угрозой привлечения их к уголовной ответственности. Причиной тому ст.9 всё того же Закона о банкротстве, которая обязывает руководителя-должника обратиться с заявлением о несостоятельности своего предприятия в арбитражный суд и тем самым лично инициировать процедуру банкротства.

Не подал заявление — уголовное дело.

А то, что завод исполняет социальный заказа и отапливает половину города Петрозаводска; что наше предприятие находится в списке стратегических; что сейчас по своему профилю мы единственные в стране; что предприятие имеет установленное Правительством РФ мобилизационное задание и, значит, его производственные мощности не могут быть разукрупнены; что масштаб угрозы политическим и экономическим интересам России, в случае ликвидации завода, никак не сопоставим с мнимой выгодой от банкротства; что трудовой коллектив не обременяет своими проблемами службу занятости; и ещё много других «что» — остаются без внимания.

Да, сегодня государство не в полном объёме получает доходы в виде налогов от нашего предприятия. Это называют «упущенной выгодой страны». Не знаю, не знаю, как считать.

Может наоборот? «Авангард», являясь по характеру выпускаемой продукции, по степени важности для страны — государственным учреждением, не отвлекает на собственное содержание из бюджета страны ни одного рубля.

Думаю, на сегодня ни у кого не осталось сомнений: единственным мотивом к банкротству стратегического предприятия России служит желание ряда чиновников-бизнесменов «стырить», используя своё служебное положение то, что ещё представляет ценность. Да ещё и придать всему государственный лоск.

А что касается коэффициентов из дипломной работы...

В Советском Союзе, например, государство полностью владело средствами производства. Экономика была закрытой. Отсутствие экономических стимулов компенсировалось административными рычагами: за опоздание на работу — до шести месяцев тюрьмы; более серьёзные проступки, равно как и подозрение в их совершении, наказывались длительными сроками лагерей или расстрелом; основной упор делался на подневольный труд.

Не существовало самого понятия «банкротство оборонного предприятия».

Но ведь и в странах с рыночной экономикой заводам, работающим в составе военно-промышленного комплекса, банкротство также не угрожает. И несмотря на то, что владельцами фирм там выступают частные лица, именно государство, используя экономические рычаги, делает подобную деятельность сверхприбыльной.

Исполнение Государственного оборонного заказа и угроза банкротства, в странах с развитой рыночной экономикой, — явления несовместимые.

За последние годы многое в мире изменилось. Советский Союз распался в 1991 г, и Россия, ставшая правопреемницей бывшей супердержавы, взяла курс на проведение рыночных реформ.

Однако и поныне РФ не признана мировым сообществом страной с рыночной экономикой. Внешними признаками этого являются два факта: до сих пор не отменена поправка Джексона-Вэника, и наша страна не принята в ВТО.

Потому и коэффициент Альтмана пусть тоже ждёт пока. Не до него.

Сейчас дело даже не в методике подсчёта.

Важно, чтобы к тому времени, когда страну, НУ ВСЕ признают рыночной, в принципе сохранились предприятия, стоящие на страже национальной обороны. Чтобы было что считать! А пока по стране мечется эхо «контрольных выстрелов».

P.S.

Четвёртого апреля мне предстоит защита диплома. (Там я всё буду говорить, как учили). И мне хотелось бы, чтобы к моменту получения заветного документа наше оборонное предприятие не было уничтожено. Тогда и коэффициенты пригодятся.

*

12.03.05, Петрозаводск

К вопросу о национальной идее России

Актуальность развития ОПК в современных условиях

Россия выбрала устойчивый курс на преодоление закрытости в экономике, на интеграцию с мировым экономическим пространством, на сотрудничество с развитыми цивилизованными странами. А, как известно, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Что же там за уставы?

Во-первых, безусловный приоритет норм международного права над силовыми методами решения вопросов;

Во-вторых, главенство прав человека;

В-третьих, принцип невмешательства во внутренние дела других стран и уважение суверенитета;

Законодателями и образцами поведения на международной арене — авторитетами непререкаемыми — являются страны-флагманы. Державы, олицетворяющие собой высшую истину международного общежития.

В первую очередь — США! Разумеется, Германия, Великобритания, Франция. Каково отношение к национальному ОПК в этих странах? Объективную оценку можно дать, проанализировав показатели годовых военных расходов в расчете на одного военнослужащего и одного жителя страны. Это общепринятый в мировой статистике подход.

Немного цифр:

В 1997 г. в России военные расходы на одного военнослужащего равнялись приблизительно 14 тыс. долл., а в США — 176 тыс., Великобритании — 200 тыс., Германии — 98 тыс. долл. В том же году военные расходы на душу населения составляли: в России — 233 долл., США — 978, Великобритании — 578, Франции — 756, Греции — 517 долл.

В 1988 г. суммарные затраты на военные цели стран НАТО превышали военные расходы СССР в 2,3 раза, а в 1997 году (уже по отношению к России) в 18,7 раз!

Если за период 1989 - 1997 гг. объем военных расходов в сопоставимых ценах у России сократился примерно на 87% (доля России в военных расходах СССР составляла примерно 80%), то у США он понизился лишь на 31%, у ФРГ — на 27, у Великобритании — на 23, у Франции — на 10, а у Италии — на 5. (Источник: база данных СИПРИ по военным расходам.)

Интересно и то, что доля США — вселенского гуру — на мировых рынках оружия составляет сегодня 50%.

Приводя эти показатели, автор отнюдь не призывает к новой гонке вооружений. Просто данные факты наглядно свидетельствуют о более прагматичном подходе руководства стран Запада к вопросу реформирования своей оборонной сферы, в отличие от нас.

Скоро Россия вступит в ВТО...

При этом от Правительства РФ потребуются нечто большее, чем моральная поддержка своих товаропроизводителей на внешнем рынке. Нужна ещё и защита их от недобросовестной конкуренции. Мерами, наверное, разными. Адекватными. Если уж разговор пойдёт совсем повзрослому.

Не снизится, судя по всему, и актуальность защиты целостности России, нерушимости её границ. (Может, ещё и возрастет.) По мере экономического и оборонного ослабления Россия будет неизбежно становиться зоной жизненно важных интересов всё большего количества стран.

Итак, возвращаясь к ВТО.

Сейчас, пожалуй, ну, всем понятно, что нормы международного права, разные там реверансы, отходят на задний план сразу, как только «банкующий» начинает систематически проигрывать. Тогда и «чика не считова», и «очко» не обязательно 21. (Оно такое, какое нужно!)

В такие периоды даже у «Главного мирового блюстителя прав человека» учтивость перестает бросаться в глаза. Уже и на перекрестке проезжает не тот, кому зелёный свет, а... обычный танк. (И тут, извините, не до гаагского суда.)

На бытовом уровне, в подобной ситуации, выручает старая, добрая, отзывчивая и убедительная монтажка. На международном — военный фактор сдерживания. Этаким «эсперанто»! (Слабость провоцирует агрессию.)

Одним словом, пацифизм хорош, только если он умеет защищаться.

Современное состояние обороны

Всем хорошо известна поговорка: «Враг моего друга — мой враг!». Когда в середине девяностых официально заявили, что у России — все страны друзья, то выяснилось, что врагом Америки, а, следовательно, и нашего государства, является российский ОПК.

А с врагами у нас разговор короткий!

Пока выяснили, что в сфере внешней политики не может быть друзей, там только попутчики на определённую дистанцию, большую часть своих предприятий уничтожили.

В итоге, какими же особенностями характеризуется состояние обороны сегодня?

- Отсутствие национальной концепции обороны;
- Отсутствие чёткой вертикали государственного управления оборонно-промышленным комплексом страны;
- Отсутствие персональной ответственности членов Правительства РФ за результаты деятельности ОПК;
- Приращение значения «оборонки» с вице-премьерского уровня до положения подразделения в одном из министерств;
- Хаотичная политика по разгосударствлению госсобственности предприятий и организаций ОПК, в том числе стратегических. Наблюдается тенденция к снижению уровня государственного участия в формируемых оборонных интегрированных структурах;
- Значительна доля заказных банкротств оборонных предприятий, когда «арбитражный суд нередко становится орудием в руках дельцов». При этом дела о банкротстве возбуждаются «в целях разорения и разворовывания», а число предприятий, преодолевших банкротство и восстановивших платёжеспособность, ничтожно мало — примерно 30 из 10 тысяч в 2003 году. В ряде регионов перестали существовать целые отрасли оборонной промышленности;
- Падение доверия руководителей оборонных предприятий к тому курсу, который проводит правительство по отношению к отечественной оборонной промышленности. Резко возросло число директоров, которые в качестве помех для развития промышленности назвали «чехарду в законодательстве» — с 22% в 2001 году до 45% в 2002 году;
- Многократное снижение объёма государственного оборонного заказа, который не позволяет загрузить производственные мощности более чем на 5—8%. В рамках ГПВ на 2001-2010 годы на финансирование национальной обороны выделяется в среднем ежегодно около 2,7% ВВП. Сохранение сложившихся принципов, параметров и приоритетов финансового планирования ГПВ неминуемо ведёт к недопустимому снижению оборонного потенциала страны и его деградации. (Кстати, всё в тех же США общие военные расходы достигли в 2004 финансовом году 3,9% ВВП, в 2005 финансовом году на национальную оборону планируется выделить 3,7% ВВП.);
- Расходы на военные НИОКР в России в 30 раз меньше, чем в США и в 10 раз, чем в европейских государствах НАТО;
- Снижение престижа российского ОПК в глазах россиян в связи с низкой оплатой труда. (В оборонном комплексе она ниже на 40%, чем в промышленности в целом.) Как следствие, работники в возрасте до 30 лет составляли в 2002 году менее 2 % общей численности оборонно-промышленного комплекса. Потеря кадров, за последние 10 лет, составила около 70%. Средний возраст работающих на предприятиях ОПК работников превышает 50 лет, а в науке — 60 лет. По оценке руководителей предприятий ОПК, только 38% работающих соответствуют современным требованиям, а 65% директоров отмечают нехватку инженеров и 67% — нехватку квалифицированных рабочих;
- Разрыв кооперационных связей;

- Ликвидация системы подготовки инженерных кадров и квалифицированных рабочих по многим оборонным направлениям;
- Невосполнимый износ основных фондов ряда предприятий ОПК достигает 80%. Практически прекратился процесс обновления основных производственных фондов оборонно-промышленного комплекса. Капиталовложения на эти цели государством не выделяются, собственных средств у предприятий нет, поэтому коэффициент обновления основных производственных фондов в последние годы составляет 2-3%. Доля оборудования моложе 10 лет к середине 90-х годов уменьшилась до одной трети, тогда как в конце 80-х годов она значительно превышала половину, а доля морально устаревшего оборудования в возрасте более 20 лет поднялась с 10-20% до одной трети.
- Отсутствие современных систем качества продукции. Только 1% предприятий российского оборонно-промышленного комплекса имеет международный сертификат качества ISO 9000, в соответствии с которым исследуются основные параметры боевой техники: скорость, грузоподъемность, мощность двигателя, работа на отказ основных узлов и агрегатов. У развитых стран этот показатель для предприятий военно-промышленного комплекса равен 100%;
- Отсутствие перспективных долгосрочных планов по размещению на предприятиях ГОЗ. Руководители предприятий не знают, что и сколько завтра понадобится военным, каковы планы военного производства на перспективу, какие мобилизационные задания будут сохранены, какие мощности подлежат выводу из оборонного производства для последующей конверсии, консервации или ликвидации;
- Не проведена детальная инвентаризация ОПК;
- Неудачная политика в области ценообразования на продукцию ОПК. Заказчик, Минобороны РФ, закладывает в цену среднюю зарплату по предприятию на уровне 3,5 тыс. рублей. И низкие накладные расходы. В результате предприятие живёт на "голодном пайке", не имея средств на закупку нового оборудования и привлечение квалифицированных кадров. Это, в свою очередь, приводит к тому, что при выполнении гособоронзаказа рентабельность предприятий редко превышает 4-6%. А часто и вообще является отрицательной. В итоге по данным Минэкономики РФ, около 400 предприятий ВПК имеют все признаки банкротства;
- Обострение международной обстановки. Имеет место "однополюсное" усиление позиций США и НАТО в целом, стремящихся закрепить свое доминирование в мире и, как свидетельствуют события в Югославии, Ираке, обеспечить себе на правах самого сильного возможность любых действий без оглядки на устоявшиеся международные нормы;
- Особенности внешней российской политики, которая позволила в рекордно короткий срок превратить соседей и стратегических партнёров в потенциальных противников;
- Тревожная демографическая ситуация. Население России вымирает со скоростью миллиона человек в год, что постепенно делает пространство страны безлюдным и упрощает захват его другими народами без единого выстрела;

Национальная оборона — тема закрытая в любой стране. Поэтому приведённые выше данные, полученные из открытых источников, едва ли характеризуют истинную «картинку». По мнению ряда авторов: «Психологически мы находимся в состоянии конца июня 1941 года, когда никто не хочет говорить правду»...

*

Традиционные российские вопросы:

«Кто виноват?»

Пять лет назад я бы не сильно замешкался, подбирая ответ: конечно, Президент России! Сегодня отчётливо понимаю — кухонный метод оценки в данном случае не годится.

Не вдруг пришли такие мысли...

Я пять лет работаю на оборонном судостроительном заводе. Пять лет пытаюсь изменить ситуацию к лучшему. Ой, как это оказалось не просто после длительного периода бездействия завода! Осознание своей ненужности породило в людях апатию. Появились панические настроения: «Страну сливают!» (Не на пустом месте появились! Братцы, не на пустом...) Без

профильных заказов специалисты теряли квалификацию. Пять лет ушло на то, чтобы переломить негативные тенденции, навести на производстве элементарный порядок.

И что же?

Укреплена трудовая дисциплина. Продолжается рост объемов производства. (Для нас удвоение ВВП к 2010 году — задача по силам.)

Несмотря на «нездоровый» интерес государства к родному ОПК и «зачистки», мы ухитрились выжить. Из пятнадцати предприятий «оборонки» в Республике Карелия и трёх профильных заводов в стране — единственные! (Испортили статистику.)

Вот, пожалуй, и всё!

А сколько ещё не сделано... Хотя я задействовал все административные ресурсы. Они немалые. Должность Председателя Совета директоров позволяла.

Так, что чувствую, песни про меня слагать пока рано.

Одни ломают, другие строят — по интересам. Разрушать быстрее, чем восстанавливать. Всё слишком запущенно, чтобы ждать мгновенных превращений «подсобного оборонного хозяйства» в опору суверенитета Родины. Поэтому я хочу отступить от российской традиции вечного поиска ответа на вопрос «Кто виноват?».

Нужно переходить ко второму вопросу.

Срочно!

«Что делать?»

Откровенный, подробный, доказательный ответ на подобный вопрос в СМИ давать неразумно. (Стране дороже.) Поэтому, с учётом деликатности темы, остановлюсь только на оперативных и очевидных решениях, принятие которых требуется незамедлительно.

Не всё ещё потеряно. Позитивные процессы в оборонном комплексе России стартовали. Для меня свидетельством этого служит появление на политическом небосклоне страны нового ведомства — Федеральной службы по оборонному заказу. Создание Рособоронзаказа — первый росток здравого смысла на безжизненных просторах российской политики в этой области.

Данная федеральная структура и может в настоящий момент стать прообразом рыночного варианта Министерства оборонной промышленности. Нужно лишь расширить ей полномочия. В частности, отдать в ведение данной структуры вопросы финансирования ГОЗ, оставив приёмку за заказчиком.

Повышение «веса» Федеральной службы по оборонному заказу — ключ к системному решению многих проблем ОПК. В противном случае, государственную программу вооружения на 2006-2015 годы (ГПВ-2015) и основных направлений развития ВВТ на период до 2020 года просто некому будет выполнять;

Следующим «пожарным» решением является мораторий на банкротство головного исполнителя ГОЗ во время исполнения им обязательств, предусмотренных государственным контрактом. Данное ограничение должно действовать вплоть до проведения детальной инвентаризации ОПК;

Необходимо поручить Генеральной прокуратуре РФ проверить исполнение Федерального закона «Об обороне» N 61—ФЗ в части пункта 11, статьи 7, раздел III.

Отсутствие должного контроля за исполнением данного Федерального закона со стороны государства приводит к тому, что ряд чиновников уверовал, будто бы необходимость укрепления обороны страны не их прямая обязанность, а лишь минутные капризы Верховного Главнокомандующего России. А через них можно и переступить.

Партизанские методы исполнения Государственного оборонного заказа

Я за собой заметил одну особенность: какой бы темы ни коснулся, о чём бы ни вещал, в итоге всё свожу к судьбе нашего завода. Кто-то упрекнёт: «Зануда!». Нет. Просто я слишком пристрастен.

ОАО «Судостроительный завод «Авангард» — не фирма-однодневка.

В 2009 году 02 июня коллектив отмечает серьёзный юбилей — 70 лет!

Из карельских предприятий только нам доверили исполнение Государственного оборонного заказа!

24 июня у нас состоялось очередное общее собрание акционеров. Для ОАО наступил Новый год. На Совете директоров меня выбрали Председателем. Получается в шестой раз. Приятно, чёрт возьми! Последовали поздравления коллег, партнёров, руководства. В том числе и федерального уровня.

В этот день нас удостоила знаком внимания и налоговая инспекция.

Оказывается, в Москву, в адрес Федерального налогового органа России, ими направлен проект с предложением обанкротить стратегическое предприятие — завод «Авангард». (Украсить статистику.) Вниманием наш коллектив не избалован, поэтому любое участие в судьбе для нас дорого. Даже враждебное.

(Интересно, а мытари Юлия Цезаря, посмели бы заикнуться о сборе подати с его легионеров и оружейников, составляющих собой основу могущества Римской империи?)

Третий год коллектив завода исполняет Государственный оборонный заказ.

Третий год завод умышленно пытаются обанкротить.

Символично, что первая попытка была предпринята спустя неделю после того, как тральщик Северного флота БТ зав. №141 холодной осенью 2003 года пришвартовался к нашему пирсу. Всё это время руководство завода практически в партизанских условиях, сходных, по рассказам ветеранов, с условиями глубокого вражеского тыла, организует безукоризненное исполнение ГОЗ Родины.

Известный юморист призывает: «Землю — крестьянам! Воду — матросам!»

В свою очередь шутники-либералы, из числа наших министров, вторую часть лозунга с Превеликим удовольствием воплотили бы в жизнь.

Но в стране есть и серьёзные, ответственные люди.

Президент Российской Федерации в своём Послании к Федеральному Собранию поставил конкретную задачу: обеспечить безопасность страны! (Последние события в мире показывают, что медлить с реализацией этой программы никак нельзя.)

Выполнением приказа Верховного Главнокомандующего и занят в настоящий момент коллектив стратегического предприятия России совместно с Правительством Республики Карелия.

Закончился период смуты и безвременья.

Эпоха, когда руководители страны грязно склоняли «ррррроссиян» перейти от «мирного сосуществования» к «сожигательству» с войсками НАТО говорят, канула в лету. Пришло, говорят, пусть и с запозданием, понимание, что у России есть только два верных союзника: армия и флот.

Наша армия и наш флот!

А тем временем 21 августа на свою малую родину — ОАО «Судостроительный завод «Авангард» — пришел ещё один базовый тральщик, шестой по счёту. Флот Балтийский. Для нас это не просто военный корабль. Это — шестой аргумент в защиту самого завода.

Одним словом, мы вынуждены «собирать камни» на перегонки с теми, кто их тут же разбрасывает. Даже библейские сюжеты имеют в России свои национальные особенности.

ОПК России: быть или не быть?

Думаю, вопрос риторический.

Быть!

Да и как иначе, ведь ОПК играет ключевую и системообразующую роль в решении оборонных, политических, внешнеэкономических, социальных и других задач государственного строительства. Именно эта отрасль аккумулирует передовые достижения научно-технического прогресса, обеспечивая России статус страны высоких технологий.

Оборона страны — одна из важнейших функций государства. Она характеризуется его способностью эффективно противостоять любым внешним и внутренним угрозам. Следует подчеркнуть, что только государство заинтересовано и конституционно обязано заботиться о разработке и производстве вооружений и военной техники (ВВТ). Для мировой державы, претендующей на собственную роль в геополитике, имеющей намерения на Рынке не только что-то купить, но и продать — просто невозможно обойтись без эффективного военпрома.

Что из себя представляют финансовые воротилы гражданских отраслей без поддержки отечественного оборонного комплекса? Затравленного школьника из благополучной семьи, у которого старшеклассники в любой момент могут вытрясти деньги на завтрак.

И ещё, может быть, самое важное...

В то самое время, когда, не принято открыто заявлять о своих симпатиях к национальной обороне; когда министр уважаемого ведомства Великой страны вынужден канючить «ради бога не обесточивать ракетные войска стратегического назначения», вместо того, чтобы отдать приказ стрельбы на поражение в отношении любого постороннего, приближающегося после предупредительного выстрела к объекту; я убеждён: укрепление обороноспособности Родины и является Национальной идеей России!

Честь имею!

*

23.08.05, Петрозаводск

Праздник 4 ноября: раньше — подвиг, сегодня — норма

На судостроительном заводе «Авангард» (г. Петрозаводск) завершён ремонт очередного базового тральщика, ранее здесь и построенного.

Более года простоял корабль у причальной стенки родного завода. За это время коллективом судостроителей выполнен большой объём работ по ремонту корпуса корабля, его систем и механизмов, вооружения.

После окончания швартовых испытаний корабль вышел в Онежское озеро для проведения заводских ходовых испытаний. На выходе были проверены в действии по прямому назначению системы и механизмы корабля, штурманское вооружение и средства связи. Капитально отремонтированные главные двигатели позволили кораблю развить проектную, давно забытую, скорость.

Заводские ходовые испытания успешно завершены.

Следует особо отметить тот факт, что авангардовцы пошли навстречу командованию ВМФ и ввели корабль в строй в этом году раньше намеченного срока.

Командир корабля капитан 3 ранга Владислав Штыркин отметил слаженную работу корабелов:

— Благодарю коллектив завода за качественно проведенный ремонт. Уверен, что и в дальнейшем вы будете работать столь же успешно на возрождение силы и славы Флота Российского!

Будем.

Воспитаны так.

Хотя, как и прежде, ремонт этого тральщика сопровождался серьёзными трудностями. Работы проводились в условиях постоянного недофинансирования со стороны Заказчика — Министерства обороны РФ. И вина в этом не российских офицеров.

В нашей стране вопросы национальной безопасности финансируются по остаточному принципу в надежде сорвать аплодисменты США. С момента получения коллективом «Авангарда» Государственного заказа на ремонт военных кораблей ни один объект не был оплачен вовремя. Зачастую финансовые разрывы превышали полгода.

Однако в экономике не бывает вакуума. Отсутствие государственных средств компенсировалось из других источников, например, за счёт заработной платы самих судостроителей. В результате задержки по выплатам зарплаты иногда составляли шесть и более месяцев. И у рабочих, и у руководства.

Мало того.

Государство не исполняет своих финансовых обязательств и одновременно с этим, под свист и улюлюканье налоговиков, линчует руководителей оборонных предприятий за несвоевременную оплату налогов.

С нескрываемой завистью разглядывая лощёных, прекрасно экипированных американских парней в голливудских боевиках, нам порой даже невдомёк, что бывают случаи, когда счета российского Министерства обороны просто заблокированы. Как это было нынче летом. А значит, нашим ребятам остаётся поступать как в старой байке:

А:

— *Товарищ комиссар у меня кончились патроны.*

— *Но ведь ты же коммунист!*

И пулёмёт застрочил с новой силой.

Четвёртого ноября Россия отмечает праздник Единения.

События вековой давности бережно сохранены в нашей памяти. Тогда, в 1612 году, в годину испытаний Отчизны, гражданин Минин и князь Пожарский организовали сбор личных пожертвований для ратных людей Руси. В те времена подобные поступки считались героизмом.

Сейчас работники завода «Авангард» вскладчину финансируют заказы национальной обороны — и это норма. Просто в ситуации, когда наши корабли так необходимы российским морякам, мы не в праве поступать иначе.

Лишь бы реже с экрана телевизора нас вовлекали в дискуссию: «Ну, как же потратить деньги стабилизационного фонда?».

Ребята, они распоряжаются нашими деньгами.

Сперва рассчитайтесь по своим прямым обязательствам.

Но это уже эмоции. Праздник навеял...

Через несколько дней корабль покинет акваторию завода, вернётся на Балтику и команда российских моряков приступит к выполнению задач по защите рубежей нашей Родины.

А мы, вместе со всей страной, будем отмечать 4 ноября. Поднимем рюмочку, станем цокать языком и изумляться подвигу Минина и Пожарского. Будем встречать День Национального единения трудовыми победами.

Ещё три противоминных корабля находятся в ремонте.

И за нас эту работу не сделает никто.

*

03.11.2005, Петрозаводск

Советник Президента России по обороне едет на «Авангард»

Все сомнения на тему: «Нужна ли России надёжная оборона?» — в прошлом!

Летом этого года на данный вопрос впервые прозвучал однозначный, твёрдый ответ: «Нужна!» Президент Российской Федерации Владимир Путин так и сказал.

Совет Безопасности в июле создал постоянно действующий правительственный орган по управлению «оборонкой». Уже в ноябре в Правительстве РФ появился конкретный чиновник, отвечающий за будущее национальной безопасности. Эти обязанности возложили на Министра обороны Сергея Иванова, одновременно повысив его статус до Вице-преьера.

У межведомственных, зачастую взаимоисключающих интересов, впервые за долгие годы появился арбитр. Образно говоря, больше не придётся наблюдать как лебедь, рак и щука под гогот и одобрительные выкрики из-за океана раздрают российскую оборонку. Сюжет басни Крылова сегодня утратил свою актуальность для ОПК.

Коллектив стратегического предприятия России Судостроительный завод «Авангард» с надеждой наблюдает за этими, без преувеличения, значимыми, позитивными изменениям в жизни нашей страны. Судьба «Авангарда» с ними связана неразрывно.

Да, нам активно помогает Правительство Карелии. В пределах своих полномочий. Но они не велики. Зачастую мы оказываемся один на один с проблемами Федерального уровня и по мере своих сил решаем их.

В итоге:

- Мы смогли не допустить уничтожения предприятия путём банкротства;
- Мы смогли сохранить производственный и кадровый потенциал старейшего оборонного завода России в период повального мародёрства;
- Мы смогли в условиях неудовлетворительного финансирования со стороны Заказчика исполнять качественно и в установленные сроки работы по обеспечению микрорайона города Петрозаводска тепловой энергией;
- Мы смогли в условиях неудовлетворительного финансирования со стороны Заказчика исполнять качественно и в установленные сроки Государственный оборонный заказ;
- Мы оказались единственным оборонным предприятием в Карелии и единственным в огромной стране по своему профилю работ;

Люди в очередной раз не подвели. Они сделали, пожалуй, даже больше, чем казалось возможным.

Мы ещё на многое способны.

Одно бесспорно: нам не под силу бесконечно долго держать оборону на этом крохотном плацдарме — заводе «Авангард», ожидая подхода НАШИХ.

Сейчас, как никогда, чтобы закрепить успех, необходима поддержка Федерации. Нужно, чтобы на период исполнения Государственного оборонного заказа предприятие было защищено от умышленного банкротства. Нам, как мечтал профессор Преображенский из «Собачьего сердца», нужна охранная грамота на время исполнения ГОЗ. «Кем угодно, когда угодно, что угодно, но чтобы это была такая бумажка, при наличии которой ни Швондер, ни кто-либо другой не мог бы даже подойти... Окончательная бумажка. Фактическая. Настоящая! Броня».

Депутат Государственной Думы от Республики Карелия Валентина Пивненко вышла с предложением к Советнику Президента РФ по военно-технической политике и ОПК Александру Германовичу Бурутину посетить завод «Авангард».

Вопрос решён положительно, и сегодня Александром Бурутиным дано поручение соответствующему департаменту Администрации Президента Российской Федерации готовить такой визит.

Конкретные сроки будут согласованы с Правительством Карелии.

Руководство «Авангарда» сделало ставку на будущее России.
Наши ожидания оправдались.

P.S.

К администрации завода обратилось командование комиссариата г.Петрозаводска:
«Оказать помощь в приобретении ниже перечисленного имущества для формирования новогодних подарков личному составу соединений и частей Ленинградского военного округа, выполняющему задачи в Чеченской Республике:

- принадлежности постельного белья;
- полотенца;
- тёплое нательное бельё;
- шапки, шарфы;
- перчатки;
- тёплые и х/б носки».

...

Денежные средства перечислить:
ИНН 1001117814 КПП 100101001
Сч. № 40503810400001000279
БИК 048602001

Управление федерального казначейства МФ РФ по Республике Карелия (Военный комиссариат г.Петрозаводска РК, л/с 06187588070) Код доходов 18730302010010000180 п.10 Разрешения».

Пока новогодним подаркам для наших ребят, для тех, кто нас защищает, кто гибнет под пулями, являются шапки и носки, мы не можем оставаться равнодушными к судьбе национальной обороны России.

Сделайте свой шаг навстречу!

*

30.11.2005, Петрозаводск

Оборонный завод направил Президенту России благодарственное письмо

Усилиями Администрации Президента Российской Федерации, Совета Безопасности Российской Федерации, Главы Республики Карелия, Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации, Федеральной службы по оборонному заказу Российской Федерации удалось избежать уничтожения отечественного предприятия оборонно-промышленного комплекса — ОАО «Судостроительный завод «Авангард» (г.Петрозаводск).

06 августа состоялось собрание коллектива Стратегического предприятия России.

Было принято решение направить Благодарственное Письмо в адрес Президента Российской Федерации:

Уважаемый Владимир Владимирович!

К Вам обращается коллектив старейшего судостроительного завода «Авангард», основанного в 1939 году.

В настоящий момент «Авангард» входит, в соответствии с Вашим Указом, в Перечень стратегических предприятий России. Мы единственные в стране, кто строит и ремонтирует противоминные корабли проекта 12650. Эти корабли обеспечивают развёртывание сил флота, в том числе и стратегических ядерных сил. Без наших тральщиков самая грозная военно-морская группировка не может выполнить поставленную задачу.

Из карельских предприятий только наше исполняет Государственный оборонный заказ и по праву может считаться оборонным. Сейчас в ремонте находятся четыре корабля Северного и Балтийского флотов, ранее построенные на стапелях ОАО «Судостроительный завод «Авангард».

В июне этого года была предпринята очередная попытка обанкротить завод. (Ранее подобная участь уже постигла 14 карельских предприятий ОПК.) Однако совместными усилиями Администрации Президента Российской Федерации, Главы Республики Карелия, Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Совета Безопасности Российской Федерации, Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации и Федеральной службы по оборонному заказу ликвидацию предприятия России, обладающего уникальными технологиями, удалось предотвратить.

Все указанные структуры объединяет одно: они напрямую подчинены Президенту Российской Федерации. Но не это явилось определяющим фактором.

Они работают слаженно и самоотверженно отстаивают интересы нашей Родины потому, что Президентом России являетесь именно Вы.

Старейший оборонный завод, отмеченный за свою трудовую доблесть орденом «Знак почёта» и другими правительственными наградами, сохранён и будет впредь нести вахту на славу России.

По решению собрания коллектива судостроительного завода «Авангард» нам поручено выразить Вам искреннюю благодарность и заверить, что со своей стороны мы приложим все усилия для возрождения былой Славы Флота Российского.

Коллектив стратегического предприятия России — ОАО «Судостроительный завод «Авангард» обращается к Вам с настоятельной просьбой выставить свою кандидатуру на Президентских выборах в России или создаваемом Союзном государстве.

С уважением,

Председатель Совета директоров

Александр Костюнин

Сейчас, когда ситуация стабилизировалась, хочется спокойно всё взвесить и понять: почему детективный сюжет про десять негритят был положен в основу отношений государства и предприятий, образующих важнейшую отрасль страны.

Сразу хочется поправиться: не «государства», а отдельных чиновников. (Наша ситуация — тому подтверждение.)

Скорее всего, были допущены системные ошибки на этапе увязки общей теории макроэкономики с практикой в конкретных условиях. В какой-то момент российские реформаторы попытались товарно-денежные отношения распространить тотально. На оборону в том числе.

Неожиданно страны, которые до девяностых годов традиционно считались либеральнее России, оказались далеко позади. Их хваленый либерализм не позволил отказаться от дифференцированного подхода к игорному бизнесу, сырьевым отраслям и, например, к оборонному комплексу.

Ни в США, ни в Англии, ни во Франции, ни в Германии налоговый инспектор не определяет судьбу Национальной обороны.

За период с начала 2005 года по настоящий момент ИФНС по г.Петрозаводску провела 19(!) камеральных и выездных проверок нашего предприятия. Им показалось этого мало. Тогда налоговая инспекция направила «проект решения о банкротстве ОАО «Судостроительный завод «Авангард» прямо в ФНС России, не поставив предварительно в известность ни Главу Республики Карелия, ни Главного Федерального Инспектора, ни само предприятие.

Они, как говорится, приняли управление на себя. Нет, не так...

Сначала приняли. И только затем — управление на себя.

А может, местные налоговики берут на себя ответственность и за другие вопросы или хотя бы знают на них ответы:

- Кто будет исполнять Государственный оборонный заказ (ГОЗ) в случае уничтожения Головного исполнителя с учётом, что предприятие обладает уникальными технологиями и является единственным в стране?
- Какими средствами решать поставленные боевые задачи военно-морским подразделениям?
- В какую сумму обойдётся недополученная страной финансовая выгода на международной арене, по причине невозможности «демонстрации флага России»?
- Сколько бюджетных средств потребуется для полного восстановления производства?
- Кто будет платить по долгам, в случае ликвидации должника?
- Что будет с коллективом рабочих, специалистов и их семьями?

Нет, мытари знают только первый ход: Е2 на Е4.

Остап Бендер перед тем, как с подобными знаниями проводить шахматный турнир, загодя приготовил лодку и знал, куда бежать.

Подождите, а может, и здесь...

Ребёнка воспитали, что «дороже Родины ничего нет», поэтому, когда вырос, он уже знал, что в первую очередь продавать.

Так что ли?

Недавно услышал анекдот про ОПК:

А:

Идет муравей по лесу. Навстречу ему — ящерица. Муравей удивлённо:

— Ой, а ты кто?

— Я — динозавр.

— Так вы же вымерли!

— Врут! Болели мы.

Некогда влиятельный и огромный ОПК утратил былое величие.

Однако и сегодня значение оборонного комплекса для страны переоценить невозможно. Потому нужно искать рецепты от свалившихся напастей и болезней. И, я убеждён, они будут найдены.

А пока коллектив нашего оборонного завода, не отвлекаясь на митинги и шествия, не толкаясь локтями на «горбатом» мосту, исполняет качественно и в строгом соответствии с контрактами Государственный оборонный заказ Родины.

*

31.10.2005, Петрозаводск

Карелия финская и наша

На современной мировой карте существует две Карелии: финская и российская. Их разделяет официальная Государственная граница. Надолго ли сохранится такое положение?

Финляндия — пример для нас очень ценный. Это удобно: посмотреть на чужой опыт и сделать работу над ошибками.

У нас много общего с этой страной:

- Сходные природные условия;
- До 1917 года мы составляли население единой Российской Империи;
- Финны, так же как и большинство жителей нашей страны, бережно хранят в своём сердце память о Великом Ленине. Благодарят его за счастливое детство. 31 декабря в 1917 году, за несколько минут до полуночи решением Совета народных комиссаров под председательством Ленина финскому народу был предоставлен суверенитет.

Мы одинаково стартовали. Прошло 90 лет. На каком уровне находится сегодня каждый из нас и почему? (Где были бы финны сейчас, не «отмажь» их тогда Ильич?) Не подсказывать!..

Что нас ждёт в недалёкой исторической перспективе?

Финские партнёры любезно предложили Правительству РК обучить предварительно отобранных российских рабочих на своей производственной базе с целью повышения квалификации.

Поездка была организована Европейским Союзом и Министерством экономического развития Республики Карелия в рамках проекта Tacis.

Финский город Йоэнсуу — с 06 по 09 декабря.

Программа пребывания предусматривала лекционные занятия, посещение промышленных предприятий, расположенных вблизи города, знакомство с работой Центра дополнительного образования «Итяиннова» и политехническим институтом губернии Северная Карелия.

Учиться за деньги Tacis.

Заманчиво!

Мы выехали с тем, чтобы изучить вопрос на месте.

«Показатель делового климата в промышленности Финляндии снизился в 3 квартале до +8 с +12 во 2 квартале. Компании говорят о том, что рост отпускных цен тормозится, а также жалуются на нехватку квалифицированной рабочей силы, как пишет Конфедерация финской промышленности».

(Источник: Компания FOREX BEST 03.11.2005)

Наткнувшись на подобную информацию, не стоит злорадно потирать руки.

Насмеялись уже...

Ухохотались, до коликов в животе, до слёз, наблюдая за тем, как китайцы ловят воробьёв и выплавляют во дворах чугун; чуть не продырявили указательным пальцем в собственном виске дыру, подразумевая финнов и за глаза называя их чухонцами.

Прошёл период эйфории, когда мы, по рекомендации Жванецкого, не закусывали.

Не успели толком утереть слёзы, предстоит, ни много, ни мало: «учебная поездка в Финляндию руководителей машиностроительного производства».

Справочная информация

В сжатом виде информация об экономике Финляндии выглядит следующим образом:

Исторически основу финской промышленности составляла лесная отрасль. Однако в последнее десятилетие в Финляндии были осуществлены крупные мероприятия по развитию других отраслей промышленности: металлургической и металлообрабатывающей, химической и нефтехимической, электротехнической и электронной, производства средств связи и автоматизации.

Отрасли, входящие в металлопромышленность (по финской классификации к ней относятся металлообработка, общее и специальное машиностроение, электротехника и электроника), охватывают практически третью часть всего промышленного производства и рабочей силы страны и в течение ряда последних лет продолжают занимать лидирующие позиции по объемам и темпам роста производства среди других отраслей финской промышленности.

В создании и развитии финской металлопромышленности большую роль сыграли выполненные Финляндией репарационные поставки в СССР в первые послевоенные годы. Тут и советские заказы на морские суда, и различные виды машин, и сложное оборудование. (Общеизвестно, что Финляндия была единственной страной, полностью выплатившей военные репарации в сумме 226,5 млн. долларов до последнего цента. Последний поезд, нагруженный оброком, пересек восточную границу Финляндии в 1952 году, когда Хельсинки приветствовал участников Олимпийских игр).

Стабильные торговые отношения Финляндии с ее восточным соседом ослабили воздействие мировых ценовых колебаний. Товары, производимые металлообрабатывающей, текстильной и легкой промышленностью Финляндии, обменивались на добываемую в Советском Союзе нефть. Однако резкое изменение цен на нефть на мировом рынке отрицательно сказалось на общем объеме экспорта Финляндии.

Разрушение централизованной командно-административной системы в конце 1980-х годов привело к начавшемуся в 1989 году экономическому спаду, который сильно ударил по экономике Финляндии. Оказалось, что относительная простота организации финско-советских торговых отношений сыграла с Финляндией злую шутку — она оказалась неподготовленной к более требовательным торговым отношениям со странами Запада.

И всё-таки, не смотря ни на что, Финляндии удалось компенсировать потерю своей доли российского рынка в 1990-х годах увеличением экспорта в страны Запада.

В судостроении Финляндии в последние годы серьезных структурных изменений не произошло: по-прежнему функционируют две крупнейшие судостроительные компании — "Квэрнер Маса-Ярдз" и "Акер Финнъярдз". Финляндия сохранила свои позиции среди мировых судостроителей, при этом доля экспорта составила более 70% от общего объема производства.

Доля Финляндии в общем мировом объеме лесозаготовок сегодня составляет 1,5%, а при этом экспорт лесной промышленности 10%, экспорт бумаги и картона 12%, типографской и офисной бумаги — 20%! При этом, 85-90% потребностей покрывается за счет местного сырья и лишь 10-15% — за счет закупок по импорту. В течение последнего десятилетия зависимость национальной экономики от переработки сырьевых материалов значительно сократилась. Циклические колебания на мировых рынках больше не мешают экономике. После вступления в ЕС и Европейский валютный союз Финляндии больше нет необходимости корректировать наблюдаемые отклонения при помощи политики изменения обменного курса.

Пищевая промышленность, входящая в единую цепь переработки сельскохозяйственной продукции и производства продуктов питания, сохраняет третье место в промышленном производстве Финляндии после металлообрабатывающей и лесной промышленности. Для производства продуктов питания предприятия используют до 80 % отечественного сырья.

Самое быстрорастущее направление — электронная промышленность. С 1990 г. объемы производства телекоммуникационного оборудования и электроники увеличились в 14 раз (!).

Финские потребители и компании никогда не медлили с внедрением технических новинок. Плотность сети мобильной связи в Финляндии самая высокая в мире. Более 70 % населения имеют сотовые телефоны. По количеству пользователей Интернета Финляндия также занимает первое место в мире. (Источник: finfacts.fi).

Финляндию считают страной-пионером в области адаптации новых технологий и центром разработок новой техники. Международные компании (в частности, ICL, IBM, Siemens, Hewlett Packard, Ericsson и Lotus) открыли свои исследовательские центры в Финляндии, наладили сотрудничество с финскими фирмами и приобрели мелкие компании этого сектора.

У Финляндии имеются вооруженные силы обороны, верховным командующим которых является президент. Всеобщая воинская обязанность продолжительностью 8-11 месяцев и затем перевод в запас. Средства обороны Финляндии считаются современными, например ракетные подводные лодки и истребители Ф/А-18 «Хорист», заказанные для воздушных сил. (Источник: Suomi.Ru).

Международные исследования 90-х годов (IMD и WEF) показали, что Финляндия — одна из самых конкурентоспособных стран мира. Основными причинами этого являются высокий научный и технологический уровень, высокий уровень образования и быстрая интернационализация. Финляндия является одним из наиболее передовых производителей и пользователей информационных и коммуникационных технологий. Сравнительные исследования показывают, что базовая структура экономики, включая технологическую и социальную инфраструктуру, повышает конкурентоспособность нации до уровня выше среднего.

Международная конкуренция превращается в борьбу за инвестиции в высокие технологии и квалифицированный труд, страны и регионы борются за капитал и высоко образованный персонал. Благодаря техническому развитию Финляндия значительно увеличила свои преимущества как страны, благоприятной для размещения компаний.

Уровень жизни населения Финляндии на сегодняшний день один из самых высоких в мире, а у финских трудящихся — самый короткий в мире рабочий год. (Рабочая неделя уменьшилась с 45 часов в 1950 году до 40 часов в 60-х гг. В 70-х годах значительно увеличился ежегодный отпуск, а в 80-х рабочая неделя сократилась до 37,5 часов.)

Тем не менее, у Финляндии тоже есть слабые места.

Их слабые места

Производство в Финляндии, как и в большинстве других европейских стран, становится нерентабельным из-за слишком высоких производственных расходов. Стоимость рабочей силы в Финляндии выросла за 1999-2003гг. на 18%, против 15,5% в других конкурирующих западных странах.

На фоне стагнации экономик стран Запада, обострившейся ценовой конкуренции на мировом рынке, а также глобального изменения структуры производства, финские предприятия вынуждены перемещать производственные мощности в направлении стран Азии и Восточной Европы. При этом основными критериями размещения производств в этих регионах являются: близость рынков сбыта, источников сырья и наличие квалифицированной рабочей силы, необходимой для высокотехнологичных и наукоемких машиностроительных производств. Более выгодно в этом плане отличаются азиатские страны — Тайвань, Южная Корея и Китай, которые также являются ёмкими рынками сбыта продукции финских компаний. За последние годы 20 тыс. рабочих мест переместилось из Финляндии в Китай. Самый крупный финский работодатель в Китае — концерн «Нокиа» — 4800 рабочих мест, далее идут «Элкотек» — 3300, «Салкомп» — 2900, «Метсо» — 1700. Всего в Китае у финских и образованных ими совместных предприятий 70 производственных точек по изготовлению продукции или оказанию услуг.

Эти процессы связывают также с возрастающей в стране острой нехваткой квалифицированной рабочей силы обуславливаемой выходом на пенсию в ближайшие годы целого возрастного поколения. Возможно, что помимо определенных действий по реорганизации производства и вынужденного его перевода за пределы Финляндии, потребуются привлечение в страну иностранной рабочей силы. (Источник: Polpred.com.)

При этом демографическая ситуация складывается не лучшим образом. На одну семью приходится в среднем 1,8 детей. В 1960 году этот показатель был 2,27.

Да ещё и падает престиж физического труда.

Своими глазами

Руководитель Центра занятости города Йёнсуу Jarmo Valtonen, выступая перед нами, подтвердил мысль о снижении престижа рабочих специальностей в глазах молодёжи.

Один из наших слушателей со всей пролетарской прямоотой задал вопрос:

— Правда, что вы берётесь за бесплатное обучение наших перспективных рабочих с целью укомплектовать ими впоследствии свои предприятия?

Дословный ответ:

— Нам нужен не просто приток эмигрантов. Нужны определённые специальности. И если я скажу «Нет», никакой консул никогда не скажет «Да». Молодёжь у нас в стране стремится к высшему образованию и, к сожалению, не желает получать рабочую специальность. Я сам отец, и все они, как мои дети, которым я желаю счастья.

Иными словами, будущее их детей — нашими руками. Какая наглость?! Мало им, что на финских плантациях клубники батрачат только русские. Досмеялись...

Возмутили нас и цифры выработки на одного работающего в фирме АО «Суомен левюпрофиили». (Предприятие не торговое — тоже машиностроительное.) По данным, которые озвучил исполнительный директор Ярмо Перяля, выходит, что у нас на «Авангарде» эта самая выработка в 30(!) раз ниже. (Если бы передо мной стоял американец, его можно было легко срезать нашим главным козырем: «Зато, у вас негров линчуют!»)

Обратила на себя бесхозяйственность, свидетелями которой мы стали на фирме «Mantsinen». Комплекующие и крепёж разложены на стеллажах прямо в цехе. Открыто. Свободно. Рядом ни кладовщика, ни собаки. Хромированные болты. Гаечки. Хомутики. Нагребай — не хочу. Неужели самим-то не совестно так халатно относится к сохранности материальных ценностей?!

А уж эта финская заторможенность... Флегма! Сонные мухи.

Уже потом, по дороге домой, под ровный гул автобуса, глядя в ночную тьму сквозь холодное окно, я неожиданно открыл:

- Он, этот чиновник, открыто заявил, что заинтересован в счастье финских детей. Кто же тогда позаботится о наших? А что, если это должны сделать мы сами?..;
- У них производительность труда выше? Так ещё Ильич предупреждал, что она, в конечном счёте, определяет всё. Ждать нас никто не станет. И что характерно: финны добиваются высоких производственных показателей без Сталина, хотя 62% процента трудоспособного населения России сегодня искренне считают, что это невозможно;
- У них не принято воровать? Так и у нас, вопреки расхожему мнению, воровали не всегда. Я хорошо помню в семидесятые годы в карельской деревне моя бабушка, уходя из дома, ограничивалась тем, что приставляла к наружной стороне двери посох. Неприкосновенность жилья была гарантирована;
- Они не такие эмоциональные как мы? Да. Это уж точно. Огонька в нас больше. Например, в прошлом году органами внутренних дел города Петрозаводска был задержан молодой человек. Его арестовали только за то, что он призывал к взаимным чувствам свою несговорчивую Дульсинею. Последним аргументом к любимой была ручная осколочная граната оборонительного действия Ф-1 (зона поражения 200 м). Довела парня... Возмущённые жители были единодушны: «Вот, дура-то!»;

Финны. Россияне. Мы такие разные. И при этом в нас так много общего. Несмотря на различия в темпераменте, языке, истории, вере.

По приезду

Существует убеждение, что Европейский Союз и Скандинавия в частности, воспринимают сегодня Россию исключительно как источник. Источник сырья, новых территорий, рабочих рук.

Трудно однозначно оценивать такое повышение интереса к российскому рынку. Кто-то может расценить его как угрозу благополучию российских компаний, другие, напротив, увидят шанс для всей отрасли и для отдельных предприятий выйти на новый уровень. Впрочем, и тот, и другой исход будут во многом зависеть от того, насколько последовательно, расчётливо и скоординировано поведут себя российский бизнес и власть.

Наступает пора, когда Северо-Запад России и Север Европы должны искать пути к кооперации. На мой взгляд, российскому бизнесу пора обратить внимание на выработку стратегий присутствия на глобальных рынках, на совместных усилиях для укрепления отрасли, чем на ожесточённую конкуренцию между собой.

Следует только не упустить из виду одно обстоятельство:

Губерния Финляндии, где мы побывали, носит название «Северная Карелия». Данный термин, как административное образование, появился в Стране Суоми лишь в 2000 году, когда признаком дурного тона считалось не заявить о своих территориальных притязаниях к России.

Раз есть Карелия Северная, должна добавиться — для комплекта — и ещё какая-то. Зеркально, как раз через Государственную границу, находится эта возделенная половинка — субъект суверенной Российской Федерации — наша Карелия. И этот суверенитет одной дипломатией, уступками и торговлей не защитить. Соседский мальчишка, ученик третьего класса, рассказал анекдот:

А:

Поймали индейцы американца, француза, русского и немца. Говорят, исполним одно любое ваше желание и после этого изжарим на костре.

Американец попросил виски. Принесли. Он выпил. Его съели.

Француз потребовал любовницу. На утро поджарили и его.

Дошла очередь до русского.

— Проси чего хочешь... — радушно предложил вождь.

— Пните меня под задницу, только посильнее.

Индеец от всей души отвесил смачный пендаль, а русский из складок одежды достал хитрый автомат и всех индейцев скосил наповал.

Немец возмутился:

— Что же ты сразу не стрелял?

— У нас, у русских, так: нас не тронут, и мы никого не тронем.

А если предположить самое худшее...

Вдруг наберутся терпения и не будут трогать? Вдруг оставят, как крыс в бочке?!

Что если не будет место подвигу?

Германия Западная и Восточная: там никто никого не трогал, однако объединению не помешала ни стена, ни ракеты.

Корея Северная и Южная: очевидно, что объединение произойдёт, когда кончится запас гуманитарного риса в первой.

Карелия «Северная» и «Не»: покажет время.

Мы умеем группироваться в минуту опасности и «годину отчизны бедствий».

Способны выстоять. На себе вынести. Если нужно — жизнь Родине отдать.

Нам бы теперь научиться отдавать восемь часов работе.

На совесть.

И последнее: где-то нужно найти чиновника, который способен любить наших детей.

Срочно найти!

*

12.12.2005, Петрозаводск

Наука — управлять!

Прошедший 2005 год стал для российских оборонщиков переломным.

У этой важной отрасли появился свой руководитель. Статус его был поднят до Вице-премьера Правительства РФ. В очередной раз был увеличен объём Государственного оборонного заказа (ГОЗ). Да ещё и бюджет у России с профицитом: доходы существенно превышают запланированные расходы. Только за 9 месяцев 2005 года этот показатель составил 1 трлн. 162 млрд. рублей!

Редкое и удачное стечение обстоятельств.

Традиционно эти системные позитивные изменения завода «Авангард» не коснулись.

Уже к ноябрю программа ГОЗ 2005 г. коллективом нашего завода была перевыполнена. По настоятельной просьбе Заказчика, в лице Минобороны РФ противоминный корабль БТ пр.12650 для моряков Балтийского флота был сдан после докового ремонта на шесть месяцев раньше установленного государственным контрактом срока. При этом на 20 декабря 2005 года, т.е. за неделю до окончания финансового года, 50% выполненных и должным образом оформленных работ не были оплачены Главным финансово-экономическим управлением МО РФ.

Коллектив в течение всего года был вынужден компенсировать за счёт собственного фонда заработной платы недостающий объём финансирования. Люди работали на пределе своих возможностей, но справились с поставленной задачей, так как понимали, что трудности временные.

Однако в конце декабря возникла реальная угроза невыплаты оставшихся денег. Это могло привести к гибели старейшего оборонного предприятия России.

Только благодаря активной поддержке Департамента Советника Президента РФ по военно-технической политике и ОПК нашему заводу в оставшиеся пять дней до конца финансового года удалось положительно решить вопрос.

При оформлении платежей в Главном штабе ВМФ выяснилось, что наше предприятие далеко не единственное, оказавшееся в подобном положении. И вина в этом не сотрудников оборонного ведомства.

По информации высокопоставленного офицера: «Финансовый блок Правительства РФ с завистью воспринял должностной рост Министра обороны. Предпринимаются попытки, которые нельзя иначе расценить, как попытку дискредитации Сергея Иванова на посту руководителя ОПК России. На лицо — желание сфальсифицировать неполное освоение МО бюджетных средств, выделенных на 2005 год и отказать по этой причине в дополнительном финансировании на 2006 год».

По-человечески, по-житейски, эту ситуацию понять можно.

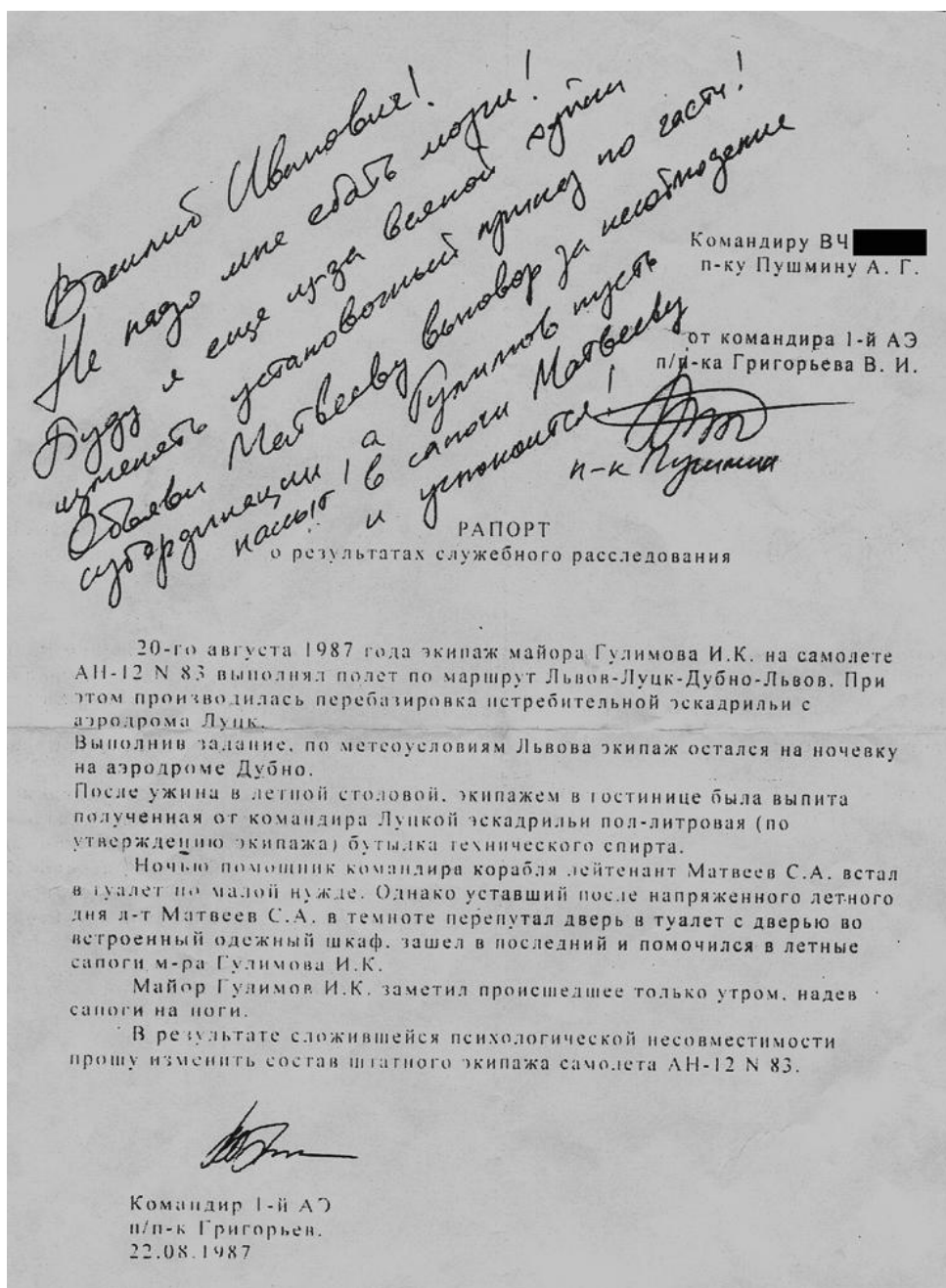
Жаль только, что ради естественного желания «подставить» ближнего своего, наши либералы готовы угробить целую оборонную отрасль.

Думаю, такими действиями своих подопечных был поставлен в щекотливую ситуацию и Верховный Главнокомандующий России: и с тем, и с другим руководителем связывает тесная дружба и совместная работа в одной команде; поддержишь одного — обидится другой; да и не правильно это, когда капризы мешают Делу.

Хочется дать свой совет Президенту. (Не зря же все мы родом из Страны Советов.)

Из наследия своих Старших товарищей, я (особый случай) предаю огласке военный документ. В нём раскрыт гениальный управленческий выход из схожей ситуации.

Лично меня мои наставники учили не идти на поводу необузданных прихотей своих подчинённых и не обострять конфликт, а поступать уклончиво:

Как святое писание, завет своих старших товарищей — служебный рапорт Василия Ивановича с визой руководства — заботливо оформлен в рамочку и вывешен в моей комнате отдыха на заводе.

В минуты сомнений и тревог, когда возникают непростые ситуации, связанные с управлением главными специалистами, я сверяю свои мысли с блестящим соломоновым решением полковника Пушмина. И правильный выход находится сам.

Я чувствую за собой поддержку Школы.

Помощь управленцев — от Бога! Высшую науку.

Науку — управлять!

*

21.01.06, Петрозаводск

Жив ли русский медведь?

Профессиональным охотникам хорошо известно: бурый медведь очень крепок на рану. Бывает, после убойного выстрела он уходит ещё на несколько километров в тайгу. Бывает, что идёт после роковой пули на охотника. А иногда, редко, но случается и такое — затаится после смертельного выстрела и ждёт. Ждёт приближения беспечного врага и уносит его жизнь вместе со своей.

Способен ли неподвижный медведь к ответной атаке — вопрос для охотника не праздный. Политиков боеготовность соседей интересуется не меньше.

США почти вернули себе ядерную монополию, которой они обладали в 40-х годах. Если Вашингтон нанесёт ядерный удар первым, то у России не будет шансов на ответ. Модель ядерного сдерживания больше не работает, считают эксперты журнала «Foreign Affairs». Они посчитали ядерные боеголовки, подлодки, ракетные пусковые установки, спутники оповещения в России и США и пришли к выводу, что США вернули себе позицию ядерного превосходства.

Они называют несколько причин столь радикального изменения в равновесии сил ядерных держав. Две главные: усовершенствование ядерных систем США, стремительная деградация российского арсенала.

По оценке авторов статьи: «По сравнению с СССР у России на 39% сократилось число стратегических бомбардировщиков, на 58% — межконтинентальных баллистических ракет и на 80% — число подводных лодок с баллистическими ракетами.

Основой российских СЯС являются наземные ракеты, СЯС США — ракеты на подлодках. С учётом списания ракет с истекающим сроком службы и при нынешних темпах закупок новых ракет «Тополь М» (не более 10 единиц в год) к 2015 году наземная группировка СЯС России составит порядка 150 ракет, а морская группировка не усилится».

Однако истинные масштабы распада российского арсенала куда значительнее, чем можно судить по этим цифрам, считают американские эксперты, так как даже те стратегические ядерные силы, которыми располагает сейчас Россия, едва ли боеспособны.

По мнению авторов статьи: «Российские военные целиком полагаются на наземные радары. Но такая сеть раннего обнаружения имеет пробелы на востоке России на побережье Тихого океана. В случае пуска ракет с подлодок, базирующихся в этом регионе, Кремль узнает об этом только, когда боеголовки сдетонируют». (Московский Комсомолец от 23.03.2006)

Прокомментировать ситуацию взялся генерал-полковник, вице-Президента Академии геополитических проблем Леонид Ивашов:

— На удивление, подходы нашей академии и мои личные на сей раз совпадают с американскими, что происходит довольно редко. Да, безусловно, сегодня американский ядерный потенциал имеет серьёзный приоритет. В чем он выражается?

Во-первых, в количестве боеголовок и носителей. И даже последние соглашения о сокращениях стратегических ядерных потенциалов, увы, не в нашу пользу. Мы свои боеголовки сокращаем вынужденно. Из-за того, что у нас не хватает финансовых средств их поддерживать. Они стареют морально и физически и выводятся из боевого состава. А новые головные части нам не из чего комплектовать, так как в 93-м году почти все запасы оружейного урана мы за бесценок продали США.

Во-вторых, американцы развёртывают систему ПРО с наращиванием возможностей по перехвату остающихся у нас ядерных боеголовок. Это ещё больше девальвирует наш ядерный потенциал и меняет соотношение в их пользу.

В-третьих, если наши боеголовки смогут достичь территории США, американцы не пойдут на ответный ядерный удар. В это безумие я не верю. Сегодня они ускоренно развивают высокоточные и дальнобойные системы обычных средств вооружений. То есть обезоружить наши боеголовки они смогут обычными средствами вооружения. Кроме того, ими будет включена система подавления — радиоэлектронный колпак. Они её уже применяли в Северо-Западном регионе, когда в присутствии Путина из трёх наших ракет ни одна не взлетела.

Публикация аналитиков американского журнала «Foreign Affairs» являет собой желание дотянуться до заветного трофея — русского мишки — и, не тратя попусту патронов, стеклом потрогать его: «Жив ли?»

Сильно ли они рискуют?

По-моему, нет. Всю основную работу за них, как и полагается на коммерческой охоте, сделали егеря из местных. Прикормленных. Поэтому свой карабин можно и не расчехлять.

Действительно ли самой страшной для России является внешняя угроза?

Конечно, нет.

Наш ОПК, наша армия и наш флот как всегда за ценой не постоят.

И одержат победу!

Лишь бы к моменту «Ч» их не ликвидировали «свои»...

Вопрос о «тихом» уничтожении оборонных предприятий и организаций путём заказного банкротства обсуждался в конце февраля в Правительстве РФ.

Как заявил Министр обороны РФ Сергей Иванов, «процесс банкротства предприятий и организаций, исполняющих государственный оборонный заказ, приобретает массовый и не всегда управляемый со стороны государства характер». По его словам, «использование банкротства в интересах недобросовестных кредиторов приводит к утрате контроля над стратегически важными отраслями, снижению мобилизационного потенциала экономики, ослаблению контроля за сохранностью сведений, составляющих государственную и коммерческую тайны». («Российская газета», 1 марта 2006 г., Николай Пенкин)

Кроме того по-прежнему «Деньги гособоронзаказа не доходят до предприятий» («Независимое военное обозрение», 18 ноября 2005 г., Дмитрий Безделов):

«Состояние финансирования ГОЗ на обследованных предприятиях в течение первого полугодия 2005 года можно охарактеризовать как недостаточное и неравномерное. Фактически за это время поступило лишь 26% средств от запланированного объема... В судостроительной промышленности за это время выплачено менее трети».

В ходу байка о том, что якобы Министерство обороны не осваивает выделенные средства и именно поэтому Минфин РФ финансирует его ниже заявленных цифр.

Не буду говорить за все предприятия, скажу только за своё:

По данным на 27 марта, т.е. за четыре дня до окончания первого квартала, завод не получил ни копейки, хотя работы по заказу военных выполняются в строгом соответствии с графиком.

Но завод жив.

И мы не брошены один на один решать государственные задачи в сфере обороны.

Это самое главное!

Не всё можно и нужно говорить, когда речь заходит о Национальной обороне, но со временем всё тайное становится явным.

По недавнему признанию директора ФСБ РФ Николая Патрушева, именно его подчиненным в прошлом году удалось предотвратить искусственное банкротство ОАО «Судостроительного завода «Авангард» (г. Петрозаводск) — Стратегического предприятия России, единственного завода в стране, способного обеспечить строительство и ремонт противоминных тральщиков проекта 12650, обеспечивающих развёртывание стратегических ядерных сил морского базирования. (ИТАР-ТАСС по результатам традиционной встречи директора ФСБ с руководителями ведущих СМИ).

Подводя итоги работы за 2005 год, глава Федеральной службы по государственному оборонному заказу Андрей Бельянинов в январе этого года, в качестве главных результатов

работы своего влиятельного ведомства, также указал сохранение производственного потенциала «Авангарда». («Госзаказ без «липы», 19 Января 2006 г., «Красная звезда»).

И ещё.

Начались системные преобразования в сфере управления ОПК.

20 марта Президент России Владимир Путин подписал указ «О Военно-промышленной комиссии (ВПК) при Правительстве Российской Федерации».

«ВПК образована в целях реализации государственной политики по военно-промышленным вопросам, а также военно-технического обеспечения обороны страны, правоохранительной деятельности и безопасности государства», — говорится в сообщении прес-службы Президента РФ, поступившем в «Интерфакс-АВН» в понедельник 20 марта.

Председателем Военно-промышленной комиссии при Правительстве РФ утвержден Заместитель председателя правительства РФ — Министр обороны Российской Федерации Сергей Иванов.

«Решения ВПК, принятые в пределах ее компетенции, обязательны для исполнения федеральными органами исполнительной власти», — говорится в Указе Президента РФ.

Следовательно, рано делить шкуру русского медведя!

Ни с чем остались егеря.

А заодно с ними, и Заказчик.

*

04.04.2006, Петрозаводск

Где находится выключатель у русского «Чудо-оружия»?

Китайцы изобрели порох.

Американцы высадили на Луну человека.

Россияне первыми открыли возможность банкротства собственных оборонных заводов. (Говорят, что это и есть то самое русское «Чудо-оружие», по своей разрушительной силе не имеющее аналогов в мире.) В процессе его эксплуатации выявилась одна конструктивная недоработка: никто не знает, как теперь выключить эту адскую машину.

25 и 26 апреля в г. Москва состоится Всероссийская научно-практическая конференция «Предупреждение банкротства стратегических предприятий и организаций: практика и проблемы», где и будет предпринята очередная попытка найти ответ на этот вопрос.

О банкротстве стратегических предприятий России я знаю не понаслышке.

Учёные уже...

Начиная с 2003 года, завод «Авангард» с завидным упорством пытаются обанкротить. Приглянулась наша заводская котельная, переведенная на природный газ.

Одним словом — дело житейское.

Пока нам удается выкручиваться. Как в старом анекдоте:

А:

Комендант лагеря зачитывает разрядку:

— Номер 367 — в крематорий!

— Опять в крематорий...

Мониторинг

Традиционно российская школа изобретательства отличается от западной.

Никаких излишеств. Дёшево и сердито. Пуля — дура, штык — молодец!

В качестве программного обеспечения в новой разработке применяется банальная считалочка про десять негритят.

О последствиях правоприменительной практики можно судить по скупым, как фронтовые сводки, обрывочным заявлениям официальных лиц.

Генеральный директор Московского института теплотехники Юрий Соломонов жалуется: «Уже утрачено более 200 технологий. Сырьё для изготовления отдельных компонентов ракет не производится в России».

Ю.Соломонов подчеркнул, что сохраняется опасность утраты и других технологий. Так, по его словам, в РФ осталось около 100 килограммов угольной ткани для производства конструкций ракет. Этого хватит на изготовление половины одного элемента ракеты, а таких элементов в каждой ракете порядка десяти.

Он также отметил, что практически не осталось оборудования для производства сырья, которое используется в изготовлении ракет. Единственная установка по производству панволокна осталась на предприятии «Саратоворгсинтез». Причем она была произведена в 60-х годах и более 10 лет не находилась в эксплуатации. «Все остальное распродано», — сказал Ю.Соломонов. По его словам, с органоволокном, которое используется при производстве силовых установок, ситуация та же самая. (Журнал «Defense express», 29.10.2004).

И Министр обороны Сергей Иванов выразил обеспокоенность тем, что, несмотря на меры, принимаемые Правительством, улучшить финансовое состояние и предотвратить банкротство предприятий удастся не всегда. (Российская газета, 1 марта 2006 г., Николай Пенкин)

В этих заявлениях, помимо обеспокоенности, сквозит искреннее изумление.

И это понятно.

Если бы информация о реальном положении дел в российском ОПК поступала ответственным лицам своевременно, можно было бы предпринять адекватные контр-меры.

Мы обогнали всех по числу контролируемых организаций на душу населения. Однако качество мониторинга за состоянием оборонных предприятий, за отрасль в целом, позволяет оценить ситуацию лишь с запозданием.

А:

— *Что, Боря умер?*

— *Да, ещё вчера.*

— *То-то я смотрю, он в гробу лежит!*

Налоги

Неоднократно отмечалось, что налоговые органы в отношении отечественной оборонки проводят недружественную политику.

Это и объём текущих платежей, и неподъёмный груз просроченной задолженности, и штрафы, и пени, которые без остановки продолжают начисляться.

Если так пойдёт дальше — «оборонке» конец.

Так может уже сейчас, вместо того, чтобы увеличивать налоговый пресс на ОПК, ослабить его? Изменить в отношении этой категории «хозяйствующих субъектов» враждебную налоговую политику на протекционистскую? Списать предприятиям, работающим на оборону государства, задолженность, возникшую по вине этого самого государства? Перестать начислять штрафы и пени?

Ведь не секрет, что в результате обвальных неплатежей именно государство, умышленно, подвело предприятия оборонного комплекса к долговой яме.

А:

Мужик едет в такси по горной дороге.

Внезапно машина срывается и летит в пропасть.

— Чёрт возьми! — кричит пассажир водителю. — Выключите хотя бы счётчик.

Загрузка

Залогом от банкротства для любого предприятия является устойчивое финансовое состояние. (Хочется ещё раз акцентировать эту мысль.)

Устойчивым оно не станет, если производственные мощности большинства предприятий оборонки России будут загружены на 15-20%.

По словам Вице-премьера — Министра обороны Сергея Иванова: «Низкий уровень загрузки "оборонки" не позволяет ее предприятиям развиваться в условиях рыночной экономики, ведет к участвующимся случаям применения практики их банкротств».

При этом 16 марта 2006 года, в Малом зале Государственной Думы РФ на парламентских слушаниях на тему «Законодательное обеспечение создания экономических условий обновления российского флота, развития судостроительной промышленности и поддержки судостроения в Российской Федерации» заместитель руководителя Федерального агентства по промышленности Андрей Дутов высказал мысль о том, что не стоит совмещать военное и гражданское судостроение на одном предприятии: «не будет синергетического эффекта».

В 1990 году у нас на заводе «Авангард» строилось одновременно 5 траулеров рефрижераторов проекта 12961 и только 3 военных корабля. Кроме этого ежегодно сдавались заказчикам десятки речных судов. Вот в таких условиях и люди шли на завод, и качество продукции было на высоком уровне, и производство развивалось. Хотя никто тогда синергетическим эффектом это не называл.

Нужно в комплексе посмотреть на проблему загрузки оборонных предприятий.
Нужен системный подход.

Нужно уже сегодня предоставить приоритетную возможность предприятиям оборонной отрасли участвовать в реализации и профильных гражданских заказов, и заказов для национальных проектов.

Ни сегодня так завтра мы вляпаемся в ВТО.

Зачистка, которая ожидает машиностроительные предприятия, может оказаться контрольной. Нужно найти мужество спасти не всех. Нужно, как в 41-м, эвакуировать хотя бы самую необходимую для страны промышленность в безопасное место.

ОПК, статус стратегического предприятия России — вот тот «заповедник», где можно будет шаг за шагом восстанавливать производство. Вот откуда начнётся возрождение российской тяжёлой промышленности.

Платежи

В этой сфере не нужны никакие открытия. Здесь требуется навести элементарный порядок.

Нельзя допустить, чтобы гособоронзаказ превратился в гособороноткат!

Тема настолько деликатная, что не сразу подберёшь слова. Поэтому получается как у того грузина, который не знает, как будет по-русски: «Помогите!!!». Он тонет и при этом взывает о помощи: «Э, друг, слющай, паслэдний раз купаюсь, обидно, да!»

Законотворчество

В процессе выработки новых законов, при внесении поправок в действующие нормативные акты, должна просматриваться логика.

Приведу только один пример, где она отсутствует.

Успех в решении задач, поставленных Верховным Главнокомандующим России по укреплению обороны, во многом зависит от позиции региональных и местных властей.

Федеральный закон «Об обороне» N 61-ФЗ (в редакции до 22.08.2004 N 122-ФЗ) в разделе III. «Функции органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области обороны» в статье 7 пункта 11 обязывал «органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления во взаимодействии с органами военного управления, в пределах своей компетенции, обеспечивать выполнение государственного оборонного заказа организациями в пределах своих территорий».

Исполнение оборонного заказа, может, и не являлось для местных чиновников задачей №1, зато у них можно было на полном основании поинтересоваться: знают ли они хотя бы, что такое «ГОЗ». И потребовать ответа.

«Либеральные» поправки были внесены 22.08.2004 г.

Действующий закон подобной задачи уже ни на региональные, ни на местные власти не возлагает. (Если у кого есть знакомые в секретариате Министерства Обороны РФ, подскажите им, что у них на сайте ещё до сих пор висит старый текст.)

Ответственность за судьбу оборонных предприятий должна лежать не только на столичных чиновниках. Тогда, например, из 15 оборонных предприятий Карелии чёрный список окончательно остановится на 14.

Нужно быть последовательным. И в законотворчестве в том числе.

Принятие всего комплекса мер не только сохранит стратегические предприятия России, но и спасёт нас от разлухи.

Хотя ещё Булгаков в своём знаменитом «Собачьем сердце» устами профессора Преображенского проповедовал:

— Что такое эта ваша разруха? Старуха с клюкой? Ведьма, которая выбила все стекла, потушила все лампы? Да ее вовсе и не существует. Что вы подразумеваете под этим словом? — яростно спросил Филипп Филиппович у несчастной картонной утки, висящей кверху ногами рядом с буфетом, и сам же ответил за нее. — Это вот что: если я, вместо того, чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха. Если я, входя в уборную, начну, извините за выражение, мочиться мимо унитаза и то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной начнется разруха. Следовательно, разруха не в клозетах, а в головах. Значит, когда эти баритоны кричат “бей разруху!” — я смеюсь. (Лицо Филиппа Филипповича перекошило так, что тупнутый открыл рот). Клянусь вам, мне смешно! Это означает, что каждый из них должен лупить себя по затылку! И вот, когда он вылупит из себя всякие галлюцинации и займется чисткой сараев — прямым своим делом, — разруха исчезнет сама собой.

Выключатель русского «Чудо-оружия», видно, тоже следует искать в головах.

Страны, которые до девяностых годов традиционно считались либеральнее России, даже не догадывались, что прагматизм товарно-денежных отношений может безраздельно хозяйничать в столь деликатной сфере как ОПК. К выведению «ястребков» на Западе заботливо-трепетное отношение. Сказку о том, что рынок всё отрегулирует сам, они читали только нашим руководителям.

В итоге череда заблуждений в сфере макроэкономики на начальном этапе реформ привела к тому, что твёрдая поступь российской оборонки стала больше смахивать на церебральную походку.

Прошли долгие годы, пока дошло:

- **Устойчивое финансовое положение предприятий российской оборонки — задача государственной важности;**
- **России нужен крепкий тыл. Только он исключает появление фронта.**

И вот ещё о чём я подумал:

Никакая логика не в силах объяснить, почему, несмотря на все «загогулины» наших руководителей, Россия жива.

Происхождение этого чуда — неземное. Здесь очевидно угадывается поддержка и забота Творца. Он и есть главная защита Руси.

Наша «крыша» — Небо голубое.

*

17.04.2006, Петрозаводск

Сергей Миронов и честное слово «Авангарда»

«— ...Я на скамейке сидел, а тут какие-то большие ребята подходят и говорят: «Хочешь играть в войну?» Я говорю: «Хочу». Стали играть, мне говорят: «Ты сержант». Один большой мальчик... он маршал был... он привел меня сюда и говорит: «Тут у нас пороховой склад — в этой будке. А ты будешь часовой... Стой здесь, пока я тебя не сменю». Я говорю: «Хорошо». А он говорит: Дай честное слово, что не уйдешь».

— Ну?

— Ну, я и сказал: «честное слово — не уйду».

— Ну и что?

— Ну и вот. Стою-стою, а они не идут».

Из рассказа Л.Пантелеева «Честное слово»

Руководству завода «Авангард» было, о чём рассказать и что показать Сергею Михайловичу.

В то время, как по данным оперативной информации Министерства промышленности и энергетики РФ рост общего объема промышленной продукции за 8 месяцев 2006 года составил лишь 104,5% к соответствующему периоду 2005 года, а объем производства в судостроительной промышленности России снизился на 4,5%, — на заводе «Авангард» наблюдается устойчивый рост объёма валовой продукции. Он составил за период январь-август 116,7% по отношению к аналогичному периоду прошлого года.

Растёт доля специалистов с высшим профильным образованием.

Из года в год увеличивается выработка на одного рабочего основного производства и одного работающего. Темп роста этих показателей за период с начала года составил 111,7% и 118,8% соответственно. На производстве наводится порядок. Постепенно исчезают черты, принесённые федеральной разрухой в роковые девяностые.

Сегодня для нашего коллектива день особый.

Труд людей замечен высшими должностными лицами страны. И по достоинству оценён. Лично Председатель Совета Федерации приехал на завод с рабочим визитом.

Почему к оборонному заводу «Авангард» привлечено внимание на самом высоком уровне?

Верховный Главнокомандующий России Президент Владимир Путин ставит задачу: «Обеспечить высокую боевую готовность стратегических ядерных сил страны».

А противоминные корабли, которые мы строим и ремонтируем, как раз и обеспечивают развёртывание ударной группировки сил флота — стратегических ядерных сил морского базирования.

Более того, само общество убеждено в необходимости укрепления обороны.

Напрасно утверждают злые языки, что у нас никто не занимается патриотическим воспитанием россиян. Это неправда! По своей инициативе эту тяжёлую ношу взвалила на свои плечи Америка: приближение баз НАТО к государственным границам России, заявление о том, что пора делиться Сибирью — всё это напрямую способствует росту национального самосознания.

Не зря по данным опроса, проведенного службой ФОМ в июне этого года, были получены следующие данные: 60% респондентов назвали повышение боеспособности армии главной задачей, стоящей перед Россией. С тем, что у государства есть более важные задачи, согласны только 25% респондентов. («Лента.ру»: 5 июня 2006, «Газета»).

Такой опытный политик, как Сергей Миронов, не может игнорировать настроение в обществе.

В настоящий момент в стране реализуются четыре Национальных проекта. Но грандиозные планы воплотятся в жизнь только в том случае, если на нашей земле будет мир. Если предварительно удастся реализовать Гипер-Национальный проект — «Укрепление обороноспособности Родины».

И эта задача уже не только для коллектива оборонного завода «Авангард».

Эта задача всенародная.

Задача всех партий и движений.

Специалисты и рабочие тепло встретили Сергея Миронова. Встреча проходила в форме ответов на вопросы:

- За период с 1939 года заводом «Авангард» построено более 2-х тысяч гражданских судов различных модификаций — рыболовные, грузовые, пассажирские суда.
Планируются ли сегодня меры по поддержке судостроения?

— Хорошо, что вы меня об этом спросили...

Россия была, есть и будет великой морской державой. Нам нужны современные корабли, не только военные, но и гражданские. Весь торговый флот у нас ходит под чужими флагами. Мы сейчас отдельно занимаемся этим вопросом: у нас ходить под российским флагом должно быть выгодно.

Парадокс, но в России нет ни одной федеральной структуры, которая бы координировала весь комплекс вопросов, связанных с судостроением. Существует подотдел в Министерстве обороны и в Министерстве промышленности и энергетики.

Нужна структура в правительстве, которая прямо отвечала бы за всё судостроение, военное и гражданское. Вот, что нужно.

Год назад мы создали временную комиссию по государственной морской политике. Возглавляет её бывший командующий Северным Флотом Вячеслав Алексеевич Попов. Сейчас принято принципиальное решение изменить статус комиссии с временной на постоянную. Это будет прообраз федеральной структуры.

Сердце кровью обливается, когда смотришь, что происходит с производственными мощностями. Но главное — кадры! Их можно «расфукать», как это происходит во время банкротства. Кто потом тральщики будет строить?

Моё убеждение: труд любого россиянина недооценивается. Оплата специалиста в России в 3-4 раза ниже. Это недопустимый факт!

Кругом всё импортное. А что, разве сами не можем сделать?

Сами можем сделать, и будем делать. Есть программа по Российскому судостроению. Наша позиция, чтобы она действительно работала четко и поэтапно выполнялась.

А что касается в целом оборонной промышленности...

Каждое оборонное предприятие — это как дитя у семи нянек. Ваш руководитель подтвердит: всё, что касается оборонного заказа, обращайтесь к Министерству обороны; вопросы налогообложения — это уже отдельно; землепользования — это, пожалуйста, к муниципальным властям; вопросы санитарной и противопожарной службы — это к республиканским чиновникам; электроэнергия — это Министерство энергетики; имущественный комплекс — Министерство госимущества.

И при этом у каждого ведомства свои интересы. Кому-то просто земля нужна здесь в Петрозаводске... Вот и подводят такие предприятия, как «Авангард», под банкротство. Я не думаю, что новые хозяева планируют восстановить производство. А то, что необходимо исполнить оборонный заказ, соблюсти при этом режим секретности, никто не учитывает.

Давайте создадим Федеральную структуру, которая займется оборонной промышленностью, чтобы не бегать вашему руководителю в 25 инстанций. Это совершенно логично. Один уполномоченный орган на Федеральном уровне, куда стекаются все вопросы оборонной отрасли, ответственный за то, чтобы люди могли нормально работать и делать продукцию, необходимую для страны.

До недавнего времени наше правительство, в лице Министерства экономического развития, не хотело даже слышать о таких понятиях, как «промышленная политика».

Они говорили: «Какая может быть промышленная политика в стране с рыночной экономикой? Его Величество Рынок всё расставит по своим местам своей невидимой рукой».

Я на это всегда отвечаю: пресловутая «рука рынка» за последние 15 лет очень хорошо пошарила в карманах наших граждан, а у некоторых похоже и в головах. Начитались учебников, непонятно каких, и пытаются всё из них перенести в нашу страну.

К счастью, об этом можно уже говорить в прошедшем времени.

Пытались. Особенно на протяжении 90-х годов.

И в этой связи, как Совет Федерации, мы ставим вопрос о внятной промышленной политике, и когда кто-то в правительстве не понимает, что такое «промышленная политика», объясняем: вот вы устанавливаете тарифы на электроэнергию, на газ, вводите пошлины на ввоз или вывоз продукции промышленности — это и есть промышленная политика.

Если мы хотим, чтобы у нас экономика была не сырьевая, давайте аккуратно обращаться с налоговыми льготами и тарифами, а не лишать себя конкурентных преимуществ.

- Вопрос командира дивизиона, капитана третьего ранга Цыганенко Дмитрия Николаевича: **«Каким образом получается так, что тендеры на выполнение Госзаказа по обеспечению Вооруженных сил продуктами питания и другими необходимым для жизнедеятельности товарами получают недобросовестные и неквалифицированные подрядчики. Как следствие этого — некачественная пища, которую даже крысы не едят».**

— Проблема в коррупции, в ржавчине, которая проела самые устои нашего государства, в безответственности чиновников. Происходят странные вещи: чиновники высокого ранга получают зарплату в несколько десятков тысяч рублей, а имеют особняк на Рублевке за 2 млн. доллара. На какие «шиши»?!

И самое интересное, что раньше всё оформляли на двадцатую тетушку, а сейчас на себя. Даже не стесняются. Чиновник считает, что ему посчастливилось, он прошел во власть и должен максимально устроить жизнь свою и своей родни.

Только сейчас, в связи с заменой руководства Генеральной прокуратуры, все прекращенные дела, где по 20 раз менялись следователи, возвращаются на стол. Назначаются новые следователи. Идёт полная работа. Для нас это — нормальный государственный подход, а для кого-то это будет чёрным сюрпризом. Надо поганой метлой выгонять тех, кто путает свои карманы с карманом государства.

И вот, отвечая на ваш вопрос о поставках в армию, — здесь происходит безумие. Тендер на государственный оборонный заказ, зачастую, выигрывает какое-то ООО, у которого стол и 2 стула. Потом оно «отпиливает», сколько ему надо, и ищет исполнителей: «За оставшиеся копейки сделайте мне красиво. А я сам перед государством отчитаюсь».

Бред полный!

Я всегда, в своей работе помогал и буду помогать нашей «оборонке».

На нашей «оборонке» всё и держится!

Думаю, уместно вспомнить исторический диалог графа Потёмкина с иностранными дипломатами. Они спросили: «Зачем России такой флот?» А Потёмкин ответил: «А затем, чтобы не спрашивали, зачем России такой флот!»

- На заводе находится недостроенный базовый тральщик проекта 12650 зав. №161. Техническая готовность его составляет 90% (установлено вооружение и т.д.). Заказчиком является Министерство обороны РФ. Работы по нему не ведутся с 1994 года в связи с прекращением финансирования. Однако в 2003 году бывшее руководство ВМФ РФ отказалось признать это военное имущество своим, хотя контракт оставался действующим. Все эти годы ОАО «Авангард» несет расходы по содержанию базового тральщика заводской №161.

Повторяя судьбу маленького отважного героя из рассказа Леонида Пантелеева, по приказу, полученному от старших товарищей в прошлом столетии, коллектив «Авангарда», самоотверженно стоит на боевом посту.

«Стоим-стоим, а они не идут».

Уже лет двенадцать...

Мы не можем нарушить свое Честное слово — на таких книжках воспитаны.

Когда на флотах катастрофически не хватает противоминных базовых тральщиков, Сергей Михайлович, нормально ли на Ваш взгляд, что в это самое время у нас простаивает «ничейный» боевой корабль?

— Конечно, не нормально.

Я был сейчас на причале, разговаривал с командиром базового тральщика.

Тральщики — нужные корабли. Они вроде бы не заметные, но без них весь наш могучий флот в своих портах будет заперт.

Почему сейчас Минобороны недооценивает значимость завода «Авангард»? Во-первых, — единственного предприятия в России, способного не только ремонтировать, но и строить новые тральщики, а во-вторых, — единственного оборонного предприятия в Республике Карелия.

Я обещаю рассмотреть данный вопрос в Москве.

Сейчас, когда в стране безраздельно властвуют прагматики, лично мне больше всего запомнилось заявление С.М.Миронова, о том, что «Россия только тогда станет процветающей страной, когда не размер кошелька станет главным мериллом человеческой ценности, а нравственность, мораль и высокая духовность». И для Православной России — это особый Знак!

На память Председателю Совета Федерации я вручил свой фотоснимок под названием «Родительский дом» с дарственной надписью:

«В служении Родительскому дому — наша мудрость!

В любви к Родительскому дому — источник наших духовных сил!

В преданности Родительскому дому — залог нашего Честного слова!»

Подарок гостю понравился.

Мы специально нашли для фотографии не просто подходящий по размеру подарочный пакет — пакет с новогодней символикой. А как иначе? Я искренне убеждён: дата 02 октября 2006 года не только для завода «Авангард» — для всей российской оборонки — послужит началом нового летоисчисления.

Оставляя запись в «Книге почётных гостей», Сергей Миронов поинтересовался у собравшихся в зале:

— Ну, что, так и писать: «С Новым годом?»

— Так и пишите!

И появились строчки:

«С новым годом — и на все лета — здоровья, счастья и процветания работникам судостроительного завода «Авангард». Спасибо за гостеприимство.

Сергей Миронов»

Свой вопрос Председателю Совета Федерации задал и я:

— Сергей Михайлович, что вы делаете 02 июня 2009 года?

— ??????

— Судостроительный завод «Авангард» будет отмечать своё 70-летие со дня образования. Будет ли у Вас возможность принять участие в торжествах в качестве почетного гостя?

Ответ был почти словами царя Салтана: «Если жив я только буду...»

Он тут же дал соответствующее распоряжение своему помощнику. И поскольку Сергею Михайловичу с командой повезло больше, чем сказочному герою, я убеждён — визит состоится.

Высокий гость уехал.

Снова началась повседневная работа. Перед сдачей Заказчику проходят швартовые и ходовые испытания два тральщика Северного и Балтийского флотов. Объем работы и для рабочих, и для специалистов большой. Вопросы ответственные.

А, кроме этого, руководство предприятия начинает подготовку к визиту Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина.

Ему тоже есть, что показать и о чём доложить.

*

02.10.2006, Петрозаводск

Если завтра война...

В Карелии прошёл Конкурс школьных сочинений среди учащихся 5-11 классов по теме: «У России три верных союзника — наша армия, наш флот и наш оборонно-промышленный комплекс». Акция была посвящена 63-й годовщине Победы нашей страны в Великой Отечественной войне. Конкурс проводился Министерством народного образования Карелии и администрацией оборонного завода «Авангард», включённого в Перечень стратегических предприятий Российской Федерации.

Церемония награждения победителей и призёров проходила на территории «Авангарда» 2 июня — в День рождения прославленного старейшего завода России. Ему исполнилось 69 лет.

Более ста пятидесяти работ поступило из школ Республики. Жюри отобрало 43 наиболее сильные работы и наградило ребят памятными подарками. Победителями в конкурсе стали: I место — Яковлев Виталий; II место — Заблочкая Ольга, Жарнова Лариса; III место — Царёв Тарас, Слепкова Серафима.

Как возникла идея провести такой конкурс? Зачем оборонному заводу школьные сочинения? Зачем втягивать детей в политику? О чём мечтали школьники России в конце 90-х и сейчас? Правы ли те, кто утверждает, что наша молодёжь стала хуже?

Обо всём по порядку...

Итак: «Зачем втягивать?..».

К помощи детей взрослые всегда обращаются в «тяжёлую годину испытаний и бедствий Отчизны», в дни отступлений и поражений. (В дни побед о маленьких героях вспоминать не принято...) История нашей страны и других держав подтверждают данную мысль.

Например, когда исход Второй мировой войны был для нашей страны непредсказуем, героизм детей был востребован в полной мере: они проявляли чудеса трудового героизма в тылу, заменив отцов, дедов у токарных станков и вытачивая снаряды; совершали подвиги на фронтах; были разведчиками и ходили в тыл к врагам; становились связными, ординарцами, «сыновьями» полка, выполняя приказ командиров под шквальным огнём. Наступил перелом в войне, Советский Союз стал одерживать одну победу за другой. Появилась возможность обойтись без юных защитников. Ребят отправили в тыл, в мирную жизнь, за парту Суворовского училища, вычеркнув подвиг юных героев из памяти...

Зато в это же самое время у немецких ребятишек времена наступили жаркие. Молодым бойцам из отрядов «Гитлерюгенд» вручали в торжественной обстановке фаустпатроны и отправляли на советские танки.

Дети всего мира защищают свою Родину, какой бы она ни была.

Защищают, как умеют.

Исключительно следуя традициям старших товарищей, мы и решили, что сейчас в истории нашей страны наступил момент, когда нужно вводить в действие последний резерв. Призвать в союзники юных патриотов.

Если вести отсчёт времени от Дня Победы, то российские достижения располагаются в сторону убывания в следующей последовательности:

- День Победы в ВОВ — 9 мая 1945 года;
- Первый спутник и полёт в космос Юрия Гагарина — 60-е годы;
- Удалось освободить от должности Секретаря Совета безопасности РФ — гражданина иностранного государства — конец 90-х;
- Удалось договориться об отсрочке приёма в НАТО Украины и Грузии на полгода — 2008 год.

Дальше отступать просто некуда.

Поэтому, ребята, видно, пришёл ваш час!
Честное слово — весомое дело.

Рябов Клим, ученик 6 класса:

«Человечество за всё время своего существования так и не смогло научиться жить в мире и согласии. Людям покорилась планета, постепенно осваиваются космос и океанские глубины. Не смогли мы пока только лишь совладать с собой. С животной агрессией, которая в течение тысячелетий охватывала и терзала целые народы, ввергая их в пучину войн и конфликтов. Только в последние десятилетия масштабы этой агрессии несколько снизились, но отнюдь не потому, что люди «поумнели». Слишком ещё свежи воспоминания последних представителей поколения Второй Мировой, от впечатляющих испытаний страшных видов оружия, способных погубить всё живое на Земле.

Исторически сложилось, что некоторые народы подвергаются нападкам со стороны агрессоров гораздо чаще других. Это объясняется как географическим положением, так и обилием природных ресурсов. Мы с Вами живём в одном из таких государств. Испокон веков Россия была лакомым куском для захватчиков с Запада и Востока. Их всегда привлекали плодородные почвы, обилие рек и озёр, леса, ресурсы и бескрайние просторы. За всё время существования нашей державы не было ни дня, ни минуты полного спокойствия и ощущения безопасности.

Однако, несмотря на огромное количество попыток захватить, растоптать Россию, она назло всем недругам стоит и процветает. Любое другое государство с другим по ментальности народом уже давно кануло бы в лету, но не Россия! Наполеон, находясь в последние годы своей жизни на острове Святой Елены, сказал одному британскому журналисту буквально следующее: «И упаси вас Бог когда-нибудь развязать войну против русских на их земле... Есть гораздо более простые способы самоубийства».

У России нет друзей, кроме своих армии и флота. Это правда. Особенно в условиях дней сегодняшних, когда в мире идёт самая яростная в истории борьба за природные богатства. Прикрываясь циничными лозунгами, некоторые государства всё ближе подводят к нашим границам бронированные армады, ракеты и самолёты. На все эти меры нужно грамотное противодействие.

Во время жесткого кризиса 90-х в стране оставались единицы по-прежнему действовавших предприятий по производству и обслуживанию военной техники. Они оставались в строю только благодаря умелым управленцам во главе и самоотверженным работникам, которые в трудную минуту не покинули предприятие. В моей республике из успешных предприятий существует только завод «Авангард». И сегодня, во время возрождения российского ВПК, он занял достойное место в системе обороноспособности страны, что является одним из ключей к успешному будущему.

*

Максим Смирнов 5 класс «Петровская школа»:

«Я не знаю, что такое война. О ней я только читал и смотрел кино. Про войну мне рассказывают папа и дедушка.

В нашей семье все служили в армии. И раньше все наши предки тоже были солдатами. Папа сказал, что фамилия у нас такая, военная. Армии нельзя без солдат, а стране без защиты. Если мы не сможем быть сильными, то враги опять смогут на нас напасть. Поэтому нам надо быть готовыми стать защитниками отечества.

Один мой дедушка служил в Германии, другой плавал на подводной лодке. Он служил на Северном флоте и ходил в дальние походы. Папа рассказал, что он плавал на Кубу, где защищал остров от американцев. Дедушка недавно умер. Он мне подарил настоящий морской кортик. На нём есть надпись: «Внуку Максиму от деда Анатолия».

Когда я был маленьким, то рисовал войну и самолёты. Эти рисунки есть в моём альбоме. Сейчас я рисую мало. Много задают в школе.

Я немного пишу стихи, вернее, пробую писать. Пока получается не очень. Про войну я специально написал. (Немного помог папа и чуть-чуть сестра).

*Атака, танки, свист снарядов,
Им трудно голову поднять.
Кругом враги, но взвод курсантов
Не хочет просто отступить.*

*Они строчат из автоматов,
И командир уже убит...
И как же хочется ребятам
Ещё немножечко пожить!*

*Они пройдут огонь и воду,
Наступит мир на всей земле.
Они вернули нам свободу —
Солдаты, павшие в войне.*

...Недавно я видел по телевизору поход наших кораблей по морям. Наши провели морские ученья и выполнили приказ адмирала. Особенно понравилось, как с кораблей взлетали самолёты и пускали ракеты. Несколько человек из нашего класса будут моряками. Это они написали в сочинении о будущем.

Я написал, как мог, стих о военных кораблях.

*В Онего парус поднимают
Лодки, яхты, катера
И флаг Андреевский встречают
Под крики дружные УРА!!!*

*Когда корабль с Онежской верфи
На курс выводят моряки,
В строю морском он будет первым,
Он «Авангард», он впереди!*

*И слава городу Петрову,
Что создаёт здесь корабли.
Они укажут всем дорогу —
Для флота тральщики нужны.*

9 мая по телевизору показывали парад на Красной площади. Особенно красиво прошли десантники и пограничники, а маме понравились моряки. Летали самолёты, шли танки и ракетные машины. Было много людей. Многие, особенно старые люди, плакали и радовались одновременно. Это они гордились нашей армией. Я тоже горжусь армией и флотом и тем, что живу в России. Мы самые сильные, но мы не собираемся нападать ни на кого. Армия нужна сильная, и все должны, чем могут ей помочь.

Ещё мне запомнилась наша победа по футболу и хоккею. Особенно хоккей. Наши забили важный гол и победили канадцев. Они пели гимн и радовались. Мы все тоже. Наш гимн самый лучший. Когда его поёшь, то по коже идут мурашки. Мама даже плакала от радости.

Я писал это сочинение очень долго. Почти три недели. Я вначале вообще не знал, что писать и с чего начать. Иногда я думал, что брошу и не буду участвовать. Но меня все дома поддерживали и напоминали. Даже друзья со двора приходили помочь. Я думаю, что когда-нибудь смогу написать книгу, и решил, что буду сочинять стихи дальше. Про войну и про мирную жизнь. Папа обещал помочь с потерявшейся рифмой».

*

Коровин Роман, ученик 1 «А» класса, МОУ «СОШ №39»:

«Война, смерть, подвиги, героизм...

Эти слова, наверное, тоже история, как и Великая Отечественная война. В то время люди были настоящими патриотами своей Родины. Они не жалели самого дорогого — своей жизни: шли на таран, бросались на амбразуру, сгорали в танке. Мы, дети, которым довелось жить в начале двадцать первого века, о войне знаем только из книг, из рассказов наших бабушек и дедушек, да из кинофильмов. А такие фильмы показывают всё реже и реже, только в День Победы. Для мальчишек нашего времени слово «война» чаще ассоциируется с компьютерными играми. Но на самом деле война есть и сейчас».

— Согласен с тобой, Роман. Ещё в начале 90-х умные и честные журналисты писали, что Третья Отечественная уже идёт ... Только народ этого не осознаёт.

*

**Тихонова Елена,
ученица 9 б класса, «Университетский лицей» г. Петрозаводска:**

«Часто ли мы задумываемся о том, почему за десятилетия, за века нашу страну не смог покорить, поставить на колени ни один иноземный захватчик? Нет? А стоило бы! И не только на уроках истории, лихорадочно пытаюсь найти ответ на вопрос, кто такой маршал Жуков. А ведь именно этот человек вёл советскую армию до победного конца в Великой Отечественной войне. И довёл ведь! Всем ветрам назло. А знаете почему? Потому, что знал, что победит. Знал и верил. Верил, что защищать свою Родину — святая обязанность человека.

Идти на смерть страшно. Никому не пожелаешь. А знаете, почему люди так бесстрашно воевали, не жалея жизни? Ведь им тоже хотелось жить! Растить детей, видеть, как они первый раз идут в школу. Встречать рассвет с любимым человеком. Заботиться о родителях. Но можно ли быть счастливым, живя рабом? И поэтому они выбрали другое счастье. Спасли свою Родину! Потому что священно любить свою страну — ВЕЛИКОЕ СЧАСТЬЕ! Ради него не страшно отдать самое дорогое, святое земное счастье — свою жизнь. Отдать, чтобы глядеть с небес, как твой любимый человек ведёт твоего ребёнка в школу. И как после школы малыши идёт на обед к твоим матери и отцу.

Разве жалко себя? «Нет!» — воскликнул солдат и ринулся в бой. Силу духа его не описать земными словами. И победил! Поднялся на купол рейхстага с красным флагом. Гору риса тоже венчает лишь одно маленькое зёрнышко».

*

**Талья Андрей, ученик 9 класса
МОУ «Чалнинской средней общеобразовательной школы»:**

«Ещё недавно попытки высмеять ратный подвиг во славу Отчизны находили поддержку среди молодежи. Но мы не дадим себя превратить в «Иванов, не помнящих родства». Мы не поддерживаем тех, кто пытается унижить человека в военной форме. Мы не с теми, кто хочет уничтожить оборонный комплекс страны. Мы под гитары поём не только песни о любви и тонированных автомобилях, но и песни об армии, о родной стране, о мужестве, о подвиге...»

*

**Кира Шиманчик,
ученица 8Б класса, МОУ «Эссойльская СОШ»:**

«Меня волнует одна проблема. Она заключается в отношении детей к армии. Дети (я имею в виду возраст где-то с 11-ти лет) обзывают, дразнят, выражаются нецензурными словами на демобилизованных из армии. Иногда можно наблюдать такую картину: идёт, например, десантник, ему навстречу несколько парнишек. И понеслась! Смысл этих обзывок заключён в том, что им не нравится форма солдата.

На сегодняшний день людей, «косящих» от армии, становится всё больше и больше. Они ищут возможные и невозможные пути, лишь бы не идти служить. Я считаю, ты — не настоящий мужчина, «не мужик» и не воин, если не был в армии. Пусть ты силен, умён, красив, добр. Следовательно, в нашей стране воинов становится всё меньше и меньше. Кто же будет защищать нашу державу? Женщины? Дети? Кто? Поэтому я не согласна с утверждением, что «любой мужчина — воин».

Но что меня особенно радует, это то, что теперь женщины рвутся Родину защищать. У нас получается как-то наоборот: мужчины не хотят служить, а женщинам, хоть хлеба не давай, дай идти служить! С одной стороны, это, конечно, не женское дело — в армии служить. Но в нашей стране есть такие женщины, что ого-го! И они, несомненно, гордость страны».

В прошлом году я присутствовал на проведении опроса в одной из школ СЗФО. Ученикам 10 — 11 классов был задан вопрос: «Объясните смысл выражения “промышленность”».

Результаты опроса, признаться, озадачили даже меня...

43% опрошенных заявили, что это «иностранное слово»;

19% затруднилось с ответом.

31% испытуемых сделали мужественную попытку ответить... Этой группе было предложено из готовых эпитетов составить словесный портрет «неизвестного понятия». В итоге, по их мнению, «промышленность» — это что-то «скорее мрачное, чем весёлое; скорее былинное, чем прозаическое; скорее упавшее, чем движущееся; скорее горькое, чем сладкое».

Лишь 7% испытуемых твёрдо заявили, что это фабрики и заводы. Что есть промышленность тяжёлая, лёгкая, пищевая и перерабатывающая. Ребята, поднатужившись, смогли даже привести примеры продукции нашей промышленности: «матрёшка», «автомобиль “Жигули”», «хлеб», «пиво “Арсенальное”», «саиновые трусы деда»...

Этих мальчишек и девчонок можно, конечно, укорять за такие знания, но во всём ли виноваты именно они?

Имеют ли они возможность услышать наяву заводской гудок, увидеть выходящий с конвейера современный отечественный автомобиль, заглянуть на этикетку любимой игрушки, кроссовок, телефона, компьютера... (список дополните самостоятельно) и не уткнуться носом в короткую, как приговор, надпись: «Made in China».

По этой же причине у нас в Карелии существует реальная опасность переименования столицы Республики — города, основанного ещё Петром I, — из Петрозаводска в Петромагазинск!!!

И такое положение с производством по всей стране...

Взять хотя бы судостроительную отрасль. Председатель Правительства Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, человек информированный, на днях привёл такой пример: «Только 6% судов строится российскими заказчиками на отечественных верфях». А «судостроение» — лишь одна из отраслей машиностроения, и в ней дела обстоят, по сравнению с рядом других, не так плохо...

Читая сочинения, присланные на наш конкурс, проведённый в рамках празднования Дня Победы, я искренне порадовался — карельские ребята хорошо знают, что такое «промышленность» и почему она нужна даже России...

Это хороший знак!

А ведь всего десять лет назад ситуация выглядела куда драматичнее. Председателя Правительства России называли «Миша 2%», было ощущение, что страну «пилят», и руководство «в доле». Тогда школьники в своём сочинении на тему «Что бы я сделал, если бы стал Председателем Правительства России» расходились в частности, в методах, тактике, но в стратегии и главной цели были едины. Все сочинения заканчивались одной фразой: «И хрен вы после этого меня найдёте!».

Итак: «**Нужен ли нашей стране ОПК?**» Вопрос, на который ряд федеральных руководителей в Москве огненных 90-х отвечали отрицательно.

Слово карельским ученикам:

**Волик Вера, ученица 9-а класса,
МОУ «Лахденпохская средняя общеобразовательная школа № 2»:**

«Без оборонно-промышленного комплекса армия и флот — не сила. Ибо, что за кавалерист без коня, танкист без танка? Вот и матрос без судна выглядит не убедительно».

*

Е. Перцева:

«Кто же наиболее верный союзник нашей страны? Сильные западные европейские страны или наиболее близкие соседи? А может быть, вообще те, кто живёт за океаном?»

Нет.

Наша армия, флот, оборонно-промышленный комплекс — вот наши самые верные, сильные и надёжные союзники.

А почему? Ведь можно заключить самый выгодный союз с сильными и развитыми странами, имеющими современные вооружённые силы. Но можем ли мы быть уверены в том, что не подведут, что не променяют нас на свои корыстные цели?

Нашу страну подводили многие монархи, политики, союзники... И этот список можно продолжить. А наша армия и флот не подводили никогда.

Да, некоторые сражения мы проиграли. Но когда речь шла о независимости страны, о судьбе народа, то наши солдаты не жалели своей жизни и побеждали.

Всё это так. Но если флот и армию не вооружить, лишить солдат, моряков оружия, продовольствия, амуниции, то самые храбрые и многочисленные войска окажутся легко уязвимыми на суше, в море, в тылу. Солдат должен быть сыт, одет, хорошо вооружён и знать, что государство о нём заботится. Тогда армия, флот будут не только верными союзниками, но и самыми могущественными. И для этого нужен развитый, современный оборонно-промышленный комплекс.

Эти три союзника — залог нашей безопасности, мощи и воинской славы. Чтобы укрепить их, нужно государству и всему обществу пересмотреть отношение к ним, сделать шаг навстречу, научиться чтить прошлое и заботиться о настоящем, ведь других таких верных союзников у нас не было и не будет».

*

Дарья Кондратенко:

«Силы каждой страны — армия и флот! Это те кулаки, которые защитят страну, и важно только, насколько они сильны. Эту силу как раз и придаёт оборонно-промышленный комплекс. Тыл и фронт не делимы.

Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд».

*

**Давыдов Тимофей,
ученик 6 «А» класса, МОУ «СОШ №38» г. Петрозаводска:**

«В начале второго тысячелетия нашей эры карельская земля становится форпостом Руси, а затем — господина Великого Новгорода на северо-западной границе. Это во многом определило её положение, заставляя оберегать свою и российскую территорию от угрозы иноземного порабощения. Трудолюбие карел, поднимающих хозяйство среди лесов и скал, и готовность к защите Родины — вот, пожалуй, главное, что определяет их характер, мужественный и стойкий.

Я горжусь героическим прошлым Карелии! История её связана с именем Петра I, по указу которого в устье реки Лососинки в 1703 году заложили чугуноплавильный пушечно-литейный завод.

Шла Северная война. Молодая Россия билась за выход к Балтийскому морю. Армии и флоту требовалось много оружия, снаряжения, «воинского припаса». На Петровском заводе варили чугун, отливали ядра и пушки, ковали тяжёлые якоря и звонкие шпаги, делали фузеи и мушкеты.

С постройкой Петровских заводов и основанием Олонецкой верфи военно-стратегическое значение Южной Карелии значительно возросло. А боевые действия шеститысячной армии под командованием воеводы П. М. Апраксина способствовали освобождению Приладожья от шведов.

Изучая историю Карелии той эпохи, я узнал, что герб города Петрозаводска утвердили на основе геральдического знака бывшей Олонецкой провинции. Он символизирует боевые и трудовые подвиги народа в период Северной войны: на верхнем поле изображена рука воина со щитом — символ порубежного положения края, на нижнем — четыре ядра, соединённые цепями, которые напоминают о главной продукции местных заводов.

Празднование Дня города, наверное, не случайно начинается с возложения цветов к Могиле Неизвестного Солдата. Здесь священное место Памяти об истории нашего края, о подвигах героев Карелии.

*Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война.
Ведь эта память — наша совесть,
Она, как сила, нам нужна, —*

писал поэт Ю. Воронов.

Прошло уже 63 года со дня Великой Победы над фашизмом, но та жестокая война не забыта.

Мы должны помнить трагические страницы нашей истории. Именно в самые жестокие её периоды наиболее ярко проявлялось единство нашей армии, флота и оборонно-промышленного комплекса».

*

Сима СЛЕПКОВА, ученица 6 «Г» класса, «Лицей № 40»:

«Во всем свете у России только два союзника: наша армия и наш флот. Все остальные при первой же возможности сами ополчатся против нас», — так говорил российский император Александр III.

Император глубоко знал военную историю, а потому эти слова родились не на пустом месте. Дело в том, что в предыдущие годы Россию часто использовали страны, считавшиеся союзниками. Например, благодаря российским войскам был побеждён Наполеон, но в конечном итоге укрепились Германия и Австро-Венгрия, с которыми впоследствии России пришлось воевать. По мнению императора, рассчитывать на традиционных европейских «союзников» России не приходилось.

Конечно же, к этим двум союзникам нужно добавить и третьего — оборонно-промышленный комплекс государства. Ещё Левша просил передать, что «в Англии ружья кирпичом не чистят». Боеготовность любой армии зависит от того, как она вооружена. Особенно это важно в нынешнее время, когда исходы войн часто решаются не только личным мужеством бойцов, но и тем, какое оружие имеет государство.

Наверное, для всех, кто живёт в Карелии, правота этих слов очевидна. Даже наш город Петрозаводск появился на свет именно благодаря необходимости производить оружие».

*

Работа выполнена ученицей 7 б класса МОУ «Гимназия №37»

Мустонен Ксенией:

«...Исторически армия и флот возникли в разное время под влиянием многих причин, выполняя главную задачу — защиту Отечества. А для эффективного выполнения этой задачи необходима поддержка мощного оборонно-промышленного комплекса. Недаром говорится, что у России три верных союзника: наша армия, наш флот и наш оборонно-промышленный комплекс. Слава нашей армии и флота с давних пор поддерживалась развитием науки и промышленности. Без крепкого военно-промышленного комплекса наша армия и флот могут остаться с бумажными кораблями и оловянными солдатиками».

Зачем оборонному заводу сочинения, литература? Зачем вообще нам культура?

Этот вопрос задают чаще всего, хотя, на мой взгляд, ответ на него прост. Действительно, о культуре вспоминают только в дни тревог, но её значение от этого не меркнет. Для меня очевидно одно: без песни «Священная война», без голоса Левитана, без плаката «Родина-мать зовёт» не было бы ни победы под Москвой, не было бы ни танка Т-34, ни «Катюши». А, значит, сейчас не было бы нас с вами.

Культура — это воздух, окружающая среда. Если она губительна, если телевизор транслирует «Поле чудес» — для отечественной промышленности, армии и флота это хуже напалма.

Культура — это стержень нации.

Её последний оплот.

**Долгачёв Евгений и Ковалев Антон,
кадеты 6 класса, «Карельский кадетский корпус»:**

«В истории города Петрозаводска несколько заводов, чья деятельность связана с обеспечением обороноспособности России.

Был в городе радиозавод. Теперь в его корпусах — коммерческие фирмы, крупные магазины. Ещё сложнее судьба у завода «Авангард».

Писать о нем, похоже, надо в жанре фэнтези: славный герой имеет мифологическую историю, о которой скорее догадываются, чем знают. У него есть союзники, есть друзья. В настоящем он борется с многочисленными могущественными и не очень врагами. Но как отличить друзей от врагов — непонятно. Герой побеждает, но окончательная ли это победа ни автору, ни читателю неизвестно».

*

**Жарнова Лариса,
ученица 5 «а» класса, МОУ «СОШ № 42» г. Петрозаводска:**

«Россия — самобытная, ни на кого не похожая страна, у неё свой путь, своё предназначение, своя судьба. Заимствуя у других народов какие-либо традиции, Россия всегда по-своему переосмысливала их, сохраняя свою культуру, свою неповторимость. Как у любой великой державы, у России всегда были недоброжелатели, мечтающие покорить её, заставить жить по чужим законам. Чаще это были открытые враги, пытавшиеся победить нашу страну силой оружия. Но, бывало, что враги прикидывались союзниками, и вместе с предлагаемой помощью старались навязать нам чужие идеи, заставить нас поступать во вред себе. Бывали в России лихие, смутные времена, периоды кризисов и отчаяния. Но она всегда с достоинством выходила из них, и, усвоив их уроки, начинала строить новую жизнь, восстанавливать былое величие.

Наша армия всегда была надёжной защитой и опорой нашей Родины. Русская армия не стремилась быть завоевательницей. Она не раз спасала не только свой народ, но и весь мир от

поработителей. В 19 веке Россия стеной встала перед армией Наполеона, а в 20 столетии — перед фашистской агрессией.

Вот как описывает чувства россиян во время Отечественной войны 1812 г. Фёдор Глинка:

*И всех, мне мнится, клятву внемлю
Забав и радостей не зная,
Доколе враг святую землю
Престанет кровью обгащать!
Там друг зовёт на битву друга,
Жена, рыдая, шлёт супруга,
И мать в бой — своих сынов!
Жених не мыслит о невесте,
И громче труб на поле чести
Зовёт к отечеству любовь.*

Второй наш союзник — Военно-морской флот — составная часть Вооружённых Сил РФ.

Каким мне представляется моряк? Несомненно, он не может быть трусливым, но это и не безответственный, хвастливый человек, пускающий всё на самотёк. Тот, кто связал свою судьбу с морем, должен быть храбрым, дающим себе отчёт в своих действиях, собранным, имеющим высоко развитое чувство долга.

На современном флоте сохранился крепкий характер моряков. Недаром в песне поётся: «Только смелым покоряются моря».

А ещё моряку нужны надёжные корабли. Их строят на таком заводе, как наш «Авангард». Я никогда не была на заводе, но вот как представляю себе его деятельность:

*Целый день кипит работа
У машин и у людей,
Лязгает, грохочет что-то...
Каждый здесь, как муравей
Трудится для пользы дела,
Знает толк в труде своём.
Здесь работа всех согрела,
Волшебство здесь есть во всём.
Скоро по морям, по рекам
Будут плавать корабли,
Сделанные человеком
Для защиты всей земли.*

Я думаю, что завод «Авангард» будет и дальше соответствовать своему названию и стоять в авангарде судостроительной промышленности страны, в том числе и оборонной. Будущее нашей Родины я вижу не менее грандиозным, чем её прошлое. Ведь все мы так сильно любим её.

Именно любовь к отечеству объединяет армию России и российский народ. Солдаты и командиры Вооружённых Сил РФ — часть народа, и цель у нас у всех общая — процветание страны и благополучие каждого её жителя.

В моей комнате на полке стоит фотография прадедушки Ермакова Алексея Владимировича. На фотокарточке изображён мирный летний среднерусский пейзаж: на переднем плане берёзовая рощица, вдали речка. На обороте записка: «Ермаковой Ларисе Васильевне от Алёшки с фронта. 8. 08. 44г. Здесь был жаркий бой. 5 августа хозяйство моё первым форсировало реку и выбило противника. От этих красивых берёзок я давал сигнал «в атаку» и сам на бревне переправился на другую сторону гнать врага. Будь здорова, береги детей. Люблю, крепко целую, твой Лёшка».

В мире есть много желающих любыми способами помешать возрождению нашей страны. Но, если кто-либо попытается осуществить это желание, к нам, как всегда, на помощь

обязательно придут три верных союзника: наша армия, наш флот и наш оборонно-промышленный комплекс».

*

Елена Фирова:

«Очень хочется, чтобы на земле был мир, чтобы мирным было небо, чтобы мирными были моря и океаны. А для этого необходимы «такие корабли на море, чтоб они могли с любой волной поспорить». И такие корабли будут, потому что есть в моем городе стратегический оборонный завод «Авангард».

*

**Бабарова Мила, Крюкова Алёна,
Ученицы 7 «Б» класса МОУ «СОШ № 45» города Петрозаводска:**

«Изо дня в день, из года в год завод «Авангард» развивается. Он становится крепче, и вместе с ним укрепляется наша страна. Хорошо, что существуют такие заводы. От них очень многое зависит. И «Авангард» — это только один из самых известных заводов. В России их множество. На них держится наша страна.

Это как большой дом из кубиков. Все разного цвета. Из одного кубика не построишь дом...»

*

**Руслан Гусаков,
ученик 7 «В» класса, «Средняя школа №38» г. Петрозаводска:**

«Сейчас я заканчиваю 7-й класс, и уже два года занимаюсь футболом в детской спортивной школе №6. У нас есть своя команда — она называется так же, как и наш судостроительный завод — «Авангард». Честно говоря, наша футбольная команда пока всем только проигрывает. Но тренер говорит, что нельзя сдаваться! Тренировки до седьмого пота, упорство и вера в себя — только так можно прийти к победе. А мама добавляет, что вообще-то в авангарде нужно быть не только в спорте, но и в учебе, и в труде, и в дружбе».

*

Филатова Галина, 7 класс:

«2 июня 2008 года ознаменовано важным событием — отмечается 69 лет со дня основания судостроительного завода «Авангард». Это событие знаменательно не только для военно-морской отрасли промышленности Российской Федерации, но и для всех жителей Республики Карелия, а значит, и для меня лично. Ведь это история моего родного края, история, связанная с судьбами моих земляков.

Рождение Петрозаводска тесно связано с именем Петра I, государя, одержимого стремлениями к преобразованиям. Борис Заболоцкий в книге «Капитан четырёх морей» повествует об истории становления северного кораблестроения: «Расторопный Меньшиков, назначенный илиссельбургским губернатором, всю зиму мотался по окрестностям Олонца, пока не обнаружил массивы сосны, годные для корабельного строительства. Уже в конце марта 1703 года был заложен фрегат «Штандарт» и несколько более мелких судов: гальон «Курьер», флейт «Вельком», пять буеров. Пётр I присутствовал при спуске. А потом весь остаток августа и сентябрь занимался тем, что водил свою маленькую эскадру по Ладожскому озеру, поджидая, пока шведские корабли, упрямо сторожившие устье Невы, уберутся восвояси, и можно будет выйти в Финский залив».

Историю карельских корабелов продолжает 1938 год, когда на южной окраине Петрозаводска, на берегу Онежского озера, началось строительство завода, а 2 июня 1939 года

было образовано самостоятельное машиностроительное предприятие «Северная точка». Эта дата является днём рождения завода со звучным и ёмким названием «Авангард».

Толковый словарь так трактует лексическое значение этого слова: «аван» в переводе с французского «вперед», «гарде» — стража. Авангард — лидирующий, передовой, передний. Передовая или головная охрана в армии. Начальник авангарда может иметь решающее влияние на ход событий, так как по его инициативе завязываются авангардные дела.

...Кризис девяностых годов я помню по рассказам моей мамы. Сложное время для всей страны, когда не работали предприятия, люди не получали заработной платы, старики не знали, как долго дожидаться получения мизерных пенсий, у молодых специалистов в школах случались голодные обмороки.

В нашем районе благополучно работали только локомотивное депо и лесопромышленный комплекс, для остальных жестокие понятия «банкротство», «безработица», «безысходность» были знакомы не понаслышке.

В такие моменты многое зависит от сплочённости коллектива, личности руководителя, его умений найти и принять необходимые решения.

В феврале этого года я присутствовала не встрече жителей города Суоярви с Председателем совета директоров судостроительного завода «Авангард» Александром Костюниным, известным в республике писателем, которая проходила в кинотеатре «Космос».

На сцену вышел большой, могучий, серьёзный человек. В моём представлении он ассоциировался с образом современного былинного богатыря, которому всё по плечу: и руководство производственным коллективом, владеющим уникальными технологиями кораблестроения, включённым в перечень стратегических предприятий Российской Федерации, признанным единственным исполнителем в стране по строительству и ремонту базовых тральщиков, и владение литературным талантом, дающим читателям свет и душевную теплоту.

Самые искренние поздравления в день рождения!

Пусть 21 век — век нанотехнологий — принесёт заводу «Авангард», руководству и труженикам предприятия долгожданный ветер добрых перемен, а в истории карельского кораблестроения появятся новые перспективы, позволяющие нам, молодым, возможность гордиться и продолжать славные традиции, а также дающие ещё большую уверенность в завтрашнем дне.

Пусть капризная Фортуна,
Дрожа надменною губой,
Склонится гордой головой
И скажет, глядя взором чистым:
Пусть путь не будет Ваш тернистым!
Во всём сопутствует удача!
Легко решаются задачи!
А мы Вам шлём большой привет,
Желаем счастья и побед!

*

**Заблоцкая Ольга,
ученица 9б класса, МОУ «Ледозерская СОШ Муезерского района»:**

«Вот и сложилась наша единая картинка: армия, флот и оборонно-промышленный комплекс.

Лично я на ней увидела свою Родину. Возможно, кто-то увидит там лишь сложную стратегическую систему или просто даже не станет над ней задумываться, такие люди, по моему мнению, не достойны жить в такой великой стране. «Нельзя любить географическую карту, но можно любить тропинку, родник ...» — писал Солоухин.

Как ни странно, именно из любви к своим родным и близким мы пытаемся защитить свою страну, создавая армию, флот и оборонно-промышленный комплекс. Мы

прежде всего думаем о спокойствии любимых нам людей. В прекрасные тёплые майские дни можно увидеть маленьких детей, с безумным интересом пускающих в ручьях и лужах кораблики. Разве это не флот? А они не работники оборонно-промышленного комплекса? Разве они в будущем не пойдут служить в российскую армию? И разве может быть такое, что с их словами не будет считаться глава правительства? И даже этот пока ещё бегающий по воде малыш может стать президентом. Всё зависит от самого человека и его стремления к достижению цели. Мы сами творим свою судьбу, направляем в нужное русло. Каждый из нас вносит частицу своего труда в общий котёл страны, тем самым строя и помогая великой русской державе.

Лично я хочу быть полезной обществу. А сейчас, задумываясь над проблемами страны и не находя решения, расстраиваюсь. Но я уверена, пройдут годы, и, уже отучившись, я смогу внести свой вклад в развитие экономики России — своей Родины, Великой Морской Державы».

*

**Виталий Яковлев,
ученик 11 «б» класса, «МСОШ №3» г. Медвежьгорска:**

«России всегда приходилось надеяться только на себя.

Россию не любят, не хотят её возвышения. Наша армия, наш флот, наша «оборонка» — всё это прежде всего люди, которые любят Россию, какой бы она ни была. Мой дедушка — Макаров Иван Григорьевич, проработал на заводе «Авангард» около пятидесяти лет, и ни разу не пожалел об этом, потому что осознавал свою ответственность перед Родиной. Он пришёл туда совсем мальчишкой и сразу проникся духом патриотизма, который чувствовался в каждом рабочем, в каждой традиции завода. Авангард являлся и является элементом оборонной промышленности России. Мой дед это отчётливо понимал, хотя был ещё совсем маленьким в годы ВОВ. После окончания войны он пришёл на завод, и хоть в то время не было серьёзных войн, он был готов в любое время встать к станку и работать сколько угодно, во имя своей страны.

Двенадцать лет назад Россия присоединилась к договору, который обязывал нас сообщать о всех передвижениях наших войск на нашей же территории. Естественно, страны, подписавшие его, так же как и Россия обязаны были выполнять его. В течение двенадцати лет Россия докладывала о всех передвижениях войск, ни разу не нарушила договор, но, что удивительно, наши союзники, не докладывая никому, проводили учения, перемещали воинские части в пределах своей страны и не только в ней. В декабре прошлого года Россия вышла из этого договора, дав всему миру понять, что не хочет в одностороннем порядке выполнять его. Нашим партнёрам это не понравилось, но правительству и лично Президенту Путину было всё равно, потому что они никогда не позволят манипулировать Россией. Этим примером я хочу показать, что никогда и никто не выполнял данные обязательства перед Россией. Все договоры, союзы, соглашения, пакты непременно нарушались или же не выполнялись должным образом. Я не устану повторять, что у России есть только три союзника, какие — я думаю, уже стало понятно.

Когда я писал это сочинение, мне в голову пришла мысль, а зачем нам нужны три этих союзника, почему бы просто не прекратить воевать и враждовать. Всем людям не забыть разногласия, противоречия во мнениях, и просто жить в мире и согласии. Конечно, такого никогда не случится. В современном мире ссоры между государствами с каждым днём только нарастают. Агрессивные США обостряют международную проблему — «восточный вопрос», увеличивают свои военные расходы, заставляя и Россию задуматься о собственной безопасности. Я думаю, что ни одна проблема не может решиться силой, необходим конструктивный диалог, взаимопонимание между лидерами держав, и если его нет, тогда может разгореться конфликт. Россия — великая страна, и что бы ни говорили другие люди, они останутся лишь только завистниками, потому что нет больше такой прекрасной и сильной страны, как наша. Я искренне горжусь тем, что живу в России, а не в другой стране... Ведь, что бы ни думал каждый россиянин, что бы он ни говорил, он навсегда останется патриотом своей страны.

И как можно говорить о каких-то внешних союзниках, когда в России живут такие люди, как мы с вами. «Бог любит троицу», «сплюнь три раза», «три союзника», тройка лошадей: это

число, несомненно, русское, это счастливое число, оно ассоциируется с Россией. Только хочется к этому списку добавить ещё победный дух, нашу волю к победе, нашу с вами любовь к своей Родине, мужество и силу русского народа, и не только русского, но и всех живущих народов на территории страны, потому что как только нашей Родине грозит опасность, они удивительным образом забывают личные неприязни и ссоры, и все вместе встают на защиту родной земли.

На каждом заводе, на каждом корабле, в каждой воинской части, служат и работают люди, которые работают на благо нас с вами, на то, чтобы мы спали спокойно и крепко. Я приближаюсь к одному из самых серьёзных моментов в своей жизни — службе в армии. Я несколько не боюсь туда идти, а даже хочу, хочу стать настоящим мужчиной, хочу, чтобы, когда мои дети будут спрашивать: «Папа, а ты служил в армии, защищал Родину?» — я бы с гордостью сказал — «Да». Вообще я хочу связать свою жизнь с военно-морским флотом, меня привлекает эта работа, дальние страны, разные люди и много всего интересного.

А в заключение своего сочинения я хотел бы сказать, что для меня победа не важна, я не стремлюсь стать призёром конкурса, я просто хочу на своём примере заверить людей, что есть и среди моего поколения толковые люди. Я хочу, чтобы все мы ещё раз задумались, насколько велико зло войны, как она страшна. То, что у России сильная армия, никто не сомневается, но зачем доказывать это кому-то силой, неужели нельзя решать спорные вопросы мирным путём? Ведь специально для этого создана Организация Объединённых Наций. Я хочу, чтобы люди, читающие мою работу, услышали крик моей души и сделали соответствующие выводы, задали себе вопросы: «Что для меня значит Россия? И что я значу для неё?»

Все эти школьные сочинения — как крик души.

Как Набат!

Думаю, он способен поднять на подвиг, на свершения. Способен сплотить всех россиян.

Мы непременно хотели узнать, что о России думает молодёжь, наши с вами дети. Можно ли рассчитывать на них, как в песне поётся: «Если завтра война, если завтра в поход?» Болит ли у них душа о том же, о чём и у нас? Готовы ли они встать перед лицом трудностей рядом со своими отцами, плечом к плечу? От того, какие мысли, чувства, мечты будут царить в умах наших детей — от этого напрямую зависят и свершения их. Зависит будущее нас всех.

Ответы на вопросы получены нами сполна... Несомненно, патриотические чувства, любовь к Родине, которой дышит каждая строчка этих сочинений, могут совершать настоящие чудеса.

Оказалось, не беда, если молодое поколение кидает лозунг: «Мы выбираем пэпси!» В конце концов — это дело вкуса. (Мне, например, больше нравится русский квас.) Страшно было бы другое, если на заморский напиток у наших девчонок и мальчишек возникло бы желание поменять всё, что у них есть, чохом. Наш гимн, наш флаг, нашу страну, нашу историю, наши мечты...

Итоги этого конкурса сочинений убедительно показали: традиции старины, победы дедов и отцов, история России, Родина бесконечно дороги нашим детям. А, значит, у трёх союзников великой державы есть кадровый резерв, незамутнённый живительный источник силы духа. С такими ребятами можно горы свернуть. Они до конца и сами не понимают, что творят в наших душах их простые, искренние слова.

«Молодёжь — это будущее!». Как бы ни затёрта была эта фраза, каким бы избитым штампом она ни казалась, частота употребления не может бросить тень на их высокий смысл.

Когда я сам был школьником, то искренне не понимал: «Зачем нам рассказывают о Великой Отечественной войне? Ведь это было так давно, аж 30! лет назад. Сейчас мы отметили 63-ю годовщину национального праздника, а его значение для нас год от года только растёт.

Используя космическую терминологию, День Победы в Великой Отечественной войне явился для нас апогеем. Недавно страна прошла свой перигей. Началось поступательное уверенное движение вверх. Выбор Сочи, как места проведения зимней Олимпиады, спортивные достижения последнего времени, победа на Евровидении — тому яркое свидетельство.

И ярким факелом, освещающим тернистый путь, служит именно отблеск Великой Победы, военный и трудовой героизм народа. К новым достижениям на производстве и в науке, в спорте и образовании нужно идти, поднимая на щит память об этом святом для всех россиян Дне.

Дне, святом для каждого, независимо от партий и верований, от возраста и пола.

Дне былого триумфа, консолидации, и одновременно всероссийской мечты о политическом реванше.

Дне возрождению веры в свои силы и обретения гордости за родную державу.

И ещё один вывод напрашивается по итогам конкурса: крайне важно, что нам удалось не растерять, сохранить и даже приумножить веру наших детей в нас, взрослых. От этого мы все делаемся сильнее, и нет для нас недостижимых вершин.

Цель обозначена «Россия — лидер 2020».

Вперёд!

15 июня 2008 года,

за неделю до годовщины начала Великой Отечественной войны

Член Союза писателей РФ,
и по своей основной работе

Председатель совета директоров стратегического предприятия России —
ОАО «Судостроительный завод «Авангард»,
Член экспертного совета по обороне при Председателе Совета Федерации ФС РФ

Александр Викторович Костюнин

*